Николай Ольков

Собрание сочинений

Том 4

Москва
«Российский писатель»
2018

УДК 821.35
ББК 84...
О 72

Николай Ольков. *Собрание сочинений в пяти томах.* Том 4. – М.: Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2018. – 454 с.
ISBN 978-5-91642-217-7

В некотором смысле роман «Дурдом» можно назвать гротесковым, но от этого он не воспринимается как менее правдивым. Да и чиновничий произвол, которому роман Николая Олькова посвящен, в реальной жизни всегда оказывается и изобретательнее, и непредсказуемее, чем любые наши самые смелые домыслы и фантазии. А поскольку человеку бороться с чиновниками в одиночку почти невозможно, со временем у героя романа появляется настоящая команда. И вот был выигран «первый тайм». А что дальше?..

Читатель, знакомый с творчеством талантливейшего сибирском писателя Ивана Ермакова, в значительной мере обогатившего и особременившего традицию бажовский сказа и создавшего десятки изумительных по языку книг, наверно, обратит внимание на то, что и Николай Ольков стремится доверять «местному материалу», оличающемуся не только особым языковым колоритом, но и своеобразием сюжетных рисунков.

Сограняя память о своем старшем товарище по писательскому цеху и литературном наставнике Иване Ермакове, Николай Ольков посвятил ему документально-художественное повествование «Дорога к храму».

ISBN 978-5-91642-217-7

© Ольков Н.М, 2018 г.
© «Российский писатель», 2018 г.

ДУРДОМ
Роман

Шмуль Меирович Бяллер, профессор медицинского института и одновременно заведующий неврологическим отделением областной больницы, пожилой, высокий и худой еврей с удивительно добрым лицом и ласковым разговором, очень любил по утрам просматривать свежую прессу и слушать новости. Когда-то это доставляло ему огромное удовольствие, он радовался успехам передовиков и лучших предприятий, находил знакомые имена, зачитывал супруге Анне Абрамовне самые любопытные заметки. Он успевал это делать, потому что с детства привык вставать очень рано, и теперь, когда можно дать себе послабление, он не в силах ничего изменить, потому что привычки выше человеческих желаний. Около часа делал гимнастику, которой научили его китайские коллеги во время годичной практики в этой замечательной стране. Шмуль искал и не находил там своих, наконец, спросил, есть ли в Шанхае евреи, и улыбчивые китайцы ответили, что, скорее всего, их тут нет. После гимнастики водные процедуры и завтрак, за которым он смотрел новости и слушал последние известия, а уже после быстро просматривал свежие газеты, которые Анна Абрамовна заранее покупала в киоске «Союзпечать».

После случившейся в Москве очередной вакханалии ничего не изменилось в утренней жизни профессора, но за газетами бегала уже домработница Фрося, а новости все больше пугали старого профессора. Только за последнее утро он узнал, что шахидка взорвала троллейбус с пассажирами, в жилом доме сработало неизвестного происхождения устройство и погибли люди, большой чиновник украл из бюджета такие деньги, на которые можно было бы обновить все оборудование его отделения и даже добавить зарплату медицинским сёстрам, перед которыми ему было крайне совестно. Но больше всего Шмуля Меировича возмутило, что его не посадили в тюрьму, не отобрали драгоценности и автомобили, а оставили в трёхэтажном коттедже под так называемым домашним арестом. Далее диктор сообщил об огромном провале проезжей части на главной улице их города, и в эту

яму успел упасть автомобиль, его сейчас вынимают. Газета пишет, что милиционер стрелял в людей прямо на улице, а офицер избил своего солдата. Молодая мать выбросила в мусорный контейнер ещё живого ребёнка. Банкир, обманувший своих вкладчиков, каким-то образом получил отсрочку выплат и остаётся депутатом областной думы. Добило его заявление губернатора, что в области сохраняется стабильность и растёт число людей, считающих себя счастливыми.

– Анна Абрамовна, Фрося, вы помогите мне что-нибудь понять! Что происходит? Мир вокруг нас сходит с ума! Мы живём в жутком окружении, у меня начинают появляться подозрения, что всё это весьма похоже на большой «Кошкин дом».

– Шмуль, я тебя умоляю, ничего не говори об этом в институте, – взмолилась Анна Абрамовна.

– Аннушка, об этом говорят все вокруг, даже студенты, – успокоил её супруг.

– И пусть. Шмуль, ты единственный еврей в профессуре, они сразу начнут с тебя.

– Успокойся, дорогая, эти разговоры никого не интересуют, власть считает: пусть говорят, что хотят, лишь бы ничего не предпринимали. Но я же не собираюсь взбираться на памятник бывшему вождю мирового пролетариата и пугать людей фашистами и опять же евреями.

Подобные разговоры затевались едва ли не каждое утро, но профессор Бяллер считал, что он должен быть в курсе событий, чтобы в случае необходимости не отмалчиваться в редкой полемике на кафедре, а аргументированно высказать своё мнение.

У Бяллера учился один из самых способных студентов мединститута Артём Белославцев, учился легко и с постоянным интересом, уже на первом курсе подошёл к куратору и попросил помощи:

– Я хочу получить право быть рядом с вами в клинике. Готов исполнять любые обязанности, и зарплата меня не интересует.

Бяллер улыбнулся, он так давно служил по медицинской части как со студентами, так и с больными в клинике, что уже через две-три встречи мог определённо сказать, кто из молодых станет рабом медицины, а кто сделает своими рабами тех несчастных, которые вынуждены будут у него лечиться. Он часто вспоминал шутку краснодипломной выпускницы, которая в ответной речи на выпускном вечере сказала ни больше, ни меньше: «Я всегда боялась врачей, и теперь стану бояться ещё больше, особенно своих однокурсников». Тогда ей сдуру дружно аплодировали, и только Бяллер напрягся: если

эта девчонка говорит такое, значит, врачей мы выпускаем плохих, неучей, для них клятва Гиппократа просто слова, которые надо было заучить, как латинское название расстройства мозжечка после сотрясения головного мозга с незначительным кровоизлиянием.

Этого парня приметил сразу, он не задавал вопросов, чтобы порисоваться перед преподавателем, быстро записывал основные положения его лекций, причём, от Шмуля Меировича не ускользнула такая особенность: студент писал не все подряд, а слушал и склонялся над тетрадкой, когда преподаватель выделял самое важное из получасового рассказа об особенностях нервной системы человека. И вот он пришёл сам.

– Зарплатой, молодой человек, разбрасываться не следует, всякий труд должен быть оплачен в соответствии с его количеством и качеством. Вы «Капитал» Маркса читали? Хотя – о чем я? Маркса сегодня изучают разве что в академии управления при президенте, и то по диагонали, судя по результатам реформ... Простите, молодой человек, отвлёкся. Итак, вы хотите в клинику. Кем же я вас могу оформить? Извините, только санитаркой, ну, точнее – санитаром. Но опасаюсь, что вас такой статус не устроит.

Студент кивнул:

– Устроит, спасибо, профессор, я могу сегодня в ночь выйти на работу?

Прошёл месяц, их ночные смены в неврологическом отделении совпали, после вечерних процедур и осмотров Бяллер пригласил санитара в кабинет. Белославцев пришёл через пять минут в свежем халате и накрахмаленном колпаке. Профессор попросил медсестру принести чай, горячий темно-вишнёвый напиток дополнили тарелки с сыром, колбасой, шоколадом.

– Врач должен хорошо и правильно питаться. Мой отец в войну по трое суток делал операции. Пока очередного раненого готовят, он уснёт прямо в операционной, в углу. Персонал менялся, а хирург был один. Питался, конечно, плохо, и вот, случилось. Положили на стол раненого, а ассистент шепчет на ушко: «Товарищ военврач, это полковник из СМЕРШа». Отец ответил: «Спасибо за информацию, но он устроен так же, как и все советские люди». Полковник тот умер на столе, у него весь живот был изрезан осколками, а самое опасное, что позвоночная артерия перебита в нескольких местах. Потеря крови огромна, а запасов нет. Сутки сливали кровь всего персонала, отец связал артерию, но чудес не бывает. Даже сегодня такая операция

относится к категории особо сложных. Полковник умер, фразу отца о том, что он устроен так же, как и все советские люди, посчитали крамолой, отца осудили трибуналом за вредительство и отправили в Сибирь. Какая глупость! Сколько людей он мог бы спасти, но – честь мундира! Кстати, отец работал в шахте, не в медпункте, мама собрала все побрякушки, нашла его лагерь, его отпустили на сутки. Что такое сутки для молодых людей, которые не виделись долгих пять лет! Удивительно, но они сумели за эту ночь сделать меня. Так что кушайте, молодой человек, кушайте.

Когда медсестра унесла посуду, Бяллер закурил сигару, чего никогда не делал в институте, никто и не знал, что он курит сигары, несколько раз затянулся и положил в пепельницу догорать:

– Молодой человек, хочу с вами говорить серьёзно. Вы по происхождению деревенский? Я так и понял. Нет-нет, ничего плохого, просто вы трудолюбивы, а такое чаще всего бывает в деревне. Хотя теперь, наверное, едва ли. Ну-с, я так понимаю, хотите стать настоящим врачом?

– Да, профессор, невропатологом, очень хотелось бы психиатром, но это недостижимо с моими материальными возможностями.

Профессор насторожился:

– Простите за бестактность, на что вы живете?

Артём помолчал, но отвечать надо:

– В армии попал к хорошему человеку, генерал в отставке попросил нашего командира выделить троих солдат дачу дочери построить. Мы там и жили. Генерал хорошие деньги нам заплатил, только просил командиру не говорить. А дочка его, ну, в общем, понравился я ей, встречались, просила остаться, а у меня родители в деревне. Расстались. Я написал ей, что в институт поступил, она мне каждый месяц немного высылает. Нет, профессор, вы не подумайте, я три раза возвращал, она потом к телефону вызвала, мне даже неловко стало. Конечно, от их достатка это мелочь, но я не хочу чужого.

Бяллер встал:

– Прекрасно, молодой человек, после первого курса я вам лично устрою экзамен в объёме обязанностей дежурной медсестры, сдадите – переведу на ставку. Простите, а к генеральской дочке не хочется вернуться? Соблазнительно, черт побери!

Артём покраснел:

– Она хорошая, только властная, привыкла у папы на глазах. А я деревенский, второй сорт, я ей только, простите за прямоту, только в постели и нравился. А почему деньгами помогает – сам не пойму.

Старый еврей профессор Бяллер так привязался к Белославцеву, что это замечал уже весь институт, работы Артёма получали первые места на окружных и республиканских студенческих конкурсах, после третьего курса Бяллер пробил для парня ставку в отделении, как-то витиевато назвав в документах должность. С его согласия и в его присутствии Белославцев вёл врачебный приём больных, удивляя старика каким-то животным чутьём: назначения на анализы и обследования он и сам бы такие же сделал, после получения всех результатов Артём осторожно записывал на листочке свои предложения по лечению и показывал профессору. Бяллер молча кивал, а потом выпытывал у студента, как он дошёл до таких выводов.

Наконец, диплом, Бяллер объявил, что забирает Белославцева в свою неврологию на ставку врача и, поклонившись в сторону ректора, добавил:

– Надеюсь, господа, что для Белославцева найдётся местечко в аспирантуре, все остальное я беру на себя.

***

Анна Ивановна Волоканцева была старожилом областной администрации, к пятидесяти годам обрела силу и властность, былая красота оформилась в монуметальность, она являлась в кабинет только такой: в строгом костюме, с высокой причёской, слегка подкрашенная и всегда невозмутимая. Третий губернатор пришёл, а она все оставалась на сложнейшем, как она считала и говорила, участке работы – заместитель губернатора по социальным вопросам. Вопросов действительно было много, но она, всю жизнь просидевшая в руководящих структурах и пришедшая на высокий пост с должности председателя комитета по культуре, вполне расчётливо перепоручила их решение руководителям подчинённых подразделений. Сама Анна Ивановна занималась стратегическими направлениями. Губернаторы ценили её хватку и работоспособность, потому за Волоканцевой прочно закрепился негласный статус «серой кардинальши».

Проехав однажды несколько сельских районов, она обратила внимание, что деревни практически выпали из жизни, во всяком случае, экономического интереса не представляют. Молодёжь бежит в город, где есть возможность найти хоть какую-то работу, несколько человек держатся подсобным хозяйством, старики выживают от пенсии до пенсии. И в то же время там есть школы, медпункты, учреждения культуры. Вернувшись из поездки, она запросила необходимую ста-

тистику и ужаснулась результатам своих подсчётов. Слишком дорого обходится каждый ученик неполной средней школы, слишком дорого содержание клуба и библиотеки, и зачем в маленькой деревеньке медпункт? На совещании руководители управлений и комитетов единодушно поддержали Волоканцеву, подтвердив, что сеть учреждений нуждается в совершенствовании и сокращении.

Анна Ивановна была хорошим аппаратчиком, она не высказала на совещании конкретных предложений и поручила подготовить расходы бюджетных средств на содержание социальной сферы в малых деревнях, для точности и надёжности постановки вопроса сделать это рекомендовалось по всем деревням, кроме центральных сел сельских администраций. Картина получилась удручающей: бюджетные затраты на каждого жителя вымирающей деревни втрое, а то и больше, превышали затраты на жителя центрального села. Анна Ивановна подсчитала, что если все привести в порядок, это даст приличную экономию бюджета. Она все подыскивала подходящее определение для этой довольно громкой, скандальной, но экономически эффективной акции, и не могла ни на чем остановиться: все формулировки были громоздки, не броски и не отражали сути перемен, их цели

Волоканцева хорошо понимала, что так называемая патриотическая оппозиция ухватится за проект и будет беспощадно критиковать власть, так было и так будет, никогда реформы не встречались аплодисментами, всегда есть жертвы, ну, помягче скажем – пострадавшие. Надо подготовить коммунистам и их приспешникам чёткие аргументы, в которых прописать прежде всего эффективность проекта, а потом перечислить дополнительные меры, которые власть предпримет для сохранения социальной защищённости населения малых деревень. Надо определить базовые средние школы, усилить их материальную основу, они получат дополнительный транспорт для доставки детей из деревень на занятия. Да, сложно, ребятишкам придётся вставать на час, а то и полтора раньше, зато качество знаний будет расти, квалификация преподавателей этих школ значительно выше. Если в центральные дома культуры дать микроавтобусы, они с успехом станут обслуживать жителей малых деревень. Транспортом сельской администрации можно два-три раза в неделю доставлять больных в сельский фельдшерский пункт и даже в районную больницу. Что ещё надо для нормальной жизни экономически неэффективного населения?

Волоканцевой решительно нравился этот проект, но она откладывала доклад губернатору. Все решилось во время очередной встре-

чи в сауне с Ниночкой Соколовой, которую она несколько лет назад сделала главным врачом областного туберкулёзного диспансера, чем очень удивила и коллектив, и районных фтизиатров, но Ниночка – хваткая девушка, она жёстко подмяла пыживших ся специалистов, громко сказав, что она пришла не палочки Коха или ещё чьи-то отыскивать, а руководить. Все поняли, что спорить нет смысла. Ниночка – врач, а фтизиатр, гинеколог или хирург – это особого значения не имеет, она умная девочка, к тому же очень своя, и когда Анне Ивановне трудно, она всегда выручит, приедет, вместе проведут вечер – сауна, коньяк, постель...

Выслушав Анну Ивановну и её сетования на невозможность дать проекту чёткое определение, Ниночка дёрнула плечиками:

– Какие проблемы, мамочка: оптимизация! Громкое слово, и по сути подходит, ты же нашла оптимальный вариант бюджетных затрат!

Волоканцева даже руками всплеснула:

– Ну, Нинуля, ну, молодец! И правда: оптимизация бюджетных затрат! Все, завтра иду к губернатору, то-то будет удивлён! Финансист, каждую копейку через очки рассматривает, а я ему сразу десятки миллионов экономии принесу! Давай ещё по рюмке за успех. Нинуля, радость моя, ты же знаешь, как я тебя люблю. Уверена, шеф поднимет мои полномочия, потерпи с годик, я тебя на департамент посажу.

Ниночка губку вздёрнула:

– Не пройдёт, мамуля, степень бы надо.

– О чем речь? Я себе заказала лет пять назад, принесли, кое-как название запомнила, три дня читала, чтобы хоть что-то понять, а защита в нашем универе. Я приехала, а там уж столы накрыты, ректор вприсядку бегает. Вот и все. И тебе так же изладим.

Программа оптимизации с восторгом была принята губернатором и утверждена областной думой, а Волоканцева получила новый титул – первый заместитель губернатора, и негласный: «серый кардинал Анна Иоановна».

***

Придя в отделение уже в статусе доктора, Артём заметил, что персонал с ним почти официален, предупредителен и внимателен. Вчерашние девчонки-медсестры при разговоре согласно кивали, а уходя, загадочно улыбались. Три из них, Галина, Марина и Настя, на то имели особое право, уже два года он уединялся с каждой из них на ночных дежурствах, и утро встречали на широком бяллеровском ди-

ване в его шикарном кабинете. Однажды Шмуль Меирович попросил Артёма задержаться:

– Простите, молодой человек, что вмешиваюсь, но таки имею право, потому что именно мой кабинет вы превратили в комнату свиданий. Каждое утро после вашего дежурства в моем кабинете ароматы разных духов. Нет, я не спрашиваю, откуда у вас ключи, которых я лично не давал, уповаю только на то, что дамы достаточно чистоплотны и всякий раз приносят свежее постельное. И как вы собираетесь работать в коллективе, все отношения в котором построены на сексуальной основе? Я очень терпелив, как всякий старый еврей, но сегодня на спинке моего кресла обнаружил бюстгальтер, насколько я понимаю в этом деле, он принадлежит Галине. Артём, есть две вещи, которые сломали очень много хороших врачей – это вино и бабы, часто они ходят в паре. Вы умный и очень перспективный, будьте аккуратны.

Артём выслушал учителя, опустив голову и наливаясь краской, когда разговор окончился, он кивнул и вышел. Стыд! Галина – замужняя женщина, а пришла в ординаторскую и разбудила. Марина очень хороша, но страсти в ней на троих, говорит, дважды выходила замуж и выгоняла мужей из-за низкой квалификации. Настя, кажется, действительно, влюблена, но Артём, начитавшись про нравы и обычаи древних славян, дал себе слово жениться на девушке. Увы, Настя таковой уже не была. И что теперь? Надо с каждой поговорить отдельно и искать приключений где-то на стороне, в той же студенческой общаге.

После планёрки медсестра Настя вошла в ординаторскую, Белославцев поднял голову:

– Есть вопросы, Анастасия Ивановна?

– Есть, Артём Антонович. С вами что случилось в последнее время? Вы не хотите больше со мной встречаться? Почему? Ты ведь знаешь, Артём, как я тебя люблю. Мне казалось, что и я тебе нравлюсь. И вдруг полная изоляция, в ночную не приезжаешь, в выходные не звонишь. Ты нашёл другую? Ну, скажи хоть что-нибудь, не молчи!

Артём знал, что такой разговор неизбежен, и был готов к нему:

– Ты, Настя, совершила ошибку не со мной, а с тем, кто был у тебя первым мужчиной. Вот тогда надо было думать о будущем, о любви, о вечном надо было думать. А мы с тобой весело проводили время, и только. Я тебе после первой же ночи сказал, что семьи у нас не будет, у меня другое понимание жены и женщины. Добавить к этому мне нечего. Не обижайся на меня, не заставляй меня искать для тебя работу в другом отделении. До свидания.

Через три года Бяллер отказался от должности заведующего отделением. Все понимали обдуманный ход старого лиса: его протеже Белославцев успешно защитился, дело в отделении поставлено с еврейской аккуратностью, так что назначение Артёма Антоновича все считали уже состоявшимся. Только не он сам. В аспирантуре он уловил особый аромат исследовательской работы, ему нравилось анализировать тома историй болезней уже умерших пациентов и сравнивать свои предположения с результатами патологоанатомических экспертиз. Все эти годы он старательно записывал все свои наблюдения, и теперь можно было их систематизировать. Он хотел уехать в Питер, в медицинскую академию для подготовки докторской, но, как только заявил об этом Бяллеру, профессор чуть не заплакал:

– Молодой человек, вы зачем мне не сказали это пять лет назад? Конечно, докторская нужна, и вы её получите, вам ведь нет и тридцати. Может быть, это тот случай, когда не надо спешить? Я так огорчён, но вы таки имеете право плюнуть на старого ворчливого еврея и поехать в свой Питер, в который моему деду въезд был категорически запрещён. Вы слышали о черте осёдлости? Да, извините. Тогда принимаем такое решение. Вы работаете в отделении, а я нахожу своих людей в Питере, не сомневайтесь, что они есть во всех медицинских академиях этого города. Вы с ними познакомитесь, и начнёте работу над докторской здесь, под моим наблюдением. Ответ прошу сразу: вы согласны? Да? Спасибо, мой дорогой, вы же знаете, как я к вам отношусь. Я познакомлю вас с нужными людьми уже через месяц, мне нельзя откладывать на слишком далеко, я, кажется, прокараулил одну болячку, так что не будем медлить.

На другой день новая табличка появилась на кабинете заведующего отделением.

Артём уже много лет не бывал в родном селе, потому что особо и ехать было не к кому, да и работа не отпускала: студенты отдыхать, а он на полторы ставки, чтобы на зиму заработать. Отпуск брал перед сессией, чтобы спокойно пробежать глазами чёткие записи лекций, спасал студента хороший, уверенный почерк. А тут приснилось ему, что идёт по деревенским улочкам, и ни одного знакомого лица, прут навстречу какие-то уроды, гнусавят, матерятся. Дошёл до кладбища, остановился в ста шагах: все те же сосны, все тот же крутой земляной вал. Он знал эту историю, в конце девятнадцатого века в селе построили церковь, епархиальное управление в средствах отказало, и сход постановил собирать деньги всем миром. Избрали сборщика, кузне-

цы привезли тяжёлый кованый сундук о трёх замках, для сборщика, для старосты церковного и для волостного старосты, чтобы только вместе могли открыть и взять нужную сумму. Печники указали залежи пригодной для кирпича глины, стали бить кирпич, печи для обжига сложили, готовый кирпич укладывали в штабели и укрывали соломой. Когда приехал дьякон из Тобольска и привёз проект церковный, весь мир собрался. Ходили вокруг раскрытых листов, вздыхали, не можно понять крестьянину, какая же церква будет из этих чертежей? Тогда дьяк повёл народ к амбарам купца Пшеничникова, и на тыльной стороне углём по беленой стене нарисовал храм. Толпа ахнула и пала на колени. Получалось, что церковь будет круглая, без колокольни, купол закроет молельню и алтарь, а над ним ещё один купол, высокий да широкий, в нем на толстом бревне колокола повесят. При входе часовенка, изба для паломников, рядом поповский дом. Записанная первым учителем церковно-приходской школы, эта история хранилась в сельсовете. Новый священник предложил обнести кладбище земляным валом, потому что скотина заходит, кресты ломает, гадит. Народ согласился. Неделю мужики рыли канаву и бросали землю на внутреннюю сторону, бабы тоже не отставали, в мешках и фартуках таскали глину на вершину вала. Плотники врата сделали баские, на обе половинки кресты православные закрепили. Тут же запись о закупке саженцев сосны, черёмухи и сирени, которые высаживали весной, со всех деревень прихода приехали люди, батюшка молебен отслужил, и весь день работал народ, соснами в два ряда обсадили вал, черёмуху с сиренью внутри вдоль дорожек, каждый у своих могил прикопал по былинке. И вот уж больше ста лет шумят сосны, весной, к Троице, сирень и черёмуха благоухают, слабые женщины даже угорали от этих запахов. Нигде не видел похожего кладбища Артём, да и старшие судили, что лучше нашего в округе нет.

Хоть и во сне, а душевное волнение охватило душу, поклонился кладбищу и вошёл в ворота. И что же? Нет могил, ни сирени, ни черёмухи, только те же уродливые незнакомые люди гундосят вокруг, хотя и внимания на пришельца не обращают, как будто не видят его. А могилы разрыты, только останки гнилых досок обозначают места бывших захоронений. И ни одного креста, как будто специально убраны, ведь должны быть кресты, они наверху, не могли сгнить бесследно. И тут Артём проснулся.

Посмотрел на светящийся циферблат больших напольных часов, купленных у старого своего больного Арсения Ипатьевича. Разгово-

рились в ночное дежурство о старине, дед и признался, что семейство их было одним из состоятельных в городе, только советская власть живо расправилась. А вот часы в то время были в ремонте у порядочного человека, тем и спаслись, и когда последний отпрыск старого рода вернулся с фронта, часовщик нашёл его и попросил забрать часы. Артём только третьему реставратору, осматривавшему инструмент, поверил, и не пожалел. Часы восстановили мелодичные звоны каждую четверть и половину часа, негромко, как бы где-то вдали, отбивали часы, а в полдень играли «Боже, царя храни!». Долго лежал, выходя из устойчивого видения, прошёл на кухню, выпил рюмку коньяка. «Странный сон! Надо поехать в деревню, стыдно, совсем забыл матерей своих и отца». Артём часто удивлял знакомых, когда в разговоре упоминал о двух мамах. Так оно и было, родная, Мария Ивановна, умерла, оставив его десятилетним, потом отец привёл чужую женщину, тоже Марию, только Никандровну, и сказал, что надо звать её мамой. Трудно далось мальчишке это родное и близкое слово, но не было на свете другой такой женщины, которая бы приняла чужого ребёнка как своего. Детей у неё не было, и материнское чувство проснулось к сорока годам. Став взрослым, уже перед армией, Артём спросил: «Мама, а почему ты меня ни разу кнутом не вытянула, ведь я пакостной был?». Никандровна засмеялась: «Другой раз и надо бы, да рука не поднималась. И от людей нельзя, скажут: чужой, вот и бьёт». Артём обнял её: «Как ты можешь так думать? Разве я тебе чужой, что ты, мама!». Перед армией парни становятся понимающими...

***

На плановом заседании коллегии департамента здравоохранения слушали доклад заведующего терапевтическим отделением областной больницы Белославцева. Поводом для столь серьёзного разговора стала жалоба доктора Самаркина, а по сути – смерть пациента в результате неверно поставленного диагноза. Старый томограф не показал инсульта, врач пришёл к стандартному заключению: зажим нервов в шейном отделе позвоночника, и назначил вытяжения. Лечение не помогало, но после каждого двухнедельного курса врач выписывал пациента «с незначительным улучшением». Когда больной оказался в отделении в третий раз, Белославцев потребовал от доктора Самаркина всю информацию, понял, что диагноз ошибочный, отправил пациента в клинику нефтяников, где современный томограф показал уже воспалённую гематому. Через неделю человека не стало.

С Самаркиным говорил один на один в кабинете:

– Вы десять лет в отделении. Насколько возможно, я проверил истории ваших больных, и это не первый случай летального исхода. Как вы могли забыть, что наша главная задача – правильно определить болезнь, поставить диагноз, а лечит потом средний персонал?! На вашей совести жизнь человека, вы знаете, что у него осталось трое детей? Вы встретились с женой, которая сознание потеряла, когда тело получали из морга? Вы не будете работать в отделении, пишите заявление и уходите.

Самаркин возмутился:

– Почему я должен уходить? Это элементарная ошибка, они в каждой профессии бывают.

Белославцев встал над столом:

– Бывают, но есть профессии, в которых ошибаются только один раз. Вы слышали о таких. Врач вообще не имеет права на ошибку. Я не буду с вами работать, но и уволить по нашему дурацкому законодательству тоже не могу, потому прошу: напишите заявление и уходите.

Самаркин встал и глядя в лицо Артёма, прошептал:

– Сказал, что не буду писать заявление, и не заставите. Закон на моей стороне. И в семьи умерших ходить я не обязан.

Белославцев плохо себя помнит, но орал он не только на все отделение:

– Вон! И чтоб духу твоего здесь не было!

Самаркин оформил очередной отпуск, написал жалобу в департамент. Там решили разобраться основательно. Три сотрудника департамента пролистали сотни историй болезней, по целому дню изучали компьютерные записи докторов, написали обширную справку без каких-либо выводов. Накануне Белославцеву позвонили из департамента, что на заседании возможно присутствие заместителя губернатора Волоканцевой. Артём лично с нею знаком не был, уверен, что и она о нем не слышала.

Начало заседания затянули на четверть часа – ждали Волоканцеву. Она извинилась, сославшись на неожиданных посетителей, и кто-то из готовивших начал читать справку. Волоканцева остановила:

– Зачем из пустого в порожнее? Господин Белославцев может и сам дать полную картину положения дел в отделении.

Артём говорил спокойно, но резко.

– Оснащение отделения значительно устарело, это приводит к врачебным ошибкам, не все их, к сожалению, удаётся вовремя заметить и исправить. Печально, но низка квалификация врачей, депар-

тамент не даёт мест для учёбы в приличных клиниках. Что такое неделя в Томской областной больнице? Да ничего, только галочка в отчёте. Знания сегодня дорого стоят, я не имею в виду диссертации, я говорю о знаниях, а их можно получить только в специализированных клиниках крупных городов или за границей.

– Артём Антонович, вы окончили нашу академию? – спросила Волоканцева.

– Да.

– И в то же время вы утверждаете, что квалификация врачей низкая, а сами стали кандидатом наук, известным специалистом, вас приглашают на конференции и симпозиумы, вы доклады делаете, их потом печатают ваши солидные журналы. Как-то не вяжется...

Артём сложил в папочку бумаги:

– Система подготовки врачей моего профили перестала работать после ухода из института выдающегося человека и врача Шмуля Меировича Бяллера. Я не могу себя с ним сравнивать, я мальчишка рядом с ним, но ведь и меня, ведущего, как вы сказали, невропатолога области, не допускают в аудиторию. Я не знаю, чего здесь больше – амбиций нового ректора или финансовых соображений. Но я вижу студентов на практике в отделении, простите, я бы прогнал, но не имею права. Могу назвать поимённо три-пять человек, которые хотят быть и будут врачами. Если я доживу до их выпуска, с удовольствием приглашу к себе. Все остальные не хотят знаний, они хотят дипломов. Ходят со скучными лицами, больных сторонятся, четвёртый курс – укол сделать не умеет, капельницу подключить боится.

После этого в течение получаса отмывали медакадемию, потихоньку опровергая доводы Белославцева. Потом директор департамента достал заявление Самаркина:

– Вам, Артём Антонович, надо в отделении вести себя поприличнее. Вот, Самаркин пишет, что вы на него кричали так, что слышно было по всему этажу.

Белославцев встал:

– Кричал я только в конце разговора, когда понял, что Самаркину наплевать, вылечится человек или умрёт после его лечения. Самаркин – это проекция большинства нынешних студентов. По закону уволить его я не могу, но и работать с ним не буду. Прошу: переведите его хоть с повышением куда-нибудь в другое место.

Волоканцева встала первой и из всех присутствующих за руку попрощалась только с Белославцевым.

***

Нину Николаевну пригласили на приём к первому заместителю губернатора. Волоканцева никогда лично не звонила и не приглашала, только через помощников, только официально. Соколова несколько минут посидела в приёмной, из кабинета вышла группа людей, её пригласили. Анна Ивановна поинтересовалась делами в тубдиспансере, спросила, нужна ли помощь. Нина вежливо отказалась, настороженно ожидая назначения вечерней встречи. Волоканцева взяла её за руку:

– Я так привязалась к тебе, Нина, что даже не представляю кого-то другого рядом. И в то же время не могу быть такой самолюбкой. Ты молода и красива, успешная карьера и ещё более уверенное будущее. Тебе надо создавать семью. Да, рядом нет достойного мужчины, все твои ровесники заняты, но есть один экземпляр: молод, красив, образован, при должности, но самое интересное – он тоже врач, и вполне возможно, ты его знаешь. Это Белославцев.

– Артюша? А ты его откуда знаешь?

Волоканцева рассказала о встрече в департаменте и о пламенной речи Белославцева.

– Я его знаю, точнее – знала, он из-за службы в армии пришёл в институт позднее, на курс или на два позже учился. Да, он уже тогда заявлял о себе. Бабник, каких свет не видел.

– Ты с ним тоже спала?

– Увы, нет, до этого не дошло, но он меня заметил, какое-то время встречались, даже целовались, но у меня тогда уже Соколов был. Да, Артём как-то, скорее всего, по спору, отшил моего курсанта, но и меня не перехватил, черт его знает, что ему надо было. Но я его давно не видела. Говоришь, красивый и холостой? Да так не бывает.

Анна Ивановна засмеялась:

– На твоё счастье – бывает. Ты раньше времени не светись, мы его оглушим. У меня день рождения скоро, ты приезжай, будет губернатор, он обещал вручить какой-тот орден. Пора тебя представлять. Если ты ему понравишься, считай, дело решено, предложу тебя на департамент, а Артюшу твоего посадим первым замом. Никуда не денется, влюбится и женится.

Нина вздохнула:

– Ты его плохо знаешь. На должность, возможно, и клюнет, а вот дальше...

– А дальше – все в наших руках. Я его так прижму, что бегом под венец побежит.

– Грехов у него нет, так что взять его не за что.

– У меня в УВД майоришка сидит, послушный, как флюгер. Он найдёт управу на Артюшу, если тот закобенится.

На очередной планёрке главный врач больницы Василий Викторович объявил, что назначен новый директор департамента, Нина Николаевна Соколова, прежний давно отстранён от должности, обвинён в растрате, нецелевом использовании и присвоении большой суммы денег, разговоры об этом шли давно.

– Виктор Иванович арестован? – спросил кто-то. Раздался жизнерадостный смех:

– Кто его арестует, он же памятник. От бывшего губернатора.

– За такие деньги никто не посадит. Вот у меня сестра-хозяйка умыкнула пять комплектов постельного – пожалуйста, суд и срок, шесть месяцев на зоне. А у меня за это время, пока с хозяйкой судились, ещё на пятнадцать тысяч унесли.

– Господа, я главного ещё не сказал. Директор департамента женщина, молодая и красивая, я присутствовал на представлении её коллективу. Она желает начать знакомство с вверенными ей учреждениями именно с нашей больницы. Потому прошу все посмотреть и проверить.

В коридоре продолжали обсуждать новость. Артёму фамилия нового директора ни о чем не говорила, но нашлись и достаточно осведомлённые:

– Эта дама под крылом нашей кураторши из правительства.

– Анны Иоановны?

– Да, дорогой, именно Анны Ивановны Волоканцевой.

– Ну, давай дальше. Где она до этого сидела?

– За городом, в тубдиспансере.

– Нихрена – взлёт, от палочки Коха до члена правительства области.

– Подожди, ты вроде даже не подкашливал, откуда про «тубик» знаешь?

– Типун тебе на энное место, чтобы не каркал. Просто слышал.

...Артём беззаботно катил тележку по супермаркету, складывая в неё все, что потребуется на неделю. Выбор его был особый, и всякий со стороны мог догадаться, что это отоваривается холостяк. На кассе рассчитался банковской картой, стал перекладывать продукты в пакеты и выронил батон колбасы. Стоящая рядом девушка быстро наклонилась и подала упаковку. Артём хотел поблагодарить, посмотрел на помощницу и растерялся. Такой красоты он никогда не видел, смутился, что-то буркнул и пошёл к машине. Девушка вышла следом

и направилась тротуаром. Артём почувствовал необъяснимое волнение: такая славная девчонка, совсем юная, роста небольшого, крепенькая, фигуристая, а лицо – славянка со старой картины: белолица, глаза большие голубые, губки пухленькие... Артём улыбнулся: что ты за мгновение мог рассмотреть, холостяк огрубевший?! Вот и придумал портрет. Поехал медленно вдоль тротуара, девушка сидела на скамейке и ела колбасу с булочкой, купленной в том же магазине. Артём вышел из машины, улыбнулся:

– Извините, я так и не поблагодарил вас в магазине. Спасибо. Вы, похоже, не городская жительница?

Девушка завернула колбасу и булочку, положила в простенькую сумку:

– Да, я из деревни. И что из того?

Артём смутился:

– Ничего, я сам деревенский.

Девушка засмеялась:

– Ох, и заливать вы молодец! Да я по вашим пакетам поняла, что городской, к тому же одинокий, богатый, судя по машине, и по жизни неловкий, раз жены с вами не живут. Вот, заметили глупую деревенскую, и колбасу бросили на пол, знали, что подниму.

Артём смеялся так заразительно, что и девушка улыбнулась.

– Меня зовут Артём, а вы... Полина? Очень редкое имя. Полина, я смеюсь потому, что удивлён вашей наблюдательности и оценкам. Удивлён, прежде всего, как специалист, я врач, невропатолог и психиатр, но даже я бы не смог выстроить такую цепочку выводов. Единственная ошибка – колбаса сама выпала из рук. И жены от меня не убегали, просто я никогда не женился.

Полина кивнула:

– Правильно, зачем жениться, если денег на карточке не меряно, машина, особняк шикарный, и девочки по магазинам ходят. Все, некогда мне с вами лясы точить, домой надо ехать.

Артём испугался, что девушка может уйти, и тогда уже не найти её никогда:

– Подождите, Поля, скажите, куда вам ехать?

Полина уже поднялась, отряхнула платьишко:

– Не очень далеко, барин, но и пешком не уйдёшь, если автобус упустишь.

Артём перегородил ей дорогу:

– Полина, выслушайте меня. Вы все неправильно понимаете. Не

отлавливаю я девушек ни в магазинах, ни на рынках. И какой я барин, я врач. Не уходите, побудьте со мной, я увезу вас, куда прикажите.

Полина недобро засмеялась:

– Показывают в кинокартинах, как вы девушек возите. «Врач я!». Я вижу, как наши врачи живут, такие машины не держат.

Артём вынул из кармана визитную карточку:

– Вам, Полиночка, надо в органах служить при вашей бдительности. Посмотрите, тут и мой скромный портрет, и должность, и телефоны.

Девушка глянула на визитку:

– Все равно это ничего не меняет, я на автовокзал, а вы – как хотите.

Артём понимал, что такой разговор ничем добрым не закончится, просто Полина уйдёт, сядет в автобус, догонять её там – значит, просто больше насторожить. Но он представить себе не мог, что сейчас она уйдёт, и навсегда.

– Поля, я вас хорошо понимаю, случайная встреча, такая настойчивость с моей стороны, для деревенской девушки все это странно. Вы сейчас уйдёте, обещаю, что не стану преследовать, но дайте хоть маленькую надежду, что мы ещё встретимся. Я очень прошу, возьмите визитку, скажите свой адрес или хотя бы телефон. Ну, научите, что мне сделать, чтобы вы поверили?

Полина повернула лицо и строго спросила:

– Во что я должна поверить? Во что?

Артём смутился, но понял, что надо сказать:

– Вы опять будете смеяться, но не знаю, как объяснить. Я увидел вас, и что-то дрогнуло в душе. Только не надо смеяться. Да, я не мальчик, но, правда, не был женат, работа, диссертация, потом солидное назначение и огромная ответственность. Все как-то не до личных проблем. Ладно, признаюсь во всем. Вы мне очень понравились. Скажите, как вас найти, и в воскресенье я смогу приезжать для встречи. Потом вы убедитесь, что я не такой плохой, каким вы меня тут охарактеризовали.

Девушка села на скамейку, молчала, время от времени смотрела визитку.

– Артём Антонович, у вас такой выбор в городе, столько девушек, красивых, нарядных, грамотных, не то, что я. Живу в селе в ста километрах от города. Школу нынче окончила, хотела поступить в медицинский, приняли, но только на платное, сейчас вот забрала документы – кто мне помогать будет, если отец с мамой не работают, живём своим хозяйством? Приеду домой, будем решать, как быть. Я ведь

не одна у родителей, рожали, сколько Бог давал, кто знал, что жизнь так переменится? Наверно, поеду в Томск, там сестра папы, муж умер, одна в квартире, найду какую-нибудь работу. Вам, учёному, культурному, богатому сложно понять, но у многих жизнь вот такая. Извините, у меня автобус через час.

Артём увидел спасительный выход, кажется, даже Полинины неприятности просто просились в помощники.

– Я вас только об одном попрошу: отдайте мне институтские документы, поверьте, я не последний человек в медакадемии, добьюсь, чтобы вас приняли на бюджетное место.

Девушка ещё не верила ему.

– Доставайте документы и садитесь в машину, а то на автобус точно опоздаете.

До автовокзала доехали быстро, Поля купила билет, Артём ждал на платформе:

– Телефон свой вы так и не дали, потому придётся звонить самой. Завтра после пятнадцати часов.

– У вас есть куда записать?

– Диктуйте, я сразу на телефон. Полина, а фамилия ваша?

– Ощепова.

Водитель подал сигнал. Полина села у окна и смотрела на Артёма через стекло почти в упор. «А глаза-то у неё точно голубые, как я заметить успел?». Автобус тронулся, Артём поднял руку, чтобы помахать, но тут же опустил, потому что увидел слезы в глазах этой маленькой милой девочки.

***

К внезапной проверке на уровне директора департамента областная больница готовилась три дня. На утренней пересмене Белославцев собрал весь штат, попросили приехать и тех, кто вне смены.

– Отделение наше в некотором смысле особенное, и больные есть непредсказуемые, потому попрошу каждую смену почаще заходить в палаты, не звонить друзьям со служебного телефона и не кричать, если связь плохая. Докторов прошу проследить за наличием минимума наших препаратов, а то вчера неожиданно кончился нозепам, утром я услышал от больных много интересного. И дело не в визите директора, она до нас может и не дойти, я говорю о повседневных наших делах. И, наконец, когда починят кран в мужском туалете для больных?

– Уже починили, Артём Антонович.

– Тогда вопросов нет. Все свободны.

Артём даже удивился, как легко идёт у него работа в последние дни, как хочется жить. Конечно, ему помогала Полина, помогало ощущение исполненного долга. Ещё вечером, проводив взглядом автобус, он поехал к Шмулю Меировичу, у которого бывал строго по пятницам вечером. Этот визит был необходим, профессор болел, от операции отказался, всегда лежал, но в пятницу к вечеру брился, надевал свежий тёплый халат и встречал своего ученика. Домработница Фрося удивилась внезапному приезду Артёма, доложила хозяину и провела в кабинет. Шмуль Меирович извинился, что принимает гостя в таком виде и настороженно спросил, что случилось, почему этот внезапный визит. Артём все рассказал учителю и попросил:

– Я попытаюсь решить этот вопрос сам, но хочу заручиться вашим обещанием вмешаться, если моих аргументов не хватит.

Профессор с улыбкой смотрел на Артёма:

– Да, батенька, и до вас дошло, что бяллеровский диван не лучшее место для решения семейных вопросов. Вас не смущает, что она очень молода? Что я говорю, когда это смущало мужчин? Конечно, красавица? Безусловно! Пытайтесь, в этом вопросе я не вижу ничего противозаконного и неприличного, девочке надо помочь. Пытайтесь, привыкайте, скоро старый еврей уже ничего не сможет. Вы знаете, Артём, моя жена умерла десять лет назад, не могу сказать, что был молод, но и не старик. Кстати, стариться можно, дряхлеть нельзя. Так вот, мои товарищи хотели меня женить, знакомили с прекрасными вдовами и разведёнками, конечно, из наших, но я видел перед собой Анну Абрамовну, и все теряло смысл. Фросю пригласила сама Анна, ей было тогда лет тридцать, через пять лет Анны не стало. Так вот, дорогой мой, никто так и не постигнет женской логики. Умирая, Анна сказала мне: «Шмуль, я знаю, ты не сумеешь привести в дом другую. Я говорила с Фросей: «Фрося, если ты не против, будь после моего ухода женой Шмуля Меировича. У нас нет детей, регистрироваться он не будет, но выдаст тебе на руки завещание на все, что мы имеем». Вы знаете, я так и сделал, Фрося чудесный человек, она очень ласкова со мной, заботится, как о ребёнке. Странно, не правда ли? Кстати, в завещании я указал и ваше имя. На одном конгрессе в Израиле мне подарили шикарный легковой автомобиль, он уже лет пять стоит в моем гараже. Нет-нет, у меня есть русский друг, автомеханик, он регулярно, в месяц раз, выезжает на машине и гоняет её целый день, говорит, что машине нужна разминка, как английской беговой

лошади. И ещё: надо продуть ей ноздри! Хлёсткое русское выражение! Давайте так: чтобы не тянуть время, я на пятницу, ведь вы приедете в пятницу? приглашу знакомого нотариуса, мы оформим документы, и вы сможете забрать подарок, не дожидаясь финала.

Артём стало до слез стыдно:

– Шмуль Меирович, вы и без того сделали для меня столько, сколько не всякий отец делает для своих сыновей. Тогда дом, теперь машина. А чем я вас смогу отблагодарить?

Бяллер вытер выскользнувшую слезу:

– Молодой человек, неприлично считаться между коллегами и друзьями, если я правильно понимаю наши отношения. Что дом, пустяк, он достался мне почти бесплатно. Еврейская семья долго не могла насмелиться уехать на землю обетованную, хотя какая, к чертям собачьим, родина? Родина там, где ты родился, где тебе было трудно. Впрочем, я не о том. Так вот, они делают рекламу – никто не идёт, у них уже билеты на руках – покупатель где-то задерживается. Я сразу имел виды на этот дом и сделал все, чтобы никто другой его не купил. Поверьте мне, молодой человек, для еврея это небольшой грех. Когда уже начали лопаться струны терпения, я пришёл и положил на стол ровно половину того, что они хотели. Вы бы видели, как они меня благодарили! Тогда я позвал вас, и мы оформили сделку. Да... А благодарность? Дорогой мой, лучшей наградой для меня будет ваш успех в медицине. Вы талантливы, и, как всякий незаурядный человек, обладаете кучей недостатков. Нет, я не имею в виду женщин, да и с каких пор это стало недостатком? Я говорю о натуре, характере, вы русский, потому прямой, как лом. Я вас не обидел? Вам не хватает еврейской способности маневрировать, уступать в малом ради большего. Впрочем, об этом мы ещё успеем. Да... А по девочке идите к ректору, Леонид Петрович должен вас понять. И сразу мне на телефон результат.

Хитрый старый еврей Бяллер сразу после отъезда Артёма позвонил ректору. Узнав коллегу, Леонид Петрович извинился, что давно не заглядывал, но вот в пятницу вечером непременно заедет на часок. Поинтересовался причиной звонка, может, в чем-то надо помочь?

– Помощь нужна не мне, любезный коллега, а нашему воспитаннику и гордости Белославцеву и его жене.

– Шмуль, когда он женился? – удивился ректор.

– Видимо, в самые ближайшие дни...

И Бяллер нарисовал такую картину знакомства своего ученика, с та-

кими придуманными деталями, как невинные поцелуи, благодарность Создателю за неожиданную встречу, решение немедленно пойти в загс и закатить в ресторане свадьбу, что оба старика умилились до слез.

– Понимаешь, Лёня, есть одно обстоятельство, которое мешает им быть абсолютно счастливыми, и его устранение в твоих руках.

– Говори, не терзай душу, я даже всплакнул.

– Девочка поступала в наш институт, набрала баллы, но только на платное обучение. Твоим буквоедам не хватило какой-то бумажки. Сейчас к тебе придёт Белославцев, уж ты будь добр...

Через полчаса Артём позвонил Полине и сказал, что она зачислена на бюджетной место.

– Поля, это надо отметить. Можно, я приеду в воскресенье?

Телефон молчал.

– Полюшка, ты меня слышишь?

– Слышу. Только дайте время, чтобы я родителей подготовила. Все это так вдруг...

***

Визит директора департамента здравоохранения в областную больницу начался с торжественного въезда на территорию кортежа из трёх автомобилей. Больные, наслышанные о великом событии, выпадали из окон. Двое вечно хмельных бойцов вневедомственной охраны вытянулись у своей будки и отдали честь. Машины встали у парадного входа, главный врач кинулся было к первой машине открыть дверь, но молодой человек ловко выскочил из второй, и роскошная дама в белоснежном костюме, ослепительно белых туфлях и столь же невинно белой шляпке встала на красную ковровую дорожку. Главный бросился к ней, чуть прогнувшись, коснулся протянутой руки и широким жестом предложил пройти в здание:

– Коллектив в актовом зале, Нина Николаевна.

Когда директор и её свита вошли в зал, врачи встали, она кивнула всем сразу и прошла за стол на сцене. Главный хотел было что-то сказать, но Нина Николаевна его остановила:

– Представлять меня не надо, давайте ближе к делу. Мне известно, что ваше учреждение является важнейшим в нашей системе, потому я хотела бы послушать...– она заглянула в подсунутый референтом список, – послушать заведующих отделениями: терапевтического, общей хирургии и неврологии. Потом я вместе с заведующими посмотрю несколько отделений. Пожалуйста, кто смелый?

Артём недоумевал, зачем эти пустые слова в полупустом зале, но отделение названо, надо идти. Он прошёл к маленькой трибуне, посмотрел в зал:

– Заведующий неврологическим отделением Белославцев Артём Антонович. Отделение большое, но врачебными ставками укомплектовано на уровне городского. На лечащего врача приходится до двадцати больных, это немыслимо. Но ставок не дают, ссылаются на нехватку средств. Не думаю, что это так, потому что производятся огромные неразумные траты, например, на косметический ремонт фасадов корпусов.

– Простите, Артём Антонович, но ведь внешний вид лечебного учреждения тоже благотворно влияет на пациентов, – улыбаясь, заметила Соколова.

– Да, но в самую последнюю очередь. Если больной умирает от неверного диагноза, а верный мы не могли поставить, потому что не имеем современных диагностических комплексов, думаю, ему все равно, как выглядит его последнее пристанище извне.

– Думаю, господин Белославцев несколько сгущает краски. Специалисты департамента считают, что оснащение областной больницы находится на приличном уровне.

– Простите, я бы очень хотел увидеть ваших так называемых специалистов в нашем отделении. Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны.

– Мы с вами вернёмся к этому вопросу. Подготовьте обоснованную заявку, попробуем что-нибудь сделать.

– Заявка готова, остаётся только виза главного врача. – Белославцев положил перед Соколовой несколько листов бумаги, она остановила его:

– Артём Антонович, сегодня после семнадцати приезжайте ко мне, обсудим, – и она широко и красиво улыбнулась.

Дальнейший ход обсуждения Артёму был неинтересен, но уйти нельзя. Он достал из портфеля историю болезни только что поступившего пациента, в этом году третий раз его привозят без сознания. Вопреки всем инструкциям новый заведующий отделением приказал при повторных диспансеризациях доставать из архива старые истории и продолжать вести всего одну, даже если пациент будет лечиться каждый год по два раза. Это давало возможность проследить всю динамику, увидеть положительные результаты и найти промахи. Читал, увлёкся, очнулся от громких слов главного, распустившего собрание и

объявившего порядок посещения отделений директором департамента. Он даже не удивился, что его отделение в перечне не значилось.

В вестибюле подошли знакомые доктора, Владимир, сокурсник и старый товарищ, а теперь врач в его отделении, взял под локоть:

– Артюха, она на тебя глаз положила. Точно, я заметил, несколько раз внимательно на тебя смотрела.

– Брось ерунду нести. Её, наверное, возмущало, что я читаю и не слушаю эти бредни.

– И в отделение не пошла, чем показала уровень доверия заведующему.

– Да, и на семнадцать пригласила. Артём, жми, говорят, она в разводе.

Артём улыбнулся: сказать бы им про Полину, но не хочется расточать внутреннее счастливое состояние. Ровно в пять вечера он был в приёмной. Женщина средних лет заглянула в список и подняла трубку:

– Нина Николаевна, доктор Белославцев. Хорошо. – Положила трубу: – Проходите.

Артём бывал в этом кабинете, но теперь тут было все по-иному: тёмно-серая офисная мебель, натяжной потолок, шикарный паркет, лёгкие портьеры. Соколова вышла изо стола, подала руку, предложила сесть за маленький столик у окна, сама села напротив. «Уже успела переодеться», – отметил Артём скромный серый костюм, словно именно под него подбирали кабинетный интерьер.

– Нравится? – спросила Соколова. Артём не понял, о чем она, и вопросительно посмотрел на женщину. – Я имею в виду кабинет, вы же противник новой эстетики, вот, полюбуйтесь.

Белославцев уловил признаки игры, но поддерживать не стал:

– Я человек деревенского воспитания, работа моя тоже не способствует совершенствованию интеллекта. – Ещё раз для приличия глянул на пол, стены, потолок. – Обои бесстыковые, если я правильно понял?

Соколова удивлённо вскинула брови:

– Откуда вам известны такие тонкости? Это новейшая немецкая технология, в городе ничего подобного нет, даже у губернатора.

– Не пугайтесь, Нина Николаевна, я где-то об этом читал.

Соколова встала, взяла со стола папку:

– Здесь один документ, который я должна согласовать с вами. Это приказ о назначении вас первым заместителем директора департамента. Что вы на это скажете?

Артём помолчал, новость не обрадовала и не огорчила его, надо что-то отвечать:

– Нина Николаевна, я обязан поблагодарить вас и отказаться.

Женщину эти слова шокировали:

– Вы отказываетесь от должности первого заместителя директора? Почему? Вы не хотите работать со мной? Я вам не нравлюсь, очевидно, не в вашем вкусе, о ваших увлечениях знает вся медицинская общественность. Но я вам предлагаю работу, очень важную должность и работу.

Белославцев понимал, что уже обидел женщину, надо поправлять положение:

– Видите ли, Нина Николаевна, я врач, учился этому, и продолжаю изучать объект сей науки, имя которому человек. Последние красивые слова не мои, они принадлежат моему учителю и другу Шмулю Меировичу Бяллеру. Если бы я сегодня принял ваше предложение, завтра учитель не подал бы мне руки. Я с благодарностью отказываюсь.

Соколова нервно бросила папку на стол и почти зло спросила:

– Вы хоть знаете, во сколько раз этот оклад выше вашего сегодняшнего?

Артём засмеялся:

– Вы ошибаетесь, Нина Николаевна, он не выше, он больше.

Соколова улыбнулась:

– Это все слова, за которыми ничего нет. Я не стану вас уговаривать, просто выскажу недоумение: почему вы не видите огромных возможностей влиять на развитие медицины в области? И вы отказываетесь. А я-то думала, что с радостью согласитесь, пригласите меня в ресторан, поухаживаете за несчастной женщиной.

Чтобы скрыть смущение, Артём свёл к шутке:

– Вы на себя клевещете, Нина Николаевна, вы просто излучаете счастье.

Соколова как-то грустно рассмеялась, поглядела на гостя:

– Все знают, что я развелась с мужем. Что у меня нет детей. А Белославцев делает вид, что ничего не знает и знать не хочет. Вы так меня огорчили, так огорчили, Артём Антонович, а ведь мы ровесники, свободные люди. И я давно вас знаю, ещё с института, я училась курсом старше. Вы и тогда на меня поглядывали, а я просто влюблена была. Вы же гордость института, будущее светило. Помню и вечер медицинских работников в загородном санатории, а вы..., вы даже не узнали меня, хотя тогда мы танцевали, три раза, и даже прижимали меня в уголке, и, смею напомнить, довольно усердно целовали.

Белославцева давно так не подлавливали, он действительно не особо хорошо помнил этот праздник в загородном санатории, ши-

карный банкет в большой столовой и танцы. Да, приглашал девушек, наверное, тех, которые нравились, вполне возможно, даже теперь уже очевидно, что приглашал и Нину, тогда совсем молоденькую и явно симпатичную. Должен бы помнить, но не помнил, а как об этом сказать? Вот ситуация! Забыл – обидится, якобы вспомни – а вдруг это блеф? Сказал прямо:

– Извините, Нина Николаевна, и годы прошли, и работа такая, что порой сам себя не помнишь. А ресторан – с удовольствием приглашаю, должно же хоть что-то из ваших ставок на меня принести выигрыш. Ставьте на красное, и едем прямо сейчас.

Соколова внимательно посмотрела на вдруг оживившегося собеседника и поняла, что выкручивается человек, сложно ему, вроде и баба, а начальник, вроде и не обязан ничем, а вину чувствует.

В ресторане было тихо, лёгкая музыка издалека, Артём попросил кабину на двоих, услужливый молодой человек их проводил, даме подвинул кресло, Артём сам плюхнулся в широченное вместилище. Он не любил рестораны и посещал только при необходимости, вот и сейчас протянул Нине Николаевне меню, сам пробежал по строчкам: черт его знает, кроме окрошки – ни одного знакомого слова. Официант принёс все, что заказала дама, и открыл бутылку шампанского. Артём удивился, как быстро строгая начальница превратилась в просто молодую и красивую женщину, она подняла бокал:

– За что будем пить, Артём? Ты не против, если отбросим официоз? Так за что?

– Конечно, за тебя, за твоё высокое назначение, за твою блестящую карьеру!

– Карьера, как видишь, начинается с фиаско: мужчина, которого я всегда хотела видеть рядом с собой, вежливо отказался. Артём, есть смысл продолжать разговор об этом?

– Не надо. Нина, а я вспомнил студенчество, и тебя тоже, к тебе приходил курсант военного училища, и мы его отшили. Поскольку инициатором экзекуции был я, следовательно, был какой-то интерес к девушке с шикарными волосами.

Нина грустно улыбнулась:

– Вот именно – какой-то! А тот курсант стал моим мужем, быстро пошёл в рост, потом увлёкся дочерью начальника училища, меня бросил. Жили на служебной жилплощади, я лишилась квартиры и прописки, так что сына у меня он отсудил легко. Вот так, дорогой Артюша, как звал тебя весь институт.

Грустный разговор, за таким не стоило ходить в ресторан. Но Нина быстро оживилась, выпили ещё по бокалу. Она стала говорить о планах совершенствования здравоохранения, о закупках современного оборудования, и Артёму пообещала все, что он просил. Засмеялась:

– Мало просил, стеснительный ты мой. Проси больше, ни в чем не откажу.

Артём встал:

– Тогда едем ко мне?

– Наконец-то! – засмеялась Нина.

Утром их с трудом разбудил телефонный звонок. Артём схватил трубку:

– Артюха, это Володя, ночью умер Бяллер.

Нина вызвала такси и уехала, Артём занимался похоронами, с трудом находя общий язык с въедливым раввином и руководителем еврейской диаспоры. Они успокоились и стали безразличны, когда нотариус вскрыл завещание и стало известно, что все имущество, принадлежавшее покойному, завещано какой-то Ефросинье Бытовой.

Уже после похорон, вспоминая ту ночь с Ниной, он вдруг отметил её оригинальность, она странно реагировала на ласки, напрочь отказавшись от поцелуев и согнав Артёма в самый низ широкой кровати, вздрагивала и вскрикивала, хотя он не видел для этого причин. Махнул рукой: ладно, только дурак утверждает, что все бабы одинаковы. Артём своих женщин помнил именно по их неожиданным проявлениям в постели. Разберёмся.

***

Позвонила Полина:

– Артём Антонович, я долго в себя не могла прийти после вашего сообщения, что зачислена на бюджет. Спасибо вам. Папа и мама приглашают вас в гости. Если можете, приезжайте в воскресенье, а ехать надо по Новосибирской трассе восемьдесят километров, и наше село Таволжан.

– Полина, так вы живете в Таволжанах? Это же моё родное село, Полиночка! Только я не был там уже с десяток лет. Но вы же не местные, да?

– Теперь местные, мама отсюда девчонкой уехала в Петропавловск, а как там заварушка началась, перебрались в деревню. В общем, я скажу родителям, что вы приедете, хорошо?

– Нет. Во-первых, а ты меня приглашаешь? Говори.

– Конечно, приглашаю.

– Принято. Будешь звать по имени и на ты? Отвечай, будешь?

Трубка долго молчала, потом тихий голос Полины:

– Вы меня не торопите, пожалуйста, у меня и так дважды два не всегда четыре.

Артём засмеялся:

– А сколько?

– Иногда пять, а чаще три.

– Согласен потерпеть до воскресного вечера, но если будешь выкать и прочее – обижусь.

– Не надо на меня обижаться, я все сделаю, только не спешите, не требуйте невозможного. До свидания. Мы вас ждём к обеду.

В воскресенье он поехал в свой супермаркет, в котором две недели назад встретил Полину, набрал полную тележку всего, что попадалось на глаза, снял с полки бутылку хорошей водки и шампанское. Обходительная продавщица изобразила очень элегантный, хотя и огромный, букет алых роз. Дома принял ванну, постоял под холодным душем, побрился. Глянул на себя в зеркало – с головы до ног оно отображало довольно стройного почти молодого человека. Артём включил дополнительный свет.

«Что же ты собираешься делать, милейший Артём Антонович? Неужели эта деревенская девчонка так тебя ударила, что ты потерял ориентацию в пространстве и во времени? Рядом с тобой, вот в этом доме только что была очень красивая женщина, и не только красивая, но и перспективная, и ты под её крылышком можешь ой, как высоко взлететь. Что тебе ещё надо? Юношеская клятва самому себе взять в жены только девицу, как и было заведено во времена предков, сегодня просто каприз, да и не факт, что с Полиной не побаловался какой-нибудь слюнявый пэтэушник. А время, Артюха, время, часы твоего лица ещё не чётко показывают возраст, но никто не признает в тебе двадцатилетнего. Вспомни армейские фотографии, каким ты был? А студенчество? Боже, после выпускного бала прошло...пять лет. Бедный добрый Шмуль, он дал все адреса и телефоны, но ты протянул целый год, пообещал питерским академикам, что приедешь, и не поехал. Что остановило? Работа, ответственность, некому передать отделение, главный попросил, к бывшему директору департамента водили. Остался. И что? Докторская скукарикала, как в деревне говорили. Сегодня в гости в семью Полины, все будут благодарить и стараться угодить, чего я больше всего ненавижу. Потом поедем с

Полиной на кладбище, надо на выезде из города купить венки, повезу её на места своего детства. Попробую поцеловать, представляю, для неё это будет целое событие. А может, напротив, вытрет губы и скажет, что больше не надо. Итак, дорогой, не стоит гнать лошадей, с Полиной очень аккуратно, чтобы девчонка не потеряла голову. Или наоборот, сказать сразу, что влюбился и попросить руки и сердца у отца с матерью? Красиво. А ты готов? Шесть лет она будет учиться, родить нельзя – отстанет на год, а то и больше. Ты сам на кухне, потому что ей не только на лекции к восьми, но и конспекты посмотреть надо. А пелёнки, а плачь ребёнка по ночам? А свобода? Никуда не выйти, не выехать. И с такой жизнью ты согласен, ты к ней готов?».

Артём сплюнул и чертыхнулся: что это накатило, что за дурацкий самоанализ, кому это надо? Поеду на родину, на могилы родных, побываю у Полины, поговорю с родителями. На первый случай этого достаточно. И вот потом определимся, будет ли второй?

В отделение, приученный Бяллером, Белославцев приходил к семи утра, короткий доклад дежурного врача, и, если ничего срочного, уходил до планёрки в кабинет. Успел изучить пару вчерашних результатов томографического обследования, в дверь постучали.

– Входите.

Вошёл мужчина, плотно закрыл за собой дверь и, не протягивая руки, представился:

– Майор Плесовских, УВД. Вот моё удостоверение.

Белославцев мельком глянул на документ:

– Слушаю. Вы по какому делу?

Майор кивнул и сел, не дождавшись приглашения. Артём смутился:

– Простите мою неловкость, видимо, мандат смутил. Так вы точно ко мне?

Майор ещё раз кивнул:

– Точнее не бывает, Артём Антонович. Я хорошо ознакомился со всеми материалами по вашей личности, не нашёл ничего даже подозрительного по нашей части, понял только, что вы человек увлекающийся, но за контакты с женщинами пусть следит полиция нравов, если таковая будет. И все-таки мне поручено если не привлечь вас, вплоть до посадки на приличный срок, то основательно скомпрометировать.

Белославцев оживился:

– Мило! И кому я столь высокому перебежал дорожку?

Майор тональность разговора не поддержал:

– Я должен убедиться, что с вами можно говорить открыто. Во-первых, по моим понятиям вы приличный, порядочный человек, во-вторых, участвовать в травле безвинного мне не очень хотелось бы участвовать, надоело, знаете ли, но дело поручено, и я обязан чем-то его завершить. А окончательное решение примут там. – Он привычно ткнул пальцем вверх.

Артём вскипел:

– Да в чем же моя вина? Я что, Родину предал, фальшивые деньги печатаю или в компартию вступил, господин майор?!

Гость поправил:

– Товарищ! Товарищ майор, но лучше называйте меня Павлом Ивановичем. А вина ваша как раз из разряда увлечений. Так мы говорим открыто?

– Мне скрывать нечего, я готов.

– Добре. Значит, так: через минуту я зову двух понятых, и мы вынимаем из вашего шкафа приличный пакет с наркотиками. Они взяты с медицинского склада по требованию нашей конторы, но ровно столько исчезло из сейфа вашего отделения, ключи от которого хранятся только у вас.

Артём быстро вынул бумажник – ключи на месте. Майор улыбнулся.

– Кто положил пакет в мой кабинет?

– Полагаю, при вашем уме вы быстро просчитаете варианты.

Белославцев прокрутил всех и, глядя на майора, спросил:

– Галина? Галина Пахомова?

– Поздравляю, у вас с логикой все нормально. Может, продолжим размышления? В последнее время вы прикасались к женщинам, обладающим властью или имеющим на неё прямой выход?

Артём встал, прошёлся по кабинету. Конечно, сразу можно было назвать Нину, но нет, не могла она так жестоко предать. Да и как она может поручить это УВД? Нет, Нина исключается, тогда кто? Ни с кем, ни с женщинами, ни с мужчинами из эшелонов выше городского он вообще дела не имел. Решил уточнить:

– Только с женщинами, Павел Иванович?

Майор засмеялся:

– До вас все ещё не доходит, что именно через женщину возникло это дело. Значит, надо искать ту, которая может найти покровительство наверху.

Артёма обожгло: Нина! После поездки в деревню и разговора с Полиной и её родителями он все время думал, как осторожно зак-

рыть едва определившиеся отношения с Ниной. Его смущало, что он совсем её не знал, даже предположить не мог, как она станет реагировать на его заявление, что встречаться больше они не будут. Он рассуждал просто: обещаний не было, признаний тоже, просто мужчина и женщина встретились несколько раз, можно даже посчитать, сколько, друг другом остались довольны, но вот обстоятельства изменились, и надо встречи прекратить.

Но это он так думал. Соколова все понимала иначе. Несколько времени общения в домашних условиях и в постели тоже сблизят их, ведь они очень похожи, у них много общего: образованные, умные, красивые, ровесники, самодостаточны, перспективны. Под крылом своей покровительницы она вырастит из Артюши большого начальника, можно посадить его на фонд медицинского страхования или главным врачом санатория – одного из лучших в стране. Они ещё молоды, родят двух детей, девочку и мальчика, и будут жить долго и счастливо. Потому она насторожилась, когда Артём не поехал сразу домой, как это было раньше, а сделал крюк, въехал в больничный двор и заглушил машину.

– Тебе надо в отделение? Что же ты сразу не сказал?

– В отделение мне не надо, мне нужно тихое и прохладное место, где мы могли бы поговорить.

Нина пыталась пошутить:

– А разве спальня с кондиционером для этого не подходит?

– Нина, у меня изменились планы. Встречаться больше мы не будем, потому что я готовлюсь и еду на три года в Питер за докторской. Во-вторых, я встретил девушку, которую полюбил и женюсь на ней. Тебе нужна семья, вот и рожать пора, годы уходят, а я ничего не могу тебе предложить.

Нина засмеялась, и в смехе том Артём не услышал ничего хорошего.

– Это ты мне, гинекологу, будешь советы давать, кого и когда, а главное – от кого мне следует рожать? Артюша, я не думала, что меня так затянет, но сейчас... сейчас я не могу от тебя отказаться. Какая девушка, что ты придумал? Мы должны быть вместе. Докторская? О чем речь, милый, тебе на дом привезут диплом, только тему заучи, чтобы не проколоться, хотя сегодня все знают, как делаются степени.

Артём посмотрел на её лицо, оно было жёстким, властным и мстительным. Мелькнуло: она ведь тоже кандидат, поэтому хорошо знает современные технологии.

– Видишь ли, Нина Николаевна, я еду не за дипломом, а за зна-

ниями и опытом, этого в питерской школе на всю страну хватит. Но мы не о том говорим. Вопрос с моим отъездом, как и с женитьбой, решён, я только хотел, чтобы ты узнала об этом от меня, а не от офисного планктона.

Нина нервно сжимала в руках сумочку:

– Ещё ничего не решено, дорогой Артём Антонович. Вы поступили со мной, как с уличной девкой, как со своей студенткой-практиканткой. Вы дали мне шанс поверить в вас как в мужчину, шанс изменить свою некудышнюю жизнь, а теперь заявляете, что женитесь, что уезжаете. В Питер, в академию? Мы ещё посмотрим, Артём Антонович, как это вам удастся. Одно моё слово, и вы остаётесь.

Она легко вышла из машины и, не оглядываясь, ушла за угол корпуса, на ходу вынимая телефон...

– Я не думал, что она способна на такое. Покровители наверху у неё, действительно, есть. Только... Павел Иванович, вам готовое дело дали, ну, то есть, проинструктировали, как меня... прищучить, или у вас свои разработки?

Майор улыбнулся:

– Вам не надо этого знать, вы лучше о том думайте, как выбраться из этих капканов. У меня для вас два пути: вы идёте к ней и решаете вопрос мирно, за счёт каких угодно уступок, на это только одна неделя. Если нет – я составляю протокол на изъятие наркотиков, тогда вас уже никто не спасёт. Давайте прощаться, я и так прилично у вас погостил. – Майор встал.

– А пакет? – удивился Артём. – Вы забыли про пакет.

– Никакого пакета не было, и нет. Но он появился бы в протоколе обыска при понятых.

Белославцев похолодел:

– Все так серьёзно? А Галина, медсестра, которая пакет якобы подложила?

– Не грешите на девушку, просто я проверял, насколько хорошо вы понимаете своих людей. Она могла бы вам отомстить, но пока нет необходимости. Никто в коллективе не знает и не должен знать о моем визите. До следующего четверга, тогда я уж точно вас не спасу.

***

Он провёл планёрку, стараясь ничем не выдавать своего состояния, всех отпустил, кроме Владимира, они успели хорошо подружиться, когда оба были рядовыми врачами, и сохранили товарищеские

отношения, когда Белославцев пошёл на повышение. Владимир както проговорился, что учился в параллельных группах с новым директором департамента, наверное, он мог чем-то помочь.

– Володя, ты точно учился вместе с Соколовой?

– Э, друг, закусило! Нельзя сказать, что вместе, но рядом, пересекались. Только она была не Соколова, другая фамилия. Ты вообще-то, что хочешь узнать? Шаловливая? Наверное, но без меня. Училась средне, по-моему, на третьем курсе вышла замуж за преподавателя из военного училища.

– Понимаешь, Володя, не могу тебе всего сказать, я слово дал, но без твоей помощи мне все это не выкружить. Она меня помнит по институту. Что на неё накатило – напомнила студенчество, мою популярность, призналась, что была влюблена и сразу предложила должность своего зама. Конечно, я отказался, но чуть расслабился, пригласил в ресторан, потом к себе, и закружилось. У меня по ней никаких планов. А тут встречаю девчонку, Володя, ты меня знаешь, но я поплыл. Девчонка деревенская, красавица, конечно, и – иная, не из этой гнилой тусовки. Такой свежестью от неё дохнуло, что я ... Короче говоря, был у её родителей, устроил её в нашу академию на бюджет, хотя все сделал покойный профессор Бяллер. И вот я объясняюсь с Ниной, и что ты думаешь? Нет, рыданий и призывов к совести не было, был какой-то почти протокольный обмен мнениями, в итоге она заявила, что ещё ничего не решено, и вроде, мы ещё посмотрим, в какой Питер ты поедешь. Ты бы видел её лицо, и как это было сказано. И вот сегодня утром у меня в кабинете офицер УВД с предписанием посадить меня в тюрьму.

Владимир захохотал:

– Артём, этот розыгрыш, сейчас модно делать такую игру. Брось, все обойдётся.

– Ты не въехал, Вова, это с её подачи или по приказу её покровителей появился офицер. Оказался порядочный мужик, дал мне время урегулировать все проблемы с женщиной, как он выразился, имеющей высоких покровителей. Ну, ты представь, кто может поручить милиции взять врача на наркоте и обеспечить честный червонец на зоне?

Владимир серьёзно на него посмотрел:

– Да, Артюха, тут явно не розыгрыш. Только я не пойму, что её так зацепило, что тюрьма – альтернатива отношений с нею? Может, ты знаешь что-то такое?

– Ничего я не знаю. Что она о себе говорила? С офицером тем

родила сына, но он подал на развод, квартира служебная, у Нины жилплощади нет, суд отдаёт ребёнка отцу. Правда, как-то спокойно об этом сказала, между прочим.

– Можно, я с твоего телефона? Верочка, привет, это Владимир. Как дела? Ты все режешь? Да, хирург ничего не знает, но все может. Слышь, Вера, какая фамилия у Соколовой была в студенчестве? Какая-какая? Директор наш новый в департаменте. Все, понял, Веруня, за мной шоколадка. А почему они развелись, не знаешь? Понял, спасибо, коробка конфет. – Владимир положил трубку. – Её родная фамилия Шатковская, между прочим, классно звучит, для директора департамента очень подходяще. Понял, заткнулся. А развод – мутное дело.

– Володя, надо найти этого счастливого мужа, он, пожалуй, теперь локти кусает – такую успешную бабу бросил. Звони в кадры училища.

– Ты думаешь, он сидит и ждёт звонка? Люди военные, приказ в зубы и на новое место службы.

– Да брось, это же преподаватели, они стабильны. Звони.

Через пять минут друзья знали, что капитан Соколов продолжает преподавать в училище и его можно найти на кафедре вооружений каждый рабочий день. Решили, что Артём сам поедет к нему и будет, насколько это возможно, вести разговор, хотя у обоих было мало надежды, что мужчина изложит причины развода с женой первому встречному, хоть он и кандидат медицинских наук.

Они встретились у проходной училища, офицер был в гражданском костюме, довольно приличном, с портфелем, Артём отметил, что он явно чем-то встревожен, но старается не подать вида. Умное лицо делало его чуть старше, хотя ему было только тридцать пять. Старили и густые русые волосы, зачёсанные назад. Артём взял инициативу в свои руки:

– Давайте знакомиться, я доктор Белославцев, Артём Антонович.

– Соколов, Вячеслав Васильевич. Чем обязан, прошу объяснить.

– Вячеслав Васильевич, это моё частное дело, информация строго между нами, и прошу учесть, что от вас во многом зависит моя судьба, даже, возможно, жизнь.

– Отчего так страшно с самого начала? Полагаю, коли вы врач, это неким образом связано с вашим новым начальником, не так ли?

Артём искренне удивился проницательности военного и потерял инициативу. Соколов продолжил:

– Мне представляется, что вы с нею переспали, и что-то вам не понравилось, вы заявляете о размолвке, она ставит вам условия. Что же здесь смертельного? Оставьте её, да и дело с концом.

– Вячеслав Васильевич, извините, что вторгаюсь, но не могли бы вы сказать о причине вашего с Ниной Николаевной развода?

– Вам не кажется, молодой человек, что задавать такие вопросы незнакомому человеку несколько бестактно?

– Совершенно с вами согласен, но мне нужно это знать, возможно, где-то рядом и ответы на все мои вопросы.

– Хорошо, но только в двух словах. Очевидно, в институте Нина была крутой девушкой, мы познакомились на совместном вечере военных и медицинских студентов, очень быстро сошлись, я уже работал, купил две комнаты в пансионате. Свадьбы не было, просто пришла и осталась. Вскоре родила мальчика, после года я увёз его к родителям – Нине надо учиться. С этого времени наша квартирка превратилась в женский клуб, и это не были её сокурсницы. Прошу прощения за интимные подробности, но она не была со мной женщиной. Правда, и опыт мой невелик, но такого безразличия даже я не ожидал. Вы понимаете, о чем я? Однажды мои лекции сняли, и я пришёл домой сразу после обеда. В моей квартире бушевало море страстей, Нина, её ровесница и женщина за тридцать истязали друг друга ласками и иными приёмами. Они были так увлечены, что не заметили, как я вошёл. Я увлекаюсь кино, камера всегда со мной, а тут около дома в песке играли дети с котятами. Такая милая картинка. Я снимал минуты три, и с аппаратом в руке вошёл в квартиру. Я не знаю, что заставило меня включить камеру. Через минуту я ушёл. Вернулся домой поздно, Нина встретила холодно, в квартире уже был порядок. Я, как вы, очевидно, успели заметить, человек несколько стеснительный, но тогда довольно внятно заявил, чтобы она немедленно собрала вещи и ушла навсегда. Нина насторожилась, тогда я сказал, что не только все видел, но и заснял на камеру. Надо было её видеть в ту минуту, это страшный человек. Дальше развод, я поставил условие: если она откажется от сына, я отдаю ей плёнку. Не могу сказать, что она долго мучилась, материнского у неё ничего не было, даже молока. Вот вкратце вся история.

– И вы больше не встречались?

– Зачем? Я познакомился с женщиной, у неё девочка, у меня мальчик, мы сошлись, продали её однушку и мои комнаты и купили трёхкомнатную квартиру, родили ещё двух сыновей. Представляете, как счастлив.

– Вы были удивлены, узнав, что Нина Николаевна назначена директором департамента?

– Откровенно – да, не замечал за ней даже задатков руководителя, тем более, такого уровня. Понимаю, что сегодня руководить значительно проще, вроде все идёт само собой, лишь бы зарплату выдавали.

– Так чем объяснить этот взлёт? Вся медицинская общественность удивлена, но, говорят, и теперь это подтверждается, что у неё хорошая поддержка на самом верху. Как это увязать?

– Думаю, очень просто: в руководстве области есть её подруги по увлечению.

– Бог с вами, Вячеслав Васильевич, повлиять на столь солидное выдвижение может только заместитель губернатора, курирующий социальную сферу!

– Это женщина?

– Да, Анна Николаевна Волоканцева.

– Знаете, взял грех на душу, перед тем, как отдать плёнку Нине, снял копию, потому что не был уверен, что шантаж не продолжится. Копия лежит у меня дома, в секретном месте, я её ни разу не доставал. Если вы знаете эту высшую даму, вы узнаете её и на плёнке.

Дома Соколов достал плёнку, настроил старый аппарат, закрыл дверь на ключ и включил видеомагнитофон. Минутная съёмка, Артём ничего не сумел разглядеть.

– А можно помедленней?

В плывущих телах и лицах он сразу узнал Нину, две другие все время были то спиной, то боком к камере, наконец, одна повернулась в дикой улыбке.

– Стоп! – крикнул Артём. – Давайте с начала. – Он достал телефон и снял всю сцену. – Даю слово, Вячеслав Васильевич, что вы останетесь за кадром. Это именно Анна Ивановна Волоканцева, только лет на семь моложе.

– Теперь вы спасены?

– Дайте разобраться. Конечно, козыри у меня на руках самые крестовые.

Они пожали друг другу руки и разошлись.

***

Отчего так сердце заколотилось, отчего в крепких руках дрожь и сомнение, почему глаза так режет, и слезы просятся на порог? Разве не рассекал ты просторы России до самых её западных берегов, до намытых приливной волной ребристых песчаных плёсов тёплых южных морей, и не задыхался в пыльных бурях Узбекистана, не во-

ображал себя мужественным помором на онежских берегах, откуда, как сообщили архивисты, и пошёл в семнадцатом веке твой предок за удачей в манящую и пугающую Сибирь? Все вокруг родина, а почему тут, где был зачат и впервые подал голос свой, где ступил на землю босой ногой, где мама, ещё здоровая, за год до страшной болезни, вот у этого прясла подала тебе новенький портфель, и ты шагнул в иную жизнь, где всякий день новое слово и новое знание. Отсюда маму увезли на кладбище. Сюда же пришла чужая женщина, ставшая родной. И отец, искалеченный засекреченными венгерскими событиями, безбожник и матерщинник, тоже отсюда вынесен на руках из-за снежных заносов, и многие люди пришли поклониться ему вслед. Отсюда ты попутной машиной уехал в большой город, чтобы стать врачом, и только на пару дней приезжал, пока была жива вторая мама, а потом и вовсе не бывал, наказывая открытками родственникам, чтобы прибрали могилки.

Родная деревня. Школьником ты записывал истории больших семей, трудовых династий, как тогда говорили, воспоминания фронтовиков, а, раскрыв ученические тетрадки с годовыми докладами колхозникам бывшего председателя колхоза, грузного и хмурого мужика Григория Андреева, доказал, что в деревне твоей электричество появилось раньше, чем в райцентре, и водопровод по улицам провели раньше, вывели колонки, обнесли их рублеными избушками, и старые колхозницы сутками топили печки, чтобы трубы не перемерзали.

Артём проехал на кладбище, стыдясь самого себя, с трудом отыскал в зарослях черёмухи и сирени жестяные пирамидки с выгоревшими надписями. Положил венки, встал на колени и попросил простить его, блудного сына. Хотел обойти кладбище, как когда-то в Троицу, из края в край, но натыкался на кучи мусора и заросли кустарников. Вспомнил сон, когда увидел группу незнакомых людей, зарывающих прямо на дорожке кого-то из родственников, громкими пьяными голосами матерно поправляя друг друга. Артём прошёл стороной, и все эти люди глядели на него, как на призрак.

Он поехал на Гору, с которой хорошо видно все село, развернул машину и вздрогнул: целые улицы опустели, домишки догнивали без хозяев, машинный двор под самой Горой пуст. Спустился дорогой мимо оврага, заросшей муравой, и машинная колея едва заметна. Заехав в улицу, спросил, где живут Ощеповы, медленно проехал знакомым путём – люди-то где? Никто не встретился на улице, кроме двух пьяных женщин, вставших посреди дороги и требующих оста-

новиться. Артём объехал их и прибавил скорость. Время ровно двенадцать, Полина в нарядном платье стояла у ворот.

– Здравствуй, Полина.

– Здравствуйте, проходите.

– Эти цветы тебе.

– Господи, красота-то какая! Спасибо! Я их сейчас в большую банку поставлю. Да вы проходите.

Артём взял пакеты с заднего сиденья, пошёл вслед за девушкой. Родители её вышли в ограду, стеснительно подали руки, поздоровались, пригласили в дом. Пакеты передал Полине, две сестрёнки и брат вышли из дальней комнаты. Артём со всеми поздоровался на полном серьёзе, чем очень насмешил взрослых.

– Артём Антонович, прошу к столу, время обедать, чем богаты, тем и рады, – поклонилась Лидия Матвеевна.

– Садитесь вот тут, – указал хозяин Пётр Миронович. – Рассказывайте, как вас родное село встретило?

Артём пожал плечами:

– Страшные перемены! Люди, видимо, разъехались, такие пустоты между домами. Я помню, кто там жил, это были хорошие работники. Я поднимался на Гору, тут у нас два увала было, а теперь бурьян растёт.

– Нынче совсем не сеяли, прежние хозяева скот порезали и ушли, нам даже зарплату не выплатили. Жаловались, и в Москву писали. Интересно, писали президенту, больше сотни фамилий, а ответ пришёл от главы района: все нормально, село развивается. Ладно, Артём Антонович, что об этом говорить, продали нас и перепродали многократно.

– А ведь я вашу маму помню, родную, Марья Ивановна она была, я перед отъездом в город платье ей заказывала сшить. Мастерица.

– За Полину вам большое спасибо, нам не подняться бы на оплату, а тут, говорит, и общежитие, и стипендия.

Артём заметил, что водку хоть и разлили, но Пётр Миронович не притронулся. Полина и мама после его настойчивых предложений выпили по бокалу шампанского, Полина даже раскраснелась.

– Полина должна приехать в конце августа, потому что, во-первых, в сентябре начинаются занятия, во-вторых, я улечу в Петербург на учёбу. Хочу попросить Полину жить в моей квартире, знаете, общежитие – это такое место... Нечего ей там делать.

– Обождите, Артём Антонович, объясните нам, родителям, на каком положении вы планируете её там содержать? – В голосе отца была обида, тревога и даже угроза.

Артём улыбнулся:

– Пожалуйста, не пугайтесь, Полину и пальцем никто не обидит. Мы с нею совсем недавно познакомились, случайно. Не стану скрывать, Поля мне нравится, но все решать будет она. А жить будет полной хозяйкой, домик небольшой, но уютный, можете в гости приезжать. Жаль, Поля машину не водит, автомобиль есть, за зиму курсы пройдёт, и будет ездить к вам на выходные.

Родители переглянулись, отец поднял дочь:

– Полина, объясни нам, бестолковым, как все это понимать? У меня, например, ума не хватает. Ты замуж за него выходишь, или как?

Дочь вспыхнула:

– Папа, ну, зачем ты сразу так? Мы с Артёмом Антоновичем второй раз видимся, а то все по телефону разговаривали. И про квартиру он ничего не говорил, конечно, я не пойду туда жить.

Артём встал:

– Дорогие Пётр Миронович и Лидия Матвеевна, это правда, с Полиной мы не говорили, мы вообще ещё ни о чем не говорили. Да, Поля мне очень симпатична, только не думайте, что я сети расставляю. Если я ей неприятен, это ничего не меняет, в доме все равно кто-то должен жить.

Полина заплакала:

– Вы зачем меня так обижаете, что неприятны мне? Я не знаю, папа и мама, правда, не знаю, может я уже полюбила Артёма. Я обещала сегодня называть его по имени и на ты, правда, Артём?

Артём взял Полину за руку:

– Вот видишь, как все случилось, даже объяснились при родителях. У меня никого нет, так что будем вас просить благословить нас с Полиной Петровной.

Лидия Матвеевна заплакала:

– Полиночка, как же это, очертя голову в восемнадцать лет...

Пётр Миронович её остановил:

– Вот, полюбуйся, Артём Антонович, как женщины изменчивы. Сама за меня вышла на девятнадцатом, а дочь должна ещё три пятилетки в девках просидеть. Вы, ребята, решайте сами. Только, дорогой мой землячок, баловства я не прощу, это помни. Думайте и решайте, а я за вас выпью, давай, мать, и тебе налью водочки чистой глоточек за дочь нашу, чтобы ей по жизни счастье было.

Артём встал, поблагодарил за обед:

– Хочу проехать в лес, где грибы и ягоды собирали, потом на ста-

рицы наши, все детство пацаны домашних рыбой снабжали. Если родители не против, я бы хотел, чтобы Полина тоже поехала.

Поля вышла из комнаты в халате и переднике:

– Придётся обождать, мне ещё со стола прибрать надо.

Лидия Матвеевна всплеснула руками:

– Да разве я без тебя не управлюсь? Человек будет ждать.

Полина засмеялась:

– Человек знает, что в доме должен быть порядок. Пусть пока с папой на улице поговорят.

Мужчины вышли во двор, хорошо ухоженный, посыпанный речным серым песком. Дощатые заборчики покрашены, ворота разрисованы петухами.

– Это у меня ребятишки, а я не запрещаю, петухи так петухи.

– У вас такая ограда чистая, скота не держите?

– Что ты, Артём, как без хозяйства с такой семьёй?! Все есть: корова, тёлочка прошлогодняя, не стал колоть, жалко, от хорошей коровы, осенью продам доброму человеку. Бычок нынешний, это на мясо. Держу свиноматку, потому что фермы позакрывали, весной поросёнка по всей округе не найти. А у меня свои, да ещё добрым людям продаю. Сосед хряка держит, куда без мужика, так ему дарю от каждого приплода. Ну, куры само собой, прежде гусей держал, умная птица и выгодная, от озера питается, только взять негде, извели.

– Под городом большие птицеводческие хозяйства, там гуси, индюки, индоутки. Весной привезём вам всякой твари по паре.

Пётр Миронович кашлянул:

– Вот ты сам сказал: привезём, значит, имел в виду, что с Полиной, так я понял?

– Конечно.

– А отношения свои ты собираешься оформлять? Артём, ты мужик, и я мужик, ну, не поверю я, чтобы двое молодых в одном доме спали на разных кроватях.

– Мы сейчас с Полиной именно это и обсудим. У меня друзей немного, родных совсем никого, вас привезём, Полине адреса дайте, если родные в других местах живут, вышлем приглашения. Уверяю вас, все будет, как в старые добрые времена. Я, когда с Полиной встретился, решил ни за что её не отпускать, она вся такая русская, что лицом, что душой. Поверьте, Пётр Миронович, я её сразу полюбил, а за неё опасаюсь, совсем юная, правильно ли себя понимает?

Пётр Миронович опять кашлянул:

– Девчонка она хорошая, добрая, матери первая помощница, и поведения не сегодняшнего. Я тебе так скажу: если не девицей придёт к тебе – на другой день вези к родителям, сдай, как бракованный товар. Только не будет этого, Полина у меня золото, ты её не обижай, она, если ещё похвалить – горы свернёт. И сено с нею косим, и дрова пилим, а в огороде она, как мичуринец, у неё всякая палка зацветёт, правда, не вру.

Полина слышала последние слова отца, подошла сзади:

– Ну, папа, расхвалил дочь, а она неумеха. Про огород. Какой у него может быть огород в городе?

Артём возмутился:

– Поля, у меня около дома три сотки земли, мы скооперировались с санитарочкой Зиной Михайловной из моего отделения, я мотоблоком вспашу, а все остальное она сама. Тоже семья, а квартира на пятом этаже. Дачу купить сегодня не всякому под силу. Под домом подвал, туда она все соления и варения составит, картошку, свёклу, капусты наквасит большую кастрюлю. Так что на огороде работать тебе придётся, а вот корову не обещаю.

Полина улыбалась, наконец, засмеялась:

– Так мы едем или нет?

Машина аккуратно прошла по улице, чтобы не поднимать пыль, вырвалась за околицу и помчалась в Гору. Полина вопросительно обернулась к Артёму, он кивнул: все нормально. Ему очень хотелось показать те места, которые до советской власти были их семейными угодьями. Отец помнил их, видимо, дедушка показал, и возил Артёмку в эти места. А ещё надо рассказать Полине, как деда Павла приучали к крестьянскому труду, как возил копны сена к стогу, который метал отец и старший брат Никита, как боронил на старой Пегухе весеннюю пашню, как прошёл первую борозду, держась за кичиги и поругивая, как и отец, и без того смирную лошадь, как изладил ему дед Матвей маленькую литовку, и он косил траву, правда, чуть в стороне от взрослых. Артёму досталось иное детство, с телевизорами и ежедневным кино, но отец Антон Павлович с весны и до осени на лошадке, запряжённой в лёгкий ходок, осматривал поля, по настоянию бригадира колхоз ввёл такую должность, и Артёмка знал окрестности, как свою ограду.

Выехав на полянку, со всех сторон огороженную лесом, он остановил машину, открыл правую дверцу и на руках вынес Полину. Она смутилась, упёрлась ручками в его грудь:

– Пусти, Артюша.

– Если бы власть не переменилась, мы сегодня унаследовали бы эту пашню. Мы бы холили её, удобряли, работали в своё удовольствие. Это земли деда Павла, вот тут стояла избушка, вот колодец, там был амбар. Потом это все стало колхозным и вскоре исчезло.

Полина огляделась:

– Ой, Артём, а мы вот тут ягоды брали.

Артём обнял её, повернул к себе:

– Милая моя, можно, я тебя поцелую?

– Можно, милый, – Полина приподнялась на цыпочки, но Артём взметнул её в вышину, нежно опустил и крепко поцеловал в губы. Она уткнулась ему в плечо.

– Полиночка, ты что, стесняешься меня? Глупая, ведь у нас свадьба осенью. Понимаешь?

– Я боюсь, Артём, что ты только говоришь. Не перебивай, я и сама смешаюсь... Вокруг тебя столько женщин красивых и умных, где мне за ними угнаться? Я деревенская, простушка. Только обманывать меня – грех большой, потому что я первый раз к чужому мужчине прикоснулась. И до свадьбы жить я буду в общежитии, ты уж согласись. Ну, был бы ты мне брат, я бы ночевала с тобой в одном доме, а ты же чужой.

Артём обнял девчонку за плечи:

– Радость ты моя несказанная! И как я благодарен тому батону колбасы, который так вовремя упал.

– И который я подняла. На счастье, или на беду на свою?

– Конечно, на счастье, глупая ты моя. Ты верь мне. Жить будем вместе, но я обещаю, что у нас будет свадьба по всем правилам и праздничная брачная ночь.

– Перестань, бесстыдник, разве можно об этом говорить?

– Полина, а ты целовалась с парнями?

Она вспыхнула и отвернулась:

– Ещё чего? Конечно, липли, меня девчонки даже бить пытались, что вот они все гуляют с парнями, а я как недотрога. Потом ничего, пообвыкли, да я и не дружила ни с кем, только с Валюшей, она рядом живёт. Мы её на свадьбу пригласим?

– Пригласишь, кого хочешь, это мы потом решим. Полиночка, я сейчас уеду, у меня много дел, возможно, звонить тебе буду с другого телефона, так что не удивляйся. И по имени меня не называй, хорошо?

Девушка сжалась:

– Артём, я боюсь, что ты натворил?

– Ничего я не натворил, а ты слушай и запоминай. Потом я тебе все расскажу. Окончишь первый курс, переведу тебя в Петербургский институт, тогда мы будем вместе. Извини, но мне время ехать.

Зашли в дом, со всеми простились. Чтобы не было разговоров, провожать гостя вышла только Полина. Хотя какое там, все понимали, что разговоров теперь в деревне хватит на несколько дней, если что-нибудь не взорвётся или не сгорит.

***

Артём ехал медленно и старался посмотреть на то, что вокруг него происходит, со стороны. Так учил незабвенный Шмуль, так он делал всегда. Все-таки надо понимать атаку Волоканцевой как предупреждение, и скорее всего, Нина попросила повлиять из-за разрыва отношений. Это блеф, но только почему майор УВД, да ещё такой человечный? Может, он в их кампании, как бы доверенное лицо на такой вот случай? Нет, исключено, он по своей инициативе дал неделю, чтобы Артём вник в дело поглубже. А если он знает о скандале десятилетней давности, знает о той плёнке, на основе которой был совершён компромиссный развод, то он и дал возможность Артёму пойти по этому пути, и сыскать себе непробиваемую защиту. Так это их промах или неожиданная удача Артёма?

В любом случае разговор с Ниной неизбежен. Такие люди не умеют прощать, она так жёстко ведёт себя, ещё не зная об осведомлённости Артёма, обсуждение их отношений закончилось угрозой и жёстким предупреждением (он настойчиво продолжал считать майора фигурой «в том числе», он отработал и уйдёт в сторону). Она ещё не знает первопричины его отказа от отношений, но тайне жить недолго, кто-то из академии стукнет Соколовой об участии Белославцева в устройстве судьбы девушки из деревни. А что с нею будет, когда она узнает о его встрече с бывшим мужем и о видео на телефоне? (Надо сбросить съёмку на компьютер и ещё раз убедиться, что это они). Истерика? Угрозы? Да и не надо ждать её реакции, надо сразу сказать, что плёнка уже на телевидении, а снимки в нескольких редакциях. Эти самодуры ничего не боятся, если УВД трясёт постельное белье по их команде, а вот огласка – это страшно. Артём впервые почувствовал, что не зря прессу называют четвертой властью.

Нине он позвонил в конце рабочего дня, она включилась, видимо, в машине.

– Здравствуй, Нина, Это Артём. Тебя плохо слышно.

– Здравствуйте, но давайте по отчеству и почаще на вы.

– Согласен. Прошу вас о встрече, и поскольку речь пойдёт о наших личных отношениях, то желательно на нейтральной территории.

– Что-то я вас не совсем понимаю, Артём Антонович, какие у нас с вами могут быть личные дела? По-моему, мы все обсудили и оба остались довольны. Кстати, могу вас проинформировать, что ваше место в питерской академии уже отдано другому кандидату, более достойному, так что спешить никуда не надо. Та девица, которую вы так бессовестно, в обход существующего порядка, устроили в институт, отчислена, приказ издан по моему распоряжению. Вас ещё чем-нибудь порадовать?

Артём с трудом взял себя в руки:

– Я думаю, теперь настал мой черед радовать вас и удивлять, но я не могу делать этого по телефону, вы так тесно связаны с органами, и, конечно, знаете, что все разговоры фиксируются, а вдруг кому-то захочется узнать больше? Мы-то с вами ладно, мелкая сошка, но, думаю, согласитесь, что опасно подставлять более солидных подруг.

Пауза была более чем выразительной.

– Где мы сумеем поговорить?

– Где скажете, можно даже в том ресторане, с которого все началось.

– Согласна.

Артём сразу отметил, что Нина испуганна и сосредоточена, но держится ровно. Она сама заказала коньяк и лимон, сразу выпила рюмку, пососала ломтик лимона, вытерла салфеткой губы и гордо посмотрела на Артёма:

– Эх, Артюша, зря мы с тобой затеяли этот скандал. Правда, скажи, чего же ты хочешь? Втоптать меня в грязь? Испортить карьеру? И, между прочим, при этом ничего не иметь, напротив, потерять должность, возможно, и перспективу. Ну, не молчи, скажи, разве я не красива, разве мы не стали бы парой самой заметной в областном центре? Да люди бы в театр ходили только потому, что мы с тобой будем в правительственной ложе. Артём, я люблю тебя, хочу от тебя ребёнка, и не одного. Что тебе эта босоножка деревенская? Быть мужем и папой одновременно? Пока ты её поставишь на ноги, сам станешь пожилым и никому не интересным мужиком с запахами кухни и детских пелёнок.

Она замолчала и со слезами смотрела ему в глаза. Артёму на мгновение стало жаль эту женщину, но он придушил предательскую жалость. Он пытался уверить себя, что в её словах нет и доли искренно-

сти, просто она спасает шкуру, и не только свою. Дело зашло слишком далеко. Надо бороться, иначе проиграешь. Это сети, это тактический приём уйти от огласки и сделать его соучастником всех последующих событий.

– Надеюсь, ты все сказала. Теперь слушай меня. Ты сделаешь всё, как я скажу. Завтра до пятнадцати часов я должен получить факс из питерской академии, что приглашаюсь первого сентября для начала работы и учёбы. К тому же времени ты поручаешь ректору медакадемии нарочным направить мне приказ о восстановлении на бюджетном месте студентки Ощеповой. Прямо сейчас даёшь мне слово, что никогда больше не увижу вашего майора из Управления.

Нина кивнула:

– Очень эффектно, только почему именно к пятнадцати, а не раньше и не позже?

– Раньше можно, позже нельзя, потому что в это время подписываются в печать вечерние газеты и формируются вечерние выпуски на телевидении. Поверь, мне есть чем удивить читателей и телезрителей.

Нина едва не лишилась сознания. Она налила рюмку коньяка и дрожащей рукой поднесла ко рту, едва не пролив.

– Я сразу поняла, что ты встречался с Соколовым. И я сразу была против этой глупой выходки с ментовским шантажом. Артём, надо остановить это соревнование, кто – кого. Зачем тебе это? Ведь я предложила тебе райскую жизнь, зачем ты от неё бежишь? Поиграть с властью? А ты представляешь, насколько это опасно? Снимки газеты не рискнут напечатать, да и на ТВ работают разумные редакторы, это тебе не Европа со Штатами. Ты думаешь, наши вот так просто выдадут компромат на первого заместителя губернатора? Да они почти все кормятся около неё из бюджета. А потом – кто поверит, у неё прекрасный муж, дети. Будут устроены проверки, экспертизы, все скажут, что это провокация. И все, приехали.

– Нина Николаевна, я вам свои условия назвал. Не надо думать, что все на самотёке, есть и газеты, и телестудии, которые с удовольствием опубликуют эти материалы. У них свои соображения: рейтинги, тиражи и прочее. Они неплохо знают обстановку в Белом доме, прямо говорят: губернатор эту даму спасать не будет, она ему самому порядком надоела. И вам обеим придётся с позором покидать свои кресла.

Нина вдруг бесконтрольно ударила в стол кулаком:

– Черт возьми, Белославцев, ты достал меня своими издевательствами. Ты же психолог, Артём, ты должен понимать женщин, кото-

рые не такие, как все. Ты ведь не такой мужлан, как мой бывший Соколов, который попёрся в суд с этой дурацкой записью. Ладно, что на пороге остановила. Да, откупилась сыном, упрекай и в этом. Да, не любила его, и сына от него не любила, потому пошла на все, лишь бы не позор. Тот мог бы устроить. А ты другой, Артюша, давай все посмотрим ещё раз. Я выполняю твои условия, ты даёшь слово не использовать снимки и видео. Что дальше?

– Знаешь, Нина, я не кровожадный. Оставьте в покое меня и Полину, и живите, с кем хотите, и как хотите.

– На сегодня хватит. Завтра в пятнадцать я тебе позвоню.

Она первой вышла из ресторана.

А уже утром группа незнакомых людей во главе с тем же майором встретила его у дверей кабинета. Артём посмотрел на Павла Ивановича и молча открыл замок. Гости без приглашения сели на стульчики, трое остались, двое вышли. Майор сел в кресло у приставного столика и достал какие-то бумаги.

– Пакет, Павел Иванович, вы про пакет забыли, – ехидно подсказал Артём.

– Не надо меня учить, господин Белославцев, я никогда ничего не забываю. Я даже помню, что давал вам неделю, чтобы уладить конфликт, вы его только усугубили. Пеняйте на себя. Так, пакет на стол.

Артём вынул телефон и заснял, как мужчина полез в портфель, вынул пакет, развернул его на столе и вывалил несколько десятков упаковок разных препаратов. Женщина постучала рукой по столу и показала майору на хозяина кабинета.

– Артём Антонович, мы так не договаривались. – Он ловким движением выбил аппарат, на лету поймал его, положил на пол и раздавил каблуками туфлей. Мужчине кивнул: «Собери!».

– У вас ордер на обыск есть? – Артём решил защищаться. – Понятно. Я вызываю адвоката, без него не скажу ни слова.

Майор кивнул:

– Ваши слова уже никому не нужны, телефон отключён, сейчас составим протокол и простимся.

Артём взорвался:

– Майор, это беспредел, ты понимаешь, что за это придётся отвечать?

Майор опять кивнул:

– За все будете отвечать, уважаемый Артём Антонович.

– Какой я вам уважаемый, вы подлец, майор!

– Согласен, но это моя работа. Я же вас предупреждал, что все

сделаю, как надо, а решать будут там. – Он, видимо, привычно ткнул пальцем в потолок. – Я и без того много насвоевольничал, за что получил вчера от... Ну, вы догадываетесь, от кого. Буду исправляться, а то погонят, как раньше говорили, в народное хозяйство. А куда я со средним образованием? Автостоянки охранять?

Когда бумага была оформлена, понятые расписались, майор сказал:

– Я вам зачитаю, чтобы в курсе были, в руки не даю, потому что порвёте, мне снова писать. Что от подписи отказались – я уже отметил. Итак: «По данным оперативной разработки было установлено, что заведующий неврологическим отделением областной больницы Белославцев А. А. подготовил для продажи очередную партию наркотических препаратов, находящихся в обороте его отделения. Группа в составе... в 8 часов 15 минут вместе с Белославцевым А. А. вошла в его кабинет и в книжном шкафу обнаружила свёрток. В свёртке оказалось пятнадцать упаковок препаратов, содержащих наркотики, о чем указано на упаковках. Белославцев признал, что это его пакет, и сегодня в 18.00 он должен доставить его покупателю. Белославцев А. А. признал так же, что делает это регулярно, изымая препараты из сейфа и списывая потом на лечение пациентов. Белославцев А. А. признался, что на вырученные средства купил коттедж по адресу..., легковой автомобиль «Лексус» и автомобиль представительского класса «Инфинити», который раньше был оформлен на его знакомого и подельника Бяллера Ш. М.»

– Майор, не цапайте грязными руками имя этого человека!

– Ничего, потерпит, мёртвым не больно. Вот и все. Да! «От адвоката отказался. От подписи протокола отказался». Дата, время, подписи понятых и их анкетные данные. Надеюсь, у вас нет вопросов?

– Да, майор, а я думал, что 37-ой год давно закончился.

– Что вы, голубчик, он только начинается. В хорошем смысле. Руки вам не подаю, знаю, что не пожмёте, но и прощаюсь, похоже, ненадолго.

Оставшись один, он долго не мог поверить в реальность происходящего: то, что из уст Павла Ивановича в прошлый раз казалось неуместной шуткой, розыгрышем, откровенной пошлятиной, сегодня реализовалось так быстро и так чётко, не хватало только щелчка наручников и команды «Пошёл!». Действительно, почему его, уличённого в столь тяжком преступлении, а он при назначении подписывал бумаги, и степень свой ответственности знал, но только за сохранность медикаментов, а не за их регулярную продажу, – почему его

оставили на свободе? Они дают ему ещё один шанс? Странно, но майор в этот раз даже не упомянул о сохранности вверенных Белославскому препаратов. Неужели он знает, что сразу после первого визита Артём заменил сейф, в котором хранились наркотики, и подготовить ключи просто не имел возможности?

И все-таки – что делать? Похоже, Соколова уже отодвинута на вторые роли, говорить с нею не имеет смысла, но другого контакта у него нет. Позвонил Володе, тот вошёл хмурый:

– Запущено на полную катушку. Всему коллективу по большому секрету сообщили, что сегодня тебя арестуют, вот только уладят кое-какие дела.

– Не уточнили, какие?

– Конечно, нет, и этого достаточно, чтобы всех на уши поставить, девчонки ревут в ординаторской. Есть у тебя знакомый адвокат?

– Откуда? Я что, из тюрьмы да в ссылку? Постой, а Чубаров? Ну, помнишь, на шашлыки ездили, наша Маринка с ним знакомила. Он с её подружкой потом в палатке ночевал.

– Понял. Я к Марине, тебе нельзя, в зависимость попадёшь.

Через час популярный адвокат Игорь Чубаров сидел в кабинете Белославцева и выслушивал длинную историю его ломки, задавая попутно десятки вопросов:

– Да, Артём, все это любопытно, но где документы? Ты где-то расписывался? Нет? Правильно. Ревизию по медпрепаратам делали? Нет? Хорошо. Экспертизу историй болезней, куда ты мог вписывать украденные препараты тоже, конечно, не проводили? И что у них на руках? Протокол изъятия пакета, подписанный подставными лицами, хотя в отделении десятки работников? Не настолько же они тупые, Артём, мы имеем дело с шантажом, им важно убрать тебя со сцены.

– Но Соколова в курсе, что к сентябрю я уеду в Питер, в докторантуру. Разве это не уход со сцены, как ты говоришь?

– Да, но слишком красивый уход. Уехал подозреваемым, вернулся доктором наук.

– Я не вернусь, это же ясно. Ты научи, что мне делать?

– Ждать. Если там не совсем дураки этим занимаются, тогда будет продолжение спектакля. Не возражай, я буду с тобой все время, черт знает, вдруг они решат тебя попугать обезьянником?

Прогудел рабочий телефон, Артём снял трубку:

– Мне нужен Белославский Артём Антонович.

– Это я.

– Следователь прокуратуры Покровский. Прошу срочно зайти ко мне, кабинет триста десятый, пропуск я закажу.

Чубаров вопросительно смотрел на Артёма.

– Ты в лице переменился. Что там?

– Прокуратура. Следователь Покровский желают видеть.

Игорь улыбнулся:

– Старый знакомый. Едем вместе.

Покровский пригласил гостей к столу и предложил:

– Я изложу суть дела, а вопросы потом. Мне принесли материалы проверки для возбуждения уголовного дела, господин Белославцев, я хотел было с ними ознакомиться, и увидел, что знакомиться не с чем, хотя состав преступления приличный, наркотики. Вы в курсе, гражданин Белославцев, в чем вас подозревают?

– В общих чертах.

– Так, господин адвокат, с чего начнём?

– Полагаю, с того, что тот человек, который представил моему подзащитному удостоверение майора УВД, нарушил все, что можно. Вам подсунули практически несуществующее дело. Почему никаких следственных действий, никаких изъятий, а выводы уже делают?

– Кто? – Поинтересовался следователь.

– Руководство моего клиента, Виктор Прокопьевич, ему грозят увольнением.

Хозяин кабинета, уже немолодой и грузный мужчина, прошёлся по ковру, разминая ноги. Говорил на ходу:

– Какая-то билиберда. Я поднимался к шефу, тот сказал, что надо собрать хотя бы минимум материала и направить дело в суд. Конечно, мне пришлось возразить, что та контора, которая начала проверку, все испортила. Если и было преступление, то вольно или по глупости мошенникам дали возможность замести следы. Нет экспертизы, нет протоколов вскрытия сейфа с медикаментами. Кто вас так любит, господин Белославцев, если создаёт такие условия? Или кто так ненавидит, что и нагадить хочется, а нечем?

Артём и Игорь переглянулись, Игорь кивнул: «Шпарь!».

Белославцев попросил следователя запастись терпением и выслушать все, что ему известно в связи с этой вознёй. Через двадцать минут Артём выдохнул: «Все!».

Покровский громко засмеялся:

– Молодые люди, я уже довольно пожилой человек, чтобы играть в такие игры, но вам помогу. До чего мне противны эти людишки,

дорвавшиеся до власти! Они же краёв не видят! Они считают, что должность даёт им право подминать закон. Это невиданно! Вот случай, чтобы им отомстить! Я буду опираться на протокол изъятия пакета с медикаментами, делая вид, что глуповат, не замечаю явных провалов, пишу по вашему рассказу протокол допроса обвиняемого, пишу все, кроме фамилии Анны Иоановны, сами понимаете, нет смысла усложнять. Собираю ещё какие-то документы, потом предъявляю вам, господин Белославцев, обвинение в халатном отношении к хранению наркосодержащих препаратов (тому подтверждение – протокол майора), мы идём в суд, и Игорь Игоревич блестяще разваливает дело, вынося клиента на руках прямо в ресторан. У меня есть подозрение, что шеф знает больше, чем сказал мне, уж как-то слишком поспешно он меня выдворил. Я попробую его колонуть, мы хоть и на разных этажах, но вместе Свердловский юридический оканчивали. Он сразу в КПСС вступил, а я воздержался, он в рост пошёл, а я в толщину. Ну, будьте здоровы. Да, визитки мне на стол, вдруг надо будет срочно по мобильнику связаться.

Покровский попыхтел, потом захохотал:

– Мужики, чего только я за последние годы не наработал, и безвинных сажал, и преступников отмывал поусердней адвокатов, но чтобы хорошего человека от чиновных лесбиянок спасать – не доводилось. Пойду на пенсию, стану мемуары писать, вот будет сюжетик!

Поздно вечером Покровский позвонил:

– Артём Антонович, могу вас поздравить. Приезжайте утром ко мне, сочиним нужные бумаги и скорый суд, пока моя подружка в отпуск не ушла. Вот дожили, судьи людьми стали, она дважды в год в Эмираты летает, оклад – черт на печку не забросит. В общем, жду.

Как и обещал Покровский, судья выслушала его путаное обвинение, вдохновенную речь Игоря, короткое слово обвиняемого. Через полчаса огласила приговор: обвиняемый оправдан за отсутствием состава и события преступления, потом перечень частных определений и «Приговор может быть обжалован...»

***

После суда, договорившись с Игорем о встрече завтра, Артём приехал домой, отключил все телефоны и упал в постель, сон сразу подхватил его и понёс по волнам последних переживаний, показал на минутку Полину, весёлую и бесшабашную, его месячной давности букетом машет ему издалека, а близко не подходит. Привиделась

Нина, в том белом наряде, что демонстрировала при посещении больницы, гордая, независимая, что-то внушительно говорит, но голоса не слышно. Потом вдруг появилась Анна Иоановна, почему-то кружилась, как в медленном танце и сбрасывала с себя блузку, юбку, обширный бюстгальтер, просторные трусы, осталась неглиже и стала бессовестно манить Артёма. От охватившего ужаса Артём проснулся, глянул на часы – скоро восемь. Включил телефоны, сразу несколько сообщений о звонках, два от Нины. Нет, надо отойти от всего этого, иначе с ума спрыгнешь. Он вызвал Полину:

– Как твои дела, дорогая? Я тебе редко звоню, проблем много, но теперь все решено. Ты собрала вещи?

Полина засмеялась дробненьким смехом:

– Что мне собирать, Артюша, помнишь, как в деревне говорили: нищему собраться – только подпоясаться. У меня все готово, только вот мама с папой переживают, все-таки лучше бы мне в общежитие.

– Я завтра утром приеду, и там мы все решим.

Артём удивился перемене в настроении родителей Полины, вроде как они и смирились, что дочь уезжает не просто в город, а на учёбу в медицинскую академию, что жить она будет не в общежитии, где Содом и Гоморра, а в доме приличного человека. Одно только их смущало: не заведено так в деревне, чтобы парень привёл девку, и живут они без регистрации, без венчания. А как заговоришь с ним об этом, если он сам себе на уме, планы большие, вроде даже уедет.

Машину поставили в ограду, посидели за столом, Артём понимал, что ждут его слова.

– Пётр Миронович и Лидия Матвеевна, у меня несколько планы изменились, в Петербург я не еду. Потому, как только мы определимся с учёбой Полины и моей новой работой, сразу играем свадьбу. Хотите – я в деревню друзей своих привезу, они с удовольствием погуляют на природе, да и вам проще. Нет – закажем ресторан, но это уже не то. Я хочу, чтобы тройка была, чтобы невесту выкупать, и сор мести, и блины разносить. Приглашайте всю родню, сентябрь будет очень тёплый, хорошо погуляем. Что скажешь, Полина?

Девушка покраснела:

– Мне в деревне больше нравится. И к твоим родителям сходим на кладбище, порадуем их.

Артём задохнулся:

– Спасибо тебе, Полиночка, если бы они знали, какая у них дочка появилась!

Решили, что поедут утром, не дело к вечеру являться в новый дом. Все обсудили, договорились, что Артём спиртное привезёт из города, там можно выбрать. Полина пообещала составить список и вместе с Артёмом все закупить. Лидия Матвеевна с радостью сказала, что хоть вспомнит, как раньше готовили к свадьбе, какие пироги, стружки, вафли, печенье заварное, суп обязательно, жаркое, три гуся придётся заколоть. Напрасно дочь, смеясь, отговаривала: лето, какое жаркое, окрошку надо, салаты. Пётр Миронович взял Артёма под руку, мол, их не переслушать, а мы пойдём на двор, своё потолкуем.

– Ты вот давеча о новой работе сказал. Что за работа? Ты, вроде, раньше своей доволен был. Не случилось ли чего?

Артёму было неловко, сказать правду – значит, внести дополнительные опасения и даже подозрения в сердца родителей, да и Полины тоже, надо что-то такое придумать, чтобы потом не выглядеть перед родственниками хитрым или скрытным:

– Есть одна проблема, Пётр Миронович, ничего страшного, но отнимает время и силы. Сменилось руководство, не все ладится, подберу приличное место и переведусь.

Пётр Миронович, похоже, успокоился, и без тревоги проводил дочь.

На другой день к обеду закончил все дела в отделении, позвонил Полине, та уже проснулась и занималась уборкой и обедом. Ещё вчера сказала, что обедать он будет только дома, хватит желудок портить столовским варевом. Сделал крепкий кофе, в телефоне нашёл пропущенные вызовы Соколовой. Нажал кнопку телефона:

– Вы мне звонили, Нина Николаевна.

– Да, узнала, что суд тебя оправдал, хотела поздравить. Нет желания встретиться? Поговорить есть о чём.

– Что, ещё не все? У вас есть в арсенале дополнительные меры наказания строптивых?

– Не журчи на меня, Артём, давай встретимся. Только не на людях.

– Вы приглашаете к себе? В качестве кого? Мальчика для биться?

– Ко мне ты не поедешь, к себе тоже не позовёшь, говорят, ты привёз молодуху? Остаётся автомобиль, интимно и без свидетелей. Подъезжай через полчаса, я выйду на тротуар.

Артём пошёл в душ, хотелось смыть все прошлое, оставить только Полину, долго стоял под горячей водой, потом фыркал от ледяной. Стало полегче. К дому Нины подъехал точно через полчаса.

– Артём, поедем на берег, там свежее, и людей никого. Я знаю, что ты про меня думаешь, кем считаешь. Теперь возврата к прошлому совсем нет, даже на уровне свиданий, я делала тебе гадости и чув-

ствовала, что люблю все больше. Не перебивай, я же не прошу ответа. Едва ли это что-то изменит, но не я все это придумала. Ты знаешь, кто. Это страшный человек. Мы познакомились случайно, одна подружка попросила сделать аборт женщине, я тогда работала в первом роддоме. Анна объяснила, что залетела, когда муж был в трёхмесячной командировке, она тогда работала, по-моему, директором дворца культуры. Все обошлось, но мы стали встречаться: рестораны, сауны... Меня все время удивляло: почему без мужчин? И вот однажды она меня расколола. Я сама чувствовала в себе это, но скрывала, хотя считается, что от мужчин скрыть невозможно. Это правда?

Артёму не хотелось вмешиваться в тему, и он ответил:

– Не могу сказать, я не замечал.

– Ты врёшь, Артюша, все ты замечал, даже думаю, после первой ночи что-то понял.

– Нина Николаевна, у тебя слишком длинный разбег. Ты имела что-то сказать – говори. Мы и без того заигрались.

– Хорошо. Анна Ивановна недовольна результатом твоего преследования, сегодня майора того уволят. Она уже точно решила вопрос с Питером, ты не поедешь. Девочка твоя остаётся в институте, я об этом позаботилась, может, хоть когда-то спасибо скажешь. Тебя завтра от должности заведующего отделением освободят, это её приказ. Пойдешь главным врачом в психиатрическую лечебницу, «Кошкин дом», за городом, ты знаешь.

Артём возмутился:

– Я никого не уполномочил искать для себя работу. Уеду к черту на кулички, но не пойду у вас на поводу.

Нина вздохнула:

– Артюша, ты меня больше не обвиняй ни в чем, это работа Волоканцевой. Она просила, даже приказала передать, что по стране все департаменты здравоохранения предупреждены: Белославцева при любой нужде на работу не брать. Я сегодня звонила наугад в четыре региона, Артюша, люди подтверждают. Хочешь, заедем ко мне в контору, я дам тебе телефонный справочник минздрава, убедишься.

– Заедем.

Он прозвонил медицинские ведомства от Владивостока до Краснодара, говорил с главными врачами областных и городских больниц – везде стандартный ответ:

– Простите, но нас предупредили, что у человека по фамилии Белославцев поддельный диплом, он скандалист, судим и прочее. В общем, принять не можем.

Секретарша главного врача пригласила Артёма на приём немедленно. Главный встретил хмуро, с сожалением посмотрел на вошедшего:

– Не буду спрашивать, Артём Антонович, в какую такую бяку вы влипли, но я получил приказ, вы даже не догадаетесь – от самой Волоканцевой – уволить вас незамедлительно. С таким начальником я спорить не могу, так что не обижайтесь, мне очень жаль, ведь вы выросли у нас на глазах, и специалист замечательный. Кому я сейчас передам отделение?

– Предложите Волоканцевой, она, правда, по образованию массовик-затейник, но по профессии руководитель, запросто сможет.

Василий Викторович улыбнулся:

– Это хорошо, что вы чувство юмора не потеряли, не переживайте, все устроится. Да, вот приказ, прошу расписаться.

***

Он вбежал в ординаторскую неврологического отделения областной больницы, на ходу выхватил из рук медсестры Мариночки ослепительной белизны халат и крикнул, чтобы к нему никого не направляли, он очень занят. Занятие было новое и столь неожиданное, никогда раньше успешный мужчина сам с собой и с товарищами подобных ситуаций не обсуждал, ан вот пришлось. Открыл дверь кабинета, потом вернулся, снял табличку с красивым текстом «Заведующий отделением, врач высшей категории, кандидат медицинских наук Артём Антонович Белославцев» и бросил её на диван.

– Да! – сам себе громко сказал Белославцев и откинулся в кресле.

...Август бушевал сухими ветрами, ярким солнцем и радостью. В пригородных садах зрели сибирские яблоки и виноград, на пляжах желающим не хватало места, рынки ломились от южных фруктов, арбузов и дынь. Ведущие местных радиостудий повизгивали от восторга, каждые пять минут сообщая о температуре за окном. Техническая обслуга агробизнесменов вывела на поля американские и немецкие комбайны, изумляя старых совхозных механизаторов производительностью и чистотой работы. Комбайнеры в светлых комбинезонах, чистенькие, как артисты.

– Красота, ребятишки, на такой технике робить. Мы-то, бывало, на «Сталинцах» да на первых самоходках – вместо кабины только козырек над головой. А молотили, считай, до октябрьской, если непогода. Ну, и зарабатывали, конечно, за уборку я мог мотоцикл «Урал» купить, а это поболе тысячи. Ты нонче, должно, на машину заробишь, при таких-то намолотах?

– Дай Бог, на стиральную, отец.

– Пошто эдак-то?

– Сколько хозяин даст, тем и доволен.

– Не должно так быть, жалобиться надо.

– Кому? Батя, все, я поехал.

Полина наводила порядок в доме, здесь ей все нравилось. Двор большой, высоким забором огорожен, даже вроде с проволочкой по верху, но лучше бы, конечно, голубой штакетничек, как дома, только нельзя, тут город. С другой стороны дома – сад и огород, хоть и приходила санитарочка Зина из отделения через день, Артём говорил, что платил ей за эту работу, но что такое в огороде появляться по расписанию, когда тут каждую минуту глаз да глаз? А с другой стороны бассейн небольшой, вода уж зацвела. Надо просить Артёма, чтобы слил, да вымыть там хорошенько.

В доме она выбрала комнату на втором этаже, у прежних хозяев это была гостевая, Артём только раз туда заглянул и просил Зину уборку там делать только время от времени. Полинке комната пришлась по душе: маленькая, уютная: кровать большая, под старину, шкаф для белья, столик, телевизор, санузел в уголке. Артём поднялся вечером, Полина уже спать собралась, халатиком запахнулась, глазёнки округлились, смотрит с испугом. Артём опешил:

– Что ты, Полюшка моя ненаглядная, глупая девчонка. А как же после свадьбы мы с тобой жить будем? Тоже в разных комнатах?

Поля села на стульчик, ножки поджала:

– Напугал ты меня до смерти. Я ведь не тебя боюсь, просто вздрогнула. А свадьба... Артюша, каждой девушке это предстоит, и мы станем мужем и женой.

– На 22 сентября регистрацию назначим, к тому времени с Петром Мироновичем договоримся, все-таки я хотел бы свадьбу в деревне.

– И я тоже, Артюша, дома-то как славно!

– Можно, я поцелую тебя?

– Только в щёчку, Артюша.

– А что так сурово?

Она сама охватила его шею, крепко впилась в губы и вырвалась, тяжело дыша, закрыв лицо руками:

– Артюша, счастье моё! Я бы сама зацеловала тебя до помрачения, да только пожалей ты меня, иди спать, а то я опять всю ночь глаз не сведу.

Артём прижал к губам её руку, пожелал спокойной ночи и вышел. Поля облегчённо вздохнула и тоже стала укладываться.

***

Сегодня уже никто и не помнит, почему психиатрическую лечебницу назвали Кошкиным домом. Комплекс зданий построили сразу после окончания Великой Отечественной войны, и по решению Москвы сюда в режиме секретности свезли со всех госпиталей страны раненых и контуженных, потерявших в результате рассудок. Всю территорию обнесли трёхметровым кирпичным забором. Въезд только один, строжайший контроль, вход только для медицинского и обслуживающего персонала. Артём слышал от Шмуля Меировича, который студентом там бывал, что лечебница представляла зрелище не для слабонервных. Были тихие пациенты, которые свободно гуляли по двору, конечно, под строгим контролем. Были группы «писателей», которые изводили пачки школьных тетрадей и все время писали письма, для которых был оборудован специальный металлический ящик с прорезью, в которую они спускали свои треугольнички. Были «правдоискатели», которые требовали большое начальство, чтобы сообщить свои наблюдения над противником или иную информацию, ставшую им известной. Таких водили в кабинет врача, который в форме генерала Советской Армии выслушивал все и записывал, потом благодарил, и несчастный вытягивался в струнку, выкрикивая «Служу Советскому Союзу!». Раненые в первые годы войны говорили спокойно: «Служу трудовому народу». Такие всякий раз долго присматривались к генералу, потому что формы такой не видели. Потом их отсортировали и водили к двум разным генералам. Самым страшным был третий корпус, где лежали буйные. Прикованные к кроватям, они продолжали воевать, у всех память зафиксировала именно последний бой, и по тому, что кричит пациент, можно было определить: этот артиллерист, этот лётчик, а те ребята пехотинцы, потому что перекликались: «Твою мать, не ложиться, продолжать атаку!», «За Родину, за Сталина – вперёд!». Большие были командиры, вплоть до генералов. Все они для родственников числились без вести пропавшими, хотя по личному указанию Сталина на их родных не распространялись жёсткие меры, предусмотренные для семей тех, кто пропал без вести и подозревался в измене Родине. Никто не выздоровел, всех постепенно похоронили на кладбище за стеной, указав полное имя, звание, даты. Время было не самое сытное, но пациентов кормили хорошо, со временем городские голодные коты нашли это место, а гуляющие в благоустроенном дворе пациенты получили новую забаву. Котов хотели отловить или отравить, но главный врач, добрейший человек, убедил, что общение с живым

существом благотворно влияет на психику больных. Котов оставили в покое, так появилась лечебница «Кошкин дом».

Получив приказ о назначении, Белославцев поехал к новому месту работы в сопровождении двух молодых людей из городского управления здравоохранения. Спросил:

– А почему ушёл прежний главный из Кошкиного дома?

Ребята засмеялись:

– Мы его год назад вот так же сопровождали, он месяц назад пришёл в управление, в кабинете начальника встал на четвереньки и полз до стола, вынул из кармана листок с заявлением и отполз к стульям.

Артём изумился:

– Что, действительно? Крыша поехала?

Ребята продолжали смеяться:

– Да нет, с крышей все в порядке, а вот нервы лечить будет. Не выдержал, умолял отпустить. А тут и вы подвернулись.

Артём понял, что парни в курсе его метаморфоз, и тему закрыл.

На проходной три охранника встретили гостей безразлично, проверили спецпропуска, сверили фамилии по паспортам, записали что-то в журнале, к этому времени подошли ещё трое, столь же гостеприимных и безразличных, Белославцев даже подумал, что эти люди из числа пациентов. Их провели в административное здание, оказывается, чтобы попасть собственно в лечебницу, надо пройти ещё одну проверку, но уже по документам учреждения. Главный врач, предупреждённый о замене, встретил гостей с нескрываемой радостью, провёл в кабинет, убогий, забитый продавленной и кособокой мебелью, да и сам он был под стать кабинету и его обстановке. Артём с ужасом подумал, что и он с годами может стать вот таким же пыльным и безликим.

– Господа, подготовлен акт о передаче символа руководителя – печати. Все остальное имущество числится за ответственными лицами.

Все расписались в двух экземплярах тщедушной бумажки, бывший главный достал бутылку коньяку, выпили по пятьдесят грамм. Попрощались. Когда за ушедшими закрылась дверь, Артём сел на краешек кресла. «Да, крутой поворот. Но – надо приступать к делу». На торце столешницы заметил кнопку, нажал, раздался рёв сирены и почти сразу в кабинет влетели двое здоровенных мужиков с электрошокером и дубинками. Остановились, недоуменно посмотрели на человека за столом.

– Вы свободны, пригласите, пожалуйста, главного бухгалтера.

Вошла немолодая приятная женщина, приветливо улыбнулась, представилась:

– Вера Семёновна, главный бухгалтер. Вы Артём Антонович, наш новый главный, нас проинформировали.

– Это хорошо, – сказал Белославцев. – У нас есть средства на счёте? Я бы хотел... сменить обстановку в кабинете. Это можно?

– Как скажете, Артём Антонович.

– Хорошо. С кем я мог бы осмотреть нашу лечебницу? Есть заместитель по лечебной части?

Вера Семёновна кивнула.

– Заведующий хозяйством, что-то в этом роде, у меня явно будут замечания.

Она снова кивнула.

– Вот и славно. Пригласите их, пожалуйста.

В дверь постучали, вошли двое.

– Начмед Борис Николаевич.

– Завхоз Иван Семёнович.

Обошли территорию, Артём высказывал свои оценки, что-то предлагал, завхоз записывал, молча кивая головой. Договорились, что он со своими предложениями придёт через три дня.

– Пойдём в отделения? – Белославцев посмотрел на заместителя.

– Давайте начнём с самого лёгкого. – Он махнул кому-то рукой, и пара санитаров встала за их спинами. В помещении душно, жарко, неприятный запах. На вопросительный взгляд главного заместитель заметил, что это постоянный запах, потому что многие больные страдают недержанием. Решётки на дверных проёмах, все закрыто на замки, пациенты сидят на табуретках, привинченных к полу.

– Борис Николаевич, и это всегда так?

– Как? – не понял начмед.

Артём промолчал, потом разберёмся. В других отделениях та же картина, а самое неприятное в палатах для буйных больных. Жара, мухи, зловоние.

Вышли на воздух, Артём перевёл дух.

– Борис Николаевич, к концу рабочего дня пригласите ко мне всех врачей, а до этого соберитесь и обсудите обстановку, чтобы конкретно предлагать, что можно сделать.

Письмо со штампом Санкт-Петербургской медицинской академии пришло Белославскому на домашний адрес. Настороженно вскрыл пакет. Письмо напечатано на компьютере:

«Дорогой многоуважаемый и незнакомый друг Артём Антонович Белославцев!

Нам довольно часто приходится то вместе, то поодиночке, выполнять просьбы и поручения своих единокровцев, Вы понимаете, о чем идёт речь. Несколько времени тому назад наш друг и коллега известный Вам профессор Бяллер обратился с просьбой посодействовать Вашему поступлению в докторантуру нашего института, точнее – академии, мы ещё никак не можем привыкнуть к этим неуместным и бестолковым преобразованиям. Более того, он просил одного из нас, а именно профессора Шпильмана Фридриха Абрамовича, взять Вас под своё крылышко, имея в виду руководить подготовкой Вашей диссертации и обеспечить её успешную защиту. Мы полагали, и профессор Бяллер об этом говорил, что Вы своевременно приедете для прохождения необходимых процедур, связанных с зачислением, а именно: личных контактов с нами и сдачи теоретических минимумов, которые для нашего дела никакого значения иметь не могут. По странному стечению обстоятельств Вы явились в учреждение непременно в то время, когда все мы трое находились в отпуске и уезжали на землю Обетованную, чтобы хоть несколько времени почувствовать себя настоящими евреями. Мы очень надеемся, что столь длительное общение с профессором Бяллером выработало у Вас необходимый уровень терпимости, как теперь говорят, толерантности по отношению к представителям унижаемой и гонимой нации. Тем не менее, по приезде мы получили информацию, что господин Белославцев успешно выдержал все издевательства нашей системы и стал кандидатом на место в докторантуре. Далее почему-то все пошло кувырком, мы получаем сообщение о смерти Шмуля Меировича, с которым лично никто из нас знаком не был, но по законам нашего народа мы считались друзьями только потому, что он сам нашёл нас и стал просить о помощи. Откровенно сказать, мы были уверены, что он просит о своём человеке, ну, Вы понимаете, кто поможет еврею, если не еврей? И велико же было наше удивление, когда обнаружилось, что Вы русский. Но теперь это не имеет никакого значения, мы только высказываем своё недоумение. Профессора Бяллера уже нет, а мы обещали ему поддержку, потому ждали Вас и были готовы к совместной работе. Наконец, вместо того, чтобы приехать и представиться нам лично, вы телеграммой сообщаете, что не имеете возможность явиться на учёбу. Конечно, телеграмма не тот документ, в котором можно все подробно объяснить, потому причина вашей неявки так и осталась для нас загадкой. Тем более, что руководство подтвердило Ваш отказ, и на вакантное место принят неизвестный нам человек. Мы про-

сили бы Вас, любезный друг Артём Антонович, подробным образом в письме объяснить нам Вашу ситуацию, чтобы мы могли все просчитать и принять разумное решение. Мы все трое независимо друг от друга пришли к заключению, что на Вас повлияли, что не по собственной воле Вы отказываетесь от учёбы. Мы ждём Ваших объяснений как можно скоро, потому что время идёт, и с каждым днём возможности наши сокращаются.

С искренним почтением – профессора Шпильман, Гольдский, Иванов».

Артём тут же написал и отправил ответ:

«Здравствуйте, господа профессора!

К сожалению, Шмуль Меирович ушёл из жизни так неожиданно и не успел познакомить нас лично, а в его планах было поехать вместе со мной и лично передать меня, как своего воспитанника, кому-то из вас. Честно говоря, я был уверен, что он знаком с Вами давно и поддерживает связь, потому что практически без сомнений говорил мне: «Никаких проблем не будет, Артём, там есть много наших, они тебя поддержат». Для оформления своего поступления я приехал, как только появилась такая возможность. Встретили меня не сказать, что приветливо, но после нескольких собеседований и практических испытаний отношение изменилось, что и закончилось согласием принять в докторантуру. Но дома меня ждали сюрпризы, о которых не хотелось бы говорить лишний раз, но, поскольку вы просите аргументировать моё поведение, пожалуйста, расскажу по порядку. Директором областного департамента назначили даму, которая ещё в институте имела на меня виды, потом выходила замуж, на почве общих сексуальных интересов завела высоких покровительниц, а когда узнала во мне успешного и вроде перспективного врача, попыталась приблизить к себе и по служебной линии, предложив стать её первым заместителем, и по личной, затащив меня в постель (к тому времени она была разведена, а я до сих пор холост). От обоих соблазнительных предложений я отказался, сославшись на скорую свадьбу и отъезд на учёбу в Питер. Тогда она обратилась к своей сексуальной партнёрше, занимающей очень высокий пост в областном руководстве, и мне была устроена обструкция в духе времён НКВД: подброшенный компромат, подкупленные свидетели, карманный следователь. Меня спасли видеоматериалы с записью оргий лесбиянок с участием нынешнего директора департамента и высокопоставленной

дамы, сделанные семь лет назад. После упорных переговоров кончилось тем, что в Питер меня не пустили, и я получил официальное письмо об аннулировании моего предварительного зачисления. С должности заведующего отделением сняли. Руководящая дама по своим каналам дала обо мне негативную информацию во все регионы страны, чтобы не смог уехать, и это правда, я проверял. Я добился только, чтобы восстановили в медакадемии мою невесту. Прижатый к стенке, согласился на должность главного врача областной психиатрической больницы, где все запущено до нельзя.

Вот все, что я имею вам доложить в связи с вашим заботливым письмом, за которое сердечно вас благодарю. Думаю, что с докторской уже ничего не получится, весь материал у меня по неврологическому отделению, теперь я лишён возможности вести наблюдения и обследования этих больных. А без перспектив получения глубоких теоретических знаний и практических навыков с целью применения их во благо больных степень доктора меня нисколько не интересует. Спасибо вам большое».

А. Белославцев.

Ответ пришёл через неделю:

«Милостивый государь, любезный доктор Артём Антонович!

Прежде всего, разрешите выразить Вам искреннее сочувствие в связи с тем, какие испытания Вам пришлось перенести, а также наше всеобщее удивление, что Вы так легко отделались. Один из нас, а именно профессор Иванов (его прадед был Гартман, известный психоаналитик своего времени) специализируется на изучении природы сексуальных отклонений и извращений. Он утверждает, что лесбиянки удивительно дёшево Вас отпустили. Впрочем, не удивляться тут надо, а порадоваться, потому что все могло быть гораздо хуже. Итак, что мы имеем? Кандидата медицинских наук, желающего получить степень доктора, но только при условии приложения к красивому диплому глубоких знаний и надёжного практического опыта. Однако этому мешает целый ряд обстоятельств, сложившихся вокруг него на месте. «Есть ли выход из этого положения?» – спросили мы себя и пришли к выводу, что есть. Вы удивительный русский, имеющий конкретную цель и страстно желающий её достичь. Не в обиду Вам сказано – это есть чистой воды еврейский принцип, и мы дружно Вас хвалим. Но этого мало. Мы прошли по всем кабинетам, которые имеют отношение к докторантуре и к вашему внезапному

отчислению из возможных кандидатов. На Ваше счастье, не на последнем месте в этой схеме сидит русский знакомый профессора Бяллера, они когда-то вместе учились в аспирантуре, это профессор Кадошников, умнейший и крайне душевный человек. Узнав, что он своей рукой вывел за списки ученика своего товарища, к тому же умершего, профессор Кадошников так растрогался, что сам предложил для Вас такой вариант. Вы зачисляетесь, таки, в докторантуру, мы высылаем Вам весь методический материал и диски с записью лекций по наиболее общим вопросам нашей науки. Вы сегодня, как мы поняли, уже главный врач психиатрической клиники. Дорогой Вы наш, Ваши враги не могли сделать для Вас более ценного подарка, Вам прямо в руки пал огромный объем материала, который надо внимательно систематизировать и изучать. Когда Вы разберётесь с тем, что имеете, а на это уйдёт по меньшей мере полгода, тогда будем определяться с темой. Мы считаем, что в таком учреждении у Вас не будет проблем с практикой и анализом. Мы уже через своего руководителя вышли на вашу медакадемию с предложением два раза в год выезжать и читать курсы лекций на самых льготных условиях. Это к тому, что два раза в год мы будем иметь возможность встреч, консультаций и практической помощи. Если такие условия для Вас приемлемы, срочно сообщите, чтобы начинать работу.

С уважением – профессора Шпильман, Гольдский, Иванов».

Получив это письмо, Артём с облегчением вздохнул: один рубеж у противника отбит, теперь ни Соколова, ни даже Волоканцева не смогут вышибить его из докторантуры. Другое дело, что об этом лучше помалкивать, чтобы не было давления и контроля.

***

Врач Ольга Ивановна осталась после утренней планёрки:

– Артём Антонович, у меня есть уникальный пациент, мне кажется, он вас мог бы заинтересовать, дать материал для диссертации. Случай действительно очень редкий. Его фамилия Котунов Григорий Сергеевич, он был главой одного из сельских районов, но за невыполнение каких-то обязательств перед партнёрами был жестоко избит. Видимо, убить хотели, проломили голову, нарушили мозг, но он выжил, и вот теперь у нас, уже около десяти лет. Я его веду три года, динамики никакой, физически крепкий, аппетит отменный, но, представьте себе, он три года всякий раз рассказывает мне одну и ту

же историю о том, как он стал главой района. Это сплошная чушь, но изюминка в том, что текст как бы заучен, как будто на ленту записан: из слова в слово, причём, с художественными деталями. Вы хотите его послушать?

Артём посмотрел на часы:

– Давайте после тихого часа.

В кабинет заведующего отделением, где Белославцев назначил встречу, вошёл невысокого роста мужчина, весьма упитанный, с хорошо обозначившимся животиком, с папкой в руках, без приглашения сел на табурет и посмотрел на врача.

– Григорий Сергеевич, как вы себя чувствуете?

Пациент вздохнул:

– Плохая охрана. Я неоднократно предупреждал, что располагаю очень важными документами, а ко мне поселили троих ненормальных, один поёт, второй пляшет, третий из табуретки извлекает музыку. И я всё это обязан слушать? Потому я ухожу из комнаты и документы ношу с собой, но ведь умудрились когда-то украсть мой партийный билет.

– Вы были членом КПСС?

– Это в прошлом, потом ещё какие-то партии, а потом та, которая называлась «Мой дом». Нет, «Кошкин дом». Не могу вспомнить, какой-то «дом»?

– «Мой дом – Россия» – подсказал Белославцев.

Котунов напрягся и согласился.

– Что с вами случилось, Григорий Сергеевич, почему вы оказались в нашей клинике? – спросил доктор.

Пациент опять насторожился и тихо спросил:

– Почему вы называете моё новое назначение клиникой? Вы тоже будете меня бить?

– Нет, ничего не бойтесь, никто вас не обидит, говорите.

Котунов с минуту молчал, сосредотачивался, потом заговорил, словно читал текст из какой-то пьесы:

– Я ещё раз спрашиваю, сволочь, как ты пролез в главы района? – Человек в форме участкового милиционера и циркового клоуна одновременно чеканил слова, как диктор советского телевидения, и всякий раз после вопроса несколько секунд ждал ответа. Я не мог выдавить из себя ни слова, хотел сказать, а голоса не было...

– Ты мне на бумаги не кивай, мы знаем (он так и сказал: мы знаем, хотя допрос вёл один), что ты почти единогласно избран. Но ты

же был самым тупым из руководителей, ты гинекологическим древом однажды назвал родословную Владимира Ильича, ты в слове из трёх букв делал четыре ошибки. Помнишь?

Я ничего похожего не помнил, но утвердительно кивнул, потому что, когда я в прошлый раз кивнул отрицательно, клоун–милиционер театрально, но больно ударил меня по лицу. Я видел это со стороны, сцена была красивая, если бы били не меня.

– Почему ты не хочешь признавать своей безграмотности? Ты писал слово на заборе, углём, ну?

Я опять кивнул, хотя никогда не писал на заборах углём, мелом ещё случалось, но он требовал уголь...

Вдруг в комнате не оказалось четвертой стены, вместо неё появилась лесная поляна. Я увидел себя, бегущим за двумя огромными лосями, лыжи не проваливались и плавно катили меня за зверями. Со всех сторон толпами бежали люди с транспарантами и трёхполосными флагами, на одном из лозунгов я успел прочитать: «Мы загубим всех лосей, пусть главой будет Евсей!». Евсей – это как бы я, хотя меня не так зовут, но сейчас меня возмутило, что указания писать такие лозунги я не давал, да ничего подобного и не было. Правда, я попросил мужиков помочь в организации охоты для Губернатора, приближались выборы главы района, и мне очень хотелось... (Господи, хоть бы он не услышал!) мне очень хотелось, чтобы исполняющим обязанности до выборов Губернатор назначил меня, а там в главы дорога открыта. Несколько руководителей меня поддержали, кто по молодости, кто за обещания. Весь район вышел, чтобы выгнать зверей на самого дорогого и удачливого охотника. В общем, охоту организовали по высшему классу, сейчас лоси выйдут на поляну, где замаскировался Губернатор, и несколько выстрелов из карабина повалят красавцев.

– Смотри, смотри, – жестоко посоветовал мой мучитель.

Я и без того во все глаза вылупился в стену, ставшую экраном, но, почему-то искажавшую правду жизни. Вот лоси выбежали на поляну и встали, как вкопанные. Губернатор почему-то в трусах и в майке ездил по кругу на велосипеде, а начальник милиции, прокурор и бывшая райкомовская уборщица разметали перед ним снег. Лоси упали на колени передних лап и сказали голосом губернаторского предшественника, павшего от рук до сих пор ненайденного киллера: «Пристрели, сил больше нет». Губернатор вынул из трусов рогатку и точными ударами уложил великанов.

Первым к Губернатору подбежал я, да, так и в жизни было. Мне отсюда было плохо слышно, что я говорил, но тогда, когда Губернатор завалил лосей из карабина, я бросился перерезать глотки. Вдруг в пяти шагах от меня лось начал подниматься, и Губернатор снова выстрелил, толи пуля сорвала с меня шапку, толи волосы, встав дыбом, столкнули её, но я тоже упал. Губернатор подбежал ко мне, пнул меховым сапогом, поморщился от запаха испуга, но обрадовался: живой!

Все эти кадры были вырезаны, вместо этого Губернатор заставил всех раздеться и натираться снегом. Я такой сцены не помнил, потому нырял в снег без азарта, как в тёплую ванну. Губернатор заставил меня снять трусы и выбросить их подальше, поставил между убитыми лосями и сказал: «Только он будет тут хозяином, потому что, хоть и обмарался, но удовольствие предоставить сумел».

Но не так же было! Пока егеря свежевали туши и укладывали чуть подбыгавшее мясо в чрева двух японских джипов, мы выпили по стакану коньяка с шоколадом и поехали на заимку, где уже все было готово к ужину. Вот тут-то прокурор, испросив, как положено, разрешения Губернатора, передал ему устную просьбу трудящихся назначить меня и. о. главы района.

Губернатор оценивающе на меня посмотрел: «Не надо стесняться того, что случилось с трусами. Многие после встречи со мной белье меняют». Тут публика одобрительно захихикала. «Я назначу тебя главой, а они, – он мотнул тяжёлой малоподвижной головой, – пусть попробуют не избрать».

Ничего этого не было в странной хронике. Будь там правда, а не билиберда с рогатками и вонючими трусами, (или трусы, действительно, были в реальности?), мой мучитель не задавал бы этих вопросов, ибо ответы были: Губернатор сам предложил мне должность, и не имеет значения, что совхоз, которым я руководил, развалился одним из первых, что я действительно сговаривал менее настырных сотоварищей поддержать меня, что я в самом деле не очень умён, хотя и закончил три высших образования, о чем жена мне всегда говорила в порыве экзальтированной страсти: «За то люблю, тебя, Гриня, что ты глуповат, но Богом замечен, везёт тебе, как не каждому дураку».

Мой следователь, уже почему-то переодетый в белый медицинский халат, приблизился ко мне, кивком головы поднял с табурета, обдав густым запахом гнилых зубов, спросил, глядя прямо в глаза и сквозь них:

– Так ты признаешься, как пробрался к руководству и распродал район, или мне тебя за яйца подвешивать?

Ужас охватил меня настолько, что я закричал, и крик, наконец,

вырвался из моей груди, вырвался сильно, и мелькнула мысль, что кто-нибудь услышит, придёт на помощь. И точно, включили свет, кто-то уже развязывал верёвки на моих руках, кто-то хлестал по щекам, чтобы я очнулся. Все ещё оря, я проснулся, жена в ужасе стояла на коленях на своей половине постели и хлестала меня по лицу. Кое-как освободившись от её опеки, я сполз с кровати, пощупал трусы, на полусогнутых, трясущихся ногах вышел на кухню, вынул из холодильника бутылку пива и единым духом выпил. Немного успокоился. Жена пристала с вопросами, что приснилось, пришлось послать на хрен. До утра почти не спал, все думал, откуда такая чепуха могла прийти в голову. А потом кто-то сильно ударил меня по голове, и вскоре я оказался здесь, на новой работе.

Больной замолчал, Белославцев выключил диктофон.

– Вам нравится ваша новая работа?

Котунов пожал плечами:

– Не очень, мне губернатор обещал повышение, но тянет, а тут уже надоело руководить, все те же люди, те же задачи.

– Вы проводите планёрки?

– А как же? Каждый день утром и вечером, у меня всегда был такой порядок. Но не выполняют почти ничего, и наказать не могу, приходят какие-то мужики, я бы их дальше приёмной не пустил, вяжут по рукам и ногам. Мешают работать, просто подрывают всякую инициативу.

Белославцев кивнул:

– Хорошо, идите к себе в палату.

– В кабинет! Я настаиваю, что у меня кабинет!

– Я не возражаю, пусть будет кабинет.

Больного увели.

– Как ваше впечатление? – Спросила Ольга Семёновна.

– Грустное, – ответил Белославцев. – Родные у него бывают?

– Нет, я, по крайней мере, за три года никого не видела из родных. Приезжали мужчины, трое, назвались товарищами по работе, но мы воздержались от встречи, вдруг это те, кто его убивал? Отказали. Всё.

– Я вас попрошу, Ольга Ивановна, все материалы по Котунову мне на стол. Надо его обстоятельно обследовать. Я сегодня же сравню вашу диктофонную запись со своей.

После сравнения Артём Антонович несколько минут молча смотрел на аппараты: из слова в слово, из звука в звук, с сохранением всех интонаций, хотя между записями почти два года. Удивительная способность мозга, и надо попытаться её разгадать.

***

Почему я никогда не думал, с каких пор у меня начались неприятности? Бархатов улыбнулся этой мысли. Когда стал думать, пробежался по двум последним увольнениям, явно незаконным, но опротестовать их не было никакой возможности. Прокурор города, прощаясь с ним, искренне сожалел, что ничего не может сделать, потому как указание об увольнении из органов прокуратуры клеветника и графомана Бархатова поступило от самого прокурора области лично.

Ещё раньше он был советником и консультантом при горисполкоме, пока ему в руки не попало незаконное распоряжение председателя о выдаче ордеров на квартиры в новом доме нескольким гражданам, которых Бархатов знал и которые к этим квартирам не имели никакого отношения, более того, в улучшении жилищных условий они и не нуждались. Но ему было известно, что восьмиквартирный домик в самом центре городка строится за счёт экономии средств на большом многоэтажном доме, и будет подарком молодым семьям, которые справят свадьбу в день города. Правда, Бархатова несколько смущало, что молодые семьи сразу получат трёх и даже четырёхкомнатные квартиры, но потом он подумал, что это очень правильно, пусть семья растёт, пусть у неё будет перспектива, хоть квартирный вопрос не будет портить жизнь.

Вот он женился, ни угла своего, ни родственников, снимали комнату у хозяйки, злой и стервозной женщины, вечно чем-то недовольной. Бархатов несколько раз пытался с нею говорить, но, получив кучу матов, приходил в свою коморку ни с чем. Странно, но супруга его со временем переняла замашки своей хозяйки, и теперь они уже вдвоём пилили Бархатова за непрактичность и неуживчивость с начальством. Все кончилось после сообщения об увольнении из прокуратуры, где, между прочим, супруге его на приёме сам прокурор пообещал помочь с жилплощадью, тем более, сообщила она, семья ждёт прибавления. Бархатова не удивило, что начальник узнал о грядущем пополнении вперёд папаши, удивило, что три дня назад, ещё до скандала, на его вопрос о квартире прокурор неопределённо пожал плечами: ждите!

Рассматривая уголовное дело о драке в молодёжном кафе со смертельным исходом, Бархатов заметил несколько нестыковок, пригласил следователя, и тот ему открытым текстом доложил, что да, убийца не тот вахлак, которого он обвиняет и который уже месяц сидит в камере и дал признательные показания, а другой, фамилию которо-

го и называть страшно. Но Бархатов нажал, и следователь написал на бумажке два слова, из которых следовало, что убил девушку сынок первого секретаря горкома партии. Бархатов хотел взять бумажку, но следователь предусмотрительно её со стола сдёрнул и сунул в рот, прокрутил пару раз языком и смачно проглотил.

Бархатов ещё раз прочитал дело, указал в примечании, что все нити ведут к другому участнику драки, но он остался в тени и даже не допрошен. Расписавшись, Бархатов вызвал следователя, и тот, взяв три жиденьких папочки, заметил, что помощник прокурора может быть и прав, но сам прокурор правее, и это он дал указание отмазать сына высоко сидящего руководителя. На это Бархатов заметил, что закон един для всех, и сын партийного босса будет отвечать за содеянное, надо только грамотно провести следствие, заодно и пообещал, что сам поможет следователю, если тот боится или не видит подходов.

В общем, закрутилось, дело стали зажимать, на Бархатова давить, обвиняемый по первому варианту взял всю вину на себя и «от стыда перед невинно обвиняемыми товарищами» удавился в камере, где спали ещё шесть человек, и никто ничего не слышал. Бархатов выехал в горотдел милиции, но уже опоздал, протокол осмотра был составлен, труп он догнал уже в машине, откинул простыню и испугался: голова была пробита, кусочки серого мозгового вещества запутались в волосах, лицо чёрное от синяков, сломанная рука неестественно подогнулась под спину. Сопровождающий небрежно оттеснил Бархатова от машины и захлопнул дверь. Да, потом он писал в областную прокуратуру, в обком партии, в Генеральную прокуратуру. Ответы в два адреса получал за подписью своего прокурора, с которым сидели через стенку. Он и вызвал как-то вечером своего помощника и подал ему трудовую книжку. Вот тогда Бархатов и увидел свой дерматиновый чемодан с трусами и книжками, плавно летящий в сторону только что появившегося в дверях хозяина.

А было время, что ему ужасно везло, например, когда был зачислен в один из престижных юридических институтов и слушал лекции самого профессора Алексеева, непререкаемого авторитета в области права, ставшего потом Председателем Верховного суда. Он был хорошим студентом, блестяще сдавал экзамены, и сам Алексеев обещал ему аспирантуру и работу на кафедре. Но Алексеев ушёл в Москву, места в аспирантуре келейно поделили между своими, забыв об одном из лучших выпускников. Так он и попал в Казахскую союзную республику.

С дерматиновым чемоданом подался в Россию, где ничего при-

личного предложить не могли, рекомендовали юристом в управление сельского хозяйства. На берегу чахлого и вечно воняющего озера дали жилье – старый разваливающийся дом бывшего начальника комхоза. Бархатов, как мог, привёл дом в порядок, и тут получил сообщение от жены, что она родила дочь и жить без его помощи не может. Бархатов пошёл к начальнику управления, рассказал ему всю семейную историю, тот дал свою машину привезти жену и дочь.

Кажется, несколько лет больших неприятностей не было, но, когда стала подрастать дочь, мнения родителей о воспитании сильно разошлись. Отец хотел, чтобы дочь не сидела у телевизора и не раскрашивала дурацкие комиксы, а учила счёт и буквы, чтобы скорее приобщить её к детским рассказам великих русских классиков, которые уже стояли на полке и ждали своего часа. Помнится, на третьем году в ссоре он ударил жену, о чем сразу же сильно пожалел, просил прощения, но она словно ждала этого удара, побежала в больницу, «сняла побои», как здесь говорят, хотя побоев тех и видно не было, разве небольшая припухлость на правой щеке. И этого оказалось достаточно, чтобы его уволили с работы, жена перешла на квартиру своей новой подруги, суд их быстро развёл, и отношения между отцом и ребёнком поручил регулировать комиссии по охране детства при отделе образования.

Да, пожалуй, это была его первая встреча с идиотизмом не на службе, а по личной линии. Пожилая сухопарая дама, возглавляющая эту комиссию, написала решение, по которому всякий контакт отца с дочерью мог состояться только с согласия матери ребёнка. Понятно, что сия бумага была написана по просьбе бывшей жены и противоречила всем положениям закона о семье. Но бумага имела невероятную силу, и, как только Бархатов приближался к игровой площадке детского сада, воспитательница тут же вызывала милицию. Трижды успешно освобождённый, Бархатов получил наказ: ещё один вызов, и ты поедешь сам знаешь, куда. Ему оставалось только издалека наблюдать за играющей около дома дочерью, пока она не видела его и не кричала своё: «Папка, я хочу твою сказку!». Отец, сломя голову, убегал переулком на другую улицу и шёл домой.

Однажды он пошёл в отдел образования, но дама, увидевшая его в окно, поспешила в туалет, и Бархатов постучал в дверь заведующего отделом Петра Ивановича Пискулина, который не успел убежать и встретил гостя в пальто и в шапке. Бархатов, будучи человеком не особо озабоченным, кто и как к нему относится, не знал и не мог знать, что вокруг его имени сложился ореол искателя правды и оби-

женного судьбой человека. По этой причине, считали люди, Бархатов обижен на весь белый свет и что он может выкинуть – это ещё надо подумать. Пискулин, несколько смущённый, не снимая пальто, пригласил посетителя присесть, поинтересовался, что его привело. Бархатов спокойно объяснил, что решение комиссии, запретившей ему общение с дочерью, не имеет под собой юридических оснований и нарушает права человека (по международной Конвенции) и права родителя (по закону о семье и браке). Убитый такими авторитетными ссылками, Пискулин ещё более потерялся и уже на простой вопрос Бархатова, на каком основании ему запрещены свидания с дочерью, выпалил, что он, Бархатов, ненормальный, и это всем известно, потому решено ребёнка защитить. Бархатов выслушал все это спокойно и спросил Петра Ивановича, а что значит «ненормальный»? Пискулин промолчал, боясь обострения.

Тогда Бархатов разъяснил начальнику отдела образования, что ещё выдающийся философ, драматург и политолог эпохи Возрождения Никколо Макиавелли, для особо одарённых уточнив, что жил тот на стыке пятнадцатого и шестнадцатого веков, определил, что бывают умы трёх родов: один все постигает сам, второй может понять то, что постиг первый, а вот третий – он ничего не постигает и постигнутого другими понять не в состоянии. Далее Бархатов констатировал скорее для себя, что Пискулин, и его команда принадлежат к третьей категории, поэтому говорить с ними о чем-либо совершенно бесполезно, ибо они не способны понимать.

Оставив Пискулина в пальто и с открытым ртом, Бархатов хлопнул дверью и уже не слышал, как вслед ему неслось очень уверенное: «Ха-а-ам!». Бархатов работал кочегаром в котельной, уставал, но после смены брал свои книги и перечитывал все, что касалось отношения семьи и государства. Ничего не найдя приличного в современном законодательстве, он стал через районную библиотеку выписывать труды русских мыслителей прошлых веков, православных деятелей, которых теперь издавали весьма охотно, а также книги великих философов античных времён, эпохи Возрождения и вообще все, что помогло бы ему найти истину. Вот эту задачу – поиск истины – он определил, как основную. Внимательное изучение библии не только не приблизило его к ответу, но и породило массу новых вопросов, жаждущих ответов. Истину он теперь напрямую связывал с правом, не с законодательством того или иного государства, а с правом, созданным самим народом и стоящим над государством.

Увлечение этими книгами, теориями и толкованиями привело его к выводу, что существующая в стране система отношений между гражданами, составляющими общество, и собственно государством, порочна и ведёт к гибели нации. Особую роль он стал отводить семье, пытаясь высказывать эти мысли на собраниях и сходах, широко проводимых тогдашними властями. Газеты сразу отказались его публиковать, письма в разные инстанции либо оставались без ответа, либо чиновник отсылал автора к научным авторитетам. Когда отдел Пискулина напрочь отверг его предложения и утвердил типовой устав общеобразовательной школы без фундаментальных положений Бархатова, тот стал добиваться приёма у самого главного человека по воспитательной работе – у заместителя губернатора по социальным вопросам Анны Ивановны Волоканцевой. И такой приём был назначен на вторую половину прекрасного апрельского дня.

***

Через помощников Нина Николаевна попросилась на десятиминутный разговор к Волоканцевой, её записали на семнадцать часов, извинились: у первого заместителя губернатора до пяти вечера приём граждан по личным вопросам. Нина приехала чуть раньше, и без четверти пять уже сидела в приёмной. Прислушалась: за плотными двойными дверями слышались громкие голоса, точнее, громкий, нервный голос мужчины:

– Ещё раз утверждаю: вы безграмотная сумасбродная женщина. Я изложил вам письменно весь процесс совершенствования работы школы, воспитательной работы, а вы по своей малообразованности не можете постичь простое: только в единстве семьи и школы спасение молодого поколения России!

Далее тишина, видимо, что-то говорит Волоканцева, и опять громко:

– Это чушь, вы даже не имеете представления о предмете разговора! Я столько времени добивался аудиенции, я знал, что вы были заведующей городским клубом, но это не самый большой недостаток. Беда в том, что, увы, на этом уровне ваше развитие остановилось.

Теперь уже слышно и хозяйку кабинета:

– То, что вы предлагаете – бред сивой кобылы. Меня предупреждали, что вы больной человек, но вы больше, вы ненормальный.

– Да, и горжусь этим. Вы все так называемые нормальные, вы можете мыслить только в рамках, отведённых вам вашим скудным умом. Учтите, прогресс двигают и революции делают люди ненормальные, они выше нормы по уровню ума и интеллекта.

– Все, вы свободны! Ответ получите письменно.

Из кабинета вышел небольшого роста мужчина с круглым, чуть одутловатым лицом, лет пятидесяти, с папкой в руках, вышел с видом победителя, внимательно посмотрел на Соколову:

– Вы напрасно идёте к этой даме решать вопросы. Она глупа и не способна думать.

Нина вошла в кабинет, Анна Ивановна стояла у окна и в форточку выпускала лёгкие ленточки сигаретного дыма. «Укатали Бурку крутые горки», – вспомнилось Нине, она знала, что Волоканцева никогда не курила в кабинете, и вообще мало кто знал, что она курит.

– Придурок! – громко ругалась она. – Я же читала его проекты, есть заключение специалистов образования, что такие меры невозможны в нынешних условиях. Нет, черт дёрнул принять лично. Кто об этом просил, надо уточнить и всыпать, как следует. Ладно. Что у тебя? Какие вопросы?

Соколова положила перед ней папку с документами.

– Это не срочно? Тогда посиди. Я попрошу тебя, девочка моя, в неделю раз выезжать в сельские районы. Нам нужно основательно укрепить районные больницы. На областной думе мне досталось от оппозиции, вообще-то мужики правильно все говорят, но они же не знают, как трудно в бюджете сводить концы с концами. А районные больницы надо укрепить и кадрами, и оборудованием. Займись.

Соколова кивнула.

– У тебя что-то не так? Милая, ты мне не нравишься. Что тебя мучает, посмотри, лица нет. Давай баньку закажем?

– Нет, Анна Ивановна, не в этом дело. Я скучаю по Белославцему.

Волоканцева засмеялась, хотя признание Нины переходило всякие границы:

– Всех-то и делов, как у меня мама говорила. Вызови, пообщайтесь.

Нина вздохнула:

– Легко сказать – вызови, после всего, что мы с ним сделали, он, конечно, приедет, но говорить будет только о деле.

Волоканцева, видимо, обиделась:

– Ладно, делай, как знаешь, я-то чем могу помочь? В баню не едем?

– Давай в другой раз. Правда, я очень устала. Сны дурацкие снятся. Бумаги эти посмотри и согласуй с финансистами, я с ними уже на ножах.

– Правильно. И они тебя хвалят, говорят, готова из горла вынуть, если деньги нужны. На какие цели?

Нина улыбнулась:

– Артём Антонович прошение прислал, что было в резерве – отдала, но мало. Прошу пополнить счёт его клиники.

– Подожди, а ты была у него? На что он просит, тебе известно? Написать что угодно можно, ты охлопочешь пяток миллионов, а он «Лэнд Крузер» последней модели пригонит. Вот тебе и повод для встречи: поезжай, пусть на месте докажет, на что ему надо... сколько? Пять миллионов? Да он что там, ковровые дорожки по дурдому выстилать собрался? Впрочем, съезди, поговори.

Нина вдруг вспомнила:

– Анна Ивановна, а этот визитёр тебя достанет, по нему видно, что он любитель по высоким кабинетам правду искать.

– О, хорошо, что напомнила, надо по нему справки навести. Ты поручи своим специалистам в Поречье, его фамилия Бархатов, да, пусть психиатр или невропатолог посмотрит. У него мания величия выраженная и все остальное.

Нина вышла из здания администрации в половине шестого. Набрала телефон Белославского:

– Артём Антонович, добрый вечер. Вы ещё на работе? Тогда я прямо к вам.

Артём встретил у проходной, вежливо пожал поданную руку:

– Пойдём в кабинет или по отделениям?

– Лучше пока в кабинет. Мне нужно обоснование вашей просьбы по деньгам. Сумма приличная, надо объяснять финансистам.

– Так пусть они сюда приедут и посмотрят, на месте определятся, надо что-то менять или пусть так живут.

Нина Николаевна осуждающе на него посмотрела:

– Артём Антонович, вы капризны, как ребёнок. Я понимаю, усталость сказывается. Я тоже нервничаю. Такой ужасный месяц!

Белославцев рассмеялся:

– Вы как будто мне жалуетесь, словно не вы с меня, а я с вас сапоги снял.

Нина Николаевна вздрогнула:

– Какие сапоги?

– Простите, слова вашего однофамильца Соколова из «Судьбы человека» хотел процитировать.

– Господи, а я уж...

– Понял. Рано, Нина Николаевна, я только неделю отработал, я и больного-то настоящего ещё не видел.

– Артём, не надо так шутить, у вас действительно очень сложное

учреждение. Давайте по пунктам обоснуйте необходимость финансового подкрепления.

Они около часа сидели и заинтересованно обсуждали проблемы клиники. Со всеми доводами главного она соглашалась, не потому что была уверена в необходимости этих затрат, а просто хотела и дальше слушать его голос, украдкой любоваться его красивым лицом, манерой убеждать. Ей опять показалось, что все ещё может измениться, Артём вот сейчас скажет: «Да ну это все к чертям, поедем лучше ко мне!». И опомнилась: к нему уже вообще нельзя, в доме живёт невеста. И совсем не к месту спросила:

– Артём, когда у тебя свадьба?

Артём растерялся, но тут же взял себя в руки:

– В конце сентября, в деревне.

– Но невеста живёт у тебя? Ты спишь с ней?

Артём улыбнулся:

– Нина, ты неисправима. Живёт у меня, но спим мы раздельно.

– А что, разве пост?

– Вообще-то и пост, но основания другие. Полина, да и я тоже, мы оба хотим настоящую свадьбу, по русским обычаям.

– Любопытно посмотреть, и простынь утром вывешивать будете?

Артём сдержался:

– Нина, не надо ёрничать, но свадьба будет настоящая. Так, продолжим?

Соколова встала:

– Не надо, Артём Антонович, я все сделаю, чтобы необходимую сумму клиника получила. Провожать меня нет необходимости.

На заднем сиденье служебного автомобиля она расплакалась. Водитель подъехал к её дому, открыл дверцу. Директор департамента сидела, уронив голову на колени и прикрыв лицо руками.

***

На субботу Артём пригласил друзей, Полина весь день вместе с Зиной Михайловной провели на кухне, готовили, хотя Артём предупредил, что главным блюдом все равно будет шашлык. Друзья приезжали на автомобилях, ставили их в рядок в сторонке, кучковались, вели разговоры. Артём, глядя на кампанию, хмыкнул: одни врачи. Да и откуда взяться иным приятелям, если после учёбы он практически нигде не бывал? Володя, ставший вместо него заведующим отделением, приехал последним, обнялись:

– Ну, здравствуй, Владимир Иванович. Иначе теперь никак нельзя.

Володя широко разулыбался:

– Сам не могу привыкнуть, должность обязывает.

Артём заметил, что Володя стал заметно сдержаннее, чуть медлительнее, за столом не шумел, как раньше, ещё ни одного анекдота не рассказал. Артём вывел за руку Полину, и стол замолчал:

– Представляю вам, друзья мои, невесту свою, Полину. И всех приглашаем на свадьбу 22 сентября в деревню. Подробности позже.

Хозяева рядышком сели с торца стола, разлили вино, Зина принесла тушёное мясо с овощами, обед пошёл своим чередом. Артём радовался такой встрече, часто предлагал тосты, время от времени спрашивая Полину, что ей положить на тарелку. Если бы Артём был чуть осторожнее, чуть бдительнее, а может и по-другому, может, просто чуть меньше любил бы эту славную девочку, как маков цвет среди сугробов, привезённую из деревни, из семьи все ещё патриархальной, в которой девушка в восемнадцать ещё не знала трепетного прикосновения юношеских уст, хотя в помыслах природа заводила её в тупики неведанного. Или был бы Артём более недоверчив к товарищам своим, мог предположить за кем-то возможность попытки завладеть вниманием юной хозяйки...

Нет, он праздновал встречу с друзьями, ему нравилось и льстило, что Поля произвела на ребят сильное впечатление, и он немало для того постарался, вчера полдня искали платье для такого случая, ему хотелось чего-то лёгкого, как сама Полюшка, воздушного, чуть откровенного и все-таки скромного, и вот нашли, девушки в салоне одели Полю и вывели на подиум. Артём обалдел от такой красоты, встал перед своей королевой на колени и целовал её руки. Продавцы, консультанты и покупатели собрались и дружно аплодировали красивой паре. Она и сейчас царственно сидела рядом, лишь пригубила вино и ничего не кушала, улыбалась, слушала невинную болтовню кампании.

Только девушка сразу выделила из всех гостей того, кого Артём назвал Володей, коллегой и преемником его отделения, она украдкой глядела на него, вовремя отводя взгляд, и только раз глаза их встретились. Никто не видел, какая молния беззвучно ударила над столом, никто не слышал оглушительного хлопка в её головке, она неловко уронила вилку, и Артём заботливо спросил, что с нею, отчего вдруг побледнели бывшие только что розовыми щёчки, отчего дрожит рука. Полина сослалась на выпитое вино, и он поверил, хотя до этого видел только один глоточек шампанского, выпитого ею за столом в деревне.

Если бы он в это время посмотрел на друга своего и однокурсника, с которым пять лет прожили в одной комнате, знали друг о дружке все, вплоть до мельчайших интимных подробностей. Оба закоренелые холостяки, они были грозой девичьих общежитий, а позже дискотек и ночных клубов, вернувшись в комнату под утро, тихонько делились подробностями минувшей ночи. Если бы он сейчас взглянул на друга, непременно прочитал бы все те приметы, которые всегда говорили о наметившейся цели, так было, когда Володя среди десятков лиц и фигур находил то, что интересовало его именно сегодня. Весело жили, если на прошлой неделе Володя обхаживал белокурую толстушку, то в следующий выходной искал «прогонистую и трефи», что означало: нужна высокая и стройная брюнетка. И она будет! Если бы Артём в это время посмотрел на друга, тот впервые отвёл бы глаза, потому что сам ничего ещё не понимал, ощущал только искреннее смущение, смятение и в то же время удивительный, неожиданный прилив радости, даже счастья.

Но все шло своим чередом, уже невыносимо для обоняния запахло шашлыками, все переместились поближе к мангалу, облепили переносные столики, белое вино лилось рекой. Увидев Володю с букетом шампуров в руке, Артём позвал его к своему столику, шампуры разобрали и жевали сочное молодое мясо, запивая сухим белым вином. Полина тоже ела и даже пила вино, чем удивила Артёма, но он ничего не сказал. Володя через минуту извинился, вымыл под летним умывальником руки и попрощался.

– Что-то ты рано, брат? – обнял его Артём. – Полюшка, иди, попрощайся с Володей, он уезжает.

Полина подошла, молча подала руку, Володя так же молча и смущённо её пожал и пошёл к машине. Стали собираться и остальные. Полина одна сидела за столом и молча смотрела на шумную кампанию. Когда все разъехались, пришла Зина, Полина что-то шепнула ей на ухо, Зина кивнула, и Поля пошла в дом. Артём искупался в бассейне, надел халат, проводил Зину, закончившую уборку, и вошёл в дом. Он ещё не понимал значение этой тишины, так тихо в доме после приезда Поли не было никогда, она заполняла своим присутствием все пространство, привлекая музыку, телевизор, а то и сама пела простые проголосные песни. Сейчас в доме было неожиданно тихо, Артём поднялся на второй этаж, дверь Полиной комнаты закрыта на ключ. Он постучал. Никто не ответил. Он позвал:

– Полюшка, ты не спишь? Я хотел поцеловать тебя.

Молчание показалось ему вечностью.

– Или спать, Артём, я плохо себя чувствую.

– Извини, дорогая, спокойной ночи.

Он не знал, что не будет теперь у Полины спокойных ночей, и эту первую она проведёт, не сомкнув век. Что случилось, отчего этот парень, виденные ею впервые, так запал в сердце, отчего и он, она видела, чувствовала, понимала это – отчего он так смущён, взволнован и потерян? Нет, это блажь, она любит Артёма, она благодарна ему за все, она никогда его ни на кого не променяет. Мало ли симпатичных мужчин? Да их будет ещё больше на её пути, когда они отпразднуют свадьбу и будут уже законной парой ездить по гостям в приличные семьи, куда без него её бы и на порог не пустили. Нет, надо заставить себя забыть этот взгляд, пронзивший её неопытное сердце, забыть неясную дрожь во всем теле, какая случалась лишь, когда Артюша крепко прижимал и целовал её, и она чувствовала его всего... тогда такое было волнение, необоримое, страстное, приятное, ждущее продолжения. А сейчас отчего? Ну, посмотрел парень, мужчина, красивый, умный. Забыть. И что сказать завтра Артёму, когда он спросит о сегодняшнем состоянии? Почему ты плохо себя чувствовала? От вина? Но он видел, что ты не выпила даже бокал. Что соврать? Врать? С первых дней врать мужу? Но он пока ей не муж. Не муж... Господи, что такое творится в её голове? Откуда эти срамные мысли? Все уже решено, скоро свадьба, семейная жизнь, с Артюшей, только с Артюшей!

Она забылась под утро, встала очень поздно, включила телефон – Артём звонил несколько раз. Позвонить, успокоить, что все нормально... Но ведь не нормально же! Почему в глазах Володин взгляд, почему сердце ёкает, как только вспомнит о нем? Влюбилась? Как и в Артёма – с первого взгляда? Нет, об этом не может быть и речи. Его взгляд? Да мало ли мужчин вчера на неё смотрели, и вечер Артём назвал смотринами. Надо успокоиться, скоро Артём приедет на обед. И все будет хорошо. Зачем обманывать себя, ведь хорошо уже никогда не будет?

Артёма испугала неожиданная перемена в Полине. Она пылко обняла его у входа, и он почувствовал наигранность этой пылкости, она пыталась заговорить, путалась, два раза к ряду спросила, как на работе? Потом она хотела было уйти, но от дверей вернулась, видимо, вспомнив, что никогда не уходила, оставив его одного. Артём отодвинул тарелки и попросил:

– Поля, сядь напротив меня.

Она послушно села, ожидая жёсткого выговора, как будто он о чем-то мог знать или догадываться.

– Поля, я прошу сказать мне, что с тобой происходит. Ты так резко переменилась. Ты здорова?

Она кивнула.

– Объясни, в чем тогда дело? Ты вчера на вечеринке сразу стала другой. Конечно, я это заметил, но не могу найти причину. Может, ты мне все объяснишь?

Полина закрыла лицо руками и заревела в голос. Так ревели бабы в деревне по убитому на войне или внезапно умершему, и плач этот, безудержный, бесслёзный, рвал сердца всех слышавших его. Вот и сейчас Артём сел рядом, обнял, но не почувствовал былого доверия, она не ткнулась лицом ему подмышку, не швыркала носом, она отстранилась, посмотрела чужим взглядом:

– Артём, я сейчас соберу вещи и уйду в общежитие. Артюша, прости меня. Ничего тебе не скажу, сама столько же знаю. Только не быть нам вместе.

Она встала и хотела уйти. Артём поймал её за руку, развернул, ухватил руками лицо:

– Что ты несёшь, Полина! Ты с ума сошла! Что случилось, объясни мне, я способен понять, но мне надо знать причину. Ты же любишь меня, Поля, и я тебя люблю, милая, да у нас свадьба через две недели.

Он поймал себя на том, что говорит только для того, чтобы не молчать, не слышать глухой тишины и не услышать от неё что-то страшное и непоправимое. Он пытался легонько её обнять, прижать к себе, заставить забыть только что сказанное – она неумело сопротивлялась, прикусив губу, высвободилась, да он не крепко и держал, повернулась, глянула прямо в глаза, как тогда.

– Не будет свадьбы, Артюша. И ничего не будет. Ты очень хороший и добрый, а я дура сумасбродная. Но врать не умею. Не стало любви, Артём, и ничего не поделать. Прости.

– Поля, я хочу и имею право знать, что изменилось. Как это понять – не стало любви? Куда она пропала? Это случилось на вечеринке? Может, тебе кто-то сказал дурное обо мне? Милая, не надо прошлому придавать значение, я давно только твой и ничей больше. Тебе наговорили про меня? Ну?!

– Ты же видел, что я ни с кем не общалась. Я весь вечер сидела рядом с тобой.

– Тогда вовсе ничего не могу понять! Как твоя любовь могла исчезнуть за какие-то мгновения? Так не бывает, Поля, давай, я провожу тебя в комнату, отдохни, а вечером мы куда-нибудь съездим.

Она подозрительно быстро согласилась, и чуть успокоенный Артём уехал на работу. Он ещё не знал, даже предположить не мог, что именно в эти минуты все его планы счастливой семейной жизни рассыпались, как рассыпались построенные им и Полиной песочные дворцы на уже пустеющем пляже, рассыпались, как только испарялась скрепляющая их вода, рассыпались под их грустными взглядами, но тогда он и допустить не мог, что наблюдает завтрашний день своего призрачного счастья. Через час он позвонил на домашний телефон, густые сигналы были бесстрастны, никто не поднял трубку. Он нажал вызов её мобильника – аппарат отключён. Ему вдруг все стало ясно, ясно настолько, что жестокий смех разобрал его, но он сдержался, вынул из сейфа бутылку коньяка и выпил три глотка. Спирт быстро ударил в голову, освободив её от всего наносного. Так, девочка влюбилась в кого-то из моих гостей. В кого же? Он опять засмеялся. А какая разница, в кого, важно, что в этот момент она напрочь забыла обо мне. Скорее всего, она ушла в общежитие, уже есть подружки, примут переночевать. Надо поехать и забрать её. Конечно, забрать, все ещё можно исправить, ну, кинулась девчонке кровь в голову, кто-то смазливый глазки построил, обычное дело, но не разваливать же все, что решено на годы вперёд. Свадьба через две недели, заявление в загсе лежит, кольца куплены. Господи, что я плету, какие кольца, какая свадьба! Полина серьёзная девушка, она определённо влюбилась и тут же забыла обо мне. Даже если найду её в общежитии, она не захочет идти со мной, и что я должен буду делать? Вязать ей руки и везти домой? Нет, это уже через край. Но ехать надо, надо пытаться её уговорить вернуться в дом, там все спокойно обсудить.

В родной общаге ему ничего не стоило отыскать беглянку, две девушки тут же вышли из комнаты, Полина осталась сидеть на кровати.

– Поля, мы делаем глупости. Я прошу тебя вернуться домой, давай все спокойно обсудим. Я очень тебя люблю, но, видимо, не это главное. Вчера на вечеринке тебе очень понравился один парень, понравился настолько, что ты приняла это за вспышку любви. У тебя спонтанный тип натуры, ты влюбчива, вспомни, и наши отношения завязались из ничего, из взгляда, пары слов. Я же видел тогда, на тротуаре, что очень тебе нравлюсь, ты и скрывать ничего не умеешь. Здесь то же самое, только, заметь, Поля, мы с тобой обручены, месяц живём вместе. Все складывается замечательно. Неужели ты хочешь все порвать только потому, что увидела смазливого парня?

Его удивляло и уже раздражало спокойствие, с которым Полина

его слушала. Да и слушала ли? Она была удивительно спокойна, и думала сейчас, почему Артём не называет имени парня, ведь он очень умный, наблюдательный, не мог он не перехватить хотя бы один наш с Володей взгляд. И внезапный отъезд друга тоже не мог его не навести на предположения. Тогда почему он не обвиняет меня прямо? Хотя, честно говоря, в чем? Полина улыбнулась этой мысли, и Артём тут же ухватился за эту улыбку.

– Поля, поедем домой, некрасиво все это, меня тут многие знают, пойдут разговоры, тебе это тоже не надо. Завтра на лекциях уже жди кучу вопросов.

– Артём, я никуда не поеду. Мне очень стыдно перед тобой, ты столько сделал для меня, ты действительно любишь, это правда. А у меня пусто на душе, тебя там нет. Ну, что я могу сделать? Я признаюсь, да, я влюбилась, и ты об этом узнал первым. Не вини меня, Артём, нет моей вины. Об этом никто не знает, и парень тот, мужчина, тоже не узнает никогда. Но от тебя я должна уйти, потому что ценю тебя и уважаю, и как могу оставаться, замуж выходить, быть с тобой, а в сердце другой? Да, это плохо, но я по-иному не умею. Простите меня, Артём Антонович!

Артём хотел съязвить, что все вернулось на круги своя, не прошло и двух месяцев, и снова на вы и по отчеству. Он встал и быстрым шагом вышел из комнаты.

Сел в машину и понял, что ехать некуда. Дом без неё пуст и страшен, Артём, хорошо себя зная, понимал, что сейчас нельзя оставаться одному, начнётся самоанализ с непременными выводами, а они не сулили ничего хорошего. Вот так запросто убрать из своей будущей жизни эту маленькую ласковую девочку, которая за два месяца стала самым дорогим человеком. Все, что будет завтра и потом всегда, он связывал с нею и только с нею, и ничто не могло изменить его планы: свадьба, учёба её и его, дети, он хотел, чтобы у них было много детей, здоровых и красивых.

В стекло постучали, он открыл дверь, посмотрел на девушку, она присела на корточки:

– Артём Антонович, добрый вечер. Похоже, вы меня не узнали? Неля, с третьего курса, теперь уже четвёртый, в майские праздники была у вас на шашлыках, а потом вы пригласили меня в дом.

– Конечно, помню, Неля. Садитесь, машина свободна.

– А водитель? – игриво спросила Неля, пристёгивая ремешок и коснувшись грудью его плеча.

– Водитель настолько свободен, что выть хочется. Вам куда?
– А куда повезёте, – махнула она рукой.
Артём включил мотор и сам себе сказал:
– А, может, и вправду поехать?

***

Владимир едва помнит, как дошёл до своей машины, как выехал за ворота, а потом медленно ехал к дому. Он и раньше подначивал друга, что привёз невесту, и, как персидский шах, запер её в своих палатах. Напирал: познакомь, я хоть тебе правду скажу, а то, может быть, окрутила какая-то юная деревенская знахарка, женишься, а потом она и откроет личико. Артём смеялся: только перед свадьбой, а то ещё сглазишь. Когда Артём быстро представил Полине опоздавшего друга, Володя не рассматривал невесту, он уже окинул взглядом кампанию, прикидывая, куда присесть, чтобы пореже толкали под бок: давай, за друга! Место его оказалось рядом с хозяевами, в трёх метрах от Полины. Вот тогда и зашлось сердце закоренелого холостяка, кровь прилила к лицу: никогда в жизни не видел он такой красавицы. И она уже знает себе цену, видно, Артюха обучает, величественно смотрит за столом, кому-то что-то предлагает попробовать, весело смеётся, чуть приоткрыв ротик и дразня белыми зубками, которые никак не хотят прятаться за полными и красивыми губами. А платье царское, цвета осеннего сада, так ему показалось, и колье уже точно жених подарил, язычок колье время от времени пропадает в узком пространстве истока чуть выпирающих грудей. Все в этой девушке прекрасно, одно плохо, что это невеста друга. Нельзя сказать, что Владимир увлечённо следил за дамой, мысль о друге как-то сразу его отрезвила, но, отрезая мяса и пытаясь поймать на вилку кусок жирной сёмги, он чувствовал на себе чей-то взгляд, один раз, другой... Опытный ловелас, он неожиданно вскинул глаза и в упор поймал взгляд Полины. Никто не умеет считать мгновения, но Владимиру показалось, что они очень долго, заметно, подозрительно долго смотрели друг на друга. Что он увидел? Нет, конечно, это ошибка, это он любит принимать на свой счёт, когда девушка одаривает его взглядом. В любом другом месте он бы резюмировал: все, барышня, поплыла, завтра пьём утренний кофе у меня. Но тут! Невеста Артюхи!? Нет, он не мог ошибиться, именно с любовью, с чувством смотрела она на него. Володя налегал на коньяк, нарочито громко жевал закуску, но более не мог дурачиться, взгляды их ещё раз встретились,

и Володя прочитал в них все. Вот тогда он резко встал изо стола, помыл руки и подошёл прощаться. Боже, скольких сил ему стоило, взяв её руку, не упасть на колени с одним только словом: я твой.

Ночью спал плохо, встал рано утром, долго стоял под душем, вспоминая вчерашнее. Полину видел вот как сейчас, улыбающуюся, трогательную, и взгляд её помнил. Нет, он не особо романтик, но удивлён, сколько, оказывается, за одно мгновение можно передать одним только взглядом. Она поймала его, он влюблён. Но Артюха! Черт, все насмарку, это невеста друга. Все, надо выбросить её из головы, надо забыть этот взгляд и стереть всю информацию. Где-то теплилась надежда, что все это мираж, он усложняет, и посмотрела Полина просто так, а ему во всяком женском взгляде согласие на любовь чудится.

На работе все из рук валится, читает заключение по обследованию больного, а перед глазами Полина. Он и сам не заметил, как скоро стал про себя её ласково Поличкой называть. Закроет глаза и представляет её за столом, когда она на него смотрела. До того увлечётся, что разулыбается во весь рот, такая радость охватит, только все равно наступает отрезвление: не надо так, не хорошо так с невестой друга. Ну и что из того, что она посмотрела, должен же быть у неё интерес к друзьям будущего мужа? Нельзя из каждого взгляда такие дурные выводы делать. Упрекнёт себя, пристыдит, ан смотришь – опять заулыбался. Хотел позвонить Артёму, спросить, как дела, как Полина после вчерашних забот, но застыдился. Ладно, позже спрошу.

А Артём позвонил сам. Спросил, как жизнь, как чувствует себя после вчерашней вечеринки. И голос вроде нормальный, но с чего это он «как чувствуешь» спрашивает? Ответил, что все нормально, вот, на рабочем месте, здоровье нации спасаем. Артём предложенного шутливого уровня разговора не принял:

– Ты будь в шесть на месте, я подъеду.

– Буду, приезжай.

Артём поставил на стол бутылку коньяка, вынул из портфеля пару лимонов, кивнул: порежь! Сам по-хозяйски достал из шкафа стаканы, налил по полному. Владимир молча за ним наблюдал, видя, что не в себе друг. Взяли по стакану, Артём не стал чокаться, выпил залпом, Владимир тоже не стал задерживать. Зажевали лимоном.

– Артём, что-то случилось? На работе неприятности? Или опять лесбиянки зашевелились?

Артём долго жевал лимонную корку, наконец, вытер руки салфеткой.

– Скажи, Володя, ты мне друг или как?

Владимир покраснел, но резко ответил:

– Ты это приехал узнать?

– И это тоже. Хочешь, я скажу тебе, почему ты так круто уехал вчера? – Артём в упор на него посмотрел. Владимир взгляд выдержал:

– Дела были, вот и уехал.

– Ты только мне не ври, Володя, мне и так тяжело.

– Да что случилось, Артём?

– Конечно, тебе я первому скажу, сегодня от меня ушла Полина. Навсегда.

Владимир искренне ужаснулся:

– Куда ушла? Почему? Артём, все же было нормально!

– Было, Владимир Иванович, пока ты не появился. Ты знаешь, я увлечён психологией с института, Полину за эти два месяца изучил, как пациентку, на пять с плюсом. Конечно, только я отметил, как она прореагировала на твоё появление, ты вообще до неприличия был неучтив при знакомстве. Потом все шло своим чередом, но я нашёл в лице невесты своей бывшей неожиданные перемены. Она явно не владела собой, естественно, я стал искать причину. И очень скоро её нашёл. Можешь поздравить меня, друг мой, со временем я стану неплохим психиатром.

– Поздравляю! – машинально отреагировал Владимир, весь в ожидании своего разоблачения.

– Несколько раз мне удалось засечь её взгляды в твою сторону. Надо отдать тебе должное, если ты тоже это заметил и не реагировал из приличия, но допускаю, что ты их вообще не видел.

– Да, не видел.

– Брат мой, не пытайся выглядеть глупее, чем ты есть на самом деле. Уже через полчаса эта же зараза поразила и тебя. Ты поймал её взгляд, поймал вместе со мной, и не думайте, молодые люди, что вы были вдвоём. Я был третьим в вашей игре глазами, и я читал ровно то, что и ты: она влюблена в тебя, что называется, по уши.

– Это невозможно, Артём, она твоя невеста.

– Володя, нам ли с тобой не знать, как жены делают рога своим законным мужьям?

– Артём, какие уши, какие рога? Ты не должен Полину ни в чем обвинять, ну, посмотрела, и я посмотрел. У тебя очень красивая невеста. Что удивительного, что смотрели?

– А я ни Полину, ни тебя ни в чем не обвиняю. Я просто делаю выводы. Она влюбилась в тебя, ты в неё, такое уже было однажды,

мы с Полиной с первого взгляда влюбились друг в друга, как потом выяснилось. Я только не могу тебе сказать, друг мой, как врач, как психолог: это у неё в системе или второй случай станет последним?

– Ты сказал, что она ушла. Куда?

– Я был у неё в общежитии, уговаривал вернуться – Володя, это конец. Она не видит и не слышит меня.

– Что теперь ты намерен делать?

– Я – ничего. А тебя просил бы поехать к ней. Ты знаешь, есть такие натуры, она в глубине души очень порядочный человек, в этой напряжённой обстановке, когда я давлю, когда все вокруг кувырком, а завтра надо будет сообщать родителям, что свадьба отменяется – она может не выдержать. Запиши её телефон, а лучше поезжай сразу. Третий этаж, направо пятая дверь. Да.

– Артём, я действительно ничего не понимаю. Ты её отпускаешь? И мне предлагаешь ехать к ней, к твоей невесте?

– Друг мой, это все слова. А на деле – она тебя любит, ну, бывает такое в жизни. Я уже в прошлом, но переживу, хотя, знаешь, тяжко. А ты поезжай, это может спасти её и ваши чувства, если они настоящие. Если честно, Вовка, я убил бы тебя, только бы её вернуть. Но не ты между нами. Не ты. Её натура, её вольная натура. Я поехал домой, я очень устал, брат.

***

Даже сам Артём Антонович не мог определить, что за работы ведутся в клинике, но если бы потребовалось, он назвал бы все это большой уборкой. Во всех помещениях, включая палаты особо сложных больных, вымыли потолки и побелили стены, заново покрасили пола и даже заменили линолеум. Все двери заставил перекрасить в белый цвет к вящему неудовольствию младшего персонала. Вообще коллектив был очень недоволен новым главным. Он в тот же день уволил санитара, которому что-то не понравилось в поведении гуляющего в саду больного, и он сильно ударил того дубинкой. Санитар упирал на то, что проработал в психушке пятнадцать лет и разбирается в больных получше некоторых врачей, а если этих тварей не бить, они на голову сядут.

Тогда Белославцев объявил общее собрание коллектива, по старой практике приурочили его к пересмене, а свободную смену он попросил приехать. В большой комнате, в которой раньше отмечали праздники, собрался суровый и недоброжелательный народ. Главный

вошёл вместе с врачами, они уселись в первом ряду. Белославцев своё выступление продумал, более того, они вместе с бухгалтером Верой Семёновной нашли возможность немножко повысить зарплату обслуживающего персонала и медсестёр. Но начал он не с этого.

– Мы с вами работаем на одном из самых сложных объектов здравоохранения, наши больные особые, они беззащитны, они агрессивны, они неопрятны, и все это создаёт очень сложные условия работы всего коллектива, и особенно младшего обслуживающего персонала. Вы все знаете, что я только что уволил санитара за избиение больного. И впредь буду строго наказывать за жестокость, она особенно неуместна в нашей клинике. Мы все делаем, чтобы улучшить условия вашей работы, и вы это видите. Сегодня можно объявить о незначительном повышении зарплаты обслуживающего персонала и медицинских сестёр. А сейчас я хотел бы выслушать от вас, что надо сделать, чтобы работалось полегче, чтобы больным было комфортней. Пожалуйста, прошу вас.

Сразу встала женщина и спросила:

– Вы знаете, что главные у нас больше трёх лет не задерживаются, а то и через год уходят. Тяжело в нашей психушке. Я слышала, что вы в чистом месте работали, нам как, привыкать к вам или не стоит?

Белославцев улыбнулся:

– Я думаю, что нам надо привыкать друг к другу. Да, я был заведующим неврологией в областной больнице, занимаюсь психиатрией, учусь в Петербурге в академии. Будем работать.

И тут пошло. Видимо, с людьми давно никто по-человечески не разговаривал, Артём едва успевал записывать, о чем говорили выступающие. О воровстве продуктов и инвентаря, о торговле дефицитными лекарствами (при этом начмед склонил голову), о постоянных поборах с родственников. Встала пожилая женщина, санитарка женского отделения:

– Вам не скажут, но в больничке есть люди не настолько больные, чтобы нести такую кару. Вы посмотрите бумаги, я точно знаю, тогда ещё в мужском работала, что есть один мужичок, далеко не дурак, а кому-то не угодил, и к нам. Говорят, коммунисты держали супротивников в психушках. За все не скажу, но в то время порядка было больше, и чтобы кто-то за политику – не припомню.

После собрания Белославцев попросил в кабинет старейшего врача клиники Александра Александровича Беспоместного. Пришёл высокий, худой мужчина довольно пожилой, седые длинные волосы зачёсаны назад, лицо сухое и чистое, никаких эмоций.

– Александр Александрович, вы в больнице работаете давно, в кадрах мне сказали, что ваш трудовой стаж самый большой.

Беспоместный кивнул:

– Да, около сорока лет.

– Вы меня, пожалуйста, извините за столь наивные вопросы, я в психиатрии больше теоретик, но хотел спросить о наиболее интересных случаях из вашей практики.

Беспоместный опять кивнул и даже чуть улыбнулся:

– О каком интересе вы говорите? У меня был пациент, который несколько лет твердил, что оставил завещание на меня, на все его имущество. Настолько часто и открыто, что никто ему не верил. Оказалось, правда, после его смерти пришёл нотариус и подтвердил моё право на квартиру, машину, вклады и прочее. Потом стали приходить родственники, по-моему, даже дети.

– И вы все отдали?

Беспоместный кивнул, но ответил отрицательно:

– Не отдал ничего, хотя они стыдили, грозили судом и прочее. Я распорядился все продать и деньги положить на счёт лечебницы.

Артём искренне порадовался:

– Вы проявили настоящее благородство.

Беспоместный кивнул:

– Возможно, но тех денег никто не видел, или их украли там, или уже здесь – я не могу сказать. Смутные были времена.

– Александр Александрович, что вы можете сказать о заявлении нашей сотрудницы, что у нас, как в тюрьме, есть вполне здоровые люди?

Беспоместный едва заметно кивнул:

– Вполне здоровых людей у нас в принципе быть не может. Даже если и попадёт какой-то человек, его в несколько дней можно сделать вполне нашим. Да, некоторое время назад, с полгода, даже меньше, я принимал пациента. По документам он проходил как агрессивный псих, хотя за два часа общения с ним я не нашёл таких признаков. Конечно, возбуждён, через чур эмоционален и крайне негативно настроен против нынешней власти, простите. При нем была большая связка бумаг и книг, я попросил его оставить эти вещи, таков порядок. Он взял с меня слово, что ничего не пропадёт, и он будет иметь доступ к этим бумагам. Потом он сделал заявку на книги, этот перечень поставил меня в тупик, там было с десяток имён великих философов и других учёных, которых я не только не читал, но и слышал только издалека. Заявку эту я передал бывшему главному, теперь пациент терзает меня: где книги?!

– Вы наблюдаете его?

– Да, мы регулярно встречаемся, он помещён в отдельную палату, хотя жёстких мер к нему не применяли, в этом нет необходимости.

Артём удивился:

– Тогда почему не на общем режиме?

Беспоместных привычно пожал плечами:

– Не могу знать. Вы хотите с ним познакомиться?

Артём подумал, потом спросил:

– А бумаги эти, его записи или что там, они где?

– Я не стал сдавать на хранение, потому что могут просто выбросить. Откровенно: я их не смотрел. Они в шкафу в моем кабинете. Если хотите, принесу прямо сейчас.

Приличная стопка книг и два канцелярские папки, заполненные разрозненными исписанными листами. Белославский взял лежавшую сверху пачку, перехваченную скрепкой, видимо, это материалы по одной теме. Начал читать и увлёкся:

«После сомнений и тягостных раздумий о судьбах моей родины» профессор философии, ученик самого Вердера, последователь Гераклита, оппонент будущего учителя церкви А. С. Хомякова даёт универсальную формулу переходного периода к гражданскому обществу без революций и потрясений. «Народная жизнь переживает воспитательный период внутреннего хорового развития, разложения и сложения, ей нужны помощники – не вожаки, и лишь только тогда, когда этот период кончится, снова появятся крупные оригинальные личности». (Письма, X, 296). Так писал непрочитанный литературной критикой философ русского масштаба, политолог Иван Сергеевич Тургенев, понимавший служение земле русской, земству, а не позднейшему европейскому образованию, получившему название «государство». Между прочим, так же понимал и Лев Николаевич Толстой.

Понимавший Тургенева отец Павел Флоренский уже из ГУЛАГа писал: «Политика есть специальность столь же недоступная массам, как медицина или математика, и потому столь же опасная в руках невежд, как яд или взрывчатое вещество...»

Правительство должно быть чутко голосу лиц или групп, которые в действительности могут сказать нечто полезное правительству и его СМИ. Сегодня полезное могут сказать Материнский форум, Совет Матерей, Родительский Совет при Министерстве обороны или при любом муниципалитете. Режиссёр В. В. Меньшов предлагает вече...

А. С. Пушкин – образование высшее юридическое. В Московском уни-

верситете юрфак вначале назывался нравственно-политическим, а потом, по свидетельству И. А. Гончарова, этико-политическим. Именно с этой стороны, как правовед, не взят Пушкин гражданским обществом. Первым на это обратил внимание великий А. Ф. Кони.

Н. В. Гоголь в вопросах русского права не уступал Пушкину, а его разработки третейского суда (Герцен похвалил бы: «Без перьев и протоколов») могли пригодиться федеральной писательской организации в конфузном разделе имущества именно в год 200-летия Николая Васильевича. Создалось впечатление, что писателей обслуживает тот же самый из второго тома «Мёртвых душ» европейский юристконсульт-философ (термин самого Гоголя).

Крупные оригинальные личности в 1921 году разработали шедевр гражданского законодательства – кодекс 1922 года, и были вывезены как неугодные большевикам из России, в том числе И. А. Ильин, позднее писавший: «Мы верим в русский народ не только потому, что он выработал на протяжении веков своё особое русское правосознание (русский предреволюционный суд, труды российского сената, русская юриспруденция, сочетающая в себе христианский дух с утончённым чувством справедливости и неформальным созерцанием права)».

Их кодекс предусматривал частную собственность в промышленности и торговле с наёмными работниками, но, похоже, его не до конца прочитали министры юстиции, члены ВКП(б), а точнее РСДРП образца 1919 года (большевиков – бывших городовых, урядников, лавочников, о чем писал профессор Дукельский вождю пролетариата). Ответ Ильича помещён в сборнике о социалистической законности: «Письмо злое...». Уровень злобы проверьте сами.

И. А. Ильин на 90 страницах объяснил, почему мы верим в Россию (Москва, ЭКСМО, 2007), а кто объяснил Ильина? Мой учитель права академик С. С. Алексеев.

«Сулившие на плакате мужику земли и блаженства – отрезали ей (женщине) и те немногие пути, которые ей открыл капитализм». Г. Адамс, историк науки, внук президента США.

А кто прочитал его (Алексеева) книгу «Правовое государство – судьба России»? Не знаю, может быть, и никто, если самое непорядочное наступление на мои права началось в сфере духовной. Предпоследний пример. Стив Шекман, корифей медицины, ещё в 1994 году разъяснил, что захват эфира рекламистами страшнее приватизации по-советски. Кто прочитал в журнале «Будь здоров!» его статью «Семья. Ящик ТВ в доме» (№ 4. 1994)? На Декларацию прав человека он не ссылается,

но дерзну напомнить, что ООН предоставила мне право наслаждаться (из текста Всеобщей декларации) искусством. Реклама же разрывает цельность композиции фильма (нарушение авторских прав), идею фильма (нарушение прав режиссёра) и моё зрительское право. Я не против рекламы, мы не против рекламы. Собрано 102 подписи уважаемых людей губернии. Пусть рекламируют до или после фильма, но чиновники до сих пор не ответили.

Нужна добрая воля. А справедливая воля — это и есть право. Нужен длительный период объяснения, разъяснения, рассуждений. По мнению Алексеева, понимать право не легче, чем математику и медицину (вспомним мнение отца Павла Флоренского)».

Белославский поймал себя на том, что не только первый раз читает некоторые фамилии, но вообще мало что понял из прочитанного. Он взял папку домой и очень внимательно читал лист за листом, помечая в своей тетради то, что ему непонятно и что надо будет уточнить у автора.

«Евродефинация права как возведённой в закон воли господствующего класса (из Коммунистического манифеста) — бесстыдная, наглая и памфлетная насмешка над семьёй, дословно и прямохонько перекочевала во все большевистские словари, затем, к всестороннему сожалению, и в перестроечные, и в сегодняшний обиход называющих себя русскими. Недоумение вызывает пролетарское замечание, что право определяется материальными условиями жизни. Бред! Не определяется! Не определяется материей!

Право — это нравственная идея (определение Гегеля — Солженицына). Испания отвергла материю римского кодекса Наполеона. Современная Япония взяла элементы духа русского крепостного права. Помещичье-крестьянский крепостной устав предусматривал права и обязанности обеих сторон. Бывший крепостной Михаил Семёнович Щепкин, друг Герцена, писал: «Прежде отец получал от управляющего делами, по назначению бывших господ, хлеб, крупу, дрова, сено и жил в своём доме, а теперь все это будет на моих руках». (Виталий Ивашнёв. «Все, что было лучшего в мыслящей России». (М. «Молодая гвардия», 1990).

А сочетание слов «крепостное право» — это половинчатая, расхожая фраза недоучившихся историков и необольшевиков эпохи Великой перестройки (метафора А. А. Громыко, министра иностранных дел СССР), перенявших эстафету у тех, образца 1919 года. Единственное

компетентное мнение о крепостном уставе высказал Архимандрит Константин Зайцев, профессор административного права, профессор государственного права в большом труде «Чудо русской истории» – книге воистину русского масштаба.

А современник и ровесник Пушкина юрист Фридрих Карл фон Савиньи (1779–1861), глава исторической школы права Германии, за много лет до Маркса и Энгельса объяснил, что право не может вводиться в закон или реформироваться законодательством, так как является выявлением «духа народа». Морис Ориу, французский государствовед, профессор и почётный декан университета в Тулузе, одним из первых признал в юридической науке «зависимость государства от гражданского общества».

Норберто Боббио, итальянский философ права, то есть, теории справедливости, возлагает на интеллигенцию, как и Тургенев, задачу устранения остроты политической борьбы. Это он определяет, как политику культуры, а не культурную политику.

Жан Жозеф Шарль Луи, ровесник И. А. Гончарова, восприняв идею Фурье, общество будущего предлагал, как и Льюиз Г. Морган, без революций, на идеях братства, а не индивидуализма. (Энциклопедия Академии наук СССР).

Английская королева Виктория была заинтересована казачеством как военно-гражданским обществом, не имеющих аналогов в государствах, ханствах и воеводствах в силу гениальной простоты казачьего права: воля – это свобода, свобода – это справедливая воля. Конституция Англии была не нужна, Ганзейскому союзу не нужны были ни конституции, ни чиновники, ни законы. Праздновали церковные дни, соблюдали обычаи и руководствовались прецедентами права нескольких веков. А филиал Ганзы, русскую Мангазею, за несколько десятков лет погубила алчность воевод и «новых русских» купцов».

Далеко за полночь Белославцев закончил чтение бумаг одной папки, чувствуя себя бестолковым учеником перед высоким учителем. Откуда у простого мужика набор этих сведений? Да, они приведены в некую систему, которая понятна, очевидно, только её автору, но, черт побери, Артём тоже немножко изучал философию и историю, не уделяя им особого внимания, но то, что пишет этот человек, интересно, убедительно и заслуживает внимания самых авторитетных специалистов. А он сидит у нас в отдельной палате, лишённый возможности работать, общаться, отстаивать свою правоту. Потом вдруг

в Артёме заговорил врач, невропатолог, психиатр. Может быть, в этом и состоит существо его болезни, он берет умные книги, надёргивает из них цитат, а потом соединяет вроде как бы в учение. Кстати, вспомнил Артём, завтра надо направить кого-то в областную библиотеку, сегодня звонили, что по его заявке подборка сформирована, правда, извинились, что не все книги есть, но они могут дать электронную версию.

Утром позвонил на кафедру философии университета, ему пригласили профессора Селиверстова, Артём кратко объяснил суть дела:

– Профессор, нужна оценка специалиста, если это действительно бред, тогда мы начнём лечение, но у меня есть подозрение, что наш пациент не совсем наш.

– А как он к вам попал? По суду? Или есть заключение психиатрической экспертизы? Если так, то мне не стоит терять время, его смотрели и читали, наверное.

Артём пытался выкрутиться из неудобного положения:

– Профессор, я в должности главного врача только месяц, ещё не во всем успел разобраться. Но прошу вас, найдите время, дайте краткое резюме, я сам завезу вам материалы.

Селиверстов нехотя согласился:

– Хорошо, сегодня в четырнадцать в двадцатой аудитории, у меня там семинар.

Белославцев тут же попросил привести к нему Бархатова. Два санитара открыли дверь после стука и разрешения, провели мужчину к стулу и посадили. Бархатов был безразличен. Артём махнул рукой, чтобы санитары вышли.

– Мы на всякий случай за дверью, – пробасил один из них.

– Иван Андреевич, как вы себя чувствуете? – спросил Артём и наблюдал за реакцией. Больной услышал вопрос, первый раз посмотрел в лицо доктора и усмехнулся:

– С каждым днём хуже, ваши гестаповцы колют мне какую-то гадость, от которой ужасно болит голова. Я слабею и теряю память. Ещё на воле я помнил почти всего «Евгения Онегина», а сейчас только отдельные куски. Простите, вы кто?

– Главный врач, я назначен недавно, вот, стараюсь разобраться с каждым пациентом. Как вы сюда попали, Иван Андреевич?

Бархатов потёр виски, выпрямил спину. Он не очень высок и не очень крепок, лицо чуть припухшее, руки дрожат, глаза слезятся.

– У вас есть личное дело, история болезни или что-то в этом роде. Там все сказано.

Артём настаивал:

– Я прошу рассказать, как вы сюда попали.

Бархатов посмотрел ему в глаза и спросил:

– А разве здесь можно рассказывать правду? Меня сейчас же прикуют к постели и через неделю сделают дураком.

– Говорите все, как есть, я гарантирую, что никто вас не будет преследовать.

– Хорошо. Вы сами напросились. Я юрист по образованию, окончил Свердловский институт, учился у великих людей, они сейчас возглавляют Верховный суд, Прокуратуру России. Я горжусь этим, хотя время и обстоятельства меняют и этих людей. Когда в стране сменилась власть, я подумал, что для моих идей наступили самые подходящие времена, но ошибся. Куда бы ни стучался, с кем бы ни беседовал, везде видел интеллектуальную серость и неспособность к переменам. Это касается и общественного устройства, и положения с правом как таковым. Московское философское общество вызвало меня телеграммой, оплатило проезд и даже гонорар за доклад, который я делал полтора часа. Все пожевали губами и сказали, что это очень интересно. Только два человека пригласили к себе на кафедру и беседовали со мной. Они же и предупредили, что мои идеи значительно опережают время. Ну, что я мог им возразить, если я базируюсь на основных положениях древнегреческих и иных философах древности? Понятно, что они имели в виду неготовность, точнее, полное нежелание властей ввести в основу общества и государства право и нравственность. Вы все ещё слушаете меня? Удивительно! Я был приглашён в администрацию Президента, тут мне ничего не оплачивали, даже слушать не стали, едва заговорил, поблагодарили и проводили за ворота. Меня не понимали, не печатали, не слушали, но не грозили тюрьмой – свобода слова! Все было кончено после визита к госпоже Волоканцевой.

– Заместителю губернатора? К ней-то вы зачем пошли?

– В связи с удручающим положением в школе. Все начиналось вполне прилично, и я активно работал со школой, сам написал проект устава, кстати, как и проект устава органа местного самоуправления, я неплохо знал правовые нормы самоорганизации русского общества, особенно в сибирской деревне. Оба мои проекта кастрировали настолько, что я едва их узнавал. Вот тогда и пошёл в атаку. А тут ещё началась агрессия с сексуальным воспитанием и ювенальной юстицией. Вот я и напросился к Анне Ивановне.

– Она вас выслушала?

Бархатов улыбнулся:

– Как только я заговорил о своём видении проблем школы, о необходимости общественного участия в её работе, о материнских комитетах и прочих новациях, она одёрнула меня и сказала, что я мелю чепуху. Мне пришлось привлечь в союзники такие авторитеты, как Плеханов, Розанов, Толстой, а у госпожи Волоканцевой знания и разум не ночевали. Пришлось ей об этом сказать.

– Так, любопытно, и в каких выражениях?

– Да в самых простых, доктор, в самых что ни на есть народных: ты, голубушка, дура беспросветная, и твоё место на ферме, в самой низкой должности – навоз чистить. Конечно, она меня выперла. И вот я тут.

Белославцев был поражён:

– Иван Андреевич, как вы сюда попали? Вас обследовала комиссия? Вам предложили лечение?

Иван Андреевич впервые засмеялся:

– Что вы, голубчик! Приехали ребята на «воронке», привезли в районную больницу, в наручниках в кабинет психиатра. Там девчонка молоденькая, я, конечно, в гневе, протестую, она на подоконник запрыгнула со страху, кричит: «Уведите его, я сейчас направление выпишу!». Вот и вся процедура.

Артём несколько раз прошёлся по кабинету, успокоился, сел на место:

– Иван Андреевич, потерпите немного, я отменю все препараты, которые вам давали, но назначу общеукрепляющие, так что вы не опасайтесь. И надо кушать, будете ходить в столовую. Книги, которые вы заказывали, сегодня я вам передам. И не вступайте ни с кем в разговоры, а тем более в пререкания, нам дополнительные проблемы не нужны.

Бархатов насторожился:

– Получается, доктор, что вы мне поверили? Поверили, что я не шизофреник и не маразматик, как меня тут называют.

Артём кивнул:

– Я прочитал часть ваших работ, признаться, не могу квалифицированно их оценить, но суждения ваши мне показались любопытными. Все, разговор окончен, до встречи.

Он проводил Бархатова до двери, санитары стояли у стенки:

– Проводите в палату, только очень спокойно. Я понятно говорю?

Оба кивнули: понятно, бить не будем.

***

Наплакавшись дома после последнего и окончательного разговора с Артёмом, Нина сложила ноги калачиком, укрылась пледом и в полной тишине и темноте гостиной сидела в кресле, боясь пошевелиться. Ей казалось, что стоит только чуть двинуть рукой или ногой – тотчас весь организм вернётся к только что с таким трудом спрятанному переживанию. Нине вдруг показалось, что она вообще никогда себя не жалела, как-то не до сюсюканий было, мама всегда больна, закрывалась в маленькой горенке их деревенского дома, отец был хорошим столяром, мог зарабатывать много, но больше прогуливал с мужиками и женщинами (об этом знала вся деревня), чем домой приносил. Нина училась хорошо, потому её с удовольствием взяли в среднюю школу в соседнем селе, определили в интернат на полное государственное обеспечение – тогдашний райком распорядился. В комнате четыре девчонки, две десятиклассницы продвинутые на уроки смотрели как на наказание, любили музыку, танцы, приводили парней. Две другие, Нина и Люся Попова, шумных кампаний сторонились, стеснялись из-за своей бедности, фирменных вещей у них вообще не было, есть юбка с кофтой да сарафан, и то хорошо. Как-то зимой, когда весёлые подружки уехали с парнями в райцентр на дискотеку, а в интернате батареи едва грели, Люся позвала Нину к себе в постель, вдвоём теплей будет. Сначала они жались друг к другу из желания согреться, потом обе поняли, что это так приятно, обе смущались, но продолжали обниматься и подолгу замирать в объятиях, переживая до се незнакомые ощущения. Потом Люся спросила:

– Нина, тебе приятно со мной обниматься? Скажи, приятно?

– Да, сладко, – она стыдливо спрятала лицо.

– Снимай халат, я тоже скину, и лифчики, и плавки. Если те придут, мы спим, и все тут. Расстегни мне кнопочки.

Нина с грустной улыбкой вспоминала ту первую сексуальную ночь с подружкой, когда обе они, ничего не зная и ничего не умея, природными позывами находили на нетронутом своём тельце с ума сводящие места, и до смеха, до слез счастья изводили друг друга.

Через год Люся бросила школу и вышла замуж, Нина осталась одна, ни с кем не дружила, уже к концу первой четверти имела все пятерки по основным предметам. Однажды на встречу с выпускниками пригласили настоящих врачей из райцентра, приехали трое, но Нина глаз не сводила с молодой и очень красивой женщины. Она рассказывала о работе родильного дома, о здоровье девушек и жен-

щин, строго поставила на место хихикнувшего придурка, а потом говорила отдельно с Ниной.

– Да, я очень хочу стать врачом, но, понимаете, у меня поддержки нет, материальной, проще сказать, родители ничем не смогут помочь.

– Нина, если вы очень хотите, я поговорю с главным, дадим вам направление, вас примут, будет общежитие и стипендия. Я ведь так же училась, со второго курса пошла работать в отделение, сначала санитаркой, потом медсестрой. Это же и практика большая. Когда назначили заведующей роддомом, я уже знала, что и к чему. Так что учитесь, сдавайте экзамены, а к нам наведывайтесь. Я обещаю поддержку.

И она действительно все сделала, как обещала, маленькая красивая женщина Галина Ивановна Шемелова. Нина была уже на четвёртом курсе, когда увидела в газете сообщение о неожиданной смерти дорогого ей человека.

В институте Нина расцвела, превратилась в красавицу, тело наполнилось женственностью, роскошные волосы придавали особый шарм, парни липли к ней, но так ни с чем и отлетали, потому что практичная Нина выбирала ухажеров из преподавателей или аспирантов, любила рестораны и кафе, её возили на выставки и премьеры. Раза два, как сама говорила, чуть не вышла замуж, но обещавшие свадьбу молодые люди после месяца совместной жизни вдруг становились чужими, пытались хитрить, а Нина видела их насквозь, и уходила, громко стукнув дверью, опять в общагу со своим драным чемоданом. Вот тут и подвернулся ей курсант Соколов, без пяти минут лейтенант. Нина прикинула: будет преподавателем в училище, как он говорит, дадут жилплощадь, это уже не общага, зарплата будет – можно дома готовить и кушать, от студенческих обедов у неё начался гастрит. Соколов, конечно, не фонтан, но надёжный. Тут, правда, краса и гордость института Белославский выгнал его со студенческого вечера, Нина так и обомлела: неужели Артюша глаз на неё положил? Оказывается, ничего он не положил, просто похулиганил, а к ней даже не подошёл. Нет, подходил на каком-то большом вечере в санатории, пригласил на танец, потом увёл за колонну, несколько раз дежурно поцеловал, извинился и ушёл.

Опять к тому, чем только что закончила, хоть снова плачь. Нет, надо все менять. Во-первых, закончить отношения с мамулей, сделать это надо как-то деликатно, чтобы не обидеть. Может, подыскать ей партнёршу из молодых, вон сколько студенток болтается без дела... Да, только этого не хватало, податься в сутенерши. Но заканчивать

надо. Чтобы не терять время, Нина дотянулась до ноутбука, и уже через пять минут выписала координаты нескольких психологов, анонимно занимающихся этой проблемой. Решила: завтра переговорю со всеми, на ком-то остановлюсь и еду немедленно.

О цели её поездки не знал никто, распоряжение на командировку в Питер Волоканцева подписала сразу, даже не спросив о цели. Ещё через два дня Нина сидела на приёме у профессора Гурия Арнольдовича Иванова и подробно, по его просьбе, рассказывала всю свою историю.

– Могу я поинтересоваться, чем вызвано ваше желание освободиться от этой напасти?

– Я хочу нормальную семью, нормального мужа, детей, наконец. И это желание все сильнее. Правда, мужчина, которого я бы хотела видеть рядом со мной, любит другую, и уже, наверное, женился, пока я здесь.

– Вы только не переживайте, ваш мужчина от вас никуда не уйдёт. Я не стану вам объяснять весь процесс лечения, это не имеет смысла, но смею надеяться, что мы избавимся от этой химеры. Вы, к счастью, не весьма зависимы, ведь так? Скорее, это было развлечением и вошло в привычку. А потом вас кто-то, кто сильнее вас, убедил, что ничего другого быть не может. Простите, когда у вас был последний контакт с мужчиной?

– Месяца два назад, даже больше.

– И кто он? Я имею в виду, это случайный мужчина или...

– Или, профессор, это и был тот самый, кого я люблю, это уж точно.

– Да, барышня, это и называется жизнь. Но надо надеяться на лучшее, вы так молоды, так красивы! Вы ещё встретите много мужчин, и они будут штабелями складываться у ваших ног.

– Спасибо, профессор. Когда мы начнём?

– А мы уже начали прямо сейчас. Посидите, я распоряжусь.

Профессор вышел. Нина осмотрела кабинет, огромный стол, заваленный журналами, газетами на иностранных языках, несколько писем вразброс с пришпиленными к ним конвертами. Что показалось ей интересным, что толкнуло именно к этому письму? Глянула на конверт: Белославский! «Дорогой Гурий Арнольдович! Докладываю Вам, что работа моя по систематизации научных наблюдений и выводов идёт весьма успешно, и уверен, что будет ещё плодотворней, и не только потому, что получил уникальную возможность для исследований на новой работе, но и потому, что планы мои в личной жизни разрушились до основания, свадьбы не будет, как и жены, как и семьи. Я совершенно одинок и могу полностью отдаться работе».

У неё закружилась голова, она едва сумела взять себя в руки, когда вошёл профессор.

– Ну-с, барышня, прошу пройти, девушки вас встретят. Сначала душ, потом все остальное.

После шестичасового пребывания в клинике профессора Иванова, после иголок, душеспасительной беседы и продолжительного сна, во время которого, оказывается, профессор находился рядом и «колдовал», как скажут потом ассистенты, первым порывом Нины было немедленно позвонить Артёму. Потом она резко осадила себя: едва ли он в духе, едва ли ему понравится, что в первые же дни после трагедии с Полиной она напомнила о себе неуместным звонком. Чуть позже она поняла, как глупо бы выглядела в глазах Артёма, позвони она именно сейчас. А вдруг он, к тому же, знает, что она в командировке? Нет, она будет молчать до самого приезда, а уж там найдёт повод встретиться и поговорить.

Профессор после первых семи ежедневных лечебных процедур, включая более всего беспокоивший Нину гипноз, похвалил её и поинтересовался, почему она так напряжена перед гипнозом. Как ему сказать, что она боится рассказать о себе все, хотя лечение анонимное, и никаких анкетных данных при оформлении не спрашивали. Хорошо бы она выглядела, если бы персонал узнал, что это директор департамента здравоохранения одной из сибирских областей. Иванов словно читал её мысли:

– Простите, барышня, анонимность предполагает не только сокрытие ваших анкетных данных, но и сохранение секретности в том случае, если мы случайно что-либо узнаем, хотя, уверяю вас, под гипнозом я работаю только с недугом, и ничего лишнего.

Через две недели профессор посадил Нину напротив себя, внимательно посмотрел в глаза и сказал:

– Мы закончили курс лечения, в эффективности которого я не сомневаюсь. Натура вы твёрдая, это хороший помощник. Если возможно, постарайтесь пока вообще избегать контактов с бывшими партнёрами, даже на бытовом уровне.

– У меня сложнее положение, моя партнёрша – непосредственная моя начальница, очень влиятельный человек в области, тут волей-неволей придётся общаться.

– Понимаю. Старайтесь не провоцировать её, уходите от конкретных вопросов, пока, наконец, не появится возможность все ей объяснить. Поверьте, я бы очень не хотел, чтобы наши труды оказались напрасными.

– Спасибо, профессор. Передайте мою благодарность всему персоналу. У меня есть ваши координаты, я буду информировать вас, это можно?

– Это приветствуется. Ждём только позитивной информации. Всех вам благ!

Проводив Нину, профессор долго размышлял, а потом пригласил своих коллег:

– Друзья мои, я только что проводил после лечения одну из тех дам, которые так жестоко изнасиловали нашего, надеюсь, ученика господина Белославцева.

Шпильман и Гольдский смотрели на товарища с недоверием:

– Гурий Арнольдович, ваши способности в гипнозе поистине бесконечны, но откуда эта информация?

Иванов засмеялся:

– Гипноз тут вовсе не играл никакой роли, самой пустяшной. Просто пациентка в последней беседе проговорилась, что ей будет трудно избежать контакта со своей бывшей партнёршей, потому что она её непосредственная начальница и очень высокого уровня. Я вспомнил письмо Белославцева, и все сошлось. Но, господа, все это есть строгая врачебная тайна.

На том и разошлись.

***

Профессор Селиверстов разложил на столе бумаги Бархатова и осторожно спросил, может ли он лично пообщаться с автором. То, что учёный назвал его пациента автором, сразу успокоило Артёма: значит, не ошибся, этот человек не настолько болен, чтобы отбывать срок в психиатрической лечебнице.

– Видите ли, уважаемый...

– Артём Антонович.

– Да. Так вот, ваш пациент, безусловно, болен, как и все философы, да и вообще настоящие учёные. Он болен познанием. Юрист по образованию, в какой-то момент более глубокое изучение права привело его к философии. Наша наука не имеет границ, среди нас намешано всех и всякого, но ваш Бархатов – интересная личность. По этим запискам я могу судить о глубине проникновения в нашу науку, его информированность, раньше мы называли это начитанностью, меня поразила. Он рассуждает о мало кому известных Гераклите Эфесском, философ жил две с половиной тысячи лет назад, о последователе

Сократа Антисфене, того же времени учёном, его трактовка Римского кодекса Наполеона, Ганзейского союза и его Любекского права не бесспорны, но любопытны. Я уж не говорю о моих любимых Гердере и Лессинге, заложивших основы философского понимания искусства.

– Профессор, простите, но ведь в современном информационном пространстве можно надёргать имён и теорий и сделать вид, что ты к ним приобщён.

Селиверстов засмеялся:

– Вы, сами того не подозревая, указали на самую больную точку нашего времени. Все так и есть. И многие, очень многие этим пользуются. Если я, готовя докторскую диссертацию, пополнил свою библиотеку почти двумя сотнями книг академического издания, да столько же, если не больше, законспектировал в различных библиотеках, то сегодня, да, нет нужды глубоко рыть. Я на днях завернул диссертацию одному аспиранту, она перенасыщена информацией, но вся информация вторична, я не увидел ни одной собственной мысли автора. А он метит в учёные, будет потом мозги засорять студентам. Ладно, если просто в визитке напишет, что кандидат... Это очень опасно. Что же касается нашего Бархатова, я бы не сказал, что его знания строго систематизированы, да и как может быть иначе, если он самоучка? Но выводы, привязка к сегодняшнему дню заслуживают особого интереса. И возвращаюсь, с чего начал: я могу с ним пообщаться?

– Конечно, профессор, это и в наших интересах, но только чуть позже. Мы сейчас проводим курс реабилитации, видите ли, его успели немного подпортить, так что дайте нам чуть времени.

– Да, я забыл о самом важном: как он у вас оказался? Он что-то натворил противоправного? Да нет, тогда бы просто уголовка. Неужто лез кому-то назло в проблемы сегодняшнего дня со своим идеализированным представлением о мироустройстве?

Белославцев кивнул:

– Вы, кажется, совершенно правы. Бархатов очень активно продвигал свои идеи в жизнь. Он искренне поверил сначала в благие цели перестройки, потом ухватился за демократов, приняв их за поборников права и свободы. И вот результат.

– Вы как-то проговорились, что недавно работаете в этой больнице. А он тут полгода. Как же вы на него вышли?

– Случайно. На собрании коллектива встала простая санитарка и заявила, что есть среди больных люди, которых специально прячут от общества. Ну, а дальше уже своё расследование.

– По нему есть решение суда? Я так понимаю, что только через суд можно направить человека на принудительное лечение?

– Все оформлено лучшим образом, я даже среди подписавших экспертов нашёл знакомую фамилию.

– Но можно надеяться, что Бархатов выйдет на свободу?

– Профессор, у нас все-таки не тюрьма. Подготовим все материалы, соберём экспертную комиссию. Кстати, попрошу вас найти время и оформить ваше мнение на бумаге. Думаю, это будет авторитетный документ.

– Конечно, доктор, я все сделаю наилучшим образом.

– А по возможной встрече с Бархатовым я вам сообщу.

Проводив профессора, Артём достал бумаги своего пациента. Разговор с Селиверстовым ни в чем не убедил врача, кроме того, что он имеет дело с весьма одарённым человеком. Вот и профессор согласен, что все настоящие учёные чуть-чуть ненормальные. Конечно, можно сделать все, чтобы выписать Бархатова из больницы, но где гарантия, что он не будет продолжать атаковать различные властные структуры, навлекая на себя гнев чиновников, и не окажется ли потом так далеко, что доброхоты вроде Белославцева и знать ничего не будут?

Артём прочитал за это время все, что связано с предполагаемым диагнозом Бархатова, не нашёл ничего, что могло свидетельствовать в пользу его изоляции от общества. В дополнение ко всему снял копии с объёмного архива и отправил в Питер своим профессорам, от которых ещё не получил ответа. Проводить экспертизу с предложением больного к выписке без основательной аргументации он опасался. А тут ещё выяснилось, что Беспоместный регулярно информирует Волоканцеву и о Бархатове, и, естественно, о Белославцеве. Эту проблему он решил просто. Дождался доктора в коридоре, отозвал в сторонку, грубо взял за воротник несвежего халата и сказал прямо в лицо:

– Ещё раз узнаю, что стучишь на меня и на Бархатова наверх – поверь моему слову, а я ему хозяин: подведу под монастырь, сам будешь молить об увольнении.

Беспоместный побледнел и вспотел:

– Артём Антонович, но она обязывает, как мне быть?

– Говори, что больной болеет, а главный усиленно руководит. И ничего лишнего, я проверю.

Беспоместный с перепугу хотел спросить, как он может проверить мобильный звонок первому заместителю губернатора, но вовремя одумался.

Оставшись вечером в кабинете, Артём достал Бархатовский архив, быстро пробежал глазами несколько страниц, разрозненные тексты, похоже на записки, сделанные в разное время на разные темы, которые в тот момент волновали автора.

«История ничему не учит? Не научит, если она ещё не написана. Карамзин и Ключевский писали историю государства российского, а историю гражданского общества писал заезжий варяг, сидя под развесистой клюквой. Варяг повлиял на Петра Третьего, преклоняющегося перед Пруссией. Гневные подробности об этом у М. В. Ломоносова. Пётр Третий повлиял на своё окружение. У окружения государства (свита государя – она – термин Н. М. Карамзина) появились переимщики, подражатели и персоны, описанные И. А. Крыловым, и к 1812 году Анатоль Куракин знал русских слов меньше, чем Эллочка-Людоедка в начале строительства коммунизма. А так называемая интеллигенция (рабочий термин Шиллинга) стала знаком принадлежности к какой-то мнимой касте, прослойке, объединённой беспочвенностью своих идей, которая, объединившись с братками с бронепоезда и большевиками образца 1919 года, станет образованщиной (метафора А. И. Солженицына), до сих пор предающей идею гражданского общества. Я не историк права, но пусть они скажут или ответят. Во время монгольского ига чья казна обогатилась больше, великокняжеская или мздаимных друзей наших володетелей? Я тоже не знал, но им кто не даёт читать Николая Михайловича?»

«В конце беседы, когда правовед заговорил о необходимости изменений и дополнений уставов местного самоуправления и уставов школ, в ответ услышал: «Волоканцева не позволит!». Лаврова, Бакунина, подстрекателя Ткачёва, анархиста Кропоткина знаю, а Волоканцеву нет, потому опешил.

Примечание юриста: когда совет родителей, матерей изменяют и дополняют уставы школ, Волоканцева и ея слуги, лакеи и пр., и пр. записывают, литературно обрабатывают все предложения, затем – самое трудное – оформление лучших мыслей в кратком изложении. И все! Но Волоканцевы не пишут уставы!!!

Вот чем народоправство отличается от демократии (по Периклу)».

«На следующий день в седьмой раз правовед заговорил со священником о том, что прихожане и все гражданское общество имеют право, но услышал, что церковь отделена от государства. Сегодня он хочет повторить: гражданское общество, куда государство не входит, а вхо-

дит приход, имеет право требовать от администрации района за счёт сокращения бесполезных должностей ввести должность помощника священника по работе с гражданами с приличным окладом жалования. Так говорил Перикл (не по администрации, понятно), так спустя 2500 лет писал профессор Алексеев на стр. 172 «Правового государства». Так семнадцать раз Бархатов повторял редакторам. «Вера косвенным, но решительным образом влияет на законодательство» – Ю. Ф. Самарин, православный философ, которого еврофилы обзывают славянофилом.

Поучительный пример: после многолетних проволочек протоиерей академик И. С. Кочетов категорически воспротивился изданию словаря Даля, и только в 1863 году государь император Всея Руси Александр расходы по печати взял на себя, да ещё орденскую ленту пожаловал В. И. Далю».

Телефонный звонок заставил вздрогнуть: кто может знать, что он в кабинете? Поднял трубку, Зоя, девушка из приёмной, извинилась и сказала, что положила в папку пакет из Питера и забыла доложить.

– Простите, Артём Антонович, я знаю, что вы допоздна работаете, сейчас подумала, вдруг важный пакет, поэтому беспокою. Извините меня.

– Спасибо, Зоя.

В пакете копии бумаг Бархатова с пометками тремя разными карандашами, видимо, все трое учёных заинтересовались запросом Белославцева. А вот и письмо:

«Уважаемый Артём Антонович!

Мы со вниманием отнеслись к Вашей просьбе познакомиться с бумагами Вашего пациента, и каждый из нас все внимательно прочёл и сделал соответствующие выводы. Во-первых, мы не нашли в записках ничего криминального, кроме такого пустяка, что он привлекает чуть ли не все мировые авторитеты всех времён и народов, чтобы сказать нынешней власти, точнее – чиновникам, что они подменили собою все: государство, гражданское общество, право как инструмент саморегуляции отношения общества и государства. И что? Разве об этом никто не знает? Разве мало-мальски думающие люди не твердят об этом? Конечно, появление столь эрудированного (это вне сомнения) человека за Московской кольцевой дорогой само по себе есть опасность, потому что такие люди, думающие и говорящие громко о своих научных выводах, могут возникать и далее во глубине России, что само по себе для чиновников опасно. Во-вторых, нас, безусловно, заинтересовал сей провинциал, неизвестно, каким

образом добывающий столь редкие книги, цитаты из которых он приводит и на авторов которых многократно ссылается. Вы назвали его полное имя, Бархатов Иван Андреевич, конечно, русский человек, и это прекрасно, потому что ставит крест на грубых и хамских выкриках неких русофобов, что русская нация кончилась вместе с победой большевиков. Нам бы очень хотелось поближе познакомиться с этим уникальным человеком, одолевшим высоты философии, права и литературы, находясь практически в глуши, и все это самостоятельно, без элементарного научного руководства. В-третьих, уважаемый Артём Антонович, и это грустно, в познаниях Вашего клиента нет системы, следовательно, не всегда присутствует логика. Вы, безусловно, и сами это заметили. Принимая во внимание повышенную его гражданскую позицию, пограничную с агрессивной, которая и привела его в Вашу клинику, можно предположить, что в его психике есть некоторые отклонения, которые Вам предстоит определить и пролечить.

Более всего мы обеспокоены Вашими проблемами. Не смеем касаться вопросов личной жизни, очень надеемся, что в середине зимы вы найдёте возможность приехать в академию. Впрочем, в ноябре Рафаил Самуилович Гольдский летит в Ваш город на три дня прочитать несколько лекций для студентов последних курсов. Вечера он обещает посвятить Вам, так что используйте эту возможность на все сто процентов, как любили говорить при социализме.

Желаем Вам, дорогой Артём Антонович, успешной работы и личного скорейшего обустройства.

PS. Мы долго совещались, прежде чем большинством голосов приняли это решение проинформировать Вас о том, что одна из дам, участвовавших в экзекуциях над Вами, совсем недавно была анонимно на лечении у профессора Иванова. Кажется, все прошло успешно, Гурий Арнольдович заглушил порочную страсть, чем она очень осталась довольна. На профессора Иванова она произвела очень хорошее впечатление: умная, очень красивая, с развитой фигурой, что еврей не мог не отметить. Мы нарушаем служебную этику и Вам сообщаем об этом только потому, чтобы Вы были готовы к каким-то, возможно, новым поворотам судьбы.

С пожеланиями всего доброго профессора Шпильман, Гольдский, Иванов».

Артём почувствовал, как колотится сердце. Нина была в Питере, потому никакой реакции на последние события, а уж она непремен-

но отомстила бы за свой женский промах, когда объяснилась в любви человеку, который уже привёл в дом невесту. Как теперь она будет работать, если произойдёт разрыв с Анной Иоановной? Как ему вести себя с ней, ведь встречаться придётся? Артём потёр виски: стучит, надо отдыхать, похоже, завтра будут новые сюрпризы.

***

Знала ли эта молоденькая деревенская девчонка, что счастье и страдания рядом ходят? Хотя откуда она могла об этом знать? Мама на такие темы с нею не говорила, все считала, что мала ещё девочка, успеет научить девичьим премудростям. Не успела. Пока время выжидала, дочка замуж собралась, в один день, за незнакомого человека. Уехала, несколько раз на день звонила, все радовалась, хвалилась женихом своим обходительным и ласковым, и только раз мать спросила, вместе ли спят, в одной постели, коли уж третью неделю в одном доме. Дочь засмеялась над заботливой мамой, успокоила, что Артюша отложил начало семейной жизни до свадьбы. Господи, что теперь говорить родителям своим? Что ушла от жениха в общежитие, потому что полюбила друга его лучшего, Володю? Для мамы это такой удар будет, а отец – отец и приехать может разбираться. После разговора с Артёмом Полина дала волю слезам, и не богатого и успешного жениха оплакивала, не дом уютный и удобный, не машину шикарную, которую он обещал подарить ей на свадьбу. Ей до горючих слез жалко было ту маленькую птичку-любовь, которая запорхнула в её сердце нечаянно, и так же вдруг покинула его. Ещё теплится место, где она обитала, и сердце ищет и ждёт, когда совпадут их биения, но не совпадут, не дождётся.

Девчонки её иначе как дурочкой не зовут, такого жениха не просто упустила – сама руки раскрыла, сама жестокое слово сказала, обидела, оскорбила такого милого человека, которого только вчера считала лучшим. И что теперь? Володя позвонил, она вышла во двор, урёванная, припухшая, некрасивая. Смотрела на него через не скатившуюся ещё слезу, а он поникший, потерянный, за руку взял, а обнять боится. А ей сейчас крепкие объятия нужны, сильные, чтобы поняла, что есть е неё защита, есть мужчина, который не отпустит, не потеряет.

– Ты у Артёма был? – спросила она.

– Был.

– Это он тебе мой телефон дал?

– Он.

– Володя, вы же друзья были, а теперь как?

– Мы говорили об этом, Поля, ты не беспокойся. На тебя он не обижается, сказал, что так бывает.

– Нет, Володя, меня он никогда не простит.

– Поля, надо тебе уйти из общаги, я боюсь говорить, но у меня хорошая квартира, одна комната будет твоей. Полюшка, родная, я прошу тебя стать моей женой. Я люблю тебя. Очень люблю.

Полина склонила голову ему на плечо.

– Я тоже тебя люблю, Володя. Ещё несколько дней назад совсем не знала, а теперь люблю без ума. Увези меня, Володя, я хочу быть рядом с тобой. Подожди, я соберу вещи.

Только ушла Полина, позвонил Артём:

– Ты где, Володя?

– У общежития, Полину жду.

– Все нормально? Говори.

– Не знаю, как сказать, Артём, Поля согласилась переехать ко мне. Ушла вещи собирать.

– Правильное решение. Ты со свадьбой не тяни и с друзьями на всякий случай не знакомь. Ладно, над собой издеваюсь, не над тобой. Да, завтра надо заехать ко мне, ясно, что Полина не пойдёт, сами будем управляться. Она ничего не взяла из вещей, который мы ей покупали. Заберёшь. Не думаю, что они могут подойти моей возможной жене. И ещё. Я не могу найти телефон нашего адвоката Чубарова. Игорь его зовут, так ведь? Найди телефон и сбрось мне.

– Артём, что случилось, почему адвокат? Опять жмут?

– Нет, теперь мы жать будем. При встрече объясню. Полине не говори, что я звонил.

– Ты вообще с ней больше не хочешь говорить?

– О чем, Володя? Ладно, что мстить не буду, но не прощу никогда.

– Артём!

– Все, Володя, мне бы с тобой дружбу сохранить, а её никогда не прощу. Можешь так ей и сказать. Бывай!

Пришла Полина с пакетом, заметила, что Володя чем-то огорчён:

– Кто тебя обидел, пока меня не было?

– Пустяки. Пара неприятных пустяков!

Вместе прибирали изрядно запущенную холостяцкую квартиру, потом ужинали холодным мясом с горячим чаем, Полина вышла из ванной в своём простеньком халате, подошла к Владимиру.

– Ты хочешь, чтобы я ушла в ту комнату?

– Не знаю. А ты?

Она обвила его шею ещё горячими после душа руками, целовала щеки, нос, губы, пока он не поднял её на руки и унёс в спальню...

Белославцев тем временем внимательно читал материалы Бархатова. Вчера он выписал все имена собственные из его текстов, их оказалось около сотни, поочерёдно забил их в поисковик Интернета и был очень удивлён, даже обрадован, потому что все оказались реальными, и произведения, на которые ссылается Бархатов, тоже подтвердились. Артёму даже неловко стало, что не доверяет человеку, а он того не заслужил.

«Вернёмся, однако, в Мангазею. Главным предметом экспорта Ганзы было Любекское право – основа гражданского общества и личных свобод и моральных обязанностей человека – солидный укор государям всех времён и народов.

Торговая этика, чувство собственного достоинства, право, запрещавшее выставлять богатство напоказ, укоризна тем, кто пил «ерша», обжирался, прыгал с бочки на бочку, пил лишнего и держал пари или хвастался – современный синдром Ноздрева.

Этика и никаких этатики, декретики и указов государства.

Ровесница Ганзы – Святая Русь – семь веков обходилась без полиции, военкоматов и дверных замков, жители, уходя из дома, закрывали его на прутик от голика. Голик – веник, бывший в употреблении, простонародно веник б/у, а в прогрессивном понимании – аббревиатура б/у. Читателям, а особенно понимателям, это пригодится для осознания того, на каком языке они выражаются. Например, МБР – необходимое сочетание для эконометристов: международный банк реконструкции, чего – не помню, но звучит. А есть ещё межконтинентальная ракета - тоже МБР, это штуковина для уничтожения не только экономики, но и людей, и не только комбатантов, но и детей, стариков, матерей. Но и не в этом главное, как писал бы Николай Васильевич. А главное дело вот в чем: обе аббревиатуры придумал один и тот же человек, и не откуда-нибудь, а из Нового Света, из страны, куда предки нового человека и клиенты Индийской компании – воры, убийцы и «девушки с римских окраин» (подробнее у В. Казаринова и тов. Аникина в его книге «Юность науки»), оттеснили законных владельцев земли, подрались между собой военным способом, а когда родилась моя мама Анна Сергеевна, они вышли на мировую арену. Всего один век, двадцатый... Для истории это без году неделя, как говорили у нас в деревне. И хорошо ещё, что воровка

Кармен туда не поехала. Подробности у Проспера Мериме. А вот сынок Европы, подозрительно похожий на нашего Мокия Кифовича – всего 58 строк в конце поэмы, крохотный дивертисмент, без которого компатриотам невозможно понимание идеи «Мёртвых душ» – он поехал.

Без году неделя, а вот уже и не волдыри вскакивают на чужом носу, и не дворовые и не сенные девки, и не дворовые собаки его боятся, а целые страны и континенты после ихнего heil-а аплодируют ему. Подробности у Генри Адамса, живого свидетеля начала гендерной катастрофы, не прочитанного академиками от педагогии (термин Толстого – Ушинского), педологии (термин Блонского, Бехтерева и Басова), педагогики (термин Макаренко – Сухомлинского), социологики (термин Залкинда), и все же уступавшего по образованию русской матери государственного преступника, которого почему-то звали-величали точно также, как Павлика Чичикова».

Белославского сбили с толку обилие имён, а также некая зашифрованность информации. Зачем Бархатову прятать смысл за витиеватыми выражениями, если он пишет для себя?

«Слово – ключ ко всему (интегральная формула Сергея Апполинарьевича Герасимова, коммуниста, не большевика, актёра, кинорежиссёра, Героя Социалистического Труда, тремя словами – талант Божьей милостью). Слово вначале было от Бога. В середине – от человека: «Слова убивают душу» – сказал Генрих Бёлль. Не помню, может быть, до того, как приютил Солженицына, а может в беседах с ним. А матерное слово сегодня уже не только ключ, но и инструмент душевного убийства детей на первом вздохе души детёныша человека, но и пространство духовной погибели.

Анализ поразительно похожих духовных ценностей австралийских аборигенов, африканских пигмеев, индейцев Амазонии, ацтеков, исламских, северных и южно-азиатских этносов по обычному праву воспитания детей (семнадцать-двадцать правил), ещё не сделан. Некому, наверное, не знаю...

... к тому же

«Дакоты никогда не лгут, ты это знаешь, мальчик». (Доктор философских наук Лизелотта Вельскопф–Генрих, дочь юриста).

1. Наука начинается там, где начинается измерение. (Академик Менделеев Д. И.)

2. В естественных науках столько истины, сколько в них математики. (И. Кант).

3. В общественных науках истины столько, сколько в них юриспруденции. (Г. Коген, профессор философии, автор «Теории опыта Канта» (1871).

4. В юриспруденции истины столько, сколько в ней справедливости, т.е., предметно осознанного неравенства. (И. Ильин).

5. Но что такое государство без справедливости? Банда разбойников. (Августин Блаженный, V век ХР эры).

6. Государства погибают тогда, когда не могут более отличать хороших людей от дурных. (Антисфен, IV век до ХР эры)».

Снова любопытные рассуждения о государственности и воспитании детей. Почему эта тема так его беспокоит? Ведь он так и не нашёл поддержки в государственных структурах? И вот новый поворот:

«В начале перестройки в журнал для детей академиков пришло письмо советской матери М. Белкиной из Перми. Она пишет: «В. В. Свешников отказывается признать нравственно чистыми женщин, приносящих голодным детям с колхозного поля ведёрко картофеля, и считает возможным рассуждать по этому поводу о безотносительности принципа «не укради». Боже мой! Кто у кого крадёт? Колхозная земля, как известно, не государственная, а коллективная собственность, в том числе и тех женщин, что днём сажают картошку, а ночью, дабы не досталось безжалостному грабителю—государству... и можно было накормить детей своих хлебом, добытым в поте лица».

Но что такое материнский труд? Это понимал один настоящий русский — Василий Макарович Шукшин, любя родную маму Марию Сергеевну, всех Матерей России, и знал отношение к ним родного государства...».

«Временных, а значит, неточных эпитетов государству придумывалось множество: тоталитарное, демократическое, охлократия, аристократия, административно-командное и т. п. Однако лишь в самом конце XX века героиня Виктории Токаревой произнесла, наконец-то, точно характеризующую его фразу: «Нашему государству никогда не бывает стыдно». Эту мысль, достойную Дюма Третьего, ранее высказывали Гёте и Шиллер, обратив внимание на то, что у государства нет такого органа, чтобы осознавать стыд.

Однако до сих пор творится ещё большая путаница от непонимания самого предмета, т. е., идеи государства. Н. М. Карамзин считал государством окружение государя, его свиту, и был прав. Людовик французский говорил ещё короче: «государство — это я!», и юридически был прав,

как монарх. Мой коллега правовед и кади, североафриканский мыслитель Валит-дин Абд-ар-Рахман ибн Хальдун, которого почему-то называют восточным Марксом, о государстве никогда не говорил оно. Государство он называл они. Может быть, мы здесь найдём ключевое слово для понимания?

И ни «кто виноват и что делать?», а думать надо начинать.

Историк философии Игнатенко А. А. на нескольких страницах доступно объясняет самую очевидную истину, запутанную ими, чиновниками. нашими, родными, которых кормили мы и теперь кормят наши доверчивые дети и внуки.

Ибн Хальдун не разрывал слова власть—владение, арабское слово «мульк», а чтобы найти связь арабского и славянского права, давайте вспомним слово «волость» — володение. а знаете ли вы, что такое область? Объяснительный словарь церковнославянских слов, издание двенадцатое, Москва, 1909 год, на странице 35 отвечает: власть, дело власти — обеспечить право».

Вот он снова возвращается к материнскому праву, выделяя его из как самостоятельную часть права вообще. Но странные суждения:

«Что такое материнское право, не знает даже Павел Алексеевич Астахов — юрист, талант, глубоко понимающий юриспруденцию запада, формы этатики и Франции, финансовые права североамериканских матерей-одиночек, но не умеющий посчитать оплату материнского Труда — призвания в Божеском природном и человеческом праве. Почему? Да это ещё «не проходят» ни в Итонах, ни в Окфордах. Там все ещё талдычат о разделении властей, там не читали Фридриха Энгельса «Об авторитете», и не видят связи его работы с гибелью «Титаника», где капитанской власти-то как раз и не было. Толковый радист, выполняя волю индивида, представителя консулатов, а может быть, приматов первоначального накопления капитала — не знаю, но отстукал по Морзе о том, что в понедельник в одиннадцать часов надо быть готовыми к получению очередной порции коммерческого счастья. И когда до гибели корабля останутся десятки минут, капитан, наконец, проявит свою волю подать сигнал SOS — сальвате оптимум спирито — но уже поздно. Окончание знают все. Но лишь единицы видят связь глобального «Титаника» с пароходом и здоровьем населения. Об этом предупреждала Арусяк Арутюновна Налян в своей книге «Два преступления медицины», напечатанной скромнейшим тиражом, на который обратил внимание мой друг, побратим из Ингушетии — 2.800 экземпляров.

Я вам не скажу за всю Армению, но и в Молдавии, и на Украине уважают опыт её священного материнского права, где нет разводов, о чем умалчивает командир отряда наших СМИрдюковых. Но и не в этом ещё главное. Такой тираж на почти полторы сотни миллионов человек! При том, что тревога автора выражена просто: «Грядёт эпидемия вымирания!». Мы живём в «Титанике», дети летом болеют простудными заболеваниями, а матерям вместо объяснения вопросов здоровья объясняют причины болезней, и как их лечить скальпелями, капельницами, таблетками.

«Дайте мне только любящую семью, и я построю вам вечное социальное здание». Плеханов Г. В. (Второй том избранного, 1911). И далее: «Семья есть самая аристократическая форма жизни» – так писал В. В. Розанов, «самый даровитый писатель России, совсем забытый» – характеристика профессора Богословского Православного Института в Париже протоиерея В. В. Зеньковского.

Попутно, господа, прочтите рассказ И. А. Бунина «В Париже». Он небольшой.

«Платочки спасут Россию» – пророчество Серафима Саровского.

Кому адресовано это письмо, не совсем понятно, но, видимо, речь идёт о продолжении дискуссии с учёными при солидной аудитории:

«Письмо, на которое второй год нет ответа

Уважаемый Евгений Анатольевич!

Чтобы предметнее разговаривать на будущей лекции, высылаю Вам ключевые фразы о влиянии на детскую душу из И. А. Ильина, работа «Почему мы верим в Россию». Путь к очевидности – это невзятая высота вашими профессорами. Эпоха разучилась воспитывать в детях духовность инстинкта. Это философия.

А вот наука. Отец Павел (Флоренский) – физик с мировым именем, в письме к снохе (копию прилагаю) по-иному, но говорит об этом же самом.

Ещё более по-иному о том же говорит митрополит Антоний Сурожский. И снова

– о воспитании наилучшими впечатлениями от мира,

– ласковый взор матери,

– доброе слово отца,

– любовь бабушки,

– народная музыка и т.д.

А что касается декартовского рефлекса, который был подкован

Иваном Петровичем и, как и у Левши, перестал прыгать, то Павлов заметил это к концу своей жизни, и тогда честно отказался от своей теории, но об этом знают немногие. Ну, а о дьявольской индоктринации (термин К. Лоренца), лжеучения о рефлексах, отдельный разговор.

С уважением... (Подпись неразборчива). 20 мая 2010 года.

«Письмо сродникам.

Проснувшаяся Россия пошла, наконец, русским путём, ещё более трудная задача – попутное освобождение от евроцентризма. Для начала необходимо перечитать своих просветителей в подлиннике, а не в редакции Надежды Константиновны.

Так, К. Д. Ушинский писал: «Для нас нехристианская педагогика – вещь немыслимая – безголовый урод и деятельность без цели (соч., том 2, стр.452). Этих ключевых слов вы не найдёте в цитатниках, хотя его цитируют, в «Мудрости воспитания» (М.: Педагогика, 1989, стр. 17-18). Высылаю вам 10 пунктов Ильина, по каждому в отдельности можно защитить диссертацию, это десять этажей Русского Бытия семьи, гражданского общества и государства. Это жемчужина в короне философии Ивана Александровича Ильина, моего учителя, от которого я, имея диплом юриста, только под старость лет узнал, что правосознание – категория религиозная. При этом, любезные, перечитайте А. И. Введенского, Л. С. Выготского, Жана Пиаже...».

Письмо моей дочери, молодой маме.

«Здравствуй, Оленька! Получил два письма и лучше любой открытки Мальчика с Прадедушкиным Ухом с левой стороны. А посадить дедушку с внуком на диван не дошло?

Оля, во-первых, продолжай кормить своим молочком! Телеграмму получила? Когда ты проходила практику на маслозаводе, там работала Татьяна Кузьмовна. Так вот, она свою дочку кормила до 3 лет. Девчонка умнющая. Сейчас учится одновременно в двух институтах! Информация с позволения мамы. Кроме того, материнское молоко обеспечивает иммунитет! Болеть не будет! А ОРЗ – это от перегрева, а не от простуды. Не запаривай чадо. Материнских слез не стыдись. Кто давно не плакал, тот чёрств, холоден и опасен (В. Розов). Начинай воспитывать, пока поперёк лавки лежит. Гладь ладошкой по головке. Будет спокойным и уверенным. Коляска – блажь. Бери на руки... это счастье. Пора подумать о велосипеде и о шахматах...».

Администрация области, Волоканцевой А. И.

«Уважаемая Анна Ивановна!

В дополнение к приоритетному национальному проекту предлагаю вам статью из Сибирской православной газеты, в которой есть ссылка на философа Ильина, которого скоро будут цитировать многие.

А ксерокопии – это из его девятисотстраничного труда «Почему мы верим в Россию», М. Эксмо, 2007, и «Путь духовного обновления» (стр. 290–297) прилагаются.

Пять лет назад я принимал участие в разработке преамбулы устава местного самоуправления о воспитании детей, но чиновники, приняв мою редакцию, вычеркнули несколько слов, без которых искажается смысл воспитания. Дело в том, что семейность древнее государственности, и человек формируется в семье, а правосознание – по Ильину – категория религиозная, и семейное воспитание (этика) не противоречит, а помогает государству (этатика). К политике эти вещи не относятся, поэтому церковь и отделена от государства. Однако и этого сегодня чиновники ещё не знают, хотя вносить изменения в уставы школ и местного самоуправления давно назрела пора. Готов помочь в этих и других вопросах».

Очевидно, после этого письма Волоканцева и согласилась принять и выслушать Бархатова. Приняла, но слушать не захотела, потому что он говорил вещи, ей совершенно непонятные, а чиновник больше всего боится незнакомого – текста, человека, времени.

Телеграмма.

«Москва Ильинка 23

Глубокоуважаемый Президент Геополитика требует переноса столицы Сибирь с памятником великой бабушке России Нужен материнский гражданский форум Доклад готов гражданским обществом святая Русь без полиции жила семь веков пакет реформ предлагаю проект презумпции некомпетентности помогут патриарх Кирилл академик Львов Владимир Меньшов ювенальщина нарратив полуграмотных юристов правоведов не остаётся Ильина о котором писал Вам первый раз не знают жизнь заканчивается здоровье тоже прошу свидания Вашим референтом

Бархатов ученик профессора права Алексеева».

«Друг Бакунина, первый переводчик Энгельса в России, знакомый К. Маркса, «экстремист, демократ коммунист» (оценка А. Руге) под воздействием Ж. Санд, Белинского и Герцена, женившись по любви на фран-

цузской модистке в 1843 году и покинувший её спустя два месяца после «медового», опасен вовсе не этим.

Он, написав Белинскому, что Татьяна добровольно осудила себя на простит... (простите за не дописанное слово), В. Казаринов в таких случаях говорил о поступках девушек с римских окраин – со своим (?!) стариком генералом («Литературная критика», с. 246). После осмысления создаётся уверенность, что так низко за последние два века русская критика не падала, а морально-этическую болезнь можно смело назвать гендерной биопсихопатологией, или простонародно – болезнь Боткина II, по-уличному ещё проще.

Доказательства? Пожалуйста.

Смотрите. В год, когда мы, советский народ, принимали самую бесполую конституцию 1977 года – Брежнев тут не при чем – самый радостный философ Европы в статье «Непонятная чувственность» – Г. Бурхард – среди вавилонской языковой путаницы отметил, что чувственная жизнь была отнесена к низменному (людьми, считающими себя все знающими, а потому де самыми умными – подробности у Мити Писарева).

А чуть позднее Великая Мать Кристина Сипнович – философ Канадского Королевского института, в 1999 году повторила, что бесполая этика Маркса–Боткина и их бригады лишила женщину-мать этики заботы (философский термин, означающий священное Материнское право любви к детям»).

«А теперь с удовольствием то, что обещал. Смотрите.

К удивлению лакеев, кучеров и переводчиков, они ещё долго стояли на пароме и говорили. Двумя минутами ранее Андрей Николаевич отвечал Петру Кирилловичу, прозванному еврообразованными кликухой «Пьер»:

– Да, это учение Гердера.

Толстой знал, что на раннего Гердера влияли Кант и Иоган Гаман, защитник христианской догматики, подчеркнувший высокую роль чувств в законе бытия, и Готхольд Эфраим Лессинг с его приговором «Государство должно исчезнуть». Любимый афоризм Гердера – человек для общества. Религия – стимул культуры, семьи, гражданского общества и государства.

И опять-таки: государство должно исчезнуть. Но позвольте спросить, если государство исчезнет, кто будет охранять право? Не это ли заблуждение мысли повлияло на взгляды самого Толстого, решившего написать царю письмо о ненужности государства? А ведь он почитатель Артура Шопенгауэра, вывесивший его портрет в своём кабинете

(съездите в Ясную Поляну, посмотрите), сам наблюдал зарождение мира, т. е., гражданского общества в крестьянстве и его разложение после 1861 года. Сам читал Гердера о его симпатиях к славянству, сам знал предложение анархиста Прудона перенять славянскую форму владения собственностью, как более высшую форму, сам знал, что Святая Русь семь веков обходилась без полиции – органа государства, а МИР – гражданское общество – без военкоматов.

Не мог не знать закон Политики Гердера, обнаружившего себя осатанением в 1789 году – отклонение результатов деятельности людей от намеченных целей».

Артём подумал, что вот эта мешанина из мыслей и образов и могла смутить его питерских профессоров, она же может насторожить и экспертную комиссию. Может быть, вовсе не выносить на обсуждение экспертов эти материалы, едва ли кто из психиатров слышал что-либо о комбатантах и консументах, о Моргане и Бурхарде? Тогда надо основательно готовить самого Бархатова, чтобы он не ударялся в рассуждения, которые обязательно запутают уважаемое собрание.

***

Вылетевший поздней ночью из Пулково самолёт вынырнул из темноты, прижавшей землю, и оказался в розовом сумраке, исходящем от огромного светила, пока лежащего за горизонтом и уже готовившего свой дневной путь. Первые лучи отразились на крыльях, и они поплыли друг другу навстречу – тело небесное и созданный человеком аппарат. Нина не боялась полётов, не боялась высоты, с детским восторгом смотрела на устланный пушистыми облаками «пол» под самолётом, увидела проходящий встречным курсом самолёт и даже хотела помахать рукой, да вовремя спохватилась. Как врач, она не могла не понимать, что в ней произошли довольно серьёзные перемены, она ещё не могла их классифицировать, но и не замечать не могла. Она стала жизнерадостней? Наверно. И спокойней. И сдержанней. Что-то временное и чужое ушло из неё, и она нисколько об этом не жалела. Вспомнила профессора Иванова, который сказал ей на прощание: «Для полноты фиксирования результатов наших манипуляций вам надо бы срочно влюбиться в красивого мужчину, и тогда все будет просто замечательно». Старый еврей прав, но если бы он знал, что мужчина её мечты только что прислал ему письмо, что они давно знакомы, а её появление здесь совершенно случайно.

Скоро самолёт начал снижение, прощаясь с восходящим солнцем и медленно погружаясь во влажную и рыхлую сумеречь. Уже в который раз Нина говорила себе, что вот она заглянула в завтрашний день, увидела завтрашнее солнце, для всех остальных людей на земле оно появится только через час. И даже это скромное преимущество добавило ей уверенности и бодрости.

Дома она приняла душ, посидела десять минут перед зеркалом, изучая своё лицо и что-то в нем поправляя, потом общественным транспортом доехала до департамента и с улыбкой вошла в приёмную. Все вокруг улыбались, Анжелочка, её новая секретарша, и референты, тут же прибежавшие засвидетельствовать, тоже улыбались, все были рады видеть своего начальника в очень добром расположении духа.

– Анжела, Адольф Игнатьевич на месте?

– Сейчас приглашу.

Адольф Игнатьевич, первый заместитель директора, старый ловелас, вёл себя с Соколовой очень сдержанно, но и он не удержался:

– Простите, Нина Николаевна, впервые вижу человека, вернувшегося из командировки столь отдохнувшим и, ещё раз простите – похорошевшим.

Нина засмеялась:

– Ваш комплимент грубоват и пошловат, но исправитесь в другом месте и с другим объектом. А теперь к делу. Начинайте с самого неприятного.

Адольф Игнатьевич развёл руками:

– А неприятностей у нас нет, дорогая Нина Николаевна. Есть новости позитивные.

Заместитель разложил перед собой бумаги и привычно, как делал уже многократно, проинформировал о поступивших из министерства документах, о полученном оборудовании, которое распределит только сама Нина Николаевна, о пуске нескольких модулей фельдшерско-акушерских пунктов в сельской местности. До обеда повстречавшись со всеми заместителями и руководителями ведущих отделов, Соколова пригласила Анжелу, девушку разбитную и всезнающую.

– Что интересного в городе, какие слухи, сплетни?

– Есть одна новость, о которой все говорят. Владимир Иванович, заведующий терапевтическим отделением, отбил невесту у своего лучшего друга Белославцева, помните, с которым скандал был. Прямо на вечеринке отбил и увёз. Все, уже поженились, а тот в своей психушке заперся, нигде не появляется, говорят, как бы сам умом не тронулся. Говорят, любил он её сильно, дурочку эту.

Нина Николаевна, сколько могла, выражала безразличие, но тут не выдержала:

– Почему ты решила, что она дурочка? Я слышала, что очень даже не дурна собой.

– Может, и так, только как можно было бросить Белославцева, этого красавца, умницу, богача? Вы знаете, что ему профессор Бяллер все состояние завещал?

– Ладно. Что ещё?

Анжела стала говорить почти шёпотом:

– Говорят, на Анну Ивановну какой-то компромат поступил в органы. Говорят даже об уголовном деле.

– Довольно об этом. В театре и филармонии есть что-нибудь интересное?

– Про театр не знаю, не скажу, а в филармонии Анна Нетребко, только один концерт.

– Когда?

– Нина Николаевна, вроде завтра.

– Что ж ты молчишь, милая? Все, свободна.

Она набрала телефон Волоканцевой:

– Здравствуйте, Анна Ивановна, докладываю, что сегодня прибыла и приступила к работе.

– Хорошо. Сразу ко мне.

– Анна Ивановна, мне ещё надо билет добыть на Нетребко.

– Сразу ко мне. Эта хохлушка у меня в приёмной петь будет, если потребуется. Жду.

Такою свою бывшую теперь уже подругу Нина не видела никогда. Волоканцева была взволнована и даже испугана, едва заметная жажда мести, так хорошо известная Нине, проступала на её лице. Она не встала изо стола, не обняла, даже не подала руки.

– Все и всё против меня. Даже ты. Как ты могла, Нинка, ведь я тебя из грязи вытащила, сделала человеком, ты член правительства области, и все благодаря мне. Разве не так? Возражай! Молчишь! Ты думаешь, я не знаю, где ты была на самом деле и по какому случаю? Я все знаю, и про всех. А ты решила сама, одна, лишить меня малой бабьей радости. Вот она, благодарность!

Соколова резко встала с кресла:

– Анна Ивановна, если так, я готова сейчас же подать заявление об отставке.

– Сиди! – Волоканцева махнула рукой. – Тут покруче дела назре-

вают. Кто-то роет под меня, и роет основательно, там, где и надо, чтобы втоптать в грязь Волоканцеву. Никак не пойму, кому это надо? Кому это выгодно? Сволочи, повязали по рукам и ногам, дела пятилетней давности подняли.

– Да кто же, Анна Ивановна? Вы же все равно догадываетесь.

Волоканцева жестоко усмехнулась:

– Конечно, догадываюсь. Пожалела я тогда тебя вместе с твоим Белославцевым, а это его работа. Тонко шьёт, сука, умно. Я вот чего от тебя хочу: подкатись к этому молодцу, знаю, что ни деньгами, ни должностями его не взять, может, тебя послушает. Уговори его не выносить на общественность. Да, ко мне он на переговоры не пойдёт. Уговори его, пусть он уничтожит все обвинения, в обмен на это я уйду. Если ему этого достаточно, пусть поступит как мужчина. Господи, я сойду с ума. Ты ведь не знаешь, мой Филя загулял. Построил за городом домик втайне от меня, и завёл там молодую бабёнку. Говорят, даже сына она ему уже родила. Скотина, я ему весь бизнес устроила, все благоустройство города отдала, а он так отблагодарил. Ой, Ниночка, ты бы знала, как мне плохо, как плохо! Жить не хочется!

Нина была поражена переменами, ничего не осталось от властной и жёсткой «серой кардинальши», к советам и мнению которой губернатор обращался чаще, чем к кому бы то ни было. Она испугалась: такую её видят сотрудники? Или она никого не принимает, а руководству может сослаться на недомогание. А если губернатор уже знает, ведь у него информация поставлена не хуже, чем у Анны Ивановны? Но спросить об этом побоялась, очевидно, Волоканцева сама этого боится.

– Я сейчас постараюсь найти Белославцева, если он к этому причастен, он скажет, потому что бьёт по вам, а хочет, чтобы и мне было больно. Он ненавидит меня, и из ненависти, со злорадства может сказать. Я постараюсь сделать все, что могу.

– Старайся, Нинка, потому что вслед за мной они сметут и тебя, – напутствовала Волоканцева, запивая таблетки.

Нина долго искала повод, позвонить просто так после всего, что случилось, было верхом бестактности. И вдруг – концерт, свободный билетик! Она смело нажала клавишу.

– Слушаю вас, Нина Николаевна.

– Здравствуй, Артём. Выручай по старой дружбе, я только что прилетела из командировки, а тут Нетребко, билетов уже нет. Ты же всегда был запасливый.

Артём помолчал, ответил с нажимом:

– Чистейшая случайность, сделал заявочку, и мне, как приличному мужчине, привезли два билета. Ты, конечно, уже знаешь, что я один. Потому второй билет дарю тебе, как ты говоришь, по старой дружбе.

– Спасибо, Артём, я у тебя в долгу. Проси, что хочешь.

Артём засмеялся:

– Вы очень рискуете, барышня, потому что одинокий мужчина способен на всякие дерзости.

Нина загорелась:

– Артём, ты где? Можно, я к тебе приеду?

Трубка некоторое время молчала:

– Я на работе, Нина, не знаю, удобно ли тебе сюда приезжать?

– Господи, о чем ты говоришь?! Я еду немедленно.

Он встретил её на проходной, привёл в кабинет, усадил в новое кресло. Она оценила свежий кабинет, просто и со вкусом. Он предложил коньяк, она не отказалась. Выпили, ни о чем не говоря. Помолчали.

– Нина, тебе не только билет нужен, ты была у Волоканцевой, и, похоже, получила задание постараться спустить все дело на тормозах.

Соколова даже не спросила, откуда у него информация о её передвижениях и о визите к Волоканцевой, отметив про себя, что дело ребята поставили чётко. Она только кивнула:

– Да, Артём, я была у неё, она встревожена и напугана. Но она ни слова не сказала о сути дела, просто заявила, что если это получит огласку – это её гибель.

– О своей ты не говоришь?

Нина мотнула головой:

– Нет, Артём, молчу, потому что противно вот так зависеть от человека, явно погрязшего в делах не только аморальных, но и преступных. К тому же, я хочу попробовать начать новую жизнь, первый шаг уже сделала, сейчас многое будет зависеть от того, как разрешится ваше противостояние.

Артём налил ещё по рюмке и молча выпил. Выпила и Нина. Шоколадную конфетку поделили на двоих.

– Хорошо, коли ты позиционируешь себя как посредника, я кратко изложу суть дела. В своей больнице я обнаружил несколько человек, насильно, без подобающих процедур, помещённых в психиатрическую лечебницу по указанию Волоканцевой. Это разные люди. Один одержим стремлением к социальной справедливости. Другой выложил в Интернете и напечатал листовками декларации о доходах чиновников своего района, собрал митинг и кнутом, кнутом выгнал

с трибуны завравшегося главу района. Ещё один писал во все газеты жалобы на местную власть. Один был членом избирательной комиссии и порвал переписанный протокол голосования, по которому победила партия власти. Не могу сказать, что все они абсолютно здоровы, но не до такой же степени! Таких набирается пять человек. По каждому местные князьки жаловались наверх, мол, не дают работать. К счастью, это было до тебя. Волоканцева давала команду директору департамента, того мы тоже заставили признаться письменно, хотя он упирался рогом, он давал указания в районы, а там спокойно писали направления на лечение в психиатрическую больницу. Мы взяли письменное объяснение с бывшего главного врача, кроме того, весь разговор записан на камеру. Мы заставили написать объяснительную двух врачей клиники, которые по прямому указанию Волоканцевой делали из людей идиотов. Мы нашли всех врачей, писавших направления в психиатрическую больницу в районах и городе, все они дали показания. Несколько месяцев назад сюда по прямому указанию Волоканцевой привезён талантливый человек, который не очень аккуратно выстроил аудиенцию у Волоканцевой и был наказан. Она делала все, чтобы власть жила спокойно. Все эти люди так или иначе искали правды, а у Волоканцевой своя правда. Вот такой букет. С нами работает большая группа юристов, врачей, просто хороших людей. Потому я и знаю, где ты была сегодня.

Соколова опустила голову:

– Артём, Волоканцева просила передать, что в обмен на молчание она готова уйти в отставку. Тебя такой расклад устраивает?

Артём помолчал:

– Я один не могу решить, теперь у нас команда. Ты узнаешь о нашем решении сегодня вечером.

Она даже вздрогнула:

– Ты мне позвонишь?

– Я тебя найду.

***

Отправив Нину, Анна Ивановна ещё приняла несколько таблеток, немного успокоилась, просмотрела бумаги из папки «Важные», сделал пометки, наложила резолюции. Когда что надломилась, почему она, умная и хитрая баба, не уловила этот момент? Неужели виной всему этот мальчишка Белославцев, бесцеремонно влезший в её постельные дела и с таким трудом успокоенный? Или это ей только ка-

залось, что он смирился? Нинку бросил, а какая женщина! И любит его, подлеца. Эх, гнать надо было его из области, так нет, послушала Нинку, убедила: может, он одумается и вернётся к ней. А он отхватил себе молодуху, поматросил и передал товарищу, так, по крайней мере, её информировали. И все к лучшему, он сейчас один, и Нина найдёт к нему подход, она умеет, ласковая, как кошка, и хитрющая. Да, со мной теперь она в баню уже не пойдёт, эти евреи толк в женской психике знают, развернули ей мозги. А теперь оно и к лучшему. Волоканцева даже улыбнулась: господи, хоть бы все обошлось. На службе она все уже просчитала, был откровенный разговор с губернатором, она сама сказала, что очень устала, и на этот участок надо подобрать достойного человека, а она готова пойти, например, в областную думу представителем правительства области. Губернатор ответил, что спешить не следует, к очередным выборам будем думать, а пока – работать. Если бы ему хоть что-то было известно, компрометирующее своего зама, ответ мог быть другим. Она его ещё мальчишкой знала, на глазах вырос, потому ошибки быть не должно. Теперь вот Филипп, муженёк хренов, на глазах всего города наставить ей рога. Да только за это губернатор, этот чистоплюй, предложит ей отставку. С Филей разговор отдельный, она знает о всех его счетах и суммах, завтра же заставит половину перевести, надо только продумать, на кого, чтобы самой не светиться.

Раздался звонок внутреннего телефона. Помощник губернатора поздоровался и сказал, что губернатор сейчас в пути из сельского района, просил её дождаться его приезда, есть много вопросов, которые нуждаются в срочном решении. Волоканцева посмотрела на часы: половина восьмого. Уже вечереет. Она подошла к окну, отодвинула портьеру, площадь перед губернским домом ярко освещена, вечнозелёные деревья, которыми оформлены аллеи, создают иллюзию вечной молодости. Ан это не так. Анна Ивановна тяжело вздохнула и обернулась на звук открываемой двери. Но никто не вошёл. Странно, уже девятый час, губернатор обычно к этому времени уже возвращается. Но надо ждать.

Дежурившие в вестибюле милиционеры охраны, услышав выстрел, переглянулись.

– Проверь по журналу, кто в здании, и мне на телефон, а я наверх. Объявляй тревогу! – скомандовал лейтенант и побежал по широкой лестнице. Второй этаж. Тишина. Вдруг звонок:

– Не выходила Волоканцева.

– Понял, я к ней.

Дверь в приёмную закрыта, он потянул – свободно. С пистолетом на изготовку открыл дверь в кабинет. Женщина сидела в кресле, уронив голову на левое плечо, в правом виске только что побывавший в кавказской командировке лейтенант отметил входное отверстие от пули. Пистолет на полу с правой стороны. Позвонил вниз, напарник доложил, что оперативная группа уже бежит. Пышный майор, начальник охраны администрации, крикнул:

– В кабинет не входить, ничего не трогать.

Кому-то позвонил, он кивнул, ответил: «Есть», и скомандовал:

– Остаюсь я и дежурный лейтенант, остальные – отбой, быть начеку.

В приёмную вошли губернатор, прокурор области, начальник управления внутренних дел. Майор вытянулся и доложил:

– Господин губернатор! По докладу дежурного офицера я прибыл на место происшествия. Первый заместитель губернатора Анна Ивановна Волоканцева обнаружена на своём рабочем месте со смертельным ранением в голову со стороны правого виска.

– Кто ещё был в здании в это время? – спросил прокурор.

– По журналу учёта – только Волоканцева. Даже уборщицы уже все ушли. И два дежурных на входе, смена в комнате охраны. Никого посторонних не обнаружено.

– Явное самоубийство, – развёл руками главный милиционер и посмотрел на губернатора: – У неё, по моим данным, были к тому основания: муж бросил, завёл другую, а для женщины это удар сильный.

– Меня смущает, что женщина выбрала оружие, а не таблетки. Пистолет чей? – спросил прокурор.

Майор ответил:

– Это личное табельное оружие заместителя губернатора.

– Она вообще умела стрелять, пользоваться пистолетом? – поинтересовался прокурор.

Майор снял фуражку и вытер лоб:

– Не особенно хорошо, господин прокурор. Она и на плановые стрельбы не всегда ходила. Я прикажу принести журнал стрельб.

Майор позвонил, кивнул, что сейчас будет, но через несколько минут ему доложили, что журнал стрельб найти не могут, в сейфе его нет.

Прокурор посмотрел на губернатора:

– Я вызываю оперативную группу. Мне с этим самоубийством ничего не понятно.

– Конечно, это ваша работа, – согласился губернатор и вышел.

Прокурор достал телефон и стал набирать номер, начальник УВД его остановил:

– Мне кажется, губернатор имел нам что-то сказать. Пойдём к нему, страшное дело, самоубийство первого зама. Это же позор на всю страну!

– Тем более, надо быстро внести ясность. Криминалисты все скажут.

– Смотрите, Семён Семёнович, как бы самим не оплошать. Вызывайте.

Через два часа работы следственная бригада криминалистов написала заключение, что выстрел произведён вторым лицом, явно хорошим знакомым пострадавшей, пистолет грамотно протёрт и вложен в руку убитой, отчего отпечатки по месту расположения на деталях пистолета не соответствуют штатным положениям при стрельбе. Прокурор и начальник УВД прочитали рукописный текст заключения и оставили его на столе. Труп упаковали в мешок и увезли на вскрытие. Вошёл помощник губернатора, взял со стола три листа рукописного заключения и жёстко сказал:

– Господа, ничего этого не было. Анна Ивановна застрелилась.

Эта фраза стала основой другой, вошедшей в историю. На первой после событий пресс-конференции губернатора спросили о обстоятельствах гибели Волоканцевой. Губернатор спокойно ответил: «Она застрелилась».

Сразу после встречи с Ниной Артём обзвонил друзей, и через полчаса они встретились в его доме. Артём подробно передал разговор с Соколовой и высказал предложение: он назначает Волоканцевой встречу с участием Соколовой, даёт честное слово и тут же пишет обязательство, что с получением копии заявления Волоканцевой об отставке группа снимает все вопросы. Но заявление в двух экземплярах Волоканцева напишет тут же, Соколова везёт их в администрацию, сдаёт в канцелярию, а заверенную копию отдаёт Белославцеву. При таком раскладе обмана быть не должно. Артём твёрдо сказал, что Нине Соколовой он доверяет. Встречу решили назначить на завтра, на вторую половину дня. Но ничего не получилось, Волоканцева не отвечала на телефоны, а в приёмной односложно говорили, что Анна Ивановна отсутствует.

Готовясь к вечернему концерту, Артём отчётливо понимал, что сегодня окончательно решатся их отношения с Ниной. Он понимал и видел, что она его любит, и это не вспыльчивая страсть девчонки, а серьёзное чувство зрелой женщины, и хотя сам себе не признавался,

но понимал тоже, что отношение к Нине у него прошли приличные испытания – от лёгкого флирта в студенчестве до постели и почти готовности жениться перед встречей с Полиной. А ведь она вынесла все, и даже последний его не совсем благородный поступок: пригласить, огорошить и оставить одну в целом городе. Он тогда был оглушён чувством к юной деве. Теперь что? Настало отрезвление? С Ниной ему будет легко, она его понимает с полуслова, она чистюля и хорошая хозяйка. Как быть? И он решил: пусть будет, как будет, Нина сама все сделает, как надо. Хватит ему метаться, пусть милая и ласковая женщина позаботится о нем сама.

Они оба были в восторге от концерта, а когда сели в машину, долго молчали.

– Артём, у меня такое чувство, что Нетребко сделала подарок нам с тобой.

Он засмеялся:

– Я с тобой согласен, есть такое чувство.

Она опять тихо:

– Артём, сегодня мы должны все решить. Я не стану кидаться тебе на грудь, я просто люблю тебя, как в хороших советских фильмах герои любили друг друга, почти не говоря об этом, помнишь? Если ты скажешь, что я не нужна тебе, брошу все и уеду, я не смогу жить с тобой в одном городе. В любом случае Анну Нетребко буду помнить всегда.

Артём спросил:

– Нина, а почему так грустно? Ты просто опередила меня, я сам хотел сказать тебе это же самое. Я понял, как люблю тебя, как ты мне нужна – умная, все понимающая, красивая женщина.

Она заплакала с улыбкой, и он видел освещённое фонарями её красивое мокрое от слез лицо, и ему стало так жалко столько раз обиженную им женщину. Сколько времени и чувств потеряно, упущено в угоду надуманным фантазиям и установкам! Почему раньше ему не открылась тайна своей измотанной души, тайна о давнем и всегда растущем чувстве к Нине? Ему стало жаль себя, как это часто бывало в детстве. Он не выдержал, наклонился к её груди и прошептал, едва сдерживая рыдания:

– Прости меня, Нина, за все прости. Мы будем с тобой счастливы назло им всем.

– Будем, Артюша, и детей мы с тобой родим кучу, пусть нам завидуют.

– Родим, родим, моя дорогая, любимая девочка.

Они долго ещё сидели в машине, пугая редких прохожих и молча целуясь.

– Артём, я должна тебе сказать, я ездила в Питер в клинику, прошла курс лечения у профессора Иванова.

– Гурия Арнольдовича?

– Да. Прости, на его столе я видела твоё письмо, где ты писал о своих личных делах. В тот момент у меня мелькнула мысль, что это мой шанс завоевать твоё доверие.

Артём посмотрел на часы:

– Нина, два ночи. Да после всего этого я просто обязан на тебе жениться! Скажи мне, Нина Соколова...

Она прикрыла ему рот рукой:

– Говори: Нина Шатковская!

– Нина Шатковская, согласны ли вы стать моей женой?

Нина засмеялась редким счастливым смехом:

– Я не согласна, нет, я хочу быть твоей женой, я требую, чтобы ты на мне женился, прямо сегодня.

...На работу они приехали к десяти часам. Соколовой тут же доложили о самоубийстве Волоканцевой, но попросили пока держать в секрете, власти что-то решают. Нина позвонила Артёму и тоже под большим секретом сообщила новость. Артём сказал только, что кто-то просто опередил их, работал грубо и жестоко.

О смерти Волоканцевой два дня не давали официального сообщения, потому жизнь в городе проходила без особых разговоров и сплетен. Больше всего обсуждали грандиозный концерт Анны Нетребко, её потрясающий голос. Медицинская общественность вновь вернулась к личности Белославцева и его нового романа с директором департамента здравоохранения Соколовой. Говорили, что она переехала в его дом, и Нина Николаевна не опровергала эти слухи.

После обеда в психиатрической больнице впервые за многие годы собралась экспертная комиссия для определения пациентов к выписке. Все материалы были распечатаны для каждого доктора, Белославцев сам делал представления. Его дополняли лечащие врачи. Пациенты чётко отвечали на вопросы, вели себя спокойно, хотя, конечно, волновались. Все пять человек получили одобрение экспертной комиссии, были признаны дееспособными и рекомендованы к выписке с непременным наблюдением у психиатров по месту жительства.

По поручению главного врача в столовой приготовили прощальный обед, Белославцев уже знал, кто куда поедет, как с родными, с жильём. Небольшую сумму денег каждому выдали на билеты, выделили сопровождающих, Артём жёстко их проинструктировал.

– С вами поедут уже не пациенты психушки, как вы любите говорить, а полноправные граждане, надо помочь им добраться до дома и передать с рук на руки родственникам.

– Да мы понимаем, Артём Антонович, этих и так было видно, что они не по адресу, но ведь у нас не пикнешь, иначе самого перебросят на ту сторону решётки, – ответил громадный охранник Никита, который всегда сопровождал главного в его обходах по больнице.

Остались вдвоём с Бархатовым:

– Какие у вас планы, Иван Андреевич?

– Самые человеческие. Навещу дочку, посмотрю, как она исполняет мою программу воспитания моего внука. Я хочу хотя бы одного человека поднять на принципах гуманизма и права.

– Обещайте, что не станете столь назойливы в отношениях с чиновниками.

– Обещаю твёрдо, Артём Антонович, потому что здесь много думал и даже писал. Рубикон перейдён, мосты сожжены и возврата к прошлому нет. Чиновник, как ржа, как гниль, как раковая опухоль опутал все сферы жизни и государства, и общества. Общества-то, по существу, нет, ведь даже огромную толпу людей нельзя назвать народом.

– Не хотел бы с вами спорить, но говорят, что основы гражданского общества все-таки создаются.

Бархатов вспыхнул, вскочил со стула и наклонился к Белославцеву:

– Вот в этом-то вся и проблема! Никто не может сказать: я создал гражданское общество! У нас в районе был один придурок, я тоже с ним ни один раз схватывался. Когда свергли коммунистов, а он был в руководстве и выдвинулся на председателя районного совета, с трибуны заявил: «А я с сегодняшнего дня тоже демократ!». Большей глупости придумать невозможно, однако проглотили, никто даже не одёрнул. Так и здесь. У нас в России было великолепное гражданское общество, оно все регулировало: и экономику, и защиту неимущих, планировало на годы вперед развитие, строительство, культуру. Не совсем уверен, что это правда, но сам читал: сельское общество, сход, а это высшее проявление гражданственности, могло человека прогнать из села, могло приговорить к порке и даже к повешению, правда, автор оговаривается, что не располагает фактами применения этой жестокой нормы. Но она была записана и гарантирована.

Артёму явно интересны были суждения этого человека:

– Сейчас много говорят о роли и значении для России Столыпина. Вы как относитесь к его реформам? Ведь он был противником самоуправления сельской общины?

Иван Андреевич вытер пот с лица, слишком много эмоций для одного дня привыкшего к однообразию человека:

– Как и во всяком большом деле, в Столыпинской реформе тоже были изъяны. Беда наших вождей в том, что они не до конца, не целиком понимают Россию, и государь не до конца понимал, иначе не кончил бы так бездарно. И сегодняшние не понимают, да и где им? Чтобы руководить – много ума не надо, а вот вести страну – не государство, не верхушку, а страну, бывшую державой – вперед, развивать все направления жизни – нужны опыт и знания. Я ужаснулся, когда все это началось. Молчу о проходимцах, оказавшихся «в нужное время в нужном месте», кажется, Чубайс так оправдал неожиданное обогащение большой группы его единоверцев. Впрочем, какая у них может быть вера? Золотой телец, с которым боролся ещё их Моисей – вот их вера. А у нынешних что за спиной? Опыт всегда был бесценным достоянием человечества, в том числе опыт управленческий. Вы машину водите – у вас права есть, удостоверение. Я не в восторге от коммунистов, но им не откажешь в разумной кадровой политике: подготовка, воспитание и расстановка кадров. И, конечно, жёсткий контроль. Редким молодцам удавалось проскакивать через ступеньки. Вот в сельском районе: специалист, руководитель хозяйства, начальник сельхозуправления, председатель райисполкома, и только к сорока годам мужик созревал до первого секретаря. Конечно, были исключения, но мы же говорим о системе.

– Давайте вернёмся к Столыпину.

Бархатов смутился:

– Прошу прощения, голова кружится от свободы и вольных речей. Русская деревня управлялась обществом, общиной, а сибирская деревня вообще не знала эксплуатации, помещиков тут не было. Столыпин не учитывал особенностей Сибири, и мы сильно пострадали. Общинное владение землёй было ликвидировано, появился частный собственник, появилось разобщение населения, в деревню пришёл капитализм. Нетрудно найти аналогию в действиях сегодняшних демократов в деревне. Колхозы и совхозы разогнали, кто-то сумел урвать трактор, кто-то с помощью властей десятки тысяч гектаров земель. Мы имеем сегодня деревню, гибнущую при дюжине богатых так называемых агробизнесменов.

– Вы считаете, что начало положил Столыпин?

– Вольно или невольно, но так. Хотя наши современники и не ставили благородных целей.

– Так откровенно?

– А вы разве не заметили? Кто у нас руководит сельским хозяйством, деревней в целом? (Кстати, когда-то департаменты именовались «Социально-экономического развития села», и это было правильно). Отвечаю на свой вопрос: сначала железнодорожник, потом гинеколог, потом юрист. Я не сужу о личностях, я о принципе. Никому пока не пришло в голову дать скальпель в руки дворника и отправить в операционную. А с деревней можно.

– Да, мысли ваши грустные...

– Дела наши тяжкие, вот в чем вопрос. Я убеждён, что деревню уничтожают сознательно, могу привести десятки аргументов, но и без того утомил вас своими размышлениями. Когда меня привезли сюда, и я немного успокоился, быстро пришёл к выводу, что обстановка здесь мало чем отличается от жизни по ту сторону забора.

Артём встал:

– Даже так? Ваше сравнение пугает.

Бархатов посмотрел ему в глаза:

– Артём Антонович, неужто воистину удивил вас сим сообщением?

Белославцев ушёл от ответа:

– Будьте аккуратны в публичных суждениях, лучше вообще пока избегайте их. Ваша доброжелательница, упрятавшая вас сюда, покончила самоубийством, но это между нами, потому что официального сообщения пока нет. Свой телефон я вам дал, обращайтесь, если потребуется помощь, любая, вплоть до материальной.

Неожиданно они обнялись, и Артём увидел слезы в глазах этого крепкого человека.

***

Профессор Гольдский прилетел на неделю раньше оговорённого срока, согласовал все с медакадемией, а Артёму позвонил вечером из гостиницы.

– Рафаил Самуилович, мы так не договаривались. Никаких гостиниц, быстро делаете расчёт и спускаетесь вниз, я жду у машины.

Нина приготовила ужин и встретила гостя на крыльце. Артём представил:

– Рафаил Самуилович, а это моя жена Нина.

Профессор поставил свой баул и трогательно поцеловал даме руку:

– Прошу меня извинить, что без цветов, всему виной мой друг и ваш супруг, который делал тайну из своей женитьбы.

Нина извинительно улыбнулась:

– Никакой тайны, дорогой Рафаил Самуилович, просто Артём ещё

не успел известить своих друзей об изменениях в семейном положении.

– Это очень удачное изменение, должен вам сказать, любезный Артём Антонович!

Нина тихонько спросила мужа:

– Артюша, мы не вляпаемся в неудобное положение. Возможно, гость потребляет только кошерную пищу.

– Нина, кто готовит питерским евреям по законам кашрута? Впрочем, мы это уточним у него самого.

Стол уставлен тарелками и судками с мясом, рыбой, овощами, несколько соусов, три бутылки разного вина.

– Что будем пить, профессор? – спросил хозяин.

Рафаил Самуилович оживился:

– Так, это вино сладкое, это терпкое, третье я не знаю. Потому предлагаю перейти на водку. Нет-нет, Артём Антонович, это я достану из своего походного портфеля.

Порывшись в бауле, он извлёк бутылку «Смирновской».

– Это я привёз из Израиля. Представьте себе, евреи делают исключительно чистую и вкусную водку.

– Она кошерна? – спросила Нина.

Профессор засмеялся:

– О чем вы, девочка? Я уже не имею понятия о кошерности. Мир перемешан настолько, что многие обычаи и традиции предков просто отмирают. Заметьте, это есть в каждом народе. Потому у вас не должно быть опасений, что я буду есть только зелень.

Нина вопросительно на него посмотрела.

– Есть такой анекдот. Попадает еврей в рай, на стол ставят роскошную райскую пищу. «А кто проверял пищу на кошерность?» – спросил еврей. «Сам Господь» – ответили ему. «Тогда я буду кушать только зелень».

Посмеялись. Ужин прошёл при разговорах двух мужчин, Нина только слушала. Потом мужчины ушли в кабинет Артёма и несколько часов обсуждали его наработки. Гольдский остался доволен работой коллеги, особо оценив его наблюдения о влиянии социально-экономических перемен на рост уровня психических отклонений и заболеваний.

– Вот что, голубчик, эта тема скользкая, не весьма желанна для властей, потому будьте особенно корректны. Великий Чехов говорил, что факт – это курица, и очень важно, под каким соусом она подана. Надо сделать так, чтобы политическая часть дела вообще осталась в стороне, а все внимание исследователя сосредоточено на

медицинских последствиях. Я понимаю, что невозможно вообще не сказать об экономической обстановке, вам это лучше знакомо, но ради науки – не акцентируйте на этом.

Вдруг Гольдский вспомнил:

– Артём Антонович, вы присылали нам труды вашего пациента. Это довольно любопытный материал. Что с ним?

– Я добился его выписки, равно как и ещё четырёх пациентов, которые по объективным показателям в наших услугах не нуждаются.

Гольдский с испугом на него посмотрел:

– Вы что, хотите сказать, что они были спрятаны? Но сегодня для этого надо иметь очень большие полномочия.

Артём кивнул:

– В полномочиях недостатка не было. Все неугодные были закрыты по команде первого заместителя губернатора. Эти люди так или иначе мешали чиновникам. И вот результат.

Гольдский охватил голову руками:

– Как ужасно это слышать, дорогой мой! Я помню времена, когда нас привлекали к подписанию заключений, а мы в глаза не видели несчастных. Да-да, и я подписывал, а что делать? Конечно, это стыдно, это преступно, но были угрозы, а дома семья, много еврейских детей. Что с ними, если меня посадят? Да, подписывал. Вы знаете, может, это меня в какой-то степени реабилитирует в ваших глазах: я записывал все данные по тем людям, и, как только флаги сняли, я кинулся их искать. Спас троих, остальные погибли. Вот так, мой мальчик. И вот повторение? Это ужасно!

Артём пожалел, что так расстроил своего гостя, решил сказать главное:

– Рафаил Самуилович, чиновник, точнее – чиновница, которая этим занималась, сама ли по своей инициативе или выполняя волю руководства, несколько дней назад найдена на своём рабочем месте с пулей в голове. Признаюсь, группа моих единомышленников собирала компромат на эту даму с целью убрать с должности, но нас опередили, причём, жестоко.

Гольдский кивнул: довольно об этом. И спросил:

– А тот философ и правовед, дайте вспомнить фамилию: Бархатов! Он далеко? Очень бы хотелось, знаете, из первых рук... Любопытный экземпляр.

Артём открыл стол и вынул папку, достал из неё лист, исписанный мелким, просто бисерным почерком, и тут же распечатанный на компьютере:

– Вот, прочтите, нашёл в его бумагах, едва разобрал, так что читайте печатное.

«Глебушка, мне нравятся твои длинноногие письма», – писал Василий Макарович своему другу Горышину.

«На письмах запекается кровь истории». Эти слова мудрого русского мужика, которого разбудили декабристы, и он спросонья заорал: «К топору!», но, когда слез с колокольни Лондона в 1848 году, поехал в Лютецию и воочию увидел морды лиц парижских инсургентов, крикнул второй раз: «На путях, к которым мы призывали, нас ждёт деспотизм!». Но Ильич не дочитал его до конца. А прав-то оказался друг Герцена, профессор Т. Н. Грановский, предупреждавший об угрозе пролетаризма.

«Письма – золотая часть литературы» – слова настоящего русского В. В. Розанова, с которым я согласен, что он был умнее Льва.

Непрочитанный футуролог И. А. Гончаров – родоначальник священного материнского права, в письме Софье Андреевне, бабе Льва, свои письма называет безобразно-длинными, козьма-прутковскими, письменной болтовнёй, но в письме к Его Превосходительству Валуеву П. А. (стр. 444) даёт письмам характеристику широко и полно: «Изумительно!». Ай да Иван!»

– Какое любопытное эссе о письмах! – воскликнул Гольдский. – Мне довелось общаться с правнуком профессора Грановского, великолепного ума человек, он занимался юриспруденцией и вместе с Плевако и Кони пытался что-то реформировать в судебной системе. К сожалению, был уже стар, чтобы что-то обстоятельно вспомнить. А заметки интересные, даже очень.

В десять часов профессор Гольдский читал четырёхчасовую лекцию для студентов старших курсов медакадемии. Огромный зал был переполнен. Профессор только раз попросил перерыв, извинился, вытряс из кармана несколько таблеток, запил тёплым чаем и продолжил. Была организована видеозапись, многие студенты держали диктофоны и телефоны. Гольдский говорил о проблемах сегодняшней психиатрии и почти воспроизвёл тезис из вчерашнего разговора с Белославцевым о прямой связи роста числа пациентов психиатрических клиник, роста случае суицида в результате нервного срыва с экономическими проблемами в стране.

– Господа! Вчера я имел честь общаться с главным врачом областной психиатрической больницы, нашим докторантом господином

Белославцевым. Мне представляется разумным использовать довольно приличный и очень оригинальный опыт этого учреждения и его руководителя для подготовки будущих психиатров. Я не уполномочен вас запугивать, и далёк от этой мысли, но в наше время потребность общества в специалистах именно нашего профиля будет все время возрастать. К сожалению, так есть и так будет, и к этому надо готовиться профессионально. Благодарю вас за внимание и терпение. Спасибо. До следующей встречи.

Но профессору не удалось сразу уйти, ему понесли записки, стали задавать вопросы с мест. Только через пять часов Гольдский вышел из аудитории. Белославцев и Нина поддерживали его, он очень устал.

– Дорогие мои, это такая приятная усталость! Если хоть один из слышавших меня студентов станет приличным психиатром, я буду считать, что говорил, а не сотрясал воздуся.

В следующие дни профессор говорил по два часа, в субботу Артём увёз его в аэропорт.

– Милейший Артём Антонович, мы ждём вас к концу месяца. Учебный план надо выполнять. Уверен, что вы блестяще сделаете свои доклады, но готовьтесь, у нас довольно строгие люди в учёном совете.

– Спасибо, буду готовиться. Привет профессорам Шпильману и Иванову. Счастливого полёта!

***

Двор «Кошкиного дома», бывший много лет пустырём, дававшим богатый урожай репья и лопухов, Белославцев за одну весну превратил в сад, правда, привезённые из соседних лесов и высаженные уже взрослыми, не все деревья и кустарники прижились, но был резерв, и замену производили сразу. По договору с сельхозакадемией в порядке практики работали студенты агрофака. В трёх хорошо просматриваемых местах мужской и женской зон соорудили беседки со столиками, и они никогда не пустовали. Подземным кабелем беседки соединили с музыкальным центром в клубе, и тихая, спокойная музыка звучала в них, привлекая пациентов. По крайней мере, раз в неделю главный врач в сопровождении хозяйственника и охранника обходил территорию. Завхоз записывал поручения, говоря всегда одну и ту же фразу:

– Меня Вера Семёновна уволит за перерасход средств.

Артём улыбался и продолжал обход. Видя охранника со спецоборудованием, пациенты сторонились, уходили вглубь сада. Но были и такие, что подходили смело. Один обратился:

– Товарищ главный, разрешите сказать.

– Говорите, – кивнул Белославцев.

– Я очень интересуюсь политикой. Как вы в этом деле, соображаете?

– Совсем немного, – без улыбки ответил Артём.

– Думаю, все равно поймёте. Вот стихи: «Говняная муха вьётся надо мной, что вы понаделали, суки, со страной?». А вот анекдот, сам придумал. Вы бывали на Красной площади в Москве, столице нашей Родины?

– Да, бывал, – Артём отвечал, как и рекомендовано, чётко, без комментариев.

Больной оживился:

– Тогда вы, конечно, помните памятник князю и гражданину, которые Москву спасли от этих..., от тех, кого Сусанин водил, ну, опера ещё была «Жизнь за царя».

– Князь Минин и гражданин Пожарский, – спокойно подсказал Артём.

– Благодарю вас. Это поляки. Так, о чём я? А, утром москвичи смотрят, а на вытянутой руке Минина висит большая картонка с надписью «Ты глянь-ка, князь, какая мразь в дворец Кремлёвский забралась!».

– Спасибо, но больше никому этого не рассказывайте, хорошо?

– Я ещё стихи знаю: «На чистых стенах туалета писать стихи немудрено...»

Артём перебил:

– Эти стихи вы написали на стене в мужском туалете?

Пациент испугался:

– Нет, у меня почерк плохой, это Мусолини из восьмой палаты.

– Хорошо, вы свободны, отдыхайте.

Завхоз Иван Семёнович возмутился:

– Вы только посмотрите, государство на них такие средства тратит, а они стишки хулиганские про руководство сочиняют и на стенах пишут.

– Это значит, что они мыслят, а для наших больных это шаг к выздоровлению, – улыбнулся Белославцев.

В соседней беседке сидел мужчина и сам себе монотонно повторял одну и туже фразу. Белославцев прислушался и удивлённо покачал головой.

– Не верь ему, стоящему с утра, не еть он хочет, а ссать. Не верь ему, стоящему...

Трое женщин по ту сторону лёгкого, сваренного узорами забора, сидя прямо на лужайке, дружно пели:

«И ливольверт был заряжен!

Он заряжён был мелкой дробью...»

А в на прошлой неделе Артём записал на диктофон молитву человека, видимо, имевшего отношение к химии: «Сера, сера, буква S, 32 атомный вес, синим пламенем горит, выделяет ангидрид, ангидрид и плюс вода – получится кислота». Интересно, помнит из школы или придумал?

Время стремительно и неудержимо. Прошёл год после недели огромных перемен, связанных с уходом Волоканцевой, свадьбой Белославцевых, прощанием с пятью пациентами, освобождёнными из психиатрической больницы. В Петербурге с огромным успехом прошла защита докторской диссертации, на которую кураторы Артёма неутомимые Шпильман, Гольдский и Иванов собрали всю научную общественность города, пригласили прессу. Артём говорил вдохновенно и открыто:

– Господа! Признавая безусловными некоторые успехи психиатрии как науки, понимая важность создания новых эффективных лекарственных и профилактических препаратов, новых аппаратов для исследования и лечения, я должен с полной ответственностью сказать, что все усилия здравоохранения будут мало полезны без ощутимых, реальных изменений в среде обитания социума, особенно людей самых опасных групп риска – бездомных, безработных, хронических больных. Капиталистические преобразования, охватившие экономическую сторону нашей жизни, привели к глубокому расслоению общества и усилению социальной напряжённости. Наш человек, привыкший за годы предыдущей власти к гарантированной помощи и поддержке, сегодня не в состоянии содержать семью, не в состоянии обеспечить детям возможность образования и получения профессии, он морально раздавлен и внутренне не удовлетворён.

Мною изучены около восьмисот случаев суицида и покушений на суицид, случившихся в области за последние десять лет. Вынужден признать и доложить об этом высокому собранию, что более семидесяти процентов случаев связаны с потерей надежды на улучшение жизни, с болезненным обострением чувства ответственности перед семьёй, перед детьми. Эта статистика должна заставить вздрогнуть руководство области и депутатов думы. Нельзя назвать справедливым и честным государство, в котором чиновник районного уровня имеет доход, в двадцать раз превышающий зарплату механизатора и животновода. Не моё дело говорить о возможных социальных и политических последствиях, но как врач, как психиатр, я обязан говорить о психическом состоянии нации.

Огромный зал медицинской академии бурно реагировал на доводы диссертанта, вопреки практике, его доклад неоднократно прерывали аплодисменты и выкрики: «Браво!», «Молодец!». Тезисы о пагубном влиянии внутренней политики государства на психическое здоровье нации были встречены бурей аплодисментов, патриоты уже в вечерних газетах и новостях говорили о появлении учёного, умеющего видеть ситуацию объёмно и в динамике, прочили большое политическое будущее Артёму Белославцеву.

А он рвался домой, Нина сообщила, что ушла в роддом, так спокойней. Она может родить в любую минуту, и он хотел быть рядом. Иван Андреевич Бархатов прислал телеграмму, что его книга «Актуальные проблемы гражданского общества в России», с таким трудом запущенная Артёмом в производство, уже вышла, и он ждёт друга, чтобы подарить ему первый экземпляр. Новый заместитель губернатора поздравил с успешной защитой и пригласил для разговора сразу по приезду. «Скрывать не стану, я бы хотел, чтобы вы возглавили департамент здравоохранения, коли супругу отправили в длительный отпуск». Артём шутку принял, поблагодарил, сказал, что обязательно заедет познакомиться, но от должности отказался, сославшись на желание заниматься научной и преподавательской работой.

Город основательно наступал на «Кошкин дом», высотки строились буквально в сотнях метров от больницы. Главный врач обращался во все инстанции, ходил к депутатам, убеждал, что сегодня строительство мешает нормально работать с больными, им нужен покой, это самое главное их лекарство. А что будет завтра? Кругом грохочут тракторы и автомобили, а будущие жильцы уже выставляют пикеты «Наш дом – не дурдом!». Ему спокойно отвечали, что в ближайшее время новый больничный комплекс психиатрической больницы будет построен. Но Артём понимал, что это просто слова, потому что даже отвода места за городом он не мог добиться, а говорившие это люди были спокойны и безразличны, словно им с утра вкололи солидную дозу антидепрессанта. У Артёма никак не выходил из головы свободно гуляющий по двору пациент, который провожал Бархатова до самых ворот, а потом остановил и сказал:

– Не ходи туда, Ваня, ты посмотри, как у нас стало хорошо. Не ходи, Ваня. Наша психушка лучше...

2014 г.

ИВАН ЕРМАКОВ: ДОРОГА К ХРАМУ
Повествование о сибирском писателе

В книге использованы:

– фрагменты произведений и черновиков И. М. Ермакова;

– воспоминания вдовы писателя Антонины Пантелеевны Ермаковой;

– выдержки из воспоминаний журналиста Бориса Галязимова;

– воспоминания писателя К. Я. Лагунова, поэта Н. В. Денисова, земляка И. М. Ермакова А. Х. Хабиденова.

Сохранены подлинные фамилии актеров и режиссера Омского кукольного театра, начальника Омского пехотного училища, солдат роты старшего лейтенанта Ермакова, жителей Михайловки и поселка имени Челюскинцев, участников поисков Ермека, рыбаков с мыса Вануйто, руководителей области и Казанского района и, конечно, писателей.

Иван Ермаков. Легенда тюменской литературы 60-х – 80-х годов прошлого века. Деревенский парень, образование семь классов, в двадцать лет старший лейтенант, командир маршевой роты. Сразу начал писать сказы, отринув Бажовскую сказочность и мистику. Его сказы реалистичны, герои живут рядом, но язык удивительный, истинно народный, с сибирским привкусом. Он много работал, издал двадцать книг, печатался в журналах и газетах, его очень любили радио и тележурналисты: разговор с писателем всегда был острым, сочным, на грани дозволенного.

Судьба отвела ему недолгих пятьдесят лет жизни и только двадцать – для творчества. Он умер сразу после юбилея июльским днем 1974 года среди русских березок, так и не дойдя от дачи до трассы. Сейчас в Тюмени стали вспоминать о Ермакове, особенно в связи с образованием общества русской словесности. А биография остается размытой, растащенной якобы друзьями по эпизодам бурных застолий, придуманными скандалами «князя сибирского», как в шутку называл себя Ермаков. В этой книге собраны достоверные факты и доброжелательные высказывания. Показана работа уникального Мастера, умеющего из рядового факта жизни (а он писал, оказыва-

ется, практически документальные вещи) сделать литературное, а порой и государственного уровня событие.

После 25-летия Победы Ермаков побывал на Синявинских болотах, прошел путем своей роты, вернулся с твердым решением написать серьезный роман о войне. И название обозначил: «Храм на крови». Но осуществить намеченное не успел...

1.

Позолоченным юным березняком и серебром ковыля отходящего лета украшена деревня Михайловка. Ванька любит смотреть на эту красоту со стороны центрального поселка, откуда видны избушки и домики, поросшая линяющим конотопом улица, по которой реденько пробегают телеги или дроги, а то и кошевка только что появившегося в деревне присланного из района председателя колхоза. Мала деревенька, да дорога сердцу Ивана, он часто бегал в центральный поселок имени Челюскинцев, который так строго никто не звал, а были просто Марковичи, потому что рядом протекала маленькая речушка с таким именем. Нет, Марковичи с Михайловкой не сравнить, село большое, грязи много, коли травка не растет. Ванька все рвался дознаться, откуда такое название – Марковичи, но в книгах об этом не писали, а старики на дотошные вопросы мальчишки пожимали плечами, только дед Федот, веселый и донельзя ехидный старик, подзывал и на ушко, но громко:

– Ванюшка, про Марковичи ничего не скажу, а вот отчего Устинку Рыжую Старшиной зовут, рассказать могу.

Кто-то из взрослых и серьезных мужиков одергивал:

– Федот, побойся Бога, ребенку...

Федот махал рукой:

– Ты слыхал, партия сказала, что Бога нет, и стыд долой? Ладно, Ванюшка, я тебе другое поведаю.

И скрипучим своим голосом рассказывал, какие приключались в деревне события. Особенно Ивану понравилось, как попа привозили, чтобы изгнать нечистую силу из болота и ближнего леса, потому что скотина никак не хотела туда идти пастись и уже на всей околице траву в пол вбила, ущипнуть нечего.

– Попа обрядили, раздули его дымарь, и повели к болоту. Три добрых мужика, хоть и верующие, однако дробовики с собой взяли и держали в положении «К атаке товьсь!». Только подошли к болотцу, взвозгудал священник, а дьякон ему в подголосок жгучим тенором под-

могнул, вышла из травы старая волчица с выводком. Мужики вроде ружья подняли, однако священник воскликнул:

– Остановите свое зло, и не волнуйте природу. Сама пришла – сама и уйдет!

И давай молитву читать, на колени стал, хоть и вода выжимается из-под ног. Волчица послушала немножко, и шумнула своим ребятишкам, чтобы за ней следовали. Увела, и тихо стало, и коровки мирно пасутся, и пастух подремать может на солнышке. Слыхал ты, Ванька, про такое?

– Нет, дядя Федот, не доводилось.

– А диво стало от того, что стрелять перестали, нечем, да и незачем, мясо во дворе ходит. Вот волчица и облюбовала болотце, устроила там логово, ребятишек родила. А тут человек. Ладно, Ваня, ты ко мне приходи, я хоть и матерщинник, но историй доподлинных расскажу тебе столько, что всю жизнь будешь пересказывать, и люди хвалить станут.

Ваньке, а проще сказать – Ермаку, как зовут его ребетня, да и взрослые порой, доводя прозвище до ласкового: Ермаченок, стукнуло десять, нынче пойдет в четвертый класс. Сам себе удивляется: школу не любит, потому что вольный, не любит подчиняется правилам и распорядкам, но на уроки ходит с интересом: каждый раз что-нибудь расскажет учитель. Арифметику с чистописанием ненавидит, но пережидает, когда закончится тема, и учительница Алена Николаевна расскажет что-нибудь интересное. Она не деревенская, потому сколько всего знает – никто в деревне сравниться не может. Она дает Ване журналы и книжки и даже позволяет самому порыться в большом шкафу, запираемом на маленький висячий замочек. Перед каникулами он пришел с большим мешком, Алена Николаевна уезжает в отпуск в свой город, а без нее в шкаф не попасть, вот и решил набрать на все лето. Хотя знал, что для чтения придется время выкраивать, колхозный бригадир будет гонять на прополку, потом веники вязать для овец, потом копны возить на сенокосе, а осенью снопы возить на гумно, на складе работу найдут. Ваньша Ермаков не упирался, шел, куда велят, потому что за невыход мамке с отцом могли трудодни срезать.

Домой принес, пристроил на этажерке журналы с красивыми картинками: «Огонек», «Вокруг света», «Знание – сила», «Журнал для всех». Книги сложил отдельной стопкой. Отец не одобрял увлечения сына: загорится у него в душе, а куда потом с наших достатков? Лучше бы к лошадям шел. Ванька взял кусок хлеба, несколько пёрышков лука со стола и подался на подызбицу, здесь тихо, все в тенетах,

потому мух нет, а то бы забедили. Тут у него все оборудовано: старая дедовская шубейка, фуфайка в головах, свет в раскрытую дверцу. В журналах кроме ученых статей много интересных историй описано. Оказывается, в дальних странах живут народы, которые не имеют совести, ходят голышом, вот даже фотокарточки припечатаны. Но у них свои правила: все делится поровну. Убили зверя, мясо над костром поджарили, главный на куски режет и на широкие листья какого-то баобаба бросает, каждый берет и ест. Потом рыбу ловили, и тоже делили на всех. Ваньша улыбнулся: добрый, должно быть, народ, вот у нас этого не заведено. У Дробахина дом по-круглому, железом крыт, скота полный двор, понятно, что мясо не выедается. А иные живут на картошке и хлебе, если уродит. В другом журнале прочитал про человека, который в бочке спустился по Ниагарскому водопаду и остался живой. Ну, про водопад этот Ваньша и раньше читал, а тут картинка: вода с огромной высоты летит в пенистую пучину. Видел ли мужик, куда его отправляют? Или заплатили большие деньги. У капиталистов так, о чем бы ни шел разговор – деньги вперед.

В деревне создали колхоз, два вечера зимой до полуночи сидели мужики в школе, упирались: от добра добро не ищут, своя пашня, свой покос, своя скотинка во дворе, и все это свести на общий двор, надо и сено привезти пару возов, а то чем кормить? Самое главное не могли понять мужики: зачем все это? Чем худо живется? Налог, какой положено для государства, отдаем. Дедушка Михаил Тихонович ворчал на сына:

– Михайло, не вздумай записаться, я на старости лет под общее одеяло спать не лягу.

Отец отмалчивался, перечить старшему нельзя, а как перечить советской власти? Многие пытались, в двадцать первом какую бучу подняли, а на ту же задницу и сели. Кого в снегах не убили, того в болотах словили, а года два назад последних подобрали, и ни слуху, ни духу. Вот и получается, плачь, но иди.

Первого сентября вся школа выкатилась на линейку. Ермаков подошел с друзьями, Федька толкнул в бок:

– Ермак, хохлы понаехали.

– Откуда?

– Из Вакариной.

– А чего это их к нам прибило?

– Не знаю, говорят, они в Копотиловой учились, так весной волки чуть не съели. Вот их и перевели.

– Интересно, – рассудил Ваньша. – А ведь у нас тоже волки есть.

– Слышь, Ермак, надо хохлов перво-наперво поколотить, чтобы знали, кто здесь хозяин.

– Выкинь из головы, за что их бить? Да и худые они все.

Сердитый голос директора расставил все по местам:

– Ермаков, строй свою команду, начинаем.

Пока говорили речи и носили взад-вперед красный флаг, Ваньша думал о своем. Вчера вечером поставил сети на озерке, а утром мать подняла корову подоить и в табун отправить. А в сетях, поди, рыбы – в каждой ячее. Недаром он вплавь к камышам добирался, едва в сетке не запутался, но все-таки снасть установил. Теперь надо бы как-то незаметно скрыться, а то загонят в класс и будут два часа воспитывать, кто чем летом занимался. За Ермаком много чего числится, в основном по части огурешников. Дома огурцы с гряды свешиваются – нет, надо непременно в чужой огород забраться и хоть с половины гряды обобрать огурцы и тут же сложить. Баловство, конечно, но чем вечером заняться? Говорят, колхоз клуб обещал построить, только когда это будет? «Когда рак на горе свистнет» – это Федька так сказал про клуб. Наверно, так и будет, хотя ни раков, ни горы у нас нет. И клуба не будет.

А о клубе Ваньша мечтал. Он бы стал там стихи читать, например, Некрасова, а лучше Есенина, в каком-то старом журнале его стихи про деревню – сердце захватывает. Или организовал бы постановку, да не по пиессе какой-то, а сам придумал бы. Дед Федот ему много удивительных историй рассказал, половину можно разыграть в ролях.

Звонок заставил вздрогнуть. Ваньша давно к нему присматривался, знать, на доброй тройке под дугой висел этот колокольчик: большой, блестящий, и звук громкий, призывный. Не ехал ли Чехов на свой Сахалин под таким колокольчиком? Мог бы, хотя он через Ишим, но и там наши ямщики могли быть. А может, гнали в глубь Сибири колодников, и он под дугой на старой конвойной кляче помогал им: «Динь-бом, динь-бом!».

Колоннами стали заходить в классы, Ермак перемахнул через ограду и скрылся в кустах черемухи. Быстро переоделся, и на озеро. Одежонку скинул, сначала пошел, потом поплыл к дальней тычке, выдернул, аккуратно подплыл ко второй. Одной рукой грести неловко, да и сетка из ниток, намокла, тяжелая. Когда на ноги встал, по-

легче. Выволок на траву, тряхнул сеть, вместе с травой выпали караси – большие, желтые, плавники ярко красные. Сложил крупных в мешок, а мелочь легонько покидал в озеро: «Пусть растут!».

Рыбу и сетку принес домой, сеть развесил сушиться, а рыбу спустил в погреб, надо в школу сбегать, узнать, что там на завтра. На полдороге встретил кучку новеньких из Вакариной, помятые, с синяками и ссадинами. Один, худой и белобрысый, перегнулся через прясло, кровь капает из носа. Увидел своих, стоят, Ермака побаиваются. Он махнул рукой, чтобы шли сюда. Подошли, поулыбываются. Ермак было замахнулся, но никого не ударил:

– Сказал же еще утрось: не трогать, дразнить тоже нечем, они хоть и хохлы, но наши.

Подошел к мальчишке, который наклонился у плетня и пережидал кровь, капавшую из разбитого носа.

– Ты откинься на спину, скорей присохнет. Как зовут?

– Васька.

– А я Ванька, Ермаков фамилия. Полежи. – Сам присел рядом на корточки. – Скажи своим, что больше никто не тронет, наши вообще-то не драчливые, видно, нынешним днем на солнце пятна.

– Кто на солнце? – переспросил Васька.

– Возмущение в природе, я читал, пишут, что на психику действует, дураком человек делатся.

Васька приподнялся на локоток:

– Ермак, который на диком бреге, тебе не сродственник?

Иван небрежно пожал плечами:

– В своих, должно быть, фамиль так просто не образуется. Твоя какая фамилия?

– Кныш.

– Это по-каковски?

– А я знаю?

– У бати спроси. А вообще-то надо бы в книгах поискать, есть такие, в которых каждое слово разъямачено. Ну, ладно, нос присох, пошли. Ты где на квартире стоишь?

– У бабки Алферихи.

– В соседях будешь, только с бабкой тебе не повезло, ведьма. Я к ней в огуречник нынче залез, а она с дрыном поджидала, исполосовала мне спину, до тех пор драла, пока через плетень не перескочил. – Ваня весело засмеялся. – А дома мать добавила, со всех сторон бедному Ваньке прибыль!

2.

В седьмом классе Иван увлекся куклами, вычитал в каком-то журнале, что есть специальные кукольные театры. Кроил и шил куклы сказочных героев, богатырей, чертей и всякой всячины. Учился мастерить внутри такой механизм, чтобы руки и ноги могли двигаться. Большего достичь не сумел. Хотел организовать в школе кукольный кружок, но постеснялся: здоровый парень, и в куклы играет. Учительница русского языка и литературы Вера Алексеевна после экзаменов посоветовала:

– Ваня, поступай в педагогическое училище, я тебе рекомендацию напишу, меня там помнят.

– Нет, – решительно отказался Ермаков. – Спасибо, но учителем мне не бывать, характер не допускает.

За лето заработал немного денег, кому огород протяпать, кому изгородь поправить, сено в стога сметать, но просил заплатить хоть сколько, только деньгами. Вера Алексеевна еще раз встретила:

– Что решил, Ваня?

Иван мнется, не хочет говорить про кукольный театр, узнал, что в Омске есть такой.

– Поедешь в Омск? Я догадываюсь. Ваня, возьми.

И подала свернутый тетрадный лист, быстро пошла по улице. Иван развернул: деньги. И записка: «Это тебе на первое время. Уверена, что ты найдешь свою дорогу в жизни. Прими от души. В. А.». Стало стыдно, но догонять учительницу и возвращать деньги – не очень красиво. «Ладно, я ей с первой получки вышлю», – успокоил себя Иван.

Когда за ужином сказал, что завтра едет в Омск, отец спросил:

– Кто тебя там ждет? И что робить будешь, если ни к чему не способен?

– Отчего это он не способен? – возмутилась мама Нина Михайловна. – Не дурак, учиться поступит. Иди в железнодорожное, Ваня, там кормят и форму дают.

– На что поедешь? И жить первое время как? – Михаил Михайлович достал со шкафчика корочки от книжки, Иван знал, что там хранятся все семейные деньги. Отец посмотрел, свернул несколько бумажек, подал сыну:

– Если что неладно – сразу домой, не болтайся, а то жулики подберут, научат варначить.

Поезд пришел утром, Иван расспросил, как найти кукольный театр, пошел прямо к директору. На двери прочитал: «Евгений Дмитриевич Аша-Парфеньев».

– Хочу работать в театре. Мне нравятся куклы, они, как люди, все могут показать и рассказать.

– Это замечательно, молодой человек, но работе в театре, даже самой простой, надо учиться.

– Я готов. Мне бы только место для жилья, а учиться я буду.

Директор с улыбкой постучал в стенку:

– Ольга Ильинична, зайдите ко мне.

Вошла красивая дама в длинном ситцевом платье.

– Молодой человек желает у нас работать. Как ваше имя?

– Ермаков, Иван Михайлович.

Директор церемонно представил даму:

– Актриса Зикунова Ольга Ильинична. Думаю, она возьмет над вами шефство. Ольга Ильинична, в комнатке при кукольной кладовке никого нет? Проводите его туда. Да, молодой человек, оставьте паспорт.

– Нету паспорта, я же из деревни. Справка из сельсовета и метрики. И свидетельство о семилетке.

В обед началась репетиция. Иван удивлялся, как это кукла и ходит, и руками двигает, и голову поворачивает. В перерыве подошел к молодому человеку.

– Тебя как зовут?

– Андрей.

– Долго надо учиться, чтобы куклой управлять?

– У тебя пальцы гибкие?

Иван показал широкие натруженные ладони.

– Да, брат, с пальчиками у тебя не особенно. Но учиться будешь – привыкнешь.

Иван пошел в кладовую, попросил самую простую куклу. Внимательно осмотрел нутро, прикинул, куда какой палец вставить, начал пробовать. Все невпопад. Значит, надо четко чувствовать, какой палец чем управляет. К вечеру он вертел куклу купца, как хотел. На ночь попросил другую. Ему дали волка, Иван понял, что тут посложней, похоже, надо обеими руками работать. В каморку заглянул директор:

– Иван, ты куришь? Нет? Хорошо. Я не хочу, чтобы завтра утром мне пришлось оплакивать твой пепел. И чем ты собираешься ужинать? Иди и скажи сторожу, что добежишь до магазина, там продают пирожки, а у сторожа есть электроплитка. До свидания.

Уже через неделю Иван начал репетировать спектакль «Каштанка» с куклами из московского театра Сергея Образцова. Режиссер, нервный и суетливый человек, останавливал и просил Ивана еще раз показать

эту сцену. Дело продвигалось, тем более, что режиссеру нравилась умение молодого человека имитировать любые голоса и звуки.

После утренней репетиции Ивана пригласили к директору.

– Вот что, молодой человек, в областном драмтеатре открывается студия для таких, как вы, талантливых, возможно, гениальных, но ничего пока не умеющих. Я договорился, вас записали, и сегодня первое занятие.

– Евгений Дмитриевич, а как же спектакль, репетиции?

– Будете репетировать, как только режиссер даст добро, будем вводить вас в спектакль. Одно другому не должно мешать. И на репетициях приглядывайтесь к Анисье Иосифовне Шейна, очень талантливая актриса.

В каморке возле кукол ему было тепло и уютно, утром со сторожем пили чай, в обед бегал в ближайшую столовку, ел суп и хлеб, к вечеру покупал пирожки с ливером. Женщины приносили домашнюю стряпню и даже котлеты. «Ничего, Ванька, – внушал себе Ермаков. – Будешь артистом, аттестуют, ставку повысят, директор комнату обещал пробить в общежитии какого-то завода». В свободное время любил уходить на берег Иртыша, его, ни разу не видевшего большую реку, завораживало стремительное течение воды, жутковатые воронки, большие накаты ленивых волн, исходящие от пароходов. Он не знал тогда, что еще встретится с Иртышем, и поплавает по его водам, и напишет сказание о Реке и ее Капитане, и будет там строка, которую сегодня еще не умеет сформулировать молодой паренек: «Куда течешь, Реченька?». «В Великое Завтра, мой Капитан, в страну Могущества Русского».

Черным днем стал тот четверг, когда сторож нашел его и подал письмо из дома. Иван уже по тому, что мать в первых строках не спрашивала, как поживает сынок в далеких краях, а писала, что отец шибко занемог, нет хозяина в доме, потому Иван должен бросить свой театр и вернуться. Иван ушел в свою каморку и еще раз перечитал письмо. Мать не стала бы срывать его с места, если была бы возможность обойтись без него. Пошел к директору театра, показал письмо. Евгений Дмитриевич горестно покачал головой:

– Весьма жаль, молодой человек, весьма. Я говорил с Рыбьяковским, руководителем студии драмтеатра, он очень высокого мнения о вас, хоть вы еще слишком молоды. В вас талант актера безусловно. Что ж, дом есть дом, ничего не поделаешь, надо ехать. Но я вас прошу: как только все уладится – возвращайтесь, мы вас с удовольствием примем.

При прощании с коллективом Ольга Ильинична полушутя сказала:

– А какого мужчину мы бы из него могли вырастить. До свидания, Ванюша! – И при всех крепко поцеловала его в губы.

Дома от тоски по театру спасали работа и стихи. Стихи случились сами собой: книги, одиночество, воспоминания. Все-таки в Омске были не только репетиции. Была грусть. Для шестнадцатилетнего парня с закрытой от других душой выход был только в поэзии. Он сочинял частушки для самодеятельности, стихотворные поздравления передовикам социалистического соревнования, стахановцам.

О войне узнал из громкоговорителя на столбе у совхозной конторы. Оцепеневшая деревня притихла и ждала еще чего-то. Все понимающие старухи заводили большую квашню и торопили жен. Мужики дометывали сено и ждали повестки. Их привезли на другой день. Призывались те, кто только что вернулся со срочной службы, у кого еще солдатские мозоли не заменились крестьянскими, кто помнил строевые песни и слова присяги. А еще вспоминались комиссары-политработники, неистощимые оптимисты: «Если враг нападет на нашу страну, Красная Армия под руководством товарища Сталина не даст ни пяди своей земли и будет добивать врага в его же логове!».

Первая отправка больше походила на похороны. Плакали женщины, родные и совсем посторонние, плакали дети, потому что отец, на их веку не бывавший дальше деревни, уезжал незнамо куда. Иван всматривался в лица своих земляков: не узнать, повзрослели парни, постарели родители, загрустили девчонки.

Новости из громкоговорителя, передаваемые грустными, даже скорбными голосами, перечисляли оставленные города. Враг у Москвы. Ленинград под угрозой блокады. Иван пишет стихи о подвигах советских солдат, шлет эти письма своим старшим землякам, печатает в стенной газете. Наконец, насмелился, и отправил письмо в редакцию районной газеты. Его опубликовали. Называлось оно «Наша награда».

Тускло светят бездной
На груди арийца
Два креста железных –
Символы убийцы.
Первый добыл в Польше,
В Греции второй,
Но он хочет больше
И идет «герой»,

Вверх задравши рыло,
Третий добывать
В СССР. Полмира
В десять дней забрать!
Убивать и грабить
Прет на Ленинград,
Но свинцовым градом
Встретим тебя, гад!
Лезет сын свинячий
В сумраке нетрезвом,
Перед ним маячит
Третий крест железный.
Получил в награду
В зареве багряной
Возле Ленинграда
Третий – деревянный.

На вечере, посвященном двадцать четвертой годовщине со дня рождения Красной Армии, Иван Ермаков читал эти стихи со сцены своего Михайловского клуба, потом его позвали в совхозный клуб, и там зал аплодировал автору и исполнителю, и каждый мог думать, что это его сын, его отец остановил проклятого врага.

Редакция требует новых стихов, и Ермаков публикует стихотворение о девушке-санитарке, об одной такой он услышал по радио – «Девушка – подруга фронтовая»

Рвутся в страшном грохоте снаряды,
Мчатся пули, дико завывая.
Ждет врага, зажав в руке гранату,
Девушка – подруга фронтовая.
Стиснув зубы, напружинив нервы,
Серые глаза не отрывая,
Тихо ждет коричневую стерву
Девушка – подруга фронтовая.
Ближе... Ближе... С челюстью массивной,
Свастикой ненавистной сверкая,
Выполняя план оперативный,
Движется дружина «боевая».
Водкою разит от пьяной рати,

Это «дух арийский боевой».
Взмах руки. И брошена граната
Девушкой – подругой фронтовой.
Сколько гнева, ненависти; страсти
Ты вложила, девушка, в бросок.
Схоронила сброд ты разномастный
В свежевырытый речной песок.
Эти руки, что гранаты мечут,
По врагу в огне святой войны,
Эти руки Другу раны лечат,
Эти руки нежностью полны.
Перевязку сделают без боли,
Ласка и тепло от них несется.
И при виде милой нежной Оли
Раненый товарищ улыбнется.
Но коль бой, и снова рёв снарядов,
И помчатся пули, завывая,
Будет ждать врага с гранатой
Девушка – подруга фронтовая.

3.

Летом 1942 года Ермаков получил повестку явиться в военкомат с вещами и трехдневным запасом питания. Поехали на Восток, даже слушок прошел, что охранять страну Советов от японцев. Но в Омске дали команду выйти из вагонов и построиться. Пешим порядком повели по городу. Иван заметил, что люди останавливаются и взглядами провожают нечеткий строй. Каждый видел через них своего, родного, и каждый – верующий и не очень – молча благословлял этих ребят. Никто тогда не знал, что из этого года призыва в живых останутся двое из десяти.

Ермаков зачисляется курсантом Второго Омского военно-пехотного училища. Курс обучения – ускоренный. Это значит, что кроме сна и приема пищи – все время только учебе и учениям. На общем построении начальник училища полковник Киселев, уже хлебнувший войны и направленный после ранения воспитывать молодых офицеров, сказал:

– Товарищ курсанты! Не ждите легкой жизни. Мы должны сделать вас командирами, способными в боевых условиях принимать правильные решения. Вы будете командирами взводов в пехоте, а пехота се-

годня – основа Красной Армии. Вы будете учиться не просто кричать «Ура!», для этого есть другие учебные заведения, вы должны научиться понимать солдата, простого русского мужика, которого оторвали от сохи, от станка и вложили в руки винтовку. Солдат делает победу, а командир виноват в поражении. Запомните это сынки, с первого дня.

Почти полгода напряженной учебы, занятия тактикой боя, работа с топографическими картами. Ежедневные пешие переходы, зимой ходьба на лыжах. Иван все воспринимает, как должное, в редких письмах не жалуется, да и кому: отца и брата тоже призвали, мать осталась одна. После Нового года начались экзамены, спрос жесткий, все выдержал – лейтенант, слабоват – младший лейтенант. Курсант Ермаков получил два кубика – лейтенант. Красоваться некогда, вечером пешим порядком на разъезд, куда подают воинский эшелон, погрузка, размещение в общих вагонах. Хотелось повидаться с матерью, но кто повезет ее в Ишим, да и остановится ли эшелон на станции, не та обстановка на фронтах, чтобы прогулки по перрону устраивать. Иван на верхней полке записывает в толстую тетрадку стихи, которые в училище сочинялись на ходу. Поглядывает в окно: Мангут, Маслянка, скоро Ишим. Поезд сбавляет ход. Значит, будет стоянка. Надел бушлат, шапку, выскочил из вагона, и носом к носу столкнулся с земляком, Захаром Прокопьевичем. Он в годах, призыву не подлежит.

– Ваньша! А я думал, ты на театр уехал, – пошутил земляк.

– На театр и еду, видишь, досталась мне по жизни роль Ваньки взводного. Говори, как деревня.

Мужичек сник:

– Худо, Ваня, на деревне. Жить нечем, все отдаем фронту, если не отдал – отберут, да еще и оштрафуют. Пожрать – одна картошка, если коровки нет – гибель, особливо среди детишек. Мрут малые-то.

– Мать моя как?

– Да как и все, робит с утра до вечера. Ладно, она женщина бойкая на язык, дак не дает бабам с ума сойти. Нина Михайловна молодец.

Кто-то крикнул:

– По вагонам!

Иван обнял Захара Прокопьевича, как родного:

– Поклон всем передавай. Да, а ты по какому случаю тут?

– Не сказал бы... Мяса чуток сам у себя украл, вот, по кусочку продаю. Налог-то в деньгах надо, а не в слезах. Воюй и живым вертайся, нам в деревне живые мужики нужны, уж больно похоронки густо идут.

Последние слова Иван едва слышал за свистом паровоза и звоном

вагонных сцепок. Он опять запрыгнул на верхнюю полку. После прогулки ребята оживились, пошли анекдоты, озорные рассказы. Иван записал в тетрадке «Солдатские нескучалки». Само слово придумалось, а потом будет книжка с таким названием, но до этого надо еще дожить...

А внизу уже все решено: едем под Москву фашиста от столицы дальше гнать. А судя по станциям, повело состав северней, а потом Вологда, Череповецк и Тихвин. Затишье на участке, куда пешком и попутным транспортом добрался лейтенант Ермаков, как будто и нет войны. В батальоне дали сопровождающего штабного, и пошел командир принимать свой взвод. Сопровождающий капитан предупредил:

– Командира взвода на днях убило, взвод многонациональный, это тоже учти. Все солдаты обстреляны, так что ты самый молодой будешь.

Иван промолчал. Видя начальство, старшина крикнул:

– Взвод, стройся!

Доложил, поздоровались, штабной представил командира. Лейтенант Ермаков сказал, что он сибиряк, только что с курсов, войны не видел, добавил сурово, что будем учиться по обстановке. Взвод в составе роты выдвинулся к переднему краю, старые вояки понимали, что скоро будет атака.

– Товарищ командир, а впереди что?

Ермаков глянул на карту еще раз, как будто там что-то могло измениться.

– Населенный пункт.

– Брать будем?

– Пока команды не было.

– Артподготовка будет, хоть для смелости?

– Не могу знать.

С тыла несколько орудий сделали по три выстрела. Ротный встал в полный рост:

– Вперед, бойцы! За Родину.

Солдаты нехотя поднялись в атаку. От деревни ударили минометы, но мины легли чуть впереди, первая цепь замерла, и Ермаков крикнул:

– Только вперед, не дайте им пристреляться!

Солдаты, пригнувшись, бежали, не стреляя, потому что ни один фашист не показался. Минометы ударили еще раз, с перелетом. «Правильно сделал, лейтенант», – похвалил сам себя Ермаков. Первая цепь открыла стрельбу, и только потом выяснилось, что три миномета ос-

тавили для прикрытия, основные силы отступили раньше. Вот и палили мужики вдогонку резво убегающим минометчикам.

Ермаков с удивлением наблюдал, что воинскую работу мужики исполняют как любую другую, например, отправил бы бригадир колхозника Шемякина за сеном на луг на паре лошадей, он точно так же сначала сел бы на табуретку, снял пимы и навернул по-свежему портянки, потуже затянул ремень на бушлате, развязал вязки на ушанке и распустил шапку, прикрыв уши, потом похлопал бы рукавицами и пошел: там – лошадей запрягать, тут в боевое охранение, потому что оставлять роту без присмотра никак нельзя. Говорят, на соседнем участке лазутчики фашистские, тоже не дураки, со стороны болота пробрались и ночью вырезали полвзвода, пока шум не поднялся. А потом еще скольких положили, кто спросонья, и исчезли. Поговаривают, что ротный и трибунала дожидаться не стал, застрелился.

Как понял Ермаков со слов начальника штаба батальона на очередном инструктаже, задача наша простая: наступать будем по возможности, пока не проломят блокаду Ленинграда, но и пропускать противника далее в глубь исконно русских северных земель нельзя. «Как псы сторожевые на привязи», – проворчал один из командиров, но слов его, к счастью, не услышал никто из комсостава повыше, а то бы крепко нагорело лейтенанту.

Подошел к нему казах Тасмухаметов:

– Товарищ командир, сидим в болоте, на кочках спим, как курицы на седале, а вот тот сосняк видите?

– Вижу. Говори.

– Сосна растет на песке. Наш аул в лесу стоял, мы колхозный скот пасли, а рядом сосновый бор, люди туда за грибами приходили.

– Ты суть говори, Тасмухаметов.

– Вот я и говорю, казахи грибы не едят, им мясо надо. Так те сосны в песке, целый метр надо копать. Мы хотели там мусульманское кладбище сделать – сельсовет не разрешил.

– Понял тебя, Тасмухаметов. Спасибо.

А сам пошел к ротному:

– Товарищ капитан, разрешите мне со взводом передислоцироваться вон в тот сосняк, там место повыше, можно хоть чуток в землю зарыться. Испростыли мужики.

– А не боишься, что сосны – хороший ориентир при артобстреле.

– Да все мы тут неплохой ориентир, – огрызнулся Ермаков, но согласие получил. Вечером по темноте перетащились, правда, место

высокое, песок, стали копать землянки. Спилили несколько деревьев, обустроились кое-как.

Утром начался артиллерийский обстрел позиций батальона, которые противник неплохо знал.

– Это дальняя артиллерия бьет, калибр крупный. Они думают, что у нас тут бронетехника, – хихикнул старшина Алешин.

Следом налетела пятерка самолетов, сбросили бомбы, обстреляли окопы из пулеметов. Несколько наших зениток отпугнули их. И тут началась атака пехоты. Такой массы фашистов Ермаков еще не видел. Его взвод оказался левее направления атаки, потому он дал команду себя не обнаруживать и подождать, когда волна атакующих выйдет во фланг. Он видел сосредоточенные лица бойцов, видел и тех, кто до смерти боялся атаки: бледные, взмокшие лица. Прополз вдоль окопов, толкнул в бок одного, другого:

– Успокойся, пойдем в атаку – не паникуй, не вздумай прятаться. Ты закон знаешь. Смелее, все равно мы победим, об этом думай.

Настала минута, Ермаков встал во весь рост, крикнул:

– В атаку!

Он бежал, ничего не видя перед собой, только фигурки немецких солдат, которые вдруг остановились и залегли, пытаясь встретить огнем взвод Ермакова. В это время два взвода передовой обороны тоже перешли в контратаку, и атакующее подразделение немцев попало в клещи. Ермаков сделал несколько прицельных выстрелов из пистолета, а впереди уже началась рукопашная. Он залег и расстрелял несколько обойм, так и не видя, убил кого или все впустую. Небольшая группа противника вырвалась и побежала назад.

– Гнать и уничтожать! – скомандовал ротный, раненый в левую руку, кровь стекала с пальцев. Ермаков бросился вместе с солдатами, но старшина Алешин крикнул:

– Ребята, не увлекайтесь, у них там пулеметы!

Тогда Ермаков, вспомнив стрелковые возможности пулемета, скомандовал:

– Ложись! Прекратить преследование.

Чуть опоздал командир. Несколько пулеметов ударили одновременно, и с десяток бойцов упали замертво. Началось паническое отползание назад, пулеметы ничем нельзя было остановить.

– Зарывайтесь в снег, – кричал старшина. – ждите темноты, а то перебьют всех.

Страшный день. Взвод потерял восемь бойцов, тут же, в сосняке, долбили могилу, топором перерубая крепкие корни сосны.

Взвод отвели на отдых и переформирование. В деревне, в теплой избе Ермаков доставал свою тетрадь. Писал стихи. О природе северного края, о своих солдатах, о Ниночке-санитарке, о доме, о Родине. Уже тогда отлились бронзой в памяти слова будущих книжных страниц об этом суровом и жестоком времени. Четверть века спустя он напишет:

«Поименные деревья

Хоронили Тасмухамедова. Нашли его голову.

Тогда, через год жесткой обороны, мне подумалось, что деревьев на нашей высотке осталось куда меньше, чем солдат, похороненных под корнями и между корнями тех самых и некогда бывших деревьев.

Я был взводным на этой высотке.

Иногда мне становится стыдно, живому, что я не сумею без списка, по памяти, сделать своему взводу посмертную пофамильную перекличку.

Неповторимы смерти, неповторимы деревья, видевшие и принявшие в корни свои солдатскую смерть на удельной своей высоте. Каждое из них было братски похожим одно на другое и каждое, в то же время, было единственным в мире в своей непохожести. Природа неутомима в поисках единичности, и, если однажды поделит она свои океаны на капли, то сотворит это так, чтобы в квадриллионах их не было двух одинаковых.

Что уж тут говорить о деревьях... Может быть, в соковом и зелёном их таинстве есть у каждого индивидуума свой тембр и своя окраска голоса, – и даже – свои имена. Ведь для природы, в поисках единичности, не составляет труда явить святцы, в которых бы каждому дереву было вписано его, несозвучное с прочими, имя.

Так думается мне потому, что остались на этой высотке мои поименные деревья. А что я, что я перед вечным творцом – перед вечным глаголом природы? Но, однако же, есть и у меня на земле, на той самой высотке: Дерево – Иван Петрович Купцов, Дерево – Тянгляшев, Дерево – Фарахутдинов».

После отдыха опять в окопы, опять глухая оборона с редкими и неудачными попытками прорваться ближе к Ленинграду. Пришел в расположение ротный политрук старший лейтенант Гоголадзе, красивый молодой грузин.

– Ермаков, в батальоне даже знают, как вы своей своевременной командой спасли солдат от пулемётов. Молодец.

– Команда опоздала, товарищ политрук, и я виноват.

– Ну, не надо так грустно, это война, если бы все удавалось, и дела

бы шли по-другому. Лейтенант Ермаков, есть мнение командования рекомендовать вас в партию большевиков.

Иван встал:

– Спасибо за доверие, товарищ политрук, но мне рано в партию, всего девятнадцать лет.

Гоголадзе улыбнулся очаровательной улыбкой:

– Ермаков, на пулеметы с пистолетом бежать тебе не рано? Родина доверила тебе командовать взводом, доверила полсотни своих сынов – это не рано? Имей в виду: бьют не по годам, а по ребрам. Потому неделя срока, переговори с коммунистами по рекомендациям, и будем оформлять документы. Подожди, Ермаков, может, ты боишься? Боишься попасть в плен, боишься, что фашисты будут звезды выжигать на груди и на спине?

– Никак нет, не боюсь, и про звезды знаю. Но в плен не собираюсь сдаваться, у меня еще в жизни ничего не сделано. А документы я соберу, товарищ политрук.

Собрание провели в перерыве между боями. Встал командир батальона майор Петровский:

– За полгода службы лейтенант Ермаков проявил себя умелым и грамотным командиром, во взводе у него полный порядок, бойцы командира уважают, это я сам видел. Потому без лишних слов: принять Ермакова кандидатом в члены ВКП(б).

Проголосовали единогласно. Через три месяца, как особо отличившийся, Ермаков был принят в члены партии коммунистов.

Наконец, Волховский фронт стал переходить в наступление, из-за невозможности прохода по болотам танков усилили поддержку авиацией. С жестокими боями прошли городок Небольчи, Ермакова назначают командиром роты, которая потеряла половину личного состава. Ее быстро пополняют и направляют на Малую Вишеру. Начало января, жестокие морозы. Командир батальона объявляет, что к вечеру в роты привезут полушубки. Вот тогда и выдали ермаковской роте поношенные бушлаты. Бойцы подняли шум, прибежал командир, а интендант, сволочь, улыбается:

– Чем богаты...

У Ивана в глазах потемнело: люди на морозе в шинельках и фуфайках, а он вместо полушубков... Схватил капитана за грудки, а тот ему на ухо:

– У майора Шумейко из батальона поинтересуйся, где ваши полушубки.

Иван Шумейку искать не стал, а капитану так врезал, что едва живого увезли. Тут же особисты, в батальон, замполит в гневе: офицер поднял руку на офицера, и это во время боевых действий! Ермаков все написал, как было, вызывают к полковнику, командиру дивизии.

– Ермаков, все именно так и было, как ты написал в бумаге? Учти, если соврал... в трибунал я тебя не отдам, нет у меня лишних ротных. А партбилет отберут. Но, сынок, и без партбилета можно и нужно бить врага. Согласен?

– Так точно.

– Завтра опять идем на прорыв, нам надо разломить Ленинградское кольцо хоть с этой стороны, тогда все поползет. Езжай в роту, я комбату позвоню. Воюй, Ваньша!

Бойцы встретили угрюмой тишиной, а когда узнали, что вернулся ротный, кинулись обнимать. Старшина Алешин даже прослезился:

– Нам сказали, что трибунал тебе светит, командир. И партбилет – не баба, без него жить можно.

Солдаты захохотали:

– Ну, старшина, сказанул.

– Мы тут по три года без баб, и ничего.

– Кто три, а кто и все пять.

– С чего?

– С того. Я до войны в Белорусском округе срочную проходил.

На другой день взяли Малую Вишеру и с боями вышли на Новгород. Ермакову присвоили звание старшего лейтенанта.

Великий Новгород был оставлен войсками Красной Армии 19 августа 1941 года. Длинным и трудным был путь к желанной победе. Оккупация длилась 883 дня. Операция по освобождению города от фашистов началась 14 января 1944 года. Она стала первым этапом стратегической операции из так называемых десяти «Сталинских ударов» 1944 года. 20 января 1944 года советские войска водрузили красное знамя на древней кремлевской стене. В Москве в честь освобождения Новгорода был дан салют.

С освобождения Новгорода в результате Новгородско-Лужской операции началась операция по окончательному снятию блокады Ленинграда, мощное контрнаступление по всему Северо-Западному направлению. После разгрома фашистов под Новгородом всем стало окончательно ясно: к Москве враг не пройдет.

Потери Волховского и Северо-Западного фронтов в результате обороны и освобождения Новгорода составили более 750 тысяч бойцов убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести.

За время оккупации Новгород был почти полностью разрушен. Некоторые уникальные достопримечательности города безвозвратно погибли. Разрушения были столь велики, что воспринимались как непоправимая утрата части национальной культуры.

Здесь при жестоком артиллерийском обстреле старший лейтенант Ермаков был ранен в голову и контужен. Санчасть, потом госпиталь, длительное лечение и списание с боевой службы, перевод в МВД только что освобожденной Эстонии.

Но навсегда запомнил Иван застольную фронтовую песню Волховского фронта, случалось, после третьей рюмки просил:

– Ребята, давайте нашу фронтовую застольную...

Редко, друзья, нам встречаться приходится,
Но, уж когда довелось, –
Вспомним, что было, и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось.
Пусть вместе с нами земля Ленинградская
Вспомнит былые дела,
Вспомнит, как русская сила солдатская
Немцев за Тихвин гнала.
Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладоге, бился на Волхове,
Не отступал ни на шаг.
Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробивался болотами,
Горло ломая врагу.
Будут в преданьях навеки прославлены,
Под пулеметной пургой,
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой.
Встанем и чокнемся кружками стоя мы,
Братство друзей боевых.
Выпьем за мужество павших героями.

4.

Поезд везет Ермакова на восток. Мама Нина Михайловна прислала телеграмму, что сильно болен дедушка Михаил Тихонович, про-

сил любимого внука приехать проститься. Да, Иван не был в родных краях девять долгих лет. Уезжал на фронт безусым мальчишкой, после обосновался в Эстонии, ничто особо не держало, но возвращаться на родину не планировал. С телеграммой пошел к начальству, дали отпуск, поехал. В вагоне стоял у окна, видел строящиеся города, технику на полях, весна, крестьяне сеют, чтобы страна была с хлебом. За Уралом сердце забилось сильнее: вот она, родина малая, березовые колки, озера, окаймленные камышами, деревеньки бедненькие, но на полях тоже тракторы, не женщины с лукошками, как было в войну. Тюмень, областной центр. Поезд стоит полчаса, Иван вышел на привокзальную площадь: да, бывший уездный городишко надо благоустраивать, надо перестраивать, выводить на уровень столицы новой Тюменской области. Он видел на карте, что область размахнулась от казахских степей до Ледовитого океана, половину Европы может вместить.

Из Ишима на автобусе доехал до Ларихи, тут уже ждут, Миша Дробахин приехал на дрожках, Ишим разлился, приходится объезжать горой. Домой прибыли ночью. Мать, поплакавши, сказала:

– У меня банешка подтоплена, пойди, обмойся, да я тебя покормлю.

– Погоди, я около деда посижу. Что же ты лежишь, дед Михаил? Вставай, внук прибыл, – пытался ободрить старика.

– Все, Ваня, тебя повидал, и сердце на месте. Теперь и помирать можно.

Дед умер через два дня. После похорон мать впервые осторожно спросила:

– Ваня, ты, поди, обратно поедешь?

– Мама, я же в отпуске, через неделю отправляюсь.

Но не суждено было Ивановым планам сбыться. Пришел в клуб в поселке, хотя уж не мальчик – на танец девушек приглашать, присел на лавку у стены, осмотрелся. «Да, Ваня, ничего тебе тут не светит, ни одной девчонки не узнаю. Понятно, девять лет прошло, молодняк вырос, не мне чета». И вдруг екнуло сердце: стоит у стенки девушка, мало сказать – красивая, а такая, что просто – ах! Роста небольшого, статная, фигура, как у артистки, русоволосая, лицо чистое, словно мастером написано. Огляделся, у кого спросить, подошел к знакомому гармонисту:

– Кто эта красавица? – спросил.

Гармонист над гармошкой склонился, чтобы хорошенько посмотреть:

– Это Тонька, в совхозной бухгалтерии сидит.

– Не наша вроде?

– Приезжая. Сестра ее замужем за директором, она у них и квартирует.

Иван осторожно поинтересовался:

– Есть у ней кавалер? – как бы между прочим спросил.

– Полно, – ответил гармонист. – В случае чего седьмым будешь.

Ивана это не устраивало. Он ткнул гармониста в бок: «Вальс!», а сам четким шагом направился к девушке, опередив двух молодцев, собравшихся туда же. Подошел, поклонился и сказал, как учили эстонские девушки:

– Разрешите пригласить вас на танец!

Девушка с удивлением кивнула, и обрадованный Иван чуть не на руках понес ее в головокружительном вальсе. Когда гармонист сомкнул меха, Иван проводил девушку до места и встал рядом:

– Извините, во время танца не совсем удобно говорить, даже познакомиться не сумели. Иван Ермаков, только что прибыл в отпуск из Эстонии. А вы Тоня?

– Да. Мячкина. Работаю в бухгалтерии совхоза.

– Я уже знаю. Я, кажется, все про вас знаю. Пойдемте отсюда, вечер сегодня прекрасный.

Вышли на крыльцо.

– Дождливый вечер вы называете прекрасным?

Иван шел напролом:

– Да, прекрасным, потому что именно в этот вечер я встретил вас.

– Ну, не встретили, а увидели у стенки. А вы вовремя подошли, потому что я собиралась домой. Скучно.

Ивана понесло:

– Давайте, я расскажу вам веселые истории из военной жизни.

Тоня остановила:

– Нет-нет, какие на войне могли быть веселые истории?

– Тоня, если человек на войне три года, если война стала его жизнью, а в жизни как без шутки и веселых историй? Могу рассказать, как мы на Волховском фронте меняли Гитлера на портянки.

Тоня улыбнулась.

– А еще интересней, как от батьки Бандеры коза ушла добровольцем к нам в маршевую роту.

Девушка уже смеялась.

– Но, наверное, всего интересней, как военфельдшер Вася Анисимов, перевязывавший мои раны в августе сорок третьего, атеист и

безбожник, уговорил православного батюшку в день 9 мая сорок пятого года отслужить благодарственный молебен во имя Победы, а когда тот уперся, что у него звонарь прихворнул, подрядился сам заменить звонаря, и устроил на колокольне такой тарарам, что комендатура приехала разбираться.

Тоня посмеялась от души, а потом сказала, что ей надо идти домой, утром на работу.

– Я прошу вас, давайте встретимся завтра на плотине. Я покажу вам свою деревню Михайловку.

– А я ее знаю, бывала по делам.

– Тоня! – вздохнул Иван. – Кто лучше меня сможет показать и рассказать вам про Михайловку, милую мою деревню?! Соглашайтесь. Во век не пожалеете.

Тоня спросила с улыбкой:

– Иван, вы стихи не пишете?

Бравый ухажер покраснел:

– Как вы угадали?

– Не знаю. Почувствовала.

– Писал, Тоня, и до войны и на фронте, только мыши все мои стихи прочитали и съели вместе с тетрадкой.

– Как жалко! – Посочувствовала девушка.

– Ничего, Тоня, все еще впереди. Я буду писать, только, похоже, не стихи.

– Ладно. Остальное расскажете завтра.

Иван долго не спал на домашних полатях, мать проворчала:

– Ты долго будешь скрипеть досками? Спи. Или в совхозе на девок нагляделся? Чтоб хоть одна тебя соблазнила да привязала бы к дому!

– Все, мама, сплю.

День занимался во дворе, крышу на стаюшке поправил, городьбу на огороде подновил, с нетерпением ждал вечера. Погладил брюки и рубашку, чем насторожил мать, Нина Михайловна с надеждой глядела на эти приготовления, понимая, что так просто Иван блеск наводить не станет.

Как стало темнеть, рванул на плотину, встал в сторонке, чтобы людей не смущать, и увидел ее, быстрой походкой идущую навстречу. Взял за руки, не оттолкнула.

– Тоня!

– Не надо. Вам через неделю уезжать, там, наверное, жена, дети. Я пришла только потому, что обещала, но это наша последняя встреча.

Иван огорчился:

– Что же ты так, Тоня? Я со сей душой, а ты мне про отъезд. А я уж решил, что никуда не поеду, да и не ждет меня никто. Буду за тобой ухаживать, ждать буду, пока согласишься за меня замуж выйти.

Не мог в сумерках видеть Иван, как смутилась девушка, какая светлая улыбка проскользнула по ее лицу. Сразу запал ей в душу этот грубоватый, не особо ловкий, не юноша даже – мужчина. Поделилась с сестрой Анной, она посоветовала присмотреться, все-таки издалека приехал, кто знает, что у него на уме? А когда узнала, что Ермаков с почты телеграмму дал в Эстонию на свою работу, чтобы трудовую книжку выслали, кивнула сестре: «Кажется, у него серьезные намерения».

Да уж куда серьезней! Подъехал к совхозной конторе на лошадке управляющего, запряженной в кошевку, едва выпросил, вызвал Тоню:

– Сбегай домой, возьми паспорт.

– Он у меня с собой, в сумочке.

– Тогда садись. Поедем в Покровку, там у меня председатель сельсовета знакомый, распишемся и штампы поставим. Я, Тоня, без тебя уже дышать не могу.

Девушка стояла у кошевки и не знала, что же ей делать?

– Может, я хоть сестру спрошу?

– О чем? Ты у себя спроси, любишь или нет. Ну, что тебе ответило твое ласковое сердце?

Она шепнула:

– Сказало, что любит.

Жить стали в доме Щербаковых, отвели им комнатку. А через несколько недель Иван получил вызов на учебу в Тобольск. Тоня знала, что он ездил сдавал экзамены, потому встретила новость спокойно, а сестра Анна поджала губы:

– И ты его отпускаешь? Не боишься, что соломенной вдовой останешься?

– Не боюсь, Аня, я Ивану верю, и учиться ему надо.

Уехал, писал письма, звонил каждую неделю. Писал, что усиленно занимается театральным делом, оценки получает хорошие. На каникулах дома пошел в бригаду плотников, отработал месяц, все-таки не просить у жены денег на дорогу. Тоня в положении, так жалко было ее оставлять. Когда родила, перешла к свекровке, так договорились с мужем. Нина Михайловна водилась со Светланкой, Тоня вышла на работу. Сдав очередные экзамены, Иван приехал и сказал:

– Все, жена моя дорогая, видно, поздно Ваньке учиться, буду своим умом доходить, если потребуется.

На работу пригласили в Михайловский клуб. Иван не долго думал, сразу собрал молодежь и начали репетицию спектакля. Потом обошел женщин, пригласил в клуб, стол накрыли, песен попели, всем понравилось. Стали собираться каждую неделю, спевки до того довели, что стекла в оконных рамах дребезжали. И на торжественном вечере, посвященном годовщине Великого Октября, для жителей Михайловки поставили невиданный концерт со спектаклем и большим хором. Об этом написала районная газета, приехал заведующий отделом культуры отставной капитан Головачев. Узнав, что Ермаков тоже фронтовик, да к тому же в офицерском звании, Головачев предложил с годик поработать, а потом перевод в районный дом культуры.

Иван в каникулы собрал ребятишек и показал им кукольный спектакль, сыгранный одним актером. Ребятишек куклы очаровали, стали осваивать азы мастерства кукловода, принесли кусочки тканей и иголки с нитками, стали шить куклы с перчатками для управления пальцами. Ивану нравилось, сколько радости доставляли детям эти работы, а потом и маленькие постановки.

Головачев сдержал свое слово, перевел Ивана Михайловича на должность директора районного дома культуры. Тоня решительно возражала, потому что знала обстановку в этом заведении: каждое мероприятие заканчивалось застольем, и она не хотела, чтобы муж, с войны склонный к традиционным «наркомовским», окончательно увлекся спиртным.

– Ваня, может быть, не стоит ехать? – спросила Антонина.

– Ничего не бойся, ты же видишь, что тут мне уже нечего делать, мне не интересно. А в РДК такие возможности!

Переехали, получили скромное жилье, Иван днями и вечерами пропадал к доме культуры. Часто возвращался с запашком, но Тоня мирилась. В первый же праздник дом культуры показал большой и интересный концерт. Сам Ермаков читал отрывок из только что вышедшей поэмы Александра Твардовского «Василий Теркин». Он в это исполнение вложил весь свой артистизм, не читал, а играл моноспектакль, спектакль одного актера. Зал был в восторге, на сцену вышел первый секретарь райкома партии Козырев и от души поблагодарил самодеятельных артистов.

Дела в доме культуры круто пошли в гору, то хор, то драматический коллектив, то солисты со чтецами привозили с зональных и областных конкурсов и смотров грамоты и дипломы. Так продолжалось

почти два года. В один из праздников после «закулисного» банкета Антонина не выдержала. Утром состоялся жесткий разговор:

– Иван, это плохо кончится, брось дом культуры, давай вернемся домой. Помнишь, ты рассказывал мне разные веселые и очень интересные истории, что ты писал стихи и обязательно будешь писать. Здесь это невозможно. Я увезу тебя в деревню, там мама, тебе будет спокойно, душа твоя встанет на место. Решай. Если ты откажешься, я уеду одна.

Это был один из трудных дней в его жизни. «Тоня права, тут все возможности, чтобы свалиться в пропасть. Да, писать, надо писать. Столько в голове задумок! Едем, решено!»

Утром пришел в отдел культуры и написал заявление, его уговаривали, просили, пугали – он забрал трудовую книжку и отказался ставить «отходную».

5.

Сам Ермаков поначалу не любил об этом вспоминать, да и шутки друзей и знакомых воспринимал угрюмо. Но так было, и ни убавить, ни прибавить.

После возвращения в деревню с районных гастролей он места себе не мог найти: садился за ночные бумаги – слова не шли, начнет вслух выговаривать – вроде складно, как и мечталось, а на листок не ложатся. В клубе место занято, не станешь выживать человека, хотя девица эта только ключи носит. Хотел в совхоз пойти, не выболел, может любую работу – Тоня поперек встала. И до того мужику тошно, хоть волком вой.

И вот под такое настроение слышит он утром последние известия: Израиль вероломно напал на Египет. И тут же заявление Советского Правительства, что, если наглое избиение Египта не прекратится, то Советский Союз не будет препятствовать выезду добровольцев, пожелавших принять участие в борьбе египетского народа за свою независимость. «Эх, – махнул рукой вчерашний фронтовик, – кто, если не русский солдат, заступится за невинно обиженного?». Собрал документы, когда Тоня на работу ушла, оделся потеплее: полушубок новый, сибирских барашков мех, под черный блескучий хром выделанный, неделю назад Тоня из сельпо принесла. Все летичко яйца да осенью мясо за него сдали. Оделся, выскочил на большак, и первой же машиной в район, а там быстрым шагом к военкомату. Зашел к военкому, по-военному доложил:

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться?

– Слушаю. – Военный комиссар Панов встал.

– Старший лейтенант запаса Ермаков. Прошу направить меня добровольцем на Ближний Восток помочь египетским товарищам в борьбе с Израилем.

Панов пригласил сесть, сам не знал, что сказать. Наконец, сообразил:

– Рад приветствовать вашу решительность, но пока никаких указаний по добровольцам нет. Где вы остановились? Если до вечера не вызову, завтра утром к десяти часам.

Пошел к другу, посидели, скучно дома, в чайную собрались. А там мужики с пивом, с водкой, уже прослышали про добровольцев. Оказывается, еще пара человек побывала у военкома. Сидит Иван за столиком, а какой-то хлюст подначивает:

– Ты не в этой ли шубе в Египет собрался? Там жара, в одних трусах воюют. Уступи шубу, она тебе ни к чему. Али ты только порисоваться, мол, герой, готов хоть сейчас, а завтра сядешь в автобус, да к бабе под юбку.

И вскипела в Иване подогретая выпитым кровь, взыграла мужская гордость, скинул он полушубок и над головой поднял:

– Восемьсот рублей неделю назад заплачено.

Хлюст тут как тут, отвернулся к стенке, подштаники ослабил, отслюнявил восемь сторублевок, а Ивану фуфайку свою оставил и смылся.

Утром по морозцу явился Иван в военкомат, Панов мимо прошел, не узнал, не поздоровался.

– Что хотел, молодой человек? Ба, да вы вчерашний доброволец, а шуба, извините...

– Нету шубы. В Египте и без шубы жарко будет.

– Так-то оно так, – согласился комиссар, – но насчет добровольцев есть приказ воздержаться. Так что поезжайте домой, в случае необходимости мы вас вызовем.

Грустным вышел Иван из военкомата. Как домой ехать, что Тоне сказать?

А военком дивится:

– И кто это произнес, что русские долго запрягают?

Приехал в деревню по темну, в дом вошел – Тоня за сердце схватилась:

– Что с тобой, Ваня? А полушубок...

– Нету, Тоня.

И все, как есть, рассказал. Тоня обняла буйну голову:

– Ладно, Ваня, честь и совесть наша с нами, а шубу мы наживем.

Иван благодарно посмотрел на жену: умница, где другую такую сыщешь?

Через несколько лет Ермаков создаст сказ «Костя-Египтянин», в котором этот случай выписан очень живописно. Хотя говорили в то время, что и про шубу, и про добровольцев Иван придумал, и рассказал эту историю, как воистину бывшую. Ведь все знали ее только с его слов.

После конфуза с Египтом и незамедлительно сделавшейся известной в деревне и окрестностях истории с хромовым полушубком, совсем невмоготу стало Ивану. Тоня боится лишнего слова сказать, сестра, опытная в семейных делах, предупредила:

– Тоня, с мужиками такое бывает, не сложилось – они уже и руки опустили, все, конец света, вроде и жить не знают, как, да и вообще стоит ли.

Тоня за сердце:

– Сестрица, ты меня не пугай.

– Я не пугаю, а предупреждаю: не лезь в ту минуту, они, подлецы, с горя и запить могут.

Иван ранним утром уходил в пронзительный березовый лесок, который по едва заметной гриве поднимался от деревни и смешивался с другими. Набрел как-то на деляну, лес выпилен, пятеро мужиков дом рубят. Одна клетка сруба в четыре ряда стоит в сторонке, подошел поближе – мужики не свои, поздравствовались, познакомились.

– Вот, подряд взяли, три дома срубить. Понимашь что в нашем деле?

Иван признался:

– Не особо разбираюсь, но что работа ваша чистая – вижу.

– Молодец! – Похвалил старший. – Я заметил, что ты тонкую щепочку взял и в переплет засунуть пробовал. Получилось?

Иван засмеялся:

– Ну и глаз у тебя, я вроде старался незаметно. Хорошая работа, ничего не скажешь!

– А мы, парень, не для того, чтобы курам на смех, а гордость свою вкладываем. Спроси любого, где мы дома ставили, что за Варнацкая бригада, тебе скажут. Мы впятером, два брата с сыновьями. Из староверов, было бы тебе известно, так что ни гульбы, ни перекуров. Может, вера уже и не та, мы с братом повоевали. Ты тоже не отсиделся? Я вижу, что бывалый. Молимся вечером, но главное от стариков взяли: жить по совести.

Ивану это интересно:

– А плотницкое дело в роду у вас?

Старший потер затылок:

– Да как тебе сказать? Дед с артелью ходил, мы с малых лет с топором баловались. Бывало, приду на стройку, ребята сладкий сок с берез скоблят, а я норовлю потесать что-нибудь. Отец заметил интерес, то отпилить что позовет, то по доске прочертит, потесать даст, то покажет, как одним ударом гвоздь забить. А потом обчертил выем в бревне и говорит: «Ну-ка, Егорка, меня Егором зовут, выбери это топориком». Я на радостях сначала с одной стороны за черту ушел, потом и с другой туда же направился. Испугался, сижу, нос повесил. А дед подошел, хлопнул по плечу: «Не горюй, Гошка, как бы ни клин да мох, так и плотник бы сдох».

– Ну, это присказка такая, а на самом деле плотник подобен тому, кто скульптуры из камня вырубает. Срубил лишнее – испортил камень. Точность удара должна быть. Потому инструмент точим так, чтобы в бревно, как в масло, входил. Выточил, повернул лезвием вверх, выдернул из чуба волос и опустил его на лезвие с высоты. Развалился волос пополам – добрый топор, толковый плотник.

Иван слушает, а блокнот достать боится: спугнет рассказчика. А тот, видно, в раж вошел, развесистые уши увидел, и все свои семейные предания огласил. Четверо работают, вроде их и ни касается.

Иван в тонкости старается заманить рассказчика:

– Егор, а плотнику все равно, какое дерево под топором?

– Э, брат, тут целая наука! Дед, бывало, заставит глаза закрыть, а сам к носу моему щепку подставляет и требует назвать, какого дерева щепа, березы, осины или сосны? А потом зачнет этот дух хвалить, какой он тревожный да здоровый. И приведет к тому, что плотники да столяры дольше всех живут, потому что деревянным духом дышут, душа, мол, размягчатся и сосуды разные.

– А сыновей как вы к делу приобщали? Сейчас молодежь все больше к технике...

– Вот они три брата, два родных третий сродный. Мой-то с младых ногтей к топору прикипел, я его через те же науки провел, что и дед меня. Братов парень в армии отслужил, женился, строиться надо. А сам топор держал, когда мать заставляла кур рубить. Ко мне. Я в ответ: «Зови брата, он хоть и молодой, но дело свое знает».

Пришлось идти, хоть и зазорно. Стали вместе робить. А тут и второй из морского флота демобилизовался, с месяц морскими лентами от бескозырки девкам мозги позаплетал, и тоже к срубу. Такой дом сварганили – старшим есть на что посмотреть. Вот тогда и собрались

мы в бригаду, это молодежь тогда назвала Варнацкой, да так и прикипело. Ну, гость дорогой, мне за дело пора.

– Спасибо, Егор, за разговор интересный, – поблагодарил Иван, а в голове уже кипело: вот он, рассказ, готовый, только записывай.

Пришел домой, схватил тетрадку, и под сарай, столик там стоял простенький, табуретка. Тоня с работы пришла, калиткой сбрякала и остановилась: не помешала ли? Вот так потом будет всю жизнь остерегаться, не стукнуть, не брякнуть, когда муж за работой.

Начал Иван с заголовка «Варнацкая бригада», но тут же зачеркнул: варнак – ругательное слово, не подходит для светлого рассказа. А в Покровке, в соседнем селе, был у Ивана знакомый плотник Соколов, по-деревенски Соколок. И он вздрогнул: вот имя бригады, вот название рассказа: «Соколкова бригада». Зачин, зачин, он хорошо понимал: как начнет писать, так оно и пойдет. Начал с описания леса, березок, пташек-букашек – все зачеркнул. Охватил голову, мысленно проследил весь рассказ Егора, и споткнулся о хорошо знакомую фразу: «Как бы ни клин да мох, так и плотник бы сдох!». Не тут ли решение? Вот в этой манере, народной, и надо рассказывать. Значит, уйти от гладкого стиля и кругленьких, веками обкатанных слов, настроиться на разговор Егора, мамы Нины Михайловны, простых мужиков и баб, которые не знали грамоты, но умели выражать свои чувства и мысли такими убедительными словами.

Иван настроился на речь Егора и начал:

«Фамилия-то ихняя не Соколковы – Елкины они. А Соколками – это по отцу зовут. Отец был Соколок». Скоро Иван понял, что только рассказа Егора ему будет мало, и тогда он стал описывать его отца, а это Гражданская война, колчаковщина, и о том времени он много знал баек и бывальщин, вот и пригодились. Знал он одну историю про мужика, которого в деревне и красные, и колчаковцы за старосту оставляли. Фронт был такой неустойчивый, что утром красные, в обед белые, а к вечеру опять «Вставай, проклятьем заклейменный!». Мужик, чтобы впросак не попасть, наказал церковному звонарю: если белые идут – бить редко, но гулко, а если красные – мелкий звон и с подголосками. Звонарь, чтобы не лазить на колокольню всякий раз, веревку от колокольного языка до земли опустил, и позванивает. А Марфа, старуха, что рядом с церковью жила, козла своего утром к этой веревке привязала...

Иван так красочно описал эту картину, что сам улыбнулся. Кажется, пошло. Через три дня он уже читал Тоне сказ «Соколкова бри-

гада» – гимн топору и его мастеру. Тоня обняла мужа и сказала, что это очень интересно, и написано не так, как пишут писатели сегодня, а как говорит народ.

– Правильно, Антонина Пантелеевна, мне этого и хотелось добиться!

Тоня в совхозной конторе перепечатала на машинке текст, и Иван Михайлович отправил пакет в «Тюменскую правду». Через неделю получил письмо за подписью редактора газеты Дмитрия Филипповича Иванова, что сказ будет напечатан в самых ближайших номерах. В это же время Ермаков отправил текст в журнал «Сибирские огни», не зная, что территориально область относится к свердловскому «Уралу». Это был перст судьбы. Новосибирцы очень внимательно отнеслись к тюменскому автору, а главный редактор Анатолий Васильевич Никульков даже приезжал к Ермаковым в гости. Начни он с «Урала» – не вдруг скажешь, как бы сложилась его творческая судьба.

Получив первый гонорар, он сказал жене:

– Все, Тоня, теперь у меня две любимых женщины: ты и литература. Я верю в свои силы. Я нашел свой путь, свой стиль, свой язык. Конечно, надо учиться, надо работать над словом, но надо писать и писать.

Он до рассвета не вставал из-за стола, пил крепкий чай, курил. Ложился спать, оставив на столе рукопись. Антонина Пантелеевна утром перебирала листы и удивлялась количеству зачеркнутых строк. Потом он перепишет все набело, еще раз пройдется пером по живому, между строк напишет новые. Один за другим появляются сказы «Аврорин табачок», «Сорок седьмая метка», «Ленинское бревнышко», «Ценный зверь – кирза». Он собирает все сказы и едет в Тюмень к редактору книжного издательства Константину Яковлевичу Лагунову. Встреча состоялась, Ермаков оставил рукописи и лег на лечение своей фронтовой язвы желудка. А Лагунов сделал такую запись:

«Летом шестьдесят первого в мой хлевушок с покосившимся полом, приметно сплюснутыми рамами и с незапиравшейся хлипкой дверкой – так выглядел кабинет главного редактора Тюменского издательства – ввалился, грохоча тяжелыми ботинками, здоровый мужик. Плечистый. Пудовые кулачищи. Лицо грубое, будто наспех и одним топором вытесанное. Большой нос. Крупные губы. Лохматые брови. В глазах взблескивает живая лукавая искорка.

Вошел он без стесненья. Лапища у него широченная, кирпичного цвета, пальцы хваткие, цепкие, могутные, так тиснули мою руку, что я поморщился.

– Иван Ермаков.

...Сложный это был характер. Карамазовский. Неистовый, отчаянный. Не признающий никаких полумер, презирающий приспособление, фарисейство, подхалимаж. Он был и открыт, и понятен, хотя и грубоват порой, и невозможно прямолинеен».

Сказы Лагунов прочел, после лечения Ермаков зашел в издательство.

– Иван Михайлович, – поправив очки, заговорил Лагунов. – Я внимательно прочитал ваши работы, да и имя ваше мне уже известно. Вот вам мой совет: выбирайтесь из деревни в Тюмень. Я понимаю, родная среда вас хорошо подпитывает эмоционально, языковые источники богатые, но будете приезжать, а писателю надо жить здесь, точнее – там, где издаются книги, цель всей нашей работы.

– Это мне более или менее понятно, но у меня семья, надо же где-то жить.

– Само собой, – согласился Лагунов. – Вы пока поезжайте домой, я попробую решить вопрос с жильем и вас вызову.

Квартирку дали маленькую, но в центре города. Иван Михайлович стал вживаться в городскую жизнь.

6.

Еще одна народная мудрость в память легла: «Сибирь по десятинам не плачет!». Дескать земли у нас столько, что сколь угодно можем под доброе дело пожертвовать. И, как рассказали старые лесники, жертвовали. Приметили лесники, что по нагорью реки Ишим одномоментно поднялась березовая роща, молодые рыжие деревца дружно рванулись к солнцу, наперегонки. Лесники – народ бывалый, не ученой грамотой вооружены, а природным пониманием. Всех дивило, как это в одно лето могли обсемениться тысячи десятин земли? Наука ответа не дала, а вот народные приметы сработали.

В то время обнаружилось в этих местах великое множество мышей, великое переселение у них случилось, и нарыли они норок – шагу нельзя ступить, чтобы на чей-то хвост не наступить. А еще лесники приметили, что за год до того такое жаркое лето случилось, так солнце палило, капли дождя не выпало – расщелилась земля, а ранние бесснежные морозы завершили дело. Вот в эти щели да мышиные норы весенние ветра и дожди загнали березовое легкое семечко, отсюда и поперли деревца – вширь, вдаль, окрест – все под себя забирают. Так родилась роща, к которой и приютилась деревня с дивным названием «Веселая Грива».

В деревню эту и явился с японской войны Кузьма Алексеевич Пят-

ков, на той войне глаза лишился, а тут увлекся берестой, посуду, игрушки делал, деготь гнал, даже в лапти вплетал. Постепенно забыли его имя-отчество, получил он прозвание Берестышко. И служил лесником, в его обходе и оказалась лесная Веселая Грива. Любил лес и все в нем, с птичками разговаривал, кустики и травы поглаживал. Из его уст услышал Ермаков столь глубокое признание:

«Родная мать... песенки над твоей колыбелькой пела, сладким молоком вскармливала, имечко дала, русую головушку расчёсывала, а стоило тебе сделать первый шаг, как вторая мать – земля ласковая – подошевки твои розовые целовать принялась. Первая в погремушку гремит, а вторая голубую стрекозу на мизинчик тебе садит. Ты ее изловить хочешь, а она – порх! И запела крылышками. И поманила тебя... «Иди-ко, голубок, гляди-ко, голубок, много див у твоей Зелёной Матушки про тебя наготовлено. В грудку – дыхание свеженькое, сквозь цветы да мяты процеженное. Животу да язычку-лакомке – земляники, малины да любой сладкой ягоды, глазам – жар-птицы, полянки лесные, ушам – соловеюшки звонкие». Кропят голову твою чистые дождички, мужаешь ты под её резвыми громами, растёшь, крепнешь, зорче становятся глаза твои... Вот у первой матушки и морщинки на лице обозначились, и седые струнки по косам пряну-ли, а вторая, что ни год, всё моложе да красивее перед глазами твоими является. Цветёт она лугами, зеленеет лесами, порхает красной птичкой, снуёт весёлой рыбкой, прядает вольным зверем – солнышко, звезда и радуга её охорашивают, синие ленты рек её украшают.

И все это – от голубенькой стрекозки до молоденькой апрельской зорьки – для радости глаз твоих, для тихого ровного счастья твоего цветет, человек».

Переехали к Веселой Гриве тридцать казахских семей, осмотрели лесники березки и порешили: созрели, нельзя допускать перерасту, надо в дело. И запели пилы, застучали топоры, а к осени тридцать домов выстроились в улицу. Старшим десятником у казахов был Галим Сабтаганов, семья большая, уже тут родили ему дети внука, Ермеком назвали. И прикипел он к деду Галиму. А у того маленький лосенок, ножку подвернул, дедушка его лечил. Вырастает лосенок, и зовут его Кырмурын. А еще дедушка умеет с зайцами разговаривать и гостинцы от них приносит, засохшие лепешки из дедовой сумки, вроде недавно бабушка такие пекла, а от зайца Кояна вкуснее. Кырмурын и Коян из дедовой сказки стали для Ермека жизнью, и он горько плакал, когда уже повзрослевший лось ушел в лес – «Его подружка позвала».

Пошли ребятишки по ягоды, и трехлетнего Ермека с собой взяли. А мальчик все смотрит, не выйдет ли к нему Кырмурын, не выскочит ли Коян с гостинцами. И видит: сидит под кустом заяц, точно такой, каким его дед Галим обрисовывал. Ермек к нему:

– Коян, – кричит, – это я, Ермек, твой друг. Я поглажу тебе ушки...Дам тебе хлеба...

Заяц не стал дослушивать, уши прижал и прянул в траву. Ермек за ним. И оказался в сказке, о которой рассказывал ему дедушка Галим. И лес догадался, что Ермек ищет сказку. Птичка-красногрудка, дятел, барсучонок, даже ворон, вещая птица, триста годов живет, и тот подсказывает: «Иди прямо. Там сказка. Они тысячами лет живут».

И встретит Ермек в лесу своего друга Курмурына, узнали друг друга, вместе идут, и лес приветливо на все голоса: «Нашел мальчик свою сказку!». Но злой Филька Казненный нос, олицетворение всех вредителей и губителей природы, увидел лося, только мальчика за тушей не заметил, прицелился, глаз не заслезится, рука не дрогнет, черное ружье не промахнется. И тут наступил Ермек на сухой сучок и громко ойкнул. Дрогнул Филька, но выстрелил, пробила картечь краешек лосиного уха, прыгнул зверь в сторону, и видит Филька: вместо лося мальчик стоит. Дикий суеверный страх охватил браконьера, вскочил на коня, и кнутом его, кнутом...

Тоня прибежала из конторы:

– Ваня, беда, мальчишка казахский пропал.

– Где, как, говори толком.

– По ягоды пошел с ребятами и пропал.

Иван надел сапоги, отрезал кусок хлеба. У конторы уже народ, в кузов грузовика набились, надо скорей до леса добраться. В лесу разошлись цепочкой, каждый кричит: «Ермек! Ермек!». Пастухи кнутами хлещут: может, услышит? Тракторист Ганя Бекетов, у него трактор с гудком, косит травы, и гудит, гудит.

– Чего разгуделся, Ганя?

– Знакомый у меня в лесу задержался, шумлю вот.

Пионерский барабанщик Володька Бородин и горнист Славка Королев собрали своих друзей, идут по лесу, гудят и барабанят, голосят в дюжину глоток, Ермека зовут.

Военный комиссар собрал призывников – все на поиски.

Местное радио объявляет: «Товарищи, все, кто может принять участие в розыске Ермека Сабтаганова, – спешите к конторе совхоза».

«Двое суток бродит, – волнуется Берестышко. – Зверь не тронет,

лето, а вот комар способен источить. По капельке, насекомая, кровь может высосать из ребенка!».

К обеду на вторые сутки вышел мальчик к животноводческому лесному отгону, увидела его дежурная доярка Фрося Колмогорова, ухватила, прижала к груди:

– Дикушка ты маленькая, черноглазик ты наш дорогой!

Подъехал бригадир Вася Волков, посадил Ермека, поехали к людям, которые Горелое болото обходят. В последних перед болотом лесках пересадил Ермека за спину, чтобы взять и вдруг показать эту всеобщую радость. Выехал к болоту, видит цепь людей и дивится: сколько разных и родных людей: немец Иосиф Иосифович Штрек, старик. Шофер Вася Черненький, не знамо, какой нации. Казахи. Русские. Цыган Гриша Кучеров. Молдаванка Василиса.

– Погляди, Ермек, что ты наделал. Половину республик на Горелое болото вывел! – сказал Вася Волков. И он был прав.

«Наш интернациональный», – так называли совхоз, хотя по официальному реквизиту он значился под номером 422 (до войны, да и в послевоенное время, многие совхозы не имели наименования, а значились под номерами). Для этого у тружеников имелись все основания: в хозяйстве работали русские, украинцы, белорусы, немцы, казахи, татары, молдаване и румыны.

Представьте себе национальный состав руководства совхоза. Директор Исаак Андреевич Вотинцев – удмурт, секретарь партийной организации Дарья Романовна Захарова – русская, главный ветеринарный врач Виталий Степанович Подснежный – украинец, главный агроном Василий Васильевич Точилин – мордвин, главный зоотехник Эдуард Эдуардович Убба – эстонец, главный бухгалтер Генрих Генрихович Арнольд – немец, заместитель главного бухгалтера Виктория Рафаиловна Беркович – еврейка, председатель рабочего комитета профсоюза и секретарь комсомольской организации Ахмадья (Александр) Хабиденович Хабиденов – казах. Такой состав руководства совхоза сложился к началу 1946 года и такое сочетание в нем представителей разных национальностей, конечно же, никто не подбирал. Война, навязанная нашей стране фашистской Германией, изгнала сотни тысяч людей со своих родных, насиженных мест, и они оказались в глубоком тылу. Здесь, как единая семья, трудились во имя победы над общим врагом человечества. А потом строили коммунизм...

– Зачем ты от ребят ушел? – допытывается старый Галим.

– Я хотел с зайчиком поговорить, который мне лепешки присылал. А еще Кырмурына видел. Кырмурыну ухо отстрелили.

– Кто?

– Дяденька на лошади.

Так и не могли больше ничего допытаться. А в это время Филька сообразил, что могут ухо найти, следствие наведут, его расшифруют. Поехал на то место, точно, и ухо, и сапоги мальчишки, и котелок. Надо зарыть в муравейник. Только с коня спрыгнул, голос:

– Прихораниваешь, значит? – голос Берестышка.

Филька за ружье.

– Брось!

Филька озирается затравленно, подает ружье Берестышке и нажимает курок. А сам к лошади, и ходу с этого места. Раненый Берестышко целился, а картечь попала в лошадь. По следам ее крови и нашли Берестышко. Он еще в памяти был. Спросил про Ермека. Сказали, что нашли, с зайчиком поговорить хотел. Попить попросил. Пока за водой бегали, бредить начал. «Зайчиком она тебя поманила... Она умеет. Много у нее всякой заманки. А меня голубенькая стрекозка... Я ее изловить на мизинчике, а она порх – и полетела. И ты иди. Узнавать. Любить».

Ошеломленный великой заботой всего многонационального люда о маленьком казахском мальчике пришел домой Иван. Тоня уже успела приготовить скорый ужин. Устали.

Иван взял с полки стопку бумаги:

– Ты спи, Тоня, а я сяду за стол.

Несколько суток писал, поел, подремал и снова за стол. Уже его вела голубая стрекозка по Гнилому болоту, по березовым лесам, а заодно и по большой и подвижнической жизни непридуманного Берестышка. Иван с болью проводил в последний путь своего героя. Долго сидел под крышей сарая, сложив на столе могучие свои руки. И вдруг показалось ему, что на мизинчик села голубая стрекозка. Улыбнулся и уснул, осторожно положив голову на листы бумаги, чтобы не спугнуть свою сказку.

7.

Вернувшийся из Москвы Лагунов позвонил Ермакову вечером:

– Иван, привез твой билет члена Союза писателей СССР. Завтра соберем товарищей, вручим в торжественной обстановке. Как твои дела?

Иван поборол кипящее от радости сердце, ответил:

– Спасибо, Костя, все нормально.

В большой угловой комнате на пятом этаже Дома Советов собра-

лись писатели, литературная молодежь. По трем сторонам расставили стулья, за столом Лагунов и Ермаков чуть с краю. Все уже знают про новость, но с поздравлениями не лезут, всему свое время, потом – у Лагунова не забалуешь.

– Дорогие товарищи! – Константин Яковлевич опытный оратор, только что приехал из Узбекистана, где был вторым секретарем ЦК комсомола, кандидат наук, член союза писателей, по поручению Свердловской организации курирует литературную жизнь области. – Друзья! Вы знаете, сколь великое значение придает наша партия писателям, инженерам человеческих душ. У тюменских авторов выходят новые книги, у нас есть резерв для роста. А сегодня я с огромным удовольствием вручаю писательский билет Ивану Михайловичу Ермакову.

Иван встал, принял билет, крепко пожал руку Лагунову.

– Был у нас в Михайловке дед Михей, по неделе человек из дома не показывался, если ему на язык попал. И вручают ему на сенокосе почетную грамоту. А деда сроду никто добрым словом не отблагодарил. Растрогался дед Михей и сказал: «За день я выкашивал по восемьдесят соток, а теперь с этой гумагой обязан косить весь гектар ежедневно, и пусть учетчик меня контролироват!». Вот и я хочу сказать, что с этой бумажкой я должен работать лучше, больше, потому что очень много в голове планов, сюжетов, много людей прямо просятся в сказы. Спасибо, Константин Яковлевич, и всем ребятам спасибо.

Дружно поаплодировали.

– Кстати, о сказах, о любимом жанре Ивана Михайловича, – вдруг сказал Лагунов, уже сев за стол. – Известно, что ни до, ни после Бажова сказов никто не писал. Но прозу Ермакова никак не сравнишь с прозой Бажова, Ермаков уверенно нарабатывает свой сибирский стиль и свою народную лексику. Его ни с кем не спутаешь. Но на комиссии по приему один товарищ возмутился: «Сказы – жанр Павла Петровича Бажова, и кто дал право Ермакову использовать чужой жанр?». Закипели страсти, дело к голосованию, а ясности нет. И тогда встал Михалков, он обратился к тому критику: «Федор Савельевич, ты вот поэмы в год по три штуки выдаешь, а, между прочим, жанр не тобой изобретен, ты его воруешь, и считаешь, что все в порядке вещей!». «Так то поэмы!» – воскликнул Федор Савельевич. «А тут – сказы, причем, очень любопытные вещи. Передайте от меня поклон автору Ивану Ермакову!». Вот так закончилось голосование.

Когда в комнате остались только писатели, Лагунов продолжил:

– В Центральном Комитете партии внимательно изучили письмо первого секретаря обкома Бориса Евдокимовича Щербины и дали согласие на создание Тюменской областной организации Союза писателей СССР. Видимо, это произойдет уже в новом, 1963, году. И тогда будем расти, у нас есть на подходе хорошие ребята.

Ермаков подошел поближе к Лагунову:

– Костя, мой билет надо бы обмыть, чисто по-русски. У меня пара бутылок коньяка и сухое.

– Исключено. В здании Дома Советов распивать спиртные напитки – вы что, товарищи?! Исключено!

«Товарищи» пожали плечами и спустились в вестибюль.

– Может, ко мне, ребята? Тоня пирожков напекла...

Не получилось, решили оставить до лучших времен. А они наступили вдруг.

Борис Евдокимович Щербина был истинным партийным работником, потому созданную писательскую организацию всегда держал под прицелом. И вдруг ему на стол попадает папка с документами о хулиганских выходках нетрезвого писателя Ермакова. Щербина читал все его книги, наслаждался образным и сочным языком, ядреным сибирским говором его героев. Сам будучи убежденным трезвенником, Щербина нетерпимо относился к выпивающим. Но тут же писатель, не простой человек. Нет, непременно надо побеседовать.

Через приемную встречу назначили на пять часов вечера. Иван сообразил: конец рабочего дня, можно хоть до утра говорить. А о чем? Неспроста первый приглашает, и не чаем поить собирается. Стал вспоминать свои последние промахи. В городе Ишиме попал в милицию, если бы позволил первый – убедил бы, что пострадал за правое дело. Вышел из ресторана, а стайка ребятишек с лыжами, на соревнования приехали, жмется в углу. Подошел: «Что пригорюнились, орлы?». «Мест нет, а у нас завтра старты». Ермаков к администратору: «Мать, надо поселить ребятишек». «Я же сказала, что мест нет!» – и захлопнула окошко. С Иваном так разговаривать нельзя, он ловко сорвал с крючка форточку и возмутился: «Пятнадцать чернявых торгашей или проходимцев на моем этаже живут, а русским мальчишкам места нет? Ну, я найду на тебя управу! Звони в милицию!». «Уже позвонила!» – а сама к дальней стенке жмется. Приехали трое во главе с капитаном, тот сразу к администратору, а она на Ермакова показывает. «Пройдемте, гражданин!» – предложил капитан. Ермаков взорвался: «Я писатель, боевой офицер Советской Армии, князь сибирский! Ты вникни в дело. Ребят в холодном коридоре оставляет, а

всякая нечисть живет в номерах!». «Но вы пьяны». «Совершенно справедливо, иду из ресторана. Ты меня увезешь, но прежде определи ребят. Если откажешься, я вселенский скандал устрою и впишу тебя в сказ под твоей собственной фамилией». Не увезли, ребятишек определили на раскладушки, но в протоколе милиционер написал: «Он назвал нас псами».

В Тюмени раза три брали его под белые ручки прямо на выходе из ресторана. По трезвости Иван понимал, что кто-то следил и состукал, куда надо. Но первому секретарю такие подробности рассказывать не будешь. Хотел позвонить Лагунову, но выслушивать его нравоучения перед предстоящей исповедью... Погладил брюки, рубашку, почистил ботинки, оделся, позвонил жене:

– Тоня, меня в обком вызывают, скоро не жди.

Открыл холодильник, налил стакан водки, выпил, заел каким-то салатом из Тониных припасов, прополоскал рот и пошел. Милиционеру на входе назвал фамилию, тот глянул в журнал и пригласил:

– Проходите!

Иван улыбнулся: первый раз в святая святых. Прошел по лестнице, стукнул в дверь приемной, открыл, поздоровался.

– Товарищ Ермаков, Борис Евдокимович просил немного обождать, у него важный телефонный разговор.

Иван сел на самый краешек мягкого кресла и чуть не соскользнул, чем вызвал улыбку женщин, красивых и строгих, в глухих белых кофтах и черных пиджаках. «Спецовку им выдают, что ли?» – мелькнуло в голове. Огляделся: все скромно, чисто, ковер на полу накрыт серой тканью. Хотел еще раз в памяти перебрать, о чем надо поговорить с Первым, но не успел, одна женщина встала и жестом пригласила его, сама открыв дверь. Иван перешагнул широкий тамбур и оказался в большом кабинете, увидел невысокого роста красивого мужчину, с улыбкой вышедшего изо стола ему навстречу.

– Здравствуйте, Иван Михайлович!

– Здравствуйте, Борис Евдокимович!

Щербина, конечно, уловил запах спиртного, но вида не подал. Заговорил об организации, чем занимаются писатели, что обсуждают, потом о книгах Ермакова, очень тепло отозвался о «Голубой стрекозке».

– Я восхищен описанием природы, увиденной глазами ребенка, восхищен нашими людьми, которые всем селом вышли на поиски маленького казаха. А как вы сильно сказали, что половину Союзных республик вывел на поиски этот мальчишка. Действительно, в совхозе имени Челюскинцев коллектив многонационален.

– Так и есть, Борис Евдокимович, каждой твари по паре, но живут – душа в душу. Не могу вспомнить ни одного случая, когда давай бы мужики выяснять, кто немец, а кто чуваш или казах. Нет такого.

– Это очень хорошо, – подытожил Щербина. – Иван Михайлович, как вы относитесь к партии?

– Никак. Вступил на фронте, но исключили.

– Знаю. А почему снова не вступили?

– Не мог. Мне и на фронте предлагали, а там, вы должны знать, плохому воину не предложат. Я сказал: только через восстановление. Отказали. И я забыл об этом.

– Понимаю. Над чем сейчас работаете?

– Много задумок, и солдатские сказы, и с Севера привез много впечатлений, работаю. Уж коль разговор о жизни пошел, Борис Евдокимович, квартирный вопрос меня мучает, дети растут, дома работаю только по ночам. Князем сибирским ребята окрестили, а князь на двадцати квадратах. Нужна квартира, товарищ секретарь.

Щербина помолчал, покрутил толстый карандаш, толкнул его по столу:

– Иван Михайлович, вы сейчас выпили для смелости?

– Да. Разволновался, принял сто пятьдесят, признаюсь. Вы уж извините, Борис Евдокимович.

– Я извиню, но ведь это случается часто. Давайте так: вы со спиртным поаккуратней, а квартиру вам дать – это мне, как говорится, раз плюнуть.

Иван встал над столом и театрально выбросил вперед руку:

– Так плюньте же, Борис Евдокимович, плюньте прямо сейчас!

Щербина засмеялся, прошел к столику с телефонами, снял трубку:

– Григорий Иванович, у нас на Республике скоро дом сдается. Зарезервируйте за писателем Ермаковым трехкомнатную квартиру, с выходом во двор и повыше, чтобы шум городской не мешал писателю творить.

Положил трубку, подошел к Ермакову, пожал руку:

– Желаю вам новых идей и новых книг. Знайте, что я ваш постоянный поклонник. До свидания.

Иван спускался по лестнице, а Щербина разговаривал с начальником городской милиции:

– Дайте команду своим патрульным службам: писателя Ермакова, если нетрезвый попадет им в руки, в вытрезвитель не сдавать, а везти по домашнему адресу и сдать жене. Правда, адрес скоро изменится, но он им его продиктует.

8.
К. Я. ЛАГУНОВ. РОЖДЕНИЕ ТЮМЕНСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В шестьдесят третьем в Тюмени не было дворцов культуры, не было и филармонии, и Дома политического просвещения с их просторными многоместными залами. В городе имелся всего один большой, современно оборудованный зал заседаний в помещении областного комитета партии. В этом зале проходили все наиболее значимые совещания, заседания, конференции, пленумы. Поэтому, вероятно, никого не удивило, что в тот студеный февральский вечер к обкому шли люди. И шли они в основном не по одному, а веселыми говорливыми стайками – так идут на всенародный праздник.

К означенному в приглашениях часу зал заседания был переполнен. Припоздавшие стояли либо сидели в проходах на невесть откуда раздобытых стульях.

Непривычным оказался и состав президиума этого собрания. Вместе с областной «верхушкой», возглавляемой первым секретарем Тюменского обкома партии Борисом Евдокимовичем Щербиной, за длинным широким столом президиума восседал секретарь Правления Союза писателей РСФСР, известный детский писатель Сергей Баруздин и шестеро именинников – членов Союза писателей СССР, из которых и состояла только что родившаяся Тюменская областная писательская организация. Её рождению и посвящено было столь представительное и многолюдное собрание общественности города Тюмени.

Собрание открыл Щербина. Человек высокообразованный, эрудит, прекрасный оратор. По своей природе, складу ума, духовному настрою Щербина был идеологом. Его всегда занимала и глубоко волновала духовная жизнь всего советского общества, и, конечно же, своего края. Именно он сыграл решающую роль в создании областной писательской организации. Щербине во многом обязана она своим стремительным взлетом, превращением в одну из авторитетнейших писательских организаций Советского Союза.

Присутствующие в зале тюменцы овацией встретили весть о рождении организации. И щедрыми аплодисментами наградили каждого писателя.

За вычетом моей персоны, их было пятеро. Великолепная пятерка!

Иван Истомин. Человек – легенда. Прозаик и поэт. Публицист и

драматург. Всю жизнь не расстававшийся с костылями. Человек могучий духом, постоянно преодолевавший жесткие наскоки немилосердной судьбы...

Вторым память высветила Михаила Лесного (Зверева). Это добродушный, изысканно вежливый, гостеприимный ишимец. Он жил тихо и неприметно в своем ишимском «поместье». Сочинял книжки для детей – о родной сибирской природе, о наших четвероногих друзьях...

Далее – Майя Сырова. Смуглолицая болгарка. С ослепительной улыбкой и искристым взглядом. Поэтесса. Вскоре уехала в Москву. Умерла там от сердечного приступа в реанимационном отделении больницы...

Четвертый – самостийно неукротимый, размашистый и голосистый Иван Ермаков. Крупный плечистый мужик. С лицом грубым, будто наспех, одним топором вытесанным. Большенос. Крупные, ядреные губы. Лохматые брови. В глазах – озорное лукавство. Он пришел в Союз писателей с большой книгой самобытных, ярких, звонких сказов, которые, уверен, будут жить долго-долго...

Замыкает великолепную пятерку Василий Еловских. Худощавый, очень проворный и энергичный человек. Принимали его в Союз писателей по книгам, вышедшим в Москве. А это что-нибудь да значит...

После торжественного публичного крещения новорожденной Тюменской областной писательской организации, нас пригласили в малый зал заседаний бюро обкома партии. Зеркально отполированные столы накрыты белыми салфетками. На них закуски и напитки. Так новорожденную омыли «русской горькой».

Чтоб в зале заседаний бюро обкома партии пили водку, курили, и во всю мощь голосовых связок базарили кто во что горазд, а захмелевший Иван Ермаков хриплым баритоном распевал самодельные частушки – такое и присниться в ту пору никому не могло. Но жизнь изобретательней и фантастичней снов...

Штатных работников в писательской организации было всего двое: я (ответственный секретарь) и Зинаида Алексеевна Белова-Черкасова. Она была бухгалтером и кассиром, техсекретарем и машинисткой, делопроизводителем и завхозом. И еще литератором: её рассказы и очерки постоянно появлялись в местных газетах, передавались по областному радио.

Зинаида Алексеевна в своей очень нужной должности была одна. Но вокруг писательской организации было много деятельных, талантливых людей, беззаветно преданных литературе, одержимых творчеством.

Если попытаться выстроить эту ватагу в одну длиннющую шеренгу, то на правом фланге, наверное, окажется Лазарь Вульфович Полонский. Литературовед, критик. Язвительный и царапучий. Добрый советник и помощник, много сделавший для пропаганды творчества региональных писателей, для возвышения авторитета областной писательской организации.

Ну а левый фланг представят два юных друга – Владимир Нечволода и Николай Денисов. Внешне они мало схожи. Владимир – круглолик, яркогуб и по-детски наивен. Николай – приметно крепче телом и духом, с крутой мужицкой суровинкой в лице и прицельно цепким взглядом.

Позже оба окончили Литературный институт при Союзе писателей СССР, стали профессиональными поэтами. Однако время показало, что талант Николая Денисова разносторонней и ядреней. Он проявил себя и как незаурядный прозаик, и как огненный публицист, и как отменный организатор литературного процесса, много лет редактируя газету-альманах «Тюмень литературная», сделал издание широко известным не только в России, но и за её рубежами.

Между право– и левофланговыми несколько десятков превосходных литераторов. О каждом из них можно было бы рассказывать много интересного, поучительного и забавного, смешного и грустного, но непременно оригинального...

Вот «поперёшный», задиристый и ершистый поэт Владимир Фалей, которого «мама в капусте нашла», когда его «шлепали по попке лопухи». Решительный и отважный и в жизни, и в стихах, Володя обладал редким качеством притяжения, и вокруг него всегда кучковались жаждущие подвига и славы...

А вот рафинированный интеллигент, философ, тонкий лирик Анатолий Кукарский. Однажды встретив на улице женщину, которая силой волокла на поводке упирающуюся, рвущуюся в кусты собаку, Анатолий заступил незнакомке путь. И так красочно, так взволнованно, так убедительно живописал страдания подмятого неволей вольнолюбивого веселого пса, что женщина отстегнула поводок, дав волю ошалевшей от радости собаке...

Или вот комиссар нашей писательской организации – так заглазно называли мы бессменного парторга Виталия Клепикова. Критик и публицист, блистательный знаток современной литературы, Виталий был душой писательской молодежи.

Во время подготовки к Дням советской литературы в Тюменской

области Клепиков отвечал за выпуск серии небольших по объему поэтических буклетов. И среди известных имен оказался буклет ...никому неизвестного северянина. Охотника, значилось в биографической справке. И в стихах – север, олени, тундра... Кто автор? Где он, покажите! – требовали мы. Дознались! Оказалось, что Клепиков придумал этого поэта и... написал «за него» стихи!

Вот такие талантливые, смышленые, а порой и озорные мужики были в нашем активе. Из него пришли в Союз писателей Зот Тоболкин и Геннадий Сазонов, Анатолий Васильев и Сергей Шумский, Станислав Мальцев и Юрий Надточий, Николай Смирнов и Андрей Тарханов, Маргарита Анисимкова и Раиса Лыкосова, и другие, ныне здравствующие и активно работающие – прозаики, поэты, публицисты...

9.

На родине, в Казанском районе, всегдашним другом и товарищем Ермакова стал фронтовик, капитан Головачев, в одном из очерков он назвал его «капитан Головач» – так показалось звучнее. Ну, и прикипел вечному заворгу райкома партии этот новый статус. Приехал Иван на родину последним автобусом, в гостиницу идти – скучно, поговорить не с кем, пойду-ка я к Владимиру Тихоновичу. Позвонил с автовокзала, Головач обрадовался, сказал, по какой улице идти, и что сам выходит навстречу.

Дома предложил другу баньку, Иван не отказался, попарился в меру и вышел. Владимир подал ему свою широкую рубашку:

– Одень после бани, а твою дочка сполоснет.

Над рубашкой, которая чуть не целиком накрывала Ивана, посмеялись, сели за стол. Выпили. Хозяин поделился районными новостями, самое главное, что ожидается хороший урожай, если, конечно, погода не подведет.

– Иван, ты ведь знаком с Кнышом, нашим первым?

– Встречались, но как-то он меня сторонился, правда, я тогда выпивши был.

– Все верно, он этого не любит. А так – хороший мужик, наш, вакоринский, фронтовик. Давай его пригласим?

– Ты хозяин, приглашай.

Головачев позвонил, извинился, сказал, что к нему заехал фронтовой товарищ и земляк писатель Ермаков, просит о встрече по-домашнему. Кныш согласился, что знатного земляка приветить надо. Вынул из холодильника бутылку водки под удивленный взгляд жены

и пошел. Оба друга сидели на крыльце, даже трезвенник Головачев был навеселе, писатель смешил его каким-то рассказом, то и дело прилаживал к верхней губе обломок расчески, смахивал на сторону чуб и становился похожим на Гитлера.

– Здравствуй, Иван Михайлович, с прибытием на родную землю.

– Здравия желаю, Василий Федорович, только для меня вся земля наша советская родная, я и в Белоруссии свой, и на Кавказе, недавно в Казахстане побывал, сделал вывод, что Казанка наша под двумя богами ходит, потому погода совсем неустойчивая, Христос дождь назначит – Аллах переиграет, в Кустанай тучу повернет. И наоборот: нам солнца надо, чтобы хлеб созрел, он солнце в Целиноград, а нам туманную облачность. Рассказываю вот своему другу, он у вас заворг, а для меня вечный капитан Головач. Рассказываю, как наши ребята из плена бежали и статую богини древнегреческой, которая в кабинете коменданта лагеря стояла, тоже с собой прихватили. Не мог русский солдат такую красоту фашистам на поругание оставить, мы и без того стольких девочек не целованных не уберегли...

Кныш посмотрел на хозяина дома: о чем рассказывает гость, все вроде правда, но богиня-то при чем? Ермаков взгляд перехватил, улыбнулся:

– Сказ новый сочиняю, русский солдат Европу спас, весь мир заслонил потной своей спиной, а как это сказать, чтобы простому человеку понятно стало? Вот и запала мне богиня иноземная, которую пленный наш солдатик увидел в кабинете начальника лагеря. Ну, вроде уборку делал или другие надобности. В фарфоровой девушке этой солдат, может, подружку свою деревенскую признал, а когда бежать задумали, не мог оставить, вернулся, в шинельку свою обовшивевшую завернул и унес, уберег красоту от поругания.

Головачев смахнул слезу:

– Правильно сделал, что унес, и ты все опиши, Иван Михайлович, пусть знают, кто красоту спас.

Кныш тоже кивнул:

– Красивая история, и сказ будет красивый. Ты, Иван Михайлович, про родной район не забывай, я попрошу культуру, чтобы загрузили тебя встречами.

Ермаков обломком расчески привел волосы в порядок, закурил. Книги земляка Кныш прочитал все, хотя случилось это неожиданно, как-то не особо верилось, что полуграмотный мужичок из деревеньки, завклубом работал, погулять любил – не верилось, что книги он

пишет серьезные. А случилось, что первый секретарь обкома внушение сделал. После обсуждения на приеме хозяйственных и иных вопросов Борис Евдокимович спросил, что читает первый секретарь Казанского райкома? Кныш назвал несколько книг советских писателей, Щербина улыбнулся:

– А писателя Ермакова вы знаете? Он же ваш земляк. Очень своеобразный писатель, манера письма неожиданная, язык сочный, яркий. Большим будет художником, и мы гордиться станем родством. Не буду дожидаться вашего замечания, писатель склонен к выпивке, возможно, последствия военной привычки, а скорее – с творчеством связано. Этот механизм совсем не изучен. Так вот, недавно Ермаков был у меня на приеме, кажется, чуть принял для смелости, просил квартиру. Говорит, не дело, когда князь сибирский мотается по баракам. А ведь у него семья, дети. Я попросил быть поаккуратнее в поведении, а квартиру дать – раз плюнуть. И тут он встал во весь рост и театрально продекламировал: «Так плюньте же, Борис Евдокимович, плюньте!». Дали ему квартиру над магазином «Родничок» на Республике, звонил, благодарил. А я попросил нашу доблестную милицию, если что..., домой его везти, только домой. Беречь надо таланты, Василий Федорович...

– Иван Михайлович, прошу прощения, я первым нарушил субординацию, ты офицер Советской Армии, а я старшина, и уж коли мы как фронтовики за столом, то давайте без чинов. Вот все хочу тебя спросить: ты Михайловскую школу помнишь, Ваську-хохла вакоринского, которого от ребят защищал?

Ермаков медленно жевал огурец и мучительно напрягал память, но так и не ответил.

– Ты тогда еще про свое родство с Ермаком Тимофеевичем рассуждал.

Писатель оживился:

– Про это помню, и всегда интересуюсь, даже горжусь, что фамилия от атамана пошла. Ты, Василий, про Матвея Путилова подвиг на фронте знаешь? Страшное дело! На войне всякого насмотрелся, но такого даже не слышал. Матвей наш, ильинский родом, то ли умерли родители, то ли раскулачили их, оказался парнишка на севере в детдоме. Вот еще один повод восхититься нашим государством: детский дом, приют, а какие люди выходили! Матюше и было-то всего девятнадцать, он в связистах служил, в одном бою в Сталинграде обеспечивал связь комдива и передового выдвижения. И вот связи нет. Он ползет, попадает под обстрел, ранен, но скручивает концы провода, а

его снова рвет осколком, и опять ранение в руку, уже обе перебиты. И тогда русский богатырь берет провода в рот, в зубах связь зажал. Умер, а по нему связь с войсками, через него победные команды прозвучали.

Ермаков отхлебнул глоток водки, закашлялся.

– Я приехал пройти по той земле, где этот святой человек первый шажок навострил, первое слово сказал. Время сменилось, а токи идут через него к нам, я их чую, у меня сердце дрожит от соучастия. Непременно напишу сказ о Матюше, электрическом мальчике. Ты, Василий Федорович, память его увековечь, пусть люди помнят.

Поговорили о погоде, которая нынче с тонким намеком на хороший хлеб, и подождило вовремя, правда, не столь, сколь хотелось бы, но крестьянину всегда не угодишь, ладно, и на том спасибо. И в июле хорошие температуры, стебель в колос кинулся, завязь подходящая. Только бы теперь осень не подвела, самое поганое дело, когда вызревший хлеб отгородила природа пеленой дождя, стоит мужик у кромки, с серпом, как прежде, у мокрого комбайна, как теперь, и молчит, в тот момент нельзя с ним говорить, не о чем. По лицу струйки стекают, то ли дождь, то ли слезы. Насмотрелся Кныш, да и Ермаков поддакнул: осень для писателя вдохновение, вся прелесть природы, все цвета и запахи, а у крестьянина одна забота: чтобы сухо было, вот и все.

Весь свой разговор со Щербиной пересказывать не стал, но от вопроса не удержался:

– Иван Михайлович, говорят, ты первому секретарю обкома князем сибирским назвался. Врут?

Ермаков посерьезнел:

– Зачем врут? Так и сказал. Я не в сословия и гербовые родовые перечни метил, это мне трын-трава, мне сам титул хозяина нашей земли сохранить надо. Я же не сказал граф или барон, это вовсе мусор для русского человека, а князья – они не просто княжили, они земли приумножали, людей сохраняли, дружинами командовали. Можно так сказать, что по моему скромному офицерскому званию вполне мог на княжеский уровень потянуть, как смотришь, Василий?

Все дружно засмеялись.

10.

На очередной встрече в писательском кабинете, где расторопная помощница руководителя Зина Белова уже поставила всем чашки горячего чая, Лагунов предложил отправить теплоходом по Оби группу писателей для обслуживания населения прибрежных поселков во время стоянок. Ермаков согласился сразу, хотя многим маршрут не пока-

зался интересным. А ему хотелось увидеть малые народы Севера, говорить с ними, узнать их легенды и простые человеческие судьбы.

Выросший в глухой лесной деревеньке, воевавший в знаменитых болотах Волховского фронта, Иван никогда не видел большой реки, потому подолгу стоял на палубе и смотрел, как теплоход нежно раздвигает воды, освобождая себе дорогу, как обреченно катятся к берегам поднятые им волны. А берега то кажутся пустынными, значит, низкое место, то заросшими вековой тайгой так смело наступают на воду, что она в отместку за дерзость вымывает почву из под ног самых дерзких и оголяет корни. Суждено тому смельчаку упасть в большеводье и стать опасным для малых и средних судов.

Ближе к поселку ранним утром он смотрит, как рыбаки выбирают сети, как черпают рыбу из специальных ловушек, видит молодого парня, почти мальчика, который ухватил за жабры метрового осетра и кричит одинокому русскому мужику на палубе:

– Эй, таскай литра водки, осетра твоя!

Не дождавшись ответа, хохочет:

– Рыба нет, щука есть!

Намекает, паршивец, на то, что мы слаще морковки ничего не ели. Иван улыбается: «Надо купить добрую рыбу да попросить кока уху сварить». Он вообще любил рыбу, наверное, это от голодного детства, когда карась, чебак и щука каждый день были на столе в разных видах. Подходили к поселку, Сережа Шумский, заведующий бюро пропаганды литературы при писательской организации, деловой, бородатый и бодренький, торопил:

– Товарищи, встреча прямо на пристани, народ уже ждет.

Действительно, большая толпа людей стояла у причала. Спустились по трапу, встали на мостки. Народ дружно ударил в ладоши. Шумский вышел вперед и не успел рта открыть, как раздалось звучное:

– Ты петь будешь или плясать?

Иван улыбнулся: «И здесь наш брат-русак хулиганит. Ненцы, как дети, ждут праздника».

Шумский спрятался за спину Толи Кукарского. Первыми выпустили поэтов. Стихи читал вдохновенный Володя Нечволода, потом деловитый и серьезный Коля Денисов. «Хорошие ребята, хоть сейчас принимай в Союз». Дошел черед до Ермакова.

Легко поэтам, есть три-четыре звучных стиха, вышел, прочел, сорвал аплодисменты, а прозаику каково? Читать свои книжки не станешь. Но у Ивана был свой подход. На каждой встрече он интерес-

ные истории рассказывал из жизни, озорные, веселые грустные, иногда горькие до слез. А сегодня утром на верхней палубе вспомнилась ему Доня, Денисья Гордеевна, вот уж двадцать лет ждущая своего мужа и своего сына с войны. И рассказал он жителям таежного прибрежного поселка, ненцам и хантам, русским и иным народам, как жила малая деревенская семья, жена Денисья, сын Алеша и муж Афоня, гармонист и придумщик, злой табак курил, по сорок колец дыма грудь вмещала, только ухом дым не пускал.

Та-ба-чок – вырви глаз –
Подходи, рабочий класс!
Курево не пьянство –
Подбегай, крестьянство!

– Вот такие частушки сочинял и пел прямо на завалинке. В избе-читальне народ веселил, спектакли сочинял и с друзьями разыгрывал. Вздумалось ему попа местного «продернуть» со сцены, сочинил он историю, сам взялся попа исполнять. Но надо заметить, что поп был огненно-рыжий, рыжей в природе не бывает. А парика такого в запасе у Афони нету. Все дворы обошел, всю скотину обследовал – нет ничего подходящего. И вдруг увидел собачью свадьбу, а в своре рыжий кобель активность проявляет. Вот и стал его Афоня приманивать калачом, не с первого раза, но получилось, до сучки гулящей самец добраться не может, а калач вот он, ешь – не хочу! Пока пес с калачом расправлялся, Афоня приготовленными овечьими ножницами ему всю спину оголил. Дома отрезал лоскут холстины, выстриг по голове, суровой ниткой сшил основу, и столярным клеем куски собачьей шерсти по всей основе наклеил. Подсохло, натянул на голову, глянул в зеркало – вылитый поп!

Народ на пристани уже понял и принял рассказчика, рты раскрыли – слушают, смеются.

– И вот вечером представление, народу набилась полная читальня. А смысл пьесы был в том, что богатый мужик решил священника угостить, и выставил перед ним большое блюдо осетровой икры. Ну, понятно, что в блюде каша с черникой для вида, поп вилку отодвинул и ухватил большую ложку, да по полной, по полной! Хозяин в смятении, намекает: «Батюшка, ведь это икра, а не каша!». А тот отвечает: «Вижу, сын мой, господь тебя отблагодарит!». «Икра дорогая, по рублю фунт!». «И стоит, стоит, хорошая икра!».

И в это время Афоня видит краем глаза, что к самой сцене подобралась та самая сучка, за которой рыжий кобель гонялся. Смотрит на него и аж слюнки с языка скатываются. «Это она жрать хочет, – подумал Афоня. – Каша ее завлекает». И собачка смотрела-смотрела, да как взвыла, да как метнулась на сцену, и вместо каши парик с Афони сдернула, вся заходится в любовном экстазе. Народ в зале по полу валяется от смеха, сучка в досаде парик рвет, а Афоня с горя махнул рукой: пропала постановка! Вот такой приключенческий жил мужичок.

Оба с сыном Алешей ушли на войну, по разным фронтам разбросало. Воюет Афоня, на привалах и между боями байки травит, любят его солдаты. Жалко, тальяночки нет, а то бы сыграл и спел:

Ты играй, играй, тальяночка,
Играть бы тебе век.
Не тальянка завлекает,
Завлекает человек.

Подошли к Днепру с боями, взяли какую-то деревню, а уже известно, что великую реку будем форсировать с ходу, очень мало плавсредств. И уже каждый солдат кумекает, как ему быть. Афоня тоже соображает, что Днепр – не Марковичи, а тут зовут бойца, который умеет свиные туши обрабатывать. Афоня отозвался, хорошим маркитантом считался на родине. Оказывается, перед отступлением немцы не сумели погрузить семь крупных свиней и пристрелили их. Афоня деловито казненных обследовал и доложил, что еще теплые, можно свежевать и в котел. Сам внутренности вынимал, а как дошел до пузыря, вспомнилось детство, когда пузырь этот в золе выкатывали, сушили, потом горошины во внутрь пускали и к кошкиному хвосту. Кошка бесится, а ребятне весело. Пузырь! Собрал Афоня все семь пузырей, круто подсолил и в банку. На досуге обработал, подсушил и надул. Ночью, чтобы никто не заметил, сходил до речушки, пузырями обвязался и в воду – держат!

Утром построение, генерал приехал посмотреть, как батальон переправляться планирует. Где плот, где лодка, где камера автомобильная надута, а тут стоит боец маленького роста, весь пузырями обвешан. Уставший генерал оживился: «Скажи, братец, и далеко ты собрался на сих пузырях?». «Форсировать Днепр, товарищ генерал!». «А доплывешь?». «Всенепременно, уже опробовал!». Генерал обнял Афоню осторожно, чтобы пузыри не порвать и сказал: «Спасибо, боец, ты доказал, что русского солдата ничто не остановит! До встречи на том берегу». Но встретиться не удалось, на третий день боев на

плацдарме ранила Афоню немецкая пуля прямо в живот. Хирурги брюхо разрезали и понять ничего не могут: на немецкой пуле советская монета серебряная 1921 года чеканки. Не попадись этот гривенник, раздробила бы пуля позвоночник, и вчера бы еще похоронная команда зарыла его в братской могиле, сняв и передав кому надо солдатский медальон с домашним адресом. А гривенник тот вложила Доня в картовный пирожок, которых выслала целый мешочек с земляком-однополчанином, отпущенным на три дня пристроить детей после смерти жены. Пирожки поделили, Афоня почувствовал, что созвякало что-то во рту, но разбираться некогда, скоро команда на форсирование. Вот этот Донин гривенник и спас любимого мужа.

А форсирование Днепра – это второе крещение Руси, и крестились тут едино присягнувшие в братстве племена и народы советской нации.

Ермаков волнительно поклонился и отошел в сторону. Владислав Николаев обнял его и шепнул:

– Иван, откуда это у тебя? Никогда раньше не рассказывал.

Ермаков улыбнулся:

– Так, наверное, могло быть.

К ним подошли несколько мужчин, один, ненец, сказал:

– Ты солдат и я солдат. Ты правду рассказал о Днепре. Я выжил, много хоронили. Помянем.

Налили по стакану водки, выпили, закусили вяленым сырком. Женщины принесли в корзине с десяток всякой рыбы, почищенной и подсоленной. Пассажиры и писатели поднялись на борт, теплоход дал прощальный гудок и отвалил от пристани.

В каюте выпивка продолжилась сначала под соленую рыбку, потом под приготовленную коком уху. Как всегда, вспыхнули литературные споры, поэты словесно сражались за своих кумиров, прозаики изредка вставляли едкие замечания. Ермаков молчал, он считал такие споры бесполезными, пустыми и даже вредными: создание и обслуживание кумиров убивало самого автора. Разошлись за полночь. Перед утром Ивана подняла обострившаяся боль в желудке – старая история, еще с войны. Таблетки не помогали, появилось кровотечение. Ясно: открылась старая язва. Его высадили в небольшом поселке, «скорая» подошла к самому причалу. Врач выслушал и осмотрел, предложил отправить в районную больницу, возможно, потребуется операция. Пациент успокоил:

– Никуда не надо ехать, лечи на месте, это не в первый раз. Капельницы, уколы, и все пройдет.

Через три дня боли утихли, на пятый Иван поел теплый картофельный суп. Вечером попросил медсестру принести бритву, зарос за неделю, а своя где-то в дорожной сумке у сестры-хозяйки. Девушка пообещала после процедур принести бритву. Молодой ненец Василий, лежавший на соседней койке, подсел к Ермакову:

– Иван, ты ихней бритвой не брейся, они этой бритвой баб в роддоме бреют. Совсем врач совесть потерял. В тундре был один врач, Володя-Хаерако, Володя-Солнышко, других больше нет. Какой был врач! Народ лечил от страшной болезни, сам заразился, все равно ездил по тундре от чума к чуму и лечил, пока не умер. Народ его помнит.

Ермаков вздрогнул: вот он, сюжет, достойный внимания, вот наш советский Герой, совершивший бескорыстный подвиг, о котором знает только спасаемый им народ! Да правда ли это? Ведь у ненцев, как и у всех народов, много легенд и преданий, основанных на надеждах и вере. Он спросил Василия:

– Когда это было?

Василий махнул рукой:

– Шибко давно. Я ружье в руках не держал, маленький был. Отец с войны пришел.

– Вот с этой, с фашистами?

– Наверно. Медаль видел, Сталин нарисован.

Получается, что эти события происходили уже после войны. Иван рассуждал: если Володя был фельдшером, значит, окончил какое-то учебное заведение. Какое? Медицинские училища были в Тюмени, Ишиме, Тобольске, Ханты-Мансийске, возможно, в Салехарде. Надо срочно с ними списываться и уточнить, куда был направлен на работу этот мальчик. Письма он написал прямо в больнице, сам унес на почту, спросив юную ненку, дойдут ли отсюда письма до адресатов? Девушка улыбнулась:

– Зачем вы сомневаетесь? До Москвы доходят.

– Ну, спасибо, милая.

Первым же пароходом отправился домой. Тоня встретила на пристани, взволнованная и радостная.

– Мы уж тебя совсем потеряли. Слава мне рассказал, назвал поселок, но я ни разу не могла дозвониться. Как все неудачно, пустая поездка.

Иван обнял жену:

– А вот это ты напрасно. Поездка очень даже полезная...

И по дороге домой рассказал все, что ему известно о легендарном Володе-Солнышко.

Где бы ни был, чем бы ни занимался – ждал письмо то единственное, которое позволит начать поиск. Ответы прислали несколько училищ, но ни в одном не было сведений о молодом человеке по имени Володя, учившемся во время Великой Отечественной войны. Иван места себе не находил, Тоня его успокаивала, а потом спросила:

– Если он работал на Ямале, в окружном здравотделе должны быть сведения о нем.

Иван поцеловал жену:

– Какая ты умница!

И побежал в облздравотдел, к своему доброму знакомому, фронтовому доктору Юрию Николаевичу Семовских, все-таки самый главный по медицине, поможет. Семовских был изумлен рассказом Ермакова и сразу заказал по телефону Салехард, окружному начальнику кратко изложил суть дела: надо поднять документы 1945-48 годов и найти приказ о приеме на работу и на какой участок фельдшера Владимира.

– А фамилия? – уточнил коллега.

– Послушай, дорогой, если бы я знал, назвал бы без твоего вопроса. Подними всех, надо срочно найти.

И уже к Ермакову:

– Водки не предлагаю, коньяк тоже. Чай?

– Ничего не надо, Юрий Николаевич.

– Давай без церемоний. Ты когда напишешь про моего коллегу из Ахманки? Достойнейший мужик! Я про Яковлева.

– Винюсь, все собраться не могу. А Евдокимом Яковлевичем восхищен. Сам видел, как офицеры посылки набивали немецким реквизированным барахлом, а этот слал домой инструменты медицинские, аппараты, лекарства. Обязательно напишу, не стыди меня больше.

И длинный-длинный междугородний звонок. Семовских схватил трубку:

– Салехард? Диктуй!

И что-то записал своим совершенно неразборчивым врачебным почерком. Поблагодарил, положил трубку, с улыбкой глянул на Ивана:

– Запоминай, если на память надеешься, а то я карандаш дам. Владимир Павлович Солдатов, родился 15 ноября 1930 года. Окончил Тобольскую фельдшерско-акушерскую школу в 1947 году, попросился на работу в районы Крайнего Севера, 1 сентября того же года назначен заведующим фельдшерским пунктом колхоза имени Кирова, расположенного на мысе Вануйто. Уволен в связи со смертью 3 февраля 1948 года. Все.

Иван быстро все записал, поднялся со стула:

– Спасибо, Юрий Николаевич, теперь я знаю, что делать.

Утром после разговора с Лагуновым, который горячо поддержал идею товарища, Ермаков оформил командировку пока до Тобольска, но денег в подотчет у Зины попросил много, потому что в любом случае надо было лететь в Салехард. В Тобольске райком партии дает машину до Карачино, родины Владимира. Близких никого нет, отец Павел Дмитриевич умер, когда Володе было только двенадцать лет, и он, рыбак и охотник, стал кормильцем семьи в те голодные годы. Мама Александра Яковлевна скончалась совсем недавно. Но Володю односельчане помнят.

– Работящий. Не полежит, бывалочи.

– Все в больницу играл, врачом себя видел

– В деревне его звали маленьким охотником.

Невелика информация, а все же следок обозначился, на хорошего человека вывела его судьба. Из Тобольска улетел в Ханты-Мансийск, оттуда на Салехард. Под крылом такие картинки, что глаз не оторвешь: по Оби тянулся в обе стороны караваны барж и теплоходов, кустами, словно грибы, выросли буровые, зеленая тайга начинает уступать место болотистой тундре. Ермаков не слышит голосов восхищения, он видит Володю Солдатова, юного Гиппократа в белом, как зимняя тундра, халате, спрашивает его о работе, о ненцах, о тундре. Володя улыбается и молчит. Объявляют посадку, и все видения уходят, оставляя писателю простор для поисков.

В окружном отделе ему повторили уже известную информацию, сказали, что главный врач из Пуйково вышел на пенсию и уехал куда-то под Ленинград. Это он направил Володю в колхоз, советы давал по рации. На второй день писателя отправили в колхоз имени Кирова, на Кутопьюганский рыбоучасток. Двадцать лет прошло, многие помнят лекаря Володю-Хаерако.

Сидят кружком мужики, старые рыбаки, охотники, с холодными лицами, кажется, лишенными страстей. Но заговорил Ермаков, и потеплели глаза, потянулись за трубками, дым струйками вознесся к небу. Говорили по очереди, кто что помнил.

– Приехал в сентябре, совсем холодно было. Мыться заставлял, потом вши ловить.

– Печку поставили, бочку, туда бросают одежа, костер разводят. Вши жарили. Володя пугал, что вошь – самый страшный зверь.

– Потом болезнь пришла. Человек горит-горит, и совсем тухнет. Володя ездил по стойбищам, заходил в чумы.

– Люди умирали каждый день. Много.

Ермаков выбрал момент:

– Хаерако, солнышко. Кто так назвал его? Почему?

– Василий Езынги был, сильно болел, сознание уходило. Приехал лекарь, в белом халате, Василий открыл глаза: «Хаерако! Хаерако!». Это солнышко по-нашему. Вот так и стали звать «Володя-Солнышко».

Общими воспоминаниями восстановили картину того страшного января 1948 года. В разных местах заболели люди, даже крепких охотников валило с ног. Высокая температура и внезапное падение, боли в мышцах, увеличение внутренних органов, желтушное окрашивание кожи. Молодой специалист метался: грипп, инфекционная желтуха? Ничто не помогало, люди умирали один за другим. Наконец, в очередной радиосвязи с главным врачом Пуйковской больницы Эрихом Владимировичем Линде ситуация проясняется: по полученным из Тюмени результатам анализов диагноз страшный – возвратный тиф. Его не было в этих краях сорок лет. И вот вернулся. Линде дает советы и успокаивает: «Потерпите немного, помощь идет из Тюмени и из Москвы. Высылаю вакцину».

Фельдшер Солдатов на нартах едет на стойбища, ставит уколы, настаивает на прожарке всей одежды и обязательной горячей бане для здоровых. Предубеждения с трудом, но ломаются. У прожарки уже очередь. Владимир чувствует, что заразился, но вида не подает, продолжает работать. Из Пуйково выезжает доктор Линде. Опоздал. Или серые олешки медленно бежали?

Трое суток здоровые мужики били могилу Володе на мысе Вануйто. Писатель подошел к начальнику участка Соколовскому:

– Есть кто на мысе Вануйто?

– Никого.

– Как далеко до него?

– Водой – три часа ходу.

Иван садится в бударку Александра Пандо. Три часа ходу. Три часа волнения и ожидания. Рулевой показывает на берег: гребень увала круто спускается к озерам Хасрю и Хаммойсо. В тесном окружении полярных березок одиноко спрятался тоненький столбик, по грудь высотой, сверху заострен. Пандо говорит, что звездочку приколачивали, но ветры сорвали. Все-таки двадцать лет...

Ермаков взял прихваченный с собой топор, подрубил березку, обтесал дощечкой, уцелевшими полуржавыми гвоздями зажал эту дощечку, на влажном затесе комелька написал химическим карандашом:

«Володя Солдатов». Все, можно возвращаться домой. Попрощался с могилой Хаерако-Володи, с новыми друзьями, и на Салехард. В самолете все события выстроились в тот ряд, который нужен был ему для очерка. Оставалось сесть за стол и записать все, что в душе и на сердце.

Очерк он читал студентам Тобольского медицинского училища. Напряженная тишина в зале. Читал сдержанно, чтобы не сорваться. Когда закончил, все встали, гром аплодисментов потряс зал. И на излете уже тонкий девичий голос:

– Присвоить училищу имя Володи Солдатова!

Какой гром породила эта тоненькая молния! Ермаков уже не мог сдержать слез...

В апреле 1969 года Ермакову позвонил Щербина:

– Иван Михайлович, спешу вас поздравить и поблагодарить, мне только что сообщили: Тобольскому медицинскому училищу присвоено имя вашего героя. Так, минутку, я по тексту: «...и впредь именовать его – Тобольское медицинское училище имени Володи Солдатова». Спасибо вам, дорогой Иван Михайлович, вы не просто написали хороший очерк, вы совершили гражданский подвиг. Желаю вам дальнейших успехов.

– Спасибо, Борис Евдокимович!

К 50-летию Ленинского комсомола на мысе Вануйто силами ямальской молодежи был установлен пятиметровый обелиск со словами «Сыну ВЛКСМ Володе Солдатову – рыцарю в белом халате, отдавшему жизнь, не выпуская из слабеющих рук сумки с красным крестом».

11.

Среди недели Ермаков выбирал один день и с утра шел в отделение Союза писателей, как на работу. Зина встречала его с улыбкой, предлагала чай и тут же выкладывала папку с рукописями, принесенными или присланными по почте. Молодежь ждала мнения старших. Опытным глазом Иван Михайлович просматривал тексты, что-то откладывал, что-то оставлял в Зининой папке. Так постепенно накапливались материалы для очередного совещания-семинара начинающих авторов, который проводили среди зимы в два, а то и в три дня. Лагунов средств не жалел, приглашали рецензентов из Свердловска и даже из столицы.

Так в руки Ермакова попала рукопись студентки тюменского индустриального института Анны Неркаги. Большой знаток и ценитель слова, как единственного строительного материала писателя, Ерма-

ков сразу увидел, скорее – почувствовал самобытность этого еще неровного письма, за которым просматривался талант видеть жизнь своими глазами. Кое-что знавший о жизни и быте ненецкого народа, Иван Михайлович читал рукопись и устыдился того, что он для себя выдавал за знание, настолько сочными, красочными и неожиданными были описания тундры, детских забав северных ребятишек, стойбищ и кочевий ее родителей и соседей.

Дождавшись Лагунова, он передал ему рукопись:

– Константин Яковлевич, здесь нужен твой авторитет. Девчонка, безусловно, талантлива, и надо с ней работать.

Произведение Анны обсудили на семинаре, говорили много хороших слов этой маленькой девочке, которая молча выслушивала всех. Лагунов сказал, что после доработки будет рекомендовать книгу одному из московских издательств. Книга «Анико из рода Ного» вышла в «Молодой Гвардии» в 1977 году, Ермаков уже не мог видеть ее.

– Одного опасаюсь, – сказал он после того семинара: – Отрыв от родной земли может порвать пуповину, связывающую ее со своим народом, а без этого она не сможет писать. Город – враг писателю, который живет словом своего народа, он сушит, он выхолащивает все нежное и самобытное. Но будем верить, что Анна этого избежит.

Так получилось, что девушка вскоре вернулась в родную тундру и написала несколько книг, признанных лучшими работами о северном крае.

Ермаков отказывался участвовать в публичных акциях осуждения Солженицына, но он был русским, советским писателем и гражданином, потому воспринимал жизнь такою, какой она была, и «Один день Ивана Денисовича» не воспринял. Как не принимал издаваемые «самиздатом» другие писания этого автора. Поэтому ничего странного не было в том, что на очередной семинар молодых он попросил приехать Василия Матушкина, одного из рязанских писателей, только что исключивших Солженицына из Союза. Лагунов хотел возразить, но Иван Михайлович ответил:

– Костя, мы же не политикой тут занимаемся, а литературой. А у Матушкина огромный опыт работы с молодыми.

В ходе семинара прозы, который вел Матушкин вместе с Ермаковым, много добрых слов было адресовано рассказам журналиста Анатолия Савельева, Юрия Надточия. Ермакова заинтересовал небольшой рассказ казанского земляка Николая Клюева «Проводины», описание проводов парней в Советскую Армию в одном из сел:

– Я бы тебе, земляк, посоветовал: сделай несколько вот таких «ритуальных», что ли, рассказов: свадьба, школьный выпускной, похороны, наконец, без натурализма, а с психологией. А в этом рассказе у тебя хорошо про уху из молоденьких окуньков. Вкусно!

Лагунов поддержал и даже рекомендовал Клюева для поступления в Литературный институт. Так вот этот землячок прислал Ермакову письмо, в котором сетовал, что на семинаре по текущей советской литературе он пытался рассказать об Иване Михайловиче и его «Богине в шинели» и других книгах. Реакция студентов была странной, во-первых, все решили, что Ермаков, да еще Иван – это псевдоним какого-то Пупкина, а историю спасения статуи греческой богини при бегстве пленных из концлагеря вообще высмеяли.

«И я понял свою ошибку, – писал Ермакову студент. – Ваши сказы надо читать целиком, вырванные из ткани всего произведения, фрагменты не воспринимаются. Потому на следующую сессию я привез все ваши книги, ребята читали и восхищались вашим стилем и языком. Я буду писать курсовую работу по вашему творчеству, потому прошу ответить на вопрос, где вы берете такие слова, совсем забытые, и они у вас оживают? Истории тоже от кого-то слышали или сами придумываете?».

Ермаков улыбнулся: хороший парнишка, надо написать.

И написал: «Вообще-то я всех вопрошающих отсылаю к своим произведениям, там ищите ответ, и он там есть. Но тебе, как земляку, отвечу: слова эти народные, вернее – русские – внутри меня, и, когда их зовет строка, чувство, они выходят из строя – два шага вперед! – и дают себя опробовать на вкус, на запах и на современность».

Ермаков не любил разговоров об особенностях своей творческой работы, а если при нем возникали – одергивал. После очередной поездки на Север и встреч с читателями в «Тюменской правде» появился новый сказ Ивана, да еще в трех номерах. Владислав Николаев, один из близких друзей, возмутился:

– Иван, ну, совесть надо иметь! В одних залах были, с одними людьми встречались, одну водку пили, наконец, – у нас четверых только похмелье, у тебя сказ. Как?

Ермаков улыбался:

– Влад, не только глазами смотри, не только ушами слушай, а еще и сердцем.

Николаев махнул рукой:

– Мне этого не понять!

Товарищи замечали и тоже интересовались таким приемом: на встречах писатель начинал рассказывать какую-то историю, о которой никогда раньше не вспоминал. Слушали, смеялись, сострадали. А потом в очередной книжке эта история в основе нового сказа. Опять Ермаков улыбается: на слушателях проверял, как будет восприниматься, на слушателях оттачивал слог и слово, чтобы меньше править на бумаге. Практика уникальная, и владел этой способностью Ермаков в совершенстве.

12.

На автобусной остановке увидел знакомого мужчину, тронул за плечо:

– Здорово, Василий.

Тот обернулся:

– Иван! Здравствуй, дорогой, сто лет не виделись.

Ермаков возразил:

– Не сто, а семь с половиной лет, это точно. Ты возмужал, солидный стал.

Василий махнул рукой:

– Какая солидность, Ваня, совхозный парторг, целые сутки будь на ногах, и все равно плохой.

Ермаков засмеялся:

– Ты не горячись, для меня каждый, кто в галстуке, солидный человек, начальник.

Товарищ погрозил пальцем:

– Э-э-э, Ермаков, не любишь ты партию.

Иван посерьезнел, указал на ресторан на углу:

– Пойдем, посидим в спокойной обстановке, не на тротуаре же разговаривать.

Пошли, сели в дальний угол, заказали графинчик, салатики. По первой выпили молча, чокнувшись. Ермаков продолжил прерванный разговор:

– Вот ты о партии. Всяко было, друг мой Вася Ляпин, и любил, и не любил. Точнее сказать, я отдельных функционеров в партии не люблю. Вот человек партийную школу окончил, кроме «Муму» ничего не читал, а его направляют на собрание писателей. У нас разговор бывает и с матерками, хотя Лагунов интеллигент, одергивает, а этот хлюст сидит, записывает. У нас в филармонии оркестр сдает программу, в первом ряду сидит инструктор обкома, у него образование, как у тебя, зоотехник.

– Агроном, – поправил Ляпин.

– Вот дирижер сделал палочкой завихрение, оркестр замолк, директор к инструктору: «Ваше мнение, Иван Петрович?».

Ивану Петровичу следовало бы сказать: «Ребята, нихрена я в вашей музыке не понимаю, вы лучше знаете, что и как, ну и шпарьте!». Нет, он глубокомысленно поднимает палец: «Вот в начале что-то трубы слишком громко, потом ни к месту засвистел кто-то, а в конце товарищ с дисками так ими хлопнул, что я даже вздрогнул. Нельзя же так». Дирижер не выдержал: «Вы меня, пожалуйста, извините, но в оркестре у каждого музыканта своя партия!». Инструктор аж подпрыгнул: «Что за глупости, у нас в стране для всех одна партия!». Что, не смешно?

Василий серьезно на него посмотрел:

– Ты бы, Ваня, с такими байками поосторожней. Я понимаю, что все это слова, когда потребовалось, мы с тобой за энурез не прятались, а шли в бой, и коммунисты, и беспартийные. Было?

– Согласен. Ты ведь не знаешь, я на фронте после первых боев в партию вступил, кандидатский прошел, партбилет выдали. До сих пор помню, какой комок в горле держал: под знаменем полка, все ребята в строю, моя рота как на парад, аж пуговички блестят. А через три дня снег выпал, потом мороз, мы в болотах между станциями Концы и Шум. Приказ по дивизии: передовые части одеть в полушубки и выдать валенки. И мне в роту, а стоим мы в полукилометре от немецкой линии обороны, а мне привозит интендант, капитан, морду отъел, хоть прикуривай, привозит бушлаты б/у, понимаешь? У меня ребята на кочках спят, вокруг ни деревца, ни кустика. Я этого капитана за шкварник, а он мне с улыбочкой: «Вашими полушубками поинтересуйтесь у майора Шумейко». Был такой по снабжению в дивизии. Я того майора искать не стал, а капитану от всей своей потрепанной души врезал. Много там насчитали, и зубы, и челюсть, и скулу своротил. Молодой был, двадцать лет. И понеслась! Арест, трибунал, из партии исключили, от трибунала батальонный комиссар спас, спасибо ему, хороший был старик, из учителей. А звания лишили, с должности сняли. И самое смешное: через неделю вручают мне орден Красной Звезды и звание восстанавливают. Вот такая она, война. Ладно обо мне. Ты где и как?

– В Маслянском совхозе парторг, двое детей, работы за глаза. Орденов не дают, только выговора.

Иван оживился:

– Василий, а ты помнишь, как мы встречали в Менжинском со-

вхозе первого орденоносца, Ирину Никифоровну Иванову, орден ей вручали в Москве.

– Это какой год, напомни.

– Э-э-э, память! 1934. Всем совхозом вышли ей навстречу, и мы, школьники, с оркестром! Вот были времена!

Ляпин засмеялся:

– Иван, ты не поверишь, у меня в совхозе есть Вознесенская ферма, так три доярки одним указом награждены орденами Ленина, а управляющий получил Героя.

Ермаков выпил рюмку, занюхал хлебушком:

– А не круто загибашь, дружок, не отломится?

– Не веришь – как хочешь, не стану же я врать.

Выпили еще по рюмке, и Иван проводил друга на поезд. Пока ехал в автобусе, все думал про тех доярочек, что награждены самым высоким орденом. С одной фермы? А управляющий – Герой Труда? Он улыбнулся: загибает Вася Ляпин, он всегда любил прихвастнуть, а тут выпил сто грамм и понес вплоть до Кремля.

Утром позвонил Лагунов:

– Чем занят, Иван Михайлович?

– Пока чай пью, Константин Яковлевич! Садись со мной.

– Хорошо мы с тобой обменялись. Нет, я серьезно: что пишешь?

Иван пожал плечами, словно Лагунов мог видеть его жест.

– Если обстановка позволяет оторваться от стола на недельку, приезжай, обсудим, только до обеда, Зины потом не будет, дела у нее личные.

Иван приехал, по-отцовски обнял Зину, прошел в кабинет Лагунова.

– Есть предложение поехать в Сладково, там на одной ферме...

– Три доярки получили по ордену Ленина, а управляющий – Золотую Звезду.

Лагунов засмеялся:

– Ты уже в курсе?

– Какой курс! – Возмутился Ермаков. – Да такого в жизни не бывало: одним указом?

Лагунов развел руки:

– Оказывается, бывает. И вот случилось, и ты должен написать прекрасный очерк об этом коллективе и о его героях.

Иван чувствовал себя не совсем удобно: факт, оказывается, общеизвестный, а он не верил. В Сладково он бывал, тем более, что Маслянский совхоз совсем недалеко от Менжинского и Челюскинцев, его родины.

– Поеду с удовольствием. Говоришь, неделя?

– Иван, и без фокусов, я знаю крестьянское гостеприимство. Этот очерк под контролем Щербины, имей в виду, он тебя ценит.

– Спасибо ему. А я что-то не понял, ты про какие фокусы с гостеприимством?

– Все! – Вспыхнул Лагунов, он не очень любил подобные шутки. – Оформляй командировку и в путь.

Путь известный: до Маслянки поездом, а там директор совхоза уже предупрежден, на своей машине встретил, и прямо в Вознесенку, к дому управляющего. Дал сигнал, но вышел не сам Петр Андреевич, а старый Гурушкин, отец.

– Ну, с этим я вас оставлю без опасений, гостеприимен и разговорчив.

Иван поблагодарил, вышел из машины и сразу попал в руки добродушного старика:

– Писательское ремесло – оно завсегда было в почете. Возьми тех ребят, что со Христом бродили по Галилеям да Ерусалимам, Христа распнули, они за стол и книжечки сочинили, чем вошли в историю. Я, правда, не шибко верующий, но, когда прижмет или гром грянет, бога вспоминаю. Давай знакомиться, меня Андреем Никитичем зови, отцом довожусь знатному Герою.

– А я Иван, если официально – то Михайлович.

Старик захлопотал:

– Знамо дело, что по отечеству, особенно при бабах. Это такая порода, что чуть слабину дал – непременно на колени сядут, если не на шею. Пошли в дом, там уж все на мази.

«На мази» была бутылка водки, жаровня баранины, рыбный пирог с карасем размером в кепку, грузди, огурцы, капуста – все в отдельных тарелочках.

– Не обессудь, дорогой мой, сноха на работе, стол сам севрировал. Вот ложка, вот вилка, в один секунд суп изыму из печи, ты, поди, сроду не едал суп или шти из русской печки? А на плитке електрической, прости старика, только малым щенятам варить.

Ивану не хотелось перебивать примечательную речь хозяина, но пришлось уточнить:

– Я, Андрей Никитич, деревенский родом, и деревня моя Михайловка в Челюскинском совхозе.

– Тогда вовсе мило. Бутылочку открой, надо по пятьдесят грамм перед каждым аппетитом. Тогда организьм работает, как кремлевские куранты.

– Как это?

– Как? У меня, к предмету, то в сердце каждый час отбиват, то в животе гимны заиграют. А ты молодой, тебе можно. Воевал? Было? Мой тоже...

Хозяин рюмку поднял, тост сказал за мир и дружбу между народов, закусили груздочками. Тут и хозяин вошел:

– Здравствуйте, Иван Михайлович.

– Здравствуйте, Петр Андреич.

– Да вы что, ребята? – Возмутился Андрей Никитич. – Одногодки, фронтовики, и с чего навеличивать? Проще надо, душевней.

– Обожди, отец, – крикнул Петр Андреич, фыркая под умывальником. – Вот по рюмке примем, тогда и на ты перейдем, и на имена.

После обеда Петр предложил:

– Отдохни с дороги, в поезде какой сон? А вечером я тебя с доярочками познакомлю. Отец, ты парню поспать не мешай.

Андрей Никитич возмутился:

– Ты кого учишь, зеленая поросля? Ишь, Героем стал – совсем отца не признает.

Петр засмеялся:

– Ну, все, понеслась. Не сыпать тебе, товарищ писатель.

Прав оказался Петр, только Иван задремал на диване, дверь приоткрылась и Андрей Никитич тихо спросил:

– Не спишь, Ваньша?

Иван встал:

– Да, что-то не спится.

– А оно завсегда на новом месте этак. Вот ты приехал про доярок да про Петьку писать, про коров и молоко наше. Дийствительно, достойно, потому как только ученые в Тюмени больше наших девок доят, но ты же понимашь, наука, там заместо молока столько намешано, чтобы первое место урвать. А наше молочко – вечером надоили, утром полбанки сметаны. Ей богу, не вру. Бывалочи, старуха отправит трехлитровую банку со сметаной Петьке в Тюмень, когда учился, а привезут туда масло. Мы же из переселенцев, по столыпинской команде рванули в Сибирь. Я совсем мал был, а помню. Всякий народишко ехал. Кто от нужды, кто за легкой жизнью. И помню, стоим мы на станции, долго стоим, а лето, народ из вагонов вывалился, ноги разминают, шляются повдоль поезда, а кто и на траву прилег, от земли силы взять. И сидит на чурочке бабочка, худая, как мучельница с иконы, а сосет ее грудь здоровый ребенок, чуть разве помладше меня.

Народ дивится, а переселенческий начальник подошел, ткнул его тростью и говорит: «Ты же мать довел до полусвятого состояния, переходи на коровье молоко». А тот сломок от титьки оторвался и пробасил: «Да бескоровные мы!». Начальник чуть в обморок не брякнулся, а народ ухохатывается.

Иван за блокнот: прекрасная байка!

А Петра Никитича уже понесло:

– Ты про Колчака слышал, как он в наших краях витийствовал? Сатана, а не адмирал. Красные прут с Маслянки, а он мобилизовал всех мужиков наших и хантиновских, из соседней деревни, вооружил вилами трехрожковыми и погнал на пулеметы. Красные ребята видят такую картину, стрелять перестали, а колчаковцы за нашими спинами. Ково делать? И тут кто-то из наших как крикнет: «Ребята, разбегайся в разные стороны!». Мы вилы побросали и врезали, аж пимы слетают. Тебе, Ваньша, будут говорить, что это кто-то хантиновский крикнул – не верь, только наш! Сорвал наш тактический маневр колчаковскую атаку, и пусть хантиновцы к этой маневре не примазываются. Наш человек крикнул, и мы побежали первыми!

«Пожалуй, единственный в военной истории случай, когда оспаривается, кто первым побежал с поля боя», – с улыбкой подумал Ермаков.

Вернулись с работы Петр и жена его, Петр сказал, что сегодня встреча с коллективом не состоится, доярки отругали управляющего: не предупредил о госте, взяли сегодняшний вечер для наведения порядка. Ермаков успокоил: у него много вопросов к самому начальнику.

После ужина остались на кухне вдвоем. Иван достал блокнот. Гурушкин опередил вопрос:

– Вот ты давечь начальником меня назвал. Я уж не два ли десятка лет в таких начальниках, слыхал, поди, про среднее звено в руководстве. Вот оно самое что ни на есть среднее, между рабочим классом и настоящим начальством, а это как между молотом и наковальней. Ближе тебя у человека власти нет, все к тебе, а все ли ты можешь? Вот и получается: не можешь сделать, так хоть пообещай, а пообещал – выполни.

– Петр, двадцать лет – это срок. Что самое трудное для тебя в работе?

Управляющий задумался, раньше такое и в голову не приходило:

– Трудно отказывать человеку в его просьбе. Ну, не в твоих это силах! А как сказать? И так, чтобы человек не обиделся, не обозлился. А ты на другой день падаешь на попутную машину и в Маслянку, к директору, доказываешь ему, что надо человеку помочь, иначе потеряем хорошего работника. Вот так, между молотом и наковальней.

Эту фразу Ермаков жирно вывел в блокноте. Потом вокруг нее родится целая философия руководителя среднего звена.

– Ты где воевал? – спросил писатель.

– В концлагере, – ответил Гурушкин.

– Во как! – не сдержался Ермаков.

– А вот так. Собрали нас, салажат, в эшелон и на фронт. А он целой эскадрильей налетел, в пух и прах нас разбомбил, потом и танки подошли. Живых собрали, раненых добили, в колонну построили и на запад. Не смерти боялся, а неизвестности. Лежишь, бывало, на нарах, спать бы надо, а в глазах родная Вознесенка, каждый домик осмотрю, каждый кустик потрогаю, отца-мать увижу, слезами обольюсь: родная моя земля, целовал бы и ел траву твою, подорожничек, колышком встал бы в твою поскотину, зернышком пал бы под лапки твоих голубей! Когда освободили, ты фронтовик, поймешь: ни разу головы не пригнул, ни разу в воронку не прыгнул при взрыве. Не смерти хотел, а оправдания своей неловкости, нелепого плена, перед собой оправдания. Вернулся победителем, но от народа не скроешь, что в плену был, и воспитание какое было, тоже знаешь. Тяжко в глаза глядеть, кто не дождался своего сына или мужа, тяжко рядом с изувеченными, все равно были у них думы, что я в плену отсиделся. А я на фронте в партию вступил, приехал в райком и прошу меня отпустить в город, где никто про мой позор не знает. Секретарь райкома сам фронтовик, успокаивает, что дело мое проверено, претензий нет, надо привыкать. Толковый был секретарь, с понятием. Через месяц привезли в деревню кино документальное про концлагеря, после фильма зажгли лампы и вперед вышел военком. Сказал, сколько наших попало в плен, сколько там погибло, и только малая часть чудом выжила, в том числе и ваш земляк Гурушкин Петр Андреевич. После освобождения воевал отменно, награжден боевыми медалями. Родина к гражданину Гурушкину претензий не имеет. Вот тогда я впервые вздохнул полной грудью.

– Фронт не забывается, а плен тем более. Что-то напоминает? Люди, кино, встречи? – осторожно спросил писатель.

– Песни напоминают. Помнишь: «Я вернусь к тебе, Россия!» – толи грозится, толи клянется здоровый детина. А я думаю: «Что ты такое городишь? Да слова эти, коли чаша не минет, тихим шепотом надо, через окровавленный рот!». Или придумали: «И только крепче выходила из огня суровая доверчивая Русь!». Может, хватит доверчивой? Я хочу бдительную, чтобы меч на замахе, чтобы все слышала и

видела, чтобы не только мышь – микроб не проскользнул! Вы, писатели и поэты, за песнями последите, их сыновьям нашим петь. – И добавил после длительного молчаний. – Есть у меня чувство, что не в тот век умиляемся.

Далеко за полночь. В уютной кухоньке деревенского дома сидят два фронтовика, два ровесника, воспоминания, и несть им числа.

Сутки взяли мнительные хозяюшки на наведение парадного блеска, все-таки книжку про них приехал писатель сочинять, никак нельзя лицом в грязь, ни в прямом, ни в переносном смысле. День пробалагурили с Андреем Никитичем, второй блокнот исписал Ермаков его присказками да приговорками. Ну, кто бы другой намекнул ему, что кончиком волоса можно заткнуть на карте Вознесенку – ан не заткнешь, три ордена Ленина в одну деревню. «Да тут бы любому городишке литаврами бить, в фанфары дуть... А у нас – тридцать дворов. Петух петуха кумом зовет».

Вечером на лошадином транспорте управляющего прибыли на ферму, с таким расчетом, что доярки молоко сдали и посуду в порядок привели. Вошли в красный уголок, и ахнули: сидят «молочные нянюшки» в нарядных обновах, стол ломится от деревенской еды и закуски, а лица такие, что хоть с каждой Мадонну пиши. Смутился Иван, но хозяйки за стол усадили, по граненому стаканчику налили. Встал Гурушкин, представил гостя, потом поименно назвал всех доярок и скотников. Иван едва успевал записывать: Лидия Добрачева, Надежда Новикова, Раиса Добрачева, Лидия Блясина, Валентина Двойникова. Подряд называет, никого не выделяет, хитрый и умный, бестия! Только на другой день дома Ермаков записал орденоносцев: Валентина Двойникова, Валентина Леонова, Надежда Новикова. А вечером Петр заглянул в блокнот:

– Ну, Иван, у тебя и почерк! Ты буквы-то не выводишь, ты их пером, как лемехом, выпахиваешь.

Иван согласился: почерк грубоватый, наверное, от натуры идет.

Поют женщины проголосные песни, голоса красивые, лица улыбчивые, радостные, смотрит писатель, пытается угадать, которые из них орденоноски. Не получается. Толкнул в бок управляющего, а тот смеется.

– А у нас так заведено: горе ли радость – на всех. Так и награды.

– И зависти нет?

– Не понял я тебя, ты про какую зависть?

Иван пометил себе в блокноте: есть ли где другой такой мир, где бы вот так жили и работали одной дружной семьей?

А стол бушевал. Уже привезли из деревни гармониста, уже столы сдвинули к стенке, пошли женщины в пляс, сначала степенно и размеренно, как бы «с выходом», а потом все смелее, задорнее, с частушкой. Сняли с печи прихворнувшего вечного пастуха Плакидина Артема Ивановича, привезли – как без него? И прошлась перцовочка по жилкам, ожил пастух, и тоже в меру позволявшего ему ревматизма, притопывал на кругу. Напелись, наплясались, гостям дорогим «на посошок» налили, и посуду прибирать. Завтра – рабочий день.

Наслушался за этим столом в дневные перерывы рассказов о нелегкой, не простой, но радостной жизни своих будущих героинь. У каждой семья, мужья, дети. У каждой своя группа коров, к которым привыкают, как к родным, а когда начинается выбраковка, и вчерашних Милок, Зорек и Незабудок грузили в машины для отправки на мясокомбинат, убегали доярки, стыдились последнего прощального взгляда своих любимиц и плакали в темных углах фермы. А потом все начиналось с начала.

Прощание. Разводит руками писатель: кончилась командировка, надо ехать, редактор вчера грозился. Жмут в смущении руку, приглашают в гости.

В поезде Ермаков еще раз мысленно прошелся по записям, вспомнил разговоры. Очерк складывался, но он чувствовал, что чего-то не хватает. Чего? Лирики? Найдет. Романтики? Добавит. Но он же приехал написать о великих труженицах, и не просто очерк, тогда какой ты к черту писатель? Гимн надо написать, так прославить простую труженицу, чтобы у читателя мурашки по спине. Ну, Ваня, напряги свой нерв, раздразни сознание, вызови из народной кладовой самые чистые слова.

Он схватил тетрадку и быстро начал писать своим пахотным почерком: «Найдите в городах квартиру, где не прописалась бы бутылка с широким горлышком, найдите в деревнях погребок, где не стояли бы холодные, отпотевшие криночки. Да что погребок, квартира? Рюкзак геолога, погранзастава, Антарктида, ракетное отшельничество, кругосветные подводные лодки, космические корабли — в порошке, в тубах, сгущенкой ли – но никуда ты, сын и дитя Земли, никуда ты без нее, без здоровой и сладкой капельки. От первых двух «заячьих» зубок и до угасающего невнятного шепота, от мощных воскрылений гения и до последнего рукопожатия дарит человеку свою крепь молоко.

Самый жизнерадостный лучик солнца, благословенную неизбывную силу земли, тугой накат наших мускулов, упругое витье наших жил, недробимый мосол широкой русской косточки, хмель первого

поцелуя, позывные творчества, восторженный вопль стадиона – сказку, подвиг, песню, открытие века несет она в своем подойнике, молочная наша нянюшка, в просторечии – доярка.

На высокие мраморные постаменты взнесены наши Герои и Полководцы, Мудрецы и Первопроходцы, Поэты и Космонавты.

Разыщем же и для Нее пьедестал. Пусть стоит Она с криночкой, из которой испили живые и бронзовые».

13.

На каждой встрече с читателями, на представлениях его новых книг всегда возникал читательский интерес к природе его литературного языка. Ермаков не очень любил такие дискуссии, но, коли есть вопрос, отвечать надо.

– Думаю, народность языка, его насыщенность диалектизмами вызваны жанром сказа. Не может мой герой говорить языком телевизора. У меня всегда или почти всегда есть герой, который ведет повествование, либо за героем скрывается сам автор, который тоже ведет повествование, но исключительно на основе разговорного языка сибирской деревни. Этому нельзя научиться по словарю Владимира Ивановича Даля, да доброй трети слов из моих сказов у него просто нет. Признаюсь, возьму грех на душу: если мне не хватает запаса слов в моем хранилище, я изобретаю слово, но на народной основе, искусственное – оно в контексте становится своим, родным и, главное, понятным читателю.

Я очень благодарен своим землякам, жителям маленькой деревеньки Михайловки, они говорили на хорошем русском языке, и я его узнал. Я благодарен моей маме Нине Михайловне, которая от бабушки еще помнила много сказок, бывальщин, побасенок, и я это все впитывал.

Есть у меня небольшой сказ «Кузнецы», сказ небольшой, но вывод в нем знаковый. Я вот прочту концовочку:

«У меня материал – слово. Не согретое в горне души, оно – как холодное железо: шершавое, упрямое, неподатливое. Не тронь холодное – один звон. Но если вдруг слово засветится, если почувствуешь, что оно горячее, обжигается – не медли! Укладывай его скорее на «наковальню» и бей, заостряй, закаливай, доводи!».

Вот тут уместно поместить, прервав беседу, письменное свидетельство неизвестного автора, сохранившееся в архиве писателя:

«На заре своей туманной юности числился я членом литобъединения при Дворце культуры железнодорожников тогдашнего города

Свердловска. Вел занятия писатель Владислав Николаев, бывший тюменец, переехавший в уральскую столицу. Осенний Свердловск уже затемнил окна, когда в большую комнату, где обсуждались гениальные строки ныне безвестных авторов, вошли двое. Сам Николаев, аккуратный, подтянутый, невысокого роста, и здоровенный мужик в замусоленном пиджаке и помятых брюках. Лицо его напоминало неудачно сколотый булыжник, на котором выделялся размерами и сизым цветом нос.

– Я пригласил на наше занятие писателя-земляка Ивана Ермакова.

Кто-то из молодой поросли запустил смешок. Надо признаться, и я, как ни силился, не мог совместить образ «инженера человеческих душ» с этим грубо сколоченным и неопрятно одетым детиной.

– У Ивана Михайловича издано более десятка книг, его рассказы переведены на немецкий, чешский, болгарский...

– Американский, латинский, – добавил кто-то.

Слова Николаева воспринимались как попытка пошутить, как веселый розыгрыш перед разносом очередного нетленного творения. «Ладно, – подумал каждый из нас, – знаем мы эти переводы». Вдруг потух свет. В кромешной тьме наступило молчание. Кто-то закурил (у нас это было не принято) и шумно вздохнул. Конечно, нарушителем был гость.

– Я прошу не расходиться, – сказал Николаев. – Иван Михайлович нам что-нибудь расскажет.

– Так вот, ребяты, что я вам поведаю, – начал Ермаков. И что-то мгновенно в мире переменилось, что-то произошло с нами. Какая-то настойчивая, властная сила притянула к его негромкому голосу, свежим, родниковой прозрачности, словам. Мы ловили каждый звук, каждую фразу, сбитую крепко, умно, с глубоким смыслом и тонким юмором. Он рассказывал про жизнь, обыкновенную жизнь обычных людей. И столько страданий и радости бытия вмещали судьбы героев его рассказа, столь правдивы и узнаваемы были их характеры, что мы, не в состоянии сдержать свои чувства, хохотали и плакали, благо, темно и не видно слез. Час пролетел, как минута. Дали свет. Мы сидели изумленные, оторопелые, вперившись взглядами в человека, который преподал нам, самоуверенным юнцам, урок писательского мастерства, чистой русской словесности».

Еще одно свидетельство:

«В 1962 году в «Красном знамени» (№№ 97-99) был опубликован сказ И. Ермакова «Берёстышков герб», вошедший в его дебютный

сборник «Богиня в шинели». Предваряя публикацию, газета писала: «Яркими хрусталиками-самоцветами речь-то русская пересыпана. Звонкие да емкие слова хранит в памяти народ. Только не каждому эта серебристая речь в уста дана. Пытливому да прислушливому, до глубин дел людских любопытному. Иван Михайлович Ермаков, наш писатель-сказитель, таков и есть. Каждое слово в его сказах звенит-переливается. А тем для сказов – не занимать. О народе песни пой, не перепоёшь». «Богиня в шинели» – сказ о людях с короткой биографией, но великой судьбой».

– Считаете ли вы Бажова своим учителем?

– В известном смысле – да, считаю. Достаточно того, что использую форму, придуманную Павлом Петровичем – сказ. Но я отказался от сказочности, мистичности Бажова, а пишу о людях, о жизни. Это нетрудно заметить, если читать мои книги. «Петушиные зорьки», «Сказание о Реке и ее Капитане», «Володя-Солнышко», «Голубая стрекозка» – сюжеты взяты из жизни, и люди в них реальные.

– Вот вы пишете о войне. А вы были на фронте?

Иван Михайлович посмотрел на молоденькую девушку, задавшую вопрос. Нет, тут без подвоха, просто начиталась девчонка про романтику на войне, про лейтенантскую любовь, про чемоданы орденов после каждого боя.

– Я на войну попал в вашем примерно возрасте, только восемнадцать исполнилось. Стихи писал, куклы делал, в Омском кукольном театре работал. На войне нет молодых и старых, нет артистов и поэтов, есть только солдаты и командиры. Повезло тебе с командиром, умный, тактику знает, карты читает, как книжки – проживешь на два боя дольше. А попал шалопай, который кроме «Ура!» ничего не знает, загубит взвод и сам погибнет. Я беспартийный, но войну без толковых политработников нам не удалось бы выиграть. Потому я, хоть и князь сибирский, но писатель русский и советский. И терпеть не могу клеветы на мою страну, на мою армию. Сейчас все стали грамотные, подсчитали, что Ленинград можно было сдать немцам, жертв было бы меньше. Что на Курской дуге не надо было идти напролом и заваливать неприятеля трупами. Есть хорошая фраза: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Помните о войне и о погибших, берегите мир.

– Скажите, какой институт вы окончили?

Ермаков горько усмехнулся:

– Не пришлось мне, ребята, поучиться за партой, а пришлось брать

уроки у жизни. Скажу вам, что она суровый преподаватель, у ней нет «уд» или «неуд», у ней жив или нет, вот такой расклад. Меня учили книги. Знайте: писателей много, хороших книг мало. Тогда до созревания ума не мечитесь, читайте русскую классику: Лесков, Пришвин, Гоголь, Грибоедов, Аксаков, Гаршин, Тютчев, Чехов, Тургенев, Мамин-Сибиряк, Шолохов. А потом научитесь выбирать.

Телефон зазвонил ранним воскресным утром, Иван встал с дивана в своей комнате-кабинете, кажется, только уснул, почти до света работал, наскочил на жилку, слово к слову сами клеятся – разве можно в такой момент ручку бросить и запотягиваться? Вот побудка – не кстати. Взял трубку.

– Ермаков? Иван Михайлович.

– Так точно, он.

– Это писатель Астафьев, слышал о таком?

– Не совсем понимаю. Это не шутка? Вы откуда мой телефон взяли?

– Иван Михайлович, со мной справочник Союза писателей, Лагунову звонить не стал, он у вас важный, а тебе решился, потому что знаю: ты фронтовик, мужик деревенский, русский, раннему гостю не откажешь.

Иван понемногу пришел в себя:

– Виктор Петрович, дорогой, спроси, как до магазина «Родничок» доехать, и садись хоть в автобус, хоть в троллейбус. А я на остановке буду ждать.

– Узнаешь?

– Да как не узнать, я твои книги читал и лицо видел. Жду.

Вышел в зал, Тоня уже в халате:

– С днем Победы тебя, мой командир. – И поцеловала в щеку. – Кто это, Ваня?

– Большой человек, Тоня, Астафьев Виктор Петрович, хороший писатель, фронтовик. Готовь хороший завтрак, человек с поезда. Есть там в холодильнике? Ну, и ладно, я одеваюсь и пойду его встречать.

Из автобуса вышел мужчина в коротком плаще, с чемоданчиком, Иван помахал рукой, мужчина широко улыбнулся и шагнул навстречу:

– С днем Победы, Иван Михайлович.

– И тебя с днем Победы, Виктор Петрович.

– Ну, на том и закончим официоз. Надо бы в магазин зайти...

– Не надо, все уже на столе.

Антонина Пантелеевна встретила гостя радушно, хозяин отправил в ванную, подал чистое полотенце. За столом налили по стакан-

чику, выпили за Победу. Смотрели по телевизору парад на Красной площади, поднимали за боевых друзей, за погибших и живых.

– Ты о войне пишешь, Иван?

– Пишу. Сказ «Богиня в шинели» издали года три назад, сейчас вот «Солдатские нескучалки», тут все намешано: и Гражданская, и наша. Но через быт солдат, не через «Ура».

– Молодец. Я это «Ура» тоже не терплю, потому пишу жестокую правду довоенной Сибири, предвоенной. А вот до самой войны дотронуться боюсь. Скажу тебе притчу: жили писатель и разбойник. Писатель книги писал, а разбойник людей убивал и кошельки отнимал. Умерли они оба и попали в ад, но разбойник, отмучившись какой-то срок, был взят на небеса. А писатель все мучается и мучается. Наконец, взмолился Богу: «Да что же это такое, Господи? Разбойник сколько душ загубил, сколько зарезал? А я никого не убивал, не резал, кошельки не отнимал, а все мучаюсь и мучаюсь. Неужели я больше зла принес в мир?». И услышал его Бог, взял его, и полетели они над землею. А на земле – войны, кровь людская рекой льется, города и веси пылают. И крови-то всё больше, и горя-то всё больше, и конца-края бедам не видно. «Вот, смотри, – сказал Бог, – это все от твоих писаний. Они твоих книг начитались. Так кто же больше зла в мир принес, ты или разбойник?». Ну, как оно тебе?

Иван подумал и улыбнулся:

– Интересно, но спорно.

Астафьев махнул рукой:

– Все в этом мире спорно, Иван. Давай-ка пойдем на природу. Есть у тебя невдалеке удобное местечко?

– Найдем. Тоня, заверни стаканчики и что-нибудь закусить.

– Ваня...

– Не беспокойся, я же понимаю: у нас гость.

Поехали к сельхозинституту, на остановке встретили писателя Владислава Николаева и поэта Виктора Козлова, Астафьев, познакомивших, пригласил их в кампанию. Ермаков кивнул на здание:

– Тут в войну лежал Ленин. Слышал?

Астафьев неожиданно спросил:

– Ты член партии?

– Нет. Но Ленина чту. С партийным руководством не дружу, хотя первый ко мне уважительно относится. Я терпеть не могу, когда какой-то клерк пытается мной руководить. В таких случаях говорю: «Ты меня не запрягал, и понукать не смей!».

Расположились на пологом склоне берега Туры. Ермаков на газете выложил Тонино угощение, открыл бутылку. Астафьев смотрел на полноводную Туру, потом с тоской и гордостью заметил:

– Смотрю на воду, а в глазах Енисей. Вот мощь! Часами можно любоваться, и ни одного повтора в узорах. Рек повидал немало, но равной Енисею нет. Иван, налей молодым в честь праздника. Смелей, ребята, без чинов. А тебе, Иван, скажу, что партийность губит писателя. Вот ваш Лагунов. У него на каждой странице по два парторга. Приручен. А теперь попробуй он написать что-нибудь без партии – сразу спохватятся: что это с Лагуновым, куда его понесло?

Иван промолчал, но много позже он вспомнил пророчество Астафьева, когда Костя издал «Ордалию» и получил очень жесткую взбучку в обкоме, ведущий идеолог Смородинсков даже настаивал на официальной партийной оценке. Лагунов с обидой высказывал Ивану: «Прицепились к нивелированию роли партийных руководителей, дескать, не отражена роль партийного руководства в нефтяных делах». Лагунов тогда быстро сделал второй вариант, роман «Больно берег крут», вроде успокоились.

Сидели кружком два писателя-фронтовика и два молодых литератора. Молодежь молча слушала рассказы бывалых о войне, только война в их устах становилась какой-то веселой прогулкой, вперемежку с анекдотами и фронтовыми байками. Они, молодые, так и не поняли, что этим мужикам, еще двадцать лет назад державшим винтовки в руках, ой, как не хотелось возвращаться в страшные реалии войны, потому прикрывались они фронтовым и послевоенным юмором.

Проводив молодежь, Астафьев заговорил о серьезном.

– Живу в Перми, но чувствую: не мое. Хочется быть в коллективе близком по духу, в небольшом, нешумном городке, где и зелень, и воздух. Выбрал Тюмень, созвонился с Лагуновым, он вроде пригласил, но сухо так, официально: «Приезжайте, обсудим». Вот, приехал, позвонил, представился, жена через минуту сказала, что Константин Яковлевич болен и подойти к телефону не может. Тогда и позвонил тебе.

Иван вздрогнул: значит, Костя не захотел встречаться с Астафьевым? А этот из самолюбия сказал, что не хотел ранним утром беспокоить Лагунова. Ермакову было все это очень неприятно, пришлось спасать положение:

– Ты знаешь, Костя слаб здоровьем, может, простудился, бывает. Ты завтра в обком сходи, к Щербине, наш первый, уверен, что тебя знает и примет. А Костя...

Иван догадывался: такой ершистый и уверенно рвущийся в первые писательские ряды Лагунову не очень нужен, у него отлаженный механизм, все любят и уважают, его слово – закон, его оценка – последняя. Зачем ему непредсказуемый Астафьев?

На том разговор и закончили, но сходить к секретарю обкома Виктор Петрович все-таки согласился. Утром встретились на высоком обкомовском крыльце, по писательскому билету дежурный пропустил Астафьева, но через пятнадцать минут он вышел. Иван вопросительно смотрел на товарища: ничего хорошего выражение его лица не обещало.

– Твоего друга Щербины нет на месте, а может соврали, но попал я к секретарю по идеологии. Он выслушал и ответил, что писателей у нас в области своих хватает, а летуны нам не нужны. В общем, расстались друзьями. Тогда, Иван, возвращаюсь в Пермь, а там буду решать. Есть у меня на примете еще одно место: Вологда.

– Лагунову не будешь звонить?

– Нет, Иван, я не на помойке найден, они еще жалеть будут, что не приняли протянутую руку. Так, проводи меня на троллейбус в сторону вокзала. Нет-нет, дальше не надо, возвращайся домой, работай. Пиши, Иван, я ночью свет включил, полистал твои книги. «Богиня» у тебя прекрасна, и вообще манера письма неожиданная, так никто не пишет. Будь здрав, друже.

Два больших русских писателя обнялись в первый и последний раз.

14.

Сразу после двадцатипятилетия Победы Иван Михайлович высказал жене свою заветную мечту.

– Тоня, хочу поехать на места наших боев, пройтись по той земле, где солдаты мои лежат. Душа просит.

Антонина Пантелеевна не возражала, пообещала приготовить подорожников. Иван сел за карты основных сражений Великой Отечественной войны, изучил страницы с описаниями боевых действий Волховского и Ленинградского фронтов, определился, что путь свой начнет с Новгорода, до которого можно доехать поездом. А там видно будет, где автобусом, где на попутках – ему не привыкать.

Билет купили заранее, к поезду подошли за полчаса. Иван смотрел на жену: девятнадцатый год вместе, дочь Светлана и сын Саша, а как будто вчера встретились. Тогда он вот так же с чемоданчиком приехал в Михайловку, она, красивая и недоступная, все-таки пошла

с ним из клуба. Трое парней следом вышли, но ни один не тронул: Иван постарше, да и фронтовик, телом крепок. Отстали.

Иван обнял жену за плечи:

– Я так тебе благодарен, Тоня, за твое терпение, за твою доброту. Не знаю, за что ты меня любишь. Или не любишь? Ладно, без обиды. Я ведь не красавец, грубоват бываю, а ты все со мной. Спасибо тебе.

Антонина посмотрела на мужа:

– Ваня, а ты другого места, кроме перрона железнодорожного, не мог найти для объяснения?

– Мог, Тоня, но время выбрано очень правильно. Вот так я на войну уходил, только не ты меня провожала, так, девчонки деревенские. И сейчас очень похоже. Я ведь снова на войну еду, и опять будут у меня атаки, взрывы, гибель бойцов, их скорые и скорбные похороны. Найду ли их могилы? Поди, сравняло время наши холмики, упали столбики с именами. Но я каждую помню и каждую найду.

Поезд дал сигнал, проводница крикнула:

– Товарищи пассажиры, через минуту отправляемся.

Иван крепко обнял жену, поцеловал в губы, она прикоснулась к его щеке:

– Ваня, только будь аккуратнее. Ты знаешь, о чем я.

– Не переживай, я обещаю. Выезд телеграммой сообщу.

Иван сел у окна, две соседки тоже были на перроне, стали знакомиться:

– Анна Ивановна.

– Мария Петровна.

Иван назвал себя, посмотрел, что женщины ровесницы, спокойней будет ехать.

– Вы в Тюмени сели? Скучно стало на перроне. Лет десять назад можно было любую рыбу купить, вплоть до жареной, а сейчас, как везде, колбаса и батон хлеба.

Иван оказался в роли оправдывающегося:

– Мы ведь тоже заметили, что снабжение города скудеет. Север все забирает. А рыба? Видно, за границу уплывает, там и икру мечет. А вы домой или из дома?

– Домой, в Новгород. А соседка до Москвы. Я родителей проведала в Новосибирске, после института получила распределение, замуж вышла.

– Стало быть, мы с вами будем вместе до Новгорода. Я туда же еду.

– В гости?

Иван подумал:

– Можно и так сказать. Я воевал в тех местах, вот, еду к ребятам, побываю, если доберусь, в тех местах, где мы били и нас били.

На третий день пути в пересадками ранним утром прибыли в Новгород. Анна Ивановна пригласила к себе:

– Что же вы будете по гостиницам, у нас места хватит.

Иван поблагодарил:

– Нет, спасибо, я сразу в военкомат, и в путь.

В военкомате приняли, выслушали, уточнили направления, составили график перемещения из городка в городок, довезли до автовокзала. Начался путь Ермакова в 1943 год. Доехал до Малой Вишеры. Не отрываясь, смотрел в окно: никаких примет войны. В городке опять пошел в военкомат, тут напоили чаем, военком выделил свой вездеход, но прежде сели за карту:

– Попробуйте найти место дислокации вашего подразделения.

Иван всматривался в зеленый фон простой географической карты, хотел сказать, что на топографической сразу бы определил, а тут...

– Наступали мы как бы с северо-востока, повернули на Вишеру километров за двадцать.

– Товарищ комиссар, давайте Вихлянцева пригласим.

– Точно! – Обрадовался военком. – Это наш краевед, он до тонкостей знает историю освобождения и Вишеры, и Новгорода.

Привезли Вихлянцева, довольно молодого человека лет тридцати. Он крепко пожал руку Ермакову, назвался Федором и сразу согласился быть сопровождающим.

– Мы с вами доедем до главного рубежа обороны фашистов, там вы должны сориентироваться.

Военком торопил:

– Иван Михайлович, время одиннадцать часов, пора ехать.

На десятом километре по команде Вихлянцева свернули с тракта и поехали луговой дорогой, Федор скомандовал остановку на небольшом бугорке. Вышли из машины.

– Вот, Иван Михайлович, смотрите, это окопы немцев, вы их брали штурмом.

– По фронту они сколько тянутся? – спросил Ермаков.

– Километра два.

– Надо пройти эти два километра, если ничего не признаю, придется в другое место перебираться, – выдохнул Ермаков и собрался идти.

– Пождите, Иван Михайлович! Как ваша фамилия?

Иван вздрогнул:

– Старший лейтенант Ермаков.

– Точно! Ваша рота освобождала Вишеру. А я фамилию не сразу понял. Пошли, найдем мы место прорыва немецкой обороны!

Иван, рванувший было с места чуть ли не рысью, остановился: сердце выпрыгивало. Постоял, пожевал валидол, пошел медленно. В лощинке остановился, отошел метров сто в глубь России, обернулся, прикрыл глаза: вот тут стоял немецкий пулемет, который ценой своей жизни взорвал рядовой Никишин. Посмотрел вперед, ближе к городку – на взгорке обелиск.

– Пошли туда, – скомандовал Вихлянцеву.

Не доходя десяти метров, встал на колени, склонил голову до самой земли:

– Это Никишин, еще Сабуров, Ахметшин, Салтановский, Драчук.

Федор прочел табличку на скромном металлическом памятнике:

– Неизвестные солдаты, освободители Вишеры.

Иван обнял памятник, поцеловал звездочку:

– Федя, запиши их фамилии: Никишин, Сабуров, Драчук, Ахметшин, Салтановский. Был столбик с фамилиями, видимо, сожгли солнце и ветры.

Долго еще ходил Ермаков по густому травянистому лугу, закрывал глаза и видел ту атаку. Она была не хуже и не лучше других, так же стрелял противник, так же неистово рвались вперед бойцы, потому что пути назад уже не было, достаточно, попятились.

В городок вернулись вечером. Военком, довольный результатами поездки, разрешил использовать автомашину и завтра. Вместе с Федором Вихлянцевым выехали в сторону Великого Новгорода. Здесь Ермаков уже лучше ориентировался. Свернули на проселок, проехали три деревни, которые, точно помнил, он освобождал со своей ротой. В каждой деревне маленький обелиск, несколько фамилий его и не его солдат. Он их не хоронил, видимо, население после освобождения собирало тела погибших на поле боя. У каждого останавливались, Иван кланялся до земли, скорбно стоял у изгороди. В каждой деревне подходили люди. Обнимали, благодарили, вспоминали подробности. Старый дедок, за восемьдесят, с прищуром спросил:

– Не у тебя ли, служивый, числился татарин, высокий, здоровый. Забежал в дом, а мы только из подвала вылезли, все хоронились, пока вы не пришли. Забегает и спрашивает: «Отец, дай что-нибудь пожрать, третий день бежим за фрицем, некогда остановится, чтобы переку-

сить». А я отвечаю: «Сынок, хлеб есть, буханку жена даст, ну, сало есть, но свиное, соленое». Думал, откажется бусурманин! Как бы не так! «Тащи, дед, сало!». Куда деваться? Пошел, принес шмат, на двух протянутых руках нес, он его свернул и в вещмешок. Мусульманин, нельзя не только есть, прикасаться Аллах не велит, а он даже, помнится, откусил с краю, да!

Все смеялись над дедовым рассказом, а Иван вспомнил:

– Все так и было, отец. Фамилия того бойца Тасмухаметов. Салом тем он накормил всю роту, мы и правда тогда три дня по настоящему не ели, все в наступлении. А под Новгородом пал боец Тасмухаметов смертью героя, прямо в атаке ему осколком голову срезало. После боя похоронили в сосновом бору. И всех других тоже.

Девочка, пионерка, подошла поближе:

– Мы каждый праздник бываем на солдатских могилах, весной цветы садим, летом полем и поливаем.

– Спасибо вам, ребята. Ты всем передай мое спасибо, поняла?

– Поняла! – И маленькая ручка взметнулась в пионерском салюте.

Подъехали к могиле в сосновом бору. Десятки героев покоятся под этими соснами. И в том числе его бойцы. Федор остановился чуть в сторонке, чтобы не мешать командиру поговорить со своими ребятами.

– Здравствуйте, товарищи!

– Здравия желаем, товарищ командир! – Будто слышит он глухой отзыв.

– Как вы там? Мягкие ли ветки сосновые подложили друзья под вспотевшие ваши спины? Не жмут, не теснят вас своими корнями приютившие вечные сосны? Не давит ли на вас родная земля, не низко ли в головах, не мешают ли вольные птицы своим гвалдом?

– Нет, командир, просохли наши спины, и не теснят могучие сосновые корни, родная земля пухом прикрыла, и ничто не мешает нашему сну.

– Тогда слушайте, сынки, мой рапорт. Прогнали мы врага с родной земли, и еще многие народы освободили, и двадцать пять лет празднуем день Победы, которого бы не случилось без ваших отчаянных подвигов. Народ вас помнит, и Родина помнит, и детки приходят цветы на ваши могилки.

Иван сел на траву и заплакал. Он не помнил последних слез, забыл, что горе может вот так солено капать из горячих глаз. Долго сидел, пока подошел Федор и прошептал:

– Пора, командир!

Иван встал, надел кепку и приложил руку к козырьку:

– Прощайте, товарищи!

– Прощай, товарищ командир! – дождался тихого, как шум летнего дождя, недружного ответа.

Он ехал и думал, как напишет об этой встрече, мистической и реальной, невозможной и все-таки состоявшейся. Важно не растерять, не растрясти вот это состояние, когда он может говорить с убитыми и погребенными, угадывать их мысли, их наказы, их обиды. Слова стремились друг к другу, и он уже не мог их запомнить, только чувство, только ощущение...

«Я был взводным на этой высотке.

Мне сейчас стыдно, живому, что не сумею без списка по памяти сделать своему взводу пофамильную перекличку.

Мы хоронили Тасмухаметова.

Тогда мне подумалось, что деревьев на нашей высотке росло куда меньше, чем солдат, уже похороненных под корнями и между корнями тех самых деревьев.

Зато я помню деревья на нашей высотке.

Каждое из них не было похожим на другое, и каждое было единственным в мире, неповторимым.

Природа неутомима в поисках единичности, и, если когда-нибудь она поделит свои океаны на капли, она это сделает так, чтобы среди них не было двух одинаковых. Что уж тут говорить о деревьях. Может быть, у них в зеленом их таинстве есть свои голоса, свои собственные имена?

Мы не знаем, быть может в зеленом их таинстве звучат свои голоса – у каждого дерева свой, быть может, у каждого дерева есть свои имена, ведь для природы в поисках единичности не составляет труда придумать каждому дереву имя.

Тогда они точно были похожи одно на другое, их роднил и равнял общий признак войны: это был лес, простоявший около года в жесткой обороне. Деревья слышали суровые горькие строки приказа «Ни шагу назад!». В предутренний час когда ни одна хвоинка не уронится сонным птичьим крылом, тишиной зазвенели здесь русские топоры, и по склону, что должен стоять лицом на врага, был вырублен сектор обстрела. Сосны, каждая – не обнять стан солдату – пронзенные соками, затеплившие по весне на вершинах мягкие свечи, живые до острия игл, пред тем, как упасть...»

Телеграмму дал из Москвы, номер поезда и вагон, выбрал такой, что приходит днем, чтобы не дергать Тоню, ведь и ночью придет, а

утром на работу. Вышел из вагона, Тоня взяла его за руку, отошли в сторону. Обеими руками взяла его лицо, заглянула в глаза:

– Что с тобой, Ваня?

– Все нормально, Тоня, я рад, что дома. Как ребятишки, как мама? Ты сама вымоталась с работой и дачей.

Дома помылся в ванной, пообедал и ушел в свою комнату. Тоня прислушалась: не пишет, не спит. Приоткрыла дверь, Иван лежал на диване с открытыми глазами, заложив руки за голову.

– Ваня, все нормально?

– Нормально.

Так продолжалось несколько дней. Иван почти не ел, много курил, открыв окно, и молчал. Антонина Пантелеевна не знала, что делать. Наконец, Иван встал, помылся, побрился, сел за кухонный стол:

– Тоня, я был там... мне казалось, что мои ребята слышат меня и говорят со мной. Я долго думал и вот мое решение: я должен написать о той жестокой цене, которой оплачена Победа, о моих товарищах, о себе. Это будет не сказ, тут не место лирике и умилению, это будет жестокий роман о войне, и имя ему будет «Храм на крови». Я буду собирать в сосуд памяти все по капельке, по пчелиному взятку, по муравьиной ноше. И начну, когда пойму, что – пора. Это будет в конце жизни. Я пойму, когда.

15.

Ермаков никогда не собирал кампании по случаю дня своего рождения. Вот если книжка вышла или в солидном журнале сказ опубликован – тут Антонине Пантелеевне приходилось постоять у плиты, хотя сам Иван Михайлович просил:

– Тоня, ну, какие салаты? Какие запеканки? Открой банку огурцов, Николаев весь рассол выпьет, любитель. И сала соленого мороженого нарежь с луком. Да, Шерман еврей, но ты бы видела, как он сало ест! Мужикам больше ничего и не надо.

Тем не менее, съедалось и выпивалось все. Антонина Пантелеевна все время удивлялась, что за столом шли порой острые, до вскакивания со стула, разговоры о литературе, о книгах. Кого-то ругали, кого-то хвалили, но только в присутствии, не по за глаза. В центре внимания всегда были женщины. Людмила Славолюбова с удовольствием пела. Евгений Шерман, Борода, как его звали писатели, рассказывал смешные анекдоты. Владислав Николаев и Виталий Клепиков, учтивые и деликатные, всегда поощрялись хозяйкой домашней выпечкой и чаем.

В этот раз приехал главный редактор журнала «Сибирские огни» Анатолий Никульков. Его роман «На планете, мало оборудованной» о Маяковском и его времени печатался в журнале и вызвал бурю эмоций, как литературных, так и гражданских – не все разделяли оценки писателя и его трактовку сложнейших отношений в литературной среде того времени. Ермаков, хорошо знавший Никулькова, встретил его на вокзале, сразу привез домой.

– Иван, что у тебя с Лагуновым? – сразу за чаем спросил гость. – Мне стало известно его негативная оценка твоей личности в Большом Союзе. Не думаю, что это будет иметь последствия, но факт неприятный.

– Мне, Анатолий, от его оценки... Короче, на мощность она не влияет. Другое дело, что мы его как писателя потеряли. Я почему об этом с горчинкой? Лагунов меня заметил, поддержал, я же русский человек, имею благодарность в душе. Но Костю испортили партийные вожди, им нужны гимны нефти и газу, ну, и им заодно. Последние его романы – чистая публицистика. Ладно. Давай о тебе.

Иван стал говорить о сильных впечатлениях от нового романа Никулькова, неожиданного Маяковского узнал, совсем иного Есенина.

– Признаюсь, Анатолий, Маяковский мне близок: груб, хулиган, а по существу большой ребенок. Скажу тебе, пока по рюмке не приняли: во мне Маяковский повторяется. Во многом. А когда прочитал про вечер памяти Есенина, про березку на сцене, про мысли его: «Вот Сергею поставили березку, а на мой вечер выволокут на сцену какой-нибудь дубовый пень», сразу подумал: а ведь и со мной так же. Я его понимаю.

Никульков спросил:

– А литературный вечер тебе Лагунов не предлагал?

Иван криво улыбнулся:

– Давай не будем об этом.

– Ты его приглашал?

– Не приглашал. Будут хорошие ребята, ты всех знаешь: Шерман, Славолюбова, Николаев, Клепиков. Хочу рассказать сегодня о самой большой своей мечте. Ну, без анонсов, потом услышишь.

Гости ввалились всей кампанией, объятия, поцелуи. Людмила Славолюбова поставила на стол красивые часы с дарственной надписью: «От Люды, Славы и Жени». Разместились, сказали тосты. Конечно, не обошлось без соответствующих к моменту хвалебных слов. Говорил критик Виталий Клепиков.

– Иван Михайлович, дорогой наш юбиляр! Мы все про тебя знаем, знаем и любим твои сказы. Ты самородок сибирской земли, и поверь мне, твои книги переживут этот вал извращенного соцреализма и останутся на простеньких струганых полках дивным рассказом о судьбе русского народа. За твой могущий и неповторимый талант!

Зима, 26 января, канун 50-летия. Никульков внимательно смотрит на Ивана и восхищается им.

Имя и фамилия Ивана Михайловича удивительным образом сочетались с его внешним обликом. У него был подчеркнуто квадратный лоб, который он называл славянской плахой. Была эта самая «плаха» испещрена подкожными темно-синими метинами – следами, как он говорил, власовских гостинцев. Твердят, что два раза в атаку не ходят: если при первом броске судьба тебя своими доспехами прикроет, то на втором все равно схлопочешь положенные девять граммов. А он, сибирских кровей детинушка, поднимал свой взвод в атаку пять раз. В сырую непогодь, в перепады стальная мелочь начинала шалить, и он водил по телу рукой, словно собирал осколки в одно место, дабы их легче было усмирить.

Из-под кустистых бровей на собеседника смотрели по-деревенски мудрые, с лукавинкой — весь ты, как под рентгеном, — глаза. Нос крупный, мясистый, а на ноздре — шершавая бородавка. В минуты гнева или радости она то нервно подрагивала, то весело подпрыгивала, словно была с душой и жила самостоятельной жизнью. Под ядовитыми губами висел тяжелый, как бы обозначенный резцом скульптора, подбородок. Да и вообще все в нем было массивным, сибирским. Он и по городской улице двигался, как утес, рассекая надвое грешные людские потоки: «Посторонись, народ, Ермак идет!». Более-менее точно его внешний облик передал на своем холсте художник и тоже солдат Остап Шруб. Но уж больно глубоко Мастер Мастера утопил в печали.

Телефонный звонок. Антонина Пантелеевна берет трубку:

– Да. Минутку. Ваня, тебя.

– Слушаю, Ермаков.

– Извините, вам правительственная телеграмма. Можно, я вам зачитаю, а бланк привезем утром?

– Читайте.

– «Тюмень зпт писателю Ермакову Ивану Михайловичу тчк Уважаемый Иван Михайлович воскл горячо и сердечно поздравляю вас с пятидесятилетием зпт желаю крепкого здоровья зпт благополучия

в семье и новых книг тчк Щербина тчк.». И мы все вас поздравляем, Иван Михайлович...

– Восклицательный знак! – закончил ее слова Ермаков. – Спасибо, девушки. До свидания.

Помолчали.

– Какой молодец Щербина! – Воскликнул Шерман. – Какого человека отдали!

– Он просил меня, – сказала Тоня, – присылать ему книги Вани, и я все отправляла на домашний адрес, и книги, и журналы.

Встал Шерман, расправил свою могучую бороду:

– Иван, не думаю, что испорчу тебе и всем нам праздник, но мне доподлинно известно, потому что в обкоме есть наши ребята: еще задолго до назначения в Москву Борис Евдокимович поручил соответствующим товарищам, не будем их называть, вы и без того их ужасно любите, так вот, он поручил подготовить представление на награждение Ермакова в связи с 50-летием орденом Трудового Красного Знамени. Как только он уехал, бумаги спрятали подальше.

Иван поднял бокал:

– «Он сказал: «Не надо орден!». Все! Забыли. Друзья мои, я обязан доложить вам, что намерен написать очень серьезную вещь, это будет не сказ, это будет повесть, а возможно, даже роман. Название есть, оно родилось в окопчике на Синявинских болотах, где я был несколько лет назад, причем, похоже, что именно в этом окопчике я и лежал в сорок четвертом под Верхней Вытегрой. Книга будет называться «Храм на крови». Понимаете, пишу сказы, а в голове стучит. И уже давно в работе над очередной книгой... меня преследуют давние «позывные», которые, вероятно, будут тревожить и волновать меня всю мою жизнь. Всюду по необъятной Отчизне разбросаны мои фронтовые друзья, и о каждом из них, почти о каждом, ибо друг – категория сердечная, избирательная, мог бы я рассказать немало веселого, грустного, героического...

Мне предстоит рассказать, как меняли на Волховском фронте Гитлера на портянки.

Как от батьки Бандеры добровольцем ушла коза в артиллерию.

Как мусульманин Тенгляшев, не употреблявший свинины, но верный присяге, во исполнение приказа Верховного Главнокомандующего «ни килограмма продуктов врагу», будучи окруженный фашистами, съел дневную взводную норму сала, и что из этого потом получилось.

Как военфельдшер Вася Анисимов, перевязывавший мои раны 16

августа 1943 года, атеист и безбожник, уговорил православного батюшку в день 9 мая 1945 года отслужить благодарственный молебен во имя Победы, и даже подрядился заменить с этой целью прихворнувшего звонаря.

Многое надо мне рассказать о святом, беззаветном, пройдисветном, лихом, удалом, лукавом и небезгрешном русском солдате, стоявшем на гребне истории и творившем ее.

Завязка повести начнется на Синявинских болотах, где каждый всхолмок нафарширован бранным свинцом. Именно здесь, на горячем от осколков пятачке, некогда вкопал себя вместе с горсткой бойцов Ванька-взводный, как я себя называл. И именно сюда властная намять позвала меня через многие годы. Я без труда отыскал уже полуобвалившиеся и затканные шелковой травой окопы. И нахлынули, набежали дни безжалостной сечи. В тех боях я оплакал многих своих друзей. Хоронили их, молодых, наскоро обученных, там же, где они сказали последнее «прости-прощай». С годами, честно признаюсь, запамятовал имена павших. Но, чудное дело, та долгая, точно вечность, ночь, которую провел в своем окопчике, высветила не только их лица. Бывший взводный вспомнил каждого бойца поименно. А были во взводе и русские, и украинцы, и татары... Настоящий интернационал!

Там, на пахнущей пороховой гарью передовой, чтоб хоть как-то сгладить муторную житуху солдат, начинал я разыгрывать перед ними всевозможные на скорую руку сбитые сценки. Неизменным моим героем был Адольфушко Гитлер. Может, потому, что физиономия фюрера, с его бандитской челкой, да с потешным пятном под нагло вздернутым носом, давала большой простор для фантазии. Бойцы бревнышками катались от смеха. Более высокие армейские чины поначалу настороженно отнеслись к мини-спектаклям чудаковатого взводного. А потом и сами стали в зрители напрашиваться: “Ну-ка, ну-ка, изобрази!..” Полный аншлаг!

Все знали, что в образ фюрера прирожденный актер Ермаков входил мгновенно: челку на бок, глаза оловянные, губу выпятит и сунет на нее кусок расчески – вылитый Гитлер!

Посмеялись, выпили за Победу. Все ждали продолжения рассказа.

– Уже отгремели победные залпы войны. И бывший Ванька-взводный, а потом ротный, превратился в начальника лагеря военнопленных. В то время в Эстонии, где располагался лагерь, многих вдруг начал щекотать вопрос: «Куда все-таки делся Гитлер?» И тут же зак-

лубился рой слухов. Кто-то уверял, что фюрер вместе со своей зазнобой сел в самолет и упорхнул в южную чернокожую державу бананы жевать, а кто-то не менее правдоподобно живописал, что вождь храброй германской нации, подобно Керенскому, облачась в женские панталоны, бежал из своего логова, и в данный исторический момент обитает рядом. Последнее обстоятельство глубоко царапнуло чуткую душу сибиряка. Втемяшилось мне в голову, что Гитлер мог затаиться среди вверенного мне контингента пленных. Обуреваемый мечтой самолично обнаружить преступника номер один (и чем черт не шутит, прославиться на весь мир), я незамедлительно распорядился: «Внимательно, до каждой морщинки осмотреть каждого фрица, и самого что ни на есть похожего на Гитлера доставить со всеми потрохами!»

Не прошло и часа, как усердные подчиненные доставили грозному начальнику лагеря сразу... двенадцать Гитлеров! На одного гляну – стоит передо мной чистый фюрер, на другого гляну — и этот пострел ничуть не хуже. Вроде пошли от одной мамы-гитлерши.

Короче говоря, растерялся я. И в безвестные мне высокие сферы полетело сверхсекретное донесение: обнаружили, мол, целую дюжину Гитлеров, а вот какой подлинник, какой — подделка, пусть разбираются антропологи и прочие по черепной части специалисты.

Ох и нагорело тогда мне, фронтовику-следопыту, за самый что ни на есть благородный порыв! Как и следовало ожидать, товарищи из особого отдела черными коршунами закружились, стали пробовать меня на предмет благонадежности. Чуть не лишился честный воин погон, наград да ременной сбруи.

Иван Михайлович остановился, осмотрел гостей: все слушают, даже не закусывает никто.

– Так дело не пойдет, давайте по рюмке за нашу дружбу, она всех других качеств важнее.

Выпили.

– Продолжай, Иван, – попросила Славолюбова, промокая влажные глаза.

– Да, еще перед отправкой на покуда еще не оплаканные окопы увидел я в зале ожидания опального попа-батюшку. Был божий человек отослан за какие-то прегрешения в глухомань, в ссылку. Разговорились. И надо же, оказалось, что батюшка в свинцовые годы тоже не мух по своему приходу гонял — хаживал на вражеские стада, где со штыком, где с прикладом. И фронтовые дороги наши пересекались не единожды. По такому пресветлому случаю побрели мы в ресто-

ран. И свершили очередное святотатство — крепко пригубили, а вернувшись в зал, сели и ушли в сон, по-фронтовому тесно прижавшись друг к другу. Только в какой-то миг проснувшись, я товарища рядом с собой не обнаружил. Однако заметил, что кочевой народ — пассажиры, проходя мимо лавочки, смотрят на меня и не могут сдержать усмешки. Провел дланью но суровому своему лику, пересчитал все пуговицы, ширинку — вечную предательницу – обследовал. Все вроде в полном порядке, все в рамках княжеского приличия. И трудно понять, почему народ, глядя на меня, улыбками зал озаряет. Пришлось идти в туалет. Там зеркало висело. Редкое исключение, я под хмельком в зеркало на себя не смотрю, чтоб доброе мнение о себе не сглазить. А тут уставился в стекло — и сам дико заржал. На всепобедной моей голове красовалась бархатная камилавка. Когда состоялся обмен головными уборами, память не сохранила. Уехал поп-батюшка в далекий свой скит в мирской шляпе...

Посмеялись.

– Конечно, война. Буду писать ее такою, какой знаю. Понимаю, что сие непросто, только у нас теперь развелось героев, которые одной гранатой по три танка подбивали. Не хочу этого, не приемлю!

А вот заключительная песнь повести не вызывала сомнения. Весть о том, что страна наконец-то одолела супостата, застала воина Ермакова в вечно сонном эстонском городке. Обуреваемый неодолимой радостью, взял сибиряк в руки автомат и решительно двинул к церкви. Растормошив насмерть перепуганного батюшку, он повелел ему тем же часом взойти вместе с ним на звонницу.

И когда они поднялись на верхотуру, под малиновый звездопад, приказал славный воин служителю божьему что есть мочи лупить во всю наличествующую медь. И содрогнулся ночной воздух, и вынесло из душных чухонских изб обалделых жильцов. Ликуй, подлунный мир! Сама госпожа Победа снизошла на многострадальную нашу землю!..

В помощь памяти приходят сны. Я никогда до поездки на места боев и могил не видел сны про войну, ну, не снились. Может, молодым был, иные видения посещали. А тут...

Страшны солдатские сны...

Тот немец...

Застрелил ты его или нет?

После получасовой артподготовки, кровенясь и дичая в плотной завесе заградительного огня, взвод, полувзводом всего, просквозил огонь и ворвался во вражеские окопы.

Теперь бей все живое – земное, уцелевшее, движущееся, копошавшееся, целящееся, оштычившееся. Жизнь уже даже не копейка: полсекунды и жизнь... Каждым мускульцем, слухом и нюхом и шестым своим чувством ты нацелен убивать, упредить, обыграть свою смерть, и оружие твое злое, умное, зрячее, ежемгновенно и преданно служит тебе.

Тот немец...

Застрелил ты его или нет?

В тот момент, когда ты по его обреченную душу довернул ППШ автомат, ты увидел вдруг на его живом лице свесившиеся на уровне крылышек носа огромные кругляши. Ты застыл, недвижим, обезлобленный.

Немец полз по дну окопа. Его пальцы, ладони были облеплены мокрым окопным песком, приближаясь к тебе и не видя тебя, немец приподнял вдруг голову, и, призывая «Main Gott, o, main Gott!», начал вправлять искореженными песчаными пальцами в сгаснувшие орбиты выдавленные артподготовкой бело-сине– кровавые льдинки остынувших глаз.

– Не надо с песком! – крикнул ты, или хотел только крикнуть.

И не помнишь: выстрелил ты или хотел только выстрелить.

Содрогнувшись от живого и как бы осмысленного сияния зрачка в рукоприложенном, суверенном от мозга глазу, был отшвырнут ты невменяемо-жуткою, леденящею силой видения войны.

Немцы накрыли свою первую линию по готовым таблицам пристрелянным артиллерийским огнем.

В той атаке ты был дважды контужен.

Видение сделалось привидением.

В бодрствовании оно где-то затаивалось, теплилось, существовало инкогнито, зато по ночам, склоняясь к его изголовью, оно рвало дремоту, сны, и солдат, окатываясь пронзительным потом, с воплем ужаса подхватывался с постели, ходил, трепетал.

Снилось: немец тот лез обниматься, свисающие, колеблющиеся яблоки глаз касались своей обнаженной округлостью, вонзали в щеки и шею льдисто-искристый колющий холодок: «Main Gott, o, main Gott!».

Еще вспомнил соседа своего по госпитальной палате:

– Сосед по палате тоже ночами во снах одичало кричал, вскакивал и подолгу потом примерялся к действительности.

Этому снились две озверевшие крысы.

Из разбитых и обезлюдевших фронтовых деревень, продвигалась оголодавшая дичь вдоль окопов противников, нарыскивая чуткий хлебушкин запах, трупный солод людей и лошадей.

Его лошадь, запряженная в полевую походную кухню, в солдатскую кашу, наполоховшись близких внезапных разрывов, понесла, понесла, понесла. Заступила копытом в минное поле. Даванула взрыватель у настороженной мины.

Повар-раздатчик потерял после взрыва сознание.

С трудом и не сразу-то возвратясь к бытию, опознал он в двух живностях, копошавшихся на его онемевшей груди, этих самых. Седые канальи, упираясь хвостами, привстав на задки, умывались. Смывали кургузыми лапками с мордочек кровь, его кровь, облизывали их розовыми ленивенькими языками. Тогда-то и вскрикнул и подхватился в первый раз.

У лошади были обгрызены, обезображены губы. Белела зубами и жутко нехорошо улыбалась.

И теперь по ночам прибегали они, серые безобразные твари аж с Волховского болотного фронта, усаживались на инвалидскую грудь и опять, как тогда, умывались, повизгивали.

Да, страшны солдатские сны...

И будет там такая молитва:

Взводный! Иван Взводный, Ротный Иван! Помнишь ли ты своих солдат? Помяни их, братьев окопных своих помяни. Выстрой их на поверку, на утреннюю перекличку. Назови поименно.

Алешин – из Курска.

Тасмухаметов из Казахстана.

Спиридонов из Омской.

Корольков из Липецка.

Ишмурзин из Башкирии.

Гарифуллин, Момоджанов, Тенгляшев...

И ничтожно мала душа твоя, ибо довольно наперсточка пороха, сгоревшего во вражьем патроне, довольно пронзительной пульки, чтобы сжечь ее чуть большим мгновением, потребным для сгорания того пороха.

Иван замолчал, взял со стола свой бокал, налил и молча поднял:

– За них, за моих бойцов.

16.

Антонина Пантелеевна выбирала момент, когда Иван не работал за столом в своей маленькой комнатке, и принималась делать уборку. Конечно, смотрела рукописи вчерашней и сегодняшнего утра работы, и вдруг споткнулась о «Храм на крови». Неприятно екнуло серд-

це: после возвращения из поездки на свой Волховский фронт Иван говорил, что роман этот будет писать в конце жизни. Так и сказал: «В конце жизни». Тоня хотела переспросить, как он определит этот момент, но из суеверного страха воздержалась. И когда на вечере в день пятидесятилетия он вдруг начал рассказывать эпизоды для будущей книги, она заволновалась. Через несколько дней после дня рождения она спросила:

– Ваня, как твое сердце? Ты во сне стал стонать. Болит?

Иван Михайлович признался:

– Горит вся грудина, и боль небольшая, а мешает работать.

– Ваня, я вижу, что ты за «Храм» взялся. Помнишь, обещал, что в конце жизни? Отложи, есть ведь другие темы.

– Есть, Тоня. – Он приобнял жену за плечи. – Есть, но эта не дает мне покоя. Ты не переживай, я пока не пишу, думаю, вспоминаю.

Она заглянула ему в глаза:

– Ваня, а на столе листок?

Иван улыбнулся:

– Проба пера. Поискал варианты начала. Все, успокойся.

Через неделю Антонина увела мужа на прием к кардиологу, и его положили в стационар. Врачи по просьбе супруги запретили больному читать и писать, но нельзя запретить думать. Приходя после работы в палату, Антонина Пантелеевна видела Ивана, лежащего с закрытыми глазами, думала, что спит, пробиралась осторожно к кровати, но он говорил:

– Не опасайся, я не сплю. Как дома?

– Да все хорошо, мама здорова, придет к тебе завтра, ребята тоже, так что ни о чем не переживай.

Иван нервничал:

– Не дают работать. Как будто писателя можно отключить, как телевизор. Все равно у меня все в голове, надо бы выписать. Вчера упросил сестру принести тетрадь и карандаш, доктор сегодня чуть не с матерками отобрал. Он тоже фронтовик, под шестьдесят, мы в прошлую ночь дежурили вместе, порассказывал он про Финскую кампанию и оборону Сталинграда. Нашему народу, Тоня, надо бы веки-то приподнять, как Гоголевскому Вию: не то творят вожди, не то. Тут по радио услышал, что американский ученый, который следит за новинками в советском вооружении, сказал, что русские способны мухе на Луне попасть ракетой в левый глаз. Образно, конечно, вроде и гордиться есть чем. А мне видится твоя стиралка, когда ты кричишь: «Ваня, помоги отжать!». «Москвич» соседский, который он зимой не

может завести, а летом заглушить, сосед уж в подъезд заходит, а двигатель все еще детонирует.

Тоня спокойно удивилась:

– Ты никогда так критически к властям не относился. Воевал за советскую власть, в партию вступал.

Иван молча согласился: да, воевал, да, вступал.

– Тоня, власть, государство сами по себе не могут быть ни злыми, ни добрыми. Люди во власти все определяют. Ты слышала, какую байку сочинили тюменцы: «Был Щербина, была и свинина, а стал Богомяков – одни головы и ноги. А где мякоть?».

Тоня засмеялась:

– Не сам ли придумал?

– Нет, конечно, но остроумно, есть, видно, в Тюмени толковые ребята.

– Ладно, ты мне зубы не заговаривай, как твое сердце?

– Нормально, можно бы и домой. Завтра кардиограмму сделают, буду проситься.

На другой день к вечеру Ермаков уже был дома. Снова день и ночь в своей комнате, Тоня прислушается – не стучит машинка, возможно, пишет ручкой, такое у него бывает, когда мысли нахлынут, и на машинке не успевает. Дверь приоткроет – сидит, голову руками охватил.

– Ваня, все нормально?

Поднимет голову, а глаза влажные, и сам где-то далеко. Тоня боялась такого его состояния, свекровь Нину Михайловну спросит, та только головой качнет:

– Такая его планида, в озере не утоп, волки не разорвали, в войне не сгинул – для чего-то берег его Господь? Вот и несет он сей крест. Как Христос нес на Голгофу, читала? И рады бы друзья-товарищи помочь, да нельзя. И тут так же. Кто ему душу вскроет и по частям все разложит? Да никто. Вот и мается. Только, гляжу, уже нечеловеческие его муки.

Ермаков шаг за шагом шел по страницам и главам будущей книги, отметая все наносное, пресное, отбирая людей и события ядреные, звонкие, грубые, жестокие, но только из жизни, только правду. Делал пометки на листах, одним словом обозначая бой, горькие похороны, неожиданный праздник, какой отмечала его рота, когда рядовой Гарифулин из пополнения получил письмо, что первого сентября у него родился сын. Всегда умевший лезть под шкуру рядовой Спиридонов из Липецка спросил:

– Назар, дорогой, не хотел бы тебя огорчать, но это не твой сын родился.

– А чей? – спросил наивный Гарифуллин.

– Не могу знать, я же не бывал в вашем ауле.

– Эй, злой шайтан, зачем ты мне в душу несешь сомненье, что это не мой сын!

Спиридонов тихонько отодвинул ногой автомат Назара подальше от хозяина, но не унимался:

– Ты же нам всем говорил, что женился в Новый год, а сын родился первого сентября. С первой твоей брачной ночи прошло только восемь месяцев, а ребятишки рождаются после девяти. Теперь ты понял, Назар, что жена твоя тебя обманула?

Назар вскочил, кинулся за автоматом, но его остановили:

– Успокойся, Назар, в природе всякое бывает, и восьмимесячные рождаются.

– Он все врет, подлый шайтан, жена пишет, что нормальный ребенок родился. Э-э-э, Спиридонов, я поколочу тебя прикладом. Не буду стрелять, не бойся. Новый год был наш, мусульманский, в ноябре. Ах ты, Спиридонов, если бы не радость, я бы тебя поколотил. Для татарина не может быть большего оскорбления, чем неверность жены. А моя мне верна, у нас была скромная свадьба, но моя невеста легла ко мне чистой перед Аллахом.

Ротный узнал об этом случае от старшины, вызвал Спиридонова:

– Зачем ты оскорбил Гарифуллина и его жену, это грязно и не по мужски.

Спиридонов вдруг заплакал:

– Сорвался я, командир. На той неделе письмо получил, что к бабе моей ходит колхозный бригадир, по ранению комиссовали. А тут он со своей радостью. Вот меня и взорвало.

– Подойди к Гарифуллину, объясни ему все, он простит, а то – неровен час – в атаке приотстанет и шлепнет тебя. Иди.

И опять тяжелые думы, воспоминания, неожиданно возникающее одиночество.

17.

Чувствовал ли Ермаков приближение своей кончины? По этому поводу много суждений, людям свойственно выстраивать в ряд совершенно, кажется, несовместимые случаи, приметы, явления, чтобы потом воскликнуть: «А я знал!».

Никто ничего не знал.

И сам Иван Михайлович – прежде всего.

Дачу на берегу Туры Антонина Пантелеевна купила без согласия мужа, более того – он протестовал, причем, не просто так, а три года на даче не появлялся. Наконец, Тоне удалось заманить туда мужа, и он, обойдя участок, пройдя вдоль берега реки, с улыбкой согласился, что супруга хорошо сделала, прикупив это хозяйство. Иван привез инструменты, кой-какой материал, по несколько часов колотился, ремонтируя домик, изгородь, что-то еще. Когда жена уезжала на работу в родной «Родничок», где служила администратором – одну неделю с утра, другую с обеда – он оставался один в этой почти неземной тишине, и свежий воздух, и надоедливые комары, и далекие, не мешающие думать, звуки с соседних участков – все это напоминало ему Михайловку.

Выбирал минутку, и шел берегом Туры, которая при разливе принесла к берегу множество всякого мусора, в том числе корни вымытых из берегов кустарников. Вот их и вылавливал Ермаков, наскоро обрезая и складывая кучкой, а потом нес это богатство и раскладывал на продуваемых солнечных скатах крыши. А когда корешки просыхали, садился в холодок и начинал их обследовать. Во взрослом мужчине проснулся юноша-кукловод из Омского театра. Опытным глазом назначал: быть сему корешку бесом, а этому – кикиморой. Чего только ни нарезал за отпущенное себе время, опять на крышу, досушивать. Потом увозил в квартиру, в потрепанном портфеле нес в кабинет отделения Союза писателей, где всегда было людно, доставал из портфели и одаривал всех.

Все друзья и товарищи давненько заметили, что Иван стал отказываться от рюмки. И на юбилее, только этого никто не знал, кроме вездесущего Шермана, именинник пил обыкновенную воду, стоящую в бутылке чуть в стороне. Но и народ был деликатный, никто не нажимал: «Ты меня уважаешь?», никто не неволил. Потом месяц в обкомовской больнице, была такая при областной на улице Котовского. Вышел оттуда, полный сил и надежд. С нетерпением ждал выхода в Москве большой книги сказов «Стоит средь лесов деревенька», даже с улыбкой прощал дружеские дополнения к заглавию: «Качается, правда, маленько». И жил образами будущего «Храма».

А в начале июня поэт и младший товарищ Николай Денисов пригласил Ивана Михайловича в поездку в пригородный Успенский совхоз. Крестьяне как раз были в поле, шла массовая посадка картофе-

ля. Остановились, собрались в кружок, выступил Денисов, Геннадий Сазонов, геолог и прозаик, на круг вышел Ермаков. Он что-то веселое и важное говорил про картошку, про ее спасительную роль в годы войны, про то, как зимой повара засыпали в котлы картошку сушеную, и пожилые женщины кивали головами: «Все правда, сушили и сдавали по заданию сельсовета». Выступили еще в трех местах. Телевизионщики Любовь Переплеткина и Татьяна Лагунова с оператором Васей засняли все. Уже по дороге домой, проезжая по Успенке, Ермаков увидел в окно: перед домом на скамеечке сидит старый дед в распущенной рубахе под ремешком и в валенках. Июнь. Жара. Иван кричит водителю:

– Остановись на минутку! Я не могу не поговорить с этим человеком!

И они минут двадцать кричали что-то друг другу, размахивали руками, потом обнялись и Ермаков, довольный, сел в машину.

– Ребята, поверьте мне, полчаса общения с таким старцем заменят курс литинститута. Какая у него речь настоящая! Молодец!

В конце июня позвонили из радиокомитета, пригласили на запись. Вообще и телевизионщики, и радиожурналисты любили работать с Ермаковым, из него не надо было тянуть слово, он говорил роскошно, играя народными словами, эмоционально жестикулируя и дополняя все выразительной мимикой. Настоящий актер – в этом сходились и журналисты, и зрители.

Во вторник, девятого июля, Иван Михайлович приехал на дачу. Почти в это же время уехала гостившая у мамы дочь Светлана. Поужинали, поговорили, утром Иван Михайлович встал рано, проверил рыболовные снасти, занялся своими корешками, ворчал, что кучка меньше стала, наверное, Светка в костер подбрасывала. У крыльца остановился и посмотрел на длинную грядку цветов.

– Тоня, что-то много желтых гладиолусов. Раньше столько не было.

Жена ответила со смехом:

– Наверно, к разлуке, Ваня.

Он присел на крыльцо:

– Ты мне рыбу пожарь, а головы оставь, я потом уху сварю.

В обед Тоня уезжала на работу во вторую смену.

Пока жена жарила рыбу, Иван Михайлович походил по двору, осмотрел огуречные грядки.

– Тоня, ты огурчиков посоли, я поел бы малосольненьких.

А потом подошел ближе и прошептал:

– Тоня, мне плохо. Сердце.

Хватилась во все сумочки, во все углы – нет ничего! Побежала к соседям, дали какие-то таблетки – не помогают.

Увидела, что сосед Попов на машине подъехал, побежала к нему:

– Ради Бога, довезите до ближайшей больницы, мужу плохо.

– Лекарства надо иметь на такой случай, – назидательно сказал сосед. – А увезти не могу, видите, малина поспела, надо обобрать, а то опадет.

Антонина Пантелеевна на колени упала:

– Прошу вас, я потом всю малину оберу и свою отдам.

– Нам чужого не надо.

Не поехал. Тоня вернулась, Иван сидел на крыльце, мокрый от пота, синюшный цвет лица.

– Ваня, пойдем на трассу, там поймаем машину.

Прошли сотню метров, Иван остановился:

– Тоня, я больше не могу.

Она прислонила его к березке, метнулась к трассе – далеко! Что делать? Вернулась, взяла мужа под плечо, пошли. Через минуту он убрал ее руку и спокойно сказал:

– Все, Тоня, я падаю.

Она подхватила ослабшее тело мужа, приняла на руки и на колени. Иван вздохнул еще раз и вытянулся. Она не помнит, сколько времени просидела с мертвым мужем на руках. Потом подошла женщина, дачная сторожиха:

– Что же ты сидишь, милая? Давай его положим, а ты сходи на дачу, принеси простыни.

Простынями укрыли тело. Приехала «скорая», милиция. Остановили грузовик, посторонние ребята наломали веток, погрузили тело Ивана, Тоня села рядом.

Когда ее впустили в морг и она увидела своего Ваню среди распухших трупов утопленников, закричала:

– Нет, я его здесь не оставлю! Я его сама похороню.

Патологоанатом вошел в ее положение:

– Если привезете документ из больницы, что он стоял на учете и лечился от сердечных дел, можно обойтись без нас.

Она побежала в обкомовскую больницу, карточку нашли, справку дали. Но уже на обратном пути Тоня одумалась: «Неправильно я делаю. Ваня человек известный, и про его увлечения многие знают, найдутся злые языки, наплетут, что от пьянки умер. Нет. Пусть врачи делают, как надо, чтобы у меня на руках был документ».

Уже через неделю она убедится, что правильно поступила. Слухи

о смерти по пьянке, более того – под забором где-то у дач, поползи среди любителей позлословить. И обиднее всего было то, авторами, а то и свидетелями, оказывались люди, бывавшие в доме Ивана, сидевшие за его столом.

От официальных похорон власти отказались. «Похоронить, как простого советского человека» – эта фраза обкомовского функционера больно ранила сердце вдовы, горечью отозвалась в писательских рядах, матом реагировали на нее простые советские люди. Хоронили из здания бюро пропаганды литературы, что стояло на улице Ванцетти. Во дворе дома – трава-мурава, молодые березки, от всей России они попрощались с воспевавшим их писателем.

Был рабочий день, но люди шли и шли к домику на Ванцетти. Иван был бы доволен: его провожал простой советский народ, за который он воевал на фронте, за который рвал сердце в чиновничьих кабинетах, для которых писал свои пронзительные сказы. А после похорон до поздней ночи в квартиру над «Родничком» шли малознакомые и совсем незнакомые люди, чтобы поклониться его портрету, помянуть добрым словом, поддержать мать, похоронившую последнего сына, вдову и детей.

Через два года на Червишевском кладбище скульптор Анатолий Николаевич Мальцев установил обелиск с выкованным в металле профилем великого сибирского сказителя Ивана Михайловича Ермакова.

Земля слухами полнится. Антонине Пантелеевне звонили из Московских, Свердловских и Новосибирских издательств, из десятков журналов и газет, в которых Ермаков печатал свои сказы. Позвонил Никульков, редактор «Сибирских огней»:

– Антонина Пантелеевна, я прошу вас никому не отдавать рукопись «Храма на крови», Иван Михайлович обещал ее нам.

– Ваня не написал этот роман, – ответила вдова со слезами.

– Извините, как не написал? Помните, на юбилее в январе он читал нам целые главы.

– Он не читал, он рассказывал.

– Но рассказывал, видимо, написанное?

– Еще раз повторяю: такой рукописи в архиве Ивана Михайловича нет.

Все, что вспомнил, что увидел во фронтовом окопчике, что обдумал и вложил в память свою писатель для будущего романа «Храм на крови», он унес с собой. Остались несколько листов с названием, то от руки, то на печатной машинке: «Храм на крови», и неполные страницы текста.

ПОДЛОГ
Повесть

Памяти Николая Петровича Хевролина,
бывшего 17 лет председателем
Казанского райисполкома Тюменской области,
обойденного наградами и памятью.

Ранним майским утром в кабинет главного врача Пореченской районной больницы она вошла уверенной походкой человека, который знает, зачем идет, и знает, что ему не откажут. Все переживания, стенания, слезы и истерики остались там, в родном городе, а здесь, в сельской глуши соседней области об этом никто не знал и не мог догадываться – настолько уверенна и решительна была эта молодая женщина. И к тому же довольно красива – она сама об этом знала лучше других.

За час до того она устроилась в местную гостиницу, где не было даже горячей воды, вскипятила чайник, вымыла голову, сделала прическу, легкий макияж, надела серый костюм с юбкой, чуть зауженной и скрывающей округлые колени. Осмотрела себя в большом зеркале и осталась довольна: круглолица, черноброва, губки бантиком, глаза синие с искоркой, густые светлые волосы колышутся на голове при каждом движении. «Ну, Ирочка, с Богом! Если сегодня все получится, остальное я сделаю!».

Когда она спустилась в вестибюль, дежурная, молодая и любознательная особа, неожиданно спросила:

– Извините, вы артистка? Нас предупредили, что артисты должны подъехать.

Гостья улыбнулась:

– Нет, милая девушка, я – врач!

Она так резко это выговорила, что даже сама испугалась. «А ведь я впервые назвала себя врачом!» – мелькнуло в голове и тут же исчезло под выразительными взглядами двух вошедших кавказских мужчин.

В приемной главного стучала пишущая машинка, пожилая жен-

щина, то ли секретарша, то ли завхоз, что-то старательно выдавливала из разбитого аппарата.

– Главный у себя? – спросила гостья.

Женщина махнула рукой в сторону кабинетной двери. Она постучала в фанерную обшивку и услышала мужской голос:

– Да, входите.

Петр Петрович Бытов, главный врач района, встал, увидев симпатичную незнакомку, несколько смутился и невпопад спросил:

– Вы ко мне?

Дама деликатно улыбнулась:

– Если вы главврач района, то я к вам, Петр Петрович!

Бытов широко улыбнулся:

– Извините, запарился с бумагами. Прошу вас, проходите, садитесь. Что вас к нам привело?

Дама чуть помолчала, достала из сумочки платок, поднесла к глазам:

– Я врач, терапевт, оставила мужа, мы не были зарегистрированы, оставила любимую работу и поехала, куда глаза глядят. Ваш район выбрала потому, что он тихий, вдали от городов, а мне так хочется душевного покоя. И, конечно, интересной работы. Ой, извините, Петр Петрович, я не представилась: Ирина Николаевна Дзюбина. Папа писался Дзюба, а детям фамилию сделали русской. Видно, корни отца где-то на Украине.

– Да, страна наша огромна, – согласился главный. – А с работой проблем не будет. Давайте ваши документы.

Дама опять коснулась глаз:

– Есть только паспорт, а трудовую книжку и диплом муж не отдал, спрятал, думал этим меня удержать. На счастье, у меня сохранилась копия диплома, заверенная нотариусом, делала для военкомата при постановке на учет. Думаю, это вас пока устроит, а со временем я все равно вырву у этого подлеца диплом, там же и комсомольский билет...

Бытов рассмеялся:

– Ну, ваша партийность меня меньше всего интересует. Давайте копию.

Быстро посмотрев документы, Петр Петрович предложил:

– У нас не хватает терапевтов на приеме. Как вы на это смотрите?

Ирина Николаевна даже привстала со стула:

– Большое спасибо, Петр Петрович, но я бы не хотела оставаться в районном центре. Здесь все равно шумно, многолюдно. Вот сейчас в гостинице сказали, что артистов ждут. Если можно, отправьте меня

в дальнюю участковую больницу. Деревня, добрые люди, природа. Только бы с квартиркой решить, и мне больше ничего не надо.

Бытов удивился: сколько лет работает главным, но впервые дипломированный доктор отказывается от места в районной больнице и просится на периферию. Недавно на заседании райисполкома его крепко критиковали за плохую работу Березовской участковой больницы. Действительно, заведующий любит выпить, контроля никакого, давно бы заменил, но все молодые специалисты ехать в глухомань категорически отказывались. А тут сама просится. Бытов вздохнул: такая красивая женщина, да без мужа – это было бы так мило...

– Честно говоря, Ирина Николаевна, не хочу вас отпускать, признаюсь: вы бы украсили нашу больницу! Но – воля ваша. А что касается тишины и природы, это я вам обеспечу. Только, чур! – не подведите меня. Если вы через месяц откажетесь, меня в райкоме по стенке размажут.

Ирина Николаевна улыбнулась:

– Не сбегу и не откажусь, мое слово твердое.

Главный снял телефонную трубку:

– Барышня! А, это ты, Валя! Дай мне председателя Березовского сельсовета. Иван Васильевич? Везу вам нового заведующего больницей. Пусть Волокушин будет на месте, чтобы дела передать. И в больницу позвони, я не буду время терять. – Положил трубку. – Вот так, Ирина Николаевна. Ваши вещи в гостинице? Заедем.

Уазик «Скорой помощи» легко бежал по твердой грунтовой дороге, Бытов время от времени посматривал на новоиспеченную заведующую и удивлялся: ее радости не было предела, все ее умиляло: и речка с деревянным ненадежным мостом, и десятки тракторов со сцепами борон, сеялок, и лес, зелеными языками разрывавший взрыхленную черную зябь. В гостинице Дзюбина переоделась в серый брючный костюм, и выглядела очень соблазнительно. Водитель Вася несколько раз ловил взгляды шефа и тихонько хихикал.

– Вот ваш больничный комплекс, Ирина Николаевна! – с пафосом произнес Бытов, широким жестом соединив несколько деревянных сооружений явно довоенного строительства. – Все это надо бы снести к чертовой бабушке, но строить некому. Ладно, потом разберетесь. Пошли к людям.

В небольшом кабинете заведующего сидели до десятка человек в халатах, которые Ирина не могла бы назвать белыми. Видимо, тут и врачи, их два, фельдшеры и медсестры, завхоз и кто-то еще.

– А где Волокушин? – сурово спросил Бытов.

– А то вы не знаете, где? С утра появился и ушел. Где-то с друзьями.

– Ладно, обойдемся без него. Товарищи! Разрешите представить вам новую заведующую участковой больницей Ирину Николаевну Дзюбину. Бухгалтера прошу помочь разобраться с материальными ценностями, а я в совет по части квартиры.

Часа в четыре Бытов приехал и, виновато глядя на Ирину, признался, что свободных квартир, конечно, нет, но он договорился с хорошими чистенькими стариками, и до лучших времен можно пожить у них. Ирина кивнула, попросила увезти на квартиру чемодан, предварительно вынув из него белоснежный врачебный халат и шапочку.

– Давайте мы договоримся так: завтра я познакомлюсь с каждым, а сегодня только одна просьба: на работе быть в совершенно белых чистых халатах. Мы ведь медицинские работники, правда? И должны всем показывать пример высокой санитарной культуры.

Эти слова особенно понравились женщинам, и коллектив расходился, дружно улыбаясь.

***

Старикам видно, льстило, что у них будет квартировать заведующая больницей. Они встретили гостью у ворот, поклонились:

– Проходи, дорогая, в передний угол, комнатку мы тебе приготовили, Ивановна даже новым комплектом постельного пожертвовала. Недавно отгуляли ее семьдесят, так профсоюз отблагодарил пакетом бывшую ударницу.

Ирина улыбнулась:

– Так, значит, хозяйка Ивановна, а хозяин?

– Ты не поверишь, но тоже Иванович, только я Александр, а она Александра. А вас как мы станем величать?

Гостья махнула рукой:

– Какое величание? Ирина, и все тут. Нам ведь жить под одной крышей.

Ее сразу пригласили к столу, но сначала посмотрела свою комнатку, маленькую горенку, это она потом узнает, что так зовут пристроенные к пятистеннику спальни. Железная кровать с большими шарами на дугах, две большие пуховые подушки: ткнула кулаком – по самый локоть рука провалилась. На стене ковер, грустная Аленушка оплакивает своего непослушного братца. Небольшое оконце завешено тюлевой шториной и двумя половинками «задергушек» (позже узнает) с выбитыми на швейной машинке узорами.

На столе в большой сковороде стояла жареная картошка, огурцы и помидоры нарезаны крупными кусками, белый хлеб домашней выпечки, кринка с молоком.

– Ирина..., вот холера какая: неловко без отчества...

– Николаевна, – выручила Ирина.

– Так вот, Ирина Николаевна, требуется по стопке выпить за новоселье. Ивановна, разливай!

Ирина не стала отказываться, взяла большую рюмку и уловила запах самогона.

– Ничего, дочка, этот напиток целебный, он из чистого хлебушка, верно, дух страмной, а ты не дыши.

Ирина в несколько глотков выпила жгучую жидкость и быстро закусила огурцом. Потом ели деревянными ложками прямо из сковороды жареную картошку на кусочках соленого сала и вели разговоры. Говорил Александр Иванович:

– Тебе, дочка, шибко повезло, что попала в нашу деревню. У нас народ весь с одного места из-под Москвы переселен, с первого дня жили артельно и дружно. Тятя мой сказывал, что деревня была как общество, собирали сходы, это как собрания нынешние, только с пользой. Нынче-то проблавостят три часа, а спроси после, об чем говорили – не каждый вспомнит. Опять же и пользы никакой. А тогда избирали старосту, назначали писаря, и без участкового был полный порядок. Я за малым не угадал на первую Германскую, годами не вышел, а потом Колчак не побрезговал, погнали нас на Омск. Были середь нас и толковые мужики, наши деревенские, которые уже хлебнули мурцовки и ядов понюхали немецких, отчего и побросали оружия, и домой. Натакали нас, как надо действовать, ночью мы всех чужих перевязали, рты позатыкали, коней запрягли, и в домашнюю сторону. Красные остановили, кто, откуда, и велели в строй вставать. Как говорится, из огня да в полымя.

– Вернулись героями? – спросила Ирина.

– Знамо дело! Пятерых увезли на шахты, по суду, других попугали и отпустили. А тут и двадцать первый год, восстание. Понятно, что мы все пошли в отряды, надеялись прежнюю жизню вернуть.

Супруга постучала по столу казанками:

– Лександро, ты добрякашь ботолом своим, «воронок» подрулит.

– Шура, кому я нужен в семьдесят-то лет!

– Тогда на месте порешат. Вон к заплоту приставят и пальнут.

Ирина заступилась:

– Александра Ивановна, что вы такое говорите? Никто не тронет. А новая жизнь вам чем не нравилась?

Старик помялся:

– Да как тебе сказать? Тем и не глянулась, что новая, другая. Тятя мой был человек, вся деревня кланялась, он на церкву, когда строили, сто золотых рублей положил, во как! А тут все переменилось: хлеб отдай, мясо отдай. А самому чем жить? За восстание нас, конечно, по головке не погладили, но, поговаривали мужики, испугалась власть, не всех ко стенке, хоть и брали. Верно, потом, перед войной, еще раз прошлись, у нас человек семь увезли, и с концом. А тут Гитлер. Как бы эти мужики сгодились! Не иначе, вредительство было среди НКВД, потому и подвели под монастырь Берию и прочих. Товарищ Сталин всех вывел на чистую воду.

Ирина оживилась:

– Вы Сталина хвалите, а как же культ личности, и из мавзолея вынесли?

– Дорогая ты моя, да потому что дураки! Вот тебе крест, хоть я и не шибко верующий! Народ со Сталиным войну победил, а они его обосрали, не за столом будь сказано. Зависть и низость, больше ничего.

– Вы про церковь говорили...

– Вот еще одна дурь. Такая красавица стояла, любо посмотреть, нет, всю раздолбили, и ничто в дело не пошло. Школу склали кирпичную, она каждый год по два раза горела, пока не прикрыли. На гать вывезли тысячу подвод со щебнем – седни привезли, к утру нету, ушел в землю.

– Вы считаете, что Бог наказывал?

– А кто? Не райком же. Бог и наказал. Все, кто ломал, хоть и по наряду, все полегли на фронте. Я только кирпич и щебень возил, и то мне осколок достался, за что и благодарю Господа.

Ирина удивилась:

– Александр Иванович, вы же сказали, что не шибко верующий.

– А где ты теперь сыщешь верующих-то настоящих? Я тебе так скажу: от Бога отвернули народишко, а к Ленину он не прислонился. Оттого и болтамся, как говно в пролубе. Нам бы жить сейчас – с табаретки не достать, а мы все в резиновых калошах ходим. На днях гляжу: Рома Носастенький идет, спрашиваю: «Далеко отправился, на ночь глядя?». Отвечает: «На партейное собранье». «А почто в калошах?». «А нам, коммунистам, нечего скрывать, вот купил новые калоши, пусть все видят». Вот скажи мне, ты врач, грамотный человек:

разве так можно людями руководить, когда калоши заместо хромовых сапогов в народе?

Ирина помолчала, потом спросила:

– Александр Иванович, вы же говорили, что народ у вас работящий и дружный. Почему тогда так плохо живете?

– А вот я скажу. Наняли мы один год пастуха коров пасти деревенских, и что ты будешь делать!? Корова домой приходит, а молока нет. С неделю такое, а потом обнаружилось, что не только у нас, по всей деревне так. И пошли посмотреть, а как же пастух наш молочко нам нагуливат? И нашли, что он с утра весь табун сгуртовал в старый колхозный загон, а сам посыпат на вольном воздухе. А ведь травы кругом наросли – ноги не протащить.

– Вы хотите сказать, что от пастуха все зависит?

– Конечно, от пастуха.

– Крамольные ваши разговоры, Александр Иванович, вы бы в самом деле с ними поаккуратней.

– А я, Ирина Николаевна, на митинги не хожу. Так вот со старухой порассуждаю, да вот ты появилась, тебе пожалился. Я же битый, все понимаю. Ежели вслух сказать, могут и в самом деле припаять статью, это у нас за всяко просто. Ну, еще по рюмочке?

Ирина отказалась. Выпила стакан еще теплого вечернего молока, поблагодарила хозяев.

– Мы с вами должны обговорить условия моего проживания. Александра Ивановна, готовить у меня времени не будет, так что рассчитывайте и на меня. И за комнату – сколько все это будет стоить?

Хозяева посмотрели друг на дружку, улыбнулись:

– Дочка, ты про это не думай и в голове не держи. Ничего с тебя брать не станем. Другое дело, если прикупишь чего, чтобы бабка скусней приготовила.

Ирина запротестовала:

– Ну, так же нельзя, Александр Иванович!

– Так должно быть между людями, где это видано, чтобы за выручку с человека деньги брали? Забудь. А еще раз заикнешься – обидишь кровно.

***

Заведующая пришла в больницу в семь часов утра, у входа ее поджидал мужчина довольно пожилого возраста, явно злоупотребляющий спиртным. Вид и запах выдавали его окончательно. Она поняла, что это Волокушин.

– Простите, Ирина Николаевна, вы меня уже уволили?

– Еще нет. Проходите в кабинет. Я собираюсь работать долго и хорошо, потому мне нужны надежные и деятельные помощники. Вы, как я понимаю, таковым не являетесь. Что ответите на эти слова?

Волокушин пожал плечами:

– Вы все сказали правильно.

Ирина удивилась такой податливости:

– Вы можете объяснить, почему пьете? Ведь на вас была больница, коллектив, пациенты. А вы на все наплевали и пьянствовали, так мне доложили. Почему? Может, вам пролечиться? В Челябинске есть клиника, я могу вам посодействовать.

Волокушин впервые поднял на нее глаза:

– Ирина Николаевна, оставьте меня на работе, я ведь был неплохим зубником, но должность испортила. Каждый спешит ублажить, потому что в любое время может потребоваться больничный или справка. Например, сын пришел на побывку из армии, что мне стоит дать ему справку, что пять дней находился в стационаре по поводу ОРЗ? А родители готовы неделю угощать после этого. У меня и дома неприятности, детей трое, жена собралась уезжать. Без них я совсем пропаду.

Ирина жестко ответила:

– Домашние дела, товарищ Волокушин, будете улаживать самостоятельно. Даю вам сегодняшний день, чтобы привели себя в порядок. Завтра – как стеклышко, и так каждый день до первой выпивки. Увижу утром, что с бодуна – выпру к чертовой матери. Все, свободны.

Через полчаса о крутом нраве новой заведующей знали и сотрудники, и больные.

Ирина открыла тумбочку письменного стола, оттуда вывалился с десяток пустых бутылок. В ящике стола хлеб, огрызки луковицы, кусок соленого сала. Позвала санитарку:

– Вы у себя дома так же живете?

– Как? – не поняла санитарка.

– Как в свинарнике. Я ухожу по больнице, к возвращению кабинет должен блестеть чистотой. Уберите все, промойте с содой, после работы побелите стены, вымойте потолок, сделайте все, чтобы войти было приятно.

Она взяла подготовленный заранее список всех сотрудников с указанием специальностей: терапевт, зубной врач, детский фельдшер, акушерка, медсестра физиокабинета, техник-рентгенолог, процедурная сестра, фельдшера на приеме больных и в стационаре, лаборант. Стационар на двадцать коек. Кухня, столовая. В коридоре сидели

больные, ожидавшие очереди на прием. Вошла к терапевту. Валентина Алексеевна, женщина лет сорока, осматривала больного, отложила прибор, которым измеряла давление, заведующая кивнула: «Продолжайте». Ей понравилась манера доктора вести разговор с больным, она выспрашивала всякие детали быта и работы. Когда осмотр был окончен, врач выписала рецепты и уточнила:

– Вот эти лекарства вы можете купить только в райцентре.

Когда больной вышел, Ирина Николаевна спросила:

– Разве у нас нет аптеки?

Валентина Алексеевна кивнула:

– Есть. Но никто не контролирует поступление препаратов, не делает заявки. И в больницу привозят только самое простое и необходимое.

– Вы давно здесь работаете?

– Ой, уже восемь лет.

– И не сбежали?

– Ирина Николаевна, куда сбежишь, у меня семья, две девочки, муж и перевез меня сюда. Нет, и не собираюсь сбегать, уверена, что у нас сейчас дела пойдут лучше.

Ирина приподняла бровь:

– Это почему?

Женщина чуть смутилась, но ответила прямо:

– Я уверена, что вы приехали сюда не просто так. И вы не сумеете работать плохо. Я это вчера по первому вашему заявлению поняла.

Ирина встала:

– Хорошо, Валентина Алексеевна, работайте. Только первое впечатление может быть обманчивым.

– Нет, Ирина Николаевна, я никогда не ошибаюсь.

Молодая девушка акушер-гинеколог вытирала вымытые руки перед очередным приемом.

– Вас зовут...

– Зина. Зинаида Михайловна.

– Как вам работается, Зинаида Михайловна?

Девушка пожала плечами:

– Трудно. Женщин много, у нас в год регистрируется по сто пятьдесят беременностей.

– А где рожают?

– Кто где, Ирина Николаевна, и дома, тогда приходится выезжать, чтобы не было осложнений, и у нас, когда вовремя привезут женщину, но многих отправляю в район, если вижу, что возможны проблемы. Зато столько радостей в больнице, когда ребеночек родится!

– У вас есть свои дети?

– Что вы, я и не замужем вовсе.

– Извините, вы так говорили о ребенке, что я подумала: сама мама. Зинаида Михайловна, составьте список всего, что вам необходимо для работы. Конечно, в разумных пределах, но конкретно. Будем добиваться в районе поддержки наших женщин, правильно?

– Полностью согласна, Ирина Николаевна!

– Вот и славненько!

Кухня и столовая произвели на заведующую ужасное впечатление. Пробовать предстоящий обед она отказалась, потому что внешний вид пищи, посуда, сама повар, обширная и лоснящаяся женщина, убивали аппетит напрочь. Попила в кабинете чай с бабушкиными пирожками, хорошо, что утром не смогла отказаться, и пригласила бухгалтера.

– Серафима Михайловна, мне нужна ваша помощь. Не скрою, я интересовалась вами у главбуха районной больницы, характеристики самые положительные. Следовательно, на вас я могу рассчитывать. Давайте в субботу объявим всеобщий день уборки. Вы посмотрите, в какой ужасной обстановке мы живем. Дайте команду завхозу подготовить известку, краску для полов, дверей и окон, кисти и все другое. Проследите, чтобы было все. Деньги? Возьмите любые, потом все оформим.

Утром Ирина позвонила главврачу:

– Петр Петрович, заберите у меня восемь человек со стационара дня на три, мы хотим сделать в палатах косметический ремонт.

– Наслышан я о ваших деяниях, очень рад, и, конечно, поможем. Давайте, я запишу, какие больные, чтобы места подготовить. Так, терапия пять, хирургия один и две в гинекологию. Понял, как только подготовим места, я пришлю две машины. Да, Ирина Николаевна, председатель вашего колхоза интересовался новой заведующей, вы бы к нему зашли, колхоз очень даже может вам помочь в ремонтных делах.

«И правда, – подумала Ирина, – как же я сама не догадалась? Люди-то чьи – колхозные. Да и из совхозов тоже. А что? И совхозы подключим, надо этим обстоятельно заняться».

***

У своего бухгалтера и всезнающих хозяев Ирина навела справки о председателе колхоза, с которым ни разу еще не виделась. Панков Алексей Павлович. Молодой, лет тридцать, женатый, красивый, трезвый, строгий. В председателях три года, люди его уважают. Этого было доста-

точно, чтобы идти к нему с конкретными предложениями. Позвонила, представилась, спросила, когда удобнее подойти для разговора. Он не выразил особой радости от предстоящей встречи, но время назвал: в три часа. Ровно в три она открыла дверь кабинета. За столом сидел симпатичный молодой человек, голубоглазый, с волной русых волос, откинутых вправо, с открытым лицом, готовый к любому разговору.

– Добрый день, Алексей Павлович. Я заведующая участковой больницей, зовут меня Ирина Николаевна Дзюбина. Думаю, мы должны быть знакомы, ведь заботы у нас общие.

Председатель улыбнулся:

– Это в какой части они общие? Каждый день транспорт искать, чтобы больных из деревень к вам доставить? Отбиваться от главного, который считает, что колхоз должен чуть ли не содержать больницу. Могу продолжить.

Ирина жестом руки его остановила:

– Это хорошо, что вы в курсе наших проблем, мне и объяснять ничего не надо. Алексей Павлович, вы хоть раз у нас были? Нет, не за помощью, избави Бог, вы такой сильный и здоровый мужчина, а из любопытства: как же лечатся мои герои труда? На чем спят? Что кушают на обед? Наконец, не упадет ли на них потолок, который стелил еще, возможно, ваш папа?

Председатель посерьезнел, легонько пробарабанил пальцами по столу:

– Я так понял, что вы не на меня посмотреть пришли. Говорите прямо. А что касается моего отца, то он был механизатором, потолков не стелил. Он умер от ран в шестидесятом.

– Простите меня, Алексей Павлович, за бестактность. И по делу: предлагаю снести всю рухлядь больничную и построить новый небольшой больничный корпус.

Председатель в упор посмотрел на Ирину и покраснел, то ли первый раз женщину в ней увидел, а не посетителя-просителя, то ли смутился, что глупости говорил:

– Ирина Ивановна...

– Николаевна.

– Да, конечно. Идея замечательная, но вы не по адресу пришли, это дело советской власти. Надо заказать проект, выбить финансирование, войти в титульный список строительства, найти подрядчика.

Ирина перебила председателя:

– Алексей Павлович, мне горько слышать ваши слова. Ваше род-

ное село, тут мама живет, тут могила отца, деток ваших, возможно, супруга приводит на проверку в наши развалины. А вы рассуждаете, как махровый бюрократ. Вы же энергичный современный руководитель, должны видеть свое хозяйство в завтрашнем дне. Я заходила в школу – вы нашли способ ее построить. Но школа – это знания, а больница – здоровье. Вы даже не замечаете наши ФАПы в деревнях, в ваших бригадах – убогие избушки. И это в семидесятые годы! «Это дело советской власти!». Да как у вас язык повернулся сказать такое! А мы с вами разве не советская власть? Мы же руководители, и тоже за власть отвечаем.

Панков рассмеялся:

– Ирина Николаевна, вы в райкоме партии не работали?

– Бог с вами, Алексей Павлович, я и в партии не состою.

– Убежденности в своей правоте у вас много. Может, так и надо? Действительно, я не особенно хорошо знаю ваше хозяйство, поедем, посмотрим.

В председательском уазике, он сам за рулем, они подъехали к больнице с заднего двора, так попросила Ирина.

– Посмотрите, какая огромная территория пустует. Конечно, можно организовать огород, но меня сегодня не картошка с капустой интересуют. Строить можно, ничего пока не снося. То есть, мы делаем свое, а строители свое. Скажите, только честно: вас мое предложение хоть сколько-то воодушевляет?

Алексей засмеялся:

– Попробовал бы я сказать, что вдохновенная речь молодой красивой заведующей меня не воодушевляет. Я же все-таки мужчина.

– Э-э-э, куда вас поволокло, Алексей Павлович, дорогой. Я ему про стройку, а у него лямуры на уме! С вами вообще об этом говорить нельзя, вы женатый человек.

Алексей возмутился:

– Вот глупейший подход: если человек женат, то и права не имеет общаться с другой женщиной.

Ирина серьезно заметила:

– Алексей Павлович, давайте тему общения пока замнем. Так что будем делать со строительством?

– Не знаю! Еще раз повторяю: не знаю! Конечно, строить надо, но я, председатель колхоза, не могу решить эту проблему. У меня задачи другие. Пока вот так: нарисуйте мне здание, которое полностью закрывало бы все ваши потребности, схему, чертеж – что сможете.

– Смогу!

– Я проговорю в сельхозуправлении, а главный ваш Бытов пусть вникнет в суть и идет в райисполком, просит денег. Только не зачихивайте, скромнее.

– Конечно, Алексей Павлович, небольшое двухэтажное здание.

Панков махнул рукой:

– Ох, и вляпаюсь я с вами, Ирина Николаевна!

«А ты уже вляпался, милый Алешенька!», – подумала Ирина и засмеялась.

***

Дома ее ждало письмо от единственной подруги, которой она сообщила свой новый адрес. «Ирочка, дорогая, ты куда пропала? И почему твой адрес нельзя никому? Как ты могла – вышла замуж, и никому ни слова? Почему адрес деревенский, вы что, там жить собираетесь? Ирка, ты сошла с ума, ты и деревня – это несовместимо. Напиши подробней. Я с ума схожу...»

Быстро написала ответ. Она и без того целую неделю переживала, зачем расслабилась, зачем написала Ларисе? Она подруга хорошая, но вдруг кто-то из девчонок увидит письмо или она проговорится, что нашлась Ирка? Ответ был кратким: «Лариса, я счастлива, Алеша прекрасный человек, через два дня мы едем в город и регистрируемся. Никому ни слова, потому что найдутся желающие испортить мне жизнь, а я не хочу, чтобы он знал что-либо о моем прошлом. Сюда больше не пиши, новый адрес я сообщу сразу, как приедем в его дом. Никаких приветов никому, меня нет. Все. Ирина».

Старики были в восторге от ее новости, что будет строиться новая больница.

– Сегодня сяду проект рисовать, рулон обоев купила, чтобы покрупнее. Алексей Павлович пообещал, что добьется.

– Энтот добьется, одно слово: Алексей – Божий человек, – кивнул Александр Иванович. – Дочка, ты не забудь нарисовать тавалет, как в городе. Я раз бывал – красота, сидишь себе на стульчике и газетку почитываешь. В нашем зимой, небось, и заголовки не посмотришь, штаны на ходу застегиваешь.

– Лександро, устыдись! Такие речи! – одернула его супруга.

– Правильные речи, баба Шура, обязательно туалет сделаем, – поддержала деда Ирина. – И еще много чего очень нужного и полезного.

До глубокой ночи сидела она над широкими листами цветастых

обоев, сначала выписала все необходимые кабинеты и помещения, потом стала чертить план.

– Арина, дочка, прости за беспокойство, – дед Александр вошел в комнату. – Тебе другой никто не скажет. У нас озеро есть с той стороны деревни, вода в нем никуда не годна, горькая и соленая, если обкупнешься, сразу на ветру коркой соли покроешься. А дно – сплошь грязь, да вонючая, но шибко полезные и вода, и грязь эта. После войны мужики израненные летом купались, а к зиме бочками завозили и в бане пользовали. Бывало, придет на костылях, а в грязях повалялся – смотришь, и свататься побежал. Мне один мужик говорил, что ездил на море, дак там этой грязью мажут и в корыте держат. Вот соорудить бы тебе такую штуку, чтоб от радикулита и прочей хрени спасать народишко.

Ирина аж вспыхнула:

– Дед Саша, какую мысль вы мне подкинули! Это же здорово – свою лечебницу грязевую открыть! Спасибо вам за подсказку, я это обмозгую.

– Обмозгуй, дочка, а я спать пойду, бабка ругатся, что бужу ее, когда к стенке перелажу.

Ирина улыбнулась: счастливые люди, полвека прожили вместе, детей нарожали, теперь кто где, одна дочь Мария в колхозе осталась, дояркой работает, прибегает иногда. Как с Ириной познакомилась, обрадовалась:

– Слава Богу, хоть старики под присмотром будут. А то каждый день не набегаешься, да и семьища у меня, и хозяин механизатор, с апреля по октябрь почти не видим.

Утром, едва вбежав в кабинет, Ирина схватила телефонную трубку:

– Колхоз, председателя. Алексей Павлович, здравствуйте, план больничного корпуса готов.

– Что нам стоит – дом построить, нарисуем – будем жить. Здравствуйте, Ирина Николаевна. Вы не обижайтесь, шутка такая, и как раз к месту.

Ирина, действительно, обиделась. До четырех утра просидела за столом, проводя и стирая карандашные линии, а потом уже в чистовом варианте расписала кабинеты и вспомогательные помещения. Она уже видела этот корпус, уже жила им, связывая ближайшие задачи с наполнением его новым содержанием.

– Алексей Павлович, вы найдете время посмотреть план?

На том конце трубки вздохнули:

– Ирина Николаевна, конечно, найду, прямо сейчас, после планерки, я за вами машину пришлю.

Ирина не могла скрыть своей радости:

– Вот еще! Тут пешком десять минут ходьбы.

Лист обоев расстелили на столе, углы прижали книжками из шкафа, вот план первого этажа, вот второго, а рядом – вид с фасада, высокое крыльцо с колоннами, над ним большой балкон, широкие окна вверху закруглены.

– Вам, Ирина Николаевна, следовало в архитектурный поступать. Конечно, о стоимости такого объекта вы даже приблизительного представления не имеете? А это сотни тысяч. Кирпич – первейший дефицит. Цемент, пиломатериалы... Давайте так: вы с Бытовым пробиваете финансирование, я в сельхозуправлении решаю свои вопросы. Когда начнем? – спросил Панков.

Ирина смело посмотрела ему в глаза:

– Вчера надо было, Алексей Павлович. Сегодня мне ехать – смысла нет, Бытов в облздраве, так что только завтра.

– Вот и славно. И я завтра поеду. Рисунки свои оставьте, мне надо начальству показать.

Ирина дошла до дверей и остановилась:

– Алексей Павлович, пообещайте, что вы пробьете это строительство.

Панков вышел изо стола, хотел взять гостью за руку, но вовремя одумался:

– Обещаю, если даже поддержки не будет, своими силами начнем делать. Да, у меня в двухэтажке квартирка освобождается, посмотрите?

Ирина улыбнулась:

– Спасибо, товарищ председатель, за заботу, но меня нынешняя жизнь вполне устраивает.

Председатель улыбнулся:

– И не скучно вам со стариками?

Ирина ответила серьезно:

– Некогда скучать, у меня много работы. До завтра.

Но Панков позвонил ей уже через час, сказал, что начальник сельхозуправления перевел стрелки на райисполком, вот председатель приглашает обоих для обсуждения предложения, и надо выезжать немедленно.

Панков сам за рулем уазика, Ирина в строгом сером костюме, волосы косынкой схвачены, явно волнуется, крутит в руках свои чертежи.

– Председатель райисполкома мужик толковый, если он поддержит, считайте, что все получится.

– А если нет? Вдруг ему абсурдной покажется идея? Жили же столько лет, и ничего, – озабоченно высказалась Ирина.

Панков возразил:

– Не скажите, Ирина Николаевна, в районе многое меняется. Сейчас на село стали обращать внимание, вот мы еще три года назад почти ничего не строили, а сейчас школу заканчиваем, дом культуры на очереди. А жилье? Обещаю: в будущем году выделим вам квартиру в новом двухквартирном доме, замуж вас выдадим, будете садом-огородом заниматься, и мужа вам подберем, чтобы специалист в колхозе прибавился.

Ирина будто и не слышала разговора про квартиру и мужа, до самого райцентра молчала, а когда подъехали к исполкому, повернулась к Панкову:

– За квартиру спасибо скажу, а вот мужа, Алексей Павлович, я сама как-нибудь выберу, договорились?

Панков смутился:

– Я же в порядке шутки, Ирина Николаевна!

Она ответила:

– А я очень серьезно, Алексей Павлович.

Панков хлопнул дверцей:

– Идем. Сейчас нас Николай Петрович помирит.

Николай Петрович Хевролин вторую пятилетку был в должности, а до того десять лет работал председателем большого колхоза, откуда и происходил родом. Все, как у всего поколения: трудное военное детство и не менее сложная послевоенная юность, был бригадиром, вступил в партию, нашлись добрые люди – предложили поехать в советско-партийную школу. Николай понимал, что не только институт – техникум ему не светит при его вечерней семилетке, но в совпартшколе учили упорно, готовили кадровых работников власти и партии. Направили секретарем парткома, он так понимал, что все, кроме бумажных дел, есть продолжение работы бригадира, только в масштабах всего колхоза. Так же рано утром приходил на дойку, выезжал проверять ночную пастьбу скота, в посевную и уборочную жил на полевом стане и в поле, переезжая из бригады в бригаду, всегда с народом, всегда среди людей. Его запросто звали Петровичем, почти всегда на «ты», он не кичился и «зоб не растил», как случалось с иными: только стал начальником – сразу через губу разговаривать начинает, голос подбирает, цену себе тоже. Он помнил рассказ одного острословного мужичка:

– Пашку Варварина, как в рабочком изобрали, совсем переменился мужик. Раньше, бывало, окликнешь: «Пашка!», он тут же отгаркнется. А теперь – куда там! Кричу: «Пашка!» – идет, как шел. «Варварин!» – хоть бы хны. Тогда уже: «Павел Матвеич!». Остановился: «Чего хотел, Максим Павлович?».

Через годы избрали председателем колхоза, к своему добавили соседний, стало пять бригад, Хевролин не жаловался, на трибуны совещаний не спешил с докладами, спокойно решал вопросы с партнерскими организациями, построил зерноочистительный пункт, механизировал фермы, доярки и скотники вздохнули свободней. Договорился с ближайшим леспромхозом, всю зиму бригада лесорубов жила в тайге, всю зиму автоколонна возила сосновые кругляки, а дома работали пилорама и столярка. Жилье для колхозников начали строить, большак до райцентра выправили, на лес выменяли автогрейдер у казахстанских дорожников. Приехал как-то большой начальник из области, посмотрел хозяйство, видать, толк в делах знал, и через неделю Николай Петрович стал председателем райисполкома. Он и тут работал от души, многое получалось, но в районе так заведено: все, что хорошо – это заслуга первого секретаря райкома партии, а все остальное – недоработки советских и хозяйственных органов. Хевролин с этим молчаливо соглашался, потому уже дважды меняли секретаря райкома, однако ему повышение не предлагали. Сам Николай Петрович был уверен: если бы даже и предложили, отказался бы решительно и бесповоротно. Но не предлагали, и он вез свой воз настойчиво и терпеливо.

– Проходите, беспокойные души. Вы, Ирина Николаевна, в трех словах скажите, как устроились, как вас колхоз поддерживает? Так уж все и хорошо? Ладно. Садитесь, рассказывайте, что вы там замыслили?

Опять развернули чертежи, Хевролин нацепил очки, смотрел внимательно и без колких комментариев, которых так боялась Ирина.

– Дело, конечно, хорошее. Я только что говорил с Семовских, это заведующий облздравом, он оберучь за, даже пообещал некоторые средства нам перебросить по полугодию из районов, где не осваивают. Но тут главная фигура Алексей Павлович, если он берется, можно к нему в пристяжку. Я сейчас же отдам в стройотдел, пусть обсчитают смету расходов. Будем народной стройкой работать, кто что может. Конечно, Алексей, брусовой дом можно было бы сложить к осени, но надо нам от дерева уходить, через два десятка лет все труды пропадут.

Ирина не удержалась:

– А как же на Русском Севере деревянные церкви стоят по триста лет? Я ездила по турпутевке от института...

Хевролин кивнул:

– Стоят и стоять будут, если какой-нибудь сумасшедший не подпалит. Дерево тогда другое было, и технология другая, ту же сосну вымачивали и сушили, годами готовили. Нам же отводят лес после сбора живицы, соки все из сосны выжмут, и в деревню на стройку. А от сосны одно название осталось. Да еще мы всю твердь спилим, и остается в брусе очень слабая фактура, если десять лет проживет, уже хорошо.

– Извините, Николай Петрович, а зачем тогда...

– Затем, Ирина Николаевна, что никто не дает пока деревне кирпич и бетон, города надо поднимать, вот так всю жизнь за счет деревни. Ну, ладно, расфилософствовались тут. Ты, Алексей Павлович, закидывай удочку в Казахстан насчет кирпича. А вы, Ирина Николаевна, тормошите своего главного, а то он спит на ходу, пусть из облздрава не вылазит, деньги – самое главное. Если что – сразу ко мне. Все, до свидания.

В машину Ирина села в прекрасном настроении, ей уже казалось, что вопрос строительства больничного корпуса решен полностью и окончательно. И она была сильно удивлена, что председатель колхоза не разделяет ее оптимизма, выглядит суровым и даже подавленным.

– Алексей Павлович, чем вы недовольны? Разве поддержка Хевролина уже ничего не значит?

Алексей включил скорость и рванул с места.

– Значит. Едем домой, мне еще на сенокосе надо побывать.

Машина шла неровно, он то и дело переключал передачи, и всякий раз рука его касалась коленка Ирины. Она сидела спокойно, словно ничего не замечая, пока рука Алексея окончательно не легла на прикрытое юбкой колено, тогда Ирина чуть повернула голову и тихо сказала:

– Руку убери.

Алексей нажал на тормоза и заглушил мотор.

– Ирина! – Он взял ее за плечо, хотел повернуть в свою сторону, она не сопротивлялась, но восторга в ее глазах мужчина не увидел. – Ирина, ты мне очень нравишься, очень. У меня домик есть на озере, поедем?

– И что в домике? Продолжим обсуждение проекта? Или есть новые темы? Эх, Алексей Павлович, и вы туда же. Конечно, справки навели, одинокая, замужем была, терять нечего, почему бы не попользоваться? А я, Алексей Павлович, не ходила замуж, так уж полу-

чилось, извините, что ввела в заблуждение. История с неудачным замужеством нужна была на полчаса, а вы и обрадовались. Не скрою, вы мне сразу понравились, но вы женаты, семья, и я ничем не давала повода вот так свободно распоряжаться моей коленкой. Заводите машину, вас еще на сенокосе ждут. И забудем этот инцидент как неуместную шутку.

Сконфуженный Панков молчал весь остаток пути, подвез Ирину к больнице:

– Останьтесь на минутку. Простите меня, я вел себя как мальчишка. Извините.

Ирина засмеялась:

– Осталось только добавить, что это никогда не повторится. – Открыла дверцу, вышла, подняла глаза на Панкова: – А было бы жаль, Алексей Павлович. – И пошла к покосившейся калитке.

***

Только вошла в кабинет, короткими резкими звонками позвал телефон. Схватила трубку.

– Ирина Николаевна, Хевролин, здравствуй. Хочу у тебя спросить: ты, может быть, слово какое знаешь? Вопросы по твоей новостройке решаются, будто кто из Москвы курирует. Значит, так. Сегодня к тебе выезжает архитектор, сделает разметку, можно начинать копать траншею под фундамент. Это с Панковым, в районе ни одного экскаватора свободного нет. Вчера облздрав поставил деньги, не богато, но начинать можно. С облфином сейчас говорил, там у меня старый друг сидит на деньгах, сотню тысяч найдет. Панков доложил, что фундаментные блоки и кирпич казахи дадут, им нужен лес. Я бы тебе вот что посоветовал: ты работник низовой, приезжаешь в облисполком и докладываешь заместителю Холявко Якову Лаверовичу (запиши, чтоб не забыть), что так и так, начали строить новую больницу, скажи: деревянную, рубим сруб, а леса доброго не хватает. Проси кубов двести, лишним не будет. Если скажет, что только сто, есть у него такая замашка, соглашайся, но предупреди, что через месяц снова придешь, потому что плахи на пол и потолок нужны будут. Он всем лесом командует, нажимай. Я бы и сам, но пойми, Ирина Николаевна, он меня уже боится, каждую неделю в дверь ломлюсь. Поняла?

Ирина кивнула, но тут же скороговоркой:

– Николай Петрович, я боюсь к такому начальству ходить. Кто я есть?

Хевролин засмеялся:

– Я тебе не зря начал пояснять с инициативы. Власти инициаторов почитают. Потом, Холявко перед красивыми женщинами млеет, ты там пошустрей, побойчей, он полтайги отдаст за твои улыбки. Понятно, что в разумных пределах, я же не намекаю на что-то дурное. А для благого дела почему бы глазки не построить, если они есть?

Ирина кивнула, будто Хевролин мог это видеть:

– Поняла, Николай Петрович, все записала, и про глазки тоже. Когда ехать?

– А вот с архитектором и добирайся до исполкома, я тебе машину дам до станции, а там поезд идет вечером, у каждого куста останавливается, зато в восемь утра ты уже в городе. Если что – звони, я завтра на месте.

Место в плацкартном вагоне, но народ тихий и трезвый, потому на верхней полке думается хорошо. Ирина довольна: такого начала своей новой жизни она и ожидать не могла, но все получилось. А теперь вот стройка, сама не понимает, как засосала ее эта идея, как охотно пошли на нее очень важные люди. От Лариски писем нет, значит, поверила, ждет новый адрес. И правильно сделала, что сходила на почту и попросила заведующую возвращать все адресованные ей письма и открытки с пометкой «Адресат не значится». Ей никто сейчас не нужен, только работа и время. Алексей. Хороший мужчина, только вот семья, две дочки, а скандалы Ирине ой, как не нужны. И что делать? А если он будет настаивать? И если она уступит? А потом что? Уезжать ей некуда, потому Алеша потерпит. И она тоже. Холявко Яков Лаверович. Заведомо личность неприятная, но улыбаться надо, потому что за улыбки он даст лес, который Алексей обменяет на кирпичи. А они нужны... Не могла вспомнить, сегодня архитекторша столько цифр назвала, что в голове не уместились. Много тысяч штук требуется, и все в Казахстане. Алеша сделает, он теперь в лепешку будет расшибаться, чтобы ей угодить. Его и расшифровывать особо не надо, весь на виду, только бы жена первой его интерес не заметила, а то вся стройка пропадет. Да разве только стройка? Ирина улыбнулась: а ведь я поеду в его избушку, точно поеду, еще до холодов.

Под эту сладкую думку заснула, мерный стук колес и частый скрип тормозов, постоянные хождения полусонных пассажиров – ничто не мешало видеть ей огромные штабеля бревен и пирамиды кирпичей рядом с красивым двухэтажным дворцом ее участковой больницы.

Странно, но в приемной заместителя председателя облисполкома уже знали о визите заведующей участковой больницей, ее сразу пре-

дупредили, что времени на разговор только десять минут и проводили в кабинет. Когда она вошла, Холявко уже держал трубку и кивал:

– Хорошо, я вас понял, через пятнадцать минут буду.

Положил трубку, глянул на вошедшую:

– Здравствуйте, садитесь и быстро – что вы хотите?

Ирина подала бумажку, в которой кратко была изложена просьба. Холявко пробежал глазами и кивнул:

– Понимаете, вопрос не простой, а меня первый секретарь обкома вызывает. Если завтра?

– Не могу оставаться, надо сегодня, Яков Лаверович, помогайте! – и она широко улыбнулась. Холявко дрогнул:

– Почему вас, молодую красивую женщину, гонят в такую даль из-за какой-то сотни кубометров леса?

– Из-за двух, Яков Лаверович, а гонят, потому что настоящих мужчин не стало. Прошу вас. Двести. А потом я еще приеду. За дверями и окнами. Вы ведь поможете мне, правда, Яков Лаверович? Не перевелись же мужчины на свете!

Холявко улыбнулся:

– Буду рад видеть вас еще раз. Приезжайте, мы все решим. Вы из какого района? А, от Хевролина? Хитрый жук! Привет ему передавайте, и пусть ждет в гости. Наряд я вам вышлю. А пока – извините, бегом в обком.

Ирина встала:

– Яков Лаверович, дайте команду сделать бумагу сейчас, чтобы я спокойно уехала.

Холявко сел:

– Молодец, девушка, просто молодец! – Нажал кнопку на телефоне: – Инночка, сейчас к тебе придет заведующая участковой больницей, сделай ей наряд на сто кубометров красного леса.

– На двести, на двести, Яков Лаверович, вы же пообещали.

– Инночка, сделай на двести. Она сейчас будет у тебя. Да, подпиши, как ты умеешь это делать, и вручи.

Ирина соображала, уместно ли будет чмокнуть податливого заместителя, но решила, что пока не надо, а там видно будет.

Из облисполкома она выходила с нарядом на двести кубометров соснового леса.

Десяток машин возили кирпич, Панков поставил на объект подъемный кран, чтобы снимать поддоны без битых отходов. Первыми привезенные бетонные блоки уже уложены в траншею, и сей-

час три каменщика тщательно выводили цоколь. Контуры будущей больницы радовали глаз, Ирина несколько раз в день прибегала посмотреть. Под вечер застала на стройке председателя. После того неприятного разговора Панков смущался, краснел и отводил глаза.

– Завтра дам еще двух мастеров на кладку, прораб будет забегать, а общий порядок за вами.

– А вы, Алексей Павлович? – с легкой усмешкой спросила Ирина.

– У меня нет времени, уборочная начинается.

Ирина ухватилась за промах:

– Все-то вам не до меня и моей больнички, то у вас был сенокос, теперь уборочная. Закрутились, поди, и в лесном домике побывать не удалось?

Панков поднял глаза:

– Домик не лесной, а на озере, в воскресенье ездили с ребятами, сетешки раскинули, уху сварили.

Ирина будто ждала такого ответа:

– Уха на озере, на свежем воздухе! Всю жизнь мечтаю о такой ухе, да под рюмочку. Была рюмочка, признавайтесь!

Панков повеселел:

– Конечно, была, Ирина Николаевна, у нас уху без водки даже собаки не едят.

– А что же вы меня не пригласили? В тот раз вон как настаивали, даже на ты перешли, а теперь в кусты? Не хорошо, Алексей Павлович!

Панков оглянулся – нет никого, осмелел:

– Вы только скажите, я вмиг организую.

Ирина согнала с лица улыбку:

– Не время, Алексей Павлович, личными делами заниматься, у меня стройка, у вас уборка урожая. Нельзя свое ставить выше общественного. Может, после открытия новой больницы?

Панков побледнел:

– Я для вас... Не думал, что заслужил насмешки... Ладно, стерплю, Ирина Николаевна! До свиданья!

Он не видел уже, как метнулась к нему Ирина, как легкомыслие исчезло с ее лица, только сел в машину, она уже рядом:

– Не обижайся на меня, Алексей, тебя мой дедушка Божьим человеком зовет. В субботу поедем на рыбалку, согласен?

– Конечно. Я за вами... Я за тобой заеду, Ирина.

– А вот этого не надо. В семь вечера я выйду за околицу, в рощу. Все, уезжай.

Только с третьей попытки машина тронулась с места – мотор глох. Ирина улыбнулась: «Ох, наловим мы рыбки, на всю деревню разговоров». Только потом она вспомнит, что про жену Алексея как-то не подумала.

***

В субботу дед Лександро, как упорно звала его супруга, усердно топил баньку, дров не жалел, воды наносил полную кадку, веники приготовил, для себя и для Арины – никак иначе называть квартирантку не желал. Ирину встретил в калитке, заботливо принял сумку с продуктами, пошли в дом. Хозяйка уже ставила на стол мясной суп, Ирина выписала немного мяса в колхозе, хотя дед поучал отрезать прямо на больничной кухне.

– Я как-то лежал с неделю, грыжа, язви ее, замучила, по всему брюху расползлась. Дадут суп, вроде молосным отдает, а мяса нет. Дальше картошку толченую, там ровно три кусочка мясных. Нас лежало семнадцать человек, по три кусочка – полсотни. А каждую неделю завхоз привозит пару скотских ног да свиной окорок. Воруют, сволочи, до больного не доходит.

Ирина помыла руки, повесила полотенце:

– Все, Александр Иванович, отворовали. Повара я заменила, завхоза тоже. Теперь сама хожу на кухню, принимаю завтрак, обед и ужин. Вы сейчас приходите к нам, будем кормить, как в санатории.

Старик засмеялся:

– Нет, душа моя, от добра добро не ищут. Меня бабка кормит, как большого чина, каженный день мясное блюдо. Кто так живет? Раскормишь ты меня, Аринушка, а потом покинешь, взамуж выскочишь либо квартеру получишь, и опять бабка меня на картошку переведет.

– Не переживайте, Александр Иванович, замуж никто не зовет, а квартира мне не особенно нужна. Разве мне одной будет лучше, чем с вами? Или я надоела?

– Господь с тобой, родная ты моя, как можно такое? Живи, сколь хошь, я ведь и про еду-то шутейно говорю. Много нам надо? Пряник да чашку чая. Только, ежели котлетку бабка поджарит, ломаться не стану, хоть и пост. Давай, перекуси, отдохни чуток, и в баньку. Жар нонче добрый, сухой и пахучий, я травки кинул на каменку, душицы. Знатный аромат. Веничек тебе изладил свежий, маленький, меж березовых веток три смородинных спрятал, помашись в удовольствие. Привыкай париться, это и по медицине признано пользительным.

После баньки Ирина в своей комнатке сменила халат на легкое платьице, подумала и с улыбкой положила свежий халатик в сумочку. Туда же втиснула полотенце. С волнением посматривала на часы: половина седьмого. Рано. Тут ходьбы десять минут, не торчать же в роще, еще подойдет кто-нибудь. Вышла без четверти, машина Алексея медленно выехала из-за бугра, он из салона открыл дверь, Ирина запрыгнула и вжалась в сиденье.

– Не бойся, на дороге нет никого, я проверил.

Она облегченно вздохнула, когда свернули с большака на полевую дорогу, а потом и вовсе на едва заметный след. Домик стоит на высоком берегу чистого озера, ставни закрыты, но дверь не на замке.

– А если хулиганы заберутся? – удивилась Ирина.

– Если захотят, и замок не удержит. Никто не пакостит, разве что рыбаки зайдут, если дождь прихватит. Но – порядок соблюдают, после гостей все чисто.

Они вышли из машины, Ирина любовалась, как кормятся чайки, как бесстрашно бросаются за добычей крупные птицы, Алексей назвал их бакланами. Из ближних камышей выплыла стайка уток и быстро понеслась вдоль берега. Ирина ждала, и Алексей обнял ее сзади, поцеловал в шею.

– Ирочка...

– Не надо слов, Алеша.

Она резко обернулась и, охватив его голову руками, крепко впилась в губы. Он подхватил ее на руки и занес в дом.

– Ира, я постельное чистое постелил...

– Да пропади оно пропадом, – выдохнула Ирина, сбрасывая платье...

...Они вернулись в село поздно ночью, остановились у рощи.

– Ира, я не обманывал тебя там, в постели, я действительно, люблю тебя. Влюбился, как только увидел.

– Алеша, это от избытка эмоций, бывает, не бойся, я не придам твоим словам значения, и не буду напоминать.

– Я тебе не нравлюсь? – по-мальчишески с обидой спросил он.

– В том и беда, Алеша, что нравишься. Но ты женат, и у тебя дети. Потому я ни на что не претендую, и прошу тебя о перспективах наших отношений не говорить. Если сможешь – будем встречаться. Нет – проживу, жила же раньше.

– Ты говорила, что замуж не выходила... – эта фраза далась ему с трудом.

– Ты об этом... Алешенька, ошибка молодости, попался вот такой

же симпатюля, думала, до гроба, оказалось – до первой податливой юбки. Я возненавидела его, но и только. Ошибка молодости. У тебя их не было?

Алексей смутился:

– В этом смысле – не было, я сразу женился. Хотя это и есть ошибка. Я с ней разведусь.

– Алеша – без меня! Я не хочу делать детей сиротами. К тому же ты член партии, тебе не разрешат, я так слышала.

– Давай пока не будем об этом. Созваниваться нельзя, девушки на коммутаторе слушают разговоры, тем более – наш. Лучше приеду на стройку, или ты приходи в кабинет, договоримся.

Ирина грустно улыбнулась:

– Не ожидала, что ты такой практичный, после первой встречи условия назначаешь. Молодец!

Алексей испугался такой реакции:

– Ирочка, прости, но надо же как-то договориться? Какой практичный, зачем ты так?

Она потянулась к нему, прижалась к щеке, прошептала:

– Не знаю, зачем обидеть тебя хотела, милый мой председатель. Может, все зло на мужчин выместить? Прости. Ты очень хороший, даже слишком. Мне было так сладко, Лешенька, родной мой...

Так со слезами и вышла из машины, а он долго еще сидел ошалело, пока ощутил ее слезу, скатившуюся в уголок рта. Соленая слеза, искренняя.

***

Кажется, кричала вся больница. Мужчина средних лет, ожидавший приема у терапевта, вдруг завалился на бок, сполз со стула и потерял сознание. Терапевт Валентина Алексеевна выскочила из кабинета, позвала процедурную сестру, та прибежала со шприцом и горстью ампул:

– Что вводить, Валентина Алексеевна?

– Подожди, я пытаюсь измерить давление.

Подбежала заведующая:

– Что с ним? Пульс? Давление?

– Давление за двести.

– Что вы стоите! Введите ему... Что у вас есть?

– Индапамид, метапролол.

– Так вводите же, хоть что-то, пока он не умер у нас на руках. –

Она обернулась, поняла, что сказала лишнее: – Больных прошу удалиться, быстро!

После укола мужчина открыл глаза.

– Где у вас болит? – спросила Валентина Алексеевна. – В груди? В плече? Голова не кружится? Успокойтесь, сейчас вас поместят в палату.

Принесли носилки, двое больных аккуратно уложили мужчину и унесли в палату. Валентина Алексеевна ушла с ними. Ирина Николаевна села на стульчик, голова кружилась, руки дрожали, подташнивало. «Видимо, давленье подскочило, так все неожиданно. А, кажется, я правильно себя вела». Встала, пошла в палату к новенькому:

– Валентина Алексеевна, будем сами лечить или подключим районную?

– Сами, Ирина Николаевна. Это Карташов, рабочий из соседнего совхоза. Он уже был у меня, работает трактористом, я просила руководство подыскать ему другую работу, мне ответили, что он сам не согласился на легкий труд.

Заведующая строго посмотрела на пациента:

– Почему вы отказались выполнить рекомендации доктора?

Карташов помолчал, собрался с духом:

– Они мне предложили сторожем пойти в мастерские, на семьдесят рублей. А у меня трое в школе учатся, жена техничка в конторе, на полторы сотни мы заживем. Потому и отказался.

Заведующая гнула свою линию:

– У вас серьезное нарушение работы сердца, резкие перепады давления. А это в наших условиях очень опасно. Если что случится с вами, семье будет еще труднее.

Валентина Алексеевна вмешалась:

– Да они не имели права предлагать ему ночную работу, это с гипертонией-то! Ирина Николаевна, это безобразие!

– Хорошо, разбирайтесь с больным. Я непременно доеду до совхоза.

Только она вошла в кабинет, прибежала медсестра терапевтического кабинета:

– Ирина Николаевна, не могу кардиограмму снять, аппарат не работает. А больной жалуется на сердце.

– Скажите доктору, пусть готовит к отправке в район.

Вошла Валентина Алексеевна:

– Он не транспортабельный, Ирина Николаевна, вдруг инфаркт, мы его погубим.

Заведующая кивнула:

– Отправьте машину за прибором ЭКГ, пусть сестра едет, вам помощь не нужна?

Валентина Алексеевна подошла к заведующей:

– Ирина Николаевна, на вас лица нет, у вас явно давление.

– Не надо беспокоиться, я просто переволновалась. Идите к больному, я отдохну.

«Надо вести себя спокойней, не вмешиваться в такие ситуации. Дам повод для кривотолков. А с оборудованием надо уже сейчас решать, не дожидаться нового корпуса».

После обеда с трудом дозвонилась до конторы совхоза, нашла директора, попросила о встрече. Он согласился на четыре часа, надо быстро ехать. Старенькая «скорая помощь» покатилась через мост в соседнее село.

О директоре совхоза Ирина навела справки. Мужчина под пятьдесят, Еремеев Иван Сергеевич, давнишний руководитель, ко всяким переменам относится с осторожностью, скуповат на совхозные средства и собственность, с людьми грубоват, но при нужде помогает. В общем, заключила Ирина, не подарок, хотя расчеты на поддержку совхоза были серьезные.

Не все знала она об Иване Сергеевиче. Молодым парнем попал на фронт, в учебных подразделениях из вчерашних эмтэсовских трактористов быстро делали водителей танков и отправляли на передовую. В первом же бою его танк подожгли, Еремеев крикнул экипажу, чтобы спасались, кто как может, а сам горящую машину погнал навстречу тем, кто его только что подпалил. По нему били, но не попадали, немецким танкистам тоже жить хотелось, и они разворачивали свои машины от сумасшедшего русского. Иван догнал одного, ткнул стволом в башню, а во второй ударился всем корпусом. Как он выбрался через нижний люк – не помнит, очнулся на руках своих ребят. «Ты своим горящим танком осветил своим товарищам путь атаки, и они рванулись вслед за героем, сметая на своем пути все вражеские укрепления. Так была достигнута очередная победа» – писала тогда дивизионная многотиражка «Сталинские танкисты». Ребята потом рассказали, что сметать все на пути не получалось, Иван, точно, остановил два танка, но другие ощетинились и приняли бой. Пехоты много полегло, да и танкисты не все встали в строй после боя. Однако Ивана зауважали, комдив прислал орден Красной Звезды, старшина выдал дополнительные сто грамм всей роте. Потом была Курская Дуга, три танка подбили под Иваном, а он выскакивал, оставался

живым. Получал машину с ремонта, и опять в бой. Так и дошел до Праги, где служил еще пять лет. Домой вернулся, а изба пустая, мать умерла, отец погиб, братья погибли, один он без единой царапины вышел из войны. Долго не женился, дождался, что соседская девчонка Клавка звякнула в окно. «Дядя Ваня, ты на вечерки пошто не ходишь?». «Не до вечерок, со смены приду, пожрать надо чего-то сварить, то да се – и полночь». «Ты допусти, я тебе варить стану». «Ну, вот еще, придумала. Иди, играйся». «Не хочу. Меня к тебе тянет». «Ну и дура. Нашла себе магнит. Я на десять лет старе тебя, так что не дури». «Буду дурить. Открой двери, я хоть приберусь у тебя». Весь вечер девчонка мыла пола и обметала стены, всю одежду на улице перетрясла, всех клопов керосином вытравила, пока Иван во дворе матрас с одеялом хлопал. «Ты матрас в сенках раскинь, в избе угоришь от карасина. Клопов откормил, как жеребцов. Пошли, мы с мамой нынче баньку топили, отмойся хоть чуток, с грязи ведь лопашься. Господи, и приглядеть за тобой некому». Отмылся в бане, Клава чугунок супу принесла, накормила. «Ладно, пошла я». «Посиди, хорошо с тобой». «Да я бы осталась, только ты не зовешь». «А что старе я, что люди скажут?». «Хоть чо пусть говорят, а ты мне люб, и тянет к тебе». «Тогда оставайся, Клава, я ведь тоже тебя отмечал, но стеснялся». Так и поженились, в этой избе и троих детей родили, а потом Иван в партию вступил, на курсы бригадиров съездил, пять лет бригадой командовал, пока не избрали председателем колхоза. Тут секретарь райкома вызвал и велел ехать в техникум, договорились, таких вот практиков с семилеткой примут и будут обучать, так получил диплом механика, хотя искренне считал, что месяцы в техникуме псу под хвост брошены. Потом колхоз преобразовали в совхоз, он стал именоваться директором. Так же материл бестолковых механизаторов, так же громко, правда, без мата, отчитывал не очень старательных доярок, за поломки взыскивал вплоть до денежных начетов, говорил: «Ты не мое, ты народное угробил. Всей страной тебе трактор делали, а ты нигрол забыл залить в задний мост после ремонта. И кто ты после этого? Враг! Потому стоимость ремонта по твоей вине оплатишь. И не реви, что у тебя дети малые, ребятишек делать навострился, а простых вещей про технику не знаешь! Будешь платить, а дернешься – я тебе весь вынужденный простой припаяю!». Мужики кряхтели: жестковато, но ведь директор по всем статьям прав. Вот с таким человеком предстояло иметь дело заведующей участковой больницей.

– Здравствуйте, Иван Сергеевич! – Ирина сразу от порога смело

прошла вперед и подала руку вставшему изо стола мужчине. – Меня зовут Ирина Николаевна, я заведующая участковой больницей, которая обслуживает и население вашего совхоза.

– Неправильно выразились, в совхозе есть рабочие и служащие, а население в сельсовете, – без улыбки возразил Еремеев, но гостья явно была настроена на бойкий разговор.

– Хотя вы формально правы, я буду вам возражать. Совет, к сожалению, кроме печати и флага, ничего не имеет, все материальное находится в ваших руках. Кроме того, у ваших рабочих и служащих, как вы выразились, есть семьи, дети и старики, и все они время от времени пользуются услугами нашей больницы. Согласитесь, что тракторист будет работать лучше и производительней, если знает, что в семье порядок, что все здоровы.

Иван Сергеевич повозился в кресле, что было дурным признаком, но Ирина об этом не знала и продолжала улыбаться.

– Если вы хотите сказать, что эту обстановку создает участковая больница, то вы явно преувеличиваете, дорогая Ирина Николаевна. – Еремеев в упор на нее посмотрел. Этого взгляда никто не мог вынести, смущал, сбивал с толку упорный, убежденный взгляд. Но Ирина неожиданно согласилась:

– Иван Сергеевич, если б вы знали, насколько вы правы в своей критике. И мне до слез обидно, что возможности наши крайне ограничены. Потому и начали строить новый корпус. Приезжайте, посмотрите, определитесь, чем можете нам помочь.

Еремеев был явно не готов к такому повороту, потому растерялся:

– Это почему я должен вам помогать?

– Не вы и не мне, Иван Сергеевич, а ваш совхоз своей больничке. Панков помогает, Хевролин помогает, область дает деньги и фонды. Не можете вы оставаться в стороне.

Еремеев встал, походил по кабинету:

– Что сегодня крайне необходимо?

– Цемент, половая рейка, оконные и дверные блоки. Я слышала, у вас работают настоящие столяры, даже на выставку возили свои изделия.

Еремееву это польстило:

– Да, есть мужики, руки не из...то есть, как надо, руки растут. Молодцы. Что, это правда, что Панков всю кладку кирпичную на себя взял? Молодец! Давай так, доктор, договоримся: не гоже совхозу в стороне стоять, столярку мы тебе сделаем. Скажи, сколько же тебе годков?

Ирина засмеялась:

– Иван Сергеевич, женщине такие вопросы нельзя задавать. Мне двадцать четыре года.

– Ты не обижайся, Ирина Николаевна. Если мне человек люб, я его по имени и на «ты» называю, а если хочу на место поставить, перехожу на официальный тон.

– Вы как Толстой.

– Какой Толстой?

– Писатель Лев Николаевич, ну, тот, что «Войну и мир» написал. Если собеседник ему был неприятен, и он хотел поскорее завершить разговор, переходил на иностранный язык, которого тот не знает. И беседе конец.

Еремеев помолчал.

– «Война и мир». Хорошо сказано. Войну знаю досконально, а мирной жизнью еще не жил. Все битва, то за урожай, то за молоко. Ладно, удачно ты приехала, праздник сегодня большой, у нас с Клавдией четверть века совместной жизни.

– Серебряная свадьба?

– Какая свадьба, Иринушка, бит да граблен поженились, ни у меня, ни у нее перемены трусов, извиняюсь, не было. Но подняла советская власть, троих сыновей вырастили, один в армии, один в институте, а старший пошел по партийной части, в обкоме служит. Горжусь. Ты забегай к нам, Клавдия моя совсем как девчонка, на десятку меня моложе. Робит, как все, родила троих, а вот будто вчера пришла ко мне. – И вытер набежавшую слезу.

– Иван Сергеевич, спасибо вам за этот прекрасный разговор, за жизнь вашу богатую, за сыновей. И супруге передайте поздравления и пожелания здоровья и счастья. Да, Иван Сергеевич, чуть не забыла: у нас ваш Карташов, надо бы ему подыскать работу, пока подлечим.

– Сделаем. Я его на технику безопасности поставлю. Жаль, хороший тракторист.

– Мы его вернем в строй, не переживайте. А размеры дверей и окон я вам завтра привезу.

Еремеев оправился, вышел на средину кабинета:

– Не теряй время, я сам завтра заеду, поеду в район и забегу, полюбуюсь, что там друг мой Панков настроил. До встречи, Ирина Николаевна, дорогая, счастливой дороги.

Она вышла, изумленная и потрясенная этой встречей. После работы попросила водителя Славу увезти Еремеевым подарок, в областном городе купила в универмаге шикарный комплект постельного белья, как раз кстати.

***

В начале недели на утренней планерке она попросила врачей, фельдшеров и медсестер составить список необходимого оборудования и инструментов. В среду все сдали свои заявки. Ирина просмотрела и ужаснулась: столь много всего нужно. Районная больница ничем не поможет, надо выходить на Медснаб. А как? Единственный способ – взять доверенность в бухгалтерии и заручиться письмом главного врача. Бытов на ее подробный телефонный рассказ отреагировал мрачно:

– Ирина Николаевна, вы задаете неразрешимые проблемы. Во-первых, столько сразу никогда Медснаб не даст, во-вторых, нам оплачивать нечем. Наконец, в-третьих – вы что, хотите организовать вторую центральную больницу? Для участковой весь минимум оборудования у вас есть, работайте. Вы и так всю область на уши поставили со строительством.

Ирина дождалась конца тирады и твердо сказала:

– Петр Петрович, прошу вас в ближайший час никуда не отлучаться, я еду к вам.

– С заявлением? – испугался Бытов.

– Не дождетесь! – и положила трубку.

Через час она вошла в бухгалтерию районной больницы и скромно попросила главбуха выписать ей доверенность на получение в Медснабе зубоврачебного кресла.

– Галя, выпиши Ирине Николаевне доверенность в Медснаб.

Ирина подошла к столу Гали.

– Что получать, надо написать. – Галя приготовилась заполнить графу.

– Да напишите одним словом: медоборудование, – беззаботно подсказала Ирина.

Главбух напомнила, чтобы доверенность подписал главный врач.

– Имейте в виду, только кресло и оплатим, – предупредила еще напоследок.

Бытов взял доверенность, прочитал, снял очки:

– Ирина Николаевна, вы со мной шутки не шутите, я такую доверенность подписать не могу, средства на приобретения очень ограничены, а вы размахнулись: медоборудование! Мне главбух позвонила: только одно кресло. Все!

– А я и не собираюсь два брать, Петр Петрович, вы что так расстроились? Даю вам слово, что счет вам будет предъявлен только на кресло. Вас мое слово устраивает? Подписывайте, меня машина ждет.

Выходя из кабинета главного врача, Ирина еще не могла сама себе ответить на вопрос, а как же оплачивать все остальное? Чувствовала, что решение где-то есть, но какое?

В Березовку вернулась к концу дня, так ничего и не смогла придумать. И вдруг екнуло: Иван Сергеевич. Вот кто ей подскажет, как быть. Подняла трубку, попросила уже знакомую телефонистку найти Еремеева. Нашли уже дома.

– Иван Сергеевич, извините за беспокойство, но дело срочное.

– Что случилось, Ирина Николаевна, жалуйся.

Ирина подробно обрисовала ситуацию.

– Подскажите, что можно сделать? Бытов и в Медснаб позвонить может, чтобы ничего не давали сверх этого проклятого кресла.

Еремеев согласился:

– Этот может. Сам нихрена не делает и людям не дает. Допустим, я могу дать тебе свою чековую книжку, там есть пара тысяч, но хватит ли тебе?

Ирина испугалась:

– А как вы отчитываться будете? Клизмы и ночные горшки на производство не спишешь.

Еремеев засмеялся:

– Ты об этом меньше всего думай, это мы со своим бухгалтером обсудим и спрячем, куда можно. А ты приезжай ко мне, я дома, а твой водитель знает, бывал.

Супруги встретили ее у ограды, невысокого роста очень симпатичная женщина подала руку:

– Клавдия Петровна, лучше просто Клава. За подарок спасибо, Ирина Николаевна.

Они обнялись, как старые знакомые.

– Тоже просто Ирина, не надо отчества.

Еремеев стоял в стороне и улыбался:

– Ну, вы сойдетесь, у Клавы на добрых людей особенный нюх. Проходите в дом.

Хозяйка показала гостье комнаты, пола застелены паласами, на стенах ковры, на окнах тюлевые шторы. Уютно.

А в большой кухне на столе уже стоят тарелки с солениями, вареньями и постряпушками, как в селе называют домашнюю стряпню. В графине настойка. Клавдия принесла альбом с фотографиями, Ирина уже заметила, что это непременный атрибут каждой новой встречи. Сыновья – красавцы. Супруги в молодости на пожелтевшем

фото, оба такие скромные и добрые. Говорили обо всем, наконец, Иван Сергеевич принес свою папку:

– Вот что я решил, Ирина Николаевна. Дам тебе машину, чтобы загрузить твои покупки. Утром часика в четыре шофер за тобой заедет, я ему все объяснил. Вот чековая книжка, попросишь бухгалтеров, они заполнят, как надо. Вижу, что ты особых-то прав на оборудование не получила, потому не переживай, если не загрузишь, водитель заедет в Сельхозснаб, накидают железок.

Прощались долго и искренно.

Утром по сигналу автомашины вышла тихонько, чтобы не беспокоить стариков, а дед Лександро уже около водителя, предупреждает, чтобы ехал аккуратно. Всю длинную дорогу любовалась ранней сибирской осенью, комбайнами на полях, встречными машинами с зерном. В Медснабе зашла в бухгалтерию:

– Скажите, пожалуйста, вот мои документы, посмотрите, что я могу приобрести для своей больнички?

Бухгалтерша, полная и суровая женщина, проверила доверенность и чековую книжку, подняла на посетительницу глаза из-под очков:

– А вы кто будете?

– Заведующая участковой.

– Идите в склады и выбирайте, на чеке две тысячи с мелочью. Там все отпишут девушки, и ко мне, будем оформлять.

К обеду у нее на руках были четыре фактуры с перечислением всех отобранных товаров. Ирина прикинула итоговые суммы – Господи! больше трех тысяч! Так и пошла в бухгалтерию, не зная, от чего отказаться, и без того выбирала самое необходимое. Бухгалтерша суммировала цифры и опять подняла глаза из-под очков:

– У вас перебор, девушка, да и приличный. Так: три двести тридцать четыре минус по чеку... Тысяча сто рублей с копейками. Что будем делать?

Ирина села, так стало обидно, и отказаться не знает, от чего. Сама не заметила, что слезы покатились.

– Маргарита Сергеевна, у меня есть семь тысяч облздравовских, давайте закроем ее фактуры, и делу конец.

– Люба, Ахметшина спросит, что будем говорить?

– Да так и скажем, что оплатили оборудование для участковой больницы. Не зеркала же она в свою квартиру взяла.

– У меня и квартиры-то нет, – почему-то вслух сказала Ирина.

Все засмеялись. Фактуры подписаны, чек из книжки вырван, че-

рез час все ящики и коробочки уже в кузове. Такой счастливой Ирина давно себя не чувствовала.

Утром всем коллективом разбирали привезенное. Трезвый, как стеклышко Волокушин чуть не целовал новое кресло, новое кресло унесли к акушерке, водитель Слава у крыльца собирал столы и распаковывал стулья. Два десятка коробок поставили в склад. Весь коллектив улыбался, будто праздник какой. Акушерка Зинаида Михайловна сказала при всех:

– Ирина Николаевна, помните наш первый разговор, что мы теперь будем жить с каждым днем все лучше. А вы мне еще замечание сделали. Спасибо вам.

– Все, товарищи, торжественный разбор гостинцев окончен, все по рабочим местам. Люди ждут.

Зашла к себе в кабинет, села за стол. «Неужели все пойдет вот так хорошо? Господи, дай мне силы и терпения, избавь от подлецов и недоброжелателей!».

Телефонный звонок вернул в реальность. Бытов.

– Здравствуйте, Ирина Николаевна. Я в курсе ваших приобретений, только один вопрос: а кто будет платить за такой размах? Вы даже полированный стол для себя взяли?

Ирине так хотелось послать его куда-нибудь далеко, но сдержалась:

– Не для себя, Петр Петрович, а в кабинет. И оплата вас пусть не волнует, никто вам ни копейки не предъявит.

Бытов был ошеломлен:

– Это как? Я не понимаю. Кто плательщик? Вас же посадят за аферы, товарищ Дзюбина!

Ирина положила трубку. Что ему можно объяснить?

***

Уборочная страда сразу накатывает на деревню и подчиняет себе всю ее жизнь. Рано утром неспешной походкой, разминая натруженное за день и разнежившееся за ночь тело, в сторону машинных мастерских тянутся шофера и трактористы, комбайнеры и их молодые помощники. Встречаясь на перекрестках, степенно здороваются и идут, изредка обмениваясь короткими фразами.

– Вы вчера где молотили?

– У горелой березы. А вы?

– Нас кинули, где Леха спал.

– Как намолот?

– Да ничего! Центнеров по двадцать взяли.

– У нас похуже, но тоже ничего.

Каждое поле со своей биографией, потому что поколениями их пашут и засевают, а по осени собирают плоды трудов своих. Биографии складываются из больших и малых событий. Вот было в двадцать первом году восстание мужиков против коммунистов, били потом их красноармейцы безжалостно, прямой наводкой из пушек деревни расстреливали непокорные. Отсюда Смертное урочище. На месте бывшей коммуны, соответственно, Коммунарское поле. Был после войны трактористом вчерашний танкист Яша Казаков, что ему в израненную башку шибануло – посреди пашни низинка, мокрая, сроду не пахалась, а на краю высокая береза росла, так Яша облил березу соляркой и поджег. Загубил, страмец, деревцо. Так не Яшкиным полюшко зовут, а в память о той березке полем Горелой березы записали и земельных чертежах отметили. В первую посевную, когда Алексея Павловича избрали председателем, он сутками был в поле. Днем сеют мужики, надо посмотреть, да не в контроле дело, чтобы видели колхозники, что председатель тут же, вместе с ними, а не пьет погребной квас в холодке. А ночью агрегаты землю готовят, сцепы дисков, культиваторов и борон вздымают слежавшуюся за зиму зябь, выдирают овсюг, осот и прочий сорняк, выравнивают пашенку. Председатель никого не останавливает, подъедет, пройдется по полю, помнет комочек земли – можно ли завтра тут сеять? На одном поле остановился, полюбовался на работающие агрегаты, да так за рулем и уснул, до того, видно, организм притомился, что не слышал, как на солнцевосходе пришли два трактора с сеялками. Не стали мужики будить председателя, знали, что не после гулянки приморило, так и обсеяли его газик, ушли вглубь поля, а Панков проспал до обеда. Както само собой вжилось в крестьянский обиход это название для поля, где председатель спал, только упростили, в честь вчерашнего тракториста Алеши, Лехи его окрестили. На карту еще не занесли, но в нарядах бригадирских такое название Панков уже встречал.

Это он в первую же уборку запретил гонять комбайны в деревню, а велел ставить по окончании работ в одном месте, но с пустыми бункерами, чтобы не искушать охочих зерном поживиться. Зато инженерной службе работы прибавилось, надо за ночь все стоянки объехать, комбайны соляркой заправить, смазку добавить, куда надо, воды в радиаторы залить и полную флягу поднять на мостик, ведро солидола оставить, чтобы комбайнер утром со шприцом все тавотницы обошел и прокачал смазку до каждого подшипника.

Это он договорился с властями, чтобы магазины и медпункты в деревнях открывались в шесть часов утра, и уборочный народ, (а кроме местных по месяцу и больше жили прикомандированные шофера, молодые работницы городских фабрик и просто студенты), мог до начала работ отовариться необходимым, и таблетку какую получить, если нужда в том есть.

Самую юную крестьянскую поросль, школьников, уборка брала в оборот, на складе всегда в это время работы много: надо зерно к вороху подмести, подтолкнуть его к транспортеру погрузчика, помочь шоферу полог в кузове заправить, чтобы до элеватора ценный груз не раздуло.

Пятую уборку проводит Панков, каждое поле знает, в голове свой план и порядок страды, это для начальства он велел агроному составить план, который утверждал аж первый секретарь райкома. Вечером побывает на тех полях, которые на подходе, и ночью передаст агроному, куда завтра перегонять комбайны. На складе дождется последнюю машину с зерном, последних комбайнеров домой увезет, тогда весь баланс на руках, сколько обмолочено, сколько в валки уложено, сколько зерна на склад поступило. До самого предела терпит нажим руководства: почему намолот большой, а государству отгружаешь мало? Панков начальников понимал, и они, вчерашние колхозные и совхозные лидеры, понимали его, но у каждого своя работа. Колхоз отгружал хлеб, если приходили машины автохозяйства, но своей ни одной не отпускал. Еще и силос закладывали кукурузный. И такая у Панкова была позиция: пусть лучше автомобиль постоит на полосе, подождет, когда комбайн даст длинный сигнал, что бункер полон, чем комбайны будут простаивать в томительном ожидании, теряя время и производительность. Когда дело доходило до звонка первого секретаря и угроз приехать и разобраться, Панков спокойно говорил, что хлеб весь подработан и в ворохах на складе, государство может быть спокойно, в Америку он его не продаст, так что волнения излишни. А сводку мы в три дня подправим, как только с обмолотом станем заканчивать. Панкову такие речи с рук сходили, потому что данного слова он никогда не нарушал.

Только раз позвонил он Ирине, пригласил посмотреть стройку. Встретились сдержанно, Алексей повинился, что совсем времени нет, что скучает по Ирине. Она кивнула, мол, поняла, прошли вокруг здания, второй этаж выкладывают мужики.

– На первом можно вести штукатурку, Алексей Павлович?

Он кивнул:

– Надо начинать. У меня сейчас бригада армян заканчивает ремонт коровника, ребята надежные. Но, Ирина Николаевна, зарплату придется вам выбивать.

Ирина шла впереди, остановилась:

– Научите, как? Санитарами их оформить?

Панков засмеялся:

– Не получится. Решайте в райфо по наличным деньгам. Правда, Ирина, мне такую сумму ничем не закрыть. Да и зачем подставляться? Попробуйте порешать, ведь Хевролин в курсе, поможет.

Зашли вовнутрь, Ирина показывала: это кабинеты специалистов, тут за толстыми стенами будет рентген, все удобно для посетителей. За перегородкой кухня, в столовую над ней надо соорудить лифт. В конце коридора с обеих сторон лестницы на второй этаж, с одной вход в стационар, где десять небольших палат на два человека, с другой опять кабинеты специалистов, а вот это – большая комната на три окна – кабинет заведующей.

– Нравится, Алексей Павлович?

Тот кивнул:

– Особенно лифт. И где вы его возьмете?

Ирина даже не удивилась:

– Не найдем – попрошу мастеров, не думаю, что у наших мужиков ума не хватит соорудить небольшой подъемник.

Панков покачал головой то ли от удивления, то ли недовольства.

Когда спустились, Ирина попросила:

– Возьми меня с собой в поле, я никогда не видела уборку хлеба. Вечером нас никто не увидит. Да, в конце концов, имеет право председатель показать врачу, как работают его люди?

Панков помолчал, усмехнулся:

– Ближе к темноте выходи на то же место, проедем, полюбуешься со стороны, чтобы, не дай Бог, никто не подошел или подъехал.

Свернул с торной полевой дороги, лесными тропками провел свой газик к полю, где работали пять комбайнов, да несколько грузовиков дожидались сигнала, еще стояла машина техпомощи и легковушка парторга. Панков заранее погасил фары, тьма поглотала их. Алексей обнял Ирину, прижался губами к щеке:

– Я так скучаю по тебе, Ириша. Поедем в наш домик?

Ирина аккуратно убрала его руки, проворчала с наигранной суровостью:

– Мы договаривались только полюбоваться уборкой, не мешай, Алеша, посмотри, как красиво.

Картина действительно была яркая, почти фантастическая, фары комбайнов выхватывали фрагменты грузовиков, копны соломы, первые березки на кромке поля, потом над комбайном загорался красный фонарь, сирена разрывала влажный ночной воздух, и уже мчался грузовик, освещая пространство впереди себя, резко тормознув под выгрузным шнеком. Ирина припала головой к плечу Алексея:

– Ты даже представить не можешь, как я счастлива. У меня интересная работа, ко мне хорошо относится районное начальство, да и местное помогает. И самое главное – у меня есть ты. Правда, ворованный, но все равно очень родной.

Алексей взял ее за руку:

– Ирочка, если ты согласна, я разведусь. Одно твое слово.

Ирина горько улыбнулась:

– Алеша, ты посмотри хоть на чуть-чуть вперед. Как только ты разведешься, тебя сразу снимают с должности, исключают из партии, работы нет, жилья нет, потому что жену с детьми ты из дома не выгонишь. И что мы будем делать? Из Березовки надо уезжать, и куда? Ты же умный мужчина, у такого решения нет перспективы. Да, я хотела бы стать твоей женой, но не такой ценой. Потому будем довольствоваться тем, что имеем. Твое приглашение в домик у озера остается в силе? – И рассмеялась счастливым смехом.

***

Наличные деньги всегда оставались проблемой, потому на заявку заведующей больницей о выделении пяти тысяч для оплаты отделочных работ заведующий районным финансовым отделом Гордеюк, крупный и довольно грузный мужчина с широким корявым лицом и большой бородавкой на правой щеке, отреагировал очень резко:

– До меня доходят слухи о вашем подпольном строительстве, удивляюсь, как это область выделяет такие суммы неизвестно, на что. И вы еще находите наглость идти ко мне за наличкой! Ни рубля не дам, да еще ревизию вызову, чтобы проверили вашу аферу.

Ирину предупредили: если Гордеюк против какого-то решения, он волнуется, и от того нервно дергается его бородавка. Сейчас она видела, что все лицо его пришло в движение.

– Демид Кондратьевич, вы напрасно так волнуетесь, действительно, мы строим новый корпус больницы, да, не совсем законно, потому что законно не получится в ближайшие три года. А у нас в операционной земля через потолок сыпется прямо на больных. Мы обслу-

живаем население трех сельсоветов, в том числе ваших избирателей, ведь вы в районном совете представляете Сугатовский совет, правда?

Гордеюк удивился:

– И что из того?

– Как это – что? Ваши избиратели давали вам наказ расширить фельдшерский пункт в Сугатово, а мы решаем проблему медицинского обслуживания населения основательно. Ведь в новом корпусе будут все услуги, вплоть до малой хирургии, женщины рожать смогут на месте, а в старом здании поставим ванны, будем грязь возить с Горького озера и воду, всякие костные и суставные болезни лечить.

Гордеюк с удивлением смотрел на эту, по его понятиям, девчонку, которая собралась перевернуть все больничное дело в Березовке, ее слова о грязях и суставах напомнили собственные проблемы: с войны Демида Кондратьевича мучил радикулит.

– Про ванны – это хорошо. А откуда у вас информация про наказы?

Ирина соврала, глядя прямо в глаза:

– Николай Петрович поделился. Говорит, пообещал, старый хрыч, а ничего не делает. Вы извините, я его слова передаю. А грязями мы ваш радикулит каждое лето будем подправлять.

– Ты и про это в курсе?

– Я врач, Демид Кондратьевич, прежде чем с человеком общаться, я смотрю его медицинскую книжку. Там с вашим радикулитом и познакомилась.

– Молодец! Но денег не дам, не положено.

Ирина встала со стула:

– Хорошо, отрицательный результат – тоже результат. Я так и доложу товарищу Хевролину.

– Доложи. Нельзя деньгами разбрасываться, а строить надо законно.

Ирина заранее договорилась с Хевролиным о встрече на десять часов, она предполагала, что Гордеюк вопрос не решит, просто через голову обращаться Алексей не советовал. Николай Петрович уже был в курсе ее безуспешного визита к начфину и улыбался:

– Говоришь, ваннами искушала нашего ревматика? Ирина Николаевна, это хорошо, что ты к нему сходила, по деньгам мы решим на исполкоме. Я вчера посмотрел твою стройку, сам, тебя не стал отрывать от дел. Замечательную штуку ты придумала. Но сперва окна и двери вставь, хоть вчерне, потому что штукатурить со сквозняком нельзя. Иван Сергеич хвалил тебя, говорил, за свой счет сделает оконные и дверные блоки. А сегодня позвонил: все готово, завтра своими

машинами привезет. Сторожа надо поставить на стройку, чтобы, не дай Бог, не тащили материалы. Еще вопросы?

– Николай Петрович, я у Гордеюка вашим именем спекульнула, вы меня извините, надо было надавить, и не выдавайте, если он спросит.

– Договорились. Ирина Николаевна, а ведь Демид сам позвонил и сказал, что по твоей просьбе надо решение исполкома, он сам подготовит. Охмурила ты его своей настойчивостью. Все, до свидания.

Про ванны и грязевое лечение спонтанно у нее получилось, может потому, что видела в карточке Гордеюка хронический радикулит, а еще помнила рассказ деда Лександра про лечебные свойства озера. В последнее время так захлестнули дела, что напрочь забыла о грязях и водах. И вот вспомнилось, и теперь с ума не шло.

Установить ванны можно на месте стационара, пристрой сделан позже и неплохо сохранился. Потребуется хранилище, специальные насосы. А ванны? Это же специальное оборудование, и где их можно взять? А как грязь добывать на озере и в чем возить? Был момент, когда затея эта увиделась ею как неразумная и бестолковая, но настырный характер не давал покоя. Утром через справочное попросила соединить ее с хозяйственной частью санатория «Семискуль». Ответил мужчина, назвался инженером. Ирина спросила, где и как можно приобрести грязевые ванны.

– А они вам зачем, в участковой-то больничке. Конкуренцию нам решили составить?

– Странный вопрос: конечно, людей лечить. Не думаю, что с пятью ваннами мы вам станем мешать.

– Да нет, я пошутил. Могу связать вас с заводом, хотя, подождите, где-то в районе пытались открыть грязевую лечебницу, но потом отказались. Ванны у них были, это точно. Минутку, я уточню, какой это район... Записывайте: Сладчанский.

Ирина улыбнулась:

– Это рядом с нами, я запомню. Скажите, а насосы для закачки грязи из хранилища нужны специальные?

– Обычные грязевые, они у нас есть в избытке, приезжайте, парочку продадим.

В обед пришли машины с дверными и оконными блоками, сам Иван Сергеевич сопровождал. Поздоровался за ручку, спросил, куда разгружать, махнул мужикам:

– В здание заносите. Окна осторожнее, стекла не побейте.

Ирина всплеснула руками:

– Иван Сергеевич, вы и стекла поставили?

– Само собой, а без стекол какие окна? Потому сам и ехал передом, чтобы тихонько, не поколотить. Ребята все сделали на совесть, сам проверял.

Услышав про насосы, засмеялся:

– Ирина Николаевна, у нас в животноводстве такие насосы называются фекальными, мы, правда, до такой технологии еще не доросли, но насосы – не проблема, уверяю тебя.

– Тогда проблема будет с ваннами. – И рассказала Ивану Сергеевичу про дефицитные ванны в Сладчанском районе. Директор кивнул:

– В Сладчанке начальник милиции мой хороший товарищ. Я попрошу его узнать, что и как, а потом будем решать. Только, Ирина, ты не увлекайся всем и сразу. Есть один объект – доведи до ума, а потом и следующий.

– Согласна, Иван Сергеевич, только хочется все и сразу.

Еремеев кивнул, мол, понимаю, но по-другому не получится.

От совхозной котельной прорыли канаву и заложили утепленные трубы, а между ними водопроводную трубу, чтобы зимой горячая вода была в больнице. Батареи отопления и трубы разводки привезли из районного коммунального хозяйства, его специалисты по заданию Хевролина и смонтировали все оборудование. Световую проводку и кабели к медицинскому оборудованию он поручил электрикам Сельэнерго. Зима прошла для Ирины в заботах о шифере на кровлю, в поисках приличной краски разных цветов – для рам, полов и потолков, дверей и панелей.

Впервые за все время строительства приехал Бытов, вошел в кабинет, снял шапку и сел за стол:

– Хоть вы меня и игнорируете, Ирина Николаевна, но облздрав с меня спрашивает за дела в районе. На днях Семовских выговорил мне за вашу стройку, приказал немедленно составить спецификацию, какое оборудование нужно, какая мебель, инвентарь и прочее. Даю вам три дня, привезете мне лично, будем просить. А вообще некрасиво, строите больницу, тайно, даже Семовских втянули.

***

Александр Иванович скучал без своей случайной квартирантки, уж больно охоч был старик до разговоров, особенно если слушали его со вниманием и верой, что все сказанное есть правда. Вечером после ужина он уличил момент, когда бабка понесла в сенки чугунок

с оставшейся вареной картошкой, прикрытый алюминиевой тарелкой с ломтиками соленого сала, и спросил Ирину:

– Ты, Аринушка, седнешним вечером никуда не торопишься?

– Никуда, Александр Иванович.

– Хочу тебе кой чего рассказать, ну, прямо душа просит.

– Рассказывайте, дед Лександро. Я люблю слушать ваши истории.

Через полчаса он зашел в ее комнатку:

– Арина, тебе единой поведаю сию историю, знаю, что не выдашь, а мне терпеть мочи нет, так и давит на сердце. Вот, слушай. Дело после этой войны было, когда мы возвернулись с победой, от деревни одни охрапотки остались. Быки пооблезли, бабы расхристанные до основания. Еще чуть впереди: вышел я на станции, гляжу – наш деревенский мужик на полуторке эмтээсовской, я к нему в кузов, и едем. Подъехали к озеру, ему надо водички долить в радиатор, он пошел, а я стою на дороге, жду. С нашей стороны подходит подвода, на вожжах сидит Проня Веселенький, раньше так его звали, на гулянках шибко хорошо плясал и частушки пел. Едет в город по колхозной надобности. Только от Веселенького одно название осталось, угрюмый, на шее чирьяк с большую луковицу, сам весь паршивый и ажно припахиват. Спрашиваю: «Как живете, Проня, скажи?» Он ответствует: «Не только скажу, а и покажу». И достает из-под потника мешечек, развернул, а там лепешки, я даже испугался, они черные, земля землей. «Вот это и едим, да водичкой припиваем». Я отшатнулся, а он хохотнул: «Не боись, у твоих лепешки чуть белей будут». Смысл этот я только дома понял: сестрица моя избачем служит, а отец инвалидом с фронта пришел, им паек какой-никакой дают, оттого наши лепешки белей. Ну, не шибко, конечно.

Попал я как раз к перевыборному собранью, председателя сняли и увезли, он посевную совсем завалил, июнь на дворе, а наши бабы из лукошка пшеницу досевают. И ставит районный начальник перед народишком Филю Жабу, такое было ему от людей прозвание. Было у Фили пятеро ребятишек, мало кто их видел, потому что голышом можно только в Петровки бегать, а в избе ни одеть, ни обуть. Все знали, что Филя и при единоличной жизни не пахал и не сеял, а при советской власти попал в актив, как беднейший, ежели ребятишки не в счет. Давали ему какую-то пособию, и на войну не взяли, потому как ребят много. А тут ставят председателем. Ты думаешь, кто-то возник, голос подал? Ухмыляются, кто еще способен, а бабы даже вида никакого не подали: Филька – пусть будет Филька.

И вот тут обозначилось, сколько в человеке дерьма может быть. Начальник вручил председателю пинжак, штаны и штиблеты, он в тот же день обзавелся кнутом и всегда его при себе носил. На сенокос приезжал верхом на единственной колхозной кобыле, с вершны не слазил, орал: «Плохо робите, НКВД вызову, ночью метать будете!». Уже тогда мог вытянуть кнутом какую-нибудь бессловесную бабенку. Хлебишко чуток нарос, надо убирать. А жрать совсем нечего. Коневник желубили, коноплю перетирали в ступе и пекли такое безобразие, что и вспоминать страшно. Пшеничка вот она, рядом, а взять не моги, уполномоченные понаехали из района, сам Филя Жаба лютует, обыскивают баб, аж рейтузы, у кого есть, заставляют снимать. Горсти не пронесешь! Сами-то терпели, на ребятишек больно было глядеть, хоть святых с них рисуй, насквозь светятся. И удумали бабы ночами ходить на поля и колоски собирать. Принесет в подоле, обшелушит, пригоршня – а все хлеб. Филя это пронюхал, а скорей всего – состукал кто-то, подлецы всегда были и будут. А ходили женщины через перейму меж двух озер, совсем рядом с деревней. Вот он их на перейме и встретил. Кнутом гнал до тех пор, пока в воду не кинулись, даром что уже ледок у берега. Гонит их водой вдоль тверди, сам верхом, бабы ревут так, что в деревне слышно. А я женихался, припозднился, слышу дурные крики, хоть и не понял, а зачуял неладное. Бегом на перейму, а он выгнал баб на берег и хлещет, как скотину. Да нет, добрый хозяин и скотину не обидит, а тут баб детных, у которых мужики сгинули на войне, кнутом по чем ни попадя. Подбежал я, кнут вырвал, сдернул Филю с лошади, сам не знаю, что со мной, головенку ему завернул, чтоб не орал, и в воду. Подержал минут пяток, потом в камыши затащил, под лабзу затолкал. Вылез на берег, коня стеганул, чтоб в деревню шел, одежонку свою армейскую выжал и огородами домой. Затопил баню, высушил обмундированье, сам погрелся, пробрался на полати, мать даже не слышала.

Утром по деревне шум: председатель пропал, лошадь на конный двор пришла обузданная, а ни Фили, ни кнута. Кнутом я покойника обмотал, а кнутовище в лабзу воткнул, чтобы волной его не выкачало. Собрали народ у правления, милиция приехала, я смотрю на баб, кто из них был ночью на перейме, да разве поймешь? Все напуганы, но никто даже добрым словом не помянул. Покрутились следователи – никаких следов, как сквозь землю провалился, ни живого, ни мертвого.

А к тому времени много мужиков демобилизовалось, и вернулся Фрол Романович, до войны бригадиром был, с народом по-челове-

чески. Стали его просить. Согласился. Года три мы выгребались из нищеты, только потом стали досыта хлеб вкушать. А убивство то с ума не идет, не скажу, что совесть мучила, но новой раз сам себе удивлялся: на войне тоже убивать доводилось, но там враг, а тут свой деревенской, только чем он лучше того фашиста с фронта? Такая же сволочь, даже хужей.

Вот и хочу тебя спросить, дочка, судить мне себя или простить? Дело к смерти, а там ведь спросится. И чего отвечать?

– Дети его, председателя, с ними что?

– Их вместе с матерью увезли в приют, она там пола мыла, это я достоверно знаю. Живые они все были, только кто где теперь – не могу ничего сказать, не знаю.

Помолчали. Ирина приходила в себя после страшного рассказа, да и дед Лександро из добродушного старика предстал судьей и палачом.

– Дед Саша, если хотите знать мое мнение, то поступили вы правильно. Кто мог защитить бедных женщин, если бы вы прошли мимо? Неужели никто из них вас не узнал?

– Могли и не узнать, я же старый разведчик, голоса не подавал, а темень такая, что хоть глаз коли. Нет, никто даже не намекнул.

– Тогда забудьте об этом. И перед Богом вашей вины нет, если вы этого опасаетесь. Только никому больше ни слова, и оно забудется.

В дверь постучали, и Александра Ивановна заглянула:

– Ты почто, старый, мешаешь девушке отдыхать? Может, она в клуб собралась, а ты виснешь на руках. Айда на место!

– Лександра, ты меня не треложь, мы с Аринушкой сурьезные пронблемы решали. Спасибо, доченька, за пониманье, отдыхай, и я на покой.

Ирину взволновал рассказ старика, она и подумать не могла, что в этом тщедушном тельце живет сильная и решительная натура, способная, не задумываясь о последствиях, пойти на убийство негодяя, унижавшего женщин его села. Не столь много было молодых и здоровых мужчин, чтобы женщины не могли узнать Александра. Наверное, узнали, но до сих пор все покрыто тайной.

Она никогда раньше не интересовалась историей, а книги и фильмы воспринимала как развлечения, нисколько не задумываясь о их связи с жизнью, о том, что художественность есть образный способ отображения действительности, о писателях и режиссерах вообще не имела представления. Школьные уроки литературы пролетали мимо ушей и души девушки, увлеченной не столько науками, сколько по-

стоянным представлением себя в ослепительно белом халате знаменитого доктора в окружении учеников и благодарных пациентов.

После первого рассказа Александра Ивановича о крестьянском восстании и войне с Колчаком она впервые осознала, что до сегодняшнего дня были и другие – грубые, кровавые, жестокие. Вот здание сельсовета, старинный купеческий дом с высоким крыльцом на второй этаж, и с этого крыльца, говорил дед Александр, сбрасывали коммунистов и активистов, а внизу охотники из восставших ловили их на пешни и пики. Она несколько раз заходила в сельсовет, значит, шла по крови казненных, сквозь их крики и предсмертные стоны, потому что живых тут же и добивали. Потом пришли красноармейцы, и бойня продолжилась, только теперь не топили в прорубях, не привязывали к хвостам полудиких лошадей, а цивилизованно расстреливали из пулеметов и пушек. Она видела братскую могилу со звездой на ржавой пирамидке и корявой надписью: «Жертвам кулацко-эссеровского мятежа 1921 г», и сразу возник вопрос: а те, кто восстал и погиб в боях или расстрелян после разгрома – где их могилы? Почему не нашлось для них ни креста, ни камня? И вот это противостояние начальников и простых колхозников, о котором сегодня говорил старик – не есть ли продолжение той ненависти к простому мужику, его жене и его детям? Убийство, которое спонтанно совершил молодой Александр, не назовешь разбоем или хулиганством, у него иная окраска, но какая? Старик сегодня не может определить, убил, потому что баб надо было защитить. А разве все так просто? Она вчера слышала, как бригадир крыл матом двух мужиков, что-то сделавших не так, как следовало. Откуда это право унижать того, кто ниже тебя по званию? Ладно, если это хамство отдельного человека, попавшего во власть случайно. А если оно, это право, дается как приложение к должности? Очень похоже, что так, потому что Ирина за почти год деревенской жизни никогда не слышала, чтобы рядовой колхозник материл бригадира, она даже усмехнулась этой мысли.

***

Заведующий областным отделом здравоохранения Семовских Юрий Николаевич имел четкий график посещения городов и районов, и только болезнь могла помешать и нарушить график. Тогда он отправлял в командировку своего заместителя с памяткой на двух страницах, что надо посмотреть и в чем помочь очередному району. Физическая немощь с каждым годом становилась все ощутимей. Во-

енный врач, хирург, начальник прифронтового госпиталя, он не раз и не два попадал под авиационные бомбежки и обстрелы артиллерии, закрывал своим могучим телом лежащих на операционном столе раненых, закрывал от осколков и от пыли, которая непременно сыпалась с потолков случайных и полуприспособленных помещений. Под Варшавой в мешанине вражеской контратаки он бежал к своему госпиталю и попал под мину. Когда атаку отбили, главврача принесли в госпиталь, и его молодые коллеги со слезами на глазах собрали раздробленные ступни, отрезав весь передок по самый сустав. Семовских долго учился ходить, заказал себе ботинки с негнущейся подошвой, много раз падал, излишне уверовав в свою способность все-таки ходить. Первое время присутствовал на операциях, подсказывал, кричал, ругался матом, если коллеги делали что-то не так, после смущенно извинялся, и все говорили: «Да о чем вы, Юрий Николаевич!». Потом заставил сделать стул–подпорку, и начал оперировать сам. После окончания войны был отозван в распоряжение министерства здравоохранения и направлен в Сибирь главным врачом областной больницы. Продолжал оперировать и учить молодежь, несколько раз прорывался на прием к первому секретарю обкома партии и говорил только об открытии своего медицинского института. Первый все прекрасно понимал и хлопотал об этом в Москве. Наконец, институт открыли, Семовских списался с десятком знакомых специалистов, но в холодную Сибирь приехали только трое. Ему предложили возглавить учебное заведение, он категорически отказался и продолжал лечить, одновременно читая лекции и принимая группы практикантов. Только глубокое осознание одним из студентов своей глупости спасло его от отчисления по настоянию Семовских после того, как студент в присутствии доктора сказал, что хирургия – это позор медицины. Юрию Николаевичу пытались показать фрагмент работы профессора Пирогова с этой фразой, на что хирург ответил, что Пирогову при его гениальности случайную фразу можно простить, но студенту, который собирается стать хирургом и не верит в благородство профессии – ни за что! Впрочем, конфликт разрешился, но никто уже не пытался поставить под сомнение нужность и важность этой профессии.

В Березовку его пригласил председатель райисполкома Хевролин, они давно были знакомы и даже дружили, Семовских каждую осень приезжал в район на охоту и рыбалку, и то, и другое получалось удачно, потому что Николай Петрович отлично знал озера и утиные перелеты.

В этот раз гость предупредил, что будет только два дня и никаких развлечений, потому что ноги лишних нагрузок не выносят.

Первый день провели в районной больнице. Подъехавшие поездом областные специалисты провели прием больных, во второй половине дня работали со стационарными пациентами. Сам заведующий беседовал с врачами и медсестрами, обошел все отделения, вечером подвели итоги. Областники доложили результаты своих наблюдений, тут же задавали вопросы главному врачу, заведующим отделениями, специалистам. Хевролин по ходу разговора понял, что хорошего мало, сидел за столом, уткнувшись в бумаги, и головы не поднимал. Семовских спросил:

– Николай Петрович, вы будете говорить?

Хевролин тяжело поднялся:

– А куда же мне деваться, Юрий Николаевич, если я вас пригласил помочь нам в улучшении работы наших медицинских учреждений? Конечно, мне не очень приятно выслушивать критические высказывания ваших коллег, тем более, когда речь идет о вопросах нашего, районного уровня. И мне не понятна позиция главного врача, например, когда речь идет о невыборке фондовых препаратов. Я не врач, но, думаю, область выделяет районам самое необходимое. Неужели, Петр Петрович, у нас все есть, если мы отказываемся от лекарств? И в то же время есть жалобы из участковых больниц, что порой не хватает самого элементарного. По питанию. Стыдно слушать! Товарищ Бытов, ты хоть раз заикнулся о том, что есть проблемы? Я же не могу к тебе на кухню бегать и в котлы заглядывать. Кто тебя надоумил закупить тонну овсяной крупы крутого помола, предназначенной исключительно для комбикормового завода? Ты разве не знаешь, что твою кашу во всем районе зовут плевательной, потому что овсяную шелуху человек есть не может. Ты сам ел эту кашу? По рабочему времени. Ни один врач сегодня не начал прием ровно в восемь часов, все опоздали на десять-пятнадцать минут. Вчера большинство кабинетов прекратили работу за полчаса до окончания рабочего дня. Да, я организовал наблюдение. Это уже не позор, это преступление. Не хотелось бы вспоминать, но было время, когда за подобные дела судили и садили в тюрьму. Нам что, снова к этому возвращаться? Представить невозможно, чтобы доярка встала и ушла, а пять коров остались не доенными. Выходит, у доярки есть сознание, а у наших врачей его нет. По товарищу Бытову. Предупреждаю, что это последний такой разговор, потом будут выводы. Вы ослабили

руководство, люди это поняли и творят, что хотят. Как это можно, на кухне нашли записку снабженца повару: «Зина, сметану не разводи, я уже развела». И что? А ничего, и та, и другая до сих пор работают. Остается думать, что вы, товарищ Бытов, получаете эту сметану еще до разбавления. Я хочу заверить вас, Юрий Николаевич, ваших специалистов, что результаты сегодняшней проверки мы внимательно рассмотрим на исполкоме и примем все меры к устранению недостатков.

Николай Петрович сел и вытер платком вспотевший лоб.

Старого товарища Хевролин в гостиницу не пустил, привез домой. Поужинали, приняли по рюмке водки, гость от второй отказался, перешли в горницу, Семовских извинился, снял ботинки и по-свойски прилег на диван, уложив поудобнее больные ноги.

– Тяжко, Юрий Николаевич?

– Тяжело, Николай, особенно, если вот такие дела находишь в районах. Бытов слаб, но замены нет, в коллективе не вижу, а резерв весь на Севера, там огромная потребность в кадрах. Сам видишь, новые города открываем, кадров катастрофически не хватает. Потому оргвыводов по нему делать не будем, а контроль надо усилить. Он вроде старательный, но осторожный, трусливый, я от него ни разу ни предложения, ни возражения не слышал. Десять лет назад был бы незаменимый работник, а по нынешним временам слаб.

Хозяин кивнул:

– Я не возражаю, Юрий Николаевич, пусть работает, поможем. Завтра покажу вам две участковые больнички и попутно несколько медпунктов. Сельскую сеть тоже надо улучшать.

Семовских оживился:

– Правильно мыслишь, председатель. Вот это я и пытаюсь пробить в облисполкоме. Медицина должна быть рядом с человеком, и она должна идти к нему, а не он за ней бегать. Понятно, что хирургию в каждой деревне мы не откроем, но и фельдшерами ограничиваться нельзя. Я тебе скажу такую цифру: до сорока процентов смертей от сердечных инфарктов и других причин, связанных с сердцем, случаются именно в сельской местности. Будет время, я в этом уверен, нынешние участковые выйдут на уровень районных больниц, с добротными помещениями, с квалифицированными специалистами. Со мной спорят, убеждают, что будущее за крупными медицинскими центрами. Согласен, так и должно быть, но в основе все равно сильная первичная сеть.

Хевролин рассказал, что недавно был на встрече будущих выпускников средних школ:

– Впервые райОНО и комсомол собрали ребят со всех школ, чтобы поговорить о будущем. Будущее, каким его видит молодежь, нас не очень устраивает, запустили организаторы анкету – в деревне почти никто не хочет оставаться. В сельхозинститут и техникум немного желающих. Но есть до десятка ребят, которые хотели бы стать врачами. Надо бы, Юрий Николаевич, обмозговать этот вопрос.

Семовских улыбнулся:

– Обмозгуем. Поручим Бытову встретиться с ними отдельно. Подожди, Николай, а если мы с утра завтра попросим РОНО собрать этих ребят – получится? Я бы хотел сам с ними поговорить. Это очень важный вопрос будущего.

Хевролин потянулся к телефону:

– Дуся, вызови мне Старикова, квартиру, конечно. Геннадий Иванович, вечер добрый. Помнишь, на встрече выпускников говорили о мединституте? У нас в районе находится заведующий облздравотделом, ты не сможешь завтра организовать сбор этих ребят? Давай часа на два, у меня в кабинете. И сам приходи. Договорились.

***

Когда вечером позвонил Бытов и с дрожью в голосе так долго и путано говорил о завтрашнем визите Семовских, что Ирина подумала, а не пригрозили ли главному увольнением? Очень бы не хотелось, неизвестно, кто придет и еще более неизвестно, как он отнесется к ее строительству. Бытов еще раз повторил, чтобы она была посдержанней и не наговорила глупостей начальству. Ирина не выдержала:

– Петр Петрович, вы почему считаете возможным так со мной говорить? Разве я имею репутацию хамки и хулиганки? Не переживайте, встретим начальника, как полагается, накормим и напоим.

Бытов аж взвизгнул:

– Упаси вас Бог, Ирина Николаевна, Семовских совсем не пьет!

Тут и Ирину прорвало:

– Петр Петрович, да что вы, в самом деле, я прекрасно понимаю, как надо себя вести.

– И не высовывайтесь со своим строительством, ему и так поперек горла наши финансовые огрехи.

– Так то ваши, Петр Петрович! – уколола Ирина и пожалела об этом.

– Я вас официально предупреждаю: никаких просьб не высказывать, вы еще не знаете, в каком ужасном настроении он к вам приедет. Нам сегодня всем устроил Варфоломеевскую ночь.

– День, Петр Петрович, а если день неудачный, то лучше сказать: Юрьев день.

Бытов вздохнул:

– Доиграетесь, Ирина Николаевна, что он вас прямо на месте с должности снимет. Тогда у меня защиты не ищите. Все. До свидания.

Ирина положила трубку и задумалась. Нет, от намеченного плана она отступать не будет. Покажет больницу, расскажет о проблемах и выйдет на новое строительство. И тогда слово за заведующим облздравотделом: сочтет нужным продолжать – скажет, посчитает строительство преждевременным – помогать не будет, а без него только здание можно подготовить, и куда потом с ним?

Ирина утром позвонила Панкову, чтобы тоже присутствовал, вдруг к нему будут вопросы. Алексей пообещал, хотя и поворчал, что у него достаточно других поводов получать взыскания и внушения.

Увидев в окно подошедшую машину, Ирина выскочила во двор в шубке, накинутой на белый халат. Чуть в стороне стоял у своей машины Панков. Семовских тяжело высвободил ноги и как-то рывком встал с сиденья. Хевролин чуть поддержал его и кивнул Ирине:

– Знакомьтесь, Юрий Николаевич, Дзюбина Ирина Николаевна, заведующая участковой больницей.

Семовских широко улыбнулся:

– Так это вы в Медснабе тысячу рублей нашей заначки умыкнули? Молодец! Так, дорогая моя, в больницу ты нас не зови, насмотрелся я на наши участковые, душа болит. Мне Николай Петрович все уши прожужжал про ваше новое строительство. Вот тут я с удовольствием посмотрю, заодно и проверю, насколько с перспективой мыслит мой коллега. Мы же с вами, Ирина Николаевна, в одинаковой должности, только я заведую областным отделом, а вы пока маленькой его частью. Так, а это что за скромный гость? – кивнул он в сторону Панкова.

Ирина опередила Хевролина:

– Это наш первый помощник, председатель местного колхоза Алексей Павлович Панков.

Хевролин добавил:

– Это он, Юрий Николаевич, оформил в облстройотделе и госбанке этот объект как общежитие. Иначе бы мы ни копейки не могли сюда вложить, а сейчас все законно.

Семовских вздохнул:

– Я все время думаю в таких случаях: кого обманываем? Государ-

ство? Нет, создаем ему новую собственность. Народ? Нет, делаем же для народа. Так кого же? Оказывается, никого, просто чиновники устроили для себя такую игру: давайте запретим строить больнички, а кто ловчее придумает, тому разрешим. Большая дурь, и приведет она со временем к взяткам и поборам, как это уже присутствует в южных республиках. Ну, что, молодежь, ведите в свой будущий дворец, только не очень спешите, я говорить мастак, а хожу медленно.

На первом этаже в теплых комнатах бригада вела штукатурку. Гости заходили в комнаты, и Ирина поясняла, что будет в той, потом в другой. Семовских удивился:

– Это ты уже сегодня знаешь, где что будет?

Ирина смутилась:

– Я еще вчера знала, Юрий Николаевич, знала, когда чертила план этого здания.

– Это хорошо. А тут что за бункер?

– Для рентгенкабинета.

– Надежно, молодец. А тут почему дверь? Что в той половине?

– Кухня, склад, подсобные помещения.

Семовских еще раз оглянулся:

– А где будет стационар?

– Стационар на двадцать коек будет на втором этаже, выделен небольшой родильный блок.

– Значит, кухня на первом, а столовая?

– На втором, прямо над кухней. Повар готовит поднос с пищей и на подъемнике отправляет его на второй этаж. Там официантка принимает и разносит по столам. Так мы избегаем запахов в отделениях и больные получают горячую пищу.

Хевролин улыбнулся:

– Обратите внимание, Юрий Николаевич, она говорит об этом как о свершившемся факте.

Семовских пропустил лестное замечание и продолжал допрос:

– Так. Со стационаром ясно, но для стационара нужны специалисты. Больных ты положишь, а кто лечить станет? Не проще ли отправлять в районную больницу?

Ирина сжала кулачки: только спокойно!

– Нет, не проще, Юрий Николаевич. На нашем участке более пяти тысяч жителей, мы в день принимаем до тридцати человек. Это при том, что на приеме только терапевт, зубной врач, акушерка и детский фельдшер. Да, мы направляем в район пациентов, если не можем

диагностировать, а если диагноз очевиден – зачем? Там такие же медсестры, такие же препараты. В новой больнице нам нужен хирург, гинеколог, еще один терапевт. Понимаете, Юрий Николаевич, это психология сельского жителя, он не хочет уезжать далеко, он хочет получить помощь на месте.

Семовских обратился к Панкову:

– Взвалили на свои плечи – не каетесь? А ведь помогать красивой женщине приятно, не красней, я это по себе знаю. И я ей тоже помогу, хотя, к сожалению, из других соображений. Много ваш колхоз вложил в строительство?

Панков помялся:

– Все вкладывают, Юрий Николаевич, не я один. Два совхоза больница обслуживает, мы на днях собрались, руководители, один ставит бригаду на штукатурку второго этажа, второй берет на себя крышу и шифер. Думаю, к весне можно будет белить, красить и шторы вешать.

Семовских толкнул в бок Хевролина:

– Видал, как у них просто: поштукатурил, шторы повесил, и новоселье. А мебель, а постельные принадлежности, а рентген, операционное оснащение, гинекология свое потребует, детству игрушки подавай. Пошли в кабинет, Ирина Николаевна, будем составлять проект заявки на оснащение новой больницы. А вы, молодой человек, попробуйте найти своих коллег–директоров, я бы хотел с ними пообщаться. Сумеете?

Панков оживился:

– Тут и уметь нечего, они на всякий случай в моем кабинете.

– Вот пусть они рысью в больницу, а ты вместе с ними, может, что-то перехватите на свои могучие плечи.

Заявку составляли долго, Ирина достала заранее подготовленный перечень и называла позиции по оборудованию, инвентарю, мебели. Семовских изредка подсказывал:

– Постельного пиши по три комплекта, это не гостиница, тут всякий контингент, иной пациент за сутки три простыни может выдать... Сейф, потому что будут серьезные препараты... Телевизор надо хотя бы один в столовой поставить, пиши: цветной, пусть снабженцы покрутятся.

Позвонили из приемной исполкома: выпускники собираются, встреча назначена на два часа. Хевролин поднялся: надо ехать. Семовских повернулся к руководителям хозяйств:

– Дорогие мои, я понимаю, что новая больница вам стала дополнительной нагрузкой и заботой, но нам с вами повезло, что появи-

лась Ирина Николаевна Дзюбина, инициативный человек и настойчивый. Не надо на нее обижаться, что просит, надоедает. Спасибо вам, что помогаете. Это очень важно, что хозяйственники видят дальше пашни и фермы. Ирина Николаевна, заявку еще раз проверь, я пришлю к тебе нашего специалиста, есть у меня хорошая женщина, она поможет и привезет уже документ в отдел на исполнение.

– Юрий Николаевич, еще одно предложение. Есть у нас озеро с целебными грязями и водой. Когда освободим старое здание, планируем организовать грязеводолечение. Пять ванн мы взяли в Сладчанской районной больнице, они хотели этим заняться, но главный врач уехал, а новый не заинтересовался. Надо бетонировать бункер под грязь, трубы проложить, насосы у нас уже куплены. Летом будем пробовать.

– Милейшая Ирина Николаевна, с грязью и водой никакой самодеятельности, а то в тюрьму посадить могут. Во-первых, их надо исследовать в институте курортологии, есть такой в Свердловске. Если там признают, что можно использовать для лечения – и тут будет перечень болезней, то мало установить оборудование, нужен врач соответствующего профиля, надо обучить персонал.

Ирина открыла стол:

– Вот. – И подала Семовских пакет бумаг.

– Что это?

– Заключение специалистов Свердловского института курортологии, о котором вы говорили. Они очень высоко оценили наши грязи и воды и выдали подробные рекомендации.

Юрий Николаевич пробежал глазами по последним страницам: да, выводы очень серьезные.

– Задаете вы мне задачи, товарищ Дзюбина, на целый год работы. Судя по всему, ваш бюджет увеличится вдвое, а где брать средства? Где брать специалистов?

Семовских молча смотрел на молодого руководителя и думал, какое счастье, что выпадают из тысяч простых и послушных исполнителей вот такие сумасшедшие люди, готовые придумывать себе все новые и новые проблемы, а потом решать их, призывая на помощь друзей, соседей, начальство. Вот она совсем юная, а сколько энергии, сколько уверенности, что это надо, и что это она сделает обязательно. А деньги найдем, расскажу в облисполкоме об интересном руководителе, поддержат. И хозяйствам надо бы затраты восстановить, помогли оборотными средствами, и на том спасибо.

Всю обратную дорогу молчал, думал. И решил рассказать школь-

никам, которые собираются стать врачами, как в небольшой сельской больничке можно решать серьезные вопросы медицинского обслуживания населения.

***

Алексей никому, даже самым близким друзьям не говорил об Ирине, а ей вообще не с кем было делиться. С весны до глубокой осени не часто, но выбирались в домик на озере. Зимой Алексей увозил ее в район, брал ключи от пустующей квартиры уехавшего на Север товарища. Ирина скованно чувствовала себя в комнате, где за стенкой разговаривали люди, слышен детский смех и, особенно в ночной тишине, можно узнать последние известия. Разговоров о разводе он больше не заводил, помня запрет этой темы, только в тот раз не выдержал. Это было перед Новым годом, Алексей привез из города коробочку французских духов. Ирина разволновалась:

– Ты знаешь, эти духи стали известны у нас, когда мы студентами были. Цены у фарцовщиков несусветные, мы всей комнатой сбросились и купили. Договорились: неделю одна пользуется, неделю другая. Я едва дождалась. Иду на танцы в облаке ароматов, думаю: ну, сегодня все вальсы мои. И подходит ко мне парень с соседнего потока, подошел, и остановился: «Да вы что, блин, всем курсом этих духов набрали?». Оказывается, он наших девчонок именно в те дни и приглашал, когда они при духах. Так меня припозорил, что я весь вечер в комнате проревела. Вот так.

– Ира, Анна Мироновна, жена моя, знает про наши встречи. Вчера крутой разговор был.

Ирина помолчала, собирая в кулак всю волю и способность к защите:

– Посуду не били? Сковородками не бросались? В райком жаловаться не поехала сегодня, судя по тому, что ты в теплой постели с любовницей?

Алексей обиделся:

– Зачем ты так? Она умная и спокойная женщина, так и сказала: любишь ее – уходи.

– Что ты ответил?

– Ничего. Ушел в свою комнату.

Ирина вздохнула:

– Что вы за мужики такие? Покурдаться с чужой женщиной – хлебом не корми, и откуда только слова берутся ласковые? А как до дела доходит – в свою комнату. Что же ты не сказал, что предлагал мне

такой вариант с разводом, да отказалась я? Так что ты решил?

Алексей встал, прошел по комнате от стены до стены.

– Значит, ничего не решил. Тогда я решаю, Алеша. Жене скажешь, что все это слухи, да, встречаемся, но только в рабочее время и по общим делам, связанным с больницей. И все. Больше никуда не поедем и никаких разговоров о чувствах. Иначе, Алешенька, уеду я, а мне бы очень не хотелось. Встаем, одеваемся и едем домой.

В переулке перед ее квартиркой остановились, Ирина тут же открыла дверь, Алексей хотел что-то сказать, поймав ее за руку, она выскользнула и пошла, не закрыв машину. Он проводил ее долгим взглядом, всем своим существом понимая, что это была последняя встреча.

Утром позвонил Хевролин:

– Ирина Николаевна, какие планы на сегодняшний день?

– Николай Петрович, у девушек раньше спрашивали, какие планы на вечер.

– Ну, я про это уже давно забыл. Заводи свою машину и ко мне. Жду к одиннадцати. – И положил трубку.

За годы строительства и длительного запуска в работу всех планируемых кабинетов, грязеводолечебницы, благоустройства территории, строительства силами двух совхозов вблизи больницы трех двухквартирных домов для врачей и персонала, Ирина привыкла к тому, что председатель райисполкома или сам приезжает, или приглашает к себе для решения каких-то вопросов. Так было, когда приехал хирург, и надо было устроить в школу его жену. Так было, когда Ирина втихушку уговорила терапевта районной больницы переехать в село, а Бытов уперся, и ни в какую. Так было столько много раз, что Ирина ехала безо всяких опасений.

Николай Петрович встретил ее у дверей, посадил в кресло, сам сел напротив:

– Ирина Николаевна, я жду один очень важный звонок, так что давай поговорим о приятном. Ты сколько у нас работаешь?

– Четыре, пятый пошел. А это вы к чему, Николай Петрович?

– Да ты не бери в голову. А вот давай вспомним, что за это время мы с тобой наработали? Новое здание построили – раз. Врачей стало сколько?

– Со мной пять.

– Во, видишь? А персонал вырос...

– До тридцати человек. А что случилось? – Ирину била мелкая дрожь, она сильно сжала руки, чтобы не выдать волнения, даже страха.

– Машину новую получили. Гараж построили. Грязью лечится весь район. Ты у нас стала героем здравоохранения.

Зазвонил телефон, Хевролин поднял трубку, выслушал что-то и передал Ирине. Она еле слышно сказала:

– Слушаю вас.

– Здравствуйте, Ирина Николаевна, Семовских, попросил председателя пригласить вас для официального разговора. Есть такое мнение – рекомендовать вас главным врачом района. Чтобы вы не сомневались, скажу, что ваша кандидатура согласована в районе и обкоме партии. Мне нужно ваше принципиальное согласие.

Ирина выдохнула, и слезы отступившей угрозы хлынули из глаз, в один момент ставшими счастливыми и веселыми:

– Юрий Николаевич, спасибо за доверие, но у меня и здесь много дел. Я не могу дать согласия, мне надо подумать, посоветоваться с коллективом. Ведь мы столько вместе перенесли.

– Ирина Николаевна, если честно сказать, вопрос можно считать решенным. Я, как старший товарищ, не советую упорствовать и тем более отказываться. Такие предложения делаются один раз. Вот ваша анкета, вижу, что вам двадцать семь, самое время выходить на новый уровень. Считаю наш вопрос решенным. Жду завтра утром, как приедете – сразу ко мне.

– Простите, Юрий Николаевич, а Бытов?

– Это не ваши заботы. До встречи.

Ирина еще некоторое время держала пикающую трубку, пока Хевролин взял ее и положил на аппарат.

– Бытов поедет в областную больницу в статистический отдел. Не переживай за него, он счастлив. Но о твоем назначении не знает. И вообще пока никто не знает. В область поедешь на моей «Волге», чтобы в день вернуться, а потом проведем собрание коллектива и представим нового главного врача. Все, занимайся своими делами.

Ирина закрылась в своем кабинете и пыталась представить всю процедуру назначения. Видимо, после встречи с Семовских направят в обком партии, а что там – она не знает. Будут пытать о партийности, это точно. Пообещаю, а там видно будет. Наверное, поинтересуются семейным положением, партия очень настороженно относится к руководителям, не имеющим семьи. Видимо, считает, что такие могут вступать в неофициальные контакты, а это уже элементы аморального поведения. Черт, надо было решительно отказаться! Как все замечательно складывалось в эти годы! Квартирку хорошую получила,

обставила современной мебелью, Алеша расстарался, привез югославскую «жилую комнату». Цветной телевизор поставила, ковры на стены и палас на пол, хрусталь и полные собрания сочинений классиков в шкафах. А жила у деда и бабки, только изредка предупреждала их, что ночи две ночует дома, надо привести в порядок бумаги.

И не только бумаги ждали ее в те вечера. В новой больнице она каждый день, если была на месте, проходила по палатам, иногда с врачами, а чаще одна, чтобы не отвлекать людей от работы. И увидела его. Молодой, крепкий, красивый. В палате он был один. Увидев врача, встал с кровати, поправил футболку, смутился.

– Вы с чем к нам попали, молодой человек?

– Да пустяк, на ремонте машина с домкрата сорвалась, чуть придавило, но ребята быстро освободили.

– Как себя чувствуете?

– Хорошо. Можно и домой.

– Молодая жена ждет? – ни с того, ни с сего спросила Ирина, и сама испугалась.

– Нет, – весело засмеялся парень. – Я холостой, жениться не спешу.

Ирина уже вернулась в образ строгой заведующей больницей:

– Ну, женитьба – ваше личное дело, а лечить будем до полного выздоровления.

На посту посмотрела истории болезней, нашла палату №8, Пестов Денис, 24 года, шофер Сугатовского совхоза. Ушла к себе, пыталась что-то делать, а перед глазами стоял он. Ирина хорошо себя знала и понимала, и сейчас с осторожностью поставила диагноз: влюбилась. В стационар больше не заходила, только осторожно спросила рентгенолога, что там у Пестова.

– Ничего страшного, Ирина Николаевна, чуть давнуло грудину, но только ушиб, даже трещины нет. Так что до свадьбы заживет.

– У него свадьба скоро? – опять бесконтрольно спросила она.

– Да нет, просто так говорят.

Два дня в восьмую палату не заходила, а когда насмелилась, Дениса там не оказалось. Пожилой мужчина, заметив смятение доктора, пояснил:

– Выписали его сегодня, а меня вселили, мы и познакомиться не успели.

«Мы тоже», – так и хотелось съязвить Ирине, но не получилось.

Проходили дни, и все думалось о незнакомом парне, приходили ночи, и в возбужденное подсознание он являлся – гордый, сильный,

и снилось такое, от чего утром было до слез приятно и стыдно перед самой собой. Видимо, парень просто не обратил на нее внимания, ну, пришла врач, это ее обязанность. Рассчитывать даже на случайную встречу не приходилось, Сугатово в десяти километрах, в район они ездят своей дорогой. К тому же Денис шофер на грузовой машине, и в Березовке совсем не бывает. А если придумать приличную причину и поехать в совхоз, например, с проверкой соблюдения норм охраны труда: санитария, воздух, температурный режим? Надо взять с собой медсестру и предупредить сугатовского фельдшера.

Выехали рано утром, потому что машины из гаража к восьми часам уже выходят. Нашли завгара, который, стоя на бампере, с головой залез под капот грузовика.

– Никита Григорьевич, медицинская комиссия по проверке требований охраны труда. Вы нам нужны.

Завгар спрыгнул с бампера, бросил ключ в инструментальный ящик.

– Понятно. Тут я уже не нужен. Что показывать?

– Когда последний раз побелку стен делали?

Никита Григорьевич засмеялся:

– Наверно, при строительстве.

– А смеха мало, товарищ завгар, напишем предписание, будете белить. И пол надо хотя бы метлой подметать, посмотрите, сколько масляных пятен. Тут и бензин натекает, и до пожара недалеко.

– Бачок с питьевой водой открытый, черпают прямо сверху, – подсказала медсестра.

– Девушка, у нас заразных нету, потому пьем и не боимся, – огрызнулся завгар.

А Ирина все оглядывалась, в тусклом свете потолочных ламп выискивая желанное лицо, но не находила. Несколько мужчин проходили мимо – не те. Завгар пригласил в свою каптерку, но Ирина даже как-то испуганно отказалась.

– Вы пока занимайтесь своими делами, а мы пройдем по гаражу, – предложила она.

В дальнем боксе, освещенном мощной лампой, она увидела Дениса, в синем комбинезоне, в начищенных кирзовых сапогах, в лыжной шапочке, он усердно протирал ветровое стекло. На гостей обернулся, спрыгнул с подножки, широко улыбнулся:

– Теперь и вы в гости к нам пожаловали? Здравствуйте. Спрашивайте, на все отвечу.

Ирина хорошо освоенным приемом сжала себя, ничем не выдавая волнения:

– К вам у нас вопросов нет, продолжайте работать.

– Ладно, – с улыбкой согласился водитель и вскочил на подножку своего «газика».

Ирина вернулась к завгару, наскоро сочинила предписание и очень сурово сказала, что через неделю все проверит, тогда замечаниями ему не отделаться. Никита Григорьевич повертел в руках бумажку, что-то проворчал и пошел провожать незваных гостей.

Как она ждала следующего вторника, как время от времени выглядывала в окно, потому что послышалось, что грузовая машина вошла во двор. Нет, не могла она войти, ворота закрыты, въезд только с ее разрешения.

В субботу до темноты пробыла в больнице, обошла все палаты, со всеми поговорила. Она знала, что через несколько дней эти люди расскажут своим знакомым, какой добрый, заботливый и внимательный доктор в участковой больнице. А за этим авторитет всего коллектива. Вышла, и по освещенной улице направилась в свою квартиру. Шедший навстречу грузовик неожиданно затормозил, погасил фары, хлопнув дверцей, из кабины выскочил Денис.

– Добрый вечер, доктор!

Ирина обрадовалась. Нет, сначала испугалась. Стараясь себя не выдать, как можно спокойней сказала:

– Здравствуйте.

А в сердце пело: «Как долго я тебя ждала! Что же ты не приехал сразу, как понял, что я тебя искала в гараже?!».

– Ты с работы так поздно или со свидания?

Ирина едва успела остановиться, уж совсем собралась объяснять, что в больнице была.

– Молодой человек, а мы с вами на брудершафт еще не пили, чтобы на «ты» перейти.

Денис ответил с улыбкой, она это видела:

– Так в чем дело? Давай выпьем и перейдем, у меня и шампанское есть.

Надо очень быстро соображать, потому что поддаваться его настроению нельзя, это очень опасно для дальнейших отношений, в которые она верит, особенно сейчас, но и резко его одернуть она уже не может. Надо быстро соображать, секунды работают на него.

– Вы довольно агрессивны, но теперь не тот случай. Мы вообще не знакомы, кроме того, что вы пациент нашей больницы, а с незнакомыми мужчинами пить шампанское...

– Да брось ты, Ирина, ты на меня сразу запала, я это понял в той палате, а потом и в гараж приезжала, тоже меня искала. Что мы будем дурку гнать? Я тебе понравился, ты мне тоже, поэтому едем к тебе, и все дела.

– Вы наглец, Денис, каких мало. Вы что о себе думаете...

А он уже ничего не думал, обхватил ее крепкими руками, поймал губы и терзал их до слабого стона женщины.

– Не гони меня, Ира, ты мне сразу понравилась, правда. И про шампанское я не соврал.

Ирина плохо понимала, что говорит и что делает. Она велела ему поставить машину около больницы и пешком подойти к дому. Сама быстро переоделась, он вошел, скинул куртку, снова обнял ее и целовал, тиская в крепких объятиях и ловко поднимая обширный ее халат...

Уже за полночь Ирина принесла из кухни два бокала, конфеты, Денис поднял с пола свою куртку и со смехом достал бутылку водки.

– Извини, шампанского не оказалось.

– А водку я не пью.

– Выпьешь. Ты и меня не признала, а имя назвала. Значит, помнишь. И водки выпьешь глоток за нашу встречу.

Она действительно выпила, брезгливо вытерев губы.

– Бутылку поставь, она нам еще пригодится. Скажи, Ира, тебе понравилось? Ну, признайся, что такого ты еще не испытывала. А я доволен.

Он стал одеваться, Ирина, не сказавшая ни слова, стояла нелепо с бутылкой водки в руках и смотрела, как он одевал брюки, как под байковой рубахой скрывался его мускулистый и жилистый торс. Он поднял куртку, закинул ее на плечо:

– Ира, я буду к тебе заезжать, если ты не против. А что нам терять? Ты женщина одинокая, я парень холостой. Пей-гуляй, однова живем, как говорится!

И хлопнул дверью.

Ирина села на пол и заплакала. Что с ней такое произошло? Как она могла влюбиться и пойти на поводу у этого грубого и пошлого мужлана? Он использовал ее, как, видимо, вчера и позавчера – других девок и женщин своей и чужих деревень. Он хамовитый и наглый, каких она еще не встречала, он за весь длинный вечер не сказал ей и пары ласковых слов. Он не спросил о ее чувствах, он интересовался, как она оценивает его мужские достоинства. Он привык к тому, что им восхищаются женщины, и считает себя неотразимым. Подлец, даже с шампанским обманул, какая мерзость!

Она бы еще долго нагоняла эти страсти, если бы что-то в сердце не екнуло: а ведь она примет его и завтра и послезавтра, если не забудет, то простит грубость и наглость, будет целовать и прижиматься к его широкой и упругой груди. Она плакала и не знала, от чего. Она еще не знала, что это та горькая любовь, которая настигает женщин, не сумевших устроить свою личную жизнь в юности и ставших потом разборчивыми и всепрощающими одновременно.

Так и получилось. Денис приезжал часто, конечно, деревня это заметила, но никто даже вида не подавал, только однажды Алексей сильно разбередил душу:

– Меня ты отвергла по этическим соображениям, семью нельзя разрушать. Ладно. А сколько же нравственности в твоих отношениях с Пестовым? Всей округе известно, что он проходимец и бабник, если ты семью с ним собралась создавать, то забудь, мой тебе совет.

Они были вдвоем в кабинете, потому Ирина сказала, как думала:

– Знаю, Алеша, что ты любил меня, и я тебя за это любила. Потом поняла, что не смогу переступить, отказалась, и он подвернулся. Знаю все его недостатки, многие из них есть продолжение его достоинств, прости, но я его полюбила. Эта не такая романтическая влюбленность, что была у нас с тобой, это что-то первобытное, страстное, неуправляемое. Да, я никогда не выйду за него, это было бы ужасно, но сегодня он мне нужен.

Алексей долго молчал, видимо, пораженный откровенностью Ирины, потом вздохнул:

– Конечно, это твое дело. Только не говори о моем чувстве в прошедшем времени.

И вышел, хлопнув дверью.

Свое мнение тайно от жены высказал дед Лександро, когда на выходные Ирина пришла к старикам повидаться и даже ночевать в своей горенке. Как всегда, начал издалека, рассказал несколько деревенских историй из прошлой жизни, а потом чуть не прослезился:

– Прости, Аринушка, ты мне как дочь, и старухе моей тоже, потому душа не терпит. Ты такая красивая, умница, на тебя всем сельсоветом налюбоваться не можем, а принимаешь тайно этого парня из Сугатовой. Не думай, что это только твое дело, ты наша гордость и наша радость. И чего ты в ём нашла? Ты бы лучше сперва пришла и спросила: «Дед Лександро, а что ты мне скажешь про такого-то и про такого?». И я бы тебе, милая, все обсказал. Этот парень общеизвестный, ничего не замолчу: красив, подлец, и телом вышел, а вот натура

дурная. Я бы так сказал: природный блидун! Единой бабы не пропустит, и сумет же охмурить, вот как тебя. Прости, доченька, я понимаю, ты молодая, кровь играт, и так дальше. Но жалко мне, что такая милая бабочка досталася этому подлецу.

Ирина слушала деда и удивлялась простоте его рассуждений. Все так и есть, только теперь она ничего изменить не может и не хочет.

– Дед Лександро, вы обо мне не переживайте, я ведь не глупая и все вижу. Замуж за него я не собираюсь, повстречаемся и разбежимся.

– Дай-то Бог, дай-то Бог! – Старик перекрестился и вышел из комнатки.

Получив назначение главным врачом районной больницы, Ирина приехала в Березовку, чтобы передать дела своему терапевту Валентине Алексеевне, которую назначила заведующей. Ночевала в своей квартире, собрала в чемодан самые необходимые вещи: пока Бытов не освободит квартиру, придется пожить в гостинице. Увидев свет фар подошедшего автомобиля, наскоро набросила шубку. Калитка была закрыта, Денис ногой попинал ее и стал ждать хозяйку. Ирина вышла, он хотел шагнуть вперед, она его остановила.

– Не понял, Ирина, что за фокусы?

Ирина твердо сказала:

– Фокусы закончились, Денис. Я уезжаю. За два года с тобой я пережила от животной страсти к тебе до ненависти к самой себе за бесхребетность и податливость непростительную. Если бы ты был чуть внимательнее ко мне, а не любовался бы собой даже в постели, ты бы понял, что во мне все перегорело уже давно. На этом наш роман окончен. Я буду работать в районе, не вздумай приезжать, не приму. Мне кажется, и без переезда я бы сегодня тебя уже не пустила.

Денис молчал, не ожидал такой отповеди, потому пытался настоять:

– Ира, брось ты эту демагогию, любишь-не любишь. Понятно, в район я к тебе не набегаюсь, а тут-то? Пошли, чего ты?

Ирину взорвало:

– Свинья ты, Денис, за все добро – такие слова! Да я видеть тебя не хочу, пошел вон! – И, захлопнув калитку, быстрым шагом пошла по скрипящему снегу.

***

Нового главного врача представлял председатель райисполкома Николай Петрович Хевролин. Бытова на церемонию не пригласили, хотя Ирина предлагала, председатель признался, что по его однозначному предложению тот написал заявление, а Семовских поддержал и

даже место помог найти, когда узнал, кого район прочит на замену. Хевролин был сегодня сверх меры улыбчив и разговорчив.

– Товарищи, у нас сегодня серьезный повод для собрания. Облздравотдел по рекомендации партийных и советских органов района назначил главным врачом нашей больницы, а, следовательно, и всего района Ирину Николаевну Дзюбину. Вы все знаете, что она проработала несколько лет заведующей участковой больницей, за это время сделала ее образцовой, одной из лучших в нашей области. Партийные и советские органы надеются, что Ирина Николаевна и на новом участке будет работать с удвоенной энергией, значительно поправит дела, а поправлять, товарищи, к сожалению, следует многое. Надеюсь, что коллектив примет нового руководителя как положено, с уважением, и вы вместе будете двигать дело улучшения обслуживания нашего населения. Прошу, Ирина Николаевна, ваша тронная речь!

Ирина смутилась, она и без того сильно волновалась, а тут еще «тронная речь»:

– Речей говорить мы не будем, Николай Петрович. Я благодарю руководство района и облздравотдела за высокое доверие. Конечно, буду стараться доверие оправдать. Дел у нас много, очень надеюсь на поддержку всего коллектива: и врачей, и средних медработников, и обслуживающего персонала. В нашем деле и такое бывает, что жизнь пациента зависит даже от электрика, например. Прошу всех работать в том же режиме, что и планировался накануне, я буду знакомиться с отделениями, со всеми службами, потому никаких планерок проводить пока не буду, а все вопросы сугубо медицинского плана прошу решать с заместителем по лечебной части.

Знакомство с вверенной ей больницей затянулось. В хирургическом отделении было так холодно, что больных накрывали их собственной верхней одеждой, в родильном доме в каждой палате стояли электрические обогреватели, отчего предохранители постоянно выбивало, а заведующая роддомом призналась, что медсестры сами ставят «жучки», и она боится пожара. В поликлинике Ирина едва протолкнулась через густую толпу людей, стоящих в очереди в регистратуру. Теснота, холодно, неуютно. В гараже шофера встретили вопросами, чем ремонтировать машины. В отделении скорой помощи девчонки-фельдшера чуть не плачут: одна машина, а вызовы каждый час, даже райцентр не успевают обслуживать. Вчера к сердечнику приехали через два часа, уже поздно. Кухня чем-то напомнила ста-

рую березовскую: жар от плит, дымно, повар, пожилая женщина, вытерла лоб полотенцем и обвела рукой свое хозяйство:

– Была я у вас на кухне, Зиночка нарадоваться не может, и плиты, и посуда. А мы тут совсем запурхались, и ничего допроситься не можем. Ирина Николаевна, грех сказать: никаких диет, хоть бы одно что приготовить.

Через неделю собрала врачей:

– Сразу хочу предупредить, чтобы не было такого толкования, что я хочу в чем-то обвинить предыдущего руководителя. Обстановка у нас действительно, не простая, и всех проблем сразу не решить. Потому предлагаю принять самые простые меры – организационные. Я сегодня попросила согласия профсоюзного комитета и приняла решение продлить часы приема в поликлинике. Прошу заведующих отделениями определиться с субботником или воскресником – называйте как угодно – по наведению порядка. Начните с себя, мне, право, неудобно говорить с врачами о их внешнем виде.

Вечером, сидя в продавленном бытовском кресле, она с удивлением отметила, что все повторяется, она идет тем же путем, что и четыре года назад в участковой больнице. Руководителем был мужик, мужчина, ему ли не решить все эти проблемы за тринадцать лет работы? Нет, ничего не сделано, не построено ни одного нового корпуса, вот только гараж. Кстати о гараже. Она набрала телефон квартиры директора Сугатовского совхоза Еремеева.

– Иван Сергеевич? Нет? Простите, а можно его к телефону?

Подождала с минуту, понимая, что это кто-то из сыновей.

– Слушаю

– Иван Сергеевич, извините, что домой звоню, здравствуйте!

– Здравствуйте, Ирина Николаевна, рад слышать и поздравить с повышением.

– За поздравление спасибо, хотя радость не велика. Тут положение еще хуже, чем было у меня в Березовке. Иван Сергеевич, у нас две машины скорой помощи стоят, нужен ремонт, но нет нарядов и договоров. Помогайте.

Еремеев помолчал.

– Давайте так, Ирина Николаевна...

– А с чего это вы со мной так официально? Или я в чем-то провинилась, Иван Сергеевич?

– Что ты, дорогая моя, просто ты теперь большой начальник, надо субординацию соблюдать. Впрочем, глупости говорю. Давай так ре-

шим: завтра к тебе приедет мой завгар, он толковый мужик, посмотрит, определит, что и как, а потом будем ремонтировать. Согласна?

– Спасибо, Иван Сергеевич. Простите, а кто мне отвечал?

– Старший мой, Григорий, приехал по делам в район, жену с собой взял, у родителей пару дней проведут. Приезжай, познакомитесь.

– Извините, совсем времени нет. Еще раз спасибо. До свидания.

Вдруг стало грустно. Да, двадцать семь, родителей нет, семьи нет, детей нет. Улыбнулась: надо было от Алексей родить, красивый был бы мальчик. Скорее всего именно мальчик, потому что две девочки у него уже есть. И что потом? Одна с ребенком, у которого незаконный отец? Или пойти на крайность и увести Алешу от жены и дочек? Да это немыслимо! Стало быть, пока одна, а там видно будет. А что видно – и сама не могла бы объяснить. Выход только один: впрягаться в работу, чтобы ни минутки не было свободной.

Сугатовский завгар зашел после осмотра машин:

– Одну мы исправим на месте, раздатку я привезу, а другую надо тащить на ремзавод, наряд у меня найдется, раз директор пообещал.

Ирина кивнула, поблагодарила, гость вышел, она снова села за стол и охватила голову. Сегодня впервые за все время работы руководителем она сорвалась, потеряла контроль, говорила очень громко и очень грубо. Это плохой признак, то ли нервы расшатались, то ли личные неурядицы сказываются – в любом случае это не красит главного врача. В комхозе директор может наорать, в любой конторе, но в больнице и на врача...

Ирина пришла в хирургическое отделение, когда все ходячие больные собрались на обед. Поздоровалась, присмотрелась, что в тарелках. Суп-лапша, правильно, недавно она договорилась на ближайшей птицефабрике и закупила центнер обработанных кур. И вдруг обратила внимание: пациент поел первое и стал есть булочку с компотом. Подошла:

– А второе вы не стали получать?

– Как не стал? – улыбнулся мужчина и поднял над столом булочку. – Вот это и есть второе.

Ирина позвала сестру, та кивнула:

– Да, сегодня опять булочка на второе.

– Опять? И часто так бывает?

– Уж с год, наверное, каждый вторник.

– Ну да, – согласилась Ирина. – Вторник булочка, четверг минтай.

Быстрым шагом пошла на кухню. Повар с помощницей чистили картошку к ужину. Ирина сорвала со стенки меню:

– Кто составлял?

– Диетсестра, как всегда.

– Почему на второе булочка?

– Не знаю, Ирина Николаевна, так принесли, так и сделали.

– Кто подписал меню?

– Диетсестра и подписала.

– А дежурный врач? Он видел все это?

– Никто не был, Ирина Николаевна.

Прошла в кабинет, почти крикнула секретарше:

– Срочно ко мне заместителя по лечению!

Когда Екатерина Сергеевна вошла в кабинет, Ирину потрясывало от негодования. Пытаясь сдерживать себя, она тихо спросила:

– Вы считаете питание одним из лечебных факторов?

– Конечно, Ирина Николаевна.

– Скажите, а булочка относится к кондитерским изделиям или она на одном уровне с котлетами?

Екатерина Сергеевна растерялась:

– Я не понимаю, о чем вы?

Ирина почувствовала, что ее понесло:

– Как вы, врач, отвечающий за лечение, могли допустить, что в больнице подают булочку с компотом вместо второго блюда? Как вы могли допустить, что вопросы питания больных решаются поваром и полуграмотной диетсестрой на кухне? Как вы допустили полную анархию, когда дежурный врач приходит на кухню только чтобы перекусить?

Екатерина Сергеевна побледнела и склонила голову:

– Прошу меня освободить от обязанностей заместителя, я уйду на прием.

Ирина Николаевна резко ответила:

– Нет! Будете наводить порядок. Сегодня же замените диетсестру, разработайте хотя бы три диеты. Вы свободны.

Ирина заговорила о диетах, потому что к концу недели подвезут новое оборудование для кухни, можно будет готовить.

Сразу после этого крупного разговора пришли две медсестры:

– Ирина Николаевна, мы с Аллой не можем работать на приеме в поликлинике до семи часов, у нас дети в садике.

– Детей мужья могут забирать.

– Они тоже работают.

– Вот видите, мужья работают после пяти, и это нормально, а если

жены – то уже проблема. Решайте ее дома, пожалуйста. Я не буду из-за ваших капризов менять график работы поликлиники, люди его приняли и одобряют. А мы, медики, должны идти навстречу пожеланиям трудящихся, тем более – больных.

Молодые женщины переглянулись:

– Тогда мы будем увольняться.

Ирина кивнула:

– Это ваше право.

Когда посетительницы ушли, она пригласила секретаршу и все выспросила: кто они, как фамилии, с кем из врачей работают, где трудятся мужья, как зовут начальников этих организаций. Потом оказалось, что детский садик – это проблема почти всех молодых фельдшеров и медсестер, которым приходится работать во вторую смену, так что частным вмешательством этот вопрос не решить. Пошла к Хевролину.

– Ничего не скажу, это ты хорошо придумала, что организовала прием больных вечером. С утра деревенские прошли, к вечеру райцентровские. Правильно. Только надо просчитывать последствия своих решений. Вот видишь, уже конфликт, а он нам не нужен. Я поручу товарищам, они будут в обоих садиках оставлять одного воспитателя на вечер, пока твои барышни не заберут детей. Ведь просто, правда? А если бы мы с тобой сразу все обговорили, было бы еще краще!

В субботу решила уехать к старикам в деревню, отоспаться, в гостинице всегда шумно до полуночи, а в шесть она уже встает. Водителя беспокоить не стала, сама пришла в гараж, завела новенькие «жигули». Только выехала на территорию – бежит заведующий хирургией Шиманов и машет рукой.

«Господи, что у них там?» – подумала Ирина и остановилась. Заведующий, плотный сорокалетний мужчина, с авторитетом хорошего хирурга и любителя выпить в любое время, был явно взволнован:

– Ирина Николаевна, мы собрались уборку делать, а завхоз краску не выдал и кисти.

– Найдите его, Федор Александрович!

– Да нет нигде, а время идет! Я больных почти всех выписал вчера или отпустил до понедельника. Можно, мы все купим и счета возьмем? Там и Подкурков со своей терапией в таком же положении.

– Конечно, можно, и напрасно меня искали. Берите ответственность на себя, принимайте решения сами.

Федор Александрович засмеялся:

– За столом я все решаю сам, а тут иное дело.

Ирина улыбнулась:

– Федор Александрович, мы, конечно, имеем в виду операционный стол, правда?

– Да конечно, Ирина Николаевна.

Уехала она с хорошим настроением.

***

Ночью ее разбудил телефон. Она еще плохо ориентировалась в квартире Бытова и не сразу вспомнила, что телефон в коридоре. Схватила трубку и глянула на часы: половина второго.

– Ирина Николаевна, Шиманов, извините. Тяжелый случай, нужно ваше присутствие. Автоавария, женщина в тяжелом состоянии. Мы в реанимации.

Бросила в сумку халат, побежала к отделению. В приемном покое увидела Еремееева, на нем лица нет – бледный, растрепанный.

– Иван Сергеевич, что с вами?

– Не со мной, Ирина Николаевна, с детьми моими, сбил их на дороге «Камаз», прицеп занесло, Григорий с переломами, а Софьюшка совсем плоха.

– Извините, я к ним.

Шиманов и Подкурков стояли над прикрытым простыней телом женщины, аппарат искусственного дыхания уже отключен, капельницы безвольно свисают со штативов. Клочки окровавленной ваты и бинтов лежит в тазике.

– Привезли без сознания, почти без давления и пульса. Мы сделали все, что можно и что нужно. Скорее всего, разрыв печени, возможно, и других внутренних органов, – шепотом доложил Подкурков.

– Прямо сейчас оформите историю, все подробно. И на вскрытие. Это авария, будет расследование. А как мужчина?

– Он в сознании, но шок сильнейший. Перелом руки, нескольких ребер, видимо, чуток сотрясение, потому что есть гематома на лбу слева.

– Прошу вас, товарищи, остаться с больным и сделать все, что необходимо. Пока ни слова о смерти жены. И для сведения: он работник обкома партии, хотя для нас это никакого значения не имеет. – Она вышла, надо идти к Ивану Сергеевичу со страшным известием. Ей никогда еще не доводилось информировать родственников о смерти пациента, а тут хороший знакомый, почти родной человек.

Еремеев стоял в коридоре и ждал. На фикусе в кадке много желтых листьев. Ирина подошла и молча обняла его:

– Иван Сергеевич...

– Я понял, Ирина. Я знал, что после таких аварий не выживают. Как Григорий?

– Перелом руки и ребер, ничего опасного, но шок еще не прошел. Я думаю, не надо пока ему ничего говорить. И к нему нельзя. Пойдемте ко мне, Иван Сергеевич, вам надо отдохнуть. – Она позвала медсестру, ввели успокоительное, Еремеев согласился и пошел вслед за Ириной. Снег грустно хрустел под ногами.

Она постелила ему на диване в детской комнате, приспособленной для гостей, сама села к телефону в своей спальне:

– Андрей Арсентьевич, как состояние Еремеева?

– Шиманов наложил гипс, жесткую повязку на ребра. Сделали рентген, других проблем нет. И ребра удачно сломались, без осколков. Вы ему сами скажете?

– Не знаю. Его отец у меня, мы старые знакомые, но только с отцом. Я подумаю.

Утром старшего Еремеева пустили к сыну. Он лежал в палате один, только что проснулся после большой дозы снотворного, наверное, по виду отца обо всем догадался.

– Папка, это правда?

Отец кивнул:

– Правда, сынок. Спасти Софьюшку не было никакой возможности. Крепись, Гриша!

Мужчины помолчали, Григорий пытался подняться, но боль сковала, и он упал на койку. Вошел Шиманов:

– Вам надо полежать хотя бы пару дней, потому что сейчас могут проявиться еще какие-то нарушения, все-таки удар был сильным. Григорий Иванович, примите наши соболезнования. Мы вас отпустим под наблюдением, чтобы проститься с женой.

Григорий отвернулся к стенке и заплакал.

Тело единственной своей невестки Иван Сергеевич привез в свой дом, так договорились с Григорием: ехать до города ему нельзя, а отпускать ее одну он не согласился. Отец осторожно намекнул, что можно похоронить дома, сын ухватился за эту мысль, теша себя надеждой побыть с женой хоть сколько-то больше. Иван Сергеевич съездил домой, попросил женщин из своей конторы помочь выбрать какую надо одежду, у Сонюшки с собой целый чемодан с платьями и кофтами, мужниными сорочками, даром что на три дня ехали. Отец видел, что сын его два дня подряд одну рубаху не носил, и брюки сам

не утюжил. Женщины показали светло-вишневый шерстяной костюм, кажется, Соня его ни разу здесь и не доставала. Иван Сергеевич усомнился, уместен ли столь веселый цвет, а супруга, уткнувшись в свернутую ткань, утолив слезы, прошептала, что Сонюшке очень к лицу был этот наряд, и пусть она идет в нем, и никто не осудит, потому что чиста она перед людьми и Богом.

Гроб, сделанный в совхозной столярке, обили красным бархатом, и лежала Софья Еремеева, будто отдохнуть прилегла. Год назад здесь отгуляли свадьбу, вон в ту комнатку отец с матерью отправили молодых, а сами ушли в избушку на ограде. Клава, как гостей проводили, смущенно шепнула мужу, что простынку с брачной постели невестка с собой увезла, не кинула в стирку. Иван Сергеевич тоже чуть смутился, но кашлянул и ответил, что так и должно быть, Еремеевы сроду подержанных баб не собирали, и крепко обнял жену.

Григорий с Соней часто приезжали в деревню, летом пару дней успевали поработать на сенокосе, Гриша стоял у стога с вилами, подавал наверх по целой копне, Соня в простеньком свекровкином платьишке и белом платочке с грабельцами ходила за копновозами. Смуглая, крепенькая, она смущала молодых парней и мужиков, но никто даже слова не мог позволить. Только старый фронтовой товарищ Еремееева как-то спросил:

– Сергеич, а невестка твоя какой нации?

Иван оторопел:

– А хрен его знает, какой. Нашей, советской нации.

Не унимался дружок:

– Вот гляжу на нее: или кавказских кровей, или еврейских?

Иван рассердился:

– Что ты привязался? Нет у ней никого родных, из детдома пошла в медучилище, отличницей окончила, сразу в институт. А ты чем недоволен?

Друг обиделся:

– Сразу и «недоволен»! Спросить нельзя! Красивая она не по-деревенски, вот что в глаза кидатся. Как говорится, жгучая блондинка!

Иван захохотал:

– Брюнетка, старый ты бабник!

– Согласен. А так – само собой, наших кровей, советских.

– Э-э-э! Дошло! Тундра!

Осенью, во время хлебоуборки, оба приходили на склад, Гриша, как природный механизатор, находил себе работу с железом, а Соня

брала широкую хлебную лопату и вместе с женщинами подгребала зерно к транспортеру. Бабы, в ожидании следующей машины, садились прямо на ворох зерна, снимали платки, подсушивали волосы.

– Софья Варнавична, и охота вам вместе с нами вкалывать? Приехали в гости, так и гостили бы, отдыхали. – Женщины немножко стеснялись, знали, что она сноха директора, да к тому же врач. – А вы по какой части доктор?

Соня улыбнулась:

– По нашей, по женской.

И сразу оживились, молодуха, только месяц, как замуж вышла, сразу к ней:

– Ой, девки, припухли все и уши завесили! У меня личный вопрос!

И ну шептать Софье на ухо, та слушала-слушала, и улыбнулась:

– Ну, и что вы хотели? Чтобы муж ваш пошел на соседнюю улицу?

Молодуха возмутилась, не хочет этого:

– Но я не высыпаюсь из-за него, ирода!

Софья серьезна, она врач, ей нельзя смеяться, хотя все бабочки уже ухохатываются на том склоне вороха.

– Тебя как зовут?

– Фрося. Ефросинья.

– Муж любит тебя, ты это чувствуешь?

– Жалеет, робить шибко ничего тяжелого не дает, все ему сына надо.

– А ты ему объясни, что таким методом он может сына и не дождаться. Объясни, что организм твой должен отдохнуть, подготовиться, тогда и ребеночек будет.

Так за день чуть не все с докторшей перешепчутся...

В этот день приударивший было мороз сник, с юга потянул теплый ветерок, снег обмяк, пахнуло весной, хотя только начало декабря. На «скорой» привезли Григория, друзья-ровесники помогли войти в дом, раздеться. Иван Сергеевич строго-настрого наказал жене и всем родственникам при сыне сдерживать себя, ему и без плакальщиц тошно. Григорий сел в кресло у изголовья Сони и молча смотрел на любимое лицо. Висящая в доме тишина нарушалась лишь редкими всхлипываниями.

– Эх, Сонюшка ты моя дорогая, почему не захлестнуло меня с тобой в ту минуту? И как я буду жить без тебя на этой земле?

Отец насторожился: если парень сорвется, придется увезти в больницу, так предупредила Ирина Николаевна. Он просил ее приехать, она сослалась на недомогание, но пообещала, что к прощанию обязательно будет.

Русская деревня еще не утратила способности сопереживать и соболезновать не на словах, люди шли, знакомые и не очень, шли, чтобы своим появлением и присутствием поддержать своего директора, его семью в таком горе. Гроб вынесли, поставили в кузов грузовика, вереница молчащих людей прошла до кладбища, каждый бросил в зияющую яму три горсти холодной и липкой земли. Установили сваренную в мастерских железную пирамидку с именем и датой, написанными клубным художником. Еремеев пригласил всех в столовую на горячий обед. Ирина подошла к сидящему на табуретке Григорию:

– Григорий Иванович, примите мое искренне соболезнование. Я бы просила вас вернуться в больницу.

Григорий не поднял головы:

– Мне все равно. Везите. Папка, прошу тебя, приезжай вечером, иначе я сойду с ума.

Ирина поняла, что действие введенных препаратов заканчивается и кивнула доктору: «Пора!». Машина на малой скорости пошла в сторону райцентра. Она подошла к Ивану Сергеевичу и Клавдии Петровне.

– Мы продержим Григория Ивановича еще пару дней, и потом передадим в областную больницу. Так будет лучше. Простите, но мне нужно ехать. Я буду вас навещать.

Патологоанатом молодец, после вскрытия Софьи ни слова никому, пришел к главному:

– Ирина Николаевна, погибшая беременна, первый месяц. Едва ли и сама догадывалась. Это указывать?

– Акт мы обязаны вручить родственникам. Только не сейчас. Начнется следствие, все равно этот факт всплывет, но только позже. Вы же понимаете, что это известие окончательно добьет мужа. Отправим пациента в область, потом видно будет.

Еремеевым она тоже решила ничего пока не говорить.

***

Еще накануне октябрьских праздников Хевролин попросил Ирину приехать в исполком. Встретил в дверях, крепко пожал руку, пригласил за стол:

– Все жду от тебя предложений, а ты помалкиваешь. Неужели вся энергия в Березовский свисток ушла?

Ирина насторожилась:

– Что вы имеете в виду, Николай Петрович?

Председатель засмеялся:

– Строительство, дорогая Ирина Николаевна, то, чем ты так успешно занималась раньше.

Ирина кивнула:

– Честное слово, так много дел и проблем местного масштаба. А строить надо. Конечно, вру, что не думала, у меня даже один рисунок есть, сейчас покажу.

Она раскрыла портфель и вынула сложенный книжечкой лист ватмана, развернула его на столе:

– Вот болото, которое сегодня за хозпостройками. Надо его расчистить, углубить, обсадить красивыми деревьями. Это будет центр нашего больничного городка.

– А вокруг у тебя что за квадратики?

Ирина улыбнулась:

– Это прямоугольники, Николай Петрович, и обозначают они корпуса нашей больницы. Вот это поликлиника, это терапия, дальше хирургический корпус, администрация, родильный дом, детство и «скорая помощь». А по ту сторону инфекционное отделение, морг, извините, потом гаражи и кухня. Все постройки закольцованы вокруг нашего красивого пруда. Думаю даже, что корпуса можно соединить теплыми переходами, не все, но основные надо. Нравится, Николай Петрович?

Хевролин без улыбки смотрел на эту схему. Ведь он сам, проходя по этому участку на работу и обратно, видел, что просится вся эта местность под какое-то единое оформление, а вот что больницу можно сюда сместить, и в голову не пришло. Да и что доброе можно было сделать с Бытовым? А теперь, глядя на примитивный план Дзюбиной, уже чувствовал, что уже заразился идеей больничного городка. Все-таки молодец эта бабочка, хорошо мыслит, а в душе щипнуло: «А ведь и я об этом же думал...».

– Думы думками и планы планами, Ирина Николаевна, но воплощать эту идею будет ой как непросто! Я переговорю с первым, он мужик практичный, если смысл увидит, тогда дело пойдет. Это будет такой проект, на который всем районом придется работать. – Он замолчал, рассматривая план.

– Николай Петрович! – Ирину насторожило столь длительное молчание председателя. – Вы считаете такой проект преждевременным?

– Да что ты, предложение очень толковое. Ты оставь этот ребус, я его первому покажу. Кстати, ты напрасно его избегаешь, он тут высказал обиду, что после утверждения в должности ни разу в райкоме не была.

– Так я же беспартийная, что мне в райкоме решать? Есть вопросы – я к вам.

– Вот в этом и дело. Думаю, после нашего с ним рассмотрения твоей картинки он тебя обязательно вызовет, либо скажет, чтоб не увлекалась фантастикой, либо предложит какой-то вариант. Ну, мы с ним определимся.

С первым секретарем райкома Алтуфьевым у Хевролина отношения были осторожно-натянутыми, тот моложе чуть не на десять лет, работал в исполкоме южного района, пришел после Московской партшколы, а Николай Петрович сельхозтехникум заочно, институт тоже за семь лет, но работу видел и знал, как ее делать. Первому в обкоме так и сказали:

– На председателя райисполкома можете смело полагаться. Честнейший и порядочный человек, понимает, что это его потолок, потому работает с перспективой. У него иногда возникают неожиданные проекты, на первый взгляд – бред, а вникнешь – верное направление.

Семен Макарович Алтуфьев в район вжился легко, с людьми сходился просто, с руководителями знакомился постепенно, но чаще всего признавал, что человек на месте и дергать его не следует. На втором году работы во время хлебоуборки в район приехал председатель облисполкома Кузнечевский, и хоть не прямой начальник, но член бюро обкома партии, поэтому сопровождать его по району поехал сам. В конце дня заехали на обмолот овса, урожайность хорошая, только комбайны за месяц каждодневной работы разболтались, железо от железа отстает, и дали на этом поле такие потери, что овес прямо струйками вытекал из шнеков. Кузнечевский пнул хромовым сапогом по такому ручейку и приказал остановить комбайны. Шоферу техпомощи велели срочно найти директора Худякова, но тот и сам подъехал минут через пять.

– Это что? – Кузнечевский со злобой пнул кучку овса, и земля с сорняками обсыпала брюки директора. Тот побагровел, отряхнул брюки:

– Поаккуратней, пожалуйста, товарищ председатель, на нас люди смотрят.

Кузнечевского понесло:

– Ты еще указывать мне будешь? Люди! Эти люди сегодня нанесли огромный вред государству, втоптали в грязь тонны фуража, на котором можно было бы вырастить центнеры мяса. Ты знаешь, какое положение в стране с мясом? Ты выполняешь планы по мясу?

Худяков оглянулся на столпившихся комбайнеров и шоферов и неожиданно сказал:

– Товарищ Кузнечевский, я вижу вас первый раз и дай бог – последний, потому не позволю со мной так разговаривать. Я директор совхоза, и требую нормального обращения.

Алтуфьев знал, что Кузнечевского уже не остановить, хотел увести Худякова, но тот уперся:

– Семен Макарович, я знаю про нашу беду, потому и поставит самые старые комбайны на овес, а не на семенную пшеницу.

Кузнечевский чуть успокоился и объявил:

– Вас, гражданин Худяков, я с должности снимаю. Сегодня вечером бюро райкома рассмотрит вопрос о вашей партийности. И в уголовном порядке ответите за брак и потери. Все. У меня больше вопросов нет. Поехали, – кивнул он Алтуфьеву.

Алтуфьев задержался, крикнул Худякову, чтобы подправили комбайны и продолжали молотить, и чтобы вечером никуда не спешил, бюро не будет. Когда сел в машину, Кузнечевский с усмешкой заметил:

– Слезы вытирал директору? Вот доработались, сознательно гоним зерно в потери, и еще углы загибаем! Алтуфьев, ты молодой первый, не иди на поводу толпы, дурно кончишь.

– Андрей Альбертович, вы сегодня оскорбили одного из старейших руководителей а районе. Да, повод критиковать есть, но это установка райкома: вывести в поле все, что может молотить. Даже с потерями. Вы сами знаете прогноз, через два дня снег, и тогда мы теряем все.

– Хорошенькое дельце! Первый секретарь райкома берет под защиту вредителя.

– Андрей Альбертович, ну, что за выражения?! Завтра на это поле выгоним дойные гурты, и коровушки соберут все наши потери.

Кузнечевский заворочался в тесном сиденье:

– Как я понял, мое указание снять директора с должности и исключить из партии вы игнорируете?

Алтуфьев улыбнулся:

– Игнорировать не будем, обсудим, но на работе и в партии оставим, я думаю.

Больше никуда Кузнечевский ехать не пожелал, у райкома пересел в свою «Волгу» и в открытую дверь предупредил:

– Я сейчас же поставлю в известность первого, пусть он возьмет этот вопрос на контроль.

Первый позвонил в одиннадцать часов вечера сначала на квартиру, но жена сказала, что искать мужа надо в кабинете, он собирал бюро.

– Что у тебя Кузнечевским? Он жаждет крови, а ты вроде против. Говори. Только самую суть.

На «самую суть» ушло десять минут эмоционального рассказа, и про пинки в сторону директора, и про подчеркнутое неуважение рабочих, присутствующих при разговоре.

– Бюро, ты, конечно, по этому поводу собирал? И что решили? Не отдавать товарища и соратника? Решили правильно, я тебе по секрету скажу: Кузнечевский завтра выезжает в ЦК на беседу, ему предлагают в Минсельхозе должность третьего зама. Он рад. Скажу по чести, и я тоже. Будь здоров.

Этот случай крепко добавил авторитета первому секретарю и укрепил его отношения с руководителями.

Хевролин попросил специалистов строительного отдела выехать на местность и составить настоящий план в масштабе в соответствии с размерами зданий, указанными главным врачом, и теперь любовался картинкой. «Да, – Хевролин довольно крякнул, – соблазнительный проект, но в область с ним соваться нет смысла, в лучшем случае внесут в титул один объект, и будь доволен. При таких темпах за всю оставшуюся жизнь председателю райисполкома по галереям из корпуса в корпус не перейти. Он снял трубку:

– Семен Макарович, надо с полчасика спокойного разговора.

– Я свободен. Заходи.

Алтуфьев не сразу понял, что за строительный микрорайон, а когда прочитал заголовок, снял очки и сел:

– Это тебя опять докторица искушает?

– Ну, Семен Макарович, затея-то умная, грех, если упустим. Налепим этих тюремных корпусов, глаза бы мои не смотрели. А тут? Посредине пруд, больной вышел, свежим воздухом подышал. Вот эти посадки – не тополя и акации, то разные дерева, которые Дзюбина клятвенно обещала завезти чуть не со всей страны. А клумбы? Она мне десять цветков называла – единого не запомнил. Но как представлю – сердце поет!

Алтуфьев захохотал:

– Я даже слова этой песни знаю: «Дяденька финансист, дай копеечку». Да, забирает под самую дыхалку эта картинка. Давай так: завтра с утра встречаешься с начальником управления и главбухом, так, в общих чертах, что мы сможем заложить в план и под каким видом. Поликлинику в ближайшие годы едва ли разрешат, а общежитие смело. Жми на два. Поручим Стукалину и Реневу. Да, мелиораторам в

план работы по пруду. Слушай, как ей в голову пришло болотину в пруд превратить? Так, а завтра на три часа всех руководителей ко мне, будем чай пить, и обсуждать проект имени товарища Дзюбиной.

Собрались в кабинете партийной учебы, столы сдвинули, чтобы друг друга видеть. Хевролин кивнул Ирине Николаевне:

– Садись около первого, я буду рядом.

Принесли чай, конфеты, печенье. Три самовара украсили столы. Девушки-инструкторы наполняли чашки и подавали гостям. Директора совхозов, председатели колхозов, руководители предприятий и организаций не впервые вместе, но чтобы в райком вызвали чаю попить – это казалось странным. Без вступительной речи первый предоставил слово главному врачу районной больницы Ирине Николаевне Дзюбиной.

Ирина обстоятельно готовилась к этому выступлению, с Николаем Петровичем обсудили, что сказать, а уж как это сделать. Хевролин с улыбкой предоставил ей. Она специально надела темный официальный костюм, чтобы мужчины слушали, а не изучали ее. Говорила об общем уровне заболеваемости, о слабой диагностике, о детской смертности, потому что рожаем в антисанитарных условиях. Никто не придет и не создаст нам идеальные условия. Мы должны все сделать своими руками.

Она сняла легонькую занавеску со схемы, и застолье затихло, даже кружки звенеть перестали.

– Вот, товарищи, план будущего больничного городка. Здесь все реально, и пруд с прогулочными лодками, и парк с десятком разных деревьев, и цветники...

– Кроме почти десятка двухэтажных кирпичных зданий, – вклинил кто-то. На него зашикали.

– Почему вы такой пессимист? Сегодня решен вопрос по двум объектам, важнейшим для нас – поликлинике и родильному дому. Их будут строить два хозяйства.

– И кто эти счастливчики?

– Юрий Михайлович, перестань ерничать, доктор и без того смущается, – одернул первый.

– Этого доктора смущать... – но сказал тихо, почти никто не слышал.

Первый поблагодарил докладчика и пригласил сесть рядом с собой.

– Суть дела изложена предельно ясно. Два объекта, о которых говорила Ирина Николаевна, будут включены в план, но под видом общежитий. Я специально пригласил банкира и финансистов, что-

бы все знали, что и как делается. Чтобы ускорить работы, предлагается объединить силы двух хозяйств на одном объекте. Ваша задача – по чертежам и схемам медиков построить и под ключ сдать голые здания, начинка – это проблема облздрава, Николай Петрович говорил сегодня с заведующим товарищем Семовских, он рад нашей инициативе и обещает всестороннюю помощь.

– Семен Макарович, вы знаете, что хозяйства в основном определились, что строить и ремонтировать, получается, что этот патриотизм сверх наших расчетов.

– Вы совершенно правильно ставите вопрос. Я только что хотел говорить и об этом тоже. Прежних планов никто не снимает. Все, что запланировано, должно быть сделано. Понятно, что и материалы, и бригады – это дополнительные заботы, но по-другому никак.

– Разрешите вопрос. – Встал прокурор района. – Объекты неплановые, практически без проектно-сметной документации, это прямой путь к хищениям и тюрьме.

– Товарищ прокурор сказал то, что он обязан был сказать, и все это слышали. Мы идем на огромный риск. В ваших руках будут тысячи, десятки тысяч рублей. Это большие деньги. И не дай бог – у кого-то появится соблазн положить хоть копейку в собственный карман. Прощения не будет. Да и контроль будет серьезный. Теперь по поводу товарищей, которые по долгу службы обязаны были бы сегодня пресечь этот наш проект. Но они этого не сделали и не сделают. Прошу всех иметь в виду: партийные билеты у нас у всех одного цвета.

***

Ирина взяла за правило регулярно проводить обходы, быстро названные обходами главного. Она никому не сказала, что узнала о такой форме работы на семинаре в одной из районных больниц, которую Семовских считал лучшей в области. Два дня они ходили с врачами, беседовали с больными, присутствовали на приемах и даже на операциях. На подведении итогов Юрий Николаевич спросил Дзюбину:

– Что хорошего, Ирина Николаевна, вы для себя взяли на этой учебе?

– Первое: обходы главного врача. Очень хорошая форма контроля, дисциплинирует всех. Второе: выезды врачей со «скорой». Это эффективная помощь больному, фельдшер может не знать, не уметь, а это часто потеря человека.

– Так. А продление времени приема больных в поликлинике?

– Юрий Николаевич, извините, мы это уже второй год практикуем.

– Почему я об этом ничего не знаю? – Он суровым взглядом обвел областников. – Молодец, Ирина Николаевна.

Ровно в девять после утренней планерки в отделение шла главный врач, все заместители, главная сестра, шеф-повар, завхоз. Заведующий отделением, его врачи и медсестры присоединялись на месте. Заходили в каждую палату, задавали самые разные вопросы. Больные, уже прошедшие такую процедуру, охотно делились своими замечаниями и предложениями.

В хирургическом отделении Ирина заметила мужчину, который лежал на этой же койке три недели назад. Взглядом запросила историю болезни, старшая сестра быстро перерыла папки и подала объемный документ.

– Федот Матвеич, с чем вы поступили в больницу?

– С аппендицитом, чтобы его холера задавила.

– Вам его вырезали?

– Два раза. Теперь обещают третий.

Заведующий отделением покраснел, смутился.

– Понимаете, Ирина Николаевна, первую операцию делал практикант, не досмотрели, сестра не досчиталась одного тампона. Я испугался, что оставили. Пришлось вскрывать. Оказалось, что практикант машинально пихнул его в карман халата.

– В карман во время операции? Доктор Шиманов, я вами недовольна. Минутку, Федот Матвеич, кто вам сказал, что будут резать еще раз?

– Дак доктора и сказали. Я вот думаю, дочка, этим робятам не надо иголку с ниткой давать, пусть вязочки пришивают или пуговки с петелькой, раз – и готово. А то третий раз резать человека. Я уж их теперича боюсь.

– Меня это начинает бесить. А сейчас-то что? Скальпель уронили?

– Разошелся внутренний шов, грыжа. Видимо, практикант не учел возраст и состояние кожи пациента.

– Федот Матвеич, я главный врач больницы, прошу простить нас за такую безалаберность. Поверьте: виновные обязательно будут наказаны. А эту последнюю не очень сложную операцию вам будет делать сам заведующий отделением. Простите нас.

Сразу после обхода вызвала Шиманова в кабинет.

– Практикант оперировал в вашем присутствии?

– Нет, с ним должен был быть Юрий Иванович.

– Должен быть или был?

– Не могу сказать.

Дзюбина встала:

– На сегодня вас от работы отстраняю. Спирт теперь будете получать у старшей сестры непосредственно перед операцией. Федор Александрович, вы хороший хирург, но возьмите себя в руки, вам совсем нельзя пить. Что за люди по утрам в ординаторской? Друзья? Собутыльники? Сегодня будет проведено служебное расследование, и, если только подтвердится, что во время операции этому старику вы были не трезвы, я вас уволю. Свободен!

Через два часа заместитель по лечению пришла в кабинет:

– Ирина Николаевна, они все так любят Шиманова, что в голос твердят: был трезв, как стеклышко!

Ирина кивнула и подумала: «Врут, конечно, и не понимают, что только усугубляют его положение».

В инфекционном отделении ее подвели к пожилому человеку, выглядел он беззаботно, с приходом врачей сел на койке.

– Алебастров Евлампий Спиридонович. Пять дней назад направлен к нам инфекционистом с приема с диагнозом дизентерия. Диагноз ни подтвердить, ни отклонить не можем.

– Почему? Так сложно?

– Конечно, сложно, Ирина Николаевна, потому что он в туалет не ходит. То есть, вообще-то ходит, но тайно, пробу на анализ не дает.

Дзюбина обратилась к пациенту:

– Чем вы можете все это объяснить?

Он пожал плечами.

– Понимаете, у нас есть свои правила, и, если вы их не соблюдаете, мы вас выпишем. Вызовите инфекциониста с приема. Почему вы не сдаете материал на анализ?

Алебастров пожал плечами:

– Какой материал?

Дежурная сестра не выдержала:

– Тебе тысячу раз объясняли: говно!

– А у меня нету.

Прибежала инфекционист.

– По каким признакам вы направили пациента в стационар?

– Исключительно по жалобам на боли в животе и жестокий понос. Он у меня с приема дважды порывался в туалет.

– А в отделении пятый день кал взять не могут? Это что?

Вперед вышла санитарка отделения, зло глянула на пациента и как отрезала:

– Жадный он. Жмот. Пенсию получат с женой, ее деньги проедят, а он свои в карман и в больницу. Жрёт тут в три горла, а бабенка на одной картошке перебивается.

– Сколько рублей ваша пенсия?

– Сто двадцать, потолок, я ведь робил, а не лежал.

Ирине стало противно от всего этого:

– Выпишите его немедленно, а жену привезите на скорой. Пусть в терапии ее немножко поддержат.

На утренней планерке невропатолог проинформировала, что привезли мужчину с явными признаками навязчивой идеи, рассказывает, что рано утром выехал в город на своих «Жугулях», только хотел обогнать «Камаз», как вдруг из-под него выскочил мотоциклист, осветил его фарой. От столкновения ушел, резко свернув в кювет. Кто вытащил, как домой вернулся – ничего не помнит, трясется и твердит о мотоциклисте.

Врачи переглянулись: такое вообще впервые. Невропатологу главный посоветовала проконсультироваться со специалистами областной больницы, и пока никаких радикальных мер не принимать. После обеда к ней вошел молодой человек, явно водитель:

– Мне сказали, что этот чудик у вас лежит.

Ирина ничего не могла понять:

– Какой чудик? Вы кто?

– Объясняю: я водитель Сельхозхимии, возим в колхозы и совхозы удобрения. Другой раз приедешь ночью, кладовщик ангар откроет, а там темно, как... в общем, нет света. Вот мы и ставим дополнительную фару сзади, когда в склад заезжаешь, включаешь – все как на экране. В то утро пошел я на город, и «жигуленок» пристроился сзади, идет на дальнем, слепит, и обгонять не собирается. Ну, я его и пугнул этой фарой, думаю, поймет, что мешает. Пугнул, оглянулся – нет его. Километра три проехал, аж похолодел: он же разбиться мог. Я назад. Подъезжаю, машина в кювете, он на большаке, трясется весь, аж зубы стучат. И рассказыват мне с пято на десято про мотоцикл. Он мою фару за мотоциклетную принял и круто вправо ушел. Я его вытащил, и домой отправил. Постоял, проверил, нормально идет. А сегодня слышу эту байку, и что мужик умом тронулся. Так вы ему внушите, что не было мотоцикла, фара это.

Ирина улыбнулась, но тут же серьезно:

– Придется вас в милицию сдать.

– Да кто же мог подумать товарищ доктор! Не сдавайте, у меня свадьба в субботу, а если посадят?

– Свадьба, говоришь? А невеста кто?

– В садике с ребятишками. Приходите, будем очень рады. Регистрация в 12 часов, а потом уж застолье.

– Хорошо. На свадьбу не обещаю, а за то, что не бросили человека в беде, никуда заявлять не буду. Мы его быстро на ноги поставим. Иди уж, жених!

– Спасибо, доктор! До свиданья!

Истории веселые и грустные, с последствиями и пролетающие мимо. Каждый день.

***

Едва подмерзла земля, на Гнилое болото пригнали бульдозеры и экскаваторы. А накануне начальник мелиоративной станции пришел с предложением.

– Смотрите, Ирина Николаевна, на местности его почти не видно, но на старых картах сохранился ручей, он буквально в ста метрах от болота и уходит в сторону Безымянного озера, в трех километрах от райцентра. Озеро никак не используется, рыба в нем изросшая и остистая, мужики брезгуют, но на охоту ездят, камыш там густой. Что мы надумали? Начнем сейчас рыть, выступит вода, и куда с ней? А вот в ручей! Надо – я его углублю, чтобы сток был. Это ускорит наши работы, чтобы к весне заполнить котлован чистыми талыми водами. Как вам такой план?

Ирина пожала плечами?

– Вы же специалист, вам виднее.

Мелиоратор проворчал:

– Виднее! Понятно, что не с бухты-барахты пришло решение, так вы бы хоть похвалили.

Ирина смутилась:

– Простите, Геннадий Григорьевич, я совсем закрутилась. Конечно, спасибо за оригинальное решение. Скажу вам по секрету: в декабре юбилей нашей больницы, предложила Николю Петровичу собрать всех наших заговорщиков и отпраздновать, заодно и первые итоги подведем.

– Вот это дело! А то взялись за какой-то масштабный проект, а кто что делает – тишина. Там разговоримся. Значит, принимаете мое предложение?

Ирина встала и пожала гостю руку. И тут же вошел Хевролин, аккуратно обогнул ковер, видно было, что был на стойке, сел на стульчик.

– Ирина Николаевна, как у тебя со спиртом?

Она засмеялась:

– Нормально, Николай Петрович. Вам нужен спирт?

– Нужен, Ирина, и в приличных количествах. В леспромхозы без бутылки не заходи, к снабженцам на базы – такая же история. Мужики слезьми плачут: расходы на застолья приличные, надо списывать, а у нас и без того все работа из трех П.

Ирина переспросила, Хевролин расшифровал:

– Ирина-Ирина, все через договоренности, а бумаги составлять – три источника: пол, поток, палец. Надо поговорить с Семовских, чтоб выделил тебе дополнительно пару фляг. Я бы и сам, но, знаешь, предмет разговора мутный, подумает, что задурил старый друг.

Она черкнула в рабочей тетради и предложила:

– Давайте по стройке пройдем, по всему кольцу.

– Смотри, сапожки примараешь, что женихи подумают?

Ирина насторожилась:

– Какие женихи, Николай Петрович?

– Пошли, дорогой расскажу.

И рассказал, что третьего дня был у него директор дома культуры, мужчине под тридцать, холост уже в который раз, трезвый, красивый, на аккордеоне здорово играет. И поет. Спросил напрямую, не согласится ли председатель райисполкома пойти сватом, уж больно нравится певцу главный врач больницы. Чуть не на коленях умолял, пришлось прикрикнуть, что предрик – не сваха своим подчиненным, а если душа горит – собирай самодеятельность и в больницу, серенады под окном главного петь.

– Так что жди в ближайшее время.

Ирина было засмеялась, а потом спросила:

– Николай Петрович, а если в самом деле придут? Ведь не выгонишь. И как себя вести?

– Надо бы на этот случай бойкую подругу иметь, она бы отшила, как полагается, без скандала. А лучше пока закрывайся с вечера, если кто и стукнет, чужим голосом скажи, что она в область уехала. А то приглядись, может, и в самом деле сосватаем?

Оба захохотали.

– Нет, Николай Петрович, мой жених пока в резерве.

Вышли на болото, два бульдозера нарезали русло, по которому болотная жижа уйдет по ручью, а три экскаватора вгрызались в рыхлый мокрый грунт, забрасывая в кузова «Камазов» ковш за ковшом. Подо-

шли к первой строительной площадке, навстречу вышел Иван Сергеевич Еремеев. Ирина подошла, обняла старого друга за плечи:

– Как вы, Иван Сергеевич, как Клавдия Петровна?

Еремеев кивнул:

– Ничего, я в работе забываюсь, мать тоже как-никак. Гриша у меня извелся совсем. Ему предложили солидный перевод в северный район, он отказался. Из-за нее. Приезжает каждый выходной, сначала с товарищем за рулем, потом и сам. Про вас спрашивал.

Ирина от неожиданности покраснела, смутилась.

– Передавайте поклон Григорию Ивановичу.

– Передам. Ты бы приехала как-нибудь в субботу, банька у меня крестьянская, посидели бы за столом да подумали, как дальше жить. Не стану скрывать Ирина Николаевна, а вы бы с Гришкой красивой были парой.

Ирина молчала. Давно возникшее и тщательно скрываемое от самой себя расшевелил этот добрый человек. Как она может? Его жена умерла в ее больнице, умерла надежда на младенца. Как? И не находила ответа. Значит, никак. И тут не судьба. Ирина не заметила, что заплакала. Еремеев обнял ее, стиснул в плечиках:

– Не будем спешить, все само собой образуется. А ведь мать-то со мной согласна, вот в чем интерес. Ладно, о деле. Мы с Алексеем Павловичем на пару взялись за хирургическое отделение, так оно у тебя помечено. Фундамент решили литой делать, никак не можем с бетоном решить. Но литой, если хорошо сделан, не уступит, подушки-то мы все равно закладываем. С кирпичом я договорился, начали возить, вот наши кучки. Только потаскивают, хозяйка, материалы, все во времянку не спрячешь. Сторожа надо ставить.

Подошел Хевролин, поздоровался:

– Шесть объектов в работе, невиданное дело. За зиму стены можно сложить, как думаешь, Иван Сергеич?

– Все можно, Николай Петрович. Меня в первый месяц войны призвали, и вместо фронта дальше в Сибирь. Сперва пилораму установили, из досок сколотили бараки, стали площадку готовить, а под что – не говорят. Станки привезли, бетонные основания надо заливать, а мороз под тридцать. В трех кострах котлы с водой стояли, тут же бетон мешали, арматуру резали и заливали. Масса еще не взялась, а уже станок огромный двумя кранами мостят, одели на толстые анкерные болты, затянули гайками, а электрики уж подключают. Танковый завод привезли, и надо собрать в месяц, а чтоб к новому году

уже танки дал. Скажи сейчас – не поверят, а ведь дали. Уже потом стены выложили, тепло завели. Сколько хороших людей там полегло от простуды и недоедания, плохо кормили, пока начальника снабжения не расстреляли. Воровал, сукин сын, и торговал в городе. А ты говоришь – стены. Выложим, и перегородки сложим, а по теплу крышу, окна и двери. Все надо потихоньку, с толком. Напарник мой Алексей Павлович, тут был, да уехал, наверно.

***

Утреннюю планерку закончили под дружный смех, дежурный врач, сдававший смену, спокойная и сдержанная Агриппина Валерьевна, в конце сообщения сказала, что уже утром пришлось отваживаться с патологоанатомом.

– Перебрал лишку? – поддел кто-то.

– Я бы не сказала, в обычном состоянии, но он прибежал в приемник в полусознательном состоянии, ничего не могли добиться, пока не ввели успокоительное.

Патологоанатомом от райотдела милиции работал вышедший на пенсию по выслуге лет хирург Спирин Анатолий Филиппыч. Фамилия дала ему прозвище, и все коллеги беззлобно звали его просто: Аспирин, да он и не обижался. Выпить любил, с утра уже чуть поправленный, а к вечеру уже никакой. Так называемая «анатомка», просторная изба, была на самых задворках больницы, Анатолий Филиппыч приходил рано утром, снимал висячий замок, широко открывал дверь и кричал: «Ну, как ночевали, покойнички?». Как сам объяснял, фразу эту придумал, чтобы не молчать, одно дело живого человека резать, совсем другое в темноте к покойнику заходить. Накануне вечером случилось ДТП, трое пьяных парней перевернулись на мотоцикле с коляской. Двое отделались ушибами, а третий, известный выпивоха Зюзя, сидел в коляске, вынули без признаков жизни, положили в скорую. Дежурный хирург Шиманов торопился на операцию, мельком глянул: пульса нет, зрачки не реагируют, махнул рукой и убежал. «Что он сказал?» – спросила фельдшер. «Ничего», – ответил водитель, – махнул в сторону покаянки». Зюзю увезли в морг, Аспирину гаишники позвонили, что утром нужен будет акт вскрытия.

Был конец сентября, ночи холодные, Филипп Филиппыч в легоньком пальтишке изрядно промерз, как всегда, открыл дверь: «Ну, как ночевали, покойнички?». «Да так бы ничего, только холодно!». Обомлевший Аспирин хлопнул дверью и, не помня себя, влетел в прием-

ное отделение. Шофера скорой и кочегары котельной пошли проверять, а навстречу им Зюзя, живой и невредимый. «Совсем оборзели начальники, в палатах ни матраса, ни одеяла, да к тому же не топят!».

Все разошлись, раздался длинный телефонный звонок.

– Здравствуй, Ирина Николаевна.

– Здравствуйте, Юрий Николаевич!

– Видишь, как у нас все складно получается. Рассказывай, как работается?

– Могу доложить, Юрий Николаевич, что шесть корпусов строится, все трудно, не хватает материалов, особенно сложно по кирпичу и цементу. Дают в вагонах, руководители нанимают тюрьму, заключенные, бедные, сознание теряют, а как потом от пыли освобождаться в их условиях?

– Ну, ты на жалость не нажимай, зеки из всех проблем найдут выход. Я уже говорил с Хевролиным, он в курсе, и тебя хочу предупредить. Кто-то телегу накатал на ваш район, что ведете незаконное строительство. Председатель облисполкома человек новый, москвич, приехал строку в биографию получить, создал бригаду и направляет завтра к вам. Ты будь ближе к Николаю Петровичу, он сегодня на бюро райкома все доложит, тебя пригласят. Самое главное, чтобы никто не попался на злоупотреблениях, остальное можно объяснить. И еще. Дает нам министерство одно место на курсы повышения квалификации главврачей городов и районов. Хотел тебя направить, ты ведь уже вторую пятилетку без отпуска, отдохнула бы, но ведь откажешься.

– В такой ситуации, конечно, откажусь. Не могу же я своих мужчин оставить, вместе будем от комиссии отмахиваться.

– Молодец, по-мужски рассудила. Ну, учеба от тебя никуда не уйдет, да и нужна ли она тебе? Ты и без того на пятилетку другие районы обходишь. Ладно, не зазнавайся, а за комиссией я буду следить.

Вечером в райкоме собрались все, кто был связан с проектом «Больничный городок». Хевролин коротко сообщил о приезде комиссии и попросил еще раз проверить документацию, связанную со стройкой, прямо сегодня ночью, потому что комиссия прибывает утренним поездом, и у нас будет к началу рабочего дня.

Алтуфьев был очень серьезен:

– Мне только что звонил первый, я ему все объяснил. Большой трагедии он не видит, понимает, что доброе дело решаем всем миром, но предупредил, что в комиссии много финансистов, малейший зигзаг в сторону корысти – партбилет на стол. Я не стал уточнять, чей,

могу предположить, что и мой. Потому прошу: будьте бдительны, если есть какой-то грешок – закройте сию минуту. Объяснить можно все, кроме жульничества. И чем оно мельче, тем гнуснее.

Утром комиссия в полном составе была в кабинете Хевролина. Начальник контрольно-ревизионного управления Нестеров, хороший знакомый Николая Петровича, начал с шутки:

– Мы сегодня чуть не весь автобус из города на ваш район забронировали, давненько таким составом не ездили, так вот, наши шутят: что же такого натворили в Пореченском районе? Поделись, товарищ председатель.

– Вы знаете, товарищи, что район наш активно развивается, каждый год прирост всех видов продукции от пяти до десяти процентов. Население растет почти на тысячу в год, к нам едут люди из других регионов, но и мы сами стараемся, рождаемость до шестисот ребятишек в год. А социальная сфера отстает. Мы понимаем, что государство все средства бюджета направляет на развитие топливно-энергетического комплекса, потому изыскиваем внутренние резервы. И вот появился проект «Больничный городок», идея хорошая, два объекта нам удалось включить в план, понятно, что не роддом и поликлиника, а общежития в хозяйствах, но мы на это идем. Еще четыре объекта восемь хозяйств, попарно, делают хозяйственным способом, то есть, от гвоздя до бетона изыскивают на стороне. Люди к проверке готовы, все документы будут предъявлены членам уважаемой комиссии.

Вместе с Хевролиным распределили людей, машинами исполкома, райкома и сельхозуправления развезли по хозяйствам. Договорились, что все соберутся после первых двух дней работы.

Алексей встретил своих гостей в кабинете, предложил чай, сказал, что обедать лучше с половины первого, а ужинать в семь часов, тогда меньше посетителей. Комендант предупрежден, гостиница готова.

– Бухгалтерия на первом этаже, все документы по больничному объекту ведет один бухгалтер, так надежнее, ничего не напутаешь. Она вас ждет. Я буду к пяти часам, если вдруг вопросы. Все, желаю вам успешной работы.

В обед Хевролин начал обзванивать директоров.

– Как у тебя, Яков Лукич? – нервно спросил Стукалина.

– Да задергали, Николай Петрович, задергали: это почему, да это откуда?

Хевролин не выдержал:

– А ты какого хрена ихние юбки пасешь? Я вчера ясно сказал: руко-

водители занимаются своими делами, и раньше пяти часов в конторах не появляются, что не возбуждать интерес. Что молчишь?

– Да не успел уехать, только спустился вниз, главбух бежит: «Требуют!».

– Ну и отдувайся, коли сам влип! – и бросил трубку.

Из других руководителей удалось перехватить Карповича, начальника участка мелиорации.

– Ко мне, Николай Петрович, никаких вопросов. Дободалась до меня дама бальзаковского возраста...

– Какого возраста? – не понял Хевролин.

– Среднего. «А с каким экономическим расчетом вы роете котлован под будущий пруд?», – интересуется дама. Я поясняю: «Экономическая эффективность не столь очевидна, пока не начнет объект фунциклировать, так и говорю, ей Богу! – не вру! – фунциклировать по полной программе. А это значит: приехали вы на берег, день жаркий – пожалуйста, в тень платанов или пальм, или фиговых деревьев, а нет – берите лодку и плавайте среди лилий и балаболок. Она интересуется: «А что за цветы – балаболки?». Отвечаю: растут парами, одна мужская, другая, напротив, женская, раз в сезон они оплодотворяются, и кто это видел, тот никогда не забудет. А муж ваш тем временем с обширных плантаций самых экзотических цветов нарежет вам огромный букет хризантем, барбарисов и особых интимных цветов, понюхав которые, вам тут же захочется покинуть сие многолюдное место и уединиться где-нибудь за пределами больничного городка. И отсюда начинается экономическая и социальная эффективность вот этой грязи, которую мы сегодня ворочаем. Николай Петрович, дама заприхохатывала, сделал мне ручкой и сказала, что никакими пошлыми бумагами она после столь чудесного рассказа заниматься не хочет!

Хевролин вздохнул:

– Ох, и трепло ты, Геннадий Григорьевич, прости за прямоту! Ну, а если она про эти балаболки на совещании начет рассказывать, куда мне бежать? Ты зачем в гидротехники пошел? Тебе надо было к Райкину, и хохмили бы на пару. У тебя и фамилия как раз.

– Нет, Николай Петрович, я хоть и Карпович, но бульбешник, сало и картошку люблю, я бы на этой сцене сдох с голоду на сосисках да коктейлях.

Вечером встретились с Нестеровым, Петр Иванович не улыбался и не шутил. Старый и опытный финансист, он понимал, что руководители района идут на «обходные» решения не от хорошей жизни,

понимал и то, что строительство хозяйственным способом держится не только на инициативе и самодеятельности, но и на неких связях с заводами и оптовыми базами, где самый дефицитный материл можно на каких-то условиях, явно небескорыстных, получить без фондов и чуть ли не за наличный расчет. Таким образом, вроде бы благое дело подрывает плановую экономику, ведь кто-то не получит тот кирпич и тот бетон, который уже увезли на больничный городок. Схема не новая, прозрачная, но не наша, не советская. Нестеров понимал, что, если его сотрудники выйдут на столь серьезные обобщения, то Хевролину с кампанией мало не покажется.

За чашкой чая он вкратце рассказал о своих опасениях хозяину кабинета, тот кивнул:

– Понимаю и тебя, Петр Иванович, за наши грехи ты свою шею подставлять не будешь. Я-то ладно, снимут, переживу – дело жалко. Такое великое дело загубим из-за фитюльки, бумажки, которой нет, или написана не так, как надо.

– Ты вчера говорил о генеральном плане застройки больничного городка, он у тебя есть?

– Он у главврача.

– Позови ее, а то как-то странно получается: все на нее работают, а она в стороне.

Через десять минут Дзюбина уже была в кабинете предрика, закрепила на стене огромный лист с планом застройки и обратилась к Нестерову:

– Вам с самого начала?

– Пожалуй. С удовольствием послушаю.

Хевролин заметил, что с появлением женщины Нестеров приободрился, повеселел. Ирина Николаевна подробно рассказала о пруде с лодками и карпами, о лесных аллеях из разных деревьев, о цветниках, потом перешла к комплексу зданий, которые огромным разомкнутым овалом расположились вокруг этого оазиса.

– Вы, дорогая моя, представляете, в какую сумму выльется это строительство? – мягко спросил Нестеров.

– Не представляю, но Юрий Николаевич Семовских уже сказал, что обеспечение оборудованием съест весь бюджет облздрава.

– Вот видите! И, тем не менее, мы будем поддерживать ваш проект, потому что хватит жить в хижинах, Николай Петрович, хватит прибедняться, хиленькими прикидываться. Мы богатейшая держава, в конце концов! Дай мне телефон.

Он долго набирал номер, долго ждал ответа. Наконец, мужской голос:

– Слушаю!

– Добрый вечер, Федор Яковлевич.

– Здравствуй. А ты откуда звонишь?

– Как откуда? От Хевролина. Вы же направили нас всем составом проверить, что они творят, по той несчастной жалобе.

– Ты уже акт составил?

– Какой акт, Федор Яковлевич, какой акт! Не будет никакого акта, это я тебе говорю, главный ревизор области! Да они делают завтрашний день! Они разработали план строительства больничного городка, объединили силы всего района и очень активно действуют. Я не только поражен, я восхищен их работой!

– Петро, ты не за коньячком сидишь?

Нестеров запыхтел, явно обиделся:

– Не по делу ты меня, Федор Яковлевич, я хотел предложить оставить человека три-четыре, а остальным вернуться к работе на месте. Уверяю тебя, мы просто мешаем людям работать.

Трубка долго молчала, Нестеров даже вспотел, наконец, густой бас появился:

– Я принимаю твое предложение, но под твою ответственность, чтобы не было грубых нарушений. Ты понял? Передай привет Хевролину. А если без коньяка, то просто глупо.

Нестеров положил трубку и улыбнулся:

– Заведующий обфинотделом дал добро. Значит, стройке вашей быть.

Ирина даже прослезилась:

– Замечательное решение, спасибо вам, Петр Иванович!

Хевролин достал из шкафа рюмки, шоколад, разлил коньяк, поднял бокал:

– Тогда за успех нашего дела, товарищи!

***

Перед Новым годом лепили Еремеевы пельмени, любимое кушанье покойной Софьюшки. Об этом молчали, потому что Иван Сергеевич однажды приобнял плачущую Клаву свою и строго сказал:

– Все, боль моя, довольно ее душу беспокоить. Одна утеха – тело ее пречистое омыто и прибрано, и душа, если рай есть, то непременно там, баб лечит от всяких недугов.

– Что ты, Ванюша, там и не болеют вовсе.

Иван поневоле улыбнулся:

– Знамо, Клаша, зачем мертвым болеть? Они там вольную жизнь

ведут, я как-то в твои книжки заглядывал: коммунизьма не надо, вот туда скорей, и все дела.

Клава шутя махнула на него рукой:

– Охальник, безбожник, молиться надо, тогда и жизнь лучше пойдет.

Иван тяжело вздохнул:

– Мне бы сейчас тысяч пятьдесят кирпича да вагон цемента, да плах кубов сто, вот тут бы я не устоял, точно от дива рухнул бы на колени, и, пока парторг не видит, раза три в пол башкой хряснулся бы.

Клава тоже вздохнула:

– Не об том нам с тобой Бога надо просить, а чтобы дал он нашему Гришеньке бабочку приличную.

Муж улыбнулся. Как-то в вечерней постели крепко обнял он чуть располневшую свою Клаву, и она улыбкой ткнулась к нему под мышку, приняла со слезой и стыдом, как в юности. Долго лежала потом у него под локотком, и вдруг шепнула:

– Ваня, я вижу, что тебе врач наш Ириночка глянется, и мне она к душе. Может, познакомить их с Гришей?

Муж помолчал:

– Познакомить не вопрос, только как это сделать, чтобы они оба не сдогадались и от неловкости все дело не испортили.

– Ты пригласи ее на Новый год, и Гришу позовем, вот и нечаянный интерес.

– Ага, они оба дурней нас с тобой. Конечно, сразу раскусят, что мы с тобой затеяли. Сконфузим ребят, и весь праздник испортим.

– Ну, на тебя не угодишь, и в телегу не легу, и пешком не пойду. Придумывай сам. – Поцеловала мужа в шею и отвернулась к стенке.

Иван Сергеевич всякие нелепые ситуации придумывал, чтобы свести ребят для знакомства, только ничего толкового не мог изобрести. Перед Новым годом зашел в кабинет Ирины Николаевны. Та выскочила изо стола, обняла гостя, помогла полушубок снять, попросила чаю принести.

– Как живете, как здоровье Клавдии Петровны? Рассказывайте!

– Живем, работаем, совхоз большой, дел хватает.

– Да, к тому же еще я свои заботы на вас свалила.

Иван Сергеевич прихлебнул чаю:

– То, Ириночка, заботы общие, никак нельзя нам государство на наше и не наше делить, оборони Бог. Ничего, стены выложим, а по теплу и иные работы легче пойдут. Тебе с оборудованием-то помогут, не обманут?

Ирина уверенно крутнула головой:

– Сам Семовских озабочен, два инженера по снабжению занимаются комплектованием. Я попросила все оборудование и весь инвентарь поставить новый, а наше передать в участковые. Юрий Николаевич морщится, но от своего слова не отступает.

Еремеев кивнул.

– Новый год как собралась встречать? Может, к нам приедешь? Машину в теплый гараж поставим, посидим, на Генсека полюбуемся и по бокалу шампанского выпьем. Клава у меня пельмени такие сердечные делает, нигде ты таких не попробуешь кроме. Приезжай, Ирина!

Ирина молчала. Она понимала нехитрую задумку родителей, но ведь не Григорий же им такое поручение дал, сами придумали. А если он и в уме меня не держал, какой же дурой я буду выглядеть!

– Нет-нет, ни за что! – почти выкрикнула она и очнулась. – Простите Иван Сергеевич, я хотел сказать, что мы будем в коллективе праздновать, а мне отрываться нельзя.

Иван Сергеевич кивнул, он понял ее неожиданный выкрик, понял, чего она опасается, и решил, что правильно отказалась бабочка, есть в ней гордость и самолюбие, а все другое решится само собой.

Никакого вечера больница не устраивала, праздник семейный, молодые медички да врачи в доме культуры отгуляют. И оказалась Ирина одна в большой квартире, рядом с нарядной елкой и Дедом Морозом со Снегурочкой, которых ей подарили коллеги. Выкатила столик, поставила вазу с фруктами, два бокала и бутылку шампанского в хрустальном ведерке со льдом. Включила телевизор. Вспомнился последний новогодний вечер в институте, большая елка в актовом зале, студенческий инструментальный ансамбль, разухабистые танцы. Она вот так же одна сидела за столиком, редкие чужие парни приглашали ее, она с улыбкой отказывала, а все свои знали: Ирине не до танцев, конфликт с преподавателем раздули и никто не знал, чем это все кончится. После зимних каникул Ирина Дзюбина исчезла. Она не появилась в общежитии, не пришла на лекции, да и преподаватели не спрашивали, почему отсутствует. Староста сходила в деканат и пришла с потрясающей новостью: Дзюбину отчислили. Уже через месяц про нее забыли совсем.

От грустных воспоминаний отвлек телефонный звонок, Ирина схватила трубку: что-то в больнице!

– Ирина Николаевна, с наступающим тебя Новым годом, и пусть он станет для тебя самым счастливым, – басил в трубку Иван Сергеевич. – Поклон тебе передают Клава моя дорогая и Гриша, сынок.

– Спасибо вам, мои родные, – со слезами поблагодарила она. – Вам все здоровья и счастья.

Еще через пять минут позвонил Хевролин:

– Ирина Николаевна, дорогой мой доктор, с Новым годом поздравляю тебя, наша труженица. Извини, мы тут в домашнем кругу с родными и друзьями уже приняли по чуть-чуть за старый год, думаю, надо поздравить, пока не растащило совсем. Ты на меня не обижайся, я порой и ругаюсь, только зла никогда не держу. Ну, всего тебе самого доброго!

Потом звонки один за другим. Почти все руководители, задействованные на строительстве больничного городка, поздравили с праздником. Ирина была так рада, так счастлива, что от грустного настроения и следа не осталось. Неумело открыла шампанское, выпила полный бокал, встав напротив большого зеркала и чокнувшись со своим бокалом. И опять звонок.

– Ирина Николаевна, с Новым годом тебя! Не признаешь в нерабочее время? Семовских.

Она так обрадовалась:

– Юрий Николаевич, спасибо вам, и вас с праздником, здоровья и успехов в ваших больших делах!

– Ну, что ты, Ирина, какие у меня теперь могут быть успехи? Мои успехи – это ваши удачи и достижения. Я так рад за тебя, рад, что не ошибся и пробил тебя на главного. Скажу тебе по секрету: у тебя большое будущее, большое, я знаю, что говорю даже после третьей рюмки. Ты умница и талант, ты организатор, а у нас таких по стране – на пальцах одной руки. Потому и коммунизм так долго строим, и, похоже, нихрена из этой стройки не выйдет. А вот из твоей выйдет. Получится замечательный больничный городок, и я не уйду на пенсию, пока не выпью бокал шампанского посреди твоего пруда. Будь счастлива, Ирина, я тебя очень уважаю, а я редко такое говорю. Целую ручку. До свиданья.

Телефон давно пикал, а Ирина все держала трубку. Что за новогодний волшебник голосом Юрия Николаевича предвещал ей великое будущее? И что он имел в виду? Карьеру? Нет-нет, больше никакого движения, категорически, все и без того замечательно. В личной жизни? Но кто сегодня может определить судьбу тридцатилетней женщины в сельском районе? Нет таких. Потому без иллюзий, Семовских очень добрый человек, он искренне хочет для нее счастья, но не знает, что это не в полномочиях заведующего облздравотделом.

Только опустила трубку, и аппарат взорвался звонком.

–Здравствуй, Ирина.

– Здравствуй, Алеша.

– С Новым годом!

– С Новым годом, Алеша.

– Прости, я не помешал?

– Трудно помешать человеку, когда он один.

– А мне иногда мешают. Когда думаю о тебе, и кто-то входит в комнату.

– Алеша, я просила тебя больше к этому не возвращаться. Я знаю, что это трудно, но надо пересилить себя. Твою любовь к чужой женщине может затмить только любовь к детям и их матери. Ты мне очень дорог, ты знаешь про мои чувства все, едва ли у меня будет другая такая любовь, но я еще надеюсь. Давай обменяемся пожеланиями... – Она уже не могла больше сдерживать слез: – Я желаю тебе счастья в твоем доме. А ты пожелай мне такой же чистой и светлой любви, какая была у нас, к другому человеку. Я знаю, это будет. Так пожелай же! – со стоном попросила она.

– Нет, – ответил Алексей. – Я буду всегда ждать тебя.

Ирина опять села в кресло, поджав под себя ноги, и плакала без слез. Впервые за многие годы она уснула, сидя в кресле, ей снилось бескрайнее синее море и плывущий к ней деревянный корабль с белоснежными парусами. Она стояла по колени в теплой ласковой воде и понимала, что это она уже видела в кино, только паруса были алыми и девушку звали иначе, но она не хотела больше думать об этом, чтобы не проснуться, оправдавшись тем, что к доктору может плыть принц только под белыми парусами. Она до боли в глазах всматривалась в лицо стоящего на носу парусника человека, но так и не узнала его. Проснулась от боли в пояснице, с трудом размяла затекшие ноги и перешла на кровать. Засыпая, она вдруг увидела лицо, которое тут же исчезло, и, уже во сне улыбнулась: «Это был он. Я верю, что это будет он».

***

На курсы повышения квалификации Ирина все-таки согласилась поехать, когда по новым промфинпланам хозяйствам сохранили все строящиеся объекты, и можно было успокоиться. Она вообще ни разу не была дальше Урала, если не считать детскую поездку в Артек по путевке, которую ей дали как хорошей ученице из не совсем благополучной семьи. Теперь она решила отомстить прошлому и ехать с

комфортом. Купила оба билета в СВ, вошла в купе хозяйкой, на осторожный вопрос о втором пассажире резко ответила, что она будет ехать одна, и, если ей что-то потребуется, она попросит милых проводниц. Девушка дернула плечиками и пожелала счастливого пути.

Родная Сибирь! Глыбами оставшихся от взрывов камней, лежащих так со времени прокладки путей, огрызались нависшие над поездом отвесные стены карьеров. Поезд проходил их медленно, боясь спугнуть, Ирине хотелось рукой дотянуться до стены и переставить некоторые камушки в этой вековой мозаике. Потом поезд вырывался из каменных объятий, и облегченно свистнув, влетал в могучую аллею зеленой тайги, и тогда уже ветки елей и кедров стучались в окна, просясь в тепло вслед за посланными ими ароматами. Ирина приоткрыла окно, и тайга ворвалась в купе дурманящим запахом хвои, смолы, морозного воздуха. Ах, если бы туда, где непременно есть теплая избушка или просто изба с печкой, набитой сухими дровами, как заведено у таежников. В укромном месте спички, от которых дрова занимаются мгновенно, одаривая тягучим теплом замкнутое пространство избы. А вот и сухари, вот пачка чая, вот в бутылке двести грамм водки. В котелок снег, и на горячую уже печку, снег быстро тает, вода медленно начинает закипать, но надо выбрать момент, когда она поседеет – самое время заваривать чай. Откуда она это знает? Может, читала, а может, кто-то рассказывал...

Равнинная Европа огорчила путешественницу: снежная пустыня с островками деревень, заснеженных и забытых человечеством. Иногда деревеньки становились полустанками с однообразными стандартными домиками и ветхими постройками. В больших городах она одевалась и закупала продукты, местные газеты, сувениры, которые морозоустойчивые женщины наперебой предлагали. Скоро в ее купе скопилось немыслимое количество глиняных, деревянных и берестяных безделушек, они радовали ее, как радовали бы в детстве, но тогда таких забав у нее не было.

Вечером она пригласила в купе своих проводниц, и они оказались очень милыми московскими девушками, с удовольствием пили домашнее вино дела Лександра, снабдившего Ирину трехлитровым кувшином, ели домашнего копчения сибирскую рыбу и сало и хвалили подовые калачики бабушки Александры. Раскрасневшиеся девчонки признались, что все время ждали, кто же подсядет в купе красивой женщины, да так и не дождались. А вот подходил один молодой человек, интересовался, просил познакомить.

– Но, знаете, вы так строго выглядите, что мы не рискнули.

Ирина захохотала:

– И правильно сделали. Ну, скажите, вы в этой жизни крутитесь: какой порядочный мужчина будет искать знакомства с едущей одинокой дамой? Можно с трех раз догадаться, что ему нужно.

– С первого раза можно догадаться, Ирина Николаевна. Простите, вы актриса?

Ирина опять засмеялась, ей было очень весело с этими непосредственными девчонками:

– Второй раз в жизни меня принимают за артистку. Да, первый раз это было в далеком селе Поречье, и теперь уже очень давно. Хотя, девочки, я действительно, актриса, уже несколько лет играю чужую роль, и довольно успешно. Странно, как я раньше до этого не додумалась? Видимо, это дедово винцо повлияло. А теперь, девочки, скажите по правде: полюбили вы женатого человека, да не просто женатого, а еще и с двумя детьми и при солидной должности. И он вас любит до без ума. И готов все бросить ради вас. Как бы вы поступили?

Девчонки задумались. Ирина обрадовалась: значит, не столь простой вопрос, если двадцатилетние девчонки не сразу ответили. Долго молчали.

– Я бы ушла в сторону. Ну, двое детей, родишь ему своих, а он о тех будет страдать. И как на это смотреть? – Девушка покраснела: – Я в самом деле так думаю.

– А я бы увела. Какое мое дело? Он любит меня, я люблю его – кто может нам помешать? Дети? Да они вырастут и все забудут. А ты будешь всю жизнь по нему сохнуть, и ни у тебя, ни у него нормальной судьбы не будет. Что, не так? А вы бы как поступили, Ирина Николаевна?

Ирина не ожидала, что вопрос вернется к ней. Что говорить? Да как есть!

– Я тоже ушла, жалею, но ушла. Я еще надеюсь на свое счастье, имею я право надеяться?

– Да оно и придет, ваше счастье, на белом пароходе подплывет к вашим берегам.

Ирина вздрогнула:

– На белом, говоришь? А если с белыми парусами, так можно?

– Конечно! – разыгрались девчонки.

– Значит, так и будет. Я в новогоднюю ночь такой сон видела, только лица капитана не могла разглядеть.

– Но ведь искали знакомое лицо, правда?

– Да, знакомое.

Девушки захлопали в ладоши:

– Так он и будет, верьте, тем более, что сон новогодний. Ой, побежали, скоро станция, у нас работа. Спасибо, Ирина Николаевна, с вами было очень интересно.

Ирина кивнула:

– Да, а уж мне-то как интересно и полезно, вы и сами не знаете.

Ирина быстро оформила документы в учебной части курсов повышения квалификации, и ей дали направление в общежитие. Комната на двоих, но пока никого нет, она быстро разложила вещи и пошла в душ. За шумом воды не слышала, как вошла в комнату будущая соседка, как она тоже тихо и спокойно разбирала свой чемодан. Ирина вышла в халате, но вдруг смутилась: красивая молодая женщина, ее ровесница, стройная, с копной волнистых каштановых волос, чуть курносая и голубоглазая.

– Извините, я здесь без вас...

– Ну, вот еще! Здравствуйте, меня зовут Ирина.

– А я Зоя. Из Краснодарского края.

– Могу только позавидовать, я сибирячка.

Зоя засмеялась:

– Надеюсь, это не помешает нам дружно прожить месяц?

Пошли в столовую общежития, в день заезда слушателей она работала без перерыва, взяли горячий борщ и мясо по-татарски. Ирина ела с аппетитом, а Зоя, встав изо стола, заметила:

– Везде подают борщ, а никто по-настоящему готовить его не умеет. Нет, Ириночка, то, что мы кушали, борщом назвать нельзя. Впрочем, как и мясо. Что в нем татарского, вы не заметили?

Ирина пожала плечами.

– Договорюсь с девчонками на кухне, в выходной приготовлю настоящий борщ, в котором ложка должна стоять, как мой муж говорит. И мясо сделаем «степное», какое готовят в чистом поле, на воздухе, на сенокосе. Жаровню кусочком хлеба вычистишь!

Одевая шубку, Зоя повернулась к Ирине:

– Давайте на «ты», правда, чего мы тут будем пыжиться?

Ирина засмеялась:

– Согласна. Что делаем вечером? Может, в кино?

– Нет, в кино мы и дома сходим, просто погуляем по Москве, по центру. Я бы с удовольствием посмотрела смену караула у Мавзолея.

Пока собирались, Зоя рассказала о себе. Работает главным врачом в большой станице, трудно, район огромный, специалистов не хватает, спасает соседний город. Ирина кивнула:

– У нас похожая ситуация, но перспективы есть, я тебе потом расскажу.

Москва поразила провинциалок, мягко катившийся чистенький троллейбус, небольшая толчея при входе в метро, этот страшный эскалатор, по которому обе ехала первый раз. Смеялись, вместе с ними улыбались москвичи. Вагон был похож на читальный зал районной библиотеки: все сидели с книгами и журналами, кто-то уже успел прикупить «Вечёрку». Мимо Исторического музея и ГУМа с огромными яркими окнами прошли на Красную площадь. Ирина потянула Зою за рукав:

– Не спеши. Я тут впервые. Аж сердце заходится.

– Ну да, а я каждый день... Тоже впервые. Может, у меня эмоциональность занижена? Ты кто по специальности?

Ирина пошутила:

– Гинеколог.

Зоя захохотала:

– То, что надо!

Стоящий рядом мужчина в темном длинном пальто и в шляпе быстро подошел:

– Девушки, вы не на рынке, просьба соблюдать порядок. Это Красная площадь.

Кивнули, поблагодарили, пошли к Мавзолею. Огромная толпа молча ожидала смены караула. Ирина со всех сторон слышала чужую речь – иностранцы, говорили, что они любят фотографировать этот ритуал. Мужчина, явно наш, в шапке непонятного происхождения, по-свойски обратился:

– Похоже, впервые? Тогда вон на те ворота смотрите, оттуда выйдет наряд. А когда подойдут и начнется смена караула, попробуйте уследить, как эти ребята карабины перебрасывают. Чудо, потому и прет иностранщина, нету у них такого святого места и такой торжественной церемонии нету.

Зоя настырно спросила:

– А вы откуда знаете, может, и у них есть?

Мужчина ухмыльнулся:

– Девчонки, я геолог, полмира проехал, чудного везде много, но такого, чтобы за сердце брало и слезу вышибало – нету. Я в этот момент готов сердце свое вынуть и к ногам этих парней положить. Гордость за страну свою в это время чувствуешь, вот что главное. Я детей своих из Якутии специально привожу каждое лето, и внуков буду возить.

Заиграли куранты. Толпа всколыхнулась. Забормотали иностранцы. Притихли в порыве русские. В наступившей тишине четко слышны шаги почетного караула. Нога к ноге, рука к руке, лицами схожи, как родные братья. Карабины плывут в воздухе рядом с солдатами. Подошли, развернулись, поднялись по ступенькам. Замерли. Негромкая команда, и в несколько секунд солдаты поменялись местами, совершив неуловимые движения своим оружием. Обратный проход столь же торжественен и трогателен. Многие прячут платки, иностранцы молча укладывают в футляры аппаратуру.

– Ничего, пусть снимают, пусть сыновьям своим покажут. Сегодня в ГУМе смотрел, как они игрушки выбирали, танки на батарейках, самолеты и прочее. Я сначала возмутиться хотел, а потом дошло: пусть их детки на звездочки наши смотрят и запоминают, какие у нас ловкие танки и могучие корабли. Подрастут, вспомнят и одумаются. Ну, барышни, прощевайте, у меня самолет через пару часов.

Через площадь шли молча, у каждой свои думы и чувства. Перед метро переглянулись, вздохнули: «Какая красота, и какая великая сила в этой смене караула!».

Первое занятие провел заведующий курсами профессор со сложным именем Дмитрий Вячеславович Крашенинин. Он сказал, что не должно быть никаких иллюзий по поводу того, что за месяц курсы подготовят из вас настоящих руководителей районного звена здравоохранения, но наиболее общее представление о наших задачах будет дано четко.

– Сельские районы и уездные города – основа нашей страны, я постоянно твержу об этом в российском Минздраве. Со мной соглашаются, но финансирование остается скудным. Почти не строятся типовые районные комплексы, хотя я сам в составе авторитетной комиссии утверждал два или три весьма любопытных проекта. Не думайте, что я не знаю истинное положение, знаю, и довольно неплохо. Знаю, что на селе районная лечебница – это набор кособоких бараков, построенных еще из кулацких амбаров. Теперь вот вообще остановили строительство, все средства двинули на освоение нефтегазового комплекса Сибири. Я не думаю, что это хорошо. Надо разумно сочетать и то, и иное, ведь не война, слава Богу, можно бы както расслабиться. Ан нет, нашли очередного врага, пугают друг друга, а народы страдают. Впрочем, я увлекся. Но врач в любой обстановке остается врачом. Мы люди единственной профессии, у которой нет фиксированного рабочего дня. Вот инженер: пропел гудок заводс-

кой, как говорится, нарукавники снял и на проходную. Я почему говорю так круто? У меня сын инженер. Явился домой, принял душ, поужинал и на диван. Правда, замечаю, что иногда о чем-то думает, видимо, мозг еще не отошел от проблем кульмана, но, увы, это случается редко. Нет, у меня замечательный сын, он категорически отказался от медицины как таковой, но стал главным конструктором или инженером на заводе медицинского оборудования.

Профессор долго еще говорил о перспективах медицины, о готовящейся в правительстве программе вывода сельского здравоохранения на новый уровень. О проблемах распределения и закрепления специалистов на местах, она социальная и экономическая: надо добротное жилье дать, помочь обзавестись хозяйством, в деревне без этого нельзя, выдать замуж или удачно женить – кто этим должен заниматься? Конечно, главный врач. Да, он хозяйственник, ходок по инстанциям и даже сводник – в хорошем смысле. Вот уже третий состав курсов – молодые люди, тридцать и чуть более лет. Это замечательно, многие из вас будут руководить областными больницами и даже здравотделами, да, так будет. Но не забывайте практическую медицину. Не дело, когда главный врач не ведет прием, если он терапевт, не делает операций, если хирург, не принимает роды, если гинеколог.

Ирина густо покраснела, как будто Крашенинин говорил о ней, но уткнулась в тетрадку, вроде сосредоточенно записывая. Ирина чувствовала, что кто-то на нее время от времени внимательно смотрит, но оборачиваться неуместно, да и ни к чему провоцировать. Скорее всего, какой-то мужичек вырвался из объятий любимой жены и подыскивает себе пару. Профессор пожелал успешной работы, предупредил, что спрос на итоговом собеседовании будет строгий, и попрощался. Ирина с Зоей вышли в вестибюль, посмотрели стенды с фотографиями современных диагностического и лечебного оборудования. Вдруг за спиной она услышала:

– Простите, вы Дзюбина?

– Да, – испуганно ответила Ирина и лихорадочно соображала, откуда этот мужчина?

Он улыбнулся:

– Да, прошло больше десяти лет. Мы с вами учились в одном институте, я на год позже, потому что армия. А потом вы исчезли. Подружки говорили, что вы вообще бросили институт.

Ирина уже взяла себя в руки и усмехнулась:

– Вы не тех подруг спрашивали. Я перевелась в Новосибирск, ну, если угодно – вышла замуж.

Мужчина кивнул:

– Я вас искал, это правда, но в деканате сказали, что вы вообще забрали документы, якобы, вас отчислили.

Ирина кивнула:

– Были там деканатские сучки, простите, которые могли наплести про кого угодно и что угодно. А искали вы меня, извините, по какому случаю?

Ей надо было во что бы то ни стало прекратить это опасное копание в прошлом, еще неизвестно, где этот хлыщ служит сейчас, вдруг где-то рядом? Нет, Семовских говорил, что место одно на область, значит, чужой.

– Меня зовут Иосиф, я работаю в Свердловской области, есть там такой район – Богдановичи, может, слышали или проезжали. Сразу туда получил распределение и остался. А вас помню, потому что нравились вы мне, да вы всем парням нашим нравились, только всех отшивали, как мне говорили.

– Отшивала, да, потому что в армии служил мой парень, как я считала. А потом выяснилось, что он еще двум кралям письма любовные писал.

– Вы потому и уехали?

– Давайте эту тему закроем? Что мы все про меня да про меня. А вы как? Семья, дети?

Иосиф кивнул:

– И жена, и дети, я иудей, мы рожаем столько детей, сколько дает природа.

– Бог?

Иосиф улыбнулся:

– Сложно сказать. Я не очень верующий человек, тем более, что общины у нас нет.

– Власти не разрешают?

– Просто нет, евреев очень мало, они в основном в Свердловске, а я там бываю раз в месяц.

– Простите, а вот это стремление уехать на Землю Обетованную? Оно вас не коснулось? Говорят, врачей они берут с удовольствием.

Иосиф опять улыбнулся. Ирина только сейчас заметила, что он красив: чуть удлиненное лицо, прямой ровный нос, миндалевидный разрез глаз, а глаза темные и чистые. Волосы прямые, но прибраны на пробор, который ему даже идет.

– Простите, Иосиф, вы меня искали, я вам нравилась, но вы же не могли жениться на русской?

– Кто вам наговорил столько глупостей? Потерял вас, но в Богдановичах женился на русской девушке, более того, ее мама татарка. И ничего, у меня хорошая семья. А вы? Как сложилась ваша жизнь? Простите, откровенность за откровенность.

Ирине так хотелось соврать про счастливую личную жизнь, про успешного и красивого мужа, (может, даже сделать его грузином, например, коль пошли такие смешанные браки), про сына и дочку, красивых и умных, но что-то остановило ее.

– Увы, моя личная жизнь не сложилась. Семьи не было и нет, живу одна, работаю за двоих, потому что дом – просто ночлежка. Вот так, дорогой мой бывший ухажер. Спасибо за приятный разговор. Возможно, еще и встретимся.

И она пошла искать Зою. Та в окружении нескольких женщин что-то громко (иначе она не умела) рассказывала, жестикулируя руками. Увидела Ирину, окликнула:

– Посмотри, сколько знакомых! Вместе трупы резали в морге на Калининке, и тут же ливерные пирожки ели. Девочки, это Ирина, она из Сибири.

Девочки засмеялись:

– Так и мы не в ЦКБ пашем. Я из Владика, Света из Хабаровска, Валюша из Калининграда. Одно слово: союзное распределение.

После занятий идти уже никуда не хотелось, лежали в кроватях, болтая ни о чем. Ирина приподнялась на локотке:

– Зоя, у тебя большая семья?

– Та не особо. Муж есть, две дочки и сын, это я успела нарожать, пока в рядовых ходила, и муж был как муж.

Ирина вздрогнула:

– Что с ним случилось?

– Господи, что с этой пьянью может случиться? Дома вина не держу уже пятилетку, но в станице в каждом доме бочонки и корчаги, что прадеды при веселье не расколотили. Каждый вечер он под хмельком. С детьми я завязала, да и как мужик он стал увядать на глазах. Обидно, знаешь, лежит рядом колода, сам не ам и другим не дам.

Ирина села в кровати:

– Так прогони его к чертовой матери! Главврач района, и такой позор, все же видят.

– А детки, Ирина? Э-э-э, чужую беду – рукой разведу. Тебе не понять.

Ирина ударом кулака поправила подушку и легла на спину:

– Да, ты права, мне не понять, потому что мужа у меня никогда не

было, и детей нет. Я одна, как... – Так и не подобрала злого и обидного слова. – Вот так, подруга.

Зоя плакала, уткнувшись в подушку:

– Отчего, Ирка, жизнь такая несправедливая? Вот ты красавица, каких нету, а судьба мимо. На другую страшно смотреть, и женится можно только по приговору народного суда – нет, отхватит мужика путёвского, трезвого, работящего, так еще и рулит им, как волом в ярме. Ирина, ты как хочешь, а я тут мужичка себе уже наметила, и он растекся, глаза масляные. Не осуждай, а, Ирина? Хочешь, я его попрошу, чтобы он для тебя привел хорошего парня? Чего нам терять?

Ирина уткнулась в подушку и молчала. Зоя села рядышком.

– Осуждаешь меня? Правильно, суди, ты имеешь право. А меня кто поймет?

– Да не сужу я, Заинька, и в мыслях не было. Встречайся, твое право. А я не могу. Люблю одного человека, и стесняюсь даже думать. Вот это как понять?

Зоя вскочила:

– Вот она где тебя достала, любовь-то! Ну, не в девках же ты до тридцати просидела, всяко было, а не зацепило. Ну, теперь берегись, и мужика того не упускай ни по какой причине, я тебя заклинаю.

Учебный день был заполнен плотно, после обеда стали выезжать в больницы и поликлиники, удивлялись и завидовали коллегам, те улыбались: «Подождите, года через три-четыре и к вам придет такое оборудование». Попросили несколько встреч с заведующими райздравотделами. Конечно, масштабы несравнимы, но принцип работы один, потому гостей засыпали вопросами. На последней неделе начался обмен опытом. Ирина записывала все, что казалось ей интересным и уточняла адреса районов и областей. Когда дошла очередь до нее, рассказала, как начали и ведут строительство больничного комплекса.

– Скажите, а какова сметная стоимость вашего объекта? – поинтересовался профессор Крашенинин, который на обмен опытом всегда приходил.

– Окончательную цифру никто сказать сегодня не может, потому что все строительство ведется силами совхозов и колхозов, районных предприятий, но по прошлому году освоено около полумиллиона рублей.

– Вы говорите о больничном комплексе, городке, а вот на доске вы могли бы его схематически, конечно, изобразить?

– Запросто, Дмитрий Вячеславович, я сама его несколько месяцев придумывала.

И Ирина очень быстро нарисовала пруд, аллеи, цветники, лодочную станцию, а вокруг десяток коробок, соединенных теплыми переходами. Получилось не очень красиво, но понятно, тем более Ирина подписала корпуса.

Аудитория несколько минут изучала схему, а потом раздались аплодисменты.

– Товарищи, вот вам наглядный пример, на что способна инициатива главного врача, помноженная на энергичную поддержку районных руководящих органов. Замечательно! Спасибо вам, Ирина Николаевна, я непременно расскажу о вашем проекте в Минздраве. Это достойно высокой оценки. Да, вы сослались на слова коллеги Семовских, что оборудовать весь этот комплекс не хватит и годового бюджета облздрава. А где выход?

– Мы уже решаем эту проблему. Областной бюджет каждый квартал направляет облздраву часть неиспользованного бюджета. Министерство, по словам Юрия Николаевича, целевым назначением дает нам самое дорогостоящее оборудование: операционную, рентгенаппараты нескольких назначений, два современных зубоврачебных кабинета, пять машин «скорой помощи».

– Не много ли машин? – удивился Крашенинников.

Ирина улыбнулась:

– Только вы меня не выдавайте. Две машины отдадим в совхозы, у них совсем плохо с вездеходным транспортом, а фондов нет.

– Ну, что я могу сказать в заключении?! Редкий случай, другого такого не знаю. Попробуйте, товарищи, у себя организовать подобное. Да, не от хорошей жизни район пошел на такое, но правильно сказано: самое вкусное блюдо придумал очень голодный человек.

Вечерами Зоя уходила и возвращалась через пару часов с коньячным запахом и сразу после душа ложилась спать. Ирина ни о чем не спрашивала, Зоя ничего не говорила. Как-то Ирина напомнила о борще. Зоя махнула рукой:

– Прости меня, Ириночка, так мне тошно, так мне лихо, что и сил никаких нет. Подлая я, мужу изменяю, детям тоже. Думала, отомщу ему за все, а, оказывается, мне больно. Все, Ирина, больше я с этим любовником своим не встречаюсь, домой приеду, Яшу своего лечить буду. Лекарствами, бабкиными шепотками, казацкой плеткой – все равно вырву из поганой канавы. Я ведь любила его, Ирина, ты бы знала, как! Вот сейчас этот прижмет, а у меня в памяти первая наша ночка с Яшей после свадьбы. У казаков закон тяжелый, если девка не стерпе-

ла до свадьбы, то лучше тикать из станицы, а то и дегтем помазать могли, и в пере вывалять. И сейчас лежу с этим, и вдруг вскинется в голове, как в ту ночку Яша груди мои целовал, как по животу рукой провел и заплакал от счастья. «Зоя, признайся, девица ты, или гнать тебя со двора?». А я сама без памяти, шепчу: «Девица, Яшенька, а с тобой бабой стану!». И так его обхватила, что ему и деваться некуда было.

Зоя засмеялась:

– Ты прости меня, подруга, а вот нынешним днем я переродилась нововсе, и домой другая совсем приеду. Давай спать, я такая уставшая. А борщ варить будем в эту субботу.

***

В субботний обед столовая настоялась ароматом настоящего борща, как говорила Зоя, сочиненного из всего, что знали казаки от украинцев и соседей ростовчан, борщи которых тоже на ярмарках славились. Тут свинина сдобрена баранинкой, овощи сосчитать невозможно, картошка отборная, лук разрумяненным полумесяцем в каждой тарелке. Красный перец ждал свой черед, и Зоя предупредила:

– Товарищи, только кто-то один осторожно раздави в блюдечке, и каждый ложкой ли, вилкой ли, но только не рукой – положите в тарелку, да немного, а то пламя изо рта рванет, чем тушить будем?

Мясо тоже было отменным, повара, которые помогали Зое готовить, сидели тут же, за столами и жаловались:

– Нас бы не гнали на триста посетителей, тоже можно было бы посочинять. Но Зоя просто молодец!

Вечером Ирина по талончику позвонила на квартиру Хевролина:

– Ну, здравствуй, студентка? Как дела? Выпускные-то сдашь?

– Осилим, Николай Петрович! Что со стройкой?

– А что с ней может статься? Знаешь, как в армии говорят: солдат спит, а служба идет. Да ты не обижайся, я рад, что тебе месяц отдыха выпал, я же вижу, как ты вымоталась со строительством. Нам тут вагон шифера подогнали шефы из главка Муравленко. Слышала о таком? Мужик мировой, с ним на сессии областного совета Юрий Николаевич поговорил, рассказал о твоих делах и проблемах, меня предупредил, чтоб я рядом стоял. Он удивился, что молодая женщина такими делами в районе ворочает, пообещал помочь. По шиферу-то мы сразу сказали, а по всем другим позициям поедешь к нему лично.

Ирина знала, что Муравленко в области большой человек, лауреат, Герой и депутат – все при нем. И вдруг к нему идти на прием?

– Николай Петрович, к Муравленко я не пойду, да меня и на порог не пустят.

– Ладно об этом. Новость у нас. Поговаривают, что Еремеева Григория Ивановича к нам переводят вторым секретарем, понятно, что с перспективой на первого. Не поняла, что ли? Это сын Ивана Сергеича, тот, что в аварии был.

Ирина задохнулась, не сразу сообразила, что же сказать в ответ, как отреагировать.

– Это хорошо, Николай Петрович, свой человек руководитель, земляк.

– Ну, вот и правильно, – подытожил Хевролин. – Заканчивай свои курсы, и домой, дел – жуть, сколько.

Ирина обеими руками держала трубку и молчала. Зоя испугалась, осторожно взяла трубку:

– Что-то случилось? Сядь, успокойся. Плохая новость?

– Хорошая, – едва выговорила Ирина.

Зоя присела перед подругой на корточки:

– Родно мое, от хорошей новости сознание не теряют. Ты можешь сказать, что произошло?

Ирина помолчала:

– Произошло, Заинька, а что дальше будет – одному Богу известно.

И она рассказала о дружбе с директором совхоза Еремеевым, о его сыне Григории и снохе Соне, о жуткой аварии, в которой Соня погибла, а Григорий Иванович чудом остался жив. Жену похоронили в родном селе Еремеевых, Григория увезли в областную больницу, и больше они не виделись. Рассказала о наивном приглашении на семейный новогодний праздник, о своих странных снах. И о том, что полюбила этого человека, но как теперь быть? Он приедет руководителем, она тут, на глазах, а если у него уже есть какие-то планы с другой женщиной? Может, он с нею уже и приедет?

Зоя разумная женщина, присела рядом, обняла, сразу стало легче.

– Вот как несправедливо жизнь устроена, мужику все можно, и выпить, и налево сбегать, вроде все в порядке вещей, никто не возмущается. А узнай родной коллектив, какие я тут курсы проходила – да со свету сживут, хоть и знают, каково мне дома. А молодость возьми: разве девчонка может первой к парню подойти, обнять, поцеловать? Это право мужчин, они ходят вокруг стада овец, аки волки в степу, и выбирают, какая им по вкусу. И ведь редкая взбрыкнется, которая еще на что-то надеется. А сплошь и рядом позволяют взять под ручку, потом за грудку пощупать, потом к плетню прижать. Если на шее

безумно не обвисла, то и свадьба вот она. А любовь? Старые люди говорили, что к мужу надо приладиться, приспособиться, притереться всем телом, и терпеть, если что не так. Потом дети, дом, хозяйство, сад-огород, будь он проклят. И все на бабе, а прав у нее меньше, чем при капитализме.

Тут даже Ирина засмеялась:

– Капитализм-то причем?

– Не скажи, Зоя, приезжала в станицу из Австрии одна дама, не помню, толи мать дипломат, толи батька, только вышла она там замуж. А кто-то из родителей с нашей станицы. Говорят, и раньше приезжала, то я не знаю, но, видать, знакомые были, вот она и явилась ко мне: как бы так сделать, чтобы ни одна душа не узнала? Я отвечаю, что брить придется, про другие души не скажу, но муж в первую же ночь возопит, это точно. Не знаю, как она с гинекологами сговорилась, и во что это ей обошлось, только пришла она ко мне с подарком и говорит, что она женщина свободная, обеспеченная, фабрика какая-то на нее работает, а муж при сем присутствует. У нас брачный контракт, говорит, если что не так – муж уходит в одних шортах. Вот права! А у нас развод учинят – ложки считают и вилки. Я в сельсовете была депутатом, ходила в одну семью имущество делить, два узла тарелок навязали, а он мне тазик подает со сковородками, меня до того взбесило, я как хряснула тем тазом по узлам, такой звон стоял – все соседи сбежались. Плюнула я, и в двери. А на другой день оба ко мне на прием, в гинекологию. «А мужик-то зачем?» – спрашиваю. А он хохочет: «Поблагодарить хочу тебя, дорогой депутат, как ты толково помирила нас этим тазиком. Ты не сомневайся, мы тебя и в другой раз изберем!».

Ирина до слез досмеялась, пошла умываться, а Зоя её в открытую дверь увещевает:

– Приедешь, если он без жены, попадись ему на глаза, и прислушайся, как он запоет. Ты же с первой ноты поймешь, с интересом он или просто по служебной линии. Ой, Ирка, не прокарауль ты этого мужика, вот ты про него столько рассказала, что я вроде даже вижу его. А в тебя влюбиться – пара пустяков. Костюмчик в обтяжку, чтобы все прелести как на медосмотре, улыбочка легкая, глазками пару раз выстрелить, и он твой.

Ирина вышла с полотенцем на шее, подошла к зеркалу:

– Все это было, Зоя, не скрою, но этого мужчину такими приемами можно только оттолкнуть. Он очень серьезный, основательный. И жену свою покойную любит, наверное, до сих пор.

– И пусть. Ирина, ты врач, ты понимаешь, что природа руководит человеком, а не разум. Мужику тридцать, ну, любил, но ведь все кончено, надо начинать новую жизнь. Да и родители ему об этом же напоминают.

– Вот этого я и боюсь. Они искренне хотят, чтобы мы поженились, правда, у нас очень добрые отношения, но я боюсь, что Гриша подумает: это я их настраиваю.

– Подожди. Он родителей своих уважает? Любит? И как он может подумать, что они ему навязывают какую-то бабу? Домой к нему, конечно, не рвись, но приглашать станут – не кочевряжься.

Последние дни занятий прошли как во сне, билет купила на самолет, в последний вечер посидели в столовой, обменялись адресами и телефонами, утром на такси Ирина уехала в аэропорт, а к вечеру уже была дома. Обошла отделения стационара, поговорила с персоналом, такое впечатление, что все нормально. На утренней планерке попросила докладывать кратко, только самое важное. Достала из шкафа полушубок и валенки, переоделась, секретарше Шурочке сказала, что до обеда будет на стройке. Когда вышла на высокий холм вытолкнутого с объекта снега, сердце ёкнуло: так много перемен! Три здания уже принимали стропила, а на четвертое с дальнего уголка начали укладывать шифер. Какой-то мужчина внизу, заметив начальство, неожиданно оживился и энергично покрикивал то одним, то другим:

– Ровней клади, шифер это не рубероид на деревенской ферме. Кто так стропила ставит? По шнурочку надо, по шнурочку! Здравствуйте, товарищ главный врач!

Он был крепкий, как осенний обабок, под глазом синяк, шапка на одном ухе:

– Самая ударная стройка всего краснознаменного района, а рабочему классу никакого стимула!

Ирина остановилась:

– Когда это район успел стать краснознаменным? И в чем ущемляют рабочий класс?

Рабочий с крыши подал голос:

– Не слушайте его, Ирина Николаевна. Пока вас не было, району знамя вручили за урожай, от имени Кремля. А про ущемление – напарник его в магазин побежал за портвейном, что расщемить.

Мужики засмеялись. «Обабок» снял шапку, хлопнул ею по руке:

– Товарищ главврач, я моряк краснознаменного Северного флота, и вот в такую погоду наш строгий старшина наливал всему личному составу по сто грамм чистого спирта. Флот жалеет своих моряков.

Ирина кивнула:

– А я, стало быть, не жалею. Ты, герой Северного флота, кто по специальности?

– Хожу в учениках, но тут учиться не у кого, одно слово, деревня.

– Мило! – улыбнулась Ирина. – Ты от какого совхоза?

– Да здешний он, прилип второй день, – подали голос с крыши.

– После обеда найдешь Фрола Романовича, это мой заместитель, скажешь, что я просила направить тебя на очень важный участок, где у нас всегда проблемы. Понял?

– Так точно, понял! Эй, деревня, до встречи при левом галсе! – и побежал навстречу своему другу с портвейном.

– Ирина Николаевна, он же баламут, не вздумайте что-то серьезное ему поручить, все нарушит.

– Ничего не случится, к сантехникам пойдет, у нас там всегда дефицит.

Обошла всю стройку, пометила карандашом свои замечания в блокноте, возвращалась той же тропинкой. Уже на спуске заметила мужчину, идущего навстречу, вздрогнула, поняла, почувствовала, а свернуть некуда, не будешь в сугроб прыгать. Быстро спустилась, встретились лицом к лицу, он тоже, похоже, не ожидал.

– Здравствуйте, Ирина Николаевна. Вы, наверное, не узнали меня? Я Еремеев, ваш бывший пациент.

– Здравствуйте, Григорий Иванович, я вас узнала, мне уже сообщили, что вы работаете в нашем районе.

– Первый поручил мне курировать строительство, иду на объект первый раз. Вижу, вы уже все обошли и устали, а одному мне делать нечего. Мне в приемной сказали, что вы на объекте. Значит, в другой раз.

Ирина испугалась, что он сейчас уйдет:

– Нет, я готова пройти еще раз, я не устала.

Григорий кивнул:

– Хорошо, давайте пройдем в ваш кабинет, и вы введете меня в курс.

Когда они уже подходили к административному корпусу, Ирина вдруг остановилась и испуганно прошептала:

– Григорий Иванович, что же это я – веду человека, а сама только вчера прилетела из столицы, на курсах была, обстановки-то совсем не знаю.

– Ничего. Чай у вас есть? А я попросил архитекторов, они мне сделали копию вашего проекта.

Ирина оживилась:

– Ну, сейчас тот проект безнадежно устарел.

– Вот и внесем поправки.

Григорий снял меховую куртку, шапку, пригладил волосы, одернул теплый свитер ручной вязки. «Память от Сони, это ее работа» – подумала Ирина.

Григорий встал по другую сторону стола, помолчал, поднял голову:

– Я ведь так и не поблагодарил вас за все, что вы сделали для нас..., для меня. Спасибо вам.

Ирина вспыхнула:

– Григорий Иванович, не надо об этом. Мне говорил Иван Сергеевич, что вам предлагали хорошее место на Севере, но вы отказались в пользу Поречья. Это связано с родителями, с родиной? Простите, я не имею права на такие вопросы...

Григорий помолчал, прошелся по кабинету:

– Вы назвали верные причины, но есть еще одна, о которой я скажу позже. А теперь вносим правку в мой экземпляр проекта.

Ирина ходила вокруг стола, пририсовывала этажи, намеки кровли, закрасила голубым пруд, нарисовала зеленые аллеи.

– Николай Петрович говорил мне о каких-то экзотических деревьях и кустарниках, которые вы собираетесь здесь рассадить.

Ирина кивнула:

– Да, я съездила в сельхозинститут, рассказала о своей задумке, там ко мне отнеслись с пониманием, пообещали выписать саженцы и прислать на месяц бригаду студентов, чтобы правильно посадку провести и первичный уход.

– Бригада, я понимаю, человек десять, не меньше. Размещение и питание решено?

– У нас есть большая утепленная платка, не знаю, каким образом она к нам попала, говорят, гражданская оборона проводила учения и оставила. А питание наше, институт потом оплатит по счету.

– Ирина Николаевна, вопросы будут – ко мне, Николай Петрович все равно остается на контроле, но работать нам. Договорились?

– Договорились.

Она видела, как он вышел из дверей, сел в машину и осторожно выехал за ворота. Сердце ее бешено колотилось. «Господи, все равно не уснуть сегодня, поеду к старикам в Березовку».

***

Едва подъехала к домику, как дедушка Лександро, будто у ворот стоял, выглянул, разулыбался и стал ворота отпирать. Машина вошла в ограду, хозяин аккуратно запер ворота и еще клинышек вставил.

– Ну, здравствуй, родная ты наша Ирина Николаевна. Вспомнила, наконец, про стариков.

Ирина вынимала из машины сумки и пакеты, гостинцев привезла старикам.

– Ой, Господи, и куда я в такой шали собралась? До магазинчика добежать, дак у меня пуховичок, лет пять тому у казахов купила. Шибко хорошо вяжут, прямо сносу нет.

За столом рассказала о Москве, о строительстве, о том, что кошка без хозяйки так наскучалась, что едва на работу с ней не ушла.

– Ну, про кошку можно много чего рассказать, а жениха, прости за любопытство, не присмотрела в столице? Там же мужиков гим гимзит, никакой не спондравился?

Ирина неожиданно тяжело вздохнула, бабка цыкнула на мужа:

– Заводишь тяжелые речи, вот и довел девку, что сердце захолонуло. Молчи, старый, не твоего ума дело.

Александр Иванович и сам смутился:

– Ладно про это, сама разберешься, я ведь от добра поинтересовался. А вот со стройкой как обстоит? Это ведь не в Березовке одно помещение сложить, там у тебя, в газетке пишут, целый город?

– Городом не назовешь, но объектов много.

– А чего больше всего не в достатке?

– Денег, конечно.

– Вот! Я в одной исторической книжке читал, что война случилась в России, и сдали неприятелю важную крепость. Император прибыл, городского коменданта на ковер: «Объясни мне, милейший, почему сдал крепость?». Тот дерзко отвечает: «На то, Ваше Высокопревосходительство, было много причин!». Император напират: «Назови несколько самых главных». Комендант начал загибать пальцы: «Во–первых, у нас не было пороха. Во–вторых...». Император его остановил: «До чего же безголовый чиновник пошел! Дак ежели у тебя пороху нет, как же ты собирался крепость отстоять?». И велел того коменданта повесить.

Александра Ивановна ухватила его за рукав:

– Лександра, смилуйся, в прошлый раз ты сказывал, что государь коменданта помиловал.

Дед аж привстал с табуретки:

– Да, помиловал, но следовало по грехам и тупоголовости повесить, непременно повесить! Это я к тому, Ариночка, что копейка – она все дело определят.

– Ладно об этом, дед Лександро. Лучше расскажите, как вы поживаете?

– Живем, слава Богу! – перекрестилась хозяйка.

Дед возмутился:

– Что это такое значит, что живем, слава Богу! Ровно ничего, никакой информации, как теперь говорят. А ты вот послушай такую притчу, чтобы понять про нашу жизнь. Был такой завоеватель, и имя было ему Тамерлан. Это в старых историях описано. Шел он как бы с китайской стороны, но не знаю, какой нации. Шел и города брал, и страны на колени ставил, а когда масть идет, тогда алчность приходит. Я сам вкрадчи от старухи третьего дня пошел к мужикам в свару поиграть, и так мне катило, так катило, что я совсем трезвость потерял, и единым махом в таком азарте червонец продул. Ладно, мужики порядочные, пятерку вернули, но от игры освободили. «Ты, – говорят, – дед, аж подпевать себе стал, как бы крышу не повело». Ну, это я к слову. А Тамерлан окружил большой город, послал воинов, чтобы дань собрали. Собрали, принесли, кинули в ноги господину. Тамерлан посмотрел: «Мало!». Воины говорят: «Больше нечего взять». «А что народ делает?». «Плачет и волосы на себе рвет». «Идите и берите еще!». Принесли – опять мало. Он опять про народ, они свое: «Народ в пыли извалялся, клянется, что нет ничего». Он опять посылает, и опять приносят: «Все Великий Господин, нет в городе ничего боле». «А что народ?» – спрашивает. И они отвечают: «Великий Господин, народ, видно, с ума сошел, пляшет и поет». Тогда Тамерлан велел снимать осаду и уходить, сказал: «Значит, у них в самом деле ничего нет!». Вот как надо отвечать. Мы пляшем и поем, потому что нет у нас ни злата, ни серебра, как пташки божьи: не сеем и не пашем, а сыты бываем, оттого, что советская власть нам такую пенсию платит, больше, чем мой зять на производстве зарабатыват. Во как!

Ирина порадовалась дедушкиному рассказу, подивилась: где и вычитать мог такое. Обратилась к хозяйке:

– Бабушка Александра, если комнатка потребуется, вы принимайте постояльцев, вот такая, как я, бедолага, приедет, и приткнуться некуда. А вы ей такие хоромы.

– Никто не бывал, Ирочка, да мы без тебя и не пустили бы никого. Там и постелька твоя несмятая лежит.

Все вместе вошли в комнатку: хорошо! Стены побелены, угол печки горячий, так и пышет, шторка на окошке плотно сдвинута, с улицы ничего не усмотришь.

– Отдыхать-то, небось, рановато, бабка в телевизор никак не наглядится, диво ей, что в таком маленьком ящике столько народу умещается. Пойду и я, может, хоть бабку подразню.

– Останься, дед Лександро, да расскажи что-нибудь.

Ирина понимала, что тоскливо человеку в четырех стенах, с бабушкой много не наговоришь, а пойти некуда, сходил вот – пятерку оставил. А поговорить хочется.

– Расскажу тебе, голубушка, что у нас случилось тому несколько лет. Я, к предмету, свой огород сроду пахал на лошадке и однолемешным плугом. Пока ребятишки дома жили, дак мы успевали всю картошку посадить под плуг, то исть, я пашу, а они в борозду семена укладывают аккуратно, а следующим рейсом я их и завалю. Милое дело: и огород лишний раз не топчешь, и картошка потом прет – по цельной машине сдавали заготконторе, и платили хорошие деньги, да еще и, глядишь, ковром либо хрустальной вазой отоварят. А хрусталь – он нам зачем? Бабка в стеклянный шкаф поставила и позабыла про эту радость, полезла пыль протирать, хватила, а там вместо вазы горка стекла. Пудов, поди, пять картошки в эти осколки вбухали. Ну, не об том речь. Пришло время, лошадку не дают, плуг мой в музей увезли, денег дали на бутылку. Сельсовет объявил, чтобы прясла все меж огородов поубирали, потому что будет пахать колхозный трактор от переулка до переулка все огороды кряду, и каждый свою межу вешкой должен обозначить, чтоб ругани не было.

Убрали мы прясла, жерди каждый к себе стаскал, колья выворотили. И вот уж под вечер свистит трактор, знак подает, что пришел. Выхожу: по центру огорода идет «Беларус» с трехкорпусным плугом, быстрехонько он управился, стал уж ближе к усадьбе пахать. И вот стою я, он идет мимо, и вдруг мигом падат в мою сторону, провалился, едва Ваську, Федорки Безбородихиной выблядка, из кабины выдернули. А уж темненько, мужики сбежались.

– У тебя тут погреб был, что ли? – спрашивают.

– Какой на огороде может быть погреб? Не было ничего.

Пригнали гусеничный, весь огородишко мне изворотили, выволокли «Беларус» и разошлись. Правда, бригадир пообещал на утро культиватор загнать, чтобы пахоту выровнять. А мне не сидится. Беру фонарь, пошел яму обследовать. И что бы ты подумала? Не просто яма, а толстой плахой обшита, на столбах потолок крепкий. Раскидал гнилушки, а там, доченька, хлеб, пашеничка схоронена. Конечно, все пало пропадом, не успел тятенька никому секрет передать,

когда его под микитки увели за восстание. Я ночь не спал, сколько навозу приготовлено было под огуречные гряды – все стаскал, выровнял, чтобы никто ничего. Обошлось.

– Я не поняла, дед Лександро, чего вы так испугались? Не ваша вина, что трактор провалился. А зерно-то откуда?

– Вот, мила дочь, в этом весь и фокус. Я ваши учебники просматривал, любопытно мне было, как трактуется наше восстание? Оказывается, кулаки и офицеры сорганизовали, а сами крестьяне вроде как дурачки. Нет, родно мое, и должно тебе знать, что возмущение произошло от народа, а не от офицеров.

– Эсеров, дедушка.

Старик рукой махнул:

– Да один хрен, прости Господи! И вот новая власть приходит к мужику во двор и говорит: «Хлеб, мяса, яйца вынь да положь, в Москву повезем, товарищ Ленин кушать желают». Ну, русский человек всегда поделится, благо есть чем. Но когда вдругорядь приходят, да в третий раз, это уж вроде как наглость. А потом и истинный грабеж среди бела дня. Довели до каждого хозяйства такой оброк, что если все товарищу Ленину отдать, то они там, конечно, выживут, а нам тут голодная погибель. Мужики стали сопротивляться, стали звать власть на разговор, ну, власть и прислала красные отряды из волжских иноверцев, иные и слова по-русски не знали. А им, детям природы, было внушено: отберите у сибирских кулаков, и сами получите пайку. Знамо дело, старались робята. А надобно тебе сказать, хоть сейчас и не шибко бы следно вслух: командовали всем люди из еврейского народа. Сказывали, зажимала их Россия, вера православная не по губам, царь-батюшка не ихним богом посажен, вот и решили навести порядок. Царя к стенке, попов к другой, храмы под склады да под клубы. А народишко надо выморить. Так толковал наш деревенский мужик, после войны в учебу ударился, большим человеком стал, приезжал на родину, сиживали за одним столом, вот он под великим секретом и по большой пьянке нам сие и поведал. А на другой день всех обходил и просил нигде ни слова об этом.

Ирина молчала и ждала, когда заговорит старик. Но он разволновался, притих, сжался.

– Тебе плоха, дедо Саша?

Не заметила, что впервые так назвала.

– Поприжало маненько, прокачат. Ты у клуба памятник со звездой видела? Чего там написано, не заметила?

– Хорошо помню: «Жертвам кулацко-эсеровского мятежа 1921 года».

– Я согласен, тоже люди и тоже надо было прибрать. А с другой-то стороны тоже ведь русские люди погибли, и поболе. Тут коммунисты, активисты сельсоветские, учительница да милиционер. Пока бились сами с собой, успевали убитых прибрать, а потом, когда доблестная красная армия пришла, из пулеметов хлестали за милу душу. Всех зарыли и с землей сравняли, нет могил, нет крестов. Там и тятька мой, дядья, старший брат.

– А вы как спаслись?

– Вот говорят, что чудес нет, а я прошел через чудо. Мы в феврале начали воевать, а к апрелю армия разнесла нас в пух. Мы с ребятами залезли в займище, конечно, выследили, нам и отбиваться нечем. Разбежались кто куда, я лежу, смерти жду. Слышу: шуршит по камышу, винтовкой заросли раздвигает и прямо в меня дулом. Дай, думаю, гляну, кто же меня жизни лишит? И стоит супротив меня Гена Пиздриченок, мы с ним на Никольской ярмарке мукой рядом торговали, неделю гулеванили. Тоже признал, винтовку опустил, спрашиват: «Почто не стрелял?». «Нечем, – говорю, – да и отстрелялся, подобно тому. Тут убьешь или поведешь? Генка, бей здесь, там еще страшней». Генка присел, закурили мы с ним, он и говорит: «Ты березу с дуплом у самого займища не примечал?». «Знаю я эту березу, всю жизнь тут». Просиди неделю, я тебе сухарей дам и сала кусок, а дня через два мы отсюда уйдем, другие части будут, ты в дупле документы найдешь, что служил там-то и там, в плен попадал к повстанцам, еле выбрался». «А где ты гумаги те возьмешь?». «У убитого красноармейца. Только придется тебе на контузию нажимать, вроде как под дурачка, могут сразу отпустить, могут подлечить, а могут и шлепнуть. Если обойдется – на годок куда-то смотаться придется, свои же могут сдать». На том и расстались. Стал я зори считать, на третью ночь потащился на выход, березу ту нашел, залез, руку в дупло – зашуршала гумага. Сунул за пазуху, и опять на свое место. Утром прочитал, кто я теперь есть, и подался, но не в свою деревню, а за реку, там меня мало кто знал. Говорят, солдат нет, а есть комендант. Я к нему. Сидит пожилой человек, рука на платке подвешена, видать, ранен. Гумаги мои поглядел, про контузию спросил, я сказал, что оклемался, только голова болит. И пишет он на моей красноармейской книжке, что сей солдатик нуждается в отдыхе и направляется по месту жительства до особого распоряжения. Год я в городе в котельной уголь кидал, вернулся – все повстанцы к рукам прибраны, один

я остался. Сходил в сельсовет, там люди новые, занесли в книгу и отправили на все четыре. Считай, шутя отделался.

***

Весна. В Сибири всякая погода хороша, а всякое время года может такие выкинуть нежданки, что только ах! Бывали зимой, после рождественских морозов неуместные и нелепые оттепели, снег куражился, скатывался, ребятня лепила всякую нечисть и строила высоченные горки. Бывали среди лета возвращения зимы, и весь район помнит, это еще до приезда Ирины, как пятеро молодых парней, ушедших в свою деревню с соревнований волейболистов пешком напрямую через рям, замерзли, умерли от резкого переохлаждения. За час температура с двадцати упала до ноля. Осенью яркое солнце и небывалая теплынь спровоцируют все живое. Птицы забудут собираться на юг, черемуха зацветет, яблони заблагоухают, и сколько ни охает садовод, а против природы не попрешь, хоть потом все потеряешь. Но опасней всего для хлеборобов весна. Ранняя – вся надежда на снеговые запасы влаги ручьями сбежит в низины, запоздает – и влаги много, и температура подходящая, а присядет агроном на пашне, разгребет верхний подсыхающий слой, а там щетина овсюга, вечного врага земледельца. И начинают ему создавать наилучшие условия, проборонят, да еще и вкрест, чтобы он скорей взошел, чтобы можно было его под самый корень подрезать острыми ножами культиваторов и лущильников.

Эта весна для главного врача обернулась большими заботами. На очередной планерке у Хевролина старший Еремеев заговорил о пиломатериалах:

– Николай Петрович, себя обобрали, у меня три двухквартирника без полов стоят, народ возмущаться начал. Покусочно мы на пола и потолки в готовых зданиях не насобираем, надо как-то по-крупному этот вопрос решать.

После совещания председатель попросил Ирину остаться:

– Заметила, доктор, что у мужиков нервы на пределе? Ведь им наша стройка как общественное поручение, вместо того, чтобы свои дыры затыкать, они на больницу тащат. Вспомни, я тебе про Муравленко говорил. Давай к нему, я сегодня вызвоню, на месте ли, а завтра в путь, чтобы утричком быть в приемной.

– А если не пустят меня из приемной? Занят, по телефону говорит – у них сотни отговорок есть.

– А ты не жди, как только кто из кабинета вышел, ты сразу в дверь. Небось, не выволокут обратно.

Вечером позвонил: на месте, будет весь день в кабинете. Пользуйся!

Почти новую исполкомовскую «Волгу» Хевролин передал в больницу, ехали быстро, пять утра, а уже светло. Трактора на полях работают. Кюветы полны водой, местами через асфальт перекатывается.

– Эта вода пропащая, Ирина Николаевна, – сказал водитель Вася, заметив интерес главного. – Вся в океан скатится, а должна быть на пашне. Вот такая несправедливость.

– Но она же потом дождем выпадет! – догадалась Ирина.

– Добро бы так, да ладно бы – у нас, а то, по телевизору показывают, Европа на лодках плавает, а на Кубани пыльные бури. Несправедливо.

Город встретил недружелюбно, колонны грузовиков, пыль, огромные лужи. Ближе к центру порядка больше, даже разметка на проезжей части и светофоры. Подъехали к большому зданию нефтегазового Главка. Ирина взяла сумочку и кивнула водителю:

– Молись за меня, Вася.

– Не умею. Я лучше вас материть буду.

Ирина улыбнулась и поднялась на высокое крыльцо.

В приемной за двумя огромными столами сидели две солидные дамы, очень серьезные и сосредоточенные.

– Что вы хотите, барышня?

– Я главный врач Пореченской районной больницы, и мне нужно к Виктору Ивановичу Муравленко.

– Простите, вам, скорее, в облздрав, здесь медициной не занимаются.

– Но завоблздравотделом направил меня именно к товарищу Муравленко.

– Подождите, Эмма Эдуардовна, в синей папке с красной полосой есть записка от ВИ. Посмотрите.

– Да, – удивленно хмыкнула Эмма Эдуардовна. – Как о вас доложить?

– Ирина Николаевна Дзюбина, главврач Пореченской районной больницы.

– Это мы уже слышали. – И Эмма Эдуардовна с пачкой документов в папке пошла в кабинет. Вернувшись, она кивнула:

– Не более десяти минут. Все кратко и конкретно, у шефа нет времени.

Ирина вошла в огромный кабинет, который широким столом повдоль поделен пополам, у стола и вдоль стен множество стульев, по-

перек кабинета тоже большой стол, заваленный бумагами. Из-за него поднялся уже немолодой человек, с седыми вьющимися волосами, добрым взглядом серых глаз.

– Проходите вот сюда, – он указал на маленький столик в углу, усадил ее в кресло и сел сам. – Я помню просьбу моего друга Юрия Николаевича, и готов помочь, но мне надо знать, что мы будем помогать создавать.

– Виктор Иванович, мы строим настоящий больничный комплекс, своими силами, хозспособом. Очень трудно с материалами, фондов нет, вот и меняем то на лес, то на спирт, извините.

– Да, Ирина Николаевна, мы вот тоже строим комплекс, нефтегазовый, это огромные деньги, потому и не хватает бюджетных средств на иные добрые дела. Расскажите, что это будет за городок, как вы называете?

Ирина увлеченно рассказала и о пруде, и о парке, и о зданиях с теплыми переходами, о том, что стройка эта стала поистине всерайонной.

– Да, замечательный у нас народ, артелью и батьку бить ловчей, верно? У вас, конечно, нет заявки или перечня материалов, которые вам нужны?

Ирина открыла сумочку:

– Почему нет? Все есть, Виктор Иванович, и даже печать райисполкома.

Муравленко внимательно пробежал глазами список, бормоча:

– Ну, печать-то нам меньше всего нужна, дорогая Ирина Николаевна. Да, позиции серьезные и объемы не детские. Заявку принимаю, материалы начнем отгружать с понедельника, пусть подсуетятся с краном для разгрузки. И передайте вашему руководству, что Муравленко, Главк, то есть, оказывает безвозмездную помощь, учитывая свой долг перед селом, а отгрузим своим транспортом исключительно из уважения к самому симпатичному главному врачу в области. Так и скажите, пусть знают, что Муравленко понимает толк не только в геологии и нефтекомплексе, но и в красивых женщинах.

Он встал, проводил Ирину до дверей, поцеловал руку, и в это время вошла Эмма Эдуардовна. Муравленко улыбнулся:

– Вы очень кстати. Запомните эту женщину и приглашайте ее в кабинет, как только она появится.

– Виктор Иванович, а если Москва на проводе?

– Даже если сам Генсек! – и заливисто засмеялся.

***

Целую неделю «Камазы» и «Кразы» шли на строительство больничного городка, все руководители хозяйств – участников этой кооперации, не уходили с объекта: куда разместить половую доску, рубероид, минеральные плиты утепления, трубы и радиаторы отопления, унитазы, раковины и ванны, поддоны с кирпичом, фундаментные блоки.

Каждое утро Ирина Николаевна прибегала на стройку, говорила с кем-то из руководителей, кто был на месте, они, видимо, график составили, потому что посевная, дома дел много, но кто-то один тут должен быть. Сегодня дежурил Алексей Павлович. Увидев его, Ирина смутилась, горячая волна пробежала по телу, но она успокоилась, подошла, подала руку.

– Поделились бы секретом, Ирина Николаевна, где вы нашли столь доброго дядю, что всю стройку материалами завалил. По-моему, на пару помещений еще хватит. – Алексей даже не смотрел в ее сторону, сам был смущен, но вида не подавал. Конечно, он знал о Муравленко, видел машины с эмблемами Главка, но надо же было о чем-то говорить.

– Как поживаете, Алексей Павлович? – заботливо спросила Ирина. Она искала его взгляда, чтобы понять, что с ним, ей бы и этого хватило, но он избегал.

– Великолепно поживаю. Жена простила, так что спим, извините, вместе. В холодной постели. Дети, спасибо, спасают. И работа. А домик у озера я сжег.

Ирина чувствовала себя виноватой, хотела как-то сгладить.

– Дети и должны укреплять семью...

– Что ты понимаешь в детях, в семье?! Разворотить мужику душу, залезть в самое сердце, а потом, как ни в чем не бывало, на глазах любовные игрища устраивать. Видеть тебя не могу, умоляю, постарайся пореже встречаться вот так, один на один, а то я тебе еще чего наговорю. Прости, меня зовут.

Никто Алексей не звал, просто он уже не мог быть рядом с той, которую так сильно любил, и убежал на разгрузку оконного стекла.

Ирина вернулась в кабинет, умылась, вытерла лицо. Все равно видно, что глаза красные, выдают. До обеда работала с бумагами, после обеда поехала в исполком. Единственное в селе трехэтажное здание занимали управление сельского хозяйства, исполком со всеми отделами и на третьем этаже довольно свободно разместился район-

ный комитет партии. У Ирины с Хевролиным был серьезный разговор о кадрах. Она рассчитывала к Новому году сдать четыре первых корпуса: поликлинику, терапевтический, хирургический и родильный дом. Специалисты облздравотдела просчитали, что к имеющимся врачам потребуется дополнительно до десяти специалистов. Семовских дал команду мединституту зарезервировать нужных специалистов для Поречья. Но всем надо жилье, половина из резервистов уже имеет семьи.

– Давай еще раз посмотрим твои пенаты. Первой осваиваем поликлинику. Старая у нас чуть в стороне. Поизучай возможность размещения врачей поликлиники где-то в других местах, перегородим, отдельный вход, по комнате одиночкам и по две семейным. Если освободишь к выходным, с понедельника начнем ремонт, есть у нас прорабский участок, справится.

Ирина вышла озабоченная: где найти место для приема больных? Кого из врачей перевести? Как к этому отнесутся пациенты?

– Добрый день, Ирина Николаевна!

Она остановилась и быстро пришла в себя:

– Извините, Григорий Иванович, такую задачу поставил мне председатель, что и людей не замечаю.

– Честно сказать, меня-то вы вообще не видите. И даже в кабинет не заходите. Игнорируете по всем фронтам.

Ирина смутилась:

– Простите, Григорий Иванович, так получается. Вы сейчас к себе? Вот и пойдемте, я вам всю картину обрисую.

Разговор не получался, и они оба это понимали. Про дела больничные Ирина доложила быстро, с вариантом Хевролина Еремеев согласился, похвалил за удачный визит к Муравленко.

– Я Ивана Сергеевича давно не вижу. Он здоров?

Григорий встал, прошел по комнате:

– Не особенно здоров, он после той аварии никак в себя прийти не может. Жалеет Соню, ребенка, моя неустроенность его волнует.

– Почему он не звонит? Вы почему молчите? Я сейчас же еду к нему. Минуту: а вам дали квартиру?

– Нет, я езжу домой, иногда ночую в райкомовской комнатке.

– Надо жить в квартире, а не в ночлежке. Отец и за это переживает. В общем, я еду.

– Ирина Николаевна, если не возражаете, на моей машине. Я тоже два дня стариков не видел.

Ирина понимала, что за рулем Григорий будет сам и попробует использовать это время для «наведения мостов». Нет сомнения, что заботливые родители настойчиво просят его присмотреться к Ирине и всячески расхваливают ее характер. Что же будет делать он? Ирина понимала, что его сдерживает память о Соне, потому решила не подавать никакого повода для разговора о их возможных отношениях.

Когда выехали на деревенский большачок, водитель сбавил скорость и на недоуменный взгляд пассажирки ответил:

– Тут двадцать километров, а разговоров у нас на пятьдесят. Ирина Николаевна, я ведь вас совсем не знаю. Расскажите, конечно, в рамках дозволенного.

Ирина улыбнулась:

– Вы меня как секретарь райкома спрашиваете?

– Ну, зачем вы так? Хотите начистоту, как отец у меня все время приговаривает? Начистоту! В те страшные дни вы были для меня каким-то светлым местом в жизни. Мне было очень плохо, и мысли всякие приходили дурные, но появлялись вы, и я понимал, что жизнь продолжается, что я не совсем пропащий человек.

Он замолчал. Ирина тоже молчала, крепко вжавшись в кресло.

– Но мысли о вас оказались иллюзией. Вы не только не приехали в областную больницу, но и не поинтересовались, как там ваш пациент. И я понял, что напрасно думал и мечтал.

Ирина поняла, что инициатива в ее руках, и строго сказала:

– Григорий Иванович, вы напрасно меня упрекаете. Как главный врач, я сделала все, наши специалисты связывались с отделением и докладывали, что все нормально. Кроме того, я постоянно общалась с Иваном Сергеевичем и Клавдией Петровной, так что знала о вас больше, чем могли рассказать врачи.

Еремеев пожал плечами:

– Они мне ничего об этом не говорили.

Ирина улыбнулась:

– Потому что я их об этом просила, эта наша маленькая тайна.

Григорий остановил машину:

– Ирина, я не умею говорить красивые слова и ухаживать за женщинами. Мы вдвоем, никто ничего не узнает. Я прошу вас стать моей женой. Если вы откажете, это останется между нами, даю слово мужчины.

Ирина повернулась к нему лицом:

– А если соглашусь?

– Завтра в загс и свадьба.

– Но вы начали с того, что вообще ничего обо мне не знаете. Кто же так опрометчиво женится, тем более, партийный работник с явной перспективой?

Григорий смутился:

– Это правда, что я вас совсем не знаю. Но меня не интересуют подробности частной жизни, когда женщине тридцать, глупо задавать вопросы о ее молодости. Но у вас же есть родители, близкие?

– Разочарую: нет никого. Так что, со стороны невесты на свадьбе, если таковая состоялась бы, стоять пустым стульям.

– Ирина, не будем об этом.

– Конечно, Григорий Иванович, жизнь мою простою не назовешь. Сложная семья, потеря родителей, помощь добрых людей, и вот желанный Мединститут. Потом конфликт с преподавателем, очень влиятельным, он в институте по партийной линии главный был, отчисление, труднейшее восстановление в другом городе, романтическая любовь и глубокое разочарование. Наконец, плюнула на все, совершенно по случайному выбору приехала в Поречье и работаю тут уже вторую пятилетку. О моей личной жизни здесь справки навести несложно, да вам все принесут на тарелочке с каемочкой, будь она проклята! как только бдительная общественность узнает о вашем ко мне интересе. Не хочу лгать, вы мне очень нравитесь, только вам нужна другая женщина. Я приговорена к работе, и иного уже не хочу. Так мы будем ехать или уже можно вернуться?

Григорий засмеялся:

– Да, Ирина Николаевна, крутой вы человек! Нет уж, поедем к родителям, что они нам скажут.

Ирина вздрогнула:

– Григорий Иванович, я знаю, что ваши родители хотели бы нашего брака, мы много раз об этом говорили. И вот сейчас явиться – в каком качестве? Они же святые люди, сразу подумают, что мы уже все решили.

– А разве нет? – Григорий разволновался: – Ирина, я прошу вас ответить на мое предложение положительно, тогда мы и родителям объявим, что все решено.

Долго молчали. Что ее сдерживает – она понять не могла. Так хотела этого, столько слез выплакала от безысходности женской, а вот настал час – и не может сказать «да». Она понимает, его предложение искренне, о романах с Алешей и Денисом он, конечно, знает, лукавит, справки все равно потихоньку наводил. В тридцать лет, да еще по второму разу, с разбегу не женятся.

– Давайте мы так договоримся: родителям скажем, что все решено, но свадьба в октябрьские праздники. Вы согласны?

Григорий улыбнулся и чуть приобнял ее за плечо:

– Я на все согласен, только прежде всего перейдем на «ты».

Ирина кивнула:

– За столом на брудершафт при родителях.

– Годится! – И Григорий включил скорость.

***

После планерки невропатолог Ольга Федоровна, терапевт Алиса Сергеевна и инфекционист Альберт Карпович остались в кабинете главного.

– До сегодняшнего дня мы еще считали, что это либо нервный зуд, либо что-то грибковое, но за ночь произошли такие перемены, что даже не по себе становится. – Ольга Федоровна со слезами сжала кулачки.

– Вы о той девочке, что привезли с подозрением на оспу?

– Никакой оспы, Ирина Николаевна, я сам возил материал в областную лабораторию, там мнения разные, но сходятся на двух основных диагнозах: экзема или рак кожи.

Ирина вернула к началу разговора:

– Что случилось сегодня ночью?

Алиса Сергеевна подняла глаза:

– Я дежурила, рано утром вошла в палату, подняла простынку... Все тело покрыто язвами, потом с коллегами при более тщательном осмотре обнаружили, что все язвы открыты. Девочка теряет плазму, две капельницы работают на восстановление.

– Альберт Карпович, что областники? Они готовы ее взять?

– Готовы сегодня же направить самолет, но девочка отказывается, ее мама сказала, что сегодня утром приедет брат, он моряк, служит на Тихом океане. Самолет вызвали на 12 часов, брат должен появится утром.

– Готовьте больную к транспортировке. Назначьте сопровождение, Ольга Федоровна, я бы просила...

Невропатолог согласно кивнула. Доктора вышли, и в кабинет, постучав в дверь, вошел молодой человек в форме военного моряка, снял бескозырку.

– Я родной брат Лидочки, той девочки...

Ирина встала:

– Я поняла. Через два часа будет самолет, мы отправляем ее в областную больницу.

– Доктор, я мужчина, я все приму, как надо. Она безнадежна?

Ирина смутилась:

– Как вас зовут? Федор? Понимаете, Федор, в советской медицине нет такого понятия, по крайней мере, в общении с родственниками. Случай крайне редкий, мы склонны считать, что все это нервного происхождения. Мама ничего не говорила о каких-то душевных девичьих проблемах сестры?

– Сейчас не до этого было, но в последнем письме что-то о ссоре Лиды со своим парнем, наш деревенский Митяй. Не думаю, что что-то серьезное, только Лида здорово переживала.

– И вы думаете, что отсюда все могло начаться? Побудьте минутку. – Ирина нажала кнопку: – Срочно ко мне Ольгу Федоровну!

Быстро объяснив коллеге возможный вариант возникновения болезни, Ирина Николаевна ждала ответа.

– Если причина действительно в этом, нужен резкий перелом в психическом состоянии больной, я даже не знаю, что это может быть.

– Я знаю. Мы на флоте салажат из транса так выводим. Меня к ней пустят?

Ирина кивнула.

– Только я бы просил, чтоб без свидетелей. Мне и без того будет нелегко соврать любимой сестре, но я смогу.

Он вошел в палату с охапкой полевых цветов и авоськой с яблоками. Девушка лежала без одежд под только что положенной простыней, еще белой, но уже промокшей в местах прикосновения к телу. Лида открыла глаза:

– Федя, я так тебя ждала!

Матрос широко улыбался, швырнул авоську с яблоками, положил цветы на верх подушки, чуть не на голову сестры, встал перед ей на колени:

– И чего ты расхворалась? Ты посмотри, погода какая! Конец лета, солнце палит, как на экваторе! А ты лежишь! Я сейчас заходил к докторам, спросил, как дела, говорят, все нормально, уже идет на поправку, только вот не ест ничего. А я тебе яблок привез, из нашего сада, медовые. Мне дали десять суток без дороги, давай, успевай, чтобы к отъезду дома была.

Сестра смотрела на него полными слез глазами:

– Правда, Федя? Так и сказали, что выздоровею?

– Конечно. Только кушать надо, кушать будешь – все болячки от тебя отвалятся. На яблоко, ешь! Я их утреней росой обмыл.

– Я буду есть, Федя, буду, потому что не могу уже тут лежать, этот зуд, эта боль. Но я стерплю, брат, и я выздоровею!

Федор встал с колен:

– Лидочка, мне в военкомат надо, ты тут одна побудь, и думай только о хорошем. Во, как мы на рыбалку ходили, и ты большую щуку поймала, вытащить не могла. Кто еще с нами был? Да Митяй и был! Как он? Вяжется к тебе?

Лида прожевала яблоко:

– Присосался тут к приезжей бухгалтерше, а мне сказали. Я его прижала к стенке, а он заявил, что жениться на ней собрался. А я ему говорю: «Дурак, Митяй, в армию уйдешь женатым, а вернешься холостяком, да еще и бросовцем». Он тогда и ударил меня. Я убежала, хотела под сараем удавиться, да веревку не нашла, а тут он: «Лида, прости, не обдумавши!». Я ему и треснула прямо по голове, тятины топорища тут лежали. И со мной плохо стало, голову обнесло, закричала я, мама выскочила, с этого все и началось.

– Все, забыли и помним только радостное. Я побежал.

Матрос вышел из палаты и свалился на руки медсестер. Его била крупная дрожь, поставили градусник – тридцать восемь.

– Принесите ей чего-нибудь горячего, я чуток отдохну и снова к ней.

– Сейчас самолет прилетит, вы же знаете.

Матрос ударил кулаком по коленке:

– Не надо бы ее увозить! Не надо! Она есть начала, она поверила мне, что выздоровеет. А у нас так: сказал – сделал. Скажите главному – не надо ее шевелить. Тут мама, тятя, друзья, вечером Митяя привезу, пусть решат свои любовные проблемы.

Ирина прибежала в отделение, Федора увели в ординаторскую, сделали укол. Она вошла в палату одна, Лида лежала на боку и ела горячий суп.

– Вкусно? – Ирина понимала, что надо помогать настрою девочки.

– Мама вкусней готовит, но я три дня ничего не ела, кажется, что вкусно.

– А чего бы та сейчас хотела поесть еще?

– Честно?

– Конечно!

– Брусники или клюквы. Не знаю, почему, но душа просит. А к ней прислушиваться надо.

– Еще какие просьбы?

– Капельницы бы убрать, уже руки устали.

– Сейчас решим, отменить может только тот доктор, который назначил. Сейчас сделаем.

Ирина вошла в ординаторскую, здесь собрались почти все врачи. Федор пошел подышать во двор. Она взяла телефон:

– Заготконтора? Здравствуйте, у вас брусника и клюква есть? Простите, я главврач районной больницы Дзюбина, наша больная просит этих ягод. Продайте хоть по двести грамм! Правда? Я сейчас отправлю к вам водителя. Спасибо!

Ягоды перебрали, промыли, унесли в палату. Медсестра вышла и вытерла глаза:

– Как она ест! Это надо видеть! Человек хочет жить. Молодец, братишка, вдохнул надежду.

Над больницей пролетел самолет. Ирина Николаевна отправила на аэродром машину, через пятнадцать минут два врача санавиации были в ее кабинете.

– Понимаете, коллеги, у нас появилась надежда, что больная лучше реабилитируется здесь, дома. Очень много факторов, не стану перечислять, но с девяти часов началось заметное улучшение. И оно продолжается. Но вас мы загрузим, два человека готовы к операциям на легких, вы их заберете. А девочку мы оставим.

Один из врачей, видимо, старший, мужчина лет под пятьдесят, улыбнулся:

– Ирина Николаевна, воля ваша, вам решать, но отметку в наших бумагах сделать необходимо. Надеюсь, вы меня правильно понимаете?

Ирина Николаевна расписалась и поставила печать. Через десять минут «скорая» с совсем другими больными попылила в сторону аэродрома.

Поздно вечером Ирина пришла в отделение, у палаты Лиды было тихо, Ольга Федоровна рассказала:

– После обеда матросик привез на мотоцикле друга Лиды, Митяя. У Митяя синяк под глазом и черным деревенским платком перевязана голова. Сначала в палату вошел брат, но Митяя предупредил, чтоб не вздумал бежать, о чем-то тихо говорил с сестрой, потом позвал Митяя. Простите Ирина Николаевна, поскольку это входит в нашу психотерапию, я решила послушать, о чем они будут говорить.

Митяй: «Здравствуй, Лида. Хорошо выглядишь!».

Лида: «Дурачок, насмотрелся американщины. Очень хорошо выгляжу, вся в коростах, и все из-за тебя, ирода. Связался с бухгалтершей, за чекушку купила, понятно, я же не буду по стакану наливать.

А еще болтанул, что женишься на ней. А про меня забыл? Ты какие мне слова говорил в яблоневом саду? Не помнишь? Так я напомню. «Никого никогда я так не буду любить, как тебя». Ну, дальше можно пропустить, все вы перед армией в великой любви и охоте. Я тебе что сказала: «Дождусь, свадьбу сыграем, вот тогда... А тебе невтерпеж, к бухгалтерше присосался».

Митяй: «Прости ты меня, Лидочка, за эту глупость, мне уж повестку пообещали на сентябрь месяц. Ты выздоравливай скорей, а то без тебя какие проводины?».

Лида: «Ладно, Митюша, все прощу, только и тропку к ней позабудь. Узнаю – тятька, поди уж, колун-то насадил, тогда не то что синяки – головенку твою дурную... Митюшка, как повестку вручат ты мне сообщи, я постараюсь».

– Вот такой лирический диалог с элементами угроз и клятвами в верности.

– Как она сейчас?

– Спит. Я буду в отделении, каждый час проверяю. Ирина Николаевна, боюсь сглазить, но на открытых участках тела язвы подсыхают. Я избегаю применять мази, капаем только общеукрепляющие препараты. Организм сам начал этот процесс, и вмешиваться я не вижу смысла.

Ирина кивнула и собралась уходить. На душе было тепло и радостно: еще один безнадежный больной возвращается к жизни. И основную роль сыграл суровый моряк с букетом цветов и авоськой яблок. Очень любопытный феномен, надо его записать.

***

Ирина быстро из машины прошла в калитку, чтобы никто из соседей не видел, что не одна она. Григорий задержался. Она стояла посреди ограды, помахивая рукой псу, он признал знакомую и сладко зевнул. На крыльцо выскочил Иван Сергеевич:

– Ирина, что ж ты стоишь, как не своя? Проходи. Он, может, еще полчаса под капотом просидит. Пошли.

Но Григорий уже стукнул калиткой, с отцом обнялись, мать Клавдия Петровна тоже выбежала со слезами. Ирине стало грустно: вот семья, вот родители, а что она? Чужие люди родными становятся, где-то должны быть тети и дяди, соответственно, братья и сестры, но никто из них после похорон мама не сказал: «Ирина, ты не сирота, дом мы продадим, деньги пришлем или сама приедешь». Не поехала и не прислали, ни единой весточки...

– Что ты притихла, Ириночка? – Клавдия Петровна заглянула в глаза. – Не смущайся, Гриша парень простой, только с виду суровый.

– Спасибо, Клавдия Петровна, просто что-то взгрустнулось.

Вмешался Иван Сергеевич:

– Эх, я бы вас развеселил, как в стары годы. Еще бы с крыльца крикнул: «Мать, вынимай с угла самую большую икону!». И хоть я партиец и вроде как атеист, но народный обычай такого порядка требует.

– Папка, мы для этого приехали.

– Ну-ка, растолкуй старому дураку, зачем холостой мужик бабочку к родителям ведет? Так, глазки построить? Чтобы завтра вся деревня в спину мне шуршала? Нет, ребята, пошли в дом, посидим рядком, посудим, может, к чему-то и придем.

Женщины пошли в избушку на ограде, хозяйка полезла в русскую печь, вынула огромную жаровню-гусятницу.

– Пока вся семья была за столом, ставлю жаровню на середину. Отец откроет, попринюхиватся для порядку, а гусь у меня напичкан всякой всячиной, там и вкус, и аромат. Давно уж не готовлю так, вдвоем, да и при наших годах все как-нибудь попроще. А нынче отец зауросил: «Надоела твоя преснятина, ты меня еще на овсянку посади!». Может, знал, что вы приедете?

Ирина засмеялась:

– Клавдия Петровна, мы и сами два часа назад не думали, что вместе приедем. Я собралась, знаю, что Иван Сергеевич недомогает, а тут Григорий Иванович подъехал, тоже собирается. Решили на одной машине.

Клавдия радостно кивнула:

– Ну, вот и славно, и хорошо. Давно надо было вместе, только Гриша все насмелиться не мог. Он, Ириночка, тебя очень стесняется. Он и в парнях-то не шибко ретивый был, с братцами не сравнишь.

Женщины засмеялись, Ирина обняла Клаву и шепнула на ухо:

– Вы недооцениваете вашего сына. Если бы вы слышали, как настойчиво он сегодня меня сватал!

– И что? – не удержалась мать.

– А это пусть он сам расскажет.

Пока женщины возились у печи в избушке, мужчины под навесом готовили стол. Копченые грудинка и окорок, судак слабосоленый, сырок вяленый, грузди и огурцы прямо из бочонков, Еремеев новшеств в виде стеклянных банок не признавал. Добыл из погреба бутыль самогона, по ходу комментировал, что ничего подобно этому в природе не существует. Ни одному самогонщику в голову не придет

дважды перегнать, да не на примитивном аппаратишке, а на самой настоящей перегонной установке, которой пользуются медики для добычи чистейшей воды. Эту штуку он не украл, не хапнул за казенные деньги, а получил в подарок от фронтового друга, который последние годы работал в соседнем районе завхозом в больнице. Сообщили, что друг дорогой при смерти, бросил все Иван и успел-таки захватить живого. А тот просит жену принести им с товарищем фронтовым, с каким вместе горели в танке четыре раза, и все благополучно, принести по стакану самогонки, а аппарат аккуратно в коробку сложить и другу в машину поставить. С тех пор друговым подарком пользуется и вспоминает.

За стол сели не как-нибудь, а в строгом порядке: родители рядышком, а молодежь по обе стороны, друг против друга. Хозяин налил всем по рюмке, свою поставил и поднял глаза на сына.

– Слушай, сынок, и ты, Ирина, слушай. У меня сегодня праздник души. Я последнюю коросту содрал с нее, многострадавшей, и рад видеть вас за родительским столом. Понимаю, что не так просто вы приехали, значит, есть чего сказать родителям. Все, что вы можете произнести вслух, душа моя слышит уже. Гриша, если бы ты знал, как мы с матерью полюбили Ирину. Бог не дал нам дочерей, но зато отблагодарил добрыми и умными снохами. Как только после того горя я стал себя ощущать, спал и видел Ирину своей снохой. И ей об этом говорил, но она гордая и достойная, она ничем не подтолкнула события. И тебе говорил, Гриша, и ты ни разу специально ей на глаза не лез. А вот так распорядилась жизнь, что оказались вы лицом к лицу и поняли смысл этого, что судьба. Дак давайте же поднимем эти стопки за новую семью Еремеевых. Дети мои, Гриша и Ириночка, если согласны с моей речью, то выпьем, а уж потом обсудим все остальное.

Григорий встал, встала и Ирина.

– Папка и мама, мы только что с Ириной об этом говорили. Ирина согласна быть моей женой. Мы с ней выпьем на брудершафт и перейдем на «ты».

Отец тоже встал:

– Гриша, вот ты умный парень, нахер нам этот ихний брудер-мудер! Поцелуйтесь при родителях, вот и вся процедура.

Григорий обошел стол, обнял смутившуюся Ирину и крепко поцеловал ее в губы.

– Вот и славно! – крякнул отец. – А теперь сядьте рядышком с той стороны стола, да выпьем и закусим, а то гусь как бы не упорхнул.

После первой рюмки помолчали, каждый о своем. Клава всплакнула, вспомнила первые дни семейной жизни, когда накормить не могла наголовавшегося жениха-тракториста, в горячей бане едва оттерла с лица и с рук въевшуюся с весны гарь и копоть. Только потом Иван подал голос: «Клавка, ты спину и не помысли отмыть, я тебе днем покажу, там с войны все горелое осталось, не старайся». Ивану вспомнилась свадьба старшего сына, с баяном, с тройками, как сор мели, как блины выкупали – все шутейно, с радостью, со счастьем. Ирина украдкой поглядывала на Григория, наверное, в эти минуты он вспоминает Соню, вот так же, наверное, привез ее в родительский дом, как она смущалась, как весело, всем селом отмечали свадьбу. «Теперь на ее месте сижу я», – думала Ирина. – «Наверное, он сравнивает, наверное, сравнение не в мою пользу. Смогу ли я заменить ее в его сердце?!». Странно, но Ирина не испытывала ревности к Соне и поняла, что это хорошо.

Иван Сергеевич постучал по столу:

– Радоваться надо, а мы в думку впали. Оно, верно, каждый думал толковое, потому на пользу, а теперь давайте по второй.

Ирина остановила его:

– Нам еще домой ехать, а Гриша за рулем. Вы бы спели старую добрую песню, дорогие наши родители.

– А что? – оживился Иван Сергеевич. – И споем. Давай, мать.

Клавдия Петровна поправила платок и завела приятным бархатистым тенором:

«Колосилась в поле рожь густая, осыпались усики овса...», а тут уже густым простоватым голосом подхватил муж: «Где-то за деревнею далекой девичьи звенели голоса».

«Там работал Коля трактористом, с девушкой Марусей он гулял, часто он в любви ей объяснялся, а потом жениться обещал».

«Не хватило у Коли бензина, он поехал в город получать. Не успел он с гороньки спуститься, немцы показались впереди».

«Карасин у Васи отобрали, и бензином Васю облили, загорелось тело, а потом документы сожгли».

«Так она ждала и не дождалась, девушка далекого села. Полоса нежатая стояла, тракториста Колю все ждала».

Грустная песня. Григорий с любовью смотрел на родителей, Ирина украдкой смахнула слезу.

Иван Сергеич кашлянул:

– Мы на фронте, конечно, песен не слыхали, ладно, если на от-

дыхе попадет парнишка с гармошкой. Вот никогда себе не прощу, что не выучился на гармошке играть. Первый парень по всему фронту – гармонист. Как-то по радио слышал, передавали про одного такого, фамилия деревенская, простая, но орел! И часы деду отремонтировал, и про вошь не утаил, так и сказал деликатно: «Есть, но только частично!». Видал, как извернулся? До войны разу не видел, чтобы трезвые мужики в пляс пускались, а ведь плясали, и я вприсядку так завихаривал, что чуть сапоги не спрыгивали. А песни...Когда второй раз погорели, лежал я в госпитале, в городе, лето, кормят, смазку каждый день меняют. И приходят к нам девчонки, лет по десять. Цветочки каждому поднесли, мне что, я холостой, а семейные мужики, у кого дети, да тем паче – девчонки – ревмя ревели. И спели те девочки про синий платочек. Что тут началось! Начальника госпиталя вызвали, друг у дружки бумагу рвут: все на фронт! Разбередили девчонки солдатские души, каждый думал: «Я вот тут лежу, требуху набиваю, а ребята там за каждый метр жизни кладут!». И что? Собрали на второй день комиссию, кто более или менее подходил – выписали. А еще, помню, утром у нас атака, с вечера подремали, а потом хоть веки сшивай – нету сна. Каждый о своем молчит, о доме в основном, о семье. Я слышу: в глубине окопа кто-то мурлычет, прислушался, а это наш наводчик, таджик, по-русски совсем не понимал, но стрелял как бог! Это он поет. Грустная такая песня, протяжная, а за душу берет. Стали ребята подтягиваться. А он не видит, глаза закрыты, будто плачет о ком. Длинная песня. Потом спрашиваем: «Одилжон, про что твоя песня?». «Про маму, про кишлак, про арык и миндаль». До сих пор не могу забыть. Убили его в том бою.

Долго молчали. Григорий поднял рюмку:

– Папка, хоть у нас и повод другой, но, коль о войне заговорили, давайте за тех, кто погиб, за всех, кто воевал.

– А вот теперь у меня к тебе вопрос, товарищ ученый. Тут увидел в численнике: бог Марс одновременно был богом полей и урожая, но одновременно и богом войны. Это как? Одной рукой создавать блага на земле, а другой губить все копьем и мечом?

Григорий засмеялся:

– Папа, это древность, Рим и Греция, и, кажется, не одновременно он исполнял обе божественные обязанности. А если глубже копнуть, то и в нашей православной вере не все столь однозначно.

Отец перебил:

– С верой мы наломали полешек ни на одну зиму. Я, конечно,

крещеный, в то время порядок был, а дети мои нехристи, да и сам я – то на Христа, то на Генсека поглядываю. Вот ты учился в партийной школе при Кремле, скажи, вернется Русь к вере?

Григорий выслушал очень серьезно и ответил не сразу:

– Умные люди считают, что вернется. Как и через что – никто не знает, а кто знает, про то не скажет. И не столь скоро, чтобы нам с Ириной удалось легально обвенчаться.

Иван Сергеевич встал:

– На посошок выпить не предлагаю, хватит. Мать, собери ты этим холостякам чего путнего покушать, а то ведь и до свадьбы не дотянут. Стоп! А что же мы упустили? И я тоже хорош, философ хренов. Так что со свадьбой?

Ирина обняла родителей, поцеловала в щеки.

– Так решили: сдаем все шесть объектов на больнице, чтобы освободиться от больших забот, тогда и свадьба. Гриша согласен.

– А жить-то надо бы вместе, – шепнул невестке на ухо свекор. – Ну, не дело, если секретарь райкома будет к главному врачу через плетень лазить. А начальству так и скажите: живем, а свадьба в октябрьские праздники. Ты Гришу-то шевели, он сам не насмелится так предложить, это он по работе суровый.

Когда выехали на большак, Григорий спросил:

– О чем это вы с отцом загадочно шептались?

– Сказать?

– Скажи.

– Велел тебя прямо домой вести, хватит, говорит, ему в холостяках болтаться. Как ты на это смотришь?

Григорий смущенно засмеялся:

– Хорошо смотрю, Ириночка. Но в райком забегу, пару костюмов придется украдкой вынести, а то завтра на работу не в чем будет идти.

Ирина попросила довезти ее до больницы. Прошла по отделениям, кивнула дежурным сменам, из терапии прибежали девчонки:

– Ирина Николаевна, мы же Лидочку выписываем, а она никак не хочет уезжать, не попрощавшись с вами.

Ирина вошла в коридор, навстречу ей шагнула высокая стройная девушка в голубом платье горошком. Ирина чуть не вскрикнула: такое сшила она себе на выпускной школьный бал.

– Лидочка, да тебя и не узнать, ты такая красивая, такая нарядная.

– Ирина Николаевна, можно, я вас поцелую. Доктор сказал, что моя болезнь не заразная.

Они обнялись и прижались влажными щеками.

– Нет у тебя никакой болезни. А благодарить больше других ты должна своего брата Федора.

– Он три дня назад уехал, срок кончился. Я никогда вас всех не забуду.

Старшая сестра поддакнула:

– Митюню своего держи покруче, его в армию, а сама в новый роддом. Вот и будем видеться.

Веселой кампанией проводили девчонку, которую еще три недели назад уже совсем не чаяли видеть здоровой.

***

Хевролин вернулся из области расстроенный. Два плановых объекта приняли без разговоров, а вот четыре незаконных вызвали вопросы зампреда облиисполкома Сысоева.

– Я тебе прямо скажу, Николай Петрович, обнаглели и распоясались. Ну, есть же постановление Москвы, и не просто так, а чтобы средства разумно использовать. Да за эти четыре общежития с меня голову снимут. Кто поверит, что в деревне строят по четыре общаги в год?

– Ладно, Дмитрий Спиридонович, не хочешь помочь, научи, что можно сделать?

– Ученого учить – только портить. Кто, кроме председателя, рискнет? Каждый за свою голову на плечах переживает. Пойдешь?

Хевролин собрал со стола бумаги:

– Пойду, куда деваться? В лоб не ударит.

Сысоев засмеялся:

– Этот ударит. Не в прямом, конечно, смысле, но у нас уже один председатель райисполкома домой на автобусе уезжал. Иди.

– Пойду. У меня выбора нет. Уеду на автобусе, другой придет, объекты финансировать надо, хозяйства такие деньги в них ввалили, да и монтаж оборудования надо вести, Семовских уже мебель отгружает.

Сысоев хихикнул:

– Хитрющий жук этот Семовских, кого хочешь убедит. Может, лучше ему сходить? Он у председателя в авторитете.

Из кабинета своего куратора позвонил Семовских, в трех словах изложил суть.

– Я понял тебя, Николай, ты правильно сделал. У меня сегодня в 13 часов встреча с Аристархом Генриховичем. Привози бумаги, решим.

Еще несколько часов промучился Хевролин в коридорах власти. Наконец, вышел Семовских:

– Полный отказ, да еще и выволочку получил за содействие. Теперь у нас с тобой только один спаситель – первый секретарь обкома. К нему ты, конечно, не ходи, но уборка к концу, должен он в район заехать, вот тут ты его и накроешь.

Мужчины пожали друг другу руки и разошлись.

Вечером Хевролин позвонил своему первому:

– Семен Макарович, дело плохо, в облисполкоме отказались подписать документы на больничные объекты. По моей просьбе к Валунову ходил сам Семовских – бесполезно, еще и попало старику за наши грехи. Вся надежда на первого, но это уже по вашей части.

– Николай Петрович, на меня не рассчитывай. Еремеев на учебе, я лежу с давлением, сама Дзюбина приезжала со «скорой», жене наказала строго-настрого, иначе, говорит, упрячу в стационар. Это я тебе к тому рассказываю, что завтра проездом у нас будет первый вместе с Валуновым. Мне сосед позвонил, они у него ночуют. Будешь их встречать на границе, обед у нас, я уже распорядился, вот тут и заводи разговор.

– Понял. – Хевролин вытер вспотевший лоб. Не любил он крутиться около высокого начальства, если можно было – избегал. Да и то подумать: пользы никакой, а нахлобучку можно шутя получить, как в прошлый раз: не понравилась Валунову березовая аллея вдоль большака, рядов в пять растут красавицы, старые падают, новые поднимаются. И покажись ему вдруг, что, если эти березы выпилить, столько пахотной земли добавится. Он так и сказал: «Сколько булок доброго хлеба для рабочего класса тут можно вырастить!». А то, что красота это, что березки посажены в первый год коллективизации, молодняк копали в лесу, воду для полива в бочках возили, всей деревней с песнями тут работали. А Хевролин оказался рядом, вот ему и поручено было эту аллею свести и доложить. Конечно, Николай Петрович ничего делать не стал, попросил директора школы вывести ребят на расчистку, а колхозу поставить в кюветы тракторные тележки, чтобы мусор ребятне ловчей было закидывать, и через три дня аллея принарядилась. Зря рассчитывал он, что Валунов забудет, неделя прошла – звонок:

– Ты мое распоряжение выполнил?

– Какое? – вроде бы не понял Хевролин.

– По увеличению посевной площади за счет березового мусора у большака?

– Площади мы увеличим, уже нашли резерв, а аллею трогать не будем, она именная.

– Не понял, какая именная?

– Имени первого колхоза этой деревни, имени Коминтерна. Как ее сносить?

Трубка помолчала:

– Хевролин, я проверю, если ты насчет политики наплел, будешь сам пилить в должности лесничего.

Николай улыбнулся воспоминаниям. Да, народ недаром говорит, что на хитрую штуку всегда найдется болт с резьбой. Он тогда позвонил редактору и попросил организовать еще один выезд школьников на аллею, да с лозунгом, что свято храним... и так далее. А фотокарточку красиво описать и отправить в областную газету. Валунов больше на эту тему не говорил, может, и в самом деле архивы велел поднять

Областное руководство всегда встречали у пограничной арки, соседи сдавали с рук на руки. И в этот раз Валунов поздоровался с Хевролиным, не выходя из машины, да еще пошутил:

– Ты со вчерашнего дня главный руководитель на районе?

– Алтуфьев приболел, я в курсе, – вмешался первый. – Что, Николай Петрович, погода нынче для самых ленивых, и те убрали хлеб и зябь добивают. Так что проблем особых нет? Куда поведешь?

– Поедем в райцентр, Сергей Евлампиевич, а там посмотрим.

Он еще до отъезда предупредил главного врача, чтобы была на месте, теперь, воспользовавшись минуткой, пока руководство давало соседям последние указания, спросил обкомовского водителя:

– Ты нашу больницу знаешь? Вот сразу туда и поезжай.

Хевролину было велено сесть на заднее сиденье вместе с Валуновым. Когда подъехали к строительству, первый даже приподнялся на сиденье:

– Ты куда меня привез? Это что за строительство?

– Больница, Сергей Евлампиевич, строим одновременно шесть корпусов, по замыслу все это станет больничным городком. Вон там пруд, тут будет парк. Строим всем районом, каждое хозяйство несет, что может. Другого выхода нет. Человеку не только родиться негде, он и помереть-то по-людски не может, негде, все старье валится.

Первый открыл дверку:

– Пойдем, посмотрим, что за городок? Ты сам все расскажешь или гида подготовил?

Хевролин оживился:

– Этот гид всегда у нас на месте. Главный врач Ирина Николаевна, просто молодец, это ее идея. Сейчас подойдет.

По знаку Николая Петровича Ирина вышла навстречу гостям, громко поздоровалась.

– Рассказывай, товарищ главврач, как вы смогли провернуть такую аферу, – улыбнулся первый.

– Извините, это не афера, а реальный проект. И он наполовину уже исполнен. Вот эти два здания мы строили по линии УКСа облисполкома, а четыре силами хозяйств. Сейчас надо их комплектовать оборудованием и мебелью, но дело остановилось из-за каких-то бумаг.

– А вот мы сейчас узнаем, из-за каких бумаг и кто виноват.

Валунов отреагировал быстро:

– Сергей Евлампиевич, мне другие районы всю плешь проели: почему Поречью все можно? Что бы ни задумали – все им прощается. Такую стройку закатили! В иных районах положение еще хуже, им бы надо помочь.

– Но мы же всем даем средства?

– Даем.

– И что? Не осваивают. Потому что ленятся, ждут фонды, сами ни кубометра леса не заготовят. Ты хоть кого-нибудь из таких наказал своей властью? Вот видишь, кто ничего не делает, мы их не трогаем, а кто проявляет инициативу, тех наказываем. Почему мы себя так ведем? Я считаю, что в корне неверно, как, Ирина Николаевна?

– Правильно, Сергей Евлампиевич!

– Вот видишь, Аристарх, что люди говорят. Подпиши им все, что нужно, и планы строительства на следующий год лично проверь. Поехали, мы и так изрядно задержались. Николай Петрович, ты нам больше не нужен. По пути где-нибудь пообедаем.

Валунов, проходя мимо, нехотя протянул руку:

– Ну и настырный ты человек, Хевролин. Моли богу, что первый поддержал, а то бы я тебя проучил.

– Не сердитесь, Аристарх Генрихович, дело-то общее. Я завтра утром с бумагами к вам подъеду.

Валунов молча хлопнул дверцей. Хевролин не слышал, как первый круто сказал председателю облисполкома:

– Не думал, что ты не сориентируешься в такой простой ситуации. По третьему кварталу ожидается неосвоение на строительстве по селу почти на полтора миллиона. Они же тебе план вытянут, в передовики выведут. Пересмотри, так ошибаться непозволительно.

«Уазик», взметнув пыль, выскочил на узкую сельскую улочку.

***

Торжественное открытие терапевтического корпуса, последнего в череде новых зданий, провели празднично, другие корпуса заселялись как-то просто, без особых торжеств. А тут привезли с территории коммунального хозяйства большую «правительственную» трибуну, с которой демонстрантов в Октябрьскую и в Первомай приветствовало руководство района. На площадке собрались строители, больные, руководители хозяйств. Митинг открыл Николай Петрович Хевролин:

– Товарищи! Сегодня у нас большой праздник, мы сдаем в эксплуатацию терапевтический корпус нашего больничного городка, последний многострадальный объект. Давайте вспомним, что еще три года назад здесь был пустырь и болото, теперь пруд, рыбхоз пообещал запустить туда разной рыбы, ну, как говорится, каждой твари по паре. Лебедей бы надо. А в рощу, которая по плану будет вокруг пруда и вокруг всего больничного городка, надо заманить соловья. У моего соседа охотоведа Тимошкова живет соловей, по утрам спать не дает, по акту передадим его больнице.

– Так соловей у Тимошкова в клетке! – крикнул кто-то.

– Ничего, пересадим в естественные природные условия. Так, товарищи! От имени руководства района выражаю благодарность руководителям совхозов и колхозов, организаций и предприятий, которые принимали активное участие в строительстве нашего общего городка. Конечно, особая благодарность главному врачу, инициатору все этой эпу... эпе... Короче говоря, все этой замечательной авантюры, Ирине Николаевне Дзюбиной. Товарищи, только что получено сообщение, что по представлению районных руководящих органов за большую работу по развитию здравоохранения товарищ Дзюбина награждена орденом Трудового Красного Знамени и званием «Отличник здравоохранения РСФСР». Поздравляем вас, Ирина Николаевна!

Кто-то подтолкнул ее к микрофону, она не видела площадь, людей, слезы катились из глаз, она едва нашла платок:

– Я сегодня самый счастливый человек. Завершена в основном стройка, спасибо всем, райкому партии, райисполкому, Николаю Петровичу Хевролину, Юрию Николаевичу Семовских, всем рабочим и специалистам. Спасибо родному коллективу за понимание и поддержку. Орден и звание – это так неожиданно, мне надо будет много работать, чтобы оправдать это доверие.

Первый пеший переход терапевтических больных в новое здание

вышла смотреть вся больница. Впереди шел заведующий отделением Подкурков с живым ужом, пившим теплое молоко из большой чаши, следом на платформе пронесли стоящего в позе чемпиона области по штанге Николая Кучнерова в спортивной майке, олицетворяющего здоровье, тут же у крыльца сожгли чучело болезни под дружные крики больных и здоровых.

Праздник закончился. Иван Сергеевич Еремеев, обойдя уже обустраиваемые корпуса, полюбовавшись на мебель, на оборудование новой кухни, спросил Ирину:

– Сколько человек единовременно может принять больница, в новом варианте?

Ирина ответила сразу, ведь все давно подсчитано:

– До двухсот, но, если потребуется, можем и двести пятьдесят.

– Это хорошо, – кивнул Еремеев. – Да в участковых коек сто, да?

– Да, около сотни. Иван Сергеевич, это вы к чему подсчет ведете?

Еремеев улыбнулся:

– Понимаешь, какая штука. Попросил я свой профсоюз, и он мне выдал такую информацию: половина всех больничных листов по причине простудных заболеваний. Нет, это я понимаю, что наша недоработка, не везде условия труда соответствуют. Я о твоей части этого вопроса. Вот закашляла доярка на отделении, там фельдшер, тут же ей направление в участковую на прогревание и прочие ингаляции. На чем ей добираться? Ну, туда машины утром идут, уедет, а обратно? Пешком на семи ветрах? И на кой хрен ей это прогревание, прости за грубость.

Ирина внимательно слушала, она уже уловила основную мысль разговора, но не хотела перехватывать инициативу уважаемого человека.

– Вот я и подумал: копейки стоят эти побрякушки с проводами, сам ходил, видел. А если их закупить, да на каждый медпункт поставить? Сколько мы времени сэкономим?

Ирина подхватила:

– Иван Сергеевич, а если прямо на ферме, в ремонтной мастерской с гаражом установить? Найдем место?

Еремеев словно ждал этого вопроса:

– Ирочка, дорогая, да ты только скажи, я за полмесяца на каждой ферме и МТМ брусовые теремочки соберу, в назначенный час придет фельдшер, бабенки и мужики соберутся, покашляют, почихают. Так ведь дома, никуда бежать не надо. Подлечилась, и опять к коровам. А?

Ирина обняла Ивана Сергеевича, чем даже немного смутила:

– Дорогой вы мой советник! Идея просто замечательная. Вы на-

чинайте теремочки, а я свяжусь со своими, чтобы подготовили партию аппаратов для процедурного кабинета. Спасибо вам за хорошую идею, Иван Сергеевич!

Тот кашлянул и улыбнулся:

– Ты врач, психологию мужика должна знать, его хвалить нельзя, иначе он горы своротит. Вот и я таков. Бывало, в трактористах привезет председатель почетную грамоту и четвертную из кармана достает. Двадцать пять рублей тогда большими деньгами были. А ты и рад до ушей. Ты приезжай в гости, я тебе покажу первую свою премию, у меня эта четвертная вместе с партбилетом и кудряшками ребятишек, на первом году наголо стригли. Похвалила, так я тебе еще одну мысль подскажу. Откажись от тепла коммунальщиков, они тебе в первые же морозы весь праздник новоселья обгадят, заморозят к чертовой бабушке всех больных и докторов тоже. Тем более, что стены не особо просохли, могут и промерзать, а это хуже всего, плесень, сырость, вонь, прости господи.

– А что, что сделать-то можно?

– Свою котельную поставь, время еще есть, да не на угле, ты с кочегарами горя хватишь, это такой народец... На солярке надо или на мазуте. Ты как-то хвалилась, что у Муравленки была. У него, я думаю, этого добра полно, он тебе, если поулыбашься, да еще в гости пригласишь, вмиг смонтирует, у них, я слышал, есть блочные, модули их называют, все оборудование в комплекте, а стены из панелей собирают. Только ты сразу по топливу с ним же реши, в районе таких фондов нет. От такой котельной жарища будет, форточки открывай. Поняла? Только ехать надо срочно, время уходит.

Ирина прикинула кубатуру всех отапливаемых помещений, определилась, где будет установлена котельная, вычислила расстояния между котельной и последним объектом – гаражом и столяркой. С этими данными в руках она позвонила в приемную Муравленко:

– Здравствуйте, это главный врач Пореченской районной больницы Дзюбина Ирина Николаевна.

– Здравствуйте. Слушаю вас.

– Мне нужно на прием к Виктору Ивановичу. Он сам приглашал при необходимости обращаться.

– Девушка, Виктор Иванович в Москве, но он сегодня еще позвонит, я передам, что вы обратились.

Ирина сникла:

– А когда он вернется?

– Только в понедельник. У вас что-то срочное?

Ирина обрадовалась:

– Девушка, очень срочное. Мне нужна модульная котельная на мазуте и фонды самого мазута на отопительный сезон. Можете записать кубатуру зданий и желательную мощность котла.

Ирина четко назвала цифры и попросила их повторить, чтобы не ошибиться. Секретарь повторила и спросила:

– Так вы врач или инженер?

Ирина усмехнулась:

– Сейчас все вместе, больничный городок строим. Когда мне перезвонить?

– Оставьте ваш телефон, мы вас вызовем.

Весь остаток дня не выходила из кабинета: вдруг будет звонок. Уселась в кресле, завернулась в плед и задремала. Междугородний звонок всегда резкий. Ирина схватила трубку:

– Да, слушаю вас.

– Ирина Николаевна? Здравствуйте, Муравленко. Мне только что сообщили, что вы звонили. Какие проблемы, кроме тех, что мне передали помощники? Выкладывайте.

– Ой, Виктор Иванович, извините, что даже в столице вам покоя не даю.

– Говорите, у меня короткий перерыв на заседании Политбюро.

– Мне нужна блочная или модульная котельная и фонды на мазут.

– Это я знаю. Что еще?

– Трубы изолированные, утепленные для теплотрассы, тысяча метров. Все.

– Как у вас дела со стройкой?

– Виктор Иванович, спасибо, на подходе все корпуса, как только с теплом вопрос решим, отпразднуем новоселье.

– Меня пригласите?

– Конечно, Виктор Иванович!

– Так, слушайте внимательно. Все оборудование и модуль вам отгрузят завтра, к вечеру готовьте пару кранов, одним вам не поднять. Трубы чуть позже, приеду и дам команду. А вы молодец, будь вы инженером, непременно взял бы на работу. Хотя, Ирина Николаевна, мы строим больницу для северян в областном центре, главным врачом пойдете?

– Ой, Виктор Иванович, спасибо, а район я на кого оставлю?

– Молодец! Родиной надо дорожить, большой и маленькой. До свидания, желаю успехов.

И трубка жалобно запищала.

Ирина закрыла лицо руками: господи, как все хорошо складывается! И улыбнулась: хороший повод позвонить Грише. Набрала номер. Как всегда, он ответил тихо и спокойно:

– Еремеев.

– Здравствуйте, товарищ Еремеев, Дзюбина. Докладываю, что нам везут модульную котельную на жидком топливе, и я прошу вас помочь поставить на площадку два крана, одним не поднять.

Григорий помолчал, видимо, осмысливая сказанное:

– Я не все понял, Ирина: котельная откуда?

– Муравленко выделил, и уже грузят. А еще фонды на мазут на весь сезон и километр гидрофобных труб.

– Хорошо, что ты вовремя позвонили. У нас сегодня работает на монтаже перекрытий в Сельхозтехнике мощный японский кран из Ишима. Я задержу его до завтра. За новость спасибо, молодец.

***

Как быстро движется день и как неощутимо скользят годы, и каждое время имеет свою окраску. Деревенское неуютное детство красило время в серые цвета, студенческая юность вспыхивала розовым и голубым, почему-то напоминая первые в ее жизни воздушные шары. Потом появился Эдик, жизнь загорелась яркими красками ослепительно освещенных ресторанов, играми фар летящих навстречу им машин, и она, деревенская девчонка, которую уже научили сметливые подружки не прятать красивые ножки под длинными юбками и не зашторивать нахально выпирающие груди маминими постиранными кофтами, быстро входила в новую жизнь, о существовании которой когда-то даже не подозревала. За неделю вечерней работы на переборке овощей и фруктов в складе огромной базы, провонявшей запахом неухоженного домашнего погреба, девчонки скинулись и купили Ирке приличный костюм с кофточкой, пиджаком и юбкой, а сама она взяла давно примеченные туфли. И на тот студенческий вечер явился Эдик с товарищами.

Конечно, Ира выделялась в толпе не очень озабоченных нарядами девчонок, и Эдик сразу пригласил ее на танец. Это было медленное бразильское танго, Эдик умело прижимал к себе девушку, пытаясь заглянуть ей в глаза. Ирина сгорала от стыда: она чувствовала в глубоком вырезе блузки его жаркое дыхание, а поток воздуха по полу непривычно холодил голые коленки. Когда окончился танец, Эдик

взял ее за руку и потянул к группе своих парней, Ирина остановилась, пытаясь освободить руку, и сказала, что после танца девушку надо вернуть на то место, с которого пригласил. Эдик громко засмеялся, вообще он вел себя очень свободно, как бы это была вечеринка у него на квартире. Но к девчонкам, с открытыми ртами ожидавшими ее, все-таки подвел, галантно поклонился, поблагодарил за танец и через весь зал бесцеремонно прошел к своим.

Девчонки сходили с ума. За время танца они успели навести справки, и теперь вся группа знала, что Эдик – сын большого городского начальника, учится в университете, что за ним шлейф обманутых девчонок, потому решили, что Ирку лучше пока спрятать, а то этот прохиндей в первый же вечер ее уведет. Конечно, она помнит, как взволнованно и убедительно просили подружки убежать в общежитие, чтобы скрыться от этого опасного кавалера, но Ира уже оглядывала зал и искала его. Он подошел сам, вежливо пригласил и они танцевали не то шейк, не то твист, и в какие-то моменты он обхватывал ее, лихо крутил и даже пытался перевернуть через голову, и спасло ее только знание кульминационных моментов столь эмоционального и чуть вульгарного танца. После этого она согласилась, что лучше скрыться, и они с Катей Голубевой незаметно ушли в общагу.

На другой день случилось невероятное: он стоял на широком институтском крыльце с огромным букетом роз, хотя был ноябрь, и все цветочные ларьки давно закрыты. Увидел ее, поклонился и преподнес цветы. Деликатные подружки обходили пару стороной, и через минуту они остались одни. Он говорил, что вчера искал ее весь вечер, а сегодня решил перехватить здесь. Спросил, почему она так неожиданно скрылась, заранее просил прощения, если что-то сделал не так. Сказал, что он на машине, и предложил покататься. Ира согласилась, кинула портфель на заднее сиденье «Волги» и удобно уселась впереди. Он видел ее смущение и успокоил, что просто поездят по городу, потому что вечерний Омск очень красив. Она никогда не видела город из салона шикарного автомобиля, она вообще еще не знала города, кроме театра, библиотеки и овощной базы. Он не пытался остановиться, не искал укромных уголков, даже не искал ее руки. Через пару часов Эдик заглушил машину около ресторана, но Ирина категорически отказалась идти, сославшись на свой явно нереспектабельный вид. Он согласился, по попросил пообещать, что в ближайший выходной они непременно сходят в ресторан. Ирина не сказала, что ни разу не была в таком заведении, полагая, что он и без

того догадывался, ведь за этот вечер она рассказала ему всю свою жизнь. Он тоже сказал, что учится, что его отец председатель горисполкома и машина это его, он позволяет сыну пару раз в неделю покататься по городу.

Остановились у общежития, наскоро перекусив в какой-то кафешке, Эдик купил печенье, яблоки, большой кулек конфет, несколько плиток шоколада и, подмигнув буфетчице, показал два пальца, шепнул: «Слоник». В приготовленную под закупки коробку упали две пачки индийского чая. Ирина ждала и боялась, что сейчас, заглушив машину, Эдик полезет целоваться, осторожно взялась за ручку и облегченно вздохнула: «Не полез, значит, врут про него, что он такой развратный. Он красивый и обходительный». Он остановил ее: «Ира!». Она обернулась, Эдик улыбнулся и сказал, что очень надеется на встречу в субботу вечером, когда пойдут в ресторан, она тоже улыбнулась и ответила, что ей не хочется в ресторан, все неприглядные истории начинаются с ресторана. Он засмеялся и удивился, откуда скромная деревенская девушка может знать такие глупости. Ира ответила, что все девчонки в общежитии об этом говорят: если парень тащит в ресторан, значит, хочет подпоить, ну и все такое. Эдик не стал продолжать тему, махнул рукой: не пойдем в ресторан, обойдемся. Ирина облегченно вздохнула и открыла дверь. Эдик до самой проходной нес коробку. Ее содержимое в тот же вечер уничтожили всей секцией.

Встречались каждую неделю раза по два, а то и по три, целовались, чаще всего в машине, девчонки, выслушав пару похожих рассказов, перестали интересоваться: поцелуи везде одинаковы, что в холле общаги, что пустой аудитории. Ну, подумаешь, машина... В Новый год Эдик пригласил Ирину домой, сказал, что познакомит с родителями. Девчонки, отложив свои дела, занимались прической и нарядом Ирки. Никто не говорил, но все предполагали, что сегодня Эдик познакомит с родителями, а там, глядишь, и свадьба. Ирина не помнит, думала ли она об этом, но помнит состояние восторга и предчувствие больших перемен в жизни.

Эдик подъехал за ней на машине, девчонкам подарил две бутылки шампанского, не разрешил Ирине надевать пальто, чтобы не мять роскошное платье, быстро добежали с крыльца до машины, в которой было даже жарко. В большой квартире много молодежи, Ирину встретили без особых восторгов, выключили музыку и стали садиться за стол. Эдик усадил Ирину рядом, она осторожно оглядывала гостей, оборачивалась на закрытые двери еще двух или трех комнат,

Эдик все понял и шепнул ей на ушко, что родичи уехали к друзьям, и знакомство состоится в следующий раз. Ира не придала этому значения. Как и тому, что Эдик вообще никому ее не представил, хотя несколько девушек и парней, сидящих по соседству, после тостов тянулись с бокалами: «Давайте чокнемся, Ира!». Это потом она поймет, видимо, Эдик предупредил, что будет новая девушка, зовут Ирина и что особого значения этому придавать не следует.

Речь Генсека слушали стоя и молча, как молитву, потом дружно кричали «Ура!», пили и говорили бесцеремонно. Ирина оставалась почти одна, Эдик бегал давать распоряжения прислуге, так она поняла роль двух молодых девушек, послушных и молчаливых, два раза приглашал на танец, однажды оставил на кругу, потому что срочно позвали к телефону. Часа в два гости стали расходиться, две пары ушли в комнаты, официантки стали убирать со стола. Ирина хотела им помочь, но Эдик засмеялся и увел ее в свою комнату. Ирина до сих пор слышит этот полуленивый, полунебрежный голос, что увезти ее он не может, потому что выпил, а пьяному за руль садиться нельзя, транспорт какой-то, возможно, и ходит, но ты без пальто, замерзнешь и простудишься, вызвать такси я не могу, потому что телефон испортился. «Милая Ирочка, ночуешь у меня, а завтра я увезу тебя в общагу». Он целовал ее, тискал груди, Ирина помнит свое состояние: «Да пропади все пропадом! Не этот, так другой непременно обманет, заманит, а жениться откажется». Она приняла сверток с махровой простыней и голубым халатом с этикеткой, постояла под душем и вошла в его комнату, когда он уже сушил феном волосы. «Господи, в этой квартире две ванных комнаты, а у нас на этаже одна» – промелькнула глупая мысль. Эдик был свеж, почистил зубы, причесал волосы. Он мягко ее обнял, поднял на руки и положил на кровать.

Рано утром она оделась и разбудила Эдика, который возмутился, что еще только семь часов. Она потребовала увезти ее в общежитие. Она не спала совсем после столкновения в ванной с девушкой из соседней комнаты, которая выходила, даже не прикрывшись полотенцем, и спросила мимоходом, как ей понравился Эдик. Вся пошлость ее положения открылась мгновенно, хотя весь вечер она была на подходе к этому открытию, просто не хотела его, отодвигала. Надеялась, что мыслит не в том направлении. Ведь были розы, были рестораны, вполне невинные поцелуи, подарки. Неужели так может быть?

Потом она узнает, что Эдик не очень страдал в эти дни. Розы и рестораны ему ничего не стоили, мама щедро пополняла его бумаж-

ник, а девушки его круга всегда были готовы запрыгнуть в салон «Волги». Вдруг вспомнилось самое важное и самое главное, чего не было между розами и шоколадом: он ни разу не сказал, что любит ее. Про красоту говорил, что только в деревне могут вырасти такие чистые и свежие девушки, что она ему очень нравится. Видимо, та, что выходила из ванной, тоже когда-то ему нравилась.

Он несколько раз приезжал, поджидал, пытался что-то говорить, но она молча уходила, даже не посмотрев в его сторону. Однажды он не выдержал, нахамил, обозвал деревенщиной, засмеявшись, сказал, что их ночь она будет помнить всю жизнь. Весь вечер она проплакала, потом замкнулась, увлеклась учебой, устроилась ночной медсестрой в ветеранский госпиталь и жила до встречи с Викентием Самсоновичем Усманским.

Усманский был очень хорошим хирургом и специализировался на органах брюшной полости. Лекции его были скучны, но интересны, если студент хотел что-то знать. Когда человеку под пятьдесят, можно представить, насколько надоело ему из года в год рассказывать студентам о великом значении печени в организме человека, о ее уникальных способностях, так до конца и не известных ученым, хотя в целом ряде стран уже научились пересаживать здоровую печень умирающего человека больному, и эти люди живут полноценной жизнью. Еще сложнее ему было на практических занятиях, когда многие студенты отказывались резать замызганный в растворах орган умершего человека. Его это бесило, и он кричал: «Как вы собираетесь работать? Вы, кто имеет намерение стать хирургом? Представляю: вскрыли брюшину, а там печень, желудок, почки. Что делать дальше? Конечно, вы изуродуете орган, так и не устранив недуг, зашьете и отправите несчастного умирать. Имейте в виду, поблажек не ждите, вы все пройдете через зачеты, и это не будет так просто».

На Ирину Усманский сразу обратил внимание, она активно участвовала в обсуждениях и хорошо работала в лаборатории. Он хвалил Дзюбину и ставил ее в пример остальным. Однажды после лекции он попросил Ирину остаться в аудитории. Усадил за стол, сам сел напротив.

– Ирина, мне нравится ваше увлечение наукой, вы будете хорошим врачом. Но у меня к вам другой вопрос. Я получил двухкомнатную квартиру, я холост, не столь стар, чтобы меня сторониться. Вы мне очень симпатичны. Давайте жить вместе. Я знаю, как вам трудно материально, но этот шаг решает все проблемы. Более того, я поспособствую вашему распределению в лучшую больницу города. А если

вам в какой-то момент захочется уйти, я не стану вас задерживать. Соглашайтесь, Ирина, я вас очень прошу.

Ирина растерялась, настолько все неожиданно и совершенно неприемлемо. Но что на это ответить, как сказать? Ведь по возрасту Усманский ей в отцы годится.

– Викентий Самсонович, я благодарна вам за заботу, но ваше предложение неуместно. У меня есть жених, мы собираемся после выпускного сыграть свадьбу. – Ей хотелось наврать еще больше и красивее, чтобы отказ не очень обидел преподавателя. – Простите за откровенность, но мы уже практически живем как муж и жена. Извините, но я не могу принять вашего предложения.

Ее еще тогда удивило, что Усманский спокойно отнесся к ее отказу:

– Хорошо, радость моя, но если вы нынешней субботой не подойдете с согласием поехать ко мне на квартиру, пусть не насовсем, а только на один вечер, вы об этом горько пожалеете. Имейте в виду, Усманский не прощает отказов.

Он сгреб со стола свой портфель и пошел к выходу.

Ирина рассказала подружкам в комнате о дурной выходке Усманского, девчонки расхохотались, но Зиночка Ипатова одернула:

– Нашли, над чем смеяться. Уже был такой случай, он одну девчонку до того домариновал, что она спала с ним. Рассказывали, что плакала, а деваться некуда.

– Надо в деканат идти, пусть его поставят на место.

– И с чем ты пойдешь в деканат? Что предложил? Так откажись, мало ли кто кому предлагает.

– Ой, Ирка, нарвалась ты, это будет посерьезнее, чем с Эдиком, – пожалела Зина.

На нее цыкнули. Но жизнь Ирины круто изменилась. Лекции Усманского ставили каждую неделю, он добился в деканате, чтобы увеличили число лабораторных работ. Беспощадно выставлял неудовлетворительные оценки за малейшую ошибку или неточность. Дзюбина из любимых учениц стала изгоем, он круто одергивал ее при ответах и отправлял на место, в лаборатории постоянно поправлял, подсказывал, наконец, отбирал инструменты и отправлял мыть руки. Дело шло к весенней сессии, видимо, кто-то повлиял на Усманского, он поставил зачеты всем, кроме Ирины.

Вечером накануне последнего учебного дня совещались в комнате, что же делать? Зина ходила в деканат, просила, чтобы повлияли на Усманского, он из-за личной неприязни не ставит Дзюбиной зачет. Декан

ответил, что учиться надо лучше, тогда и зачеты будут ставить «автоматом», а если вы на лекциях дремлете, а на практических не знаете, что к чему – кто вам зачет поставит? Оставалось одно: идти Ирине к Усманскому и просить Христом Богом.

Утром Ирина пошла на кафедру и попросила вызвать Усманского. Он вышел, увидев Ирину, заулыбался:

– Давно бы так, милая барышня, а то тянете до последнего. Решились?

Ирина заплакала:

– Викентий Самсонович, побойтесь Бога! Нельзя же так!

Усманский засмеялся:

– Дзюбина, Бога нет. И зачета не будет, пока вы не согласитесь на мои условия. Я даже смягчу их: только один сегодняшний вечер.

Ирина загорелась:

– И вы прямо сейчас поставите зачет?

Усманский опять засмеялся:

– Н-е-е-е-т, дорогая, Усманский не такой простачек, как вы думаете. Я, знаете, сколько вашего брата или сестру так обломал? И ничего, соглашались. И у вас выхода нет, милая, придете, да еще и меня раздевать будете.

Ирина жестко взяла себя в руки:

– Викентий Самсонович, наклонитесь поближе.

Усманский чуть нагнулся, Ирина со всех сил ударила его по лицу, кровь брызнула, подбежавший преподаватель хотел вызвать милицию, но Усманский замахал руками: «Не надо!».

Вечером собрали комсомольское собрание, Ирину исключили за недостойное поведение в институте. Голосовали молча. Утром вызвали в деканат и вручили приказ об отчислении за плохую успеваемость и хулиганское нападение на преподавателя.

***

Всю обратную дорогу Ирина беззаботно дремала, откинувшись в кресле, Григорий время от времени поглядывал, как она там. Все перемешалось в душе. Соню надо забывать, не дай бог при Ирине что-нибудь скажу, не думаю, что ей будет приятно. И как дальше жить, до свадьбы? Почему Ирина связывает пуск своих объектов с сугубо личным праздником? Предложение отца по-житейски правильное, перевезти свои вещи и жить вместе. Квартира, наверное, у нее не очень большая, но пока хватит. Только как это будет выглядеть? Секретарь

райкома нашел себе шмару, как здесь говорят, и перешел к ней на жительство. Посоветоваться с первым? А что это изменит? Ну, ему объяснишь, он поймет, а двадцать пять тысяч пореченцев? Им что скажешь? Нет, вопрос с регистрацией и свадьбой надо решать сейчас. Именно сегодня. Вот подвезу ее к дому и скажу, чтобы чай готовила.

Машину слегка качнуло при остановке, Ирина открыла глаза, потянулась:

– Вот я и дома. Ты машину долго будешь ставить? А лучше загони ее в ограду. Утром уедешь. Как это тебе, не очень нахальная тебе досталась женщина?

Григорий засмеялся:

– Я сам искал повод об этом завести разговор. Подожди, я открою ворота.

Едва вошли, Григорий крепко обнял Ирину:

– Никуда я от тебя не уйду, завтра заявление в загс, а в выходные свадьба. Ты что-то хотела сказать?

Ирина улыбнулась и даже чуть смутилась:

– Не хочу, Гришенька, с первого вечера перечить мужу.

– Правильно. И не привыкай.

...Будильнику долго пришлось будить молодоженов. Ирина положила голову на грудь своего Гриши и заплакала. Тот испугался:

– Что ты, Ириночка? Что за слезы?

Она вытерла глаза кулачком:

– От счастья, милый. Я так долго мечтала об этой ночи, так долго!

– Полтора года, как мы встретились.

Ирина с грустинкой улыбнулась:

– Больше, Гришенька, намного больше. Я еще совсем соплюхой была, лет тринадцать, приехал к нам главный агроном, такой красивый, сильный, самостоятельный. Я специально к конторе ходила, чтобы его увидеть. И тогда сказала себе: вот точно такой у меня будет жених. Как видишь, все сбылось, правда, с опозданием на десять лет.

Григорий обнял и поцеловал жену:

– Мы это опоздание наверстаем. Ты родишь много детей, две девочки и два мальчика.

– Меня уволят с работы за систематическую неявку...

...– по уважительной причине. А за это нет статьи в КЗОТе.

Ирина достала со стула халат, прикрылась и пошла в душ. Вернулась уже в рабочем костюме:

– На полке в упаковке зубная щетка, это для тебя. Я быстро под-

жарю колбасу с яйцами. Придется пока так, завтра, надеюсь, встанем раньше.

Уже из ванной Григорий крикнул:

– И не надейся, закупай колбасы и яиц.

Григорий сразу зашел в кабинет первого:

– Семен Макарович, можете меня поздравить, я женился.

Первый снял очки и внимательно на него посмотрел:

– Как-то ты тихонько, никто ничего не докладывал про твои романы. И откуда она?

Григорий засмеялся:

– Наша, своя, Дзюбина Ирина Николаевна, главный врач.

Первый посерьезнел:

– Ты не пошутил?

– Да что вы, Семен Макарович, сегодня несем заявление в загс.

– Успевайте. На завтра Дзюбину вызывают в обком партии, никто ничего не говорит, но мне неспокойно. Как бы ее не сорвали с места, вот чего я опасаюсь.

Ирину вызов тоже насторожил. Сразу позвонил Семовских:

– Ирина Николаевна, тебе в обком в четырнадцать, потому сначала ко мне. Жду в десять.

Встретил в дверях, обнял по-отечески, посадил за маленький столик, сам сел рядом. Ирина обратила внимание, как за последнее время постарел и сдал Юрий Николаевич. Осунулся, глубокие морщины, ранее только обозначившиеся, сейчас пролегли по всему лицу. Седые волосы стали совсем редкими. Почему-то обострился подбородок.

– И каков твой диагноз, доктор?

Ирина вздрогнула:

– Вы о чем, Юрий Николаевич?

– Не о чем, а о ком пока. Ты так внимательно меня наблюдала, что, как доктор, просто обязана поставить диагноз.

Ирина растерялась:

– Вам надо отдохнуть, вы так много работаете, это при ваших-то ранениях. На дачу, в санаторий, на покой.

Семовских снисходительно улыбнулся:

– Ладно об этом. Я действительно ухожу, но я обязан оставить после себя человека, который не только ничего бы не растерял, а двигал вперед дело здравоохранения. Мой выбор остановился на тебе, Ирина. Конечно, были возражения, даже протесты, но есть два-три человека в руководстве, которым глубоко наплевать, что там говорят и думают. И к счастью, эти люди тебя знают.

И он тихо и спокойно рассказал, как беседовал с председателем облисполкома Валуновым, и тот подивился энергии и изобретательности районного главного, сумевшего своей идеей заразить все руководство, весь район. Потом еще два визита, обязательные, но ничего не решающие. Без всяких бумаг, без представлений и рекомендаций отставник дохромал до третьего этажа обкомовского дома и дождался приема первым. Было заметно, что старому врачу и фронтовику приятно, что секретарь, годящийся ему в сыновья, расспрашивал о здоровье, о семье, о планах на отдых. Потом он прямо спросил, кого бы хотел видеть на своем месте Юрий Николаевич. И тут была названа фамилия Дзюбиной, главного врача Пореченской районной больницы.

– Ты знаешь, Ириночка, меня очень порадовало, что он с тобой знаком, с делом твоим знаком, и даже поразился, что столь молодая женщина сумела провернуть огромную работу. Конечно, не без помощи и поддержки партийных и советских органов, как он подчеркнул. Сказал, что твою кандидатуру он одобряет, и, если ты и тут будешь работать столь же энергично, за здравоохранение можно быть спокойным. Что ты на это скажешь.

Ирина слушала старшего товарища с огромным волнением. Отказаться – значит обидеть своего учителя и наставника. Принять – темный лес вопросов и проблем. Так и сказала.

Семовских слегка кивнул:

– Ты рассуждаешь очень правильно, но я хотел бы тебя спросить: а сколько же опыта было у тебя, когда приняла участковую больницу и сделал ее образцовой? А что ты понимала в управлении районным здравоохранением, когда пришла главным врачом? Но ведь научилась. У тебя есть незаменимое качество: целеустремленность. Я бы даже сказал: самолюбие. Нет-нет, не обижайся, самолюбие – черта положительная, в известных пределах, конечно. Наше общество состоит, к сожалению, из людей весьма безразличных, и только единицы целеустремленных самолюбов движут его вперед. К таковым я отношу и тебя. Только ты не зазнавайся, работы очень много, ты будешь на виду, тебе будут завидовать, сплетничать.

Раздался зуммер белого телефона, стоявшего на отдельном столике.

– Слушаю вас, Сергей Евлампиевич. Да, предварительно беседую. Нет, я не информирован. Понимаю. Не думаю, что это может изменить наше решение по Дзюбиной. Хорошо, в четырнадцать часов.

Семовских положил трубку:

– Ты почему сразу мне не сказала, что вышла замуж?

– А что, замужние на таком посту работать не могут?

Семовских неловко улыбнулся:

– Ирина, в обкоме все на ушах. Если назначить тебя, вместе с тобой уезжает и муж Еремеев, так, кажется. А он у них на ноябрьской партконференции выдвигается на первого секретаря Пореченского райкома.

Ирина оживилась:

– Юрий Николаевич, может, это и к лучшему? Муж первый секретарь, жена главный врач, мы такие дела в районе развернем – к нам из других областей ездить будут!

Семовских вскипел:

– Да как ты не поймешь, что для меня сегодня нет важнее задачи, чем оставить тебя на этом месте! Надеюсь, ты мне поверишь, что все медицинские кадры области я знаю доподлинно, каждого назначал, с каждым сто раз в год встречаюсь. Есть неплохие ребята, но нужна ты, а другой такой нет, потому я за тебя бороться буду до последнего.

Без четверти два они были в приемной первого секретаря. Здесь стояла какая-то колдовская тишина, говорили вполголоса, почти шепотом, первого называли не иначе как СЕ, в двери входили бочком и так же выкатывались. Ирине все это было забавно, если бы не серьезность вопроса, по которому они с Юрием Николаевичем ждали двух часов.

Помощник встал:

– Товарищи Семовских и Дзюбина – проходите.

Первый встретил гостей, как хороших знакомых, приказал принести чай, расположились за столиком в углу.

– Прямо скажу: усложнили вы нам ситуацию, Ирина Николаевна. Это, конечно, замечательно, что вы создаете семью, я и сам собирался заняться Еремеевым, когда он попал в такое положение, сватом хотел заделаться. Конечно, я по-человечески рад, что вы нашли друг друга и уже подали заявление в загс. Только нам-то что делать? Вы нужны здесь, он через две недели первый секретарь в Поречье. Как быть?

Семовских загодя предупредил Нину, чтобы не вздумала и речь заводить: «Ах, как хорошо мы бы с Гришей стали работать вместе!». Потому она молчала до тех пор, пока первый не повторил вопрос.

– Сергей Евлампиевич, если вас интересует мое мнение, мне бы очень хотелось поработать на новом месте. Думаю, многое из того, что мы наработали в Поречье, можно было бы распространить на всю область. Скажу откровенно: мне льстит такое предложение. Но если Григорий Иванович больше нужен в Поречье, чем я в облздраве, я готова вернуться и работать еще лучше.

Семовских засмеялся, и первый его поддержал:

– Видал, как затянула узел? Молодец! Ваше слово, Юрий Николаевич, есть в запасе второй вариант?

– Хороший бы я был заведующий, если бы не имел несколько вариантов. Есть и второй, но он явно слабее, потому и второй. А зачем брать второй, если есть первый?

Сергей Евлампиевич опять улыбнулся:

– Да, круговую оборону вы выстроили грамотно. Вам бы поучить наши кадры конкретному мышлению. Пока вопрос открытый. Ваше мнение, Юрий Николаевич, я буду иметь в виду. Да, Ирина Николаевна, за вами регистрация брака, чтобы мы утверждали в должности уже Еремееву, и второе: как получилось, что вы до сих пор не в партии? Это ваше принципиальное нежелание или недоработка аппарата райкома?

Ирина смутилась:

– Так получилось, Сергей Евлампиевич. Сначала предлагали, но я сдерживалась, а потом оставили в покое, правда, перед выборами снова приходил инструктор, поговорим и разойдемся, дел у меня всегда было много.

Секретарь обкома посерьезнел:

– Как плохо мы работаем с кадрами, как неумело. Пришел, поговорил и забыл. Значит, так. В пятницу вы приезжаете на вручение награды, будет большой прием. До этого напишете заявление в партию. Нет возражений? Приезжаете и остаетесь, принимаете отдел, и за работу. Задачи я вам позже поставлю. А что же вы не спрашиваете о трудоустройстве мужа? Ему пока ничего не говорите, я думаю поручить ему организационный отдел, это очень важный участок нашей работы. Итак, до пятницы?

***

После утверждения беседа с первым секретарем обкома и председателем облисполкома длилась полтора часа. Ирина слушала, иногда задавала вопросы, делала пометки в своей тетради. Она обратила внимание, что за это время никто не вошел и не зазвонил ни один телефон из почти десятка, стоящих на отдельном столике.

– Ирина Николаевна, на следующей неделе я уезжаю в Москву. Новый Генсек обновляет, омолаживает аппарат ЦК, мне поступило предложение, после обмена мнениями с товарищами я дал согласие. Первым будет рекомендован Александр Васильевич Кондауров, это наш кадр, воспитан в области, три года служил в центральном аппа-

рате комитета госбезопасности. Воспитан, образован, деликатен – все при нем. При том очень требовательный и строг по работе. Уверен, что вы найдете общий язык, тем более, что к первому вам обращаться придется не часто.

Ирина вернулась в скромный особнячок облздравотдела, пригласила заместителей и попросила продумать, как лучше проводить заведующего на заслуженный отдых, открыла тетрадку и еще раз пробежалась по поручениям руководства области. По сути это была программа ее работы. Раздел «Здравоохранение на селе» ей был понятен до тонкостей, но город, а тем более северные растущие города – потемки. Набрала телефон квартиры Семовских:

– Юрий Николаевич, извините, я не дам вам спокойно отдыхать на пенсии. Мне нужна ваша помощь. Можно, я к вам подъеду? Была большая встреча с руководством области, обозначили задачи отдела, а как их решать – я не очень хорошо вижу.

Семовских кашлянул, верный признак того, что разговор ему нравится:

– Я очень надеялся, что еще пригожусь вам, Ирина Николаевна. Потому прошу, чайник на плите, остальное сделаете сами.

Они пили чай с малиновым вареньем и говорили о Севере.

– Ты должна понять, что Север – это нефть и газ, сегодня туда вкладываются огромные средства, и страна ждет отдачи. И там люди, сотни тысяч геологов, промысловиков, строителей. И климат там суровый. Имей в виду, что потери по нетрудоспособности на Севере бюджету обходятся в разы дороже, чем на сельском юге области. Строим города, а о людях думаем, как о чем-то второстепенном. У нас был случай, когда утвердили генплан застройки поселка, а про больницу забыли. Ладно что среди подписантов значился завоблздравотделом. Скандал был грандиозный, я тебе говорю об этом, потому что отношение мало изменилось. Нефтяные и газовые генералы не особо прислушиваются к горкомам и исполкомам. Прежде всего, попроси Набойщикова, это первый зам, и я бы не советовал тебе его менять, мужик не очень видный, но дело знает, Север проехал вдоль и поперек. Попроси, пусть выдаст тебе четкую картину по каждому району и городу: население, детство, обеспеченность местами в поликлиниках и стационарах, статистика заболеваемости, нетрудоспособности. Ну, это я ему объясню. На Север сама пока не рвись. Поедешь в конкретный город с конкретными предложениями. И с генералами разговаривай смело, с аргументами в руках.

Неделю Ирина не выходила из кабинета, изучая статистику по области, выслушивая заключения специалистов и заместителей. Наконец, общая картина стала проясняться, Ирина написала подробную справку о состоянии дел в области и опять поехала к Семовских. Он выглядел плохо и принял ее, не вставая с постели.

– Юрий Николаевич, соглашайтесь поехать в госпиталь, поддержат, подлечат.

Старик покачал головой:

– Поздно «боржоми» пить, Ирочка, буду дома, так спокойней.

– Я хотела попросить вас послушать что-то вроде доклада или справки о наших делах. Если что, вы сразу останавливайте, будем поправлять.

– Ты читай, только не быстро, а я буду пометки делать, потом обсудим.

Когда Ирина окончила чтение, Семовских несколько минут молчал, потом кивнул, как бы сам своим мыслям:

– Еще раз убеждаюсь, что зря тогда не перевел тебя заместителем, как бы сейчас все легко было. Но, откровенно, пожалел твою стройку, городок твой больничный, памятник тебе прижизненный. Тебе не хватает реального видения Севера, ты мыслишь категориями медицинских нормативов, а там нет больниц, нет оборудования, нет специалистов. Ты имеешь право обвинить в этом меня, и будешь права, но я два года не мог получить отставку, начальство считало, что все вопросы будут решаться только за счет моего авторитета. А молодые нефтяные и иные северные короли не знали и знать не желали старого и больного ворчуна. Ладно об этом. Так, в целом материал неплохой, но отдельные замечания есть.

И они еще полтора часа уточняли и дополняли документ его замечаниями и соображениями.

– Вот теперь перепиши все набело и на машинку. Это у тебя будет банк информации. Со временем все отложится в голове, а пока придется заглядывать.

Вечером Григорий сказал, что намечено большое совещание по нефтегазовому комплексу, секретарь обкома по промышленности предложил записать в число выступающих заведующую облздравотделом.

– Рано мне выступать, Гриша. Я побывала в двух городах, на работающей скважине, на компрессорной станции. Конечно, впечатления тяжелые, но у меня нет конкретных предложений. Нет, выступать я не буду. Рано.

На собрание актива ее пригласили, но от выступления она отказалась и по телефону, и в разговоре с инструктором уже в зале заседаний. Доклад поразил ее обилием цифр и грандиозностью планов. О нефти и газе говорилось в миллионах тонн и миллиардах кубометров. Несколько упреков было брошено в адрес снабженческих организаций, занимающихся продовольствием. И все. В перерыве она встала у окна, Грише не до нее, даже не подошел, зато она заметила взгляды высокого седого мужчины со звездой Героя и депутатским значком на пиджаке. Ирина узнала: Муравленко, но вида не подала. А он через минуту подошел сам:

– Простите, я долго не мог понять: моя старая знакомая, сельский врач, и вдруг на нашем собрании. Пришлось наводить справки. Ирина Николаевна, я очень за вас рад, за ваши успехи и за новое назначение. Значит, сейчас мы вовсе будем работать в одной упряжке.

К ним подошел молодой мужчина, Ирина видела его в президиуме:

– Прошу меня извинить, Виктор Иванович, вы мне нужны на минутку.

– Но сначала разрешите вам представить мою давнюю знакомую, прекрасного организатора сельского здравоохранения, а ныне главного врача области Ирину Николаевну Дзюбину. Ирина Николаевна, это наш первый секретарь обкома Александр Васильевич Кондауров.

Она подала Кондаурову руку, тот легко пожал и кивнул с улыбкой.

– Только надо уточнить, Виктор Иванович, с тех пор, как мы с вами не встречались, я успела выйти замуж, и моя фамилия Еремеева.

Кондауров улыбнулся:

– А я подумал, что память подводил. Знаю, что заведующая облздравом Еремеева, а вы мне представляете Дзюбину. Наш заворг Еремеев...

– Да, это мой муж.

Кондауров опять улыбнулся:

– Скажите ему, что у него прекрасная жена. А нас извините – дела.

И мужчины отошли в сторону, о чем-то тихо разговаривая.

Увидев Муравленко и поняв, что он ее помнит и относится уважительно, Ирина решила еще раз воспользоваться его покровительством и приступить к своей программе «Север». Над ее разработкой она просидела многие дни и ночи, сотрудники поднимали отчеты северных районов и составляли таблицы по образцам, которые давала заведующая. Из сотен справок и таблиц она составила довольно четкую картину состояния дел в северных территориях. Чтобы изменить ситуацию, нужны были огромные средства, какими облздрав не

располагал. Надо построить хотя бы по одной–две участковых больницы в поселках каждого района, надо менять брусовые времянки на современные монолитные корпуса. Надо приобретать новое оборудование. Нужны зарезервированные квартиры для врачей и места в общежитиях для среднего персонала. А это деньги, большие деньги. Но, прежде всего, как говорит Юрий Николаевич, нужна добрая воля больших руководителей, если они поймут, что медицина не только выдает больничные листы, но и значительно повышает производительность труда, иначе говоря, когда они, упертые хозяйственники и реальные экономисты, поверят в медицину, тогда все вопросы будут решаться с участием нефтяников, газовиков и строителей, тогда скромный бюджетный рубль пойдет в жизнь рука об руку с рублем производственников. Как это сделать – она пока не знала, понимала, что к Муравленко надо идти основательно подготовленной, с конкретными предложениями.

***

Ирина позвонила на квартиру Хевролина, самый надежный способ поймать его и спокойно переговорить. Он очень обрадовался звонку, сразу задал вопросы о жить-бытье, об обстановке в отделе, об отношении с большим начальством. Ирина подробно все доложила, Хевролин остался доволен.

– Николай Петрович, хочу приехать в родной район и посмотреть, как выполняется наша с вами программа по созданию профилакториев непосредственно на рабочих местах. Когда вы можете посвятить мне день?

Хевролин зашумел:

– О чем вы спрашиваете, Ирина Николаевна? Да в любой день, хоть завтра.

– Давайте в пятницу, Николай Петрович, возможно, Гриша сумеет вырваться, повидаемся с родителями.

– Очень правильно, Ирина, самое главное, что от тебя пойдет инициатива. Знаешь, как старикам приятно будет?!

Ирина засмеялась:

– А еще правильно, что вы со мной по-старому стали разговаривать, по имени и на «ты». Но работу будем смотреть серьезно, без кумовства, договорились, Николай Петрович?

– Жду вас, ребята, как самых дорогих гостей.

Выехали рано утром, Григорий сел за руль облздравовской «Волги», ехали быстро и аккуратно.

– Я так понял, ты хочешь на примере Поречья учить другие районы?

Ирина кивнула:

– Если будет, чему учить. Все объедем, посмотрим. У меня есть информация главного, но слишком все гладко, похоже, хотели сделать мне приятное.

– Хорошо. А потом?

Ирина помолчала. Она еще не решила, продвигать эту работу через сельхозуправление или идти в облисполком.

– Надо обдумать, чтобы после разговора началась настоящая работа.

– Правильно. Тогда тебе для убедительности на это совещание надо пригласить профсоюзы, инспекцию по труду. Надо, чтобы выступил экономист управления с анализом влияния на производительность труда потерь рабочего времени из-за временной нетрудоспособности. Неплохо, если свое слово скажут и специалисты отдела социального обеспечения, ведь выплаты по больничным листам – это прямой ущерб государству. Уверен, что это будут убедительные цифры.

Ирина внимательно слушала, кивала, соглашалась.

– Гриша, такое большое совещание надо проводить через план областных мероприятий, правда?

– Конечно. И его надо готовить, надо создавать рабочую группу, основательно изучить обстановку, подготовить выступающих, разработать итоговый документ, решение или постановление. Должен быть определен круг участников, видимо, это председатели райисполкомов, начальники сельхозуправлений, главные врачи и, что самое важное – руководители хозяйств и сельхозпредприятий. Все, остальное обсудим в рабочем порядке. Ты посмотри, какая красота вокруг.

Ирина глянула в окно: Господи, вокруг зимняя сказка, дорога проходит в аллее из берез и осин, кроны так плотно окутаны куржаком, что кажутся слепленными из искристого белого инея. Заяц, вспугнутый гулом машины, долго с перепугу бежал вдоль дороги, пока инстинкт не заставил его кувырком скатиться на ту сторону посадок. Через километр дорогу крупными скачками перемахнула стайка косуль. Ирина ахнула: «Как такую красоту можно убивать?».

– Гриша, ты не охотник?

– Я тебя понял. Нет, хотел вместе с друзьями ружье купить, но отец запретил, он привез как-то случайно сбитую машиной косулю, мама слезами улилась. Втихомолку разделал и собаку кормил в морозы.

Вдруг машина резко сбавила ход и остановилась. В стороне на взгорке стоял лось, высоко подняв морду и широкими ноздрями вы-

нюхивая опасность. Он медленно повернул голову в сторону незваных гостей и покрутил, словно похвастал, своими могучими рогами, потом издал мощный устрашающий звук и крупными скачками умчался в сторону леса.

Григорий остановился около райисполкома, договорились, что встретятся в шесть часов и поедут к родителям. Об этом он еще вчера вечером известил отца.

Хевролин уже ждал, вышел навстречу, приобнял за плечо:

– Прости, Ирина Николаевна, мы, старики, быстро прирастаем к хорошему человеку. Вот и я без тебя скучаю, хоть Вера Семеновна и хороший человек, но твоей хватки нету, а это плохо. Ну, что я тебе жалуюсь, она уже ждет у машины, поехали. Предлагаю начать с Березовки, там Алексей Павлович неплохо поработал, три профилактория уже действуют, два при фермах и в МТМ.

Ирина нахмурилась: ей не хотелось встречаться с Алексеем при стольких свидетелях, потому предложила маршрут изменить. Поехали в противоположную сторону, в первом же колхозе председатель Горлов развел руками:

– Николай Петрович, ну, не вытанцовывается у меня лишний домик для профилактики, ну, никак.

Хевролин кивнул в сторону Ирины:

– Ты заведующей облздравотделом докладывай, а не мне.

Ирина перехватила инициативу:

– Виктор Степанович, помнится, вы сразу не в восторге были от этого проекта. Вера Семеновна, какие у него показатели по нетрудоспособности?

– Если брать только работников массовых профессий, без управленцев, то получается чуть не месяц на каждого по прошлому году.

Ирина глянула Горлову в глаза:

– Вы плохой руководитель, вы не умеете считать деньги, а это крайне опасный недостаток. Огромные суммы государство выплачивает по нетрудоспособности только потому, что такие вот руководители нисколько не заботятся о рабочем человеке. Сегодня у него бронхит, завтра воспаление легких, послезавтра рак легкого, и будет чудо, если нам удастся его спасти. А вина в его смерти будет на вас. Как жить будете после этого, председатель? Я буду просить райком партии подыскать вам замену, а вас отправить на работу по специальности. Позор! Вы хоть смысл-то этого проекта понимаете?

– Да все он понимает, Ирина Николаевна! – вмешался Хевролин.

– «Не вытанцовывается у него!». А знаете, что плохому танцору мешает? Извините за грубость, но вы сами нарвались.

Хевролин толкнул Горлова в плечо:

– Ты не молчи, как Чарли Чаплин, танцор хренов, говори конкретно, где через три месяца у тебя будут построены или оборудованы профилактории. Медицина решит вопрос с оборудованием, и будешь лечить людей без отрыва от производства.

Горлов кивнул:

– Раз такое дело, в мастерской комнату оборудуем, на фермах нет свободного места, три финских домика на днях получаю, отправлю туда, смонтируем за пару недель, через месяц можно будет звать медицину.

Ирина встала:

– Решайте, Виктор Степанович, через два месяца вы покажете мне четыре работающих профилактория. До свиданья.

Побывали еще в двух хозяйствах, не все, как хотелось бы, но сделано много. На ферму приехали как раз к началу вечерней дойки. Животноводы собрались в красном уголке, гостей явно не ждали. Ирину узнавали. С улыбкой здоровались, сурового Хевролина сторонились. Но тоже уважительно кивали.

– Мы сегодня полрайона объехали, смотрим, как работают профилактории на производстве и в деревне. Надо выяснить, может, мы напрасно вкладываем средства, может, такие заведения не нужны? Что скажете, рабочий класс?

Женщины зашумели:

– Кто сказал, что не нужны?

– Спасибо, Ирина Николаевна, за доброе дело.

– Вот у меня трое ребятишек, мало того, что я сама время от времени хожу на прогревание, так и малышей привожу, от ангины или от кашля.

Кто-то из мужчин подал голос:

– Тебя, Ефросинья, прогревать можно только электросваркой или мартеной, чтобы до внутренних органов добраться.

Ефросинья приподнялась и захохотала:

– Аркаша, вот ты бы помолчал, а то при всех скажу, сколь разов ты пытался, а так и не смог добраться до внутренних органов. А пластинку положат на живот, и уже достает.

Занавески на окнах закачались от взрыва хохота, за выскочившим мужиком гулко хлопнула дверь.

На обратном пути подвели итоги: план открытия профилактори-

ев, приближенных к рабочим местам, выполнен процентов на семьдесят. Хевролин сказал, что это нормально, тем более, что в самое ближайшее время будут запущены еще с десяток объектов. Вера Семеновна подтвердила, что все оборудование на складе и все заведующие медпунктами и деревенские фельдшеры прошли необходимую подготовку.

При прощании Ирина сказала Хевролину:

– Готовьте материал, будете выступать с большим сообщением, с содокладом на областном совещании. Я думаю, что мы сумеем его подготовить в течение месяца. Не стесняйтесь, если надо кого-то покритиковать. Почему объединения «Сельхозтехника» и «Сельхозхимия» вообще ничего не сделали, хотя у них-то самая большая нужда в поддержке рабочих? Смело критикуйте, совещание будет по плану обкома партии, так что критика даст результат сразу.

– Вы к родителям?

– Да, сейчас иду в райком, Гриша уже ждет.

– Поклон Еремеевым от меня, хорошие люди.

Родители заждались, с улыбкой и со слезами обнимали сына, а больше всего сноху, сразу отправили в баньку, Григорий пошел вперед, Ирина смущенно отказалась, помылась позже. За столом говорили о жизни, Иван Сергеевич не мог скрыть радости: за прошлый год совхоз получил миллион рублей прибыли.

– Ты посмотри, Григорий, производство большое, а треть прибыли получена от вспомогательных производств, от того, чем раньше колхозам запрещали заниматься. Тут мельница, полрайона пользуется, тут пасека, медом торговали всю осень, сад в Сибири дает прибыль, яблоки хоть в Алма-Ату вези, не стыдно, пятеро мужиков пимы катают, да не чуни какие-то, а чесанки, как в старину – из рук рвут. Нынче готовят колодки под дамскую ножку, зима была крутая, в сапожках тоскливо, а мужские чесанки вроде женщине не к лицу.

Засиделись за полночь, уже в постели Григорий осторожно обнял Ирину и тихо сказал:

– Ирочка, ты не будешь против, если мы с родителями завтра съездим на кладбище?

Ирина кивнула:

– Надо было венок купить.

– Я взял, спасибо, родная.

На кладбище поехали после завтрака, Ирина сказала, что пока приберет посуду. Вернулись, а Ирины нет, шубка и сапожки на мес-

те, а самой нет. Григорий от волнения излишне громко позвал, Ирина слабым голосом отозвалась из ванной:

– Гриша, позови маму.

Клавдия Петровна едва скинула пальто, и в дверь. Сноха стояла над раковиной, ее тошнило. Мама закрыла дверь, обняла сноху:

– Милая ты моя дочка! Наконец-то дождались. Это ничего, придется пострадать, давай, помогу тебе умыться. Отец, неси чистое полотенце, эти уже успели ухватать.

Иван Сергеевич с опаской приоткрыл дверь, полотенце исчезло, через минуту мама вывела сноху, бледную, смущенную.

– Полежи, дочка, успокоится организм, и полегче станет.

– Что с ней, мама? – шепотом спросил Григорий.

– В положении Ирочка, теперь беречь ее надо, ни словом, ни излишней лаской не навреди.

Иван Сергеевич быстро оценил ситуацию:

– Это же такая радость, Гриша, что грех по сто грамм не тяпнуть за будущего человека под фамилией Еремеев!

Ирина с удивлением наблюдала за Григорием: он был растерян и растроган до слез. Подошел, встал перед ней на колени, поцеловал в щеку:

– Береги его, а я тебя буду охранять. Ирочка, ангел мой, я тебя очень сильно люблю. Отдыхай, отец зовет выпить за внука или за внучку. Ты не будешь возражать?

– Конечно, не буду, милый.

***

Неделю пробыла Ирина на Севере, попутными самолетами и вертолетами перебираясь из района в район. Руководители пытались повозить ее по промыслам, на одну буровую все-таки слетала, поразилась работоспособности этих молодых и здоровых парней. Завтра они станут старше, и уже не один, а двое будут браться за сегодня такую легкую деталь. В вагончике отдыхала смена, сопровождающий инструктор горкома зашел, договорился и пригласил гостью. Ирина чуть не задохнулась в застоявшемся табачном дыму, прокашлялась, села у стола:

– Все курящие?

– Да нет, трое молоком отовариваются.

– Эти трое получают никотина еще больше, чем курящие, так что я бы посоветовала вам почаще проветривать вагончик.

Мужчины засмеялись:

– Подождите с недельку, подует с севера, не только дым, папиросы со стола сдувает.

Ирина кивнула:

– Простудой страдаете?

Опять смех:

– Страдаем, но не долго, мастер нальет стакан водки и бухнет туда горсть перца. К утру готов.

– А о желудке вы подумали? В нем же вся слизистая сгорит от перца.

– Ну, товарищ доктор, у мастера от желудка другое средство найдется.

Вечером в горкоме партии собрали руководителей всех производств. Первый секретарь Юрий Тимофеевич, вчерашний нефтяник, развел руками:

– Ирина Николаевна, вам придется убеждать, я еще не научился, меня больше на мат тянет.

Ирина сурово на него посмотрела и заметила:

– Попробуем без мата, хотя, если честно, я бы отдельным товарищам выдала.

Она говорила долго и вдохновенно, настроение молодых и уверенных в успехе своего нелегкого дела передалось и ей, и она уже знала, что сможет убедить думающих только о нефти и газе руководителей в необходимости создания хотя бы минимальных условий для сохранения здоровья людей. Не глядя в блокнот, где записаны цифры и примеры, она обставляла свою речь этими цифрами, против которых никто ничего не мог возразить.

– Дорогие товарищи руководители! В ваших руках огромные средства, да, будут нарушения, но не будет преступления, если мы скооперируемся и построим в поселке больницу. То, что я видела сегодня, этот кубик Рубика из балков и вагончиков, к медицинским учреждениям никакого отношения не имеет. Если мы ничего не изменим сегодня, завтра наши люди изработаются, и города строить уже не станет необходимости: жить в них будет некому.

Она села и вытерла лицо: беременность сказывалась, но мужикам этого не объяснишь. Первый секретарь улыбнулся:

– У меня такое ощущение, что каждый из нас готов сейчас бежать на стройку и немедленно закладывать больницу. Нам нужен проект, Ирина Николаевна, мест на сто.

Ирина перехватила:

– На двести. И с роддомом. И это еще не все. Там, где люди работают компактно, надо поставить простейшее профилактическое обору-

дование. Медсестру из больнички не очень сложно привезти на буровую, дороже обойдется прогул по болезни даже одного рабочего.

Выступали руководители объектов разных ведомств, Ирина едва успевала записывать, кто и откуда. Говорили конкретно: есть сваи, есть бетон, есть кирпич, цемент, трубы, металл, электрооборудование. Юрий Тимофеевич подвел итог:

– У нас есть СМУ-11, это строительный участок, Ирина Николаевна, мы поручим товарищу Опрыжко получить у вас проект, осметить его и приступить к работе. Ему же поручим и регулировать, кто и когда везет материал, чтобы завалы не создавать.

К концу недели по трем районам были решены вопросы строительства больниц с учетом роста поселков и переходов их в города. Домой вернулась уставшая, поделилась радостью с Григорием. И он порадовал, что совещание по проблемам села проработано и назначено на вторник. Ирина кивнула:

– Выходные провожу в отделе, надо написать толковый и убедительный доклад. С содокладом выступит Николай Петрович Хевролин. Думаю, это очень уместно, ему есть что сказать.

– Ты будешь смотреть его текст?

– Зачем? – удивилась Ирина. – Хевролин скажет самую суть, возможно, грубовато, шершаво, но к такой речи веры больше.

– Имей в виду, первый сказал, что будет на совещании.

– Тем лучше. Пусть вникает в наши дела.

После ее доклада и содоклада Хевролина совещание пошло ровно и спокойно, и это насторожило Ирину. Она сидела в президиуме рядом с первым, краем глаза видела, что он постоянно делает пометки в блокноте. После второго вступающего Ирина написала ему записку:

«Александр Васильевич, уже две совершенно пустых речи. Может, поправить?».

Он прочел и кивнул: «Поправьте».

Ирина встала:

– Товарищи, мне бы не хотелось кого-либо обижать, но два предыдущих оратора будто не слышали доклада и содоклада. Да, в этих районах что-то делается, но эта работа плановая, финансируется и контролируется. Если честно, то об этом можно было вообще сегодня не говорить. Мы хотим услышать конкретные предложения, что будет сделано в районах по развертыванию сети профилактических медицинских учреждений. А это дело инициативное, необходимость его мы сегодня обосновали. Вы все получили наши предложения, пожалуйста, критикуйте их, предлагайте новое, только не ограничивайтесь

пустым сотрясанием воздуха. Если сегодня мы не выработаем комплексный план мероприятий, завтра все бросаем и едем в районы помогать руководству правильно мыслить. Пожалуйста, кому слово?

В зале стало так тихо, что даже дыхание людей слышно. Первый что-то черкнул на бумажке и подвинул Ирине: «Не суетись, такое бывает». Ирина сжала кулаки и считала: «Один, два, три...».

– Разрешите мне! – в густой тишине голос прозвучал неожиданно громко и решительно. Ирина подняла глаза: Алексей. Встала:

– Слово предоставляется председателю колхоза Пореченского района Панкову Алексею Павловичу.

Алексей, донельзя смущенный, встал за трибуну, оглядел зал:

– Я из того района, который первым начал создание профилакториев, первым понял, что здоровье людей – это категория экономическая. Товарищ Еремеева тогда была у нас главным врачом района, она подтолкнула нас, хозяйственников, к этой идее. Идея простоя и экономически выгодная. Мы открыли профилакторий на мастерские и гараж, на каждой из четырех ферм. Затраты только на обустройство брусовых домиков, а все оборудование и специалисты от больницы. Могу доложить тем, кто еще сомневается: количество дней по листам нетрудоспособности за четыре года сократилось вполовину. Мало того, что мы смогли произвести дополнительную продукцию, но мы сэкономили десятки тысяч бюджетных рублей из фондов социальной защиты. Мне непонятна позиция начальников сельхозуправлений: деньги сами указывают дорогу – нет, сидим, молчим. Программа облздравотдела правильная, и я бы предложил, Александр Васильевич, провести ее решением облисполкома или даже бюро обкома партии. Дело это большой государственной важности.

После этого Ирина едва успевала жестом приглашать к трибуне, шли незнакомые люди, список выступающих можно было отложить в сторону, и как только товарищ подходил к трибуне, она просила:

– Представьтесь, пожалуйста!

Рабочая группа по выработке рекомендаций в основном согласилась с проектом, но понаписали много нового. Распечатать просто не успевали, потому Ирина зачитала только дополнения, проект у всех был на руках. Она закрыла совещание и медленно опустилась на стул:

Кондауров тронул за плечо:

– Устали? Ничего, привыкайте, у вас неплохо получилось. А кто этот смелый из вашего района? Он, как нельзя, кстати вышел на трибуну и толково выступил.

– Это мой старый друг, на центральной усадьбе его колхоза я начинала заведующей участковой больницей.

– Как по-вашему, он хороший человек?

– Он замечательный человек, Александр Васильевич.

– Ладно, учтем. За приглашение и полученное удовольствие спасибо.

– Вам спасибо, товарищ первый.

Кондауров, уже уходя, остановился на ступеньках:

– Интересно. Так в глаза меня еще никто не называл.

Заместители собрали все бумаги, Ирину проводили до машины. Она улыбнулась: кажется, ее беременность уже не секрет.

Наблюдающий гинеколог сказала, что надо воздержаться от поездок, тем более самолетом, да еще с участием в совещаниях, что обязательно связано с волнениями. Ирина устало улыбнулась: да, надо бы, но есть другое «надо»: до декретного запустить проект в работу по всей области. Иначе за месяцы отсутствия «движущей силы», как назвал ее Кондауров, все остановится и заглохнет, и руководители всегда найдут оправдание: план, деньги, материалы. И тогда она напросилась к Муравленко.

– Да, барышня, с одной стороны – я рад за вас, за вашу семью, с другой – понимаю, что курировать это направление придется мне со своим аппаратом. Давайте так: в следующий четверг у меня большой хурал, будут все руководители. Надо договориться с Кондауровым, чтобы пригласили первых секретарей горкомов и райкомов. Вы ставите задачу, все должно быть расписано до тонкостей, мои ребята ушлые, заметят лазейку – ускользнут. И идите спокойно на отдых, готовьтесь к великому таинству.

Медицинский вопрос Муравленко поставил первым, Ирина в цифрах и эмоциях обрисовала состояние дел, каждому руководителю района и города вручили папку с детальной проработкой всего, что надо сделать. Над этими бумагами весь отдел работал всю неделю. Ирина еще раз просмотрела разработки и облегченно вздохнула: все реально, все разумно, надо только донести до этих крепких и грубоватых мужиков, что роддом в поселке нужен не меньше, чем следующая буровая или километр нефтяной трубы. Говорила она спокойно и убедительно, потом Муравленко подчеркнул, что облздрав проявил очень нужную и своевременную инициативу, просто обидно, что чуть раньше не задумались о столь простых и не очень дорогостоящих вещах. Он поблагодарил Ирину Николаевну за участие в совещании и под аплодисменты участников проводил ее до дверей.

***

Три года прошли как один день. Проблемы с детьми, бабушку Клаву решили не тревожить, пригласили знакомую Ирины, врача-педиатра, только что вышедшую на пенсию. Перемены у Гриши, на партийной конференции Кондауров предложил его на должность секретаря обкома по промышленности. Она еще не знала, что в числе большой группы работников топливно-энергетического комплекса области ее выдвинули на Государственную премию. Ректор медицинского института Ржавый Герман Борисович однажды в беседе спросил:

– Ирина Николаевна, у вас богатая практика, вы делали какие-то записи для себя?

– Было. Но это так, без системы и без цели.

– Бог с вами! – возмутился Ржавый. – Почему без цели? Надо основательно поработать с этими заметками и вытянуть их на диссертацию. Заведующая облздравотделом, кандидат медицинских наук – это звучит!

– Герман Борисович, ни минуты свободного времени, какая диссертация?

– Бумаги при вас? Отдайте их мне, а там посмотрим, обсудим.

Ирина порылась в сейфе и вынула две общих тетради со своими записями. Подала Ржавому:

– Герман Борисович, предупреждаю: никакой самодеятельности. Если не найдете чего-либо стоящего – верните и забудьте.

А через полгода Ржавый принес красивую папку:

– Прочтите.

Ирина весь вечер читала машинописный текст, находила свои фрагменты, свои выводы, свои случаи, но все это было так умело разбавлено общими рассуждениями, что вызывало отторжение. Позвонила Ржавому, он целый час убеждал, что это всеобщая практика, тем более, что тема не чисто врачебная, а больше связана с организационной работой.

– Ирина Николаевна, перестаньте рефлексировать, вы заслуженный, орденоносец, чуть не герой, да вашу диссертацию примут с восторгом и у нас, и в Москве.

Ирина махнула рукой:

– Делайте, как хотите.

На другой день позвонила Вера Семеновна, главный врач из Поречья, позвонила по делам, а в конце разговора извинилась:

– Ирина Николаевна, тот дедушка, у которого вы жили, Александр Иванович, в стационаре, очень плох, сердце отказывает.

– Сколько он будет у вас?

– Думаю, не меньше недели.

– Скажите ему, что я приеду. Выезд сообщу, и в этот день привезите Александру Ивановну, его жену.

Дедушка Лександро выглядел бодренько, или перед Ириной не хотел слабину показывать.

– Здравствуйте, родные мои! – Она обняла бабульку, поцеловала в щеку дедушку. Эти чужие ей люди стали родными до слез. – Что же вы, Александр Иванович, огорчаете меня. Вам передали, что у нас двойня? Я сына вашим именем назвала, а вы по больницам.

– Стало быть, один Санька, а другой?

– Ванька. В честь деда.

– Справедливо. Бабка, высуши глаза, и чтобы я этой мокроты тут не наблюдал. Скажу тебе, Арина, что вижу в тебе настоящую русскую бабу. Ты и в молодости дурой не была, только ум – это по-книжному, а таперика ты в мудрость вошла. Не всякому человеку, тем паче бабе, сие удается, а ты достигла. Утрось по динамику говорили, что наградили тебя премией.

Ирина оглянулась: все ли с ним ладно? Вошла Вера Семеновна:

– Ирина Николаевна, дорогая, мне девочки с ночной смены сказали, что присуждена Государственная премия, и вас назвали. Мы так рады вас поздравить именно здесь, где вы начинали.

Ирина еще с полчаса поговорила со стариками, получила очередные наставления деда Лександра и побежала в кабинет главного. Набрала телефон Григория.

– Да, все правда, родная, ты лауреат Государственной премии. Я знал о представлении, но ничего тебе не говорил, потому что это служебная тайна, пока документ не принят. Возвращайся, мы тебя ждем.

Ирине пришлось немало поработать над текстом диссертации, просто выправляя стиль и приближая его к собственному. Ни разу не пришла мысль, а надо ли, стоит ли? Ни разу... Видно, память имеет свойство прятать негативную информацию в моменты душевных и эмоциональных взлетов ее обладателя. Защита проходила в медицинском институте, Ирина в течении часа излагала свои мысли и даже вышла за пределы темы, оппоненты были больше похожи на адвокатов, голосование прошло без сюрпризов, и все присутствующие перешли в конференц-зал, где были накрыты столы.

Прошли три месяца. Пасмурным осенним днем после обеда позвонил ректор медакадемии Ржавый:

– Ирина Николаевна, срочно нужна встреча. Безотлагательно.

– Ну, чего вы размазываете? Нужна – значит, приезжайте.

Ржавый вошел кабинет, был сильно взволнован, суетливо присел на край кресла и поднял голову:

– Ирина Николаевна, Москва, ВАК, при утверждении протоколов защиты проверяет подлинность документов, в том числе и об образовании. Я еще до защиты говорил вам, что нужен подлинник, а не копия диплома, вы не придали этому значения. Сегодня мне позвонил старый друг и сказал, что дело с вашей диссертацией пахнет грандиозным скандалом.

Ирина была ошарашена этим сообщением, но сумела взять себя в руки.

– Герман Борисович, успокойте своего друга и весь ВАК, что диплом я непременно представлю, просто не хватает времени, ведь надо ехать в Новосибирск и вырвать его у одного скверного человека.

Ржавый совсем поник головой:

– Ирина Николаевна, простите меня за неприятную новость, но копия диплома поддельна, документ под таким номером выдан совсем другому человеку.

Еремеева встала, и все знали, что этим она заканчивает обсуждение:

– Герман Борисович, у вас хватит терпения никого не посвящать в это недоразумение в течение хотя бы пары дней? Москвичей успокойте, скажите, что буквально за неделю все дела будут улажены. Вы свободны. Спасибо за информацию.

Плотно закрыв за посетителем двойные двери, Ирина налила рюмку коньяку и заметила, что руки дрожат. Как нелепо все образовалось? Москва не утвердит степень, ну и черт бы с нею, но будет расследование, приедут чванливые и лощеные чиновники министерства, им нужен будет живой диплом на имя Дзюбиной Ирины Николаевны, а такого документа в природе нет. Можно подать в отставку и уйти в тень, хотя пресса поднимет шум, от людской молвы не спрятаться, не скрыться. А каково Грише? А если он не простит? Она пыталась взять себя в руки, мыслить реально, без паники. Есть ли выход? По жизни она знала, что выход есть всегда, приличный или не особенно, но выход. Позвонила мужу:

– Гриша, ребят собери сам, у меня сегодня очень сложный день, и я приеду чуть позже.

– Хорошо, Ириша, мы будем тебя ждать.

Она села в глубокое кресло и один за другим стала перебирать аргументы. Высокая оценка ее трудовой деятельности ни у кого не вы-

зывает сомнения. Начиная с Березовской участковой она делала из медучреждений картинки. Пореченский район представил ее к ордену, и Трудовое Красное Знамя она получила. Уже здесь за умелую работу по развертыванию профилактических учреждений в сельской местности и при промышленных предприятиях, давшую значительный экономический эффект, она стала лауреатом государственной премии. Кто подсунул ей эту глупейшую идею с ученой степенью? Как она могла так легко на это пойти, неужели не понимала, что копия диплома определенно вызовет подозрение и будет проверена? Зачем вообще согласилась участвовать в этой авантюре? Неужели от славы голова поплыла? И вот результат: с одной стороны успешный руководитель, заслуженный врач, лауреат, орденоносец, жена заместителя губернатора области. С другой – авантюристка, сделавшая карьеру с помощью поддельного документа об образовании. Кажется, это на языке юристов называется подлог.

Выход есть, и только один, надо идти к губернатору и просить об отставке без выяснения причинных обстоятельств. Он должен понять, в его интересах без шума освободиться от скомпрометировавшего себя человека. Господи, а что будет с Гришей, что будет с семьей? Куда бежать после такого позора? И чем губернатор может помочь. Пять лет вместе, самые страшные годы пережили, смену власти, и ведь это она, будучи депутатом областного совета нового созыва, три раза выходила на трибуну и убеждала, что именно Александр Васильевич Кондауров должен продолжать руководить областью, если мы не хотим свалиться в пучину борьбы кланов, половина из которых попахивают криминалом. Тогда областной совет должен был дать президенту кандидатуру на назначение главой администрации. «Кондауров во главе области уже пять лет, и мы намного легче пережили период перестройки и перестрелки. У нас в основном сохранено производство, у нас нет межнациональных конфликтов, я ответственно заявляю: здравоохранение выжило и будет жить. А те господа, что приехали в наш богатый край просить нашего благословения, просто хотят урвать свой краешек пирога. Мой им совет: пусть едут домой и займутся делом!». Эти ее слова встретили аплодисментами. И после очередного голосования Кондауров набрал абсолютное большинство голосов.

Нет, она не станет ему об этом напоминать, слишком много времени прошло, и слишком много было серьезных и даже трагических событий. Она расскажет ему все как есть, и пусть он прогонит ее из кабинета.

Ирина взяла телефон, и смело набрала номер.

– Здравствуйте, Александр Васильевич, Еремеева. Мне очень нужно сегодня двадцать минут для очень важного разговора.

Кондауров был, видимо, один в кабинете, и в довольно хорошем настроении:

– Что за спешка, и в чем вопрос?

– Личный, очень личный.

– Тогда прямо сейчас, есть пауза.

Ирина уверенным и твердым шагом прошла от массивных дверей до огромного стола, пожала руку вышедшему навстречу губернатору.

– Чашку чая или сразу за дело?

– Сразу. Александр Васильевич, в молодости я совершила одну большую ошибку, ситуация была безвыходная. Я училась на четвертом курсе мединститута, когда умерла мама. Работала в ночную санитаркой, естественно, успеваемость упала. Пригласил меня один завкафедрой, предложил культурное и прочее шефство, знал, конечно, что я только ливерными пирожками питаюсь. Я отказалась. Он меня на первом же зачете завалил, короче, к концу семестра у меня неуды по практике и незачеты по теории. Он опять меня вызывает. И я его ударила. Устроили судилище, исключили из комсомола и отчислили из института. Я уехала в Новосибирск. А в тамошнем институте обо мне уже знали, поделилась с подругами, что восстановлюсь, нашлись добрые люди, проинформировали. Пошла работать, дали койку в общаге. Как только выпадало время, бегала на лекции в мединститут. Познакомилась с хорошими девчонками, хлопотали за меня, но все напрасно. И вот у них выпуск. Одна из них, Галя Трофимова, предложила: «Ирка, знания у тебя нормальные, а диплом я тебе дам, сходи к нотариусу, он тебе с него копию снимет на твое имя». Я отказалась, во-первых, страшно, во-вторых, где такого нотариуса взять? Но соблазн был, думаю, поеду в деревню, устроюсь в участковую больничку и буду людей лечить. Взяла я Галин диплом... Александр Васильевич, вам это не интересно?

– Продолжайте, не теряйте нить рассказа.

– Пришла к одному нотариусу – молодой, еще одного нашла – женщина, с ней не договоришься. И вот захожу в конторку, сидит старый еврей, почти лысый, нос огромный, глаза навыкате. Я даже испугалась. А он ласково так говорит: «Проходите, барышня, какие у вас проблемы?». Я глянула на него, и до того мне стыдно стало, что извинилась и убежала. Но деваться некуда, к конторке этой подхожу, постою, и обратно. И вот однажды он меня увидел, взял за

руку, усадил и спрашивает: «Какая у вас проблема, говорите, если я способен чем-то помочь, я это сделаю». Достаю диплом, листок с оценками, сама плачу и все ему рассказываю. Он ушел за стойку, достал бумажник, вынул две десятки, огромные деньги по тем временам, подает: «Я вижу, что вы плохо питаетесь. Оставьте все бумаги у меня, и свой паспорт, чтобы в фамилии не ошибся, я вам завтра к вечеру сделаю три копии этого диплома на ваше имя. Я вас правильно понял?». Я кивнула. «Вот и славно, а сейчас пойдите в кафе и закажите двойную солянку, какую обычно заказывает нотариус Самуил Фридман. Они знают».

Пришла я к концу следующего рабочего дня, мой нотариус улыбается, протягивает пачку бумаг. «Прочтите все, пока есть возможность исправить». Я прочитала, фамилия моя, все остальное Галькино. Спрашиваю: «Что я вам за это должна?». «Ничего. Вспоминайте иногда добрым словом старого еврея». «А для вас это разве не опасно?». Он улыбнулся: «Уже нет. Я не вносил в реестры ваши документы. Но даже если бы и... Ангел мой, я живу последние дни, такова моя болезнь. Идите, и ни о чем не думайте. Пусть ваш Бог даст вам счастья».

Я начала в участковой больнице, за три года построила новый корпус, организовала грязеводолечение. Они до сих пор работают. Потом Поречье, районная больница. Сто кубометров гнилушек. Мы строим шесть корпусов, вы видели, какая там сейчас красота. Потом по инициативе покойного Юрия Николаевича Семовских меня назначают заведующей облздравотделом. Все последующее было у вас на глазах. Человек слаб, сказано в писании. Есть звание, орден, госпремия. Чего еще надо? Нет, находятся люди, которые убеждают: сегодня без степени не солидно. У меня были интересные наблюдения, я отдала тетради в медакадемию. Через какое-то время мне принесли диссертацию. В основе мои наблюдения и выводы, но все разбавлено, разжижено. Я хотела забрать и переделать, но Ржавый успокоил, что и так все вполне прилично. Далее защита, более похожая на юбилей, банкет и Москва. Сегодня ко мне приходит Ржавый и говорит, что копия диплома проверена, что это подлог и прочее. Простите, Александр Васильевич, я оказалась в дерме по самые уши. Подставила мужа. Наконец, и нашему департаменту это долго будут вспоминать. Конечно, я должна немедленно уйти.

Кондауров встал, закурил сигарету, прошелся по мягким коврам кабинета.

– Это вы так видите ситуацию. Я на нее смотрю с другой точки зрения. Допустим, вы уходите и сами решаете свою судьбу. А департамент? А наши планы? Все летит к чертовой бабушке, потому что свежий человек очень долго будет «въезжать» в процесс. Кто будет завтра пробивать профильные лечебные центры? Кто будет завтра брать за горло нефтяников и газовиков, чтобы вкладывали в больничные комплексы? Наконец, кто будет заниматься селом, где проведена такая работа, создана база, а мы все теряем? Да ради спасения этого дела, Ирина Николаевна, я отдам пяток кандидатов и пару докторов. Вы свое право работать доказали не дипломом, не бумажкой, у меня сейчас есть несколько человек, имеющих по три высших образования. И что с того? Поезжайте к себе, только спокойно, без паники. Вам перезвоню, возможно, поздно вечером. Ждите.

Кондауров тут же дал команду найти ректора медакадемии Ржавого. Тот явился через пятнадцать минут.

– Садитесь, Герман Борисович, и во всех деталях расскажите, как вы хотели из директора департамента здравоохранения сделать кандидата наук. Чья это идея? Ее?

Ржавый смутился:

– Ну, не сказать, чтобы ее, но она не отказалась.

– Вы к тому времени знали, что у Еремеевой фиктивный диплом. Да или нет?

Ржавый покраснел и взмок:

– Точно не знал, но слышал.

Кондауров не давал собеседнику ни мгновения на отдых:

– А что ВАК проверяет подлинность документов, вы знали или только догадывались? Говорите!

– Знал, я же сам входил в ВАК при Союзе.

Кондауров подошел к Ржавому вплотную и как бы случайно наступил ему на туфлю:

– Получается, что вы сознательно подставили Еремееву под удар, чтобы скомпрометировать ее и лишить работы, званий, наград? Так вот, уважаемый господин Ржавый. И не вздумайте отпираться: вы неплохо освоили производство и реализацию липовых дипломов медакадемии. Не дергайтесь, доказательства у меня на столе. Трех фактов вполне достаточно для тюрьмы. Но я вам предлагаю компромисс. Вы ведь долгое время работали в Новосибирске. Поедете туда, я вам дам все необходимые данные, и вы привезете диплом на имя Дзюбиной Ирины Николаевны. И чтобы ни у кого не возникло сомнения,

что он подписан в 1979 году. Одно скажу: три дня, и без диплома не возвращайтесь. Если вздумаете шантажировать, мой аппарат сработает оперативнее, и вы просто сядете лет на пять. Вопросы есть? Вопросов нет. Свободны. Время пошло. И советую лететь самолетом, не теряйте дорогие минуты.

Ржавый встал, его качнуло, но он устоял, и медленно пошел к выходу. Кондауров подумал, что перегнул, надо бы чуть деликатней, а то старик даст дуба и еще более усложнит обстановку. Нажал кнопку, в кабинет быстро вошел молодой человек.

– Виктор, на лестнице догонишь ректора Ржавого, поможешь ему быстро долететь до Новосибирская и решить известные ему вопросы. О любых неожиданностях немедленно информируй. Свободен.

Позвонил Еремееевой, она быстро ответила:

– Ирина Николаевна, мы с вами старые рабочие лошади, и не дело оставлять друг друга один на один с проблемами. Вы думаете, я не помню всего, что вы сделали для меня? Очень хорошо помню, в том числе и потому ваш муж стал заместителем. Нет, он хороший парень и достойный работник, но без вас я не обратил бы на него внимания. Чем вы заняты?

– Сижу в кресле и слушаю музыку. Александр Васильевич, надо употребить все ваше влияние, чтобы ВАК не разгласил эту информацию. Нет, вы должны меня правильно понять, я в этой ситуации не жертва, а обвиняемая, даже осужденная. При любом исходе я уйду с должности, но я не хочу, чтобы за мой грех отвечала область, вы как губернатор.

Кондауров помолчал, потом спросил:

– У вас коньяк есть?

Ирина смутилась:

– Да, в холодильнике.

– Так вот, налейте себе рюмку и выпейте за успешный исход дела. Я думаю, мы так сделаем. Диплом ВАК увидит, убедится, и пришлет вам кандидатский. И все уляжется.

Ирина опять заволновалась, едва не уронила трубку:

– Александр Васильевич, если все обойдется – пропади она пропадом, эта степень. Умнее я от нее не стану.

Кондауров засмеялся:

– Я не напрасно предлагал вам коньяк. Вы перестали мыслить реалиями сегодняшнего дня. Была защита, был банкет, и вдруг директор остался неостепененным. Вы догадываетесь, сколько это вызовет суж-

дений? Теперь о деле. Вы правильно сделали, что сразу пришли ко мне. Ржавый в сопровождении моего помощника уже вылетел в Новосибирск, через два дня он вернется с вашим дипломом, вполне законным. Гарантии того, что он будет нем, как рыба, у меня на столе. Он навострился поставлять вам кадры в основном с Кавказа, три фиктивных диплома наши службы изъяли. Хотите, разовью эту мысль? Если бы я был уверен, что эти ребята будут столь же энергичны и работоспособны, как Ирина Николаевна – черт с ними, отдал бы им дипломы и направил в участковые больницы. Но они, эти трое, уже оплатили солидные должности в министерствах своих республик. А это уже не тот путь. Ирина Николаевна, сегодня я имею возможность честно вам признаться, что вы изумительная женщина, я много старше вас, но приношу свои чувства к вашим ногам. Пока я здесь, вы будете работать, а я не собираюсь уходить в отставку. Сейчас едем домой, вас ждут муж и дети, вы спокойны и уверены в себе. Как только появится новая информация, я вам сообщу. Всего доброго.

Ирина положила трубку и заплакала навзрыд. Господи, какие испытания за грехи юности! А ведь не согреши она тогда – не было бы ничего, что есть сегодня. Не было бы Гриши и детей, высокой должности, огромного удовлетворения и материального благополучия. Как только все утрясется, надо поехать в Новосибирск, и на еврейском кладбище отыскать могилу Самуила Фридмана, упасть перед ней на колени. Едва ли кто ее поймет, но душа придет в нужный порядок.

Кондауров пригласил ее утром и вручил диплом с гербом Советского Союза, найденный где-то в архивах заведения и аккуратно заполненный черной тушью. Тут же вкладыш со вполне приличными оценками.

– Свяжитесь с ВАКом и предупредите, что нарочным оригинал диплома им направлен. Командируйте надежного человека и пусть он дождется, когда окончатся все процедуры. Вы успокоились?

Ирина честно призналась:

– Едва ли. Этот диплом жжет мне руки. Господи, скорей бы все...

– Исполняйте. Если что – я на связи. Ни одного решения без меня.

Уже вечером молодой специалист департамента, отправленный с дипломом в Москву, позвонил и доложил, что в комиссии дипломом остались довольны, документ вернули, пообещали как можно скорее выслать кандидатский. Через пару минут позвонила министр здравоохранения и поздравила с ученой степенью.

– Ирина Николаевна, я пыталась перевести вас в министер-

ство, и должность с интересными обязанностями, но меня бесцеремонно одернули: оказывается, ваш муж заместитель губернатора, и вопрос закрыли. Но все равно мы вас очень уважаем и всегда рады видеть.

– Спасибо, Татьяна Борисовна, но воспользуюсь случаем: попинайте, пожалуйста, службу технического обеспечения: не можем дождаться томограф и операционный блок для детской больницы. Еще раз спасибо и до свидания.

***

Была весна. Природа привычно и не спеша проводила смену караула, зима из последних сил хваталась за свое, пугая ночными заморозками и даже жиденьким снегом. На ночь стеколками тонкого льда покрывались натаявшие за день лужи, днем деревья в аллеях и парке оживали, тужились выбросить почки, и с каждым днем это удавалось им все больше. Ирина знала, что в деревне в эти дни лучше, веселее, там не только природа, там люди радуются первой травке, первому листочку на березе под окном. А что творится в лесу! Ветер все чаще появлялся с юга, и звери в лесах, настороженно подняв морды, влажными широкими сопатками улавливали запахи трав и горячего солнца. Лес хмур, но эта суровость показная, на самом деле он копит силы, гонит по стволам земные соки и отогревает простывшую за зиму крону. Озера, коими полна долина в ее родном теперь уже Поречье, готовились к открытой жизни, много чего произошло в их пучинах за зиму, маловодные не смогли сохранить свое хозяйство, рыба всплыла ко льду в последней надежнее глонуть свежей воды, да так и осталась. Но большие озера пробовали свои силы, чуть приподнимали лед, и только плотный снежный покров спасал его от разломов. Но и это недолго. Подули ветры, всколыхнулась под насилием волна, и беспомощные легкие льдины погнало ветром к берегу, где им предстоит раскрошиться и стать водой.

Вторая двойня далась Ирине тяжело, но обошлось, обе девочки вполне здоровы, только пришлось пролежать в роддоме полмесяца, пока у коллег не осталось сомнения, что все вполне благополучно. Вместе с Ириной и детьми приехала пожилая медсестра Анна Ивановна, ее направили в помощь мамаше. Родители недолго обсуждали имена девчонок, Ирина предложила одну назвать Клавой, в честь мамы Григория, а вторую Верой.

– Это имя мамы? – спросил он.

– Нет, но мне нравится.

Муж нежно взял ее за руки:

– Ириша, так нечестно. Ты как-то говорила о маме, и имя ее..., прости, я не помню.

– Гриша, мы же деревенские, а именам там не особенно придавали значение. Маме досталось не самое красивое.

– Ирочка, перестать темнить, не бывает имен некрасивых.

– Гриша, но не назовешь ты сегодня свою дочь Фёклой! Сам будешь стесняться.

Григорий обнял жену:

– Вот увидишь, когда она подрастет, Феклы, Варвары и Пелагеи будут самыми модными именами. Ей завидовать будут!

Ирина прижалась к мужу и шепнула на ухо:

– Как я хочу тебя обнять, обцеловать всего. Родной мой, ты даже представить не можешь, какая я счастливая баба. И не жми меня, уже молоко побежало.

Дома Григорий показал ей пачку телеграмм с поздравлениями, она перекладывала бланки, останавливаясь на подписях: коллектив Пореченской больницы, министр, Хевролин, Муравленко уже из Москвы. И вдруг остановилась: Панков. Ее замешательство Григорий заметил.

– Да, это наш земляк, недавно назначен главой администрации Пореченского района. Александр Васильевич его заметил на том совещании, помнишь? И вот результат.

– Да, Алексей Павлович будет хорошим руководителем, я уверена, – как можно спокойнее ответила Ирина и ушла к детям. Неприятный осадок остался на сердце: неужели Гриша знает о ее отношениях с Алексеем? А с Денисом? Господи, если знает – как он это переносит? Не встанет ли однажды между ними ее прошлое?

Она опять вернулась к тому, что мучило ее все эти три года. Конечно, Гриша не знает истории с подлогом диплома, Кондауров ему не скажет, а больше некому. Оставить все, как есть, или рассказать мужу всю правду? Она понимала, что все равно расскажет, но постоянно откладывала на потом. Потом случилась беременность, тут не до выяснения отношений. Сейчас все спокойно, надо потерпеть еще хотя бы с недельку.

Она спала с девочками и Анной Ивановной в комнате наверху, Гриша приходил, любовался девчонками, осторожно целовал жену и спускался в кабинет. В этот раз она разобрала супружескую кровать и

включила свет в спальне. Вошла в кабинет мужа, он читал какой-то документ, обернулся, удивился:

– А дети?

– С ними Анна Ивановна, а я хочу сегодня полежать на груди мужа, целовать его плечи, шею, губы. Я очень тебя люблю, Гриша, очень.

...Она попросила мужа положить руку ей под голову и нежно перебирала его пальцы. Долго молчали.

– Гриша, у меня есть тайна, которую знает только губернатор. Сегодня я хочу сказать о ней тебе. Я не знаю, как это отразится на наших отношениях, но я не могу больше скрывать от мужа. – Она замолчала, молчал и он. Потом повернулся к ней лицом:

– Ирина, ничто не способно изменить наши отношения, у нас четверо детей, я люблю тебя самой сильной мужской любовью, верю, что ты меня любишь столь же крепко. Ты можешь не говорить ничего о своей тайне, я не настаиваю, но понимаю, что тебе надо высказаться. Говори смело, ничего не бойся.

Ирина заплакала, повернулась, чтобы видеть глаза мужа и рассказала все о дипломе, о своем визите к губернатору, о его решении и действиях. Григорий обнял жену и тихонько сказал:

– Ириша, забудь это, как страшный сон. И никогда больше не вспоминай.

– Гриша, а в слове «подлог» есть что-то от «подлости»?

В этот момент прогудел мобильник, Анна Ивановна подала сигнал, что пришла пора кормить детей.

2015

НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА
Повесть

Нина с детства рано просыпалась, не валялась в постели, вставала и помогала маме. На дворе еще темно, мать тесто разделывает и на смазанный маслом жестяной лист укладывает булки, дочь картошку чистит для супа, потом по воду сбегает на колонку, в двух маленьких ведерках принесет, курицам бросит ковшик зерна и снега чистого зачерпнет, они им как бы запивают. Отец управляет скотину, вывозит на санках снег из ограды, все у него под метелочку. Нина уже в школу соберется, выйдет в ограду, светает, и солнышко из-за горы и из-за леса осторожно выглядывает, словно проверяет, все ли в порядке в Корнеевке, пока его не было. Убедится, наверное, и выкатится, взойдет. Нина все думала, почему так говорят: солнце взошло. Вон в истории написано, что царь взошел на престол, это понятно. А солнце почему восходит? Не выходит, не всходит, а восходит? Ну, и ладно, побежала в школу...

***

– Каурова, я тебе еще вчера сказал, чтобы сводила корову к быку. В охоте она, проморгаешь, и хрен тебе не молочко, а загубишь корову – припишу.

Нина Каурова, молодая девчонка, бросила школу, потому что отца убило деревом на лесоповале, сосну пилили в северных районах для колхоза, а мать техничка в конторе, Нина старшая, после нее еще трое. А жить надо... Доить научилась быстро, вымя подмыть, насухо вытереть, вручную потянуть за сиськи, чтобы «сдоить», а что – она так и не поняла, но делала. Потом аппарат подцепить, да чтобы не соскользнул, а то засосет в ведро жижу из канавы, придется все молоко под угол. Что корова в охоту пришла, ей соседка по базе, тетка Наталья подсказала:

– Веди, девка, к быку, скотники помогут.

– Стыдно мне, тетка Наталья. При мужиках...

– А без мужиков кто тебе корову держать будет? Гляди, Кожин узнает, матерков не оберешься.

Кожин, как слышал, сразу подошел, спросил, в чем дело.

– Не могу я, Устин Денисович, – закраснела доярка.

– Чего не можешь? Отвязала и повела, спроси у баб, где быки стоят.

– Не могу. Стыжусь, – покраснела до слез девчонка.

Кожин, здоровый мужик, вечный бригадир животноводства, удивился:

– Ты подумай: с парнями в кустах поваляться – вам не стыдно, а корову сводить к быку, огулять – совесть не позволяет. Коровы с бычками на танцы не ходят, чтобы там снюхаться. Дуру-то не пори, а делом занимайся.

Нинка уже ревела вовсю:

– Вы зачем такую напраслину про кусты? Где вы меня видели?

Кожин обмяк, похлопал девчонку по плечу:

– Да я же так сказал, в целом. Знаю, что девушка ты примерная. Давай, я тебе помогу.

Он привычно протиснулся к привязи, отщелкнул цепочку и выпихнул корову на проход. Нина покорно шла сзади, не думая, что будет. В соседней базе оборудовано специальное место для случки, Кожин позвал мужиков, корову завел в клетку, крепко обмотнул и закрепил цепь. Привели быка, двое мужиков держали на вожжах, бык широко раздувал ноздри и всхрапывал. Нина спряталась за перегородкой, и слышала только матерки скотников, возню, и, наконец, жизнерадостный смех мужиков:

– Нинка, забирай свою барышню, только завтра еще приведешь, так ветврач велит.

Нина удивилась, что бригадир сам отвязал корову и повел в базу, она шла сзади, так гуськом и объявились в главном проходе. Когда все уладили, тетка Наталья дернула Нину за рукав:

– Гляди, девка, Устин Денисович неспроста с твоей коровой возился, вон, стоит, тужурку свою чистит.

Нина не поняла:

– А чего неспроста-то? Он бригадир, обязан помочь.

– Дура ты, девка. Кожин еще тот жук, останешься на ночное дежурство – жди в гости.

– Зачем? – не поняла Нина.

– О-о-о, да у тебя умок-то с дыркой, попикиват. Сколько тебе?

– Шестнадцать, – смело ответила Нина. Наталья кивнула:

– Он молоденьких любит, будет над тобой шефствовать, пока новая краля не появится.

Нина возмутилась:

– Ты что говоришь, тетка Наталья, я же ему в дочери гожусь.

Наталья шумно вздохнула:

– Вот он тебя и удочерит, раз заступиться некому.

Пока сдавали молоко, мыли доильные аппараты и чистили стойла, женщины пели. Нина не знала эту песню, проголосную, грустную, понятно, что про любовь.

«Зачем-зачем я повстречала тебя на жизненном пути...»

«Зачем ты в наш колхоз приехал, зачем нарушил мой покой».

Нина подумала: «Будет у тетки Натальи выходной, сбегаю к ней, перепишу слова, а то стою, как безголосая».

Наталья сама подошла к ней:

– Пошли домой вместе, я боюсь, как бы он сгоряча тебя сегодня не подловил. Подъедет на своем Жулике, завалит в кошевку, и поминай, как звали.

Они вышли с фермы прямо на большак, освещенный фонарями, вошли в улицу, и точно, обогнал их Кожин, даже объехал чуток.

Дома все было в порядке, мама Мария Никандровна нажарила картошки с мясом, ребетня уплетала за обе щеки. Нина умылась, села с краю, взяла ложку.

– Нинка, а ну, марш с угла! Хошь, чтоб никто замуж не взял? Нехорошая это примета, не садись с уголка стола, поняла?

Дочь засмеялась и ушла на место отца в кутний угол.

– Тяжело, доча? Знаю, что тяжело, а зачем спрашиваю? Привыкай. Только, ради бога, не надсажайся, мешки с дробленкой сама не ворочай, спарись с кем из женщин, вдвоем-то легче управитесь. Мало молока-то?

Нина понимала, что мать интересует надой не сам по себе, а потому что от него зависит зарплата, а от нее уже – купит она ребятишкам новые пимы или придется нести к немцу Якову Андреевичу, он всем подшивает и берет недорого.

Когда через неделю Нина принесла расчет, мать разложила бумажки на столе, несколько раз меняла их местами, что-то выгадывая, потом вздохнула: «Старшему куплю, а этим придется подшивать».

***

В самом начале войны в Корнеевку распределили несколько семей немцев Поволжья, сельсовет расселял в дома-пятистенки, где хоть две комнаты, но приходилось принимать и в избушки одиноким женщинам, проводившим на фронт мужей и сыновей. Мария тогда еще

школьницей была, отец и брат воюют, к ним и поселили семью Генриха Кауца с женой и тремя детьми, старшему Якову было восемнадцать. Генрих сразу сказал хозяйке Евдокии Марковне, что его с сыном заберут в трудармию, и просил помочь жене Фриде с ребятишками. Сказал, что он все понимает, трудно русским людям терпеть немцев, когда с немцами идет война, и их мужья и дети там погибают. А этим тут помогать надо. Но Поволжские немцы живут в России уже почти два века и считают ее своей Родиной. При царе немцы жили свободно, строили большие дома и заводили большие семьи, в каждом дворе полно скота, немецкое сало «шпик» с удовольствием покупали на ярмарках. При советской власти все изменилось. Рассказал о республике немцев Поволжья, где они тоже хотели устроить жизнь так, как веками складывалась она у их предков, но советская власть заставила создавать колхозы, весь урожай забирала по заготовкам, а народ голодал. Евдокия с ужасом слушала Генриха: люди пухли от голода, умирали, ели трупы животных, но власти ничего не делали для помощи населению. Стало известно, что «Красный Крест» Германии послал в страну несколько эшелонов с продовольствием, только поволжским немцам ничего не досталось. А когда началась эта проклятая война, власть возненавидела немцев, и НКВД приказал в течении суток подготовиться к эвакуации. Взяли с собой только то, что можно унести на руках.

Генриха и Якова вызвали в сельсовет и вместе с другими немцами увезли в район. Три года они работали на военном заводе в Челябинске, спасались только тем, что Генрих хорошо разбирался в технике и мог быстро отремонтировать любой станок. За это он получал дополнительный паек, которым в бараке делились с близкими. В одной аварии Генрих получил тяжкие увечья, а Яков отделался потерей ноги. Сын простился с еще живым отцом и поехал в Корнеевку к матери, братьям и сестре.

Мария собрала хорошо просушенные пимишки младших, завернула их в старый подшалок и пошла к Якову Генриховичу, которого все звали Андреевичем – так проще. Собиралась и вспоминала, как пришел с производства израненный Яков, как она, семнадцатилетняя, старалась припасти ему кусок хлеба или шматок соленого сала. Яков быстро поправился, стал шить полушубки, меховые сапоги, хомуты для колхоза. Когда младшие были в школе, а матери на работе, она прибегала домой и сидела рядом с работающим Яковом, рассказывая деревенские новости, особенно про то, кто из девчонок

дружит с немецкими парнями. Яков слушал ее молча, а когда она перехватила его руку и прижала к своему трепетному сердцу, осторожно убрал руку и сказал, что ее родственники никогда не позволяет им жениться, поэтому не надо дразнить сердце, вон сколько молодых парней, да война скоро закончится, вернутся холостяки. Мария помнила, как сказала тогда Якову, что пойдет на речку и утопится. Яков усмехнулся, назвал глупостью и велел больше один на один не оставаться.

– Я взрослый мужчина, ты молодая девушка, не надо положить мою руку на твою грудь, я могу не выдержать, и потом горе тебе и мне.

Маша тогда совсем стыд потеряла, обняла Якова, впилась в его губы, он отбросил шитье, охватил ее руками, и – «Пропади все пропадом!». Мария и сейчас помнила, что такая мысль мелькнула в голове, еще не совсем потерявшейся в незнакомых чувствах. Сложись война по-другому, может, и у Марии была другая жизнь. Когда почтальонка пришла к дому не одна, а с соседскими женщинами, уже вернувшимися с работы, мать ее Евдокия вышла во двор, вышла Фрида и вышел Яков, опираясь на костыли, Мария бросила доить корову и выскочила из пригона. Почтальонка со слезами подала Евдокии два конверта со штампами. Все село знало, что в этих конвертах, Евдокия приняла их и завалилась на бок. Ее поддержали, Маша разорвала один конверт: «Ваш муж и отец...». Разорвала второй: «Ваш сын и брат...». Евдокия очнулась, повела мутными глазами, остановила на Якове, потом на Фриде:

– Будьте вы прокляты, фашисты, и Германия ваша проклята! Вон из моего дома, видеть вас не могу, вон, иначе ночью зарежу сонных, вот вам крест святой, и бог меня простит.

Фрида убежала в дом, выскочила с узлом тряпья и посуды, Яков молча заскрипел костылями вдоль улицы, малые потянулись следом.

Мария и сама не знает, как это случилось, но она бросилась к матери:

– Мама, не гони их, я люблю Якова, он муж мне!

Евдокия ударила ее по лицу, кровь брызнула, она села на завалинку и сказала тихим шепотом:

– И ты иди вместе с ними, и ты будешь проклята за смерть отца и брата.

С Евдокией отваживались соседки, семья Кауцев ночевала в клубе. Маша ушла к подружке Федоре, которая слышала ее слова об Якове, и сейчас смотрела на нее с жалостью:

– Ты что творишь-то, ты хоть в своем разуме! На всю деревню объявить, что живешь с немцем. Наши парни теперь тебя браковать станут.

– Ну и пусть. Яков любит меня и не бросит.

– Яков-то любит..., – вздохнула подружка.

Она, наверно, больше понимала в отношениях местных и поселенцев, была чуть взрослее и видела все со стороны, ее понимание не мутилось от чувств и было верным. Пока идет война, ничего не изменится, только под страхом наказания властью бабы терпели чужих. Отношение начальства смягчалось тем, что работали немцы старательно, исполняли все, что прикажет бригадир, а парни толково понимали в технике, изладили большую кузницу, сами ремонтировали инвентарь и простенькие конные сеялки, жатки–«лобогрейки», веялки на току.

С разрешения властей Яков оборудовал свою мастерскую в уголке клуба, молодые немцы после работы помогли ему. Маша пришла в клуб вечером, позвала Якова, но вышла Фрида, его мать.

– Не жди Яков, он не приходит. Мы, наш фамилия, не дает тебя в жены, не берет. Это наш слов. Уходи.

***

Мария помнит, как она страдала, как плакала ночами, мешая всем спать. Федора утром предупредила, что мать сердится, называет ее немецкой подстилкой и в квартире отказывает. Она пошла на работу, а навстречу братик бежит:

– Машка, тебя мамка зовет. Она упала нынче, кровь изо рта идет!

Вбежала в дом, встала перед кроватью на колени. Заметила, что пола давно не мыты и наволочки на подушке не стираны. Мать открыла глаза:

– Дочка, ты остаешься старшей, на тебя надежа. Проклятье мое прости, я уж молилась за тебя. Но за немца не выходи, грех это перед отцом и братом твоим. Обещай, я помираю.

Она крепко взяла дочь за руку и сдавила до боли.

– Поклянись.

Мария ткнулась матери в грудь и кивнула. Мать шумно выдохнула и затихла, вытянувшись.

Потом пришел из госпиталя Афанасий Хлынов, в грудь ему прилетел осколок, ничего, выдюжил. Он еще до войны ушел на службу, Машу встретил на улице и остановил:

– Ты чья будешь, красавица? Не признаю совсем.

– Каурова Ивана дочь.

– Верно, вот теперь вижу породу. А отец?

– Убило его, и брата Гришу тоже убило. И мама весной померла. – Маша заплакала, как перед близким человеком.

– Ты не реви, слезами горю не поможешь. Выходи вечером после управы, поговорим.

– Нет, не выйду.

Афанасий обиделся:

– Что, не глянусь я тебе? Или старым считаешь? Верно, не мальчик. Или боишься, что раненый, работать не смогу?

Маша заревела в голос и убежала.

Поздно вечером, когда уложила ребятишек спать, услышала, что сбрякала жердочка воротная, песик залаял. Сердце заколотилось: «Яков!». Надернула платьишко, выскочила. Среди ограды под яркой луной стоял Афанасий.

– Зачем ты пришел? – зло спросила Мария.

Афанасий помолчал, потом предложил присесть на завалинку.

– Ты мою судьбинку знаешь, все на глазах. Отец и братья погинули на войне, мать тут с горя повесилась. Пришел в дом – живым не пахнет, зиму простоял нежилым. У тебя тоже хорошего мало, сватов присылать не буду, сам сосватаю, если судьба. Приглянулась ты мне, да и породу вашу знаю. Что скажешь, Мария? – с надеждой спросил Афанасий.

– А все ли ты про меня знаешь, дорогой мой сватовщик? Знаешь ли, что немца я полюбила, замуж за него собиралась, да родня его, фамилия, не захотели русскую сноху. – Мария говорила это со злостью на все: на войну, на маму, на Якова, на свою случившуюся слабинку тоже.

Афанасий не перебивал, закурил, глубоко затянулся и закашлялся, втоптал папиросу в землю. Сказал, как бы извиняясь:

– В легкое ранен, врачи курить запретили, но бывает, срываюсь. Я тебе вот что скажу, Маша: мне про тебя и про немца все уши пропели, только я битый на трех фронтах, чтобы такой дешевкой быть. Признаюсь, я тоже не ангел, успевал, если баба подворачивалась. Так что теперь, из-за этого нам в разные стороны? Нет, так дело не пойдет. Оно, конечно, если не люб я тебе совсем, то я без претензий, но жалеть буду. А что до меня – попала ты мне в самое сердце, как будто еще один осколок прилетел, только радостно от этого осколочка, и сердце замирает.

Маша вдруг спросила:

– А ребят я куда?

Афанасий вскочил, обнял ее:

– Маша, да об чем ты заботишься? У меня дом больше, все войдем. И сестер с братом вырастим, и своих народим.

Так на диво всей деревне образовалась новая семья. Афанасий пошел в плотницкую бригаду, все-таки на свежем воздухе, и сосновый да березовый запах очень для легких пользительны. Выбери он тогда другое занятие, не поехал бы в тайгу сосны валить, не захлестнуло бы его ветвистым деревом, не осиротели бы детки и сама не жила бы остывшей вдовой.

Яков женился на немке из соседнего села, ее звали Эльза, он освоил столярное дело и в колхозной мастерской вязал рамы, делал двери к строящимся домам, угодил председателю, украсив его дом резными ставнями, и тут же выкупил красный лес на дом. Дом рубили «помочами», когда приходили родственники, друзья, соседи. Уже не только немцы, но и русские мужики не таили ненужной обиды, они-то, прошедшие фронт, хорошо понимали, что их немцы – не враги, а односельчане. Эльза родила шесть или семь ребятишек, старший уже работал трактористом, а младшие ползали в ногах у матери. На ограде поставили избушку, в которой хозяин занимался швейным и столярным делом.

...Мария подошла к резным тесовым воротам, повернула ручку калитки, здоровый и злой пес в железной загородке подал сигнал, вышла Эльза, располневшая и улыбчивая. Мария, понимала, что жена Якова знает об их отношениях, но вида не подавала. Хозяйка прикрикнула на собаку и позвала Якова, по-немецки объяснив ему что-то. Он вышел, опираясь на костыли, улыбнулся гостье и спросил:

– Ты мне работу принесла? Проходи.

Сел на низенькую табуретку, развязал узел, гостья села на скамейку. Три пары пимов, изрядно поношенных, но просушенных и проскобленных от грязи тупым ножом. Ему это понравилось.

– Мария, я поставлю на валенки двойную заплатку, у меня есть такой материал, прошью плотнее, и будут твои ребятишки носить их еще не один год. Как живешь, Мария? Сын говорил, что дочка твоя на ферму пришла работать. Не от хорошей жизни, да. Жалко Афанасия, он добрый был человек, мы много раз с ним беседовали о жизни. Жалко. Ты совсем не старишься, Мария, правда. Тебе надо найти хорошего мужика, чтобы хозяин был.

Мария улыбнулась:

– Хорошие мужики все при деле, а те, кто щупаться лезут – не мужики, так себе, в поле ветер... Да и дочь у меня на выданье, стыдно матери о замужестве думать.

– Ладно. Приходи в воскресенье, в обед, все будет готово. – Яков

предупредительно поднял руку: – Ни о каких деньгах и речи быть не может. Эх, Мария! В общем, в воскресенье в обед, только сама приходи, битте.

Он проводил ее и открыл дверь. Мария прошла по двору под пристальным взглядом Эльзы.

***

Устин Денисович не просто так поехал тем переулком, которым Нине домой идти. Ночь, зги не видать, но идут по дорожке двое, поближе подъехал – Наталья, вечно не в свое дело нос сует. Понужнул Жулика, пролетел мимо. Досада брала, что обнаружил свои намерения, а Наташка точно учуяла, отомстила, что когда-то завалил ее в бытовке, ладно, что девчонки ведрами забрякали, вскочил, ширинку под гимнастерку спрятать успел. Тогда после дойки она подошла к бригадиру и улыбнулась:

– Кожин, я своему скажу, что ссильничал меня, он к тебе домой придет и прямо в теплой постели около Апроши твоей зарежет. За ревность много не дают, да еще бабы поддержат, года три, не больше, лес повалит в тайге, ему это запросто.

Устин возмутился:

– Наталья, ты дурочку-то не гони, а то и вправду брякнешь своему, а ему человека зарезать...

– Вот и я про то же, – закончила за него Наталья, и больше он к ней не подходил.

Дома выпряг коня, поставил под сарай, большой кусок брезента, свернутый в рулон и закрепленный под крышей, опустил, бросил из кошевки охапку сена и сыпанул из мешка полведра овса. Через часик вынесет ведро теплой воды из дома. Коня своего Устин берег, он его и от зверя, и от недобрых людей уносил. Года три назад на подъезде к селу выскочил на сугроб мужик с ружьем, Жулик толи его испугался, толи порох почуял – рванул в галоп, хозяин едва в кошеве удержался. А тот выстрелил, да из другого ствола. Картечь просвистела у самого уха и ударила Жулика в бедро. Кровь хлынула, конь сбавил ход, испуганный Устин повернул к дому ветеринара, выдернул его изо стола, и в лечебницу. Зажали Жулика в стойле, ветеринар рану осмотрел и командует: «Держи его, Устин Денисович, потому что резать придется, картеча глубоко». Обнял он конскую голову, ласковые слова шепчет, а у коня слезы из обоих глаз. Нета-нета вынул ветеринар картечь, Костя ее вытер от крови, в карман положил, а сам налил из бу-

тылки в шкафчике стакан спирта и залпом выпил. Конь тогда неделю в лечебнице простоял, ничего, выправился.

А Кожин по пути домой перебрал всех баб, которых трогал в последнее время, и сразу прикидывал, а не охотник ли у нее мужик? Таковых определил два, но заявлять никуда не стал, решил сам разобраться. Выяснилось, что один, тракторист Фомин, в это время лежал в больнице, остался учитель физкультуры Супрун, парень здоровый и развитый. Поглядев на него со стороны, Кожин решил, что дешевле это дело вообще замять.

***

В июле 1944 года ранним утром, на восходе солнца, наступающие войска Красной Армии освободили польский город Люблин и вслед за ним маленький городок Пулавы с лагерем военнопленных. Разбираться было некогда, для больных и слабых развернули госпиталь, здоровых после формальной проверки поставили в строй. Вместе со всеми красноармейскую книжку и автомат получил Устин Кожин, хотя лейтенант СМЕРШа внимательно на него посмотрел и спросил:

– Давно в плену?

– Три месяца, товарищ лейтенант

– Где воевал?

– В партизанском отряде под Ровно, товарищ лейтенант.

– Вид у тебя, будто ты не в лагере, а в санатории был, – подозрительно посмотрел офицер.

– Я, товарищ лейтенант, старшим был по бараку, так что продуктов хватало.

– Ладно, воюй, потом разберемся.

Разбираться лейтенанту не пришлось, когда проходили Пулавы, лейтенант был убит выстрелом в голову. Кинулись искать фашистов, все дома прочесали, в каждую квартиру заходили – нет никого. И лейтенанта нет.

Кожина зачислили в пехотную роту. Ломая сопротивление оставшейся после прохода танков немецкой пехоты, рота вместе с соседями медленно продвигалась, освобождая польские города и села. Во Вроцлаве Кожина откомандировали в комендантскую роту, где он дождался Победы и вскоре, как узник концентрационного лагеря, был демобилизован.

Корнеевка встретила его слезами и улыбками, родные нарадоваться не могли, потому что с весны сорок второго он числился без вести

пропавшим. Вечер собрали по такому случаю, фронтовики после первого стакана стали выяснять, в каких войсках воевал, на каких фронтах, много ли наград заслужил. Костя молчал, дождался тишины и спокойно сказал:

– Служил я, ребята, в таком месте, о котором рассказывать не могу, подписку дал. А что касаемо наград, вот они, в коробке, мать прибрала.

На том и закончили.

Через три дня сержант Кожин поехал вставать на воинский учет, но быстро вернулся, сказал, что военкома нет. Второй раз поехал – опять неудачно. Уж и сроки выходят. Прибыл к военкомату, заходить не стал, слушал разговоры, и понял, что завтра военком уезжает в область, за него останется старший лейтенант. Видел Кожин этого офицера, утром приходит с похмелья, с обеда уже в добром расположении духа, а вечером бежит в магазин. Кожин дождался вечера и пошел вслед за старшим лейтенантом, вперед его встал в очередь, купил бутылку водки. Офицер тоже взял бутылку, вышли они одновременно. Кожин на крыльце вытянулся в струнку и четко отдал честь, офицеру понравилось:

– С фронта прибыл, сержант?

– Так точно, товарищ старший лейтенант. А следом телеграмма, награжден орденом Красной Звезды, – напропалую врал Кожин.

– Так это дело надо обмыть, – обрадовался офицер.

– Обязательно, я и бутылочку припас, да выпить не с кем. Вы не порадуетесь со мной, товарищ старший лейтенант?

– Отчего? Это можно. Пошли ко мне, на жену внимания не обращай, поворчит, но картошки поджарит.

После второго стакана Кожин приступил к главному:

– Товарищ старший лейтенант, такую даль ехал, даже пешком шел, чтобы на учет встать, а мне сказали, что военкома завтра не будет. Это же непорядок, когда военком отсутствует, то никто не имеет права солдата на учет поставить. Правильно я говорю?

– Конечно, правильно. У тебя документы в порядке?

– Так точно! – с радостью отчеканил сержант.

– Заночуешь у меня на веранде, завтра пораньше пойдем, пока эти мокрощелки не явились, и я заполню карточку прибытия. Какие могут быть проблемы?

– Вот спасибо, товарищ старший лейтенант, я вас разбужу, – пообещал квартирант.

Утром полупьяный офицер с трудом заполнил бланк, разыскал

ключ от сейфа, достал печать, подышал на нее и тиснул в военном билете Кожина. Костя сам прочитал учетную карточку, заполненную под его диктовку, и вернул офицеру:

– Быстро все прибери, сейчас сотрудники придут, – скомандовал он офицеру.

– Понял. У нас есть чем похмелиться? – с надеждой спросил уже спившийся старший лейтенант.

Костя поставил перед ним купленную утром бутылку и быстро вышел.

***

Трое суток пехотный батальон сдерживал прорыв противника на вверенном участке, солдаты вымотаны были до крайности, спали сидя, ели, отбежав триста метров к подъехавшей кухне, если враг позволит. И вдруг танки, развернулись для атаки, а у ребят по три гранаты на всякий случай, да в каждом взводе по десятку бутылок-зажигалок. Комбат дал команду от каждого взвода по пять человек выдвинуться вперед и встретить танки гранатами и бутылками. Поползли мужики на верную гибель, даже не оглядывались. На белом снегу грязные солдатские фуфайки хорошая цель, пулеметчики из танков безжалостным огнем прошили худенькие солдатские тела, так и остались они во всеоружии, и плавился снег от теплой крови под остывающими русскими мужиками. На танках пехота, соскочили солдаты, залегли до лучших времен, а танки вдоль окопов, по живым людям. Кто уцелел – выскочил, а автоматчики уже кричат ту единственную фразу на немецком, которую знал каждый русский солдат. Его учили так брать в плен противника, а тут сами вляпались, без перевода понятно. Только поднял винтовку – сразу очередь, в спину прикладами автоматов погнали несколько немецких солдат серую массу обезумевших от беды мужиков в свой тыл от линии фронта.

Первые дни держали в бывшей колхозной ферме, разрешили жерди ломать и жечь костры, чтобы не замерзнуть. Привозили кашу и кипяток, кто-то нашел в закутке сено, мелкое, лесное, с листочками и даже цветочками полевыми. Степан Кондаков не выдержал, заревел горючими слезами:

– Братко, перед мобилизацией, уже повестки получили, завтра в район, а мы сено дометывали в Коровьей Падье – помнишь? Вот такое же, с чабрецом, с визильком молодым. Помнишь?

Семен обнял брата:

– Все помню, только ты слабину свою оставь, фашист слезы увидит – всей Германии сообщит, что уже плачут русские солдаты, пощады просят. Не моги, брат, терпи.

Подняли на восходе солнца, построили, дали команду грузиться на машины. Потом целый день везли на грузовиках, разместили в приличном бараке и объявили, что здесь будет большая стройка. Перед строем прохаживалась охрана из солдат и полицаев. Полицаи были в хороших бушлатах и шапках, в теплых сапогах, один из них форсисто разворачивался на каблуках и вставал лицом к строю, любуясь и хвастаясь. Уж на третий раз Степан ухватил брата за рукав:

– Сема, это же Кожин из Корнеевки, помнишь, на призыве вместе были?

– Да нет, вклепался ты.

– Да он, гляди! – горячо шептал брат.

Семен похолодел: точно, похож! И брату:

– Натяни шапку потуже, да не гляди на него, узнает – сразу к стенке, чтобы, не дай бог...

Отряд, в который попали братья, отправили на рытье канавы под фундамент, промерзшую землю долбили кайлом, дальше лопатой. Старший бегал с меркой и материл, что мелко, надо еще на штык. Полицаи ходили поверху, покуривая, но Кожин не появлялся. Семен после работы, разместившись на нарах так, чтобы ослабить натруженную спину, спросил брата:

– Ты и теперь точно веришь, что его видел, а не другого?

– Кого – другого? – переспросил Степан.

– Ну, мало ли что? Вдруг просто похожий. Мы ведь только раз и встретились на призывной комиссии.

– Это ты раз, а я с ним на мельнице в Малышенке вместе был, помнишь, перед войной последнюю пшеницу на сеянку мололи? Вот в тот раз и видел. Он это, – заверил Степан.

– Ладно, тогда осторожней, вдруг появится? – предупредил Семен.

– И чего ему нас бояться? Отсюда, похоже, нам одна дорога, на родине не бывать, в контрразведку не настучишь, – рассудил Степан. – А может, устыдится он земляков. Есть же совесть какая-то.

– Нету у него совести, Степа, какая совесть у полицая? Ладно, спим, – скомандовал Семен

Наступила весна, в этих краях ранняя, зелень появилась, зацвели кустарники, но запахи не наши, не родные. Семен вспоминал но-

чью, когда во влажном воздухе скапливались незнакомые ароматы, как дома в такое время мать открывала створки, черемуха с сиренью вламывались прямо в дом, аж сердце заходилось от милого духа. И до того тоскливо стало на душе, до того пакостно: ты, русский мужик, горбатишь на эту сволочь, которая страну твою и дом твой разорила, ребят самолучших сгубила, девушек наших по березам развешала. Да лучше пулю получить в затылок и упасть лицом к дому!

Днем выбрал время, подозвал брата:

– Бежать надо, Степа!

– А куда? Где мы находимся?

– А что тебе не понятно? На восток надо бежать, навстречу своим, – пояснил брат.

– Нет, Сема, в чужой земле мы долго не протянем, на людей выйдем, и все тут.

– А, может, на партизан? – с надеждой сказал Семен.

– Какие тут могут быть партизаны?

Вечером в бараке к ним подошел средних лет мужчина, гимнастерка с чужого плеча, сразу видно, брюки солдатские великоваты.

– Вы, парни, не братья ли будете? Уж больно лицами схожи, – начал он издалека.

– Братья. Близнецы, я Семен, он Степан. Даже отец путал.

– Славно. Вы из 141 батальона? Я там начальником штаба был, окружили, застрелиться не успел, гранатой оглушили. Очнулся на руках товарищей. Они и переодели, выбросили офицерскую форму.

– Как-то странно, товарищ командир, что вы нам об этом говорите, не боитесь, – поинтересовался Степан.

– Своих не боюсь, вас наблюдаю, хорошие вы парни. Что дальше будем делать?

– Наверное, еще что-то строить надумают, – невпопад ответил Семен.

Гость засмеялся:

– Я о будущем говорю. Наши уже границу с Польшей сломали, будут ближе подходить – нас могут расстрелять, чтобы не возиться. Надо уходить. Согласны?

Братья кивнули:

– Сами об этом говорили.

– Понял. Когда появится возможность, дам знать, – пообещал офицер.

Возможность появилась неожиданно. Из-за высоких облаков бес-

шумно вывалился самолет со звездочками и, проходя над стройкой, сбросил пару бомб. Завалилась выстроенная стена, поднялась паника, вот тогда и раздался крик:

– Кто может – бежим на восток! Быстро!

***

Выборная кампания в местные органы государственной власти требовала постоянного внимания первого секретаря райкома партии. В этой должности Хмара пятый год, но родился в районе и всю жизнь здесь живет и работает, кроме отлучки на войну и учебы в высшей партийной школе. Потому он хорошо знал почти все взрослое население, тем более людей, отличающихся в труде и общественной работе. Он еще раз просмотрел списки кандидатов, кажется, все пятьдесят человек, намеченные в районный совет, знакомы не один год, все люди порядочные, уважаемые, в общем, достойные, и избирателя это оценят.

Хмара был в селе Корнеевке на большом собрании в клубе по выдвижению кандидатов в местный и районный советы. Когда дошли до фамилии Кожина, намеченного райкомом на должность председателя исполкома сельсовета, одобрения зала он не услышал. Только что обсуждали доярку Терлееву, зал шумел:

– Пойдет!

– Хорошая работница, и в семье порядок.

– Записывай, голосуем.

А тут тишина нездоровая. Но выручил парторг колхоза:

– Товарищ Кожин работает бригадиром животноводства центральной бригады. Планы все выполняются, обстановка в коллективе нормальная, вполне достоин быть депутатом сельского совета.

Проголосовали. После собрания Хмара оставил парторга и председателя колхоза:

– Что скажете по Кожину? Только без игры. Почему народ так отреагировал?

– Да нормально отреагировал, Василий Федотович. По руководителям всегда будут вопросы, кого-то обидел, с кого-то спросил лишнее.

Хмара нахмурился:

– Что значит: «Кого-то обидел?». Кто нам, руководителям, дал право кого-то обижать? Или вы что-то скрываете?

Председатель до сих пор молчал, а тут вмешался:

– Василий Федотович, есть у него грешок, баб любит. И народ об этом знает.

– И ты знаешь? – спросил парторга.

– Не то, чтобы знаю, но разговоры есть, а что было на самом деле – я же со свечкой не стоял.

– Твою мать! – выругался Хмара. – Бригадир моральный разложенец, а мы его в депутаты, а мы его в председатели. И народ скажет: «Его же райком двинул, значит, для всех начальников и коммунистов закон не писан». И самое печальное, что народ будет прав, если мы сегодня же не примем меры к этому... любителю. Разберитесь, и завтра мне доложишь, товарищ парторг.

Парторг возмутился:

– Кожин беспартийный, Василий Федотович, какие меры я могу принять?

Хмара спокойно и поучительно разъяснил:

– Вот ты молодой парторг, запомни раз и навсегда: ты отвечаешь за все, что происходит на территории совета и колхоза. Вот он, – Хмара ткнул пальцем в сторону председателя, – он отвечает за колхоз, а ты за все. Понял?

К обеду следующего дня парторг позвонил первому и доложил, что проведено дополнительное собрание по поддержанию кандидатуры Кожина прямо на животноводстве, коллектив проголосовал единогласно. Протокол собрания обещал привезти к вечеру.

Хмара об этом инциденте вскоре забыл, тем более, что выборы прошли организованно, не было отказавшихся от голосования, хотя в трех селах членам избиркома пришлось уговаривать супругов, пообещав от имени советской власти удовлетворить их просьбы, и они опустили бюллетени за пять минут до завершения голосования.

***

На первой сессии Кожина избрали председателем исполкома, бухгалтер проинформировала, что председателю назначается оклад в размере зарплаты по прежнему месту работы. Кожин в перерыве убедил председателя колхоза передать в совет лично для него жеребца Жулика вместе с кошевкой. На летнее время в совете есть мотоцикл М-72.

Устин был хорошим хозяином, дом свой содержал в порядке, хозяйство имел солидное: корова, бычок-подросток, это в колхоз за хорошие деньги, свинья породистая, каждый год приносит два помета по десятку поросят, а спрос на них постоянный, дюжина овец.

Малого теленка и овец весной угонял к казахам на лесные стоянки, где они пасли колхозный скот, осенью выбирал самого упитанного бычка из колхозных, а казаху все равно, лишь бы число голов и хвостов сходилось. Детей у них с Ефросиньей не случилось, может, потому вольно гулял мужик, отлавливая свободных женщин и чужих жен.

С замужними сложнее, припугивал, что работы лишит или припишет телка павшего, а то и корову, по ее вине загубленную от молока, и бабы молчали. Но молва гуляла, прорываясь редкими драками в семье, когда пьяному мужу кто-то подзуживал насчет Кожина, мол, видали скотники на выпасах, как он ее на Жулике в лес увозил. Да, можа, и не возил, а увозил, но не ее, а так в кампании мужику продиктовали. Ну, и драка, бабу отберут, несколько ночей по людям ночует, потом домой идет, знает, что трезвый, да и ребятишки за руку тянут каждый вечер. Придет, а мужик в глаза не глядит. И начнет бабочка воспитывать:

– Дурак ты, Ваня, ведь пятнадцать годов живем, ребятишек народили, а ты в ревность ударился. Пусть язык отсохнет у того, кто тебе под пьяную задницу такую пушку отлил. Ишь, зарос весь, поди, обовшивел без меня. Топи баню, такого грязного я тебя на постель не пущу.

И загремят ведра, со звоном лопаются толстые полешки, чтобы мелкие лучше горели и быстрей нагрели, и задымила труба, выпуская в высокое небо столб белого березового дыма. А после бани мир в семье. Виноватый мужик ребятишек на полати шугнул, в горнице жене спину промокнул махровым полотенцем, даже волосы расчесать не дал, обнял со спины, ухватился за влажные груди, она состонала и махнула на все рукой...

А молоденькая доярочка Нина Каурова так с ума и не шла. Для приличия приезжал на ферму к началу дойки, разговоры вел о выполнении планов и обязательств, хвалил передовиков. Все, как и раньше. А сам бумажку с расписанием ночных дежурств доярок просмотрел, даты напротив фамилии Кауровой запомнил. И в такой вечер, когда все животноводы управились и разошлись по домам, а ночная доярка осталась одна, Устин толкнул дверь в чистый коридор, где было приемное отделение и красный уголок, комната отдыха для доярки. Дверь оказалась на крючке. Он постучал, голос Нины:

– Кто?

– Ниночка, открой, – ласково пропел мужичек.

– А, товарищ председатель, ночами посторонним в базе делать нечего, – смело ответила девушка.

– Поговорить с тобой хочу, дурочка, зря ты меня чураешься, – растекался Устин.

– Да некогда разговаривать, у меня корова начинает телиться в родильном.

И ушла. Кожин знал каждый закоулок на ферме, прошел с обратной стороны, в фетровые валенки снега начерпал, но дверь открыл, в полной темноте, наощупь пробрался в базу и прокрался к комнате отдыха. Вдруг в спину ему сильно уперлись вилы, уже проткнули кожаную тужурку и коснулись тела, он невольно подался вперед и уперся лицом в стену.

– Нина, не дури, это хулиганство! – тихо сказал Устин Денисович.

– А крадчи проникать на ферму, это с какой целью? Может, теленка украсть или корову увести? Вот сдам вас утром в милицию, и пусть разбираются.

– Нина, убери вилы, у меня уже кровь по спине течет. Вилы грязные, заражение может быть. Убери! – уже не грозил, а просил председатель.

– А может это и к лучшему. Будет заражение, что-нибудь отрежут, чтобы к молоденьким девушкам не лазили черным ходом. Ладно, разворачивайся, и к двери, крючок снимай, и бегом домой. Если что – я ткну вилы, заколю, и суд меня оправдает.

– Согласен, ослабь, я к дверям, – униженный мужчина едва сдерживал себя.

Сидя в кошевке, ощущал липкую кровь под задницей, с ужасом думал, что делать. Только к сестре, Зинаида поругает, но поймет, и не сдаст ни жене, ни улице. Постучал в ворота, в комнате загорелся свет, женский голос:

– Кто там среди ночи?

– Зина, пропусти, помоги мне.

Испуганная сестра впустила позднего гостя, он скинул тужурку, вязаную кофту и рубаху вместе с исподней. Зинаида глянула на спину и ахнула:

– Устин, ты это где так?

– Зина, потом, промой раны и смажь чем-нибудь, чтоб заражения не было. Это вилы, – с трудом признался брат.

– Вилы? – изумилась сестра и принесла теплой воды, протерла спину, промыла раны, предупредила: – Не молодуха ли какая на ферме отбивалась? А теперь терпи, любовник хренов, самогонкой буду мыть.

Устину хотелось орать от боли и злости. Зинаида подложила ватки с какой-то мазью и перетянула все тело разорванной простыней.

– А теперь снимай штаны, кальсоны надо стирать, наденешь Ивановы.

Брат возмутился:

– После покойника не надену.

– Ну, ходи голышом, брюки замывать надо.

Устин нехотя надел кальсоны, Иванову же рубаху.

Зинаида предложила:

– Тебе лучше заночевать у меня, а завтра в больницу.

– Ты о чем, какая больница, чтобы вся деревня знала? А до властей дойдет – попрут с работы, – расходился брат.

Зинаида вздохнула:

– Устин, все равно узнают, тот, кто тебя колол, скрывать не будет. Кого опять домогался? – поинтересовалась сестра.

– Да-а-а, дурочку одну хотел пощупать, а она оказалась шустрой, – зло ответил Кожин.

– И вот результат любовной ночи. Ночуй, утром посмотрим, если краснеть не будет, сделаю перевязку, а Ефросинье скажешь, что в районе задержался, – с простой души посоветовала Зинаида.

– Ага, я из дома уехал уже потемну, после ужина, – грустно кивнул Устин. Сестра развела руками:

– Тогда придумай сам.

***

Матери Нина говорить ничего не стала, зачем расстраивать? Еще пойдет, не дай бог, правду искать. После ночного дежурства доярке полагается выходной. Нина стала еще до восхода солнца, прибрала в доме, постирала скромненькое бельишко, побелила стены и большую русскую печь на кухне, а вечером собралась в клуб. После кино объявили танцы под радиолу, ее подружек-школьниц дежурный учитель, физик, попросил покинуть вестибюль, после десяти вечера надо быть дома. Окинула взглядом кампанию – ничего интересного, поднялась, чтобы домой идти, а тут музыку запустили, «На побывку едет молодой моряк», и прямо к ней идет самый настоящий моряк, подошел, поклонился, каблучками прищелкнул:

– Разреши, Нина, пригласить тебя на танец!

Нина чуть не расхохоталась, это же Володька Бородин, сосед, два года назад в армию проводили.

– Здравствуй, Володя, ты насовсем прибыл? – спросила она.

– Нет, только на побывку, как тот моряк из песни. Впереди еще два года.

– Интересная у тебя служба?

Володя ответил:

– Трудная, но и интересная, полмира уже повидал. Правда, в основном с борта, на берег не каждый раз отпускают.

– Вон моряк поет про подругу нежную, которая ждет. Ты тоже обзавелся? – подмигнула Нина.

Володя засмеялся:

– Нет. И не собираюсь. Я планирую домой возвращаться, не каждая в Сибирь согласится ехать, а для просто так – смысла нет.

Заскрипела пластинка, кончилась песня, Володя предложил:

– Пойдем на улицу, хочу по деревне родной пройти, соскучился. А ты как?

– Да никак, не спрашивай, – махнула она рукой.

– Ты что, Нина, или обидел чем? Я же по-свойски, – смутился моряк.

– Хвалиться нечем, школу бросила, дояркой работаю, подъем в четыре, весь день на ногах, а зарплата зимой – только на хлеб да сахар.

– А я тебя сразу узнал, хоть и повзрослела ты за эти годы, настоящая невеста, – похвалил Володя.

– Ну, так посватай, если невеста, – озорно засмеялась девушка.

Володя осмелел:

– Нина, я серьезно тебе говорю, что понравилась мне сразу. Уходил-то – ребенком была. Если согласна – станем переписываться, и мне легче, буду знать, что есть у меня девушка дома, ждет. Приду, в техникум поступлю заочно на механика, и ты тоже на зоотехника, свадьбу сыграем, дом построим...

– Ой, Володя, куда тебя понесло! Уж и дом и свадьба, только про ребятишек не сказал. А ведь два года, – напомнила она.

– Это только кажется, что два года, а на самом деле – два похода по полгода, и все, – штатно ответил матрос.

– А как же письма? – спросила Нина.

– Так. Сразу целый мешок получишь, а если удастся, пришлю тебе из Индии или из Австралии. Ребята находят русских и отдают письма, те отправляют. Нина. – Володя взял ее за плечи. – Ты можешь не верить, но я ни разу не целовался с девушками. Можно, я тебя поцелую, хоть в щечку.

Она приподнялась на носках, и он коснулся ее прохладной щеки, потом стал искать губы, Нина не пряталась, Володя целовал ее неумело и нежно.

– Ну, все, – сказала Нина. – Мы ведь домой пришли. Проводи меня до ворот и поцелуй еще раз. Ты сколько будешь гостить?

– Десять дней.

Нина взяла его за руки:

– Если завтра не передумаю, то буду тебе писать и ждать. Вроде как жених мой будешь. Пошла я, Володя, мне в четыре вставать на дойку.

Он стоял долго, пока в комнате горел свет, Нина раздевалась и разбирала свою кровать, потом свет погас, и Володя быстро отбежал: из темной комнаты его под фонарем хорошо было видно. А он стеснялся.

Еще девять вечеров Нина и Володя встречались, уже поздно, после дойки. У Володи отец строгий, но сын насмелился и попросил разрешения привести Нину в избушку на ограде, она же летняя кухня, она же мастерская у отца. Разрешил, улыбнулся: «Только без баловства». Сын покраснел.

Обнимались, целовались на стареньком диване, пытали, наивные, друг дружку:

– А ты вернешься, не обманешь?

– А ты будешь ждать, не задружишь с кем?

– Володя, адрес ты мне не сказал! – в последний вечер спохватилась Нина.

Володя нашел на верстаке тетрадку отцовскую и карандаш, четко написал зашифрованный флотский адрес. Нина прочитала и удивленно глаза подняла:

– А какой корабль? Как тебя искать будут?

Володя посерьезнел:

– Название корабля не указывается, это военная тайна, а имя у нас настоящее, подводная лодка «Ленинский комсомол». Нина, это ты никому, поняла?

Утром с колхозной машиной Володя уехал. Нина попросила девчонок коров подоить, все сидела у окна, ждала, когда выйдет моряк. Подъехала машина, вышла вся Володина родня, Нина закусила губу, фуфайку накинула и за ворота. Володя увидел, улыбнулся, помахал рукой. Вот и все прощание.

***

Готовились к празднованию Дня Победы, в школе объявили встречу с фронтовиками, троих пригласили. Максим Клюев был стрелком-радистом на самолете, в боях под Москвой по два вылета делали в сутки, так вышло, что Максим за месяц сбил три

фашистских истребителя и два бомбардировщика. Получил большой орден, а на другой день их сбили, Максим вывалился из горящего самолета, «Мессершмитт» хлестанул по нему очередью из пулемета и бросил. Максима подобрали наши бойцы, отвалялся в госпитале и довоевывал в пехоте. Павел Менделев танкист, лицо и руки обожжённые, три машины от Сталинграда до Праги под ним сгорели, из первого экипажа один остался. Два ордена Красной Звезды, Боевое Красное Знамя, медали. Ребятишки до начала встречи смотрели на дядю Максима и дядю Пашу совсем другими глазами. Соседи, односельчане, а оказывается, герои, получше, чем в книжках.

Перед самой встречей на мотоцикле подъехал председатель сельсовета Кожин. В коридоре снял плащ, и все ахнули: на армейском командирском кителе погоны лейтенанта и ордена в два ряда.

Максим и Павел говорить не особо мастаки, тем более – перед ребятишками, о войне говорили просто, без надрыва, рады, что живые остались, вспоминали друзей погибших, и ребятишки слушали, хотя никто этих героев не знал. Перед выступлением Кожина вперед вышла старшая пионервожатая, громко и торжественно объявила:

– Дорогие дети! Сейчас я предоставлю слово прославленному командиру и нашему руководителю Устину Денисовичу Кожину. Вы видите, сколько у него наград. Он завоевал их в жестоких сражениях, к которым готовился задолго до войны. Вот что писала наша районная газета весной 1941 года, еще до войны.

«Красная Армия разгромит любого врага. Наши славные чекисты во главе с лучшим сыном коммунистической партии тов. Ежовым разоблачили подлый «правотроцкистский блок» убийц, шпионов, предателей. Эти фашистские наймиты Бухарин, Рыков, Ягода и др., хотели разделить нашу счастливую родину между фашистами, восстановить в СССР капитализм. Гнусные убийцы умертвили наших любимых руководителей т. т. Менжинского, Куйбышева, великого писателя А. М. Горького. Это была подлая месть фашистских выродков прекрасным людям, с горячим сердцем, посвятившим всю свою жизнь без остатка служению трудящемуся народу.

Цепным собакам фашистских разведок никогда не удастся видеть нашу родину под сапогом фашистов. Красная Армия и весь советский народ разгромит любого врага.

Я, как курсант полковой школы, беру на себя обязательство овладеть на отлично боевой и политической подготовкой и призываю всю

молодежь нашего района через военные кружки ОСОАВИАХИМА изучить в совершенстве технику военного дела. Овладевая большевизмом, еще больше усилить бдительность, чтобы ни одна фашистская гадина не смогла притаиться в нашей стране. Быть всегда готовыми дать сокрушительный отпор врагу, если он посмеет посягнуть на нашу счастливую Родину, на нашу радостную счастливую жизнь».

Товарищ Кожин честно выполнил свою клятву. Предоставляем ему слово.

Кожин встал, гремя медалями.

– Мы, ребята, честно выполнили свой долг перед Родиной, разгромили фашизм. Спасибо Анастасии Николаевне за приятный сюрприз, мое письмо в газету, но я рад доложить, что все, что обещал, исполнил. Как и мои товарищи по оружию Максим Павлович и Павел Михайлович. С праздником Днем Победы поздравляю всех вас.

Когда вышли, Менделев спросил:

– Устин Денисович, ты на каком фронте в конце войны служил?

Кожин ответил:

– На Втором Белорусском. А что?

– Да вот, смотрю, медаль у тебя, как у меня, «За освобождение Праги», а брал ее наш Первый Украинский товарища Рокоссовского. Так что сними, ошибка вышла.

Кожин побагровел:

– Ты что, Павел, ты в чем меня обвинил? Что я чужую медаль нацепил? Какую дали, ту и ношу.

Менделев улыбнулся:

– Да носи на здоровье, знаю, что и нужная бумага у тебя припасена.

Кожин вышел первым, так рванул свой мотоцикл, что комья грязи полетели в разные стороны.

– Врет он, Максим. И не только про Прагу. И бумагу эту Насте он сам утром принес, мой племяш видел, сказал. Помню, в сорок четвертом отпустили меня домой по ранению, мать его приходила, не видел ли где Костиньку моего, два года писем нет, пропал без вести. И вдруг он объявляется, весь в орденах, как в репье, цел и невредим. Спрашивается: где был?

– Он же всегда говорит, что засекречен, в особых подразделениях служил...

– ...Где матери письма писать запрещали? Ладно, хрен с ним, только не к дУше мне все это.

***

Володя присылал Нине короткие письма: служу, скучаю, хотя скучать некогда, много работы, готовимся к серьезному делу. И вдруг писем не стало. Нина поняла, что «серьезное дело» – это поход его корабля по морям и океанам, и он начался. Мечтала, что получит письмо из-за границы, с красивыми марками и картинкой на конверте. Но писем не было. А в конце сентября в Корнеевку приехал военный комиссар из района, с ним «скорая помощь», остановились около дома Бородиных, которых Кожин уже предупредил, что приедут представители. Отец и мать сидели на скамейке в избе, напуганные и готовые ко всему, хотя – что должно случиться, чтобы им обоим непременно быть дома и ждать? Оба понимали, что хорошего на их пай не отведено, а что худое – сидели и ждали. Майор военкомата вошел первым, отдал честь родителям и произнес четко:

– Я уполномочен сообщить вам, что ваш сын Бородин Владимир Федотович погиб, выполняя воинский долг. Он похоронен по месту гибели, о чем вам сообщат дополнительно. Командование благодарит вас за воспитание настоящего патриота своей родины. Примите мои соболезнования.

Последние его слова заглушил истошный крик матери, закатилось ее солнышко, черным мороком заволокло разум, сердце ойкнуло и остановилось. Молодой майор, никогда не бывавший в подобном положении, выскочил, уступив место медикам. Матери наставили уколов, вкололи и отцу, который тупо смотрел себе под ноги. Братья и сестры плакали в горнице. Военком подошел к своей машине, закурил. Собирался народ. Начали задавать вопросы:

– Товарищ майор, как же так, парень служил по третьему году, не салага. Что могло случиться?

– Что это? Войны нет, а тут «при исполнении долга»?

– А тело почему не отдают? Ему место на родном кладбище, да и родителям было бы легче. Где его зарыли?

Военком бросил окурок, раздавил его ботинком:

– Товарищи дорогие, я знаю не больше вас. Получил приказ, выполнил. Знаю, что служил Бородин на флоте, больше скажу: на подводном флоте. А что и как – неизвестно.

Нине кто-то сказал о горе, она бросила недомытые фляги и кинулась в село. Толпу народа около Бородиных увидела издалека, и ноги подкосились, подошла тихонько, слушала разговоры и плакала. Молодой учитель физики из школы взял ее под локоть:

– Вечером приходите ко мне на квартиру, к десяти часам.

Нина подняла мокрые глаза:

– У вас совсем стыда нет, я дружила с Володей, а вы мне почти на похоронах свиданье назначаете.

Учитель смутился:

– Простите меня, Каурова, вы не так поняли. Я хочу, чтобы вы узнали некоторые подробности гибели Бородина.

– Откуда вам известно? – встрепенулась Нина. – А может он и не погиб вовсе?

– Не могу сказать, приходите, только одна, и ничего не опасайтесь, я человек порядочный.

Нина приехала с летних выпасов, обмылась в теплой баньке, наскоро перекусила и пошла к учителю. Он квартировал у стариков Мыльниковых, жил в маленькой комнатке, устроенной из казенки старшим сыном, который уже женился и поставил свой дом. Нина поздоровалась со стариками, они ее узнали, хотели поговорить, но она прошла вслед за учителем. На столе стоял большой радиоприемник, какие-то приборы и пластины с припаенными круглыми и продолговатыми железками и десятком разных лампочек.

– Каурова, это очень секретно, я сконструировал приемник, который ловит иностранные радиостанции. В десять часов на радио «Свободная волна из Кельна» начнутся последние известия. Они еще раз повторят то, что передавали вчера вечером.

– А зачем это мне? – спросила Нина.

– Бородин служил на подводной лодке, ты об этом знала?

– Нет, Володя говорил, что служит на корабле.

– Ну, какая разница, подлодка тоже корабль. Слушай, на тебе наушники.

Сам тоже нацепил наушники и стал подкручивать ручки приемника.

«Вы слушаете «Свободную волну из Кельна». Последние новости. На военной базе советского Северного флота идут работы внутри подводной лодки «Ленинский комсомол». Как мы уже сообщали, этот атомный подводный корабль нес боевое дежурство в Средиземном море, якобы сдерживая агрессивные выпады Шестого американского флота. После смены лодка направилась к месту постоянного базирования в Северодвинск, но в Норвежском море в двух отсеках внезапно возник пожар. Ценою собственных жизней моряки задраили перегородки и локализовали пожар. Погибли тридцать девять моряков, но лодка в надводном положении своим ходом дошла до базы.

Советское правительство скрывает от своего народа эту трагедию, все погибшие моряки похоронены в братской могиле, их родственникам сообщили, что моряки погибли при исполнении воинского долга. Но не сообщили, где похоронены их мужья, отцы, сыновья. Ни одна семья не получила материальной компенсации от государства за потерю родного человека. Более того, с родственников берут подписку о неразглашении якобы государственной тайны. Внимание: через несколько минут мы передадим список погибших моряков с советской подводной лодки «Ленинский комсомол». Слушайте «Свободную волну из Кельна». Следующая новость из Москвы...»

Учитель выключил приемник, Нина сдернула наушники и испуганно спросила:

– А список?!

– Подожди, Каурова, приемнику надо остыть. Я включусь через пять минут, они как раз закончат обзор известий и начнут читать список.

Нину била мелкая дрожь, она вышла на кухню и попросила горячего чая, бабушка Мыльничиха налила ей чашку, Нина пила, обжигаясь.

– А что, Нинка, не щупат тебя учитель?

Нина поперхнулась:

– Что вы, бабуся, мы слушаем последние известия.

– Да само собой ясно-понятно, последние известия вон, на тумбочке стоят, а вы в горенке закрылись. Да ладно, дело молодое.

И тут учитель позвал Нину. Она надернула наушники и услышала:

«Бородин Владимир Федотович, старшина второй статьи, призван из села Корнеевка Тюменской области...»

Нина прямо в наушниках упала на пол. Учитель поднял ее под руки и повел на улицу. Бабка хихикнула:

– Интересные известия по вашему радиву передают, до потери сознательности.

– Замолчите, – крикнул учитель. – С ней обморок, только что передали, жених ее погиб в армии.

Старуха перекрестилась:

– Спаси и сохрани. Я-то думала, что на радостях она брякнулась.

***

На очередной планерке а райкоме первый устроил разнос заведующему организационным отделом за плохую работу с кадрами:

– Не модно сейчас вспоминать Сталина, но его умные высказывания знать надо и им следовать. Известная фраза: «Кадры решают

все». Но нам небезынтересно, что это за кадры. Приняли редактора со стороны, сектор печати обкома рекомендовал, лишь бы дырку заткнуть, а он у нас через полгода загулял, да так, что неделю найти не могли. Потому особое внимание на руководителей, они от имени партии работают, а у нас человек второй год возглавляет советскую власть на селе и не является членом партии. Владимир Тихонович, пора решать.

Кожина принимали на общем партийном собрании, так рекомендовал Хмара, поскольку глава местной власти должен быть на виду у всего народа. Все равно собрание прошло вяло, рутинно. Кто-то с места крикнул:

– Чего тут обсуждать? Голосуем.

– Райком знает, кого ставит на такие должности.

Но вопросы позадавали, так, для порядка, хотя вдруг женский голос:

– Пусть про вилы расскажет.

Председательствующий, колхозный инженер, переспросил:

– Про какие вилы? Чей вопрос? – Но в зале около ста человек, не вдруг найдешь. – Объяснишь, Устин Денисович?

Кожин помялся:

– Провокационный вопрос. Я тогда работал на животноводстве, доярки сено раздавали в кормушки, у одной вилы сорвались, а я рядом стоял, и прямо мне в спину.

В зале смешки, но проголосовали за прием Кожина кандидатом в члены партии. А он все прислушивался к женскому голосу, стоящему в ушах, знакомый голос, долго понять не мог, потом осенило: это же Наташка, рядом работает с Кауровой, ей эта сучка разболтала. Ладно, найду способ прижать ее к ногтю, подловлю на чем, что даже мужику не скажет.

В следующей газете появилась заметка про партсобрание, и было сказано, что в ряды КПСС принят фронтовик, орденоносец, председатель сельсовета Кожин Устин Денисович. Жившие в полусотне километров от Корнеевки в Тюкале братья Семен и Степан Кондаковы районку читали, и в тот же вечер сбежались:

– Сема, вот я сроду беспартийный, но знаю и вижу, что в партии в основном народ порядочный. И как эту гниду могли принять? То-то я вижу, в заметках «Кожин, председатель сельсовета». Даже подумать не мог, что это тот, у них в Корнеевке Кожиных не меньше, чем у нас Кондаковых. А оно видишь, как: фронтовик, орденоносец. Что делать будем?

Семен помолчал, потом спросил:

– А что мы можем сделать? Его органы должны были проверить, может, он в полицаях по заданию состоял? Опять же и наград много.

– Сема, да этих побрякушек мы с тобой ведро могли привезти с поля боя, – разошелся Степан. – Помню, назначили меня в похоронную команду, это где-то уже под Варшавой, считай, у каждого солдата вся грудь в значках. А старшина велел мне их снимать и на каждого убитого записывать, потом родным высылали. Я их тогда пол вещмешка набрал. Вполне мог стать орденоносцем.

– Ладно, орденоносец, есть власти, им виднее, – подвел итог Семен.

А на другой день на поле, где они молотили озимую рожь, приехал первый секретарь райкома Хмара, дело к обеду, мужики собрались в кучку, обед из столовой привезли. Хмара тоже попил чаю, со смородинным листом заварен, вкусно. Семен дождался, когда Хмара отошел в сторонку из кружки листочки выплеснуть:

– Василий Федотович, я хотел про Кожина из Корнеевки спросить. Вам все про него известно?

Хмара напрягся:

– Продолжай.

– Например, что он в плену был.

– А ты откуда это знаешь?

– Так мы же с братцем полтора года на фашиста горбатили, пока не сбегли.

– И он с вами?

– Нет.

– Все. Никому ни слова, рожь уберете, и ко мне. Сразу. Понятно?

Рожь обмолотили, агроном дает команду быстро переоборудоваться на косовицу яровых. Семен подошел, говорит, надо им с братом один день по важным делам. Агроном закричал, что нет сейчас дела важнее уборки, тогда Семен вынул туза козырного:

– Нас товарищ Хмара вызывает. Не веришь – позвони ему, уточни.

– Ладно. Но только один день!

Поехали рано утром на Степином «Москвиче», за прошлую уборку получил, зашли в райком, техничка в коридоре пол подтирает.

– Вы куда, ребята, навострились? Тут райком, а не проходной двор.

– Ишь ты, десятый секретарь, раскомандовалась. Скажи лучше, Хмара пришел?

– Тут, с шести часов, не спится ему, уборка.

– Так вот, мы до него.

Поднялись на второй этаж, нашли дверь в приемную, открыли створку кабинетных тяжелых дверей. Хмара говорил по телефону, увидел гостей, махнул рукой: «Заходите!».

Семен рассказал все, как было. Хмара повторил вопрос: а не ошиблись? Тогда Степан дополнил про то, как вместе с Кожиным зерно мололи на Малышенской мельнице летом сорокового года, целый день были вместе, даже бутылочку распили, как земляки.

– Мы почему вам решили сказать, Василий Федотович? У вас власть большая, вы можете проверить, мало ли, что в полицаях был, а, может, он задание особое выполнял? Прочитали в газете, что в партию его приняли, вот и подумали: а знает ли райком? И что он будет за коммунист, если действительно в предателях был? Вы уж проверьте, товарищ секретарь, чтобы нам грех на душу не взять, оклеветать честного человека.

Хмара посмотрел на братьев: малограмотные, беспартийные, а ведь не в милицию пошли, а в райком. В них партийности больше, чем в некоторых наших бумажных активистах.

– Давайте так договоримся. Кожин принят в партию в своей организации, ее решение будет утверждать бюро райкома. Мы во всем постараемся разобраться, и решение будет безошибочным. И вас пригласим на бюро, вдруг потребуетесь. За информацию благодарю, но больше никому ни слова.

Они попрощались, и Хмара проводил мужиков до дверей.

После известия о гибели Володи прошло полгода, никто уж и не вспоминал, только мать не смогла смириться с потерей сына, вроде головой тронулась, лежала, плакала без слез и только просила:

– Приведите меня на могилку моего сына, приведите меня, ведь где-то она есть. Приведите меня...

Возили в больницу, но там сразу предложили отправить в психиатрический диспансер, только пожилая женщина-врач в коридоре шепнула мужу:

– Не вздумайте в психушку, вы ее потеряете. Пусть будет дома. Сколько времени прошло? Ну вот, еще полгода, и она придет в себя. Поите ее настоями трав, сонных, чтобы больше спала. И кормите хорошо.

Нина про это узнала, хотела бы сходить к тете Феше, да неудобно, кто она им? А тут возвращается с вечерней дойки, снежок идет, тепло, и настроение хорошее. Видит: около дома прохаживается парень, сердце вроде екнуло, но тут же смутилась Нина, не тот это парень.

Подошла ближе – учитель физики, вспомнила, что зовут его Геннадий Васильевич. Увидев Нину, он шагнул навстречу:

– Добрый вечер, Нина Каурова, в клубе вы не бываете, а мне вроде на ферме не с руки появляться, вот, решил около дома вас дождаться.

– У вас еще какие-то новости про Володю есть?

Учитель смутился:

– Нет, к сожалению. Я по другому поводу. Когда мы вместе были там, у приемника, я еще ничего не понимал, а потом понял, простите, что хочу вас видеть. Вас это удивляет?

Нина пожала плечами:

– Не вижу ничего удивительного, хотите видеть – смотрите. Только я не понимаю, зачем вам это?

Физик согласился:

– Да я и сам пока не знаю.

Нина засмеялась:

– Эх, вы, ухажер, пугаете девушку темной ночью, и сами не знаете, зачем.

– Нет, знаю, – твердо ответил учитель. – Вы мне нравитесь, еще там, в комнатке, понравились, но все никак не мог вам об этом сказать.

– Так вы же меня в классе не замечали! И двойки ставили. Забыли? – Нине было интересно разыгрывать своего мучителя законами Ома и правилом правой руки.

– Да, представьте – не замечал. Но сейчас... Нина, давайте дружить? Мне квартиру дали в двухэтажке, однокомнатную, сегодня дали, в выходные попрошу школьную техничку побелить и покрасить. Будете ко мне в гости приходить.

Нина посмотрела на него не как на учителя, а как на простого парня. Симпатичный, умный, трезвый, даже не курит. Работа постоянная и зарплата, наверное, неплохая. И не хам, под фуфайку не лезет. Чем не жених?

– Геннадий Васильевич, подружим мы с вами неделю, месяц, а потом что? – напрямую спросила она.

– Почему только месяц? – удивился учитель. – Можно дольше.

– Господи, какой же вы бестолковый! А замуж вы меня возьмете? – засмеялась Нина.

Учитель растерялся:

– Да! То есть, я об этом не думал, не знал, что все решается вот так вместе, но, если вы согласны стать моей женой, я готов хоть завтра подать заявление в загс.

Нина не знала, плакать или смеяться, сама себя просватала, скажи кому – не поверят. А она сейчас все решит, пропади все пропадом!

– Геннадий Васильевич, давайте так: завтра после двух часов, когда уроки у вас закончатся, приходите в сельсовет, с паспортом, я вас буду ждать. Подадим заявление, и через месяц нас зарегистрируют как мужа и жену. Вы согласны?

– Очень! То есть, я рад, я счастлив, Нина, я буду в совете сразу после двух.

– Вот мы и договорились, – грустно улыбнулась Нина. – Поцелуйте меня, и я пошла спать.

Учитель явно никогда не целовал девушек, так неловко он обнял Нину, с такой опаской коснулся ее губ, что она взяла его за голову, чуть приподнялась и присосалась к его пухленьким губам, как тренировались когда-то с девчонками. Выдохнула и побежала домой.

Секретарь сельсовета подала им бланк заявления, Геннадий сам все заполнил красивым почерком, оба расписались. Секретарь, тоже бывшая учительница и почти соседка Нины, улыбнулась:

– Если вам, молодые люди, невтерпеж, я могу вас и сегодня зарегистрировать.

– Нет-нет, – возразила Нина. – Нам нужен месяц на размышления. Мы только вчера вечером познакомились.

У секретаря сельсовета очки свалились с носа на стол.

На крыльце Нина сказала:

– Покажите мне квартиру свою, да никого не зовите, сами все побелим и покрасим.

В обшарпанной квартире, осмотрев все и определив, сколько надо извести и краски, прикинув, куда поставят стол и кровать, которые жених после ремонта купит в сельмаге, Нина привалилась спиной к косяку и позвала:

– Гена!

Он был на кухне и быстро подошел.

– Ты теперь мой нареченный муж, ну, как бы не совсем муж, но все равно уже не просто ухажер. Потому звать тебя буду по имени, любить тебя буду всю свою жизнь, и ты скажи.

Геннадий Васильевич произнес, как торжественное обещание:

– Я тоже всю жизнь. Ниночка, всю жизнь буду тебя любить.

– Ты целоваться, наконец, научишься? Иди сюда ближе.

Целовались, пока у Нины голова не закружилась.

– Все, Гена, хватит, а то уж дурные мысли в голову полезли.

– Да, и мне тоже.

– Ты их пока не пускай, ладно? – хитро попросила она.

– Кого?

– Мысли, глупенький ты мой!

***

В тот же день Хмара связался с управлением Комитета государственной безопасности, его соединили с нужной службой, майор выслушал секретаря райкома и ответил, что запрос принят, ему потребуется несколько дней на подготовку материалов для бюро райкома. Через два дня майор позвонил и сообщил, что готов выехать для информирования парторгана на месте.

Чекист привез копии всех документов, касающихся Кожина Устина Денисовича и относящихся к периоду от призыва его на действительную военную службу в 1940 году и до демобилизации в 1945. Просмотрев все бумаги, Хмара спросил:

– Почему органы, имея такие сведения, не привлекли изменника Родины к ответственности?

Майор ответил:

– Вы же фронтовик, помните, какая обстановка была в западных областях и в Прибалтике после Победы, так что вот такая мелкая сошка, за которой не было раскрытых особо опасных преступлений, вроде участия в расстрелах, пытках и прочее, оставалась без внимания. А потом было решено проверить, как тот или иной гражданин, да, оступившийся, служивший на врага, ведет себя после войны, чем занимается, как работает, как относится к власти и партии. По Кожину есть заключение, что после демобилизации он женился, работал в колхозе, учился в школе руководящих кадров, был бригадиром и даже избран депутатом и председателем исполкома. Остановись он на этом, и вы бы ничего не знали, и мы бы не создавали вам проблем.

– Сейчас его можно судить?

– Комитет не будет поднимать это дело, – категорично ответил чекист.

Хмара возмутился:

– Товарищ майор, но оно все рано всплывет, мы же не можем принять в партию бывшего полицая, и мы сошлемся на ваши документы, которые неопровержимы. Этого от народа не скроешь, тем более, что в районе есть люди, которые видели его в форме полицая. Кстати, по наградам: у него полная грудь орденов.

Гость пожал плечами:

– Об этом у нас нет информации. Медаль «За Победу» числится, более ничего. Думаю, вы сами разберетесь с этим. Вот и все, чем я мог бы вам помочь.

Майор уехал, а Хмара соображал, как быть в этой ситуации? Спустить на тормозах, тогда чем мотивировать отказ в приеме в партию? Да и допустимо ли, когда в районе числится больше трех тысяч погибших на фронтах, умолчать, покрыть мелкого позера, до войны публикующего патриотические призывы и торжественные клятвы, а на фронте предавшего Родину и служившего врагу? И его счастье, что нет на нем крови наших людей, не доказано, но молчать об этом нельзя во имя погибших, во имя тех, кто на своем хребте вынес тяготы тыла, тоже бывшего фронтом.

В день заседания Хмара собрал членов бюро за полчаса до начала работы и проинформировал, подкрепляя слова документами КГБ. Все были ошарашены. Договорились, что разговор с Кожиным будет вести только Хмара, в итоге голосование и отказ в приеме.

Кожин вошел в костюме, но все ордена с мундира перецепил на пиджак. Хмара указал ему на стул с торца стола, за которым сидели члены бюро. Началась обычная процедура: решение партийного собрания, заключение контрольной комиссии, вопросы к секретарю парткома. Наконец, заговорил Хмара. Его била мелкая дрожь, он с трудом держал на весу первый документ:

– Встаньте, Кожин. Скажите, где вы находились с октября 1942 по июль 1944 года?

Кожин помушнел, но держал себя в руках:

– На фронте, товарищ секретарь.

– Где, в каких войсках, на каком фронте?

– В учетной карточке военкомата все указано, товарищи члены бюро.

Хмара бросил на стол лист бумаги:

– Передайте ему. Это твоя подпись?

Кожин пробежал глазами копию своей расписки о согласии служить великому рейху и сел.

– Встать! – неожиданно крикнул Хмара. – Верни документ. Вот, товарищи, читаю: «Я, гражданин России Кожин Устин Денисович, настоящим подтверждаю, что добровольно соглашаюсь служить великой Германии и выполнять все приказы немецкого командования». Дата, подпись. В какой должности ты служил фашистам?

Кожин едва стоял, но ответил четко:

– В полиции.

– Полицаем был? Какие обязанности выполнял?

– Охрана объектов, иногда сопровождение.

– Кого и чего? Кого охранял и сопровождал?

– Склады, технику, учреждения.

– Не ври, Кожин, ты охранял советских военнопленных, тебя видели два наших земляка, как ты вытанцовывал перед шеренгой наших ребят, которые остались верны присяге. Они здесь. Спросить их? Отвечай, было?

– Было.

– Скажи, Кожин, на тебе есть кровь советских людей? Имей в виду, вот документы КГБ, тут все про тебя. Так пытал ты наших людей, расстреливал?

Кожин заплакал:

– Нет, матерью своей клянусь, не пытал и не расстреливал.

Хмара махнул рукой:

– После измены Родине нельзя верить ни одной твоей клятве. Откуда у тебя столько наград?

– У меня они записаны в военном билете, можете проверить.

– Вот подлец, и тут врет! Сними пиджак, военком, сорви с него ордена и медали, оставь только «За Победу!», хотя я бы и этой лишил. Все, Кожин, оттанцевал. В приеме в партию отказываем. Члены бюро, голосуем. Единогласно. Парторгу: собрать сессию сельского совета, вывести из депутатов и выгнать с работы. Председателю колхоза: никаких руководящих должностей, путь лопату в руки берет. Кожин, свободен. А жаль!

***

Утром, когда взошло солнышко, деревня уже отряхнула ночную дрему; на машинном дворе заводят трактора, юркие «Беларуси» выкатываются из ворот и в луга; ребятишки-копновозы сбегали в табун, у каждого своя лошадь, каждый припас для дружка подгоревшую хлебную корочку или кусочек сахара, набрасывают простенькую узду, развязывают путы; бабы гонят коров и молодняк за околицу, пастух Ерема залихватски бьет хлыстом, и выстрелы радуют его, как ребенка.

Вчера схоронили Фешу Бородину, не сбылось обещание докторши, так и ушла мать в поисках сына и его могилки. Провожали, как водится, всем селом, без оркестра и без речей, сообщали в военкомат, но никто не приехал.

Учитель физики Геннадий Васильевич и Нина Каурова зарегистрировались и в школьной столовой отгуляли свадьбу. Колхоз подарил молодым холодильник, а учителя скинулись на стиральную машину, современную, с отжимом. Доярки тоже в стороне не остались, всем коллективом пришли, и скотников своих привели, вручили квиток на оплаченную электроплиту с тремя конфорками и духовкой, надо только из магазина привезти.

Жена Кожина Ефросинья, когда узнала правду про мужа, собрала свои манатки в узел и ушла к сестре свое Дусе, одиноко живущей в большом дому. Мужу, соседи слышали, сказала: «Проклят ты от людей и от Бога, жизнь свою загубила с тобой, не знала радости материнской и внуков теперь не обнять. Не дал Господь детей, не тебя наказал, меня, а ты так жеребцом и пропрыгал эти годы. Неуж-то Бог простит тебя?».

Солнце поднялось уже высоко, обещая крестьянам сухую и жаркую погоду. Сенокос – работа артельная, дружная, с шутками, смехом, с вкусным супом с зеленью и сметаной, сваренным поварихой тут же, в сторонке на костре. И чай на травах с комковым сахаром и сливочным маслом, только вчера сбитым на молоканке.

Октябрь 2016 года.

ПОСЛЕДНЕЕ ОТКРОВЕНИЕ
Рассказ

В небольшом северном городке захватила меня непогода, аэродром закрыли, десятка два неприкаянных пассажиров, видно, не в первый раз, терпеливо пережидали пургу. На все вопросы ответ диспетчера был один: как только успокоится, всех и отправим. Я не стал терять время, достал из сумки диктофон и стал прослушивать запись своих северных разговоров. Пообещал редактору три очерка, он согласился, и совсем незнакомого журналиста отправил в столь солидную командировку.

Приближался полдень, но это только по часам, белесая пелена, затянувшая все пространство над аэродромом, над городом и над всей Северной стороной нисколько не изменилась, дул ветер, и кто-то огромный могучими пригоршнями бросал охапки сухого и колючего снега. Солнце иногда пыталось выглянуть и посмотреть, что там, внизу, но его сразу прятали снежные объятия. Я пошел в буфет, не особо рассчитывая на вкусный обед, встал в очередь, продолжая слушать. Кто-то остановился рядом и тронул меня за плечо:

– Простите, вы Устичев?

– Да, – ответил я, чуть обернувшись и вынимая наушник. Рядом стоял солидный мужчина в дорогом полушубке и аккуратных унтах, красивую шапку из неизвестного мне зверя держал в руках. Где-то видел этого человека, но сообразить не успел.

– Простите за бестактность, ждать нам долго, потому предлагаю поехать со мной, обед и ужин гарантированы, билеты продублируем по телефону, а самолет будет не раньше завтрашнего полудня.

Пока он говорил, я вспомнил, что видел его в областной администрации, он вел совещание по сельскому хозяйству, вел жестко, четко, требуя от выступающих конкретных объяснений и предложений. Кажется, он кого-то даже освободил от должности, отчего обстановка стала еще напряженней. Я тогда все доложил редактору, он, видимо, человек осторожный и хорошо знающий субординацию, предложил ограничиться краткой информацией. Было жаль потраченного времени.

– Не напрягайтесь, я Миргородский, заместитель губернатора. А вас знаю как писателя, дочка принесла несколько книг, прочитал, пока болел гриппом. И книги понравились, и портрет ваш запомнил. А потом вижу, в нашей газете печатаетесь. Так принимаете предложение?

Он куда-то позвонил из кабинета начальника, через полчаса в зал вошел мужчина и оглядел присутствующих, кого-то выискивая. Миргородский кивнул мне, мы вышли, уселись в «Волгу» и осторожно поехали в сторону города. Остановились у небольшого особнячка, закутавшаяся в шаль женщина встретила в вестибюле:

– Пожалуйста, Вениамин Матвеевич, номер готов.

– Нужен двухместный. Со мной товарищ.

– Хорошо, подготовим и ему номер.

– Я сказал: двухместный! И сразу хороший обед. Две бутылки коньяка. Тот, что вчера подавала, армянский. Помнишь?

Признаться, меня все смущало: почему большой начальник выбрал в компаньоны именно меня? Допустим, книги сыграли роль. Тогда почему он настаивает на двухместном номере? В одноместном же удобнее. К тому же я немного храплю, крайне неприятное обстоятельство. И приличный, как я понял, обед с коньяком – этому чем обязан?

– Ты опять напрягся? Не возражаешь, если на «ты»? Не этим определяется уважение, я всегда перехожу на официальный тон, когда хочу поставить собеседника на место. Знаешь, действует. Ввожу в курс: это гостиница бывшего горкома партии, я ее построил, когда работал первым, здесь все чика в чику, полный порядок. А я тебя сразу заметил, ну, и пригласил, когда понял, что все равно придется сутки коротать.

Две девушки принесли супницу, глубокие тарелки с мясом и рыбой, термос с кипятком. Достали из буфета горку чистых тарелок, из холодильника две бутылки коньяка, рюмки, лимоны и шоколад.

– Здесь как у товарища Сталина на даче: все приготовлено, а дольше самообслуживание. За этим столом сиживали большие люди. Кто? Косыгин Алексей Николаевич, премьер, как сейчас бы сказали. Бывал часто Байбаков Николай Константинович, Рыжков Николай Иванович, все вице-премьеры. Одно слово – Север, нефть, газ.

Хозяин положил в свою тарелку солидный кусок мяса с овощами, большую вилку и ложку передал мне: самообслуживание. Налил по большому фужеру коньяка, потянулся чокнуться.

– Прости, дорогой мой, я не запомнил твое имя.

– Леонид, Кириллович, если официально.

– Леонид. Был у нас и тезка твой Леонид Ильич. Хороший мужик, но стержня нет, и пропало все дело. Давай со знакомством.

Выпили, поели мяса. Перед очередным блюдом Вениамин Матвеевич налил еще по фужеру. Коньячные рюмки сиротливо стояли на краю стола.

– Давай выпьем за женщин, Леонид. Собственно, женщина и стала причиной нашего сегодняшнего знакомства. Непонятно, правда? Я поясню. Ты сны видишь?

– Бывает.

– Не придаешь значения. Может, в твои годы и правильно. Давай вздрогнем, как говаривали мы в годы комсомольской юности.

Вздрогнули. Я никогда не пил коньяк такими дозами и чувствовал, что пьянею.

– А я сегодня видел во сне женщину из далекой молодости. Честно признаюсь, что забыл ее напрочь, ни разу не вспоминал, правда, был один случай... А сегодня явилась во сне, как будто вчера расстались.

Он встал, порылся в портфеле и вынул пачку сигарет, закурил.

– Курить бросил, но сигареты держу на такой вот случай. Скажи, писатель, инженер моей души: почему женщина тридцатилетней давности вдруг приснилась и столько замутила в сознании? Я тебе все расскажу, не отказывайся, иначе я запью горькую и в губернию не попаду.

Он налил себе конька и выпил молча.

– В молодости я работал по комсомольской линии, получил отпуск, приехал к родителям в деревню. Июль месяц, грибной сезон. Отец мой только что получил от государства «Запорожца» с ручным управлением, у него правой ноги по самый пах не было, отпилили где-то под Кировоградом. Вот на этой машине возил я их с мамой по грибы. Отец все места груздяные знал, командовал, куда рулить, ставили машину в тень, отец указывал, куда нам идти, а сам отбрасывал костыли и передвигался на пятой точке. Кстати, нарезал груздей больше, чем мы с мамой. Но не в этом дело. Едем из леса через маленькую деревеньку Борки, а дело к вечеру, мама говорит:

– Сынок, чтобы дома в магазин не ездить, остановись возле лавки, возьми хлеба.

Я зашел в маленький магазинчик, смотрю – Лариса, в школе вместе учились, только она года на четыре младше. Конечно, обрадовались, не виделись лет пять. Спрашиваю, как жизнь, она улыбается:

– Нормально. После школы уехала в Омск, работала, училась в вечернем техникуме, замуж вышла, а как сына родила, муж меня и отправил по домашнему адресу.

– А почему ты здесь, а не дома у родителей?

– Отец не пустил с приплодом, а тут бабушка, его мама, приняла.

Я хлеб в авоську положил и смотрю на Ларису: красивая, фигурка девичья, волосы копной рыжеватые. Не удержался:

– Лариса, я к тебе вечером приеду? Можно?

– Приезжай, – кивнула она и покраснела.

Вечером помыл машину, попарился в баньке, и к ней. Лариса еще в магазине, порядок наводит на полках, потом ведро взяла и тряпку большую на деревянной швабре.

– Поберегись, – смеется, – а то уляпаю твои белые туфли.

Правда, я пододелся, надо же понравиться женщине, брючки светлые, белая рубашка, туфли. А тут неловко сделалось перед Ларисой, она и так устала за день, лицо раскраснелось, лоб влажный от пота. Беру я у нее тряпку, ведро, и, как учил армейский старшина Шкурко, лью воду на пол и работаю шваброй. Лариса села на прилавок, ножки поджала, смеется. И до того мне стало легко и хорошо, подошел к ней, обнял влажными руками, только ладошками не касаюсь, чтоб не испачкать, и крепко поцеловал. Кое-как она выпросталась из объятий, смутилась, но я ведь вижу, что ей приятно. А ворчит:

– Не можешь чуток потерпеть, а если бы зашел кто?

– И пусть. Кого нам бояться? Ты девушка свободная, я тоже.

– Не ври. Я поспрашивала, сказали, что женат. А зачем врать?

Конечно, мне неловко. Опять обнял ее, шепчу на ушко:

– Лариса, не надо об этом. Ты нравишься мне, правда, я едва вечера дождался. Не гони, а?

Она соскользнула с прилавка, оглядела мою работу, засмеялась. А смех у неё колокольчиком звонким, почти детский.

– Веня, ты вино пьешь? Я поставлю в коробку бутылку портвейна, стаканы, конфеты. Ко мне нельзя, не хочу, чтобы бабушка знала. К тебе поедем? – Она опять засмеялась своей шутке. – В машине посидим, выпьем за встречу. Ты меня до дома довези и встань за околицей, я через часик подойду. Сын же у меня, я говорила.

Дождался. Прибежала, платьице на ней легкое, шарфик газовый, теперь таких уж нет, вся светится, села рядом со мной, повернулась, ухватила за голову и присосалась, целует и плачет. Я даже испугался, отринул ее, а слезы-то радостные, с улыбкой.

– Ты не подумай, Веня, что я каждому мужику вот так на шею бросаюсь. Ты мне еще в школе глянулся, я совсем соплюшкой была, а ты

видный, отличник, комсомольский секретарь. Если хочешь – поинтересуйся, никто слова плохого про меня не скажет.

И опять жмется, я чувствую, что мелкая дрожь в руках, обнял, а она как-то обмякла вся, потом спохватилась, оттолкнулась и за коробку:

– Открой вино, а то зябко.

Врет, конечно, июль месяц, вечер прохладный, но в машине стекла подняты от комаров и мошкары. Выпили мы по стакану вина, портвейн был «три семерки», чистый, приятный. Ты, наверное, и не видел такого?

Я улыбнулся:

– Не успел.

Тут мой рассказчик насторожился:

– Прости, Леонид, я тут расслабился. Тебе не интересно?

– Интересно. Говорите.

– А что говорить? Предложил я Ларисе выйти из машины. За деревней березовый колочек на бугорке, насобирали сушняка, костер зажгли, я старое одеяло тайно от мамы прихватил, расположились с вином и конфетами. Опять обнимаемся, целуемся, она жмется ко мне, но мне воли не дает. Я крепился-крепился, а потом спросил напрямую:

– Лариса, если я тебе не нравлюсь, зачем согласилась, зачем целуешь до помрачения?

Она смеется:

– А я с прошлой пятилетки не целованная, вот, наверстываю. Венечка, милый, чуть поторопились мы со свиданием. Кроме поцелуев ничего пока предложить не могу.

А сама от смущения зарылась мне в плечо и легонько покусывает. Я к тому времени уже битый был мужик, мало чему мог удивиться, а тут такая по мне теплота пошла, так стало радостно, что слезу пробило. Лежим рядышком, обнимаю ее, трепетное тельце чувствую через ситцевое платьишко, волосы ее, полынкой пахнущие, вдыхаю, груди мяконькие губами отыскиваю. Лариса до уха моего дотянулась и говорит тихонько:

– Веня, ты меня не разбалуй, не надо так, я ведь и поверить могу, а ты через неделю пропадешь. И что мне тогда? В петлю? Нельзя, сына надо поднимать.

Что я мог ей сказать? Воздержался от скоропостижных обещаний. Так в объятиях и рассвет встретили. Уже светать начало,

зариться, как говорят у нас в деревне, Лариса легонько оттолкнула меня и прошептала:

– Измучились мы, все равно ничего не получится, увези меня домой, поспать до коров осталось два часика.

Подъехали к домику, она нежно, как ребенка, чмокнула меня в щёку, в губы:

– Завтра приезжай попозже, чтобы не ждать. Пока я разберусь с хозяйством. Ладно?

К вечеру следующего дня собрался дождь, забусил, прибил пыль на дороге, все живое под крыши загнал. Я оделся легонько, спортивный костюмчик, тогда трико называли, тапочки легкие, и в Борки. Лариса вышла уже по темноте, села в машину и смотрит на меня в упор. Я смутился:

– Что-то случилось?

– Случилось, да. – Она помолчала. – Веня, уезжай скорей домой. Я видишь, какая, как кошка: приласкал, так у ног и останусь, благодарная. Боюсь, что полюблю тебя. Да и уже люблю. Сегодня весь день только про тебя и думала. Понимаю, что глупости это, только у бабы по этой части ума никогда не хватает.

Помню, что смутило меня это признание. Одно дело, когда встретились, покурдались и расстались, а тут девчонка на таком серьёзе. Что я могу ей предложить? Женат, сыну второй год, а из партии и с работы попрут – это само собой. Понимаешь, – он плеснул в бокал конька и залпом выпил. – Понимаешь, было у меня ощущение, что это именно та баба, какая мне нужна. Красивая, чистюля, что на ней все скромненько, но приятно посмотреть, что в магазинчике её. И страстная, откровенная в чувствах, я терпеть не могу жеманниц. Душа к ней рванулась, это помню. Обнял тонкие её плечики, она опять в грудь уткнулась и что-то шепчет. Прислушался – ничего не пойму.

– Ты говори громче, Ларочка, я не пойму ничего.

– А тебе и не надо понимать. Я молю Бога, чтобы ты поскорей уехал и забыл меня.

– Мне в субботу надо выезжать, два дня осталось. Лариса, пойдем к тебе, бабушка спит...

– Нельзя. Мне будет стыдно.

Дождь стекал по стеклам машины, не оставляя никакой надежды на старенькое одеяло. Так и прообнимались, пока Лариса на часы не глянула:

– Ой, уже третий. Венечка, приезжай завтра.

Выходя, она крепко меня поцеловала и улыбнулась, я видел ее улыбку в свете слабенького фонаря:

– Весь день буду молиться, чтобы дождь перестал.

Дождь шел два дня подряд, мы смирились с судьбой и, как школьники, обнявшись, говорили о каких-то пустяках. В последний вечер я попросил Ларису взять немного денег. Она смутилась:

– Веня, я зарабатываю.

– Ты не поняла. Купишь себе часы золотые, подарок от меня. Возьми, прошу. Лариса, я буду скучать по тебе и всегда помнить. Мне так сильно хочется прижаться к тебе, всю тебя почувствовать. Я с ума схожу!

Она тихо шепнула:

– А я-то!

На том и расстались. Осенью меня направили в Москву в партийную школу, семью оставил дома, так что время проводил весело. Про Ларису и не вспоминал. На летних каникулах поехал к родителям, автобуса дожидаться не стал, остановил грузовик с зеленой полосой, был такой опознавательный знак для транспорта потребкооперации. Водитель, молодой мужчина моего возраста, не очень разговорчив.

– Ты через Доновку поедешь?

Он кивнул.

– Товар везешь?

Опять кивнул.

– В Борках продавцом Лариса работает?

– Нет, она теперь в Луговой.

– А почему?

– Замуж вышла, теперь жена моя.

Честно скажу, я испугался. Это же деревня, ничего не скроешь, мама моя мне выговаривала, что с толку сбиваю хорошую бабочку. Значит, и он мог знать про нас с Ларисой. Не думаю, что ему приятна эта встреча.

– А ты почему интересуешься?

Я ничего не успел придумать и ляпнул первое, что пришло в голову:

– Брал у неё в долг две бутылки водки, а рассчитаться не успел, уехал. И родителям не сказал.

Парень головы не повернул, сказал безразлично:

– Давай, я передам.

Я быстро вынул бумажник и протянул ему деньги. Он положил

бумажку в карман и продолжал рулить, не глядя в мою сторону. Любопытство побороло осторожность, и я уточнил:

– Скажешь, что от Миргородского.

– Знаю, – ответил он равнодушно.

Вот так, дорогой мой писатель, какие штуки выкидывает жизнь.

Я молчал. Получается, что эта романтическая история случилась не менее тридцати лет назад. Но почему он о ней вспомнил именно сейчас?

– Вениамин Матвеевич, вам сон напомнил о Ларисе?

– Да, сон. Но сон случился не просто так. Я недавно в гостях был у Ларисы. Признаться, на родине давно не бывал, родителей похоронил, родных никого. Ты знаешь, что мы пытаемся сохранить производство в деревне, но не всегда получается. Есть и в моем районе приличные частные предприятия, но есть населенные пункты, где вообще все производство загубили реформаторы хреновы. Сразу не подвернулся деловой человек, а временщики все прибрали к рукам, скот на колбасу, технику сбыли по дешевке. Народ остался без работы, выживай, как знаешь. Приехал я в родное село и ужаснулся: все мертво. Фермы растащили, поля заросли, в село понаехали чужие люди. Сидит в сельской администрации бывший парторг, старый мой знакомый. Пожаловался, такую тоску нагнал. Прикидываю, что могу сделать для земляков. Был у меня проситель с предложением серьезно заняться картофелем, вот, думаю, предложу ему здесь развернуться. Но главе ничего не сказал, а спросил:

– Неужели нет у тебя ничего, что бы сердце порадовало? Неужели мои земляки совсем руки опустили?

И он предлагает посетить семью, которая держит десяток коров, сотню овец, бычков продает на мясо. Машину легковую имеют и новый дом строят. А самое интересное в том, что в одном доме родители и дети с внуками, да так дружно живут, что всей деревне на зависть. Я кивнул: поедем, хоть одно приятное впечатление от посещения родины.

Приехали в Луговую, остановились у строящегося дома, рядом старый стоит и все вокруг обнесено хозпостройками, пригонами у нас зовут помещения для скота. Дело было осенью, по холодку, но скот пасется, разумный хозяин корма экономит. Встретил нас молодой мужчина и супруга его, пригласили в дом. Глава знакомит с молодыми и старшими хозяевами, у меня очки запотели, протираю стекла платком, руки пожал, а имен не расслышал. Хозяйка ставит на стол

большую жаровню с мясом, хлеба нарезала домашней выпечки, бутылку водки разлила по стаканам. Сын рассказывает про хозяйство свое, говорит, что плохо помогаем крестьянам. Спрашиваю:

– Что тебе нужно сегодня, чтобы работать без проблем?

Он сразу отвечает:

– Видел в агрофирме комплекс сенозаготовительный, но дорого, нам не подняться.

– Половину стоимости закроем бюджетом, вторую часть поделим на пять лет, но при условии, что для земляков будешь сено заготавливать по себестоимости плюс двадцать процентов ренты. Все с главой согласуете.

А мама его подсказывает:

– Сережа, проси доильный аппарат. Мне прямо жалко сноху мою любимую Клавочку. Когда все коровы растелятся, попробуй этот табун продоить. Сама хожу, помогаю.

Тут глава вмешался:

– Лариса Михайловна, мы же вам года три назад доильный аппарат продали!

– И что с того? Разве это машина? Одно слово: не иначе китайский, года не прослужил. Не в обиду начальникам – далеко вам до советского. Вот часики золотые, тридцать лет идут и ни разу не остановились.

У меня сердце зашлось: это же Лариса! Узнала, дала знак, что узнала, я поднял глаза, она улыбается той самой улыбкой. Чуть располнела, а лицо той же красоты, как я мог не узнать?! Смутился, встал изо стола, поблагодарил хозяев и вышел во двор. Молодые пошли провожать, а я ждал Ларису. Она подошла, подала руку. Я молча пожал и пошел к машине. Тронулись, она подняла правую руку, а левой смахнула что-то со щеки.

Вениамин Матвеевич замолчал, прижег сигарету, глубоко затянулся. Я не смел мешать. Было заметно, как сильно переживал он рассказанное.

– Понимаешь, Леонид, вот тогда я понял, что упустил. Жена, дети выросли, а семьи не было и нет. Да, я сделал карьеру, на мне огромная ответственность за аграрный сектор, миллионами распоряжаюсь, как своими. Многое могу позволить, а радости нет. Может, это было мое место в жизни около Ларисы? Мои дети сейчас доили бы коров, я помогал им построить дом, ласкал бы вот этих трех внучат, которые смирно сидели в соседней комнате и вышли только тогда, когда бабушка позвала проститься с гостями. Тогда я ее упустил. Ты знаешь,

есть еще одна деталь в этой истории. Перед отъездом от родителей я решил вымыть машину, под дождем на грунтовке три ночи, не оставлять же отцу свой грех. Протираю пыль в салоне, и вижу у правого сиденья внизу рычажок. Нажал – спинка откинулась назад. Я чуть не заплакал от досады. Понимаешь, этот рычажок мог все изменить. Мог. Переступив эту черту, я мог решиться на отчаянный поступок. Но ничего не произошло. Давай еще по чуть-чуть, и спать.

К обеду погода наладилась, нас привезли прямо к самолету, но при посадке мне сказали, что мой билет в другую машину, она стоит рядом. Кивком головы я попрощался со своим новым знакомым. Самолеты поднялись один за другим и взяли курс на юг.

Утром я пришел в редакцию и узнал страшную новость: вчера в самолете скончался заместитель губернатора Вениамин Матвеевич Миргородский.

– У него, видимо, слабое сердце, – сказал редактор. – В последнее время он был сам не свой, говорили, что даже ушел от жены и жил на даче. Как такое возможно в пятьдесят лет? Не понимаю.

Я не стал ничего ему объяснять, уехал домой и всю ночь просидел с бутылкой армянского коньяка, которую перед отъездом из гостиницы Вениамин Матвеевич засунул в мою сумку.

СОДЕРЖАНИЕ

Дурдом. *Роман*.....3
Иван Ермаков. Дорога к храму.
Документально-художественное повествование.....136
Подлог. *Повесть*.....231
На восходе солнца. *Повесть*.....408
Последнее откровение. *Рассказ*.....443

Современная русская проза

Ольков Николай Максимович

Собрание сочинений в пяти томах

Том 4

Ответственный за выпуск Н.И. Дорошенко
Технический редактор Е.И. Косырева

Подп. в печать .....2018 г. Формат 60x84 1/16
Бумага офсет №1. Гарнитура Newton C.
Печать офсетная. Печ. л.: 28.4
Тираж 100 экз. Заказ №

АНО «Редакционно-издательский дом
«Российский писатель»
119146, Москва, Комсомольский пр-т, 13
Тел. 8-962-965-51-64
sp@rospisatel.ru
www.rospisatel.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 230-20-52